

В.В. Желтов

М.В. Желтов

Учебное
пособие
для вузов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316; 32.001
ББК 60.5; 66.0
Ж 52

Рецензенты:

Вавилина Н.Д., доктор социол. наук, профессор;
Гомеров И.Н., доктор полит. наук, профессор;
Омеличкин О.В., доктор полит. наук, профессор

Первое издание данной книги было признано победителем 4-го Общероссийского конкурса «Университетская книга-2008»

Желтов В.В., Желтов М.В.

Ж 52 Политическая социология: Учеб. пособие для вузов. — 2-е изд., доп. и испр. — М.: Академический Проект, 2009. — 668 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-1070-3

Учебное пособие написано в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. На богатом отечественном и зарубежном материале в пособии последовательно рассматриваются основные блоки курса политической социологии: политическая власть, государство, политические режимы, политическое участие, политические силы и правление.

Рекомендуется студентам и преподавателям политологических, социологических, юридических, исторических факультетов, а также читателям, интересующимся политикой и историей политической мысли.

УДК 316; 32.001
ББК 60.5; 66.0

© Желтов В.В., Желтов М.В., 2008
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2009

ISBN 978-5-8291-1070-3

Предисловие

Данное учебное пособие представляет собой попытку системного изложения одного из важнейших направлений политической науки — политической социологии. Последние годы интерес к этой науке в нашей стране заметно вырос. Это связано с тем, что, во-первых, политическая социология обладает широкими возможностями анализа, интерпретации и объяснения политических явлений и процессов. В условиях глубокой трансформации российского общества, происходящей особенно активно в последние годы, научные подходы и выводы политической социологии оказываются не только актуальными, но и востребованными как научной общественностью, так и многими политиками. Во-вторых, авторы данного учебного пособия разделяют позицию той части научной общности нашей страны, которая убеждена — и подтверждает это своими научными исследованиями — в том, что развитие политической науки, в том числе и политической социологии, является важнейшим средством политического переустройства нашего общества. В-третьих, без глубокого знания политической социологии невозможно вести профессиональную подготовку высококлассных аналитиков как из числа политологов, так и из числа социологов. Не случайно политическая социология включена в качестве обязательной дисциплины Государственного образовательного стандарта для специальностей «Политология» и «Социология».

Данное учебное пособие подготовлено на основе обобщения опыта чтения курса «Политическая социология» на факультете политических наук и социологии Кемеровского государственного университета. Содержание лекционного курса на протяжении ряда лет обсуждалось на кафедре политических наук указанного факультета. Его отличительной особенностью является стремление органично сочетать обобщение подходов и достижений российских исследователей и ученых западных стран.

В предлагаемом читателю пособии последовательно раскрываются следующие разделы курса политической социологии:

— теоретико-методологические основы политической социологии, включающие в себя освещение вопросов объекта, предмета и научных основ данной науки, а также специальную главу, посвященную тому, что мы назвали «политическим объяснением»;

— политика и политическая власть. В этом разделе раскрывается с позиций политической социологии понятие «политика» и дается описание оснований политической власти;

— государство как основная категория политической науки. В данном разделе раскрываются вопросы формирования государства, нации и национализма, а также описываются траектории государственности;

— политические режимы (авторитарные и тоталитарные, а также основания современной демократии) раскрываются на основе богатого теоретического и эмпирического материала.

Совокупность данных разделов учебного курса позволит будущим политологам или социологам отчетливо представить то, что в политической науке иногда называют «рамками политической жизни».

Важное место в курсе политической социологии, как известно, занимают вопросы политической культуры и политической социализации. На основе этих двух явлений в обществе происходит воспроизводство социальных и политических отношений. Понятно, что авторы пособия не могли обойти стороной указанные темы, которые выделены ими в отдельный раздел.

«Участие в политической жизни» — так называется еще один раздел данного пособия. В нем рассмотрены следующие вопросы: социальное действие и социальные движения, политическое участие. Данные темы раскрывают целый комплекс вопросов, связанных с практическим участием людей в политике. Раздел «Политические силы» ознакомит читателя с такими категориями политической социологии, как гражданин и избиратель, политические партии и политические сообщества. Отдельная глава посвящена в данном разделе вопросам социологического анализа результатов голосования.

И наконец, заключительный раздел данного пособия, озаглавленный «Правление», раскрывает вопросы элит и лидеров, а также публичной политики.

Появление данного учебного пособия стало своеобразным результатом многолетнего сотрудничества и контактов авторов с учеными Франции, чему в значительной мере содействовал фонд «Дом наук о человеке». В частности, слова благодарности авторы данного пособия не могут не высказать в адрес бывших руководителей данного фонда — Клеманса Эллера и Мориса Эймара, а также и его нынешнего руководителя — Алена д'Ирибарна. Благодаря руководителям фонда авторы получали возможность общения с крупными и авторитетными учеными. В их числе Паскаль Перрино и Нонна Мейер — руководитель и ведущий научный сотрудник Центра по изучению политической жизни Франции (CEVIPOF), Пьер Фавр — профессор Парижского института политических наук, Анри Рей — ведущий научный сотрудник Национального фонда политических наук, политолог Жан-Ив Камю и др.

Особые слова благодарности авторы адресуют работникам Дома наук о человеке мадам С. Кольпар и мадам А. Ле Юеру, которые организационно содействовали научной работе соавторов пособия во Франции.

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

План главы

- 1.1. Объект политической социологии.
- 1.2. Предмет политической социологии.
- 1.3. Научный характер политической социологии.

Политическая социология является отраслью политической науки, объектом анализа которой являются политические феномены. Такое понимание указанной науки означает, что политические феномены должны подвергаться рассмотрению не только с позиций социологии, присутствующей в названии дисциплины, но и с позиций, например, истории идей или политической истории. С учетом этого политическая наука дает жизнь известному множеству подходов, которые конкурируют между собой и дополняют, каждый по-своему, анализ политических объектов и процессов.

1.1. Объект политической социологии

Политическая наука, основы которой были заложены еще в Древней Греции, обрела свою историческую легитимность в качестве научного средства анализа политических объектов. Социологический подход вооружает политическую науку научными методами и верифицируемыми теориями¹.

¹ См.: Chagnollaud D. Sociologie politique. P., 1997. P. 1; *Idem*. Science politique. P., 1999. P. 1

Встает вопрос: чем отличается (и отличается ли) политическая социология от политической науки? Ответ на него не так прост, как может показаться на первый взгляд. Иногда утверждается, что политическая социология является частью политической науки как более широкой научной совокупности. Если соглашаться с такой постановкой вопроса, то политическая социология, казалось бы, должна иметь собственный объект изучения и располагать своими собственными методами исследования. Но, как показывает история этой науки, невозможно определить объект политической социологии, который решительно отличался бы от объекта политической науки. Более того, как считают французские политологи, например, не существует политической науки, которая не была бы в то же время и политической социологией¹.

Нужно сказать, что употребление терминов «политическая социология», «политическая наука» до настоящего времени не приобрело строгой определенности. В США, например, термин «политическая социология» употребляется мало. Там предпочитают говорить о политической науке, о политологии. В Западной Европе приоритет отдают термину «политическая социология», а термин «политология» используется редко².

На известную близость политической социологии и политологии указывает, например, и профессор Санкт-Петербургского университета Г.П. Артемов, говоря, что на уровне понятий и теорий эти науки малоразличимы³.

Тем не менее в рамках политической науки можно выделить более или менее институционализированные тематические подполя, которые могли бы быть отнесены к политической социологии. Объектом политической социологии выступают социально-политические отношения. Они охватывают отношения между классами, другими социальными группами, этносами, между странами-государствами, поколениями, профессиональными структурами и т. п.

¹ См.: Darras É., Philippe O. (dir.) La science politique, une et multiple. P., 2004; Lecomte J.-Ph. Sociologie politique. P., 2005. P. 20.

² См.: Предвечный Г.П. Основы политической социологии. Выпуск первый. Ростов н/Д, 1990. С. 11; Политическая социология. Ростов н/Д, 1997. С. 8.

³ См.: Артемов Г.П. Политическая социология.: Курс лекций. СПб., 2000. С. 30.

Политическая социология углубленно изучает всю совокупность проблем, связанных с социально-политическими отношениями, сознанием, культурой, деятельностью, законами их функционирования и изменения. Но, конечно же, в центре внимания находится анализ политики и политической деятельности во всех сферах жизни общества.

Объект политической социологии образуется как совокупность неких частных объектов изучения: политические партии и разного рода общественные движения, политические элиты и публичная политика, политическое поведение и политическая мобилизация и т. д.

Со всей определенностью нужно подчеркнуть, что политическая социология не обозначает некое особое поле изучения или некую особенную совокупность объектов. Политическая социология определяет *подход к анализу этих объектов*. Причем этот подход составляет сердцевину едва ли не всех исследований политической науки.

Отметим и еще одну важную деталь. Даже, казалось бы, далекие от политической социологии отрасли политической науки (политическая теория или политическая мысль, например) имеют тесные связи с ней. К тому же политическая наука как наука не может не руководствоваться научными критериями или императивами, которые в свое время были выработаны и обоснованы выдающимися социологами Эмилем Дюркгеймом и Максом Вебером и которые используются едва ли не во всех социальных науках. В этом смысле, отмечает Жан-Филипп Леконт, политическая социология и политическая наука в тенденции совпадают. И вся политическая наука, обобщенно говоря, является политической социологией¹.

Правда, такая постановка вопроса особенно характерна для французской политической науки. Подходы в этом вопросе в других странах, в том числе и в России, как мы уже отмечали, несколько отличаются. И это отличие связано с тем, что политическая наука (в нашей стране, как правило, используется термин «политология») все-таки существенно отличается от политической социологии, прежде всего по объекту исследования.

В самом деле, как отмечает один из ведущих российских социологов Ж.Т. Тощенко, объектом политической социологии является *гражданское общество*, суть кото-

¹ См.: Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 20.

рого, по Гегелю, состоит в том, чтобы интересы государства и интересы личности признать равнозначными, однопорядковыми¹.

Гражданское общество возникло как оппонент государству, породив многочисленные образования (партии, общественные организации, добровольные объединения, ситуативные или постоянные гражданские инициативы и т. д.), которые оспаривают, подвергают сомнению и выдвигают альтернативные способы решения государственных проблем.

Гражданское общество как контрпартнер государства — *это совокупность определенным образом организованных исторически сложившихся форм и ценностей совместной жизнедеятельности, которые созданы и функционируют на основе свободного волеизъявления и которыми люди руководствуются во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной.*

Такое понимание позволяет сделать важный вывод: именно политическая жизнь гражданского общества является объектом политической социологии. По убеждению Ж.Т. Тощенко, политическая социология раскрывает отношение общества к государству и институтам распределения и формирования власти. Это отношение проявляется прежде всего в направлении политического сознания и политического поведения людей. Политическая социология, значит, призвана ответить на вопрос, как осознаются индивидами, социальными группами и слоями, партиями и общественными организациями существующая политическая реальность, властные отношения, политические права и свободы. Рассмотрение указанных вопросов позволяет выявить, как гражданское общество соотносится и взаимодействует с политическими институтами и структурами².

Даже такая широкая интерпретация объекта политической социологии не охватывает всего комплекса

¹ Подобную точку зрения разделяет и видный французский политолог Доминик Кола, утверждающий, что политическая социология может быть определена как наука о гражданском обществе (см.: Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 6).

² См.: Политическая социология: Учебник для вузов / Под ред. чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко. М., 2002. С. 11–13.

вопросов, связанных с этим объектом. На наш взгляд, вполне справедливо некоторые политологи ставят вопрос о том, что объектом политической науки, и политической социологии в том числе, является все то, над чем размышляют и что исследуют специалисты этих наук, а также все то, что преподается, например, в высших учебных заведениях на специальностях, изучающих политическую жизнь и политическую теорию с позиций законов и закономерностей их развития. Это позволяет определять в качестве объекта политической социологии все феномены, чей политический характер в данном обществе и в данный момент социально определен, подтвержден или признан¹.

Не вызывает сомнения и тот факт, что объектом политической социологии является *государство*. Государство, как известно, определяет человеческие и территориальные рамки публичного действия и институционную организацию политического общества, которая позволяет определять и осуществлять это публичное действие. И в этом смысле государство, с определенными уточнениями, безусловно, является неким эквивалентом древнегреческому *полису*. Однако государство не является неким привилегированным объектом политической социологии, даже несмотря на то, что эта форма политической организации общества на современном этапе приобрела, по сути дела, универсальный характер.

С точки зрения науки выдвижение на роль одного из главных объектов политической социологии государства встречает определенные сложности. До сих пор нет ясности в том, что такое государство. Кроме того, нельзя учитывать того факта, что государство как форма организации общества существовало не всегда. К тому же в некоторых «примитивных» африканских обществах наших дней также нет до сих пор государственной организации в полном смысле этого слова. Нет никакой гарантии того, что государство будет существовать всегда. Вряд ли можно определять в качестве государственной организацию, например, ливанского общества после кровавого конфликта лета 2006 г. С большой оговоркой можно говорить о существовании государства в современном Ираке, а также Афганистане. В то же время нельзя отрицать того, что эти общества являются политическими.

¹ См.: Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 30–31.

И еще об одной трудности в данном вопросе. Государство, при всей важности этого политического института, является далеко не единственным элементом политической сферы. Политический анализ общественного развития, что является неотъемлемой частью политической социологии, не может не учитывать роли и места в жизни общества таких феноменов, как средства массовой информации, церкви, религии, разнообразные лоббистские структуры и т. д., влияние которых не только сопоставимо, но в отдельные периоды может превышать влияние самого государства.

Объектом политической социологии не может не являться феномен *власти* во всех ее проявлениях¹. Нет необходимости доказывать, что власть является условием существования общества, совместной жизни людей. Она является одновременно надеждой и необходимым условием жизнедеятельности человека, а также его тяжким бременем и ношей. А потому власть не может оставаться вне поля зрения как всей политической науки, так и политической социологии.

Именно в рамках подходов политической социологии открывается возможность изучения всякого рода неполитических в том числе организаций, а также так называемых неэтикетических актеров, играющих существенную роль в политической жизни. Это означает, что в поле зрения политической социологии оказываются профсоюзы, общественные движения, элиты, группы давления и т. д. Кроме того, объектом изучения политической социологии оказываются разного рода террористические организации, преступные сообщества, деятельность которых неизбежно выходит в область политики.

1.2. Предмет политической социологии

Определяя политическую социологию как науку политическую, неизбежно сталкиваются с вопросом разграничения предметного поля политической социологии и политической науки (политологии). По мнению видного американского ученого Сеймура Липсета, обе эти науки изучают сферу взаимодействия государства и общества,

но каждая из них рассматривает ее с разных сторон: политическая социология начинает с общества и исследует его влияние на государство (формальные институты распределения и осуществления власти), а политология начинает с государства и исследует его влияние на общество¹.

Такой подход позволяет сделать и следующий вывод: политическая социология рассматривает в большей мере *поведенческие*, а политология — *институциональные* аспекты политики. Для политической социологии политические институты являются разновидностью средств социального действия людей (наряду с экономическими и др.). Для политологии политические действия людей являются одним из факторов возникновения, существования и развития политических институтов.

Различия между политической социологией и политологией наглядно проявляются в их подходе к политическим институтам, играющим существенную роль в общественной жизни. Нет никакого сомнения в том, что институты включены в социальное действие, являются его неотъемлемой частью. Однако нельзя не видеть и того, что они — часть самостоятельной, *объективированной*, реальности, существующей и развивающейся независимо от людей как субъектов этого действия. Автономность институтов обусловлена тем, что в них воплощена деятельность многих поколений людей, и тем, что они создаются и используются коллективными усилиями дифференцированного общества, отдельные составные части которого действуют также независимо друг от друга. В результате получается парадоксальная ситуация: средства социального действия отделяются от создающих и использующих эти средства субъектов действия и приобретают по отношению к последним принудительную силу. В то же время именно субъекты служат источником этой силы, поддерживают существование институтов своей активностью. Более того, субъекты социального действия создают и разрушают институты в соответствии со своими потребностями, интересами и представлениями.

Как отмечает профессор Г.П. Артемов, политологию поэтому в большей степени, чем политическую социоло-

¹ См.: Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 204.

логию, интересуют политические институты, являющие собой самостоятельную часть политической реальности, регулирующей поведение людей. Политическую социологию, наоборот, в большей степени интересуют действия людей (интеллектуальные и практические), осуществляемые ими в процессе создания, использования и изменения политических институтов (политической жизни)¹.

Вот почему, по справедливому замечанию Ж.Т. Тощенко, самой сутью политической социологии является *анализ политических процессов с точки зрения личности, людей как членов гражданского общества*².

Неудивительно, что в свете такого понимания предметом политической социологии выступает политическое сознание и поведение личности как субъекта политической жизни. Личность, вне всякого сомнения, является неотъемлемым элементом (компонентом) группы, слоя или определенной этнической общности. Однако она является собой самостоятельный феномен, который в зависимости от конкретных обстоятельств включается в политическую деятельность, олицетворяет ту или иную степень политической свободы данного общества.

Следует сказать и об особенностях политики как важнейшего феномена жизнедеятельности общества. Принципиально важные, а в отдельных случаях судьбоносные решения в демократическом обществе принимаются на коллективном уровне, например на основе волеизъявления граждан, выявляемого при помощи всенародного голосования. Это факт. Однако это коллективное решение является, в соответствии с принципами демократии, совокупностью *решений, принимаемых на индивидуальном уровне*. Уже только в силу этого каждый человек, каждый гражданин является субъектом политических отношений. А потому сознание и поведение людей в сфере политики всегда является весьма важным моментом политической социологии.

Это подтверждается хотя бы тем, что последние десятилетия характеризуются решительным подъемом социальных движений. Это проявилось, в частности, в возникновении в конце 60 — начале 70-х гг. прошлого столетия новых социальных движений (НСД), в рамках

¹ См.: Артемов Г.П. Указ. соч. С. 31.

² См.: Политическая социология: Учебник для вузов. С. 13.

которых люди самой разной политической ориентации протестуют против расовой и национальной дискриминации, против милитаризма, ущемления прав женщин, ухудшения положения молодежи, против растущей бюрократизации государства и коррупции, против хищнического разрушения природной среды и негативных последствий процессов глобализации и т. д.

Возрастание роли личности в политической жизни находит свое выражение и в деятельности политических партий, разного рода групп интересов и групп давления, общественно-политических движений и корпоративизма, которые оказывают значительное влияние на развитие политических процессов в данном обществе, на решение наиболее значимых для общества проблем. Исследование специфики и особенностей социальных движений органично входит в предметную область политической социологии.

В современной России законодательством созданы все необходимые условия для активного участия граждан в решении вопросов местного управления и самоуправления, для гармоничного согласования интересов, установок и настроений людей с деятельностью органов местной власти. Тенденции и закономерности развития, например органов местного самоуправления, также являются предметом политической социологии.

Таким образом, в широком смысле слова тенденции и закономерности участия граждан в политической жизни, в решении ими вопросов общественного развития органично входят в предметную область политической социологии.

Предметом политической социологии являются законы взаимодействия всех структур и сфер жизнедеятельности общества с политикой, социально-политические потребности, интересы, деятельность личностей, социальных групп, этносов (народов), их организаций, движений, институтов¹.

Нужно сказать, что социологический взгляд на политические феномены отличается от взглядов на них же самих политических субъектов (активистов, избирателей, политиков и т. д.), подход которых нередко определяется стремлением оправдать свои действия (свое голосование,

¹ См.: Политическая социология. Ростов н/Д, 1997. С. 8–9.

свой выбор политической партии, свои обязательства перед избирателями и т. д.). Социологический взгляд отличается решительный отказ от ценностного суждения, что характерно, например, для политической философии, которая в значительной мере ориентируется на определение в политической жизни справедливого или несправедливого, добра или зла и т. д. Отличается политическая социология и от такой близкой ей дисциплины по объекту изучения, как конституционное право.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что задача политической социологии заключается в том, чтобы описать и объяснить реальность политических феноменов, а не рассматривать их с позиции того, что должно было бы быть или что могло бы быть в «принципе» или в «теории», или с позиции измерения того, в чем и насколько те или иные политические феномены в своем функционировании отходят, например, от юридических норм. Последнее положение вовсе не означает того, что с позиции политической социологии не нужно считаться с правовыми положениями и нормами. Уважение права, в широком смысле этого слова, является обязательным условием жизнедеятельности демократического общества. Однако сама норма права (конституция, право на объявление войны и т. д.) не относится, строго говоря, к реальности, которая имела бы, по своей сути, ценность или некую высшую значимость по отношению к другим нормам. Есть основания утверждать, что право (при всей его важности) имеет относительное значение, во всяком случае в том, что касается объяснения наблюдаемых политических феноменов. Говоря таким образом, мы имеем в виду то, что право, в рамках политической социологии, является принудительным или ориентирующим *реально* средством влияния на поведение индивидов, групп, институтов и иных субъектов политики. Это с одной стороны. А с другой стороны, право является ресурсом, которым располагают или нет те или иные социальные актеры.

Следует сказать и о том, что социологический подход к политическим объектам или феноменам решительно отличается от взглядов журналистов, наблюдающих за развитием политической жизни. Это отличие заключается в том, что журналисты при анализе политики руководствуются своей, особой профессиональной логикой. Эта логика определяется стремлением привлечь (или удер-

жать) внимание читателя или зрителя (слушателя) к тому или иному политическому явлению. А это предполагает, как минимум, определенное упрощение сложности той или иной политической реальности, или иерархизацию политических феноменов, что нередко отвечает интересам только определенной социальной группы или определенному настроению в обществе. Отсюда появляется то, что в материалах журналистов может присутствовать как переоценка, так и недооценка роли и значения конкретного политического явления или факта.

1.3. Научный характер политической социологии

Научный характер политической социологии отличают некоторые особенности, связанные со спецификой объектов ее изучения. А потому критерии научности политической социологии существенно отличаются от критериев, которые применимы в этом вопросе к естественным наукам.

Взять, к примеру, критерий *возможности опровержения опытом*, который был предложен Карлом Поппером¹ в его работе «Логика научного открытия», изданной в 1934 г.

Стремясь отыскать критерий, который позволял бы отличать «подлинную» науку от «лженауки», К. Поппер отвергает идею, согласно которой повторяемое подтверждение того или иного феномена экспериментом позволяет будто бы выводить закон, имеющий научную ценность. К. Поппер исходит из того, что некоторые научные теории не поддаются подтверждению экспериментом или наблюдением, а также из того, что экспериментальное подтверждение теоретического положения не является гарантией того, что это положение является научно обоснованным. Исходя из этого, К. Поппер отказывается от привычного подтверждения экспериментом научного закона. Он вводит понятие «*опровержение*»: если эксперимент не может

¹ Поппер Карл (1902–1994) — британско-австрийский философ и методолог науки, выдвинувший в качестве критерия научного знания принцип фальсифицируемости. Политический философ, известный бескомпромиссной критикой тоталитаризма, в особенности его эпистемологических основ, создатель концепции открытого общества.

подтвердить теорию и тем самым подтвердить ее научный характер, то он может попытаться ее опровергнуть. Вместо поиска бесконечно большого количества подтверждающих теорию фактов, делающих тем самым окончательное подтверждение невозможным, надо попытаться найти хотя бы один факт, ее опровергающий. Отсутствие такого факта в данный момент подтверждает новую теорию, но еще не делает ее истинной в абсолютном смысле: в дальнейшем могут быть найдены доказательства, опровергающие самую неоспоримую в данный момент теорию, что собственно и произошло с физикой Ньютона после создания Эйнштейном теории относительности¹.

Таким образом, то или иное научное положение или теория будут подлинными (или научными) не тогда, когда они подтверждаются опытом, а тогда, когда они этим опытом не опровергаются. Это предполагает тем самым, что такой подход позволяет отличать подлинную науку от лженауки. Именно на основе критерия *опровержения* открывается возможность определения так называемых лженаук. К такого рода «научным» теориям (лженаукам) К. Поппер относит психоанализ, марксистскую диалектику, а также астрологию.

Согласно К. Попперу, та или иная научная теория, тот или иной научный результат имеют смысл и научную ценность только применительно к тем *условиям*, которые позволили получить или подтвердить теорию или определенный научный результат. Это важно потому, что в таком случае имеется возможность воссоздать эти условия и верифицировать полученные результаты.

Нельзя не отметить и того факта, что указанное положение имеет ограниченное значение для социальных наук, а также для политической социологии. Это связано с тем, что невозможно воссоздавать социальные и политические условия в жизни общества, которые позволили бы проверку (опровержение) научных положений, например общественных наук.

Неудивительно, что данное положение К. Поппера воспринималось и воспринимается социологами и поли-

¹ См.: Мир политической науки: Учебник: В 2 кн. Кн. 2. Персоналии. Путеводитель по науч. биограф. и концепциям ста видных представителей полит. мысли / М.Г. Миролюков; Под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД России (МГИМО-университет). М., 2005. С. 381–382.

тологами далеко не однозначно. И это понятно, если учесть, что выводы, которые делают на основе социологического анализа, не являются универсальными в силу того, что логика построения и интерпретации объектов данного типа анализа всегда связана с контекстом самого существования указанных объектов. При этом социологические выводы и интерпретации в той или иной степени основываются в каждый данный момент не только на строго научных положениях, но и на обычных, «естественных рассуждениях» обычных людей, которые, строго говоря, бывают довольно далеко отходящими от науки как таковой, а тем более от критерия К. Поппера. А потому социологические исследования не являются подлинно научными. Точнее их было бы назвать, пользуясь определением французского социолога Жан-Клода Пассерона, «правдоподобными» или «принимаемыми за истину». Эпистемологический режим социальных наук, согласно Ж.-К. Пассерону, является режимом «правдоподобия», а не «истины»¹.

Э. Дюркгейм и проблема методов политической социологии

Правда, это не значит, что выводы социологов, в том числе и изучающих политические феномены, являются ненаучными. Научный характер такого рода выводов определяется строгими правилами проведения социологического анализа, которые были определены в свое время еще Э. Дюркгеймом. Для изучения социальных и политических явлений вплоть до наших дней сохраняет значение предложенная Дюркгеймом классификация «фактов». Он выделил три их разновидности:

— *научный факт*: XIX век нередко называют веком романтизма. Но он был одновременно и веком сциентизма². В этой связи нельзя не сказать о том, что пионеры социальных наук в XIX в. начали активно использовать методы «точных наук», в частности физики;

¹ См.: Passeron J.-C. Le Raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel. P., 1991.

² Сциентизм (лат. scientia — знание, наука) — абсолютизация роли науки в системе культуры, в духовной жизни общества; в качестве образца рассматриваются естественные науки, математика.

— **стратегический факт:** в XIX в. социология испытывала острую потребность в инструментах научного анализа, которые отличали бы этот анализ от литературного описания общества, что было представлено в произведениях целого ряда писателей того времени;

— **политический факт:** прежде всего, перед Дюркгеймом стояла задача определить место этого рода фактов между университетским проектом учебной дисциплины и интеллектуальным проектом по укреплению республиканских ценностей.

Вклад Э. Дюркгейма в разработку проблем научности социологии не ограничивается, конечно же, указанной классификацией фактов.

В фундаментальной работе «Les règles de la methode sociologique»¹, написанной в 1895 г., Э. Дюркгейм формулирует **правила**, которые способны поднять социологию и, конечно же, политическую социологию до уровня науки.

Первое правило заключается в признании существования **социальных фактов**, т. е. «способов мышления, деятельности и чувствования», которые «обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний», и они «наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему (индивиду. — В. Ж., М. Ж.) независимо от его желания»².

Отсюда следует:

— «общество», глобальное или частичное, представляет собой автономную совокупность, которая управляется собственными законами; при этом общество не сводимо к совокупности его частей;

— происхождение социальных фактов заключено в меньшей степени в мыслях или индивидуальном поведении, чем в материальных и символических структурах общества.

Второе правило (Дюркгейм его называет основным) заключается в том, что «**социальные факты нужно рассматривать как вещи**»³:

— социальные факты сами по себе следует отделять «от сознающих и представляющих их себе субъектов»⁴;

¹ См.: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 5–164.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 52.

— социальные факты, освобожденные от индивидуальной воли, могут быть таким же точно объектом исследований, как наблюдаемые, обезличенные, измеряемые природные факты;

— отношения каузальности, установленные между двумя или несколькими социальными фактами, позволяют выявить постоянные законы функционирования общества;

— социолог и политолог таким образом могут вернуть перед собой и созерцать карту социального, как если бы они находились вне общества.

Этот проект объективации, материализации общества мог бы и не иметь успеха, если бы «социологический довод» не подкреплялся «доводом статистическим». В процессе познания и анализа социальных фактов **статистика выступает как метод в полном смысле этого слова**. Только статистика способна оценить факты в их глобальном измерении вне зависимости от частных их проявлений. Факт становится социальным с того момента, как выявляется его статистическая регулярность¹. Сегодня просто невозможно представить социологическую и политическую науки (включая и политическую социологию), которые не обращались бы к данным статистики.

Третье правило состоит в следующем: «**нужно систематически устранять все предпосылки**»:

— социолог (это в полной мере относится и к политологам!) должен отказаться от идеологий или пристрастий. Он должен свести до минимума свои **личные предпочтения** в целях достижения максимальной объективности;

— он должен освободиться от «ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы» для того, чтобы поколебать раз и навсегда иго эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим²;

— приведенное выше требование предполагает, чтобы еще перед началом исследования социолог сформулировал «**предварительное определение**», которое позволило бы ему «**построить объект своего исследования**».

¹ См.: Delas J.-P., Milly B. Histoire des pensées sociologiques. P., 2005. P. 143–144; Baudelot C., Establet R. Durkheim et le suicide. P., 1984. P. 23.

² См.: Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 55.

В своей работе «Самоубийство», написанной в 1897 г., Э. Дюркгейм последовательно применяет определенные им методологические правила. Во-первых, он демонстрирует, что такой индивидуальный и даже интимный акт, как самоубийство, может рассматриваться как **социальный факт** и в силу этого стать объектом социологии.

Во-вторых, он вырабатывает «предварительное определение» самоубийства, прежде чем уточняет объект своего исследования и освобождается от общепринятого мнения. Согласно Дюркгейму, самоубийством является «всякий смертельный случай, который прямо или косвенно является результатом позитивного или негативного акта, исполненного самой жертвой, и который должен был привести к такому результату»¹.

Наконец, он оперирует европейской статистикой самоубийств, в меньшей степени обращая внимание на индивидуальный характер акта. Его в большей степени интересует **уровень самоубийства** как постоянный и измеряемый индикатор совокупности объективных корреляций.

В этой работе Э. Дюркгейм предложил оригинальную классификацию самоубийств. Он выделяет три основных типа самоубийств: *эгоистическое, альтруистическое и аномическое*. **Эгоистическое самоубийство** имеет место в случаях слабого воздействия социальных (групповых) норм на индивида, остающегося наедине с самим собой и утрачивающего в результате смысл жизни. **Альтруистическое самоубийство**, наоборот, вызывается полным поглощением обществом индивида, отдающего ради него свою жизнь, т. е. видящего ее смысл вне ее самой. Наконец, **аномическое самоубийство** обусловлено состоянием аномии общества в целом, когда социальные нормы не просто слабо влияют на индивида (как при эгоистическом самоубийстве), а вообще практически отсутствуют, когда в обществе наблюдается нормативный вакуум, т. е. аномия².

¹ См.: Baudouin J. Introduction à la science politique. P., 1998. P. 18; Delas J.-P., Milly B. Histoire des pensées sociologiques. P., 2005. P. 147.

² Дюркгейм указывает и на четвертый тип самоубийства — фаталистский, который должен служить симметричным антиподом аномического самоубийства, но не рассматривает его специально вследствие его незначительной распространенности.

Но при этом Э. Дюркгейм не оспаривает ни индивидуального характера акта самоубийства, ни его характерного основания. Его интересуют только отношения, которые порождают множество индивидуальных актов и вся совокупность социальных детерминант. А это уже во многом политическая сторона проблемы.

Несмотря на то что впоследствии это исследование Дюркгейма подвергалось критике с различных точек зрения, оно единодушно признается одним из выдающихся достижений не только в изучении самоубийств, но и в социологии в целом¹.

Время, прошедшее после написания Дюркгеймом этой знаменитой работы, лишь подтвердило правоту французского ученого. Более того, были выявлены и подтверждены политические переменные, влияющие на развитие данного социального явления.

Как показали исследования ученых, число самоубийств возрастает при консервативных правительствах и значительно уменьшается, когда у власти находятся левые. Такой вывод был сделан на основе двух исследований, проведенных независимо друг от друга, учеными из Сиднея (Австралия) и Бристоля (Великобритания). В процессе исследования были учтены многие факторы: рост валового национального продукта, появление на рынках новых антидепрессантов, а также влияние межнациональных конфликтов на социальное здоровье нации.

Было выяснено, что с приходом к власти Маргарет Тэтчер в 1979 г. уровень смертей в Британии резко возрос. С появлением на политической арене более лояльного Джона Мэйджора уровень самоубийств несколько снизился, а при лейбористе Тони Блэре опустился до самой низкой отметки. В итоге за время правления консервативной партии свели счеты с жизнью на 35 000 человек больше, чем это могло бы быть, правь в то время в Англии лейбористы.

Результаты австралийских ученых еще нагляднее. При правых число желающих уйти из жизни среди мужчин возросло в среднем на 17 процентов, а среди женщин — почти в два раза.

¹ См.: История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. М., 1997. С. 336–337; Желтов В.В. Введение в политическую науку. Кемерово, 2003. С. 25–29.

По словам австралийского профессора Ричарда Тейлора, причины этого явления тем не менее до конца не ясны. «Это может быть связано только с экономической ситуацией, а может быть, с тем, что при консерваторах растут неравенство и бедность. Не исключено, что при левых люди больше ощущают социальную значимость и свою защищенность»¹. В таком выводе явно присутствует политическая составляющая социального факта «самоубийства».

Ценности и политическая социология

Значительную роль в проведении научных исследований имеют ценностные суждения, да и сами ценности, принятые в данном обществе. Этому вопросу значительное внимание уделил в своем творчестве Макс Вебер, который предложил свою версию понимания сути научного исследования. Как известно, Э. Дюркгейм полагал, что социальные науки призваны объяснять социальные и политические факты. М. Вебер исходит из иного понимания предназначения социальных наук, включая, вне всякого сомнения, и политическую социологию: *объяснять и понимать те же самые социальные и политические факты и феномены*. При этом речь у Вебера вовсе не идет ни о суждении, ни о дискриминации или определении справедливого или несправедливого, добра или зла и т. д.

Вебер в вопросе о ценностях не полностью нарушает позитивистскую традицию. Он согласен с тем, что нужно освободиться от «ценностных суждений». *Ученый описывает, интерпретирует, но не предписывает*. Но Вебер говорит и о том, что «вызывает беспокойство» в социологическом исследовании. «Первичная задача ученого — научить своих учеников признанию, что существуют некомфортные факты; я понимаю, — утверждает М. Вебер, — под этим факты, неприятные для личного мнения индивида»².

Он считает, что социология не может быть «консервативной» или «реформистской». Она должна *понять* комплексные факты, которые изучает. И эти факты могут быть интерпретированы.

¹ Континент. 2002. № 42. Октябрь.

² Baudouin J. Introduction à la science politique. P. 24.

М. Вебер выделяет несколько типов понимания.

К *первому типу* он относит *понимание через прямое наблюдение*. Примером тому может служить наблюдение на телеэкране безмерной радости, благополучия того или иного современного российского политика, его, как правило, раскованное поведение и эмоциональная мимика, наступательный характер речи, далеко не всегда обоснованной рациональной аргументацией. Показной оптимизм, самоуверенность, нередко соседствующая с демагогией, односторонность в суждениях — все это скрывает от наблюдателя (телезрителя) истинный характер тех или иных событий или взглядов. А потому, согласно М. Веберу, прямое наблюдение еще недостаточно, чтобы понять суть социального действия.

Второй тип интерпретации социального действия — *объяснительное понимание*. Оно предполагает выяснение *мотивов* конкретного социального действия. В приведенном нами примере наблюдателю помимо оценки поведения политика перед телекамерой нужно понять, чем вызвано его наблюдаемое поведение. Чтобы осуществить этот тип понимания, необходимо, как считает М. Вебер, поставить себя на место индивида, чье поведение мы пытаемся объяснить, и тем самым выявить мотивы, стоящие за его действиями.

Третий тип — *причинное объяснение*. Оно предполагает выяснение того, что инициировало сами мотивы, которые привели к соответствующим социальным действиям. Здесь социолог настаивает на необходимости обнаружить связи между *целой серией действий или событий*. Для этого необходимо провести серьезные социологические исследования. Подобного рода исследования осуществил сам М. Вебер, стремясь, в частности, выявить связи между религиозными этическими принципами и поведением индивидов, особенно их экономической и политической деятельностью. Связи эти, как правило, *латентны, скрыты, не лежат на поверхности*. Для их выявления требуются интеллектуальные усилия, чтобы «заглянуть за» конкретные социальные действия индивидов¹.

¹ См.: Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001. С. 59–61.

М. Вебер отступает от позитивизма, когда отделяет «ценностное суждение» (которое он отвергает) от «соотношения ценностей» (что он считает неизбежным).

— Существует «соотношение ценностей», когда ученый отделяет в эмпирической реальности факты, которые являются объектом исследования. «Понять», по М. Веберу, не означает выработку позитивного или негативного суждения о том или ином социальном действии. Для политической социологии куда важнее другое — отыскать доводы, на основании которых могут быть объяснены действия индивидов.

Приведем два примера. Не имеют уж очень большого значения личные мнения генерала Ш. де Голля и маршала Ф. Петэна о своих действиях в июне 1940 г. С позиции политической социологии необходимо понять, почему два человека, являющихся выходцами из одной и той же социальной среды, в отношении немецкой оккупации Франции заняли прямо противоположные позиции¹. Или взять другой пример. Изучение религиозной практики в той или иной стране означает, что за «фактами» религиозности признается определенная ценность, а также и то, что они определенным образом иерархизированы.

— Именно на основе «соотношения ценностей» исследователь стремится **понять** смысл, которым актеры социальной жизни наделяют свои действия.

— «Понимающая» социология требует, чтобы была тщательно воссоздана объективная ситуация, в которую вписывается изучаемое действие.

— Она признает различие между смыслом, придаваемым социологом изучаемому социальному действию, и смыслом действия конкретного индивида.

— «Понимающая социология» отказывается от «аксиологического² нейтралитета»: пытаться «понять» намерение актера не означает того, что это намерение нужно подвергнуть воздействию моральной или идеологической переменной.

¹ См.: Baudouin J. Introduction à la sociologie politique. P., 1998. P. 29.

² Аксиология (гр. axios — ценный + логия) — теория ценностей — обобщенные устойчивые представления о предпочитаемых благах, объектах, значимых для человека, являющихся предметом его желания, стремления, интереса.

В работе «Идеология» социолог Р. Будон пытается конкретно проиллюстрировать веберовский метод. На примере «луддистского движения» начала XIX в. он делает вывод о том, что «насилие» над машинами, установленными на фабриках, является «нерациональным» с точки зрения производства. Однако оно является «рациональным» с точки зрения опасений рабочих. Согласно Будону, «понимающая» социология основывается на том, что она учитывает такие «основания». Понимание означает «интерпретирующее постижение... некоего часто повторяющегося явления»¹.

Нужно отметить, что М. Вебер не противопоставляет **объяснение** и **понимание** социальных фактов. Наоборот, оба эти элемента он объединяет в рамках единого процесса осмысления социальной и политической реальности. Для понимающей социологии принципиально важное значение имеет не только то, что выявляет и осмысливает сам исследователь, но и то, что по тем или иным явлениям или фактам думают участники событий, с ними (явлениями и фактами) связанные. Думается, правомерно Ж. Бодуэн сравнивает социолога (политолога), стремящегося «понять» социальный факт, с актером, получившим приглашение на роль. Как и актер, социолог призван «войти в положение персонажа», которого нужно сыграть на сцене, выразить общий смысл действия пьесы, показать логику сценической интриги.

В то же время позиция понимания ставит перед исследователем ряд проблем. Прежде всего, его подстерегает опасность, что субъектами социальной и политической жизни может предписываться ясность в осознании ими социальной реальности. Вера в то, что все члены общества обладают способностью адекватно осмысливать свое социальное окружение и свои собственные действия, является не более чем иллюзией. В рамках любой социально определенной ситуации индивиды испытывают на себе воздействие тех или иных детерминант, которые накладывают отпечаток на индивидуальное поведение. Изучение этого воздействия и есть одна из важных задач политической социологии. Признание за индивидами разнообразия их социального поведения является

¹ Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 609.

отражением комплексного характера и общества, и всего социального мира.

Еще одна трудность для исследователя, по М. Веберу, заключается в том, что социальное действие, в отличие, например, от судебного решения, редко характеризуется ясностью своих мотивов и целей. Бывает подчас весьма непросто выявить подлинные мотивы того или иного социального действия. Нередко они определяются тем, что получило наименование бессознательного. При этом в понимающей социологии мотивы и причины того или иного действия не должны смешиваться. Более того, даже установленные *мотивы* и *причины* не исключают того, что именно индивид является единственным носителем и выразителем значимого поведения.

Наконец, третья опасность, с которой может столкнуться исследователь, заключается в том, что нельзя полагать, что существует некая адекватность между субъективными намерениями актеров социальной жизни и их реальными действиями. Невозможно полагать, что одно намерение актера социального действия или некая их сумма способны привести к тому или иному желаемому результату. Это связано с тем, что *не существует изолированного социального действия*. В процессе своего осуществления оно артикулируется с другими социальными действиями, что является, опять же, отражением комплексности социальных процессов и отношений. А потому М. Вебер различает *«субъективно определенный смысл»* действия того или иного социального актера и *смысл, которым наделяет его действие исследователь*.

Классическим примером понимающей социологии является произведение М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»¹, в котором он рассматривает капитализм с точки зрения его конфессионального происхождения. В этом произведении М. Вебер проводит строгое разделение между «верованиями» и «ценностями», которые оказывают прямое воздействие на действия протестантских предпринимателей и на тот результат, к которому эти действия приводят. Пуритане исповедуют материальный аскетизм, отрицают личное обогащение и методически инвестируют результаты своего труда в свою область деловой активности.

Такого рода деятельностью они в решающей степени содействовали становлению современного капитализма.

Другой пример являют собой события 1968 г. во Франции. Большинство активистов событий «красного мая» 1968 г. были убеждены в том, что своими протестными действиями они стремятся покончить со «старым миром» и радикально трансформировать общество. При этом в ходе указанных событий значительная часть из числа активистов «гошистских организаций» приобрели бесценный опыт, компетенции и знания, которые потом позволят им стать яркими личностями в самых различных областях деятельности. Оказалось, что все то, что активисты «красного мая» 1968 г. рассматривали как «генеральную репетицию» революции, в определенный момент станет средством их рекрутирования в состав правящей элиты общества.

Эти два примера наглядно демонстрируют логику артикуляции «объяснения» и «понимания». Имеется существенное различие между «субъективно определенным смыслом» и «объективно определенным смыслом». В приведенных выше примерах интерпретация этого смысла при помощи объяснения позволяет показать в первом случае возникновение нового способа производства, а во втором — существенную модификацию правящей элиты во Франции, которая произойдет в последующие годы. Нужно сказать и о том, что «понимающий» подход не противопоставляет «объективное» и «субъективное». Он открывает возможность для осмысления того, как значимые социальные практики могут участвовать в преобразовании мира. В последующем подход М. Вебера использовали американские социологи Питер Бергер и Томас Лукман в своем произведении «Социальное построение реальности», изданном в 1966 г. в Нью-Йорке¹.

Классификация социального действия

Метод интерпретации на основе понимания реальности не мог не поставить вопрос о классификации социальных действий. С того момента, как социолог или политолог ставит перед собой задачу осмыслить или, точнее, понять «субъективный смысл», который участники (агенты) социального действия придают этим действиям,

¹ См.: Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 60–272.

¹ См.: Baudouin J. Introduction à la sociologie politique. P. 31–32.

перед политической социологией возникает потребность классифицировать такого рода действия на основе той или иной их мотивации.

М. Вебер выделял четыре типа социального действия.

Традиционное действие — действие, основанное на привычке к определенным действиям, получающим в связи с этим почти автоматический характер и минимально опосредованным осмысленным целеполаганием. Традиционное действие представляет собой лишь «автоматическую реакцию» на привычное раздражение движущейся в русло однажды усвоенной установки. В итоге возникает социальное поведение, характерное для повседневной жизни людей, в основе которого оказывается привычка. Такого рода поведение характерно и для религиозных групп или сообществ.

Аффективное действие — действие, основной характеристикой которого является эмоциональное состояние действующего субъекта. Это может быть любовная страсть или ненависть, гнев или воодушевление, ужас или прилив отваги. Главное в таком действии — стремление к немедленному (или максимально быстрому) удовлетворению страсти, владеющей индивидом: стремление отомстить, желание «снять напряжение», вождение и пр. Такое поведение находится на границе осмысленного и сознательного человеческого действия.

Рациональное действие — действие, характеризующееся ясностью и однозначностью осознания действующим субъектом своей цели, рационально соотносенной с осмысленными средствами, обеспечивающими ее достижение. Такое действие, будучи действием социальным, ориентировано на ожидания других людей. Оно строится субъектом с учетом соответствующей реакции других людей на это действие, а также предполагает использовать их поведение для достижения поставленной цели.

Ценностно-рациональное действие — действие, основанное на вере в безусловную ценность (религиозную, этическую, эстетическую или любую другую) **самого этого поведения**, взятого в своей ценностной определенности как нечто **самодостаточное и независимое от его возможных результатов**. Смысл указанного действия заключается не в достижении какой-либо внешней цели, но **в его собственном** определенном — религиозном, этическом, юридическом или эстетическом — **характере**,

которым утверждается **абсолютность** соответствующей **ценности**. Ценностно-рациональным образом действует лишь тот человек, который, несмотря на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, человеческом достоинстве, красоте, религиозным заповедям, представлениям о благочестии, правах человека и т. д.¹

Разновидности социального действия, по М. Веберу, являются идеал-типическими. Они далеко не исчерпывают всего многообразия мотивации и характера социального и политического поведения социальных субъектов. В то же время, опираясь на указанные типы социального действия, исследователь имеет возможность измерять различие между воображаемой картиной этих действий и их реальностью.

Следует сказать и о том, что указанная классификация М. Вебера является иерархизированной. Можно выделить две группы типов социального действия внутри этой классификации. Одна из них представлена традиционными и аффективными действиями, для которых характерно так называемое механическое поведение, другая группа представлена рациональным поведением, которое поддается рассмотрению с точки зрения понимающей позиции.

Понимающая социология открывает путь «методологическому индивидуализму» (об этом речь пойдет чуть ниже), преодолевающему противоположность «субъективного» и «объективного». Она напоминает, что если есть **объективная реальность**, то она **структурируется значимыми для индивидов практиками**.

Подход М. Вебера с позиции понимающей социологии позволяет преодолевать полярность, присущую социологической традиции, между «методологическим коллективизмом», или, говоря иначе, «методологическим холизмом» и «методологическим индивидуализмом». Указанная полярность сложилась издавна. Она имеет своих сторонников и в наши дни. И она отражает два разных подхода к пониманию и интерпретации социальной реальности, а также социальной организации. Так, некоторые исследователи различают «холистские общества», типичным примером которых является Индия, где индивид жестко подчинен коллективным принципам жизнедеятельности,

¹ См. подробнее: История теоретической социологии: В 4 т. Т. 2. М., 1997. С. 360–369.

и «общества индивидуалистические», которые сложились в большинстве стран, к примеру, Западной Европы, где индивид обладает несомненным первенством перед коллективами всех уровней, и это определяет тип политического и социального режима в этих странах. Добавим: между рассматриваемыми методологическими подходами нет непроходимой стены. Каждый из них может использоваться для анализа социальной и политической реальности. Например, с помощью индивидуалистических методов можно интерпретировать холистские институты, а на основе холистских методов — исследовать группы индивидов.

Получается так, что различие между двумя указанными методологическими подходами носит во многом ложный характер. Это наглядно сумел продемонстрировать Норберт Элиас¹, который поставил в центр своего осмысления общества концепцию «конфигурации». Этим термином Н. Элиас определяет цепи зависимости и взаимозависимости, которые объединяют между собой индивидов и которые с необходимостью структурируют их социальную жизнь. Трудно не согласиться с Н. Элиасом в том, что он не делает жесткого разделения между «индивидом» и «обществом». Индивид испытывает на себе влияние социальных структур, в которые он включен, а общество не существует без индивидов, из которых оно состоит и которые его поддерживают своими верованиями и действиями.

Все это действительно так. Однако, когда речь идет о методах объяснения и понимания социальных действий, различие между холизмом и индивидуализмом приобретает первостепенное значение. Опора на методологический индивидуализм позволяет избегать исключительно утилитаристской интерпретации мотивации социального действия. Социология М. Вебера лишней раз напоминает нам о разнообразии мотиваций человеческого действия и его связанности с ценностями и интересами.

Понимающая социология позволяет уравновесить влияние структурных принуждений и волевых проявлений индивидов в построении социальных процессов. Подход М. Вебера не отрицает полностью некоего влияния «холизма», имеющегося в каждом обществе. Речь идет об институтах, традициях, верованиях, нормах. Более того,

методологический индивидуализм как бы ставит их всех на свое место в обществе, рассматривая их как некие внешние условия социального действия. А это открывает возможность для более глубокого понимания феноменов социализации и интериоризации. Однако одновременно рассматриваемый метод не отрицает существования индивидуального, не всегда адекватно объяснимого с точки зрения мотивации (а иногда и просто иррационального) поведения индивидов.

И еще об одной «добродетели» методологического индивидуализма. Этот метод позволяет устанавливать отношения «равенства» между наблюдателем (исследователем) и наблюдаемым (объектом наблюдения). Это означает, что при анализе социальной и политической реальности значимым является не только мнение исследователя, но и мнение так называемых рядовых граждан. В итоге происходит сближение «знаний ученого» и «знаний простых людей».

Вне всякого сомнения, существуют значительные отличия между интерпретациями социальной реальности учеными и рядовыми членами указанной реальности. Но эти отличия в понимающей социологии ограничиваются самим процессом познания. И оно не связывается жестко со статусом указанных представителей. В итоге стирается различие между «научной социологией» и «социологией добровольной» (или «спонтанной»). А потому призывы к тому, чтобы порвать с так называемым «здоровым смыслом», «предпонятиями», как бы повисают в воздухе. Однако это открывает возможность использовать при анализе социальной и политической реальности способность человека к проявлению эмоций, возмущения и воображения. Без учета такой способности просто невозможно осмыслить факт едва ли не тотальной поддержки немцами власти А. Гитлера в первые годы существования нацистской Германии. Именно эмоциональная составляющая многое объясняет в политических событиях, имевших место на рубеже 80 — 90-х гг. прошлого века на пространствах бывшего содружества социалистических стран и в СССР. Настроения и чувства людей оказали существенное влияние и в ходе так называемых «цветочных» революций в Югославии, Грузии и Украине.

¹ См.: Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

План главы

- 2.1. Политическое объяснение на основе принципа социального принуждения.
- 2.2. Интериоризированное принуждение (П. Бурдьё).
 - А. Структурирование социального пространства.
 - Б. Механизм символического принуждения.
 - В. Клеймо абсолютного господства.
- 2.3. «Методологический индивидуализм».
 - А. «Утилитаристский» индивидуализм.
 - Б. «Ограниченная рациональность» актера (М. Крозье).
- 2.4. Системный анализ.
- 2.5. Системный подход Д. Истона.
- 2.6. Политическое объяснение и политическая философия.

Краткое описание подходов к анализу социальной реальности выдающихся социологов Э. Дюркгейма и М. Вебера выявляет существенные различия между ними в том, что касается **интерпретации** социальных фактов. Первый из них, как было уже отмечено, настаивает на социальном детерминизме поведения индивидов и групп индивидов. То же самое можно сказать и об отношении Дюркгейма к интерпретации политических фактов. Они, по Дюркгейму, также социально детерминированы и должны объясняться на основе их тесной связи с социальной тотальностью и ее «законами». Это означает, что политические факты обладают иллюзорной автономией и подчиняются «управлению» другими, более глобальными феноменами.

Применительно к «политическому анализу» подход, основанный на социальном принуждении, характерен

прежде всего для марксистской традиции, а также для сторонников, например, школы крупного французского социолога и политолога П. Бурдьё.

Другой подход используется в рамках социологии М. Вебера. Он в значительной мере релятивизирует, а иногда просто игнорирует детерминизм социальных структур в пользу стремления придать значение индивидуальным действиям и осмыслить их логику. Такой подход заложил основы для возникновения в будущем, как мы уже отмечали, методологического индивидуализма¹.

Наконец, нельзя не сказать о системном анализе и том большом значении, которое он имеет для понимания и объяснения политических фактов. Эвристическое достоинство системного анализа заключается в том, что на его основе открывается возможность осмысления, а значит и объяснения, политических взаимодействий.

2.1. Политическое объяснение на основе принципа социального принуждения

Согласно марксистским представлениям, экономическая и социальная структуры, формируемые на основе изменяющихся и развивающихся производительных сил и производственных отношений, порождаемых этими силами, предопределяет политическую, юридическую и идеологическую суперструктуры общества. Государство в таком подходе является инструментом защиты интересов правящего класса. Об этом весьма красноречиво писал К. Маркс в предисловии к первому изданию своей работы «К критике политической экономии» в 1859 г.: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определенные формы обще-

¹ См.: Желтов В. В., Желтов М. В. История западной социологии: этапы, идеи, школы. Кемерово, 2004. С. 730–755.

ственного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни общества. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

В соответствии с таким пониманием общественного развития К. Маркс и многие его последователи отрицали автономию политики или, точнее, наделяли ее вторичным статусом. А политические объекты ими рассматривались как объекты, предопределенные экономической структурой. Политическая суперструктура, которая формально возвышается над экономической инфраструктурой, по убеждениям марксистов, является выражением классово-вой борьбы, которая, в свою очередь, порождается противоречиями способа производства.

По-своему марксисты трактуют вопросы возникновения и функционирования государства. Оно возникает на основе борьбы против феодализма, и самим фактом своего появления государство знаменует утверждение капиталистического способа производства и господства буржуазии. Государство является собой форму политической организации, с помощью которой утверждается в обществе определенный политический порядок, обеспечивающий социальное господство правящего класса — буржуазии. Об этом со всей определенностью писал Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1893): «Государство является продуктом общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство...»

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, т. к. оно в то же

время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»¹.

В наследии К. Маркса и Ф. Энгельса можно найти положения, в соответствии с которыми за государством в определенных исторических ситуациях признается известная самостоятельность, способность действовать не только в интересах буржуазии, но и в интересах всего общества. Однако эта «независимость» государства в условиях классовой борьбы проявляется только в случаях равновесия сил противоборствующих сторон. Такая ситуация, например, была отмечена в ходе государственного переворота 2 декабря 1851 г. во Франции, когда внутренний конфликт правящего класса — буржуазии «привел» в центр политической борьбы именно государство. Можно найти у классиков марксизма и положения о том, что суперструктуры оказывают влияние на инфраструктуру, когда политика прямо воздействует на экономику например. И тем не менее классическим положением марксизма является утверждение о том, что экономика обладает первенством перед политикой.

В последующем экономический детерминизм марксизма был подвергнут критике целым рядом сторонников данного учения. Назовем таких политических мыслителей из числа марксистов, как А. Грамши, Л. Альтюссер или Н. Пуланзас, которые решительно выступили против жесткого подчинения политики экономике. К тому же они выдвинули идею о реабилитации понятия «идеология». В частности, А. Грамши различает в суперструктуре два элемента: *гражданское общество*, связанное с идеологией во всех формах (религия, право, культура, информация и т. д.), и *политическое общество*, образуемое государством и его аппаратом принуждения и насилия. В странах, где гражданское общество не получило достаточного развития, государство является главным инструментом господства правящего класса. В иных странах, в которых

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989. С. 176, 178.

сложилось и утвердилось гражданское общество, государство вносит значительный вклад в утверждение идеологического господства буржуазии. Такое господство А. Грамши определял как «гегемонию». Гегемония — это такое господство, которое основывается на использовании немалых возможностей идеологии в деле утверждения в обществе ценностей правящего класса и его власти.

Л. Альтюссер, в свою очередь, выдвинул концепцию «идеологических аппаратов государства» (церковь, школа, семья, право, СМИ и т. д.), которые «функционируют» на основе идеологии, наряду с «репрессивным аппаратом государства». Идеологические аппараты государства имеют целью поддержание неизменности сложившихся производственных отношений, их воспроизводство на основе буржуазной идеологии. Эти аппараты действуют относительно автономно в ходе обеспечения воспроизводства господства правящего класса.

Эти и другие инновации понимания и практики марксизма не смогли спасти его от исторического поражения, которое он потерпел на исходе XX столетия. Во многом это поражение было связано с утопическим характером марксистского учения.

Утопизм марксистского учения

В «Тезисах Фейербаха» К. Маркс выдвинул одно из ключевых положений марксизма: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹. Работа по осмыслению социального порядка, по Марксу, является напрасной, если она не связана с критикой капиталистической эксплуатации и выдвиганием революционного проекта трансформации общества.

Можно назвать несколько положений марксизма, которые пронизывают его содержание.

В эпоху современного капитализма «пролетарии», которым нечего терять, кроме цепей, становятся ядром революционного процесса.

Пролетариат — единственный социальный класс, частный интерес которого совпадает с коллективным интересом общества.

Столкновение между «пролетариатом» и «буржуазией» неизбежно: насилие является повивальной бабкой истории.

Победивший пролетариат устанавливает «временную диктатуру» для того, чтобы уничтожить эксплуататоров и создать условия для появления нового общества.

«Коммунистическое общество», или «управление вещами», заменяет «управление людьми» и представляет собой конечную цель революционного творчества пролетариата.

Р. Арон усматривает в мыслях Маркса и в факте утверждения марксизма в качестве некой «светской религии» появление идеологии, нацеленной на утверждение коммунистического общества как общества без классов, без несправедливости, без государства, устанавливающего счастье на Земле.

Утопизм марксизма заложен в его социологическом проекте:

— в отличие от Э. Дюркгейма и М. Вебера, которые исключали «ценностные суждения» социологического подхода, марксизм соединяет социологию с идеей трансформации мира;

— «аутентичная» политическая социология, по Марксу, — это социология, которая познает капиталистическое общество в целях его разрушения и установления нового порядка;

— марксистская политическая социология, назовем ее так, является одновременно «пророком» и «борцом», а остальные социологии являются реакционными.

Жизнь не подтвердила постулаты К. Маркса и его последователей. Неудивительно, что в последние годы происходят значительные изменения и в самом марксизме.

Истощение пророческого измерения

Кризис марксизма наглядно виден на примере истощения его *пророческого потенциала*:

— марксизм платит высокую цену за несбывшиеся предсказания в отношении судьбы капитализма;

— марксизм страдает от дискредитации коммунистических обществ в западных странах. Демократизация стран «народной демократии» в Восточной Европе, произошедшая бескровно в конце 80 — начале 90-х гг. про-

шлого столетия, является свидетельством негативного отношения на научном и массовом уровне к марксистской теории;

— марксизм утрачивает влияние на всех континентах.

Нужно отметить также эволюцию «интеллектуального рынка» (П. Бурдьё). Рынок отдает предпочтение «экспертам» и «информаторам» в ущерб интеллектуальной среде, до того испытывавшей на себе влияние марксизма. «Левый интеллектуал», архетипом которого долгое время, во Франции например, был Ж.-П. Сартр¹, похоже, сегодня обречен на исчезновение.

Реабилитация социологического измерения

Марксизм сохраняет свое влияние в социальных науках за счет *святскости* своего содержания. С одной стороны, он стремится освободиться от пророческой функции в пользу социологической. С другой — марксизм теперь вынужден «сожительствовать» с другими системами мысли:

— так, в Германии появилась школа неомарксистов² (М. Хоркхаймер и Т. Адорно), которая сочетает секуляризацию и открытость марксистской мысли. Эта школа была ориентирована на выработку «критической теории» капитализма и включение в свою основу фрейдизма;

— сегодня в англосаксонских странах развивается «аналитический марксизм», использующий максимы методологического индивидуализма при анализе социальной мобилизации в развитых странах (Джон Элстер, Адам Пшеворски);

— неомарксизм стремится модернизировать концепцию господства: Ю. Хабермас вмещает позднему капитализму тенденцию к «колонизации мира», П. Бурдьё идентифицирует «механизмы символического насилия», воспроизводящего классовое неравенство, в то время как И. Валлерстайн изучает империалистическую логику отношения центра и периферии.

¹ Сартр Жан-Поль (1905–1980) — французский писатель, философ и публицист, глава французского экзистенциализма, пытался дополнить марксизм экзистенциальной социологией. В 60-х гг. выступил как идеолог лево-радикального экстремизма.

² См.: Желтов В.В. Политические идеи современности. Кемерово, 2006. С. 65–74.

Марксистская мысль, связанная с другими интеллектуальными течениями, может сохранять в наши дни свою *полезность* как инструмент познания современного капиталистического общества и как социально корректирующая сила. Однако марксизм пока, похоже, не может предложить новые политические и социальные альтернативы. Он не является, используя метафору Сартра, «непреодолимым горизонтом нашего времени»¹.

2.2. Интериоризированное принуждение (П. Бурдьё)

Еще более сложной представляется парадигма принуждения, сформулированная некоторыми современными учеными, представляющими марксистскую традицию. Согласно их представлениям, принуждение выступает не как форма неявно выраженного насилия, не как тонкая форма управляющей идеологии. Оно интериоризируется каждым индивидом без прямого участия государства в этой специфической «работе» идеологии.

Во Франции это направление долгие годы персонифицировал собой видный социолог Пьер Бурдьё (1930 – 2002), который немало сделал для актуализации ряда положений марксизма. При этом он не ставил свою научную деятельность на службу той или иной партии или определенной политической идеологии. П. Бурдьё является наследником социологической традиции, берущей начало от Э. Дюркгейма и М. Вебера, включая и подходы М. Мосса². Система интерпретации, разработанная П. Бурдьё, как бы «раздробила» политический объект. В самых различных социальных полях (школа, живопись, мода, вкус, тело и даже мультипликация) он выявлял отношения господства, которые во многом определяют взаимодействие индивидов.

Разделение на господствующих и господствуемых, по Бурдьё, существует во всех социальных полях. Образование же единого автономного политического пространства является подтверждением того, что господствуемые инди-

¹ Желтов В.В. Введение в политическую науку. Кемерово, 2003. С. 36–38; Baudouin J. Introduction à la science politique. P., 1998. P. 26–29.

² Мосс Марсель (1872–1950) — французский этнограф и социолог, племянник и ученик Э. Дюркгейма, сторонник идей Жана Жореса. Основные работы посвящены изучению архаических обществ.

виды принимают все то, что связано с господством в своей естественной среде жизнедеятельности, в которой организуется их политическая активность. И эта политическая активность определяется детерминантами социального порядка. Поле, для П. Бурдьё, является системой структурированных борьбой отношений и управляемой на основе социальной логики, которая определяет позиции участников данного соперничества. Так, видный французский политолог Жак Лагрюа пишет: «Производство и воспроизводство господства — такой является главная особенность политического поля. Его специфика заключается в том, что господство внутри него организовывается при помощи механизмов и институтов, наделенных особыми свойствами»¹.

А. Структурирование социального пространства

Социальное пространство в его человеческом выражении разделяется, по Бурдьё, на две категории агентов: с одной стороны, «господствующие», которые накладывают отпечаток на все общество, а с другой — «господствуемые», которые подчиняются первым.

Однако эта *summa divisio* фактически является тройственной, т. к. внутри каждого «поля» существуют категории «претендентов» стремящихся в свою очередь оспорить существующую гегемонию.

В то же время существует и разделение, которое осуществляется по «принципу гомологии» (сходства) внутри каждого из полей социальной реальности. Существуют, например, культурное поле, поле образовательное или религиозное, внутри которых всегда имеются «господствующие» и «господствуемые» авторитеты, а также авторитеты, «претендующие» на господство.

Наконец, по П. Бурдьё, внутри социального пространства циркулируют «капиталы», т. е. разнообразные ресурсы, весьма неравномерно распределенные между различными социальными группами. Он выделяет три вида капиталов — материальные, культурные, символические. К **материальному капиталу** относят финансы, валюту, землю, недвижимость и т. д. К категории **культурного капитала** относят научные и педагогические звания,

разного рода таланты, обладателями которых является ограниченное число граждан. Наконец, **символический капитал** образуют личная харизма, социальное признание, семейные титулы.

В таком подходе открываются более широкие возможности для марксистской традиции. Во-первых, борьба между «господствующими» и «господствуемыми» не исчерпывается антагонизмом **капиталисты—пролетарии**. Неравномерное распределение капиталов между различными социальными группами открывает возможность для появления и осуществления значительно более широкого разнообразия отношений и стратегий. При этом необходимо учитывать, что агенты социальных процессов и отношений, обладающие, например, экономическим или финансовым капиталом, могут не блистать в культурном или артистическом полях. И наоборот, те, кто лишены экономических капиталов, могут воспользоваться культурным или символическим капиталом для осуществления своего влияния. Так, аристократы, лишенные своих титулов или различий, для сохранения социального престижа могут идти на заключение выгодных брачных союзов с представителями неаристократической части общества. Как мы уже отмечали, активные участники событий 1968 г. во Франции, выступавшие решительно против существовавшей тогда политической системы, в последующем совершили «реконверсию» в политической области. Опираясь на полученные практические и культурные знания, многие из них позднее заняли высокие политические посты в правительстве, высшей администрации, журналистике, экономике и т. д.

Б. Механизм символического принуждения

Это один из оригинальных вкладов в политическую теорию П. Бурдьё. Оставаясь верным марксистскому тезису, согласно которому разделение общества на антагонистические классы заложено в «принципе» социального господства, а также и легитимного насилия, П. Бурдьё не сводит насилие только к его физическому проявлению. На примерах анализа демократического общества он рассматривает более комплексно и глубоко «функционирование» этого насилия. Речь у него в большей мере идет о **символическом насилии**, чем о насилии физическом.

В чем выражается символическое насилие?

Господствующие в данном обществе фракции правящего класса стремятся навязать или в масштабе всего общества, или на уровне каждого отдельного социального поля нормы, дефиниции, поведение, которые воспринимались бы как «легитимные» другими социальными агентами и которые в большей или меньшей степени определяли бы их стиль жизни. Эти претензии на легитимность верований и практик осуществляются по всем регистрам социальной жизни. Речь, значит, идет не только о политической, образовательной, культурной или экономической деятельности, но и о таких вещах, как мода на одежду, кулинарные вкусы и пристрастия, способы отдыха и времяпровождения и т. д.

С другой стороны, речь идет об «эвфемическом» насилии, т. е. о господстве в социально приемлемой форме. Что это значит? Насилие является «**принятым**», когда агенты, осуществляющие вполне определенные действия (практики), не ощущают обычно, что действуют под принуждением. Это насилие является «**натурализованным**», т. е. таким, что распространяемые верования и принятое поведение воспринимаются управляемыми как «естественные».

Можно, вслед за П. Бурдьё, утверждать, что «символическое насилие» представляет собой процесс «натурализации социального», банализации и легитимации неравного распределения благ и выгод.

И наконец, речь идет об «**интериоризированном**» насилии. Это означает, что каждый социальный агент, в силу своей социальной позиции, что называется добровольно, участвует в таких действиях, которые вытекают из осуществляемого принуждения. Практические действия индивидов и групп регулируются определенными принципами, которые не требуют их личного понимания, тем более что институты, призванные осуществлять «монополю на принуждение», не вмешиваются прямо и нарочито в процесс «воспроизводства» господства.

Вот почему в основании социологии П. Бурдьё лежит концепция **габитуса**. Об этом речь пойдет впереди. Сейчас же отметим, что этим термином обозначается «система интериоризированных диспозиций», «структурированная матрица восприятий и позиций», которыми располагает каждый индивид, в силу своего социального статуса, и которые ориентируют его поведение внутри

социального пространства, определяя его выбор, вкус, позиции. А потому вовсе нет нужды в «классовом государстве» или в совокупности «идеологических аппаратов государства» для того, чтобы реактивировать господство, которое «естественно» воспроизводится через габитусы.

В. Клеймо абсолютного господства

П. Бурдьё не использует устаревшую концепцию «пролетариата». Однако он приходит к выводу об устойчивости социальных категорий, связанных с системой, и о том, что отказ от них находит свое выражение в стратегии беспомощности.

Что это за стратегии?

П. Бурдьё называет, во-первых, стратегии **отступления и обиды**. Господствуемые обычно испытывают чувство обиды по отношению к тому, что определяется как легитимное. Так, народные классы не посещают музеи, хотя вход в них обычно свободный, а в отдельные дни даже бесплатный. В непосещении музеев выражается чувство обиды в отношении легитимной культуры. Эта же категория граждан воздерживается от ответов на вопросы анкет, опросов. Тут сказывается к тому же чувство некомпетентности перед лицом «легитимных» проблем с точки зрения авторитетов «политического поля».

Другой тип стратегий получил наименование стратегий **имитации** или **замещения**. Народные классы часто ограничиваются имитацией поведения или причудами «зажиточных» классов общества. Пример тому — подделки движимого и недвижимого имущества королей, «игристые» вина вместо шампанского. Образцам «высокого» искусства противопоставляется масс-культура и т. д.

И наконец, стратегии **делегирования** или **смирения**. Народные классы быстрее, чем другие классы, способны или смириться со своей судьбой и согласиться с социальным фатализмом, или полностью делегировать свою «власть» руководителям или организациям, действующим как бы от их имени.

Такая ситуация абсолютного отчуждения по-иному выглядит у мелкой буржуазии, которую долго изучал П. Бурдьё. Мелкая буржуазия далека от того, чтобы подчиняться своей судьбе. Наоборот, она делает все для того, чтобы «отличать» себя от *vulgaris pecus*.

В отличие от Маркса, социология П. Бурдьё не является «пророческой» и не зовет угнетенных к бунту. Но она и не прячет своего стремления обнажить механизмы, обеспечивающие социальное господство.

2.3. «Методологический индивидуализм»

Прежде всего следует отметить, что не существует некоего единственного методологического индивидуализма. Можно выделить, по крайней мере, две его версии. Одна из них получила наименование утилитаристского индивидуализма, в соответствии с которым индивиды как некие атомические создания руководствуются только своим личным интересом. Эта версия указанной теории определяется экономической доминантой. Вторая версия получила наименование «ограниченной рациональности».

А. «Утилитаристский» индивидуализм

Методологический индивидуализм, как мы уже отмечали, исходит из того, что для объяснения любого социального феномена необходимо выявить мотивации индивидов, которых затрагивает этот феномен, и рассматривать его как результат агрегации индивидуального поведения, продиктованного этими мотивациями. В таком подходе, понятно, исчезает влияние социального окружения. На переднем плане политического объяснения оказываются мотивации актеров.

Одним из активных сторонников данной версии методологического индивидуализма в Европе является французский социолог Раймон Будон¹, который утверждает, что «объяснение социального феномена означает выявление последствий индивидуальных действий»². Социальное, по Будону, являет собой систему, сущность которой определяется последствиями взаимодействий индивидов. Вопрос заключается лишь в том, что необходимо осуществить агрегацию индивидуальных действий.

В таком подходе нет места для пассивного субъекта политической жизни, чье поведение определялось бы

¹ См.: Желтов В. В., Желтов М. В. Указ. соч. С. 739–748.

² Chagnollaud D. Science politique. P., 1999. С. 17.

только некими социальными причинами и детерминантами. Методологический индивидуализм отказывается от отыскания универсальных или общих законов, при помощи которых находило бы объяснение индивидуальное поведение. Сторонники методологического индивидуализма отказываются от использования понятия «социальный класс» для объяснения индивидуального поведения. На переднем плане находится индивид, его действия и его выбор, а также последствия его выбора.

Кроме того, рассматриваемая теория становится препятствием для учета так называемого социального прошлого индивидов, которое они пережили. Она не учитывает генезис утверждения ситуационной логики, которая может оказывать влияние на политическое поведение и решения (выбор) социальных актеров.

Р. Будон, выступая с позиций методологического индивидуализма, признает (вынужден признавать) влияние на политическое поведение индивидов таких феноменов, как, например, общественное мнение. В самом деле. Разве можно только на основе индивидуального политического поведения или выбора объяснить стабильность электоральной географии той или иной страны на протяжении длительного времени? С учетом сказанного, политологи вынуждены признавать, что результаты голосования далеко не всегда являются только результатом решений избирателей, находящихся в аналогичных социокультурных ситуациях. На их политическое поведение не могут не накладывать влияния их коллективная идентичность, а также исторически сложившиеся в данной стране политические традиции.

Адепты методологического индивидуализма объясняют, например, факт следования индивидов определенным историческим традициям тем, что это отвечает их персональным интересам. Однако, как отмечает французский политолог Д. Шаньоло, в ответ на такую утилитаристскую логику может быть выдвинута иная логика, связанная, к примеру, с социальной принадлежностью индивидов к тому или иному социальному окружению, в котором указанный индивид находится. И эта логика не может не влиять на «рациональность» индивидов¹.

Другой версией утилитаристского индивидуализма в применении к электоральному анализу является эко-

¹ См.: Chagnollaud D. Science politique. P., 1999. P. 16.

номическая теория демократии Энтони Даунса¹, согласно которой и экономика, и политика регулируются одним и тем же двигателем — **интересом**. Акт голосования, например, является выражением расчета избирателя на максимизацию своих материальных или символических выгод на основе реализации своего собственного интереса.

За внешней привлекательностью данного подхода выявляется его ограниченный характер в объяснении того же голосования избирателя. Как известно, массовый избиратель, как правило, не имеет достаточно полной информации в тех вопросах, в решении которых он принимает участие. Получение такой информации нередко является довольно дорогостоящим делом. И рациональное решение, в условиях нехватки или неполноты информации утилитаристского толка, оказывается очень затруднительным. В таком случае избиратель, казалось бы, должен воздерживаться от участия в голосовании. И, понимая это, Э. Даунс переходит к объяснению голосования избирателей при помощи иных аргументов, выходящих за пределы чисто «индивидуалистической схемы».

Подобным же образом некоторые сторонники такого подхода превращают избирателя в своеобразного потребителя, который испытывает влияние своих прежних предпочтений (сторонническая идентификация), своих привычек как покупателя (прошлое голосование), социальной принадлежности (среда семейная, профессиональная и т. д.). И на основе всего этого избиратель «покупает» тот или иной политический продукт (партия, кандидат в избранные). И в данном подходе избиратель рассматривается как рациональный индивид. Однако данный постулат вступает в противоречие с реалиями политической жизни, т. к. в подавляющем большинстве своем избиратели не могут не испытывать влияния политической борьбы и пропаганды в ходе, например, избирательной кампании.

¹ Даунс Энтони (р. 1930) — американский экономист, специализирующийся в области политической экономики, проблем управления и урбанизма, один из основоположников теории общественного выбора. Автор книги «Экономическая теория демократии», ставшей одним из проявлений начавшейся в 50-е гг. прошлого столетия так называемой революции рационального выбора в политической науке.

Б. «Ограниченная рациональность» актера (М. Крозье)

Один из видных современных французских социологов Мишель Крозье отходит от позиции утилитаристского индивидуализма, согласно которому, как было уже отмечено, индивид будто бы является полностью рациональным. М. Крозье является сторонником концепции, в свое время провозглашенной американскими социологами, «ограниченной рациональности». Эта рациональность находится в зависимости от овладения индивидом культурными ценностями, системами действия, в которых он принимает участие, персонального выбора, осуществляемого в зависимости от социально-политического контекста. Иными словами: индивид включен в некую «систему действия», которая оказывает на него определенное влияние. Система действия, как отмечают в своей работе М. Крозье и Э. Фридберг, представляет собой «структурированную человеческую совокупность, которая координирует действия ее участников при помощи относительно стабильных механизмов игры, обнажающих ее структуру, т. е. стабильность этих игр и отношений между этими последними при помощи механизмов регулирования, которые образуют другие игры»¹.

Однако в каждой системе существуют так называемые «зоны неопределенности», которые позволяют актеру их использование в своих собственных интересах: использование «экспертизы», перехват и/или доступ к информации, использование организационных правил, отношения с окружением. Свобода актера таким образом является ограниченной, однако ни один актер никогда полностью не лишен возможности вести собственную игру. Эта социология действия является одновременно и социологией власти, которая отходит от субстанционного видения власти как обладания неким «капиталом», что было характерно для юридической или марксистской традиции².

М. Крозье и его школа отходят одновременно как от строгого индивидуализма, так и от теорий абсолютного принуждения по отношению к индивидам. Однако в рамках этого подхода не удастся иерархизировать системы действия

¹ Crozier M., Friedberg É. L'acteur et le système. P., 1977. P. 246.

² См.: Желтов В.В. Теория власти. С. 19–21.

и выявить их взаимозависимость. Так, сторонники этого подхода в процессе осмысления феномена глобального функционирования общества не выделяют более важные конкретные действия в сравнении с другими действиями. А потому в рамках данной и нестабильной конъюнктуры утрачивается возможность выделять политическую систему среди всего комплекса систем действия. Такая повышенная пластичность интерпретации реальности не позволяет теоретически выразить глобальную систему общества, а также как бы растворяет объяснение определенного феномена или факта в множественности разного рода интерпретаций. При этом участники социального и политического взаимодействия оказываются игроками, не имеющими прошлого. Власть как важнейший социокультурный феномен оказывается представленной везде, что не позволяет рассматривать государство как важнейший объект анализа.

2.4. Системный анализ

Одним из важнейших средств политического объяснения социальных феноменов и фактов является системный анализ, который имеет две основные версии — *функционализм* и *строго системный анализ*, который иногда называют *кибернетическим*.

Понятие «система» политической наукой заимствовано из биологии (Людвиг фон Бергаланфи). Оно означает наличие некой целостности элементов, взаимодействующих между собой и с внешней средой. Это значит: 1) элементы системы взаимодействуют друг с другом; 2) элементы системы взаимозависимы. Развитие системы обусловливается изменением элементов, а также другими внутренними и внешними факторами.

Введение в научный оборот политической социологии понятия «политическая система» было вызвано необходимостью комплексного, системного осмысления современной политической реальности, политических изменений и процессов, а также потребностью в теоретическом обобщении многообразных явлений политической жизни общества.

В самом общем плане политическую систему можно определить как одну из сфер жизнедеятельности общества, связанную с политикой. **Именно политика и политические отношения лежат в основе политической системы.**

Основы системного анализа применительно к политической и социальной реальности были заложены в послевоенные годы американским ученым Норбертом Винером (1894 — 1964), положившим начало так называемому кибернетическому подходу. Такой подход был использован американским политологом Карлом Дойчем¹, который выявил аналогию между политической системой общества и кибернетической системой. Она выражается в том, что в обеих системах существует так называемая обратная связь, которая позволяет видеть последствия принимаемых системой решений и действий. А это, в свою очередь, позволяет системе реагировать на них и адаптироваться к меняющейся внешней ситуации. Эта аналогия подчеркнула влияние окружения на «кибернетическую машину», а также показала ту роль, которую играет коммуникация как важный элемент политической системы.

Подход К. Дойча заложил основу для системного осмысления социальной и политической реальности. Возможности системного анализа значительно возросли после того, как он стал сочетаться с функционализмом. Еще в XIX в. английский социальный и политический мыслитель Г. Спенсер проводил параллель между социологическим организмом и социальным организмом. Оба они подчиняются общей логике, оба подчинены диверсификации и растущей специализации независимых органов. В конце XIX в. Э. Дюркгейм продолжил так называемую биологическую аналогию и указал на «социальные функции». Так, Э. Дюркгейм, как известно, стремился отыскать функцию социального разделения труда².

Однако долго никто из социологов не использовал функцию в качестве главного элемента объяснения и интерпретации общества. И только Бронислав Малиновский (1844 — 1942), английский этнограф и социолог, основатель функциональной школы, придал функционализму³ современный смысл.

¹ Дойч Карл (1912–1992) — американский политолог, специализировавшийся в области политической теории и теории международных отношений. Преподавал в ряде университетов США. В годы Второй мировой войны работал в различных государственных учреждениях.

² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

³ См. подробнее: Желтов В.В., Желтов М.В. Указ. соч. С. 658–695.

Функционализм

Нужно сказать, что функционализм не монолитная концепция. Она представлена по крайней мере тремя течениями. Во-первых, абсолютным функционализмом в лице Б. Малиновского и Альфреда Реджиналда Рэдклиффа-Брауна (1881 – 1955), английского этнографа. Во-вторых, структурным функционализмом Толкотта Парсонса. И наконец, функционализмом среднего уровня в лице Р. Мертона.

Термин «функция» имеет различный смысл (роль, профессиональный статус, математическое отношение и т. д.). В политической социологии используется биологический смысл этого термина. И в этом случае функция представляет собой *вклад, который привносит тот или иной элемент в организацию или действие совокупности, частью которой он является.*

Следует отметить, что указанные течения функционализма объединяет *системное* видение: общество образует целостность, имеющую глобальную логику и объединяющую взаимозависимые элементы. При этом указанная целостность не есть сумма его частей.

Абсолютный функционализм

Именно на основе системного видения общества Б. Малиновский полагает, что оно состоит из *институтов и деятельности, имеющей функцию удовлетворения определенных потребностей.*

По Малиновскому, изучение социальных фактов представляет собой изучение их функций. Он выдвигает следующую констатацию: поскольку человеческая природа устроена таким образом, что «всякий человек должен есть, дышать, спать, воспроизводить себя, освободиться от остатков продуктов обмена всюду, где бы он ни был, при любой цивилизации»¹.

А потому общества должны удовлетворять естественные потребности человека. Отсюда логически следует, что каждый объект, каждая практика, каждое верование, каждый институт и т. д. существуют только потому, что выполняют ту или иную жизненную функцию. «В силу того, что функция всегда означает удовлетворение опре-

деленной потребности, начиная с простого действия — с еды, и вплоть до священнодействия, когда факт вероисповедания вписывается в систему верований, определяемых культурной необходимостью действовать только совместно с живым Богом»¹.

Если культурные потребности у всех людей формируют естественные инварианты, то каждое общество по-своему организует их культурное понимание. Критерии добра, красоты, сексуального совершенства и т. д. и т. п. по-разному определяются в разных обществах. А это порождает потребности и производные виды деятельности (образование, наука, искусство, религия, право, мораль и т. д.), которые имеют специфическую особенность в каждой культуре и которые инструментально связаны с органическими императивами (необходимость выживания, поддержания здоровья и т. д.)².

Малиновский полагал, что изучение общества предполагает анализ его институтов через их функции, а также определение потребностей, на которые эти функции призваны отвечать. Ибо каждое общество по-своему регулирует свои биологические и производные потребности.

Сторонником абсолютного функционализма был и английский этнограф и антрополог А. Р. Рэдклифф-Браун. Он, в частности, утверждал: «Функция в ее социальном применении заключается в том вкладе, который она вносит в общую социальную жизнь, т. е. в функционирование тотальной социальной системы»³.

Согласно Рэдклиффу-Брауну, функция получает свое выражение в том вкладе, который тот или иной элемент данного общества вносит в дело обеспечения его *непрерывности и постоянства*: «Мы выявляем, например в Африке, Океании и Америке, появление новых религий, которые можно интерпретировать на основе функциональной гипотезы как попытку устранить социальные последствия, вызванные быстрым изменением социальной жизни вследствие контакта с белой цивилизацией»⁴.

¹ Malinowski B. Op. cit. P. 134.

² См.: Lallement M. Histoire des idées sociologiques de Parsons aux contemporains. P., 1993. P. 82.

³ Radcliffe-Brown A.R. Structure et fonction dans la société primitive. P., 1968. P. 281.

⁴ Ibid. P. 283.

Рэдклифф-Браун одним из первых поддержал постулат *функционального единства* как «условия того, что все части системы взаимодействуют между собой достаточно гармоничным и последовательным образом с таким расчетом, чтобы не порождать безвыходные конфликты»¹.

Кроме того, Рэдклифф-Браун приходит к выводу о том, что не каждый элемент выполняет определенную функцию. Более того, идентичные обычаи могут выполнять различные функции. В отличие от Б. Малиновского, Рэдклифф-Браун выступает как сторонник эволюционизма. Согласно ему, общества эволюционируют на основе действия трех механизмов адаптации: экологического (окружающая среда), институционального (поддержание социального порядка) и культурного (социализации).

Функционализм среднего уровня

В такой «абсолютный функционализм» внес в последующем коррекцию американский социолог, почетный профессор Колумбийского университета Роберт Мертон (1910–2003), который подчеркнул, что далеко не каждый элемент выполняет с необходимостью определенную функцию, являясь бесполезным элементом. Кроме того, постулат о «функциональной необходимости» приводит к способу кругового объяснения. Р. Мертон же исходит из стремления превратить функционализм не только в систему объяснения мира, но и в инструмент анализа социальной и политической реальности.

Р. Мертон выделяет явные и скрытые функции.

Согласно Мертоу, «явные функции — это такие объективные следствия действия, направленные на приспособление или адаптацию системы, которые интенциональны и осознаваемы участниками», а «скрытые функции тогда будут такими следствиями, которые не интенциональны, не осознаваемы»².

«Различие между явными функциями и скрытыми функциями, — утверждает Р. Мертон, — используется для того, чтобы избежать подстерегающего социолога невольного смешения осознанных мотиваций социального поведения и его объективных последствий. Наша критика привычного сло-

¹ Radcliffe-Brown A.R. Op. cit. P. 281.

² Цит. по: Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная социология. СПб., 2003. С. 257.

варя показала, с какой легкостью и с какими неприятными последствиями социолог может путать мотивы и функции»¹.

Р. Мертон дает термину «функция» следующее определение: «Функции — это те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы»².

Теперь обратим свое внимание к вопросам разграничения функций на явные и латентные.

«Явные функции — это те объективные последствия, которые вносят свой вклад в регулирование или приспособление системы и которые входили в намерения и осознавались участниками системы.

Латентные функции соответственно — те объективные последствия, которые не входили в намерения и не были осознаны»³.

Как утверждает сам Р. Мертон, такое разграничение позволяет понять стандарты социального поведения, которые на первый взгляд кажутся иррациональными. Например, предрассудки, суеверия, традиции — это формы поведения, продолжающие существовать, в то время как их явные цели уже не осуществляются.

«Это поведение *может* выполнять функцию для группы, совершенно отличную от явной цели... Путем систематического применения понятия латентной функции *иногда* можно обнаружить, что *явно* иррациональное поведение является положительно функциональным для группы»⁴.

В подтверждение своей интерпретации функций Р. Мертон приводит многочисленные примеры, например, *босса* — всемогущего местного политика, являющегося опорой системы американского представительства. Подвергаясь критике за коррупцию и подлинный рэкет, в которых он принимает участие, босс тем не менее выполняет скрытые функции: централизации раздробленной власти (разделение власти, множественность постов и ротация политиков); он является последним средством для лиц, находящихся в неблаго-

¹ Merton R.K. Elements de théorie et de méthode sociologique. P., 1965. P. 134.

² Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1984. С. 414.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 429.

приятной ситуации (нежелательные лица для администрации), урегулирования административных трудностей (при помощи взяток, например), льгот в пользу деловых людей и, наконец, путей открытого доступа для лиц, которые иначе не имели бы никакого шанса.

«Ключевая функция *босса* заключается в организации, централизации и поддержке условий движения "рассеянных частей власти" во всей нашей политической организации... Конституционная рамка американской политической организации формально исключает легальную возможность высоко централизованной власти и, как мы говорили, мешает также ее развитию в направлении ответственности и эффективности. Те, кто создавали конституцию, как об этом говорил Вудро Вильсон, установили систему равновесия и противовесов "для поддержания правления в обстановке равновесия в средствах дружеского соперничества между различными органическими частями"... Они не доверяли власти как явлению опасному для свободы... Эта дисперсия власти существует не только на уровне нации, но также на местном уровне. В итоге, когда люди или особые группы требовали позитивного действия, никто не имел необходимого авторитета для действия. Машина давала противоядие...

Машина функционирует благодаря вовсе не общим призывам к широким политическим заботам, а благодаря квазифеодальным отношениям между местными представителями машины и избирателями квартала... В нашем обществе, существенно обезличенном, машина через своих местных агентов выполняет *важную социальную функцию гуманизации и персонализации способов содействия* тем, кто в ней нуждается»¹.

Обобщая этот анализ, Р. Мертон пишет: «В более широком виде: функциональные недостатки официальной структуры порождают для более эффективного удовлетворения существующих потребностей замещающую ее структуру (неофициальную)»².

Концепцию скрытой функции Р. Мертон демонстрирует на примере религиозной практики: «Мы сразу же увидим, что я заимствовал термины "явный" и "скрытый"

у Фрейда, которые он использовал в ином контексте, адаптируя эти термины соответствующим образом...

Во-первых, указанное различие помогает нам интерпретировать социальные практики, которые закрепляются даже в том случае, когда их явная цель не достигается. В таком случае заинтересованные наблюдатели прибегают к банальному средству, которое выражается в стремлении определить эти практики как "суеверие", "иррациональность" или просто "инерция традиции" и т. д. В таком подходе церемонии Хопи, призванные вызвать обильные дожди, определяются как суеверная практика примитивного народа, и проблема оказывается решенной. Отметим, что это ни в коей мере не объясняет коллективное поведение. Это просто этикетка: анализ роли такого поведения в жизни группы заменяется этикеткой "суеверие". Концепция скрытой функции побуждает нас продолжить изучение последствий церемонии не на богов дождя или метеорологические феномены, а на группу, которая участвует в церемонии...

Церемонии могут выполнять скрытую функцию укрепления сплоченности группы, давая возможность ее рассеянным членам объединиться для совместной деятельности. Как показал в свое время Дюркгейм, такие церемонии являются средством коллективного выражения чувств, которые анализ в его продолжении позволяет выявлять источник единства группы. Благодаря систематическому использованию концепции скрытой функции, на первый взгляд, иррациональное поведение в некоторых случаях может проявляться как позитивная функция для группы»¹.

Заслугой Р. Мертона является и то, что он предложил анализ социальной структуры вообще и политической в особенности через призму двух взаимосвязанных переменных: 1) какие *цели* отстаивает структура и 2) каковы законные, институциональные *средства* достижения этих целей. Противоречия между целями и средствами, их характер и острота влияют на то, принимают ли люди общественные цели и используют ли они нормативные или незаконные средства для их достижения.

Учитывая различное отношение индивидов к общественным целям и средствам, Р. Мертон выделил пять типов наиболее характерного поведения — *конфор-*

¹ Merton R.K. Éléments de théorie et de méthode sociologique. P. 152–155.

² Ibid. P. 154.

¹ Merton R.K. Op. cit. P. 134, 138–140.

мизм, инновация, ритуализм, ретретизм, мятеж. Эти типы поведения Мертон представил в следующей таблице. В ней «+» — принятие целей и средств; «-» — отказ от них; «+ и -» — введение новых социальных ценностей.

Способы адаптации	Цели	Средства
Конформизм	+	+
Инновация	+	-
Ритуализм	-	+
Ретретизм	-	-
Мятеж	±	+

Источник: Merton R. Op. cit. P. 176.

Конформизм — довольно распространенное поведение, характеризующееся признанием как официальных политических целей, так и институциональных средств их достижения. Этот тип распространен, когда степень стабильности общества высока, когда имеет место соответствие и культурным целям, и институциональным средствам. Такое соответствие является предпосылкой поддержания общественного порядка и устойчивости социальной организации общества.

Инновация как тип политического поведения опирается на некое новое средство — отказ от легитимных методов для достижения легитимной цели. Носители такого поведения нацелены на обретение как можно большего политического капитала, что чаще всего сопряжено с использованием хотя и эффективных, но институционально запрещенных средств достижения власти. С этой целью может использоваться все то, что связано с манипуляцией общественным мнением, когда используются приемы, влияющие на подсознание избирателей, умышленная дискредитация конкурентов. На этой основе возникает так называемое девиантное, противозаконное поведение политиков и их окружения.

Ритуализм характеризует такое политическое поведение, для которого присущ отказ от высоких идеалов из-за боязни их крушения в реальной политической практике. Ритуалисты принимают эпизодическое участие в политике. В своих действиях они не выходят за рамки одобряемых политических целей и средств.

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, безынициативный тип поведения при следовании институциональным нормам стал распространяться среди широких слоев рабочих, инженеров и государственных служащих. Угроза безработицы и увольнения сковала политическую активность части населения. Ритуализм характерен и для определенной части работников культуры и науки¹.

Ретретизм как тип поведения характерен для тех, кто не принимает как официальные политические цели, так и средства их достижения. Обычно в таком случае речь идет о лицах, отвергающих общие ценности и относящихся к маргиналам — бродягах, лицах без определенного места жительства, наркоманах, алкоголиках и т. п. Есть и такие группы населения, которые, разочаровавшись в социальной действительности, совершают бегство из общества (эскапизм²). В самых крайних случаях это может принять форму самоубийства. Часть людей уходят в закрытые религиозные секты, к колдунам и шаманам, к новым «Иисусам» и «Девам Мариям».

Мятеж (бунт) как тип поведения предполагает отказ от господствующих политических целей и средств борьбы за них, но при этом люди ратуют за принципиально иные, официально неодобряемые политические цели и средства их достижения. И не только ратуют, но и активно действуют в этом направлении. Такое поведение характерно для людей, ориентированных на ненормативное политическое поведение, на использование неординарных политических средств, в том числе террористических средств.

Структурный функционализм

Важным элементом системного подхода является структурный функционализм, который концентрирует свое внимание на том, как те или иные **структуры** выполняют (или нет) **функции** системы. Согласно Рэдклиффу-Брауну, «структура является компановкой персон, имеющих между собой институционально контроли-

¹ См.: Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Указ. соч. С. 99–100.

² Эскапизм (от англ. escape — бежать, спастись) — стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий.

руемые или определенные отношения», или, говоря иначе, совокупность взаимозависимых ролей, позволяющих определять социально ожидаемые позиции и социально ожидаемое поведение¹. Структурный функционализм анализирует социальную реальность не с позиции функций, как это делали сторонники классического функционализма, а с позиции определения сначала структуры и только потом приступают к анализу функций, которые та или иная структура выполняет.

Значительный вклад в развитие структурно-функционального анализа на основе системного подхода был внесен выдающимся американским социологом Толкотом Парсонсом (1902—1979). Он, в частности, выдвинул «утилитарную концепцию» социального действия. Она заключается в том, что действия индивидов рассматриваются не только как рациональные и осознанные, но и как действия, подчиненные внутренним мотивам и направленные на достижение неких эгоистических целей.

При этом Т. Парсонс, анализируя ситуацию социального действия, выделяет два важных типа элементов: изменяемых и неизменяемых. Первый из них состоит из таких факторов, которые могут быть изменены человеком и, следовательно, могут быть представлены как средства достижения цели; второй тип состоит из неизменяемых факторов, которые образуют условия, определяющие действие. Кроме того, каждое действие должно быть описано на символическом уровне.

Таким образом, действие состоит из структур и процессов, с помощью которых индивид формирует значимые («обозначенные», символически выраженные) интенции², более или менее успешно применяемые им к конкретной ситуации. Интенция и ее применение, взятые вместе, подразумевают направленность системы действия — индивидуального или коллективного — на изменение отношений с ситуационным окружением преднамеренным путем³.

Т. Парсонс предпочитает термин «действие» термину «поведение», поскольку его как социального теоретика интересуют прежде всего не моменты поведения как таковые, а их образцы, процесс образования устойчивых

¹ См.: Chagnollaud D. Science politique. P. 21.

² Интенция (от лат. intentio — намерение) — намерение, устремленность, направленность сознания, воли, чувств на какой-либо предмет.

³ См.: Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Указ. соч. С. 388.

совокупностей моментов поведения, его результаты и механизмы, управляющие этим процессом.

Значительную роль в концепции социального действия играет концепция «ситуационного окружения». По Парсонсу, оно состоит из определенного числа социальных, культурных и физических факторов, делающих возможным существование действия и ограничивающих пространство выбора. Для совершения действия человеку необходим организм и символическая система (язык описания), которые могут быть осмыслены на индивидуальном уровне.

В ситуационном окружении в качестве фактора Парсонс Т. выделяет **биологический организм**, который он рассматривает не как анатомическое строение отдельного человека, а как совокупность биологических характеристик, конституирующих видовое отличие *homo sapiens*. Эти характеристики не существуют сами по себе. Они выступают в качестве отвлекающей, абстрактной биологической модели человека. Так, к примеру, биологическое разделение людей на два пола выступает фактором, влияющим на все человеческое действие вообще.

Вторым, не менее важным фактором в ситуационном окружении являются **культурные системы**, понимаемые Т. Парсонсом как символически организованные образцы, основанные на способности человека передавать опыт негенетическим путем.

«Культурные объекты, — пишет Т. Парсонс, — это символические элементы культурной традиции, идеи или верования, экспрессивные символы или ценностные образцы, учитываемые постольку, поскольку это толкует их как ситуационные объекты и не «интернализует» как структурообразующие элементы личности»¹.

Т. Парсонс отмечает, что особенностью культурных систем является то, что они не создаются одним человеком и потому не могут быть поняты на индивидуальном уровне. Основные образцы (устойчивые образования) культурных систем изменяются в течение не одного поколения и всегда используются достаточно большими группами людей.

«Так, наиболее общие культурные образцы обеспечивают системы действия значительной структурной устой-

¹ Parsons T. The Social System. N.Y., 1951. P. 4.

чивостью, аналогичной устойчивости, которую создает генетический код биологического вида...»¹

Существование указанных нами факторов неизбежно приводит к появлению еще двух факторов: **личности** и **социальной системы**. Т. Парсонс обоснованно утверждает, что индивиды и группы способны развивать собственную поведенческую систему. Это связано с тем, что каждый индивид, обладая собственным генетически определенным биологическим организмом, способен усваивать что-то из общей с другими индивидами культурной среды. А поскольку и биологическое строение индивида, и его окружение являются в определенном смысле уникальными, постольку и его система поведения является уникальным вариантом общей системы действия. Это значит, что, по Парсонсу, личность является аналитически независимым фактором «единичного акта».

Четвертым фактором, оказывающим свое влияние на социальное действие, является **социальная система**. Она призвана отвечать на потребности интеграции социальных отношений, подверженных потенциальному стремлению к конфликту и дезорганизации.

Перечисленные нами четыре фактора, обозначенные Т. Парсонсом, являются структурно организованными и относительно зависимыми. Они представляют собой системы действия, являются следствием развития «единичного акта» и возникают в процессе его институционализации.

По убеждению Т. Парсонса, система социального действия состоит из четырех взаимозависимых подсистем, которые по убывающей степени комплексности могут быть представлены следующим образом:

- культурная подсистема;
- социальная подсистема;
- подсистема личности (психическая);
- биологическая подсистема.

Какие функции выполняют указанные нами подсистемы?

Биологическая система (организм), служащая соединительным звеном между материальным и идеальным мирами (нормами, ценностями, значениями), составляющими мир действия, **выполняет функцию адаптации**.

¹ Parsons T., Shils E.A. Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1951; Idem. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs. N.Y., 1966. P. 6.

Система личности выполняет функцию целеполагания, формируясь в процессе социализации индивида, направленной на усвоение ценностей и норм; она становится инструментом, посредством которого система действия определяет порядок целей.

Социальная система — это совокупность ролевых статусов; управляется нормами, определяющими, какие действия предпочтительны. Это система взаимодействия; процесс социальной интеракции. **Выполняет функцию интеграции**.

Культурная система. Совокупность «исторического опыта» — идей, идеалов, ценностей и т. д. **Выполняет функцию «поддержания образца»**, конкретизируя идеи в нормах социальной системы и интернализируя их в системе личности.

Как и в кибернетике, комплексность в данном случае оценивается с точки зрения информации, а не энергии.

2.5. Системный подход Д. Истона

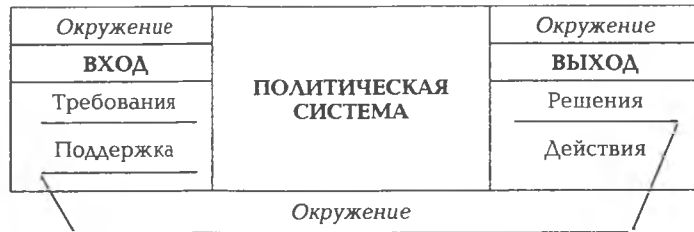
Американский политолог Дэвид Истон, основоположник системного подхода в политической социологии и политологии, рассматривает политическую систему как механизм формирования и функционирования власти для распределения ресурсов и ценностей общества. При этом функционирование политической системы должно убеждать граждан в справедливости такого распределения и предотвращать возникновение по этому поводу конфликтов между членами общества. Системе необходимо адекватно реагировать на внутренние и внешние воздействия.

Исходный момент в подходе Д. Истона к анализу политической системы состоит в признании ее открытости. Он полагает, что политическая система тесно связана со своим окружением и функционирует в режиме постоянного взаимодействия с ним. Д. Истон, значит, сосредоточивает свое внимание на вопросах отношений политической системы с ее окружением.

Традиционный анализ политических систем был нацелен на изучение внутренних структур и механизмов принятия политических решений. Выяснялось, например, как влияет та или иная система выборов на политические партии, какова роль министерств в принятии решений

и т. п. Д. Истон же предложил рассматривать политическую систему как **черный ящик**. Он объявил, что его не интересует все то, что происходит внутри этого ящика. Анализ нацеливается на изучение отношений между **черным ящиком** (политической системой) и его окружением. Исследователь задался такими вопросами: какова природа влияний окружения (общества) на политическую систему? Как осуществляется это влияние? Как система поддерживает свое равновесие под воздействием влияния окружающей среды?

Отношения между «черным ящиком» и окружающей средой (обществом) Истон представил в виде кибернетической схемы. Она может быть представлена следующим образом.

Как видим, эта кибернетическая система не имеет ни начала ни конца. Ее действие нельзя представить цепочкой «требования – решения – обратное действие». Любое изначальное требование включает в себя предшествующее ему обратное действие. Этот принцип кибернетического крутооборота, порывающий с традиционным статическим анализом, был объявлен некоторыми специалистами как самый важный теоретический прорыв после открытия аристотелевской логики.

Согласно Д. Истону, политика не присутствует вне **черного ящика**. В нее не входят, к примеру, требования. А вот ответы на требования общества являются политическими. И потому политическая система охватывает и значительную часть своего окружения (общества).

Политическая система (**черный ящик**) получает импульсы от своего окружения как на «входе», так и на «выходе». На «входе» различают, как видим на схеме, **требования и поддержки**. **Требования** вызывают неравновесие системы, **поддержки** способствуют поддержанию и

укреплению устойчивости политической системы. На «выходе» политической системы представлены **решения** или **действия**, которые осуществляются с учетом требований и поддержек. С помощью петли обратной связи **требования и поддержки** могут возрастать или уменьшаться.

Окружение рассматриваемой системы представляется в виде двух элементов. Один из них — **интрасоциальное окружение**, представленное совокупностью других систем, входящих в глобальное общество. Другой — **экстрасоциальное**, включающее внешние по отношению к данному глобальному обществу системы. Это **окружение** посылает определенные импульсы на «вход» политической системы. В свою очередь, политическая система своими решениями и действиями оказывает воздействие на **окружение** и, взаимодействуя с ним, через «петлю» обратной связи оказывает воздействие на «вход».

Такова общая конструкция теоретической модели Д. Истона. Теперь рассмотрим ее отдельные составляющие.

Требования. Это совокупность запросов к политической системе, запросов, политически выраженных. Дело в том, что наличие некоего недовольства в социальном организме общества не является требованием. Требование не всегда выражается в точных формулах и вовсе не обязательно должно быть реализованным. Так, к примеру, весьма распространенным является требование «социальной справедливости». Но сам этот термин имеет разные, а иногда и полярные интерпретации. К тому же это не застывшее понятие. Его содержание в различные периоды различно. И потому его осуществить весьма не просто. Существуют и точно выраженные конкретные требования: возмещение ущерба сельским труженикам в итоге природной катастрофы, изменение законодательства, например о призыве в армию, здравоохранении и т. п.

Требования, поступающие на «вход» политической системы, подвергаются **структурной и культурной** регулировке.

Структурная регулировка отвечает на вопрос: кем она осуществляется? Она осуществляется соответствующими политическими структурами «черного ящика». Лица, осуществляющие такую регулировку, не только принимают требования или отказываются от них, но придают им соответствующую форму для последующего принятия политических решений.

Формулирование политически выраженных требований выполняется в обществе политическими деятелями, например депутатами, лидерами общественного мнения, профессиональными политиками. Эту функцию выполняют специализированные организации — политические партии, профсоюзы, различные ассоциации. Наконец, не следует забывать о властях, которые, в свою очередь, призваны выдвигать и осуществлять политические требования. В этом, в частности, проявляется то, что называется «самоподпиткой» политической системы.

Структурная регулировка далеко не всегда является результативной. Об этом могут свидетельствовать массовые выступления граждан, недовольные теми или иными решениями властей. Их можно рассматривать как спонтанное или организованное проявление «голоса народа». Неудивительно, что власть, как правило, стремится до минимума ограничить требования, выходящие за рамки нормального цикла общественного развития. Для этого используются ограничители правового и административного характера.

Культурная регулировка является своеобразным механизмом торможения, используемым политической системой для **предотвращения** превращения **потребностей** в **требования**. Культура в данном случае выступает как регулятор. О чем идет речь? Всякая политическая система запрещает выдвигание тех требований, которые покушаются на основные ценности данной системы. Классический пример тому — знаменитая формула Сен-Жюста: «Никакой свободы врагам свободы», выражающая неприкосновенность ценности «свобода». Демократическая политическая культура ставит жесткие ограничения для насилия и требований, связанным с насилием, для пропаганды войны и т. п.

Функционирование политической системы осуществляется не без трудностей. Нередки случаи ее **перегрузки** (stress). Д. Истон рассматривает перегрузку с точки зрения кибернетики и теории связи. Например, непомерное для данного состояния политической системы увеличение требований приводит к заторам (пробкам) во взаимодействии этой системы с окружением. Если эту связь уподобить телефонной, то администрация может преодолеть заторы двумя способами: или создать новые линии связи, или добиваться уменьшения масштаба требований. Иногда

да пробки являются следствием стремления администрации сохранить и даже усилить монополию на информацию, что может быть эффективным средством борьбы с политическими противниками.

Улучшению связи политической системы с окружением служит дальнейшая специализация политического персонала и профессионализации политической жизни вообще.

Ограничение требований

Уменьшение политических требований является главным инструментом регулирования их масштабов. В процессе ограничения или уменьшения политических требований последние канализируются, согласовываются и сводятся к некоторым ограниченным альтернативам. Требования могут сводиться к некоей общей совокупности. Так, скажем, предложения по вопросам пенсионного возраста, исходящие от работников различных отраслей, могут быть обобщены, например, профсоюзами и предложены ими правительству на рассмотрение в национальном масштабе. Единое решение по данному вопросу может снять множество частных предложений от каждой отдельной отрасли или даже профессии.

Ограничение требований не сводится только к объединению их в единую систему. Может быть и обратное явление. Так, создание, к примеру, общенациональной службы социального страхования как бы предвосхищает учет самых разных требований пенсионного обеспечения, страхования на случай болезни и т. д. Программы политических партий также выражают самые разные требования трудящихся.

Обобщение разнообразных требований имеет важное значение, т. к. позволяет выработать оптимальное решение. При этом открывается возможность сформулировать приоритеты.

Политическая система включает структуры уменьшения требований. К ним относятся, например, политические партии. Представляя различные социальные силы и выражая их подчас расходящиеся требования, политические партии предоставляют правительству возможность выбора и учета различных позиций. При этом ряд институтов (профсоюзы, политические партии, группы давления и т. п.) выполняют роль своеобразных фильтров требований.

Поддержка политической системы

Д. Истон уделяет большое внимание понятию «поддержка», которую он рассматривает как важный элемент связи политической системы и ее окружения. Без поддержки любая политическая система разрушается при первой же сколько-нибудь существенной перегрузке.

Мера поддержки, необходимой для нормального функционирования политической системы, зависит от степени перегрузки требованиями. Поддержка выполняет роль своеобразного компенсатора перегрузки. Так, например, Австро-Венгерская монархия уже в XIX в. располагала, по мнению некоторых исследователей, ограниченной поддержкой со стороны населения. Режим Габсбургов тем не менее просуществовал достаточно долго, т. к. давление на политическую систему в целом было невысоким. Взрыв национальных движений во второй половине XIX в. изменил ситуацию, а Первая мировая война привела к крушению режима.

Нечто подобное можно сказать о политических системах развивающихся стран. Поддержка в них и в прежние годы, и в наши дни была небольшой, но в целом достаточной для нормального функционирования политической системы. Так, по некоторым оценкам, в первой половине XX в. в Индии политическая жизнь затрагивала незначительную часть населения. Однако этой поддержки было достаточно для того, чтобы политическая система функционировала нормально. С подъемом национально-освободительного движения указанная поддержка значительно сократилась, а требования к политической системе резко возросли. Это и привело сначала к ослаблению политической системы, а потом и к обретению страной политической независимости.

Поддержка со стороны политического сообщества чрезвычайно важна. Политическая система основывается на такой организации, для которой характерно разделение политического труда. Именно на политическое сообщество опирается политическая система. Высшая опасность для этой системы заключена в распаде политического сообщества.

Всякое политическое сообщество стремится избежать такой опасности. Это достигается различными средствами.

Так, например, с помощью политической социализации с детских лет гражданам прививается любовь к Родине, т. е. к национальному сообществу. Целью этого является культурная интеграция общества. Это очень непростая и требующая много времени в своей реализации задача. Опыт СССР показал, что решение проблемы культурной интеграции не является раз и навсегда данным. Распад СССР и последующее политическое развитие на всем постсоветском пространстве продемонстрировали, что культурные связи между народами Советского Союза оказались недостаточными, и страна перестала существовать.

Поддержка политической системы понимается Д. Истоном и как совокупность «правил игры», на основании которых она функционирует. Эти правила игры вырабатываются с учетом *ценностей*, лежащих в основании политической системы. Разрушение этих ценностей неизбежно ведет к разрушению политической системы.

Не меньшее, чем ценности, значение имеют и *политические нормы* (конституционные, например), а также *привычки и жигания*. Так, после смерти И.В. Сталина советский политический режим отказался от физического уничтожения оппозиции и во многом от ее политического преследования. Это было изменением нормы, оказавшим значительное влияние на политическое развитие страны и усиление устойчивости политической системы.

Главным элементом поддержки политической системы является *легитимность власти*. Признание легитимности власти, ее авторитета означает в глазах населения согласие с существующей системой властных отношений, организуемых политической системой.

Д. Истон вводит также понятие *«эрозия поддержки»*. Ее появление — признак износа власти. Однако эрозия в определенных пределах не угрожает существованию политической системы. На нее можно воздействовать с помощью регуляции требований и увеличения масштабов поддержки власти.

История знает немало примеров масштабного и даже полного разрушения поддержки. Полное разрушение поддержки мы видим и на примере крушения политических режимов в странах бывшего социалистического сообщества в Восточной Европе, когда в одночасье рухнули политические режимы в этих странах.

«Выход» и влияние «обратной связи»

Требования и поддержки действуют на «входе» политической системы. Но они дают о себе знать и на «выходе» этой системы. Именно здесь, на выходе, решения и действия, предпринимаемые политической системой, имеют (должны иметь!) целью удовлетворение некоторых из требований с тем, чтобы сохранить или даже увеличить поддержку.

Особое внимание Д. Истон уделяет механизму обратной связи, с помощью которого обеспечивается непрерывный характер функционирования политической системы. Решение — это не конечный результат, ибо оно, пройдя по линии обратной связи, порождает новые требования и новые поддержки. Понятно, что удовлетворение требований способно увеличить масштаб поддержки и, наоборот, игнорирование требований способно вести к эрозии поддержки и ослаблению позиций политической системы в обществе.

Концепция политической системы Г. Алмонда

Другой американский ученый Габриель Алмонд (1911–2002), один из инициаторов бихевиористской революции в политической науке, также рассматривает политическую систему как многофункциональную структуру, состоящую из взаимодействующих институтов (см. схему на с. 69). Вместе с тем его модель учитывает психологические, личностные аспекты политических взаимодействий, принимает во внимание импульсы, поступающие не только извне, от народа, но и от правящей элиты.

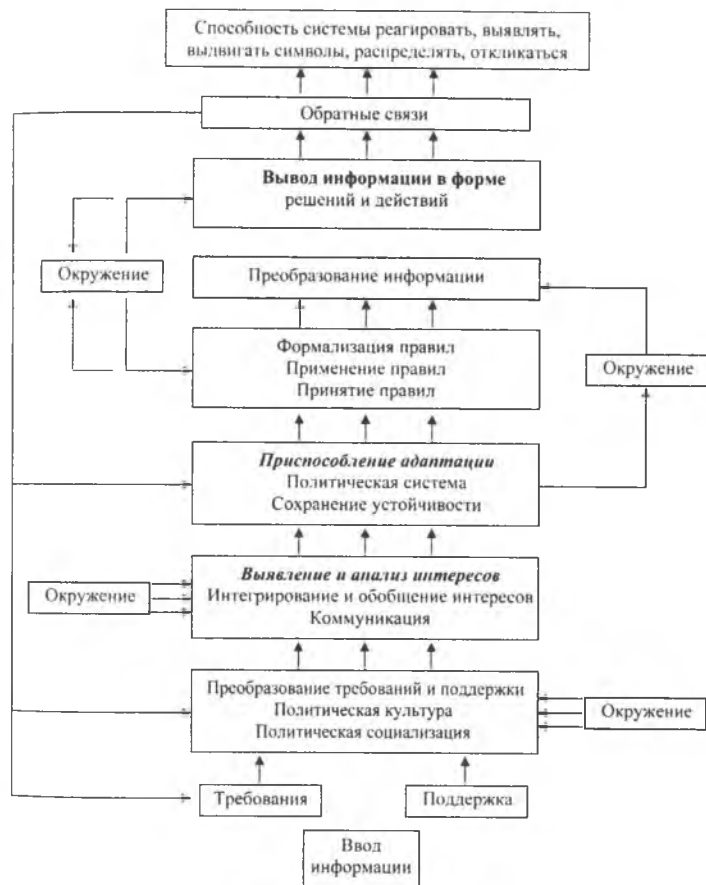
Вход информации, по Алмонду, складывается из анализа и обогащения существующих интересов — как высказанных, так и невысказанных. Получению такой информации служат политические коммуникации, через которые передается информация от различных политических сил.

Функции **выхода** информации состоят в установлении правил (законодательная деятельность) и в их применении (исполнительная деятельность правительств).

Таким образом, в данной модели к важнейшим функциям политической системы относятся изучение ситуации и политическое решение выявленных проблем.

Что же такое политическая система? В российской политологической литературе политическую систему общества определяют как *упорядоченную на основе права и иных социальных норм совокупность институтов*

Политическая система по Г. Алмонду

Источник: Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. М., 1993. С. 67.

(государственных органов, политических партий, движений, общественных организаций и т. п.), осуществляющих политическую власть в обществе, а также отношения между ними по поводу власти. По сути, она представляет собой механизм, с помощью которого осуществляется власть в обществе, руководство и управление им. Деятельность политической системы направлена на урегулирование существующих в обществе политических отношений и происходящих в нем политических процессов.

Политическая система является одной из частей (подсистем) совокупной общественной системы. Она взаимодействует с другими ее подсистемами: социальной, экономической, идеологической, этнической, правовой, культурной, образующими ее общественную среду.

Политическая система общества определяется классовой природой, социальным строем, формой правления, типом государства, характером политического режима, социально-политических отношений, исторической и национальной структурой и традициями уклада политической жизни и т. д.

Как категория политической социологии политическая система включает в себя, во-первых, характеристику социального содержания власти, ее носителя, взаимодействие с экономическим строем; во-вторых, указывает на систему институтов, организаций, через которые осуществляется власть и регулируются политические отношения; в-третьих, определяет принципы, нормы деятельности институтов политической власти, направленность этой деятельности.

2.6. Политическое объяснение и политическая философия

Значительную роль в объяснении социальных и политических фактов, явлений и процессов играет политическая философия. Однако ее использование в политической социологии имеет некоторые ограничения. Это связано с самим характером этой науки. В самом деле, философия является во многом неопределенной и даже спекулятивной дисциплиной, которая, в отличие от социологии, как правило, не нуждается в эмпирической верификации. Это — во-первых. Во-вторых, философия является пред-

писывающей дисциплиной в том смысле, что она подчиняет деятельность людей юрисдикции нормативного разума, тогда как политическая социология является описательной и интерпретативной дисциплиной, стремящейся выявить механизмы социальной жизни. Философия стремится выразить, «как должно быть» в социальной реальности, политическая социология ставит перед собой более скромную задачу — описать то, «что есть на самом деле».

Сказанное вовсе не означает, что политическая философия не способна вносить свой вклад в политическое объяснение реальности. Последние годы принесли немало свидетельств того, что философия очень преуспела в осмыслении и описании таких вопросов, как социальная солидарность, деградация окружающей среды, место и роль государства в обществе или, наконец, природа демократии.

О большой роли философского анализа свидетельствует, к примеру, наследие Джона Роулса, оставившего после себя работу «Теория справедливости». Данная проблематика вызвала живую дискуссию, в которой принимали участие такие мыслители, как П. Нозик, М. Уолцер, Р. Рорти и Ч. Тэйлор. Это позволило существенно обогатить и социологические подходы к проблеме справедливости, а также и по ряду других направлений¹.

Выявилась и еще одна особенность в отношении к философии как средству политического объяснения. Равнение политической науки на «позитивные» науки вызвало реакцию некоторых политологов, которые отказываются от того, чтобы «современная» политическая наука порывала с политической философией «древних».

Эта «моральная» реакция характеризует творчество Лео Штрауса (1899–1973), являющегося последовательным и бескомпромиссным критиком позитивизма и историцизма². Стремление позитивистов создать «свободную от ценностей» политическую науку Л. Штраус считал неосуществимым и опасным. Как, впрочем, опасным для политической науки он рассматривал и историцизм с его стремлением отрицать универсальный характер оценочных суждений. В последние годы эта позиция, например

¹ См. об этом: *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2001; *Желтов В.В.* Политические идеи современности. Кемерово, 2006.

² См.: *Baudouin J.* Les idées politiques contemporaines. P., 2002. P. 18–25.

во Франции, отстаивается в работе Ф. Бенетона¹, которая стала доступной теперь и в нашей стране.

Присутствие политической философии

Политическая философия греков, формализованная Аристотелем, организуется вокруг простых истин:

- человек является «политическим животным» в силу того, что живет в обществе;
- целью всякого общества является «счастье», но оно нарушается разногласиями и антагонизмами, порождаемыми совместной жизнью людей;
- политика обозначает организующий авторитет, который командует людьми и который имеет своим предназначением *общее благо* города (полиса);
- политическая наука является «наукой о хорошем правлении» и в силу этого соседствующей с философией.

Согласно Л. Штраусу², политическая наука постепенно освободилась от морального видения, пройдя через «три волны современности»:

Первая «волна современности» совпадает с концом Средних веков и исходит от всех доктрин, исключающих политическую легитимность из добродетели и морали. Моральные и политические проблемы были сведены к технической проблеме. Тем самым было открыто современное **основание социальной связи**. Оно выражается:

- или в **принуждении**, осуществляемом государем на основе силы или хитрости (Н. Макиавелли);
- или в **добровольном подчинении** индивидов государству-Левиафану;
- или в возвышении **частного интереса** (Локк).

Вторая «волна современности» начинается с Руссо, который изменил моральный климат Запада столь же глубоко, как и Макиавелли. Мишенями для критики Руссо стали моральные и политические проблемы. Что касается первой, то «политики древности беспрестанно говорили о нравах и о добродетели; наши — говорят лишь о торговле и о деньгах». Руссо протестовал во имя добродетели, подлинной, неутилитарной добродетели классических республик,

¹ См.: Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М., 2002.

² См.: Штраус Л. Три волны современности // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 68–81.

против унижительных и бессильных учений его предшественников; он выступал как против удушающей атмосферы современных ему монархий, так и против весьма циничного торгашеского духа республик того времени. Согласно Руссо, человек в естественном состоянии не является человеком. Его человечность и рациональность приобретаетая в ходе длительного процесса. В языке политической науки после Руссо человечность человека обусловлена не природой, а историей, историческим процессом. Представление об истории, т. е. об историческом процессе как о единственном процессе, в ходе которого человек становится человеком, и притом не стремясь к этому, представляет собой следствие радикализации Руссо гоббсовского понятия **естественного состояния**. Пик второй волны приходится на XIX в., когда появляется философия истории, которая стремится секуляризировать старые религии и предложить народам новые перспективы выживания: наиболее влиятельным философом истории был Гегель. Для него исторический процесс был рациональным и разумным прогрессом, достигающим своей кульминации в рациональном, послереволюционном государстве. Нельзя не сказать и о роли Маркса, выдвинувшего идею создания коммунистического, бесклассового общества. При этом человек становится хозяином своей судьбы.

Третья «волна современности» основывается на новом понимании ощущения существования; это ощущение является опытом ужаса и боли, а не мира и гармонии. Это ощущение исторического существования как необходимо трагического. Оно совпадает с развитием современных социальных наук и их присоединением к **позитивистской** модели, заимствованной из естественных наук. Это, по Штраусу, выражается:

- в **воинственности** — под предлогом освобождения от «ценностного суждения» социолог, а вместе с ним и политолог лишаются права оценивать и выражать предпочтение;
- в **ограниченности** — отрицается внутренняя жизнь индивида или в пользу социального детерминизма («*homo sociologicus*»), или в пользу заинтересованной логики («*homo economicus*»);
- в **парадоксальности** — предписывать всякому «ценностному суждению» способность навязывать некоторые ценности исследователям, в том числе и политических явлений и процессов, кроме «научных» ценностей.

«Штраусовская» философия представляет собой наиболее сильную критику политической науки позитивистской ориентации. Такая ориентация:

- стремится превратить политическую науку в заменитель политической философии, ориентированной на поиск «хорошего правления»;

- требует от политолога «правильного использования ценностного суждения», а не освобождения от него;

- она получила широкое распространение в США, где после полувекового господства бихевиористов политическая наука занялась философским обобщением: Ирвинг Кристалл, Алан Блум, Пол Нозик, Джон Роулз.

Опасность «догматического релятивизма»

Л. Штраус привязан тем самым к отысканию последствий социологического позитивизма, ведущего к деградации политики в современных условиях. В своем основном произведении «Естественное право и история» он устанавливает различие, открытое М. Вебером, между «фактами» и «ценностями», «согласно которому только фактические, а не ценностные суждения могут быть истинными или объективными»¹. Из различия между фактами и ценностями следует, что **люди могут жить без идеологии**.

«Таким образом, — делает вывод Л. Штраус, — мы приходим к представлению о рациональном обществе и неидеологическом режиме, т. е. об обществе, основанном на понимании природы ценностей. Поскольку это понимание подразумевает, что перед трибуналом разума все ценности равны, рациональное общество будет эгалитарным, или демократическим, и терпимым, или либеральным: рациональная доктрина различия между фактами и ценностями рационально оправдывает предпочтение либеральной демократии — в противоположность тому, что подразумевалось самим этим различием»².

Позитивистская социология вдохновляет тем самым «догматический релятивизм» как разновидность разрешительной толерантности и отказывается иерархизировать человеческое поведение, а это — путь к моральному атеизму.

¹ Штраус Л. Указ. соч. С. 157.

² Там же. С. 158.

Если критика, адресованная Л. Штраусом социологическому нигилизму, верна, но нужно учитывать, что она чрезмерна:

- с одной стороны, можно корректно управлять научными установками и личными убеждениями (точками зрения). Так, серьезный французский политолог А. Крижель не скрывает своего негативного отношения к Французской коммунистической партии, но ее исследования, антикоммунистические по своей сути, отличает необычайная тщательность отбора и обработки данных и научная достоверность. То же самое мы могли бы сказать о работах крупного современного мыслителя А. Зиновьева, который в ряде своих работ подверг разрушительной критике социалистическое общество периода существования СССР. Однако в последующем не менее аргументированно и страстно он подвергал критике проблемы современного российского общества;

- с другой стороны, нужно признать, что социологический подход рассмотрения факта на дистанции и отказа от ценностного суждения позволяет идентифицировать и познавать факты, даже если исследователь находится внутри общества;

- наконец, осуществление совместных процедур в наблюдении и интерпретации фактов может сближать различные научные сообщества поверх их различной социокультурной принадлежности; об этом говорил и Вебер, утверждая, что демонстрация немецкого социолога может быть такой же, как и у китайского ученого.

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Глава 3

МЕСТО ПОЛИТИКИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

План главы

- 3.1. Что такое политика?
- 3.2. Предназначение политики.
- 3.3. Локализация политики.

3.1. Что такое политика?

Термин «политика» не имеет однозначного толкования вплоть до наших дней. И это связано прежде всего с тем, что цели политики и способы их достижения не оставались неизменными, как, впрочем, не оставалось неизменным и содержание самого понятия «политика».

Политика — одна из важнейших сфер человеческой деятельности. Она выступает как неотъемлемое измерение и отражение социальной жизни. Формируясь под влиянием различных факторов, политика накладывает неизгладимую печать на коллективную жизнь людей. Ее необходимо учитывать, с ней нужно считаться, даже если она заслужила наше глубокое презрение и пренебрежение.

Политика привычна, известна каждому. Вместе с тем она характеризуется элементами таинственности, загадочности, недоступности и даже мистики.

Что же такое политика? Ответ на поставленный вопрос и прост, и сложен. Прост потому, что каждый человек имеет свою точку зрения по поводу политики. И это понятно. Политика является неотъемлемой частью окружающей человека реальности. Она сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Близость, каждодневное присутствие, известность и кажущаяся простота и

ясность политики затрудняют осознание ее содержания, особенностей и конечного смысла.

Между тем за очевидностью и каждодневным присутствием политики в жизни человека обнаруживается ее сложность, таинственность, комплексность. Более того, нередко политика оказывается неуловимой в своем содержании и целях для простого человека. Неуловимой она является потому, что политика — это вовсе не вещь. Она являет собой подвижную и многообразную практику. Вместе с тем политика придает явлениям и событиям жизни определенное качество, присущее тому, что называется политическим.

Следует сказать и о том, что простые ответы на поставленный выше вопрос представляют собой чаще всего ценностное суждение (плохая или хорошая, например, политика), что вовсе не добавляет ясности о сущности и проявлениях политики.

В то же время даже на бытовом уровне можно выделить две крайние точки зрения на политику. Для одних она олицетворяется с преданностью общественному идеалу, стремлением всего себя без остатка посвятить служению людям. Для других — политика предстает как циничная, изворотливая деятельность, движущими мотивами которой являются непомерные корыстные амбиции, циничная и не брезгующая никакими средствами деятельность, в основе которой лежит страсть к власти и наживе.

Этимология «политики». Не вызывает никакого сомнения тот факт, что этим термином выражается реальность, выходящая далеко за рамки лингвистического содержания. И тем не менее рассмотрим этимологию термина «политика».

В греческом языке *politike* означает искусство управления государством, т. е. способ осуществления целей государства внутри и вне его территории. Понятие «политика» можно вывести также из слова того же языка — *politica*, что означает организацию общества, находящегося под определенной государственной властью.

Обращает на себя внимание тот факт, что **государство** и в том, и в другом случае выступает как **центральная категория политики**, а точнее, науки о политике и, конечно же, политической социологии.

Во французской традиции «политика» может употребляться как в мужском, так и в женском роде. В муж-

ском роде (*le Politique*) понятие политики связано с миром сущностей. Именно в этом направлении анализировал политику один из крупнейших французских политологов Жюльен Френ. Его фундаментальный труд, опубликованный в 1965 г., носит название «Сущность политики»¹.

Видный социолог и политолог Франции Жорж Бурдо определяет политику (*le Politique*) как «приведение в порядок материальных данных коллектива и его духовных элементов, которые образуют культуру». И неудивительно, что именно Ж. Бурдо принадлежит чеканная фраза, звучащая почти как афоризм: «Политика (*le Politique*. — В. Ж.) является выражением существа группы»².

Политика (*le Politique*), согласно Ф. Бро, обозначает «социальное поле противоречий интересов (реальных или воображаемых, материальных или символических), а также совпадение и частичные агрегации, регулируемые властью, обладающей монополией на легитимное принуждение»³. Следует подчеркнуть, что *функция регулирования представляет собой сердцевину политики, позволяет освещать ее природу, понимать сущность политической власти, то, чему эта власть служит, что она делает и как она это делает*.

Политика в женском роде (*la Politique*) находится как бы на более низком уровне. Она обозначает прежде всего, как считал крупный политический мыслитель Франции Р. Арон, *активность тех, кто делает политику*. К ним относятся: политики, политические партии, а также граждане в том случае, когда они становятся активистами, например, политических партий и движений, что может получать выражение в факте участия в голосовании.

Кроме того, понятие «политика» (*la Politique*) обозначает также *пространство, прежде всего символическое, указанной деятельности*. И в таком случае оно отождествляется с так называемой *сценой, где сталкиваются между собой соперничающие индивиды и группы, стремящиеся завоевать власть в государстве или добиться прямого влияния на него*. Такое соперничество

¹ См.: Freund J. L' essence du politique. P., 1965.

² Nguyen Dui-Tan J. Methodes de la science politique. P., 1991. P. 12–13.

³ Braud Ph. La Science politique. P., 1990. P. 10.

характеризует деятельность партий, лоббистских формирований, групп давления и т. п.

Политика, обозначаемая во французском языке термином в женском роде, связана также с принятием и осуществлением решений. Это означает, что политика тем самым обозначает *выработку, предложение и возможное осуществление программы действий*. В этом случае *используется термин «публичная политика»*.

В такой интерпретации политика оказывается связанной с конкретными проявлениями. Она является объектом воздействия властей и наиболее полно проявляется в классовой борьбе, социальных конфликтах и взаимодействиях.

Следует сказать и о том, что во Франции термин «политика» употребляется и во множественном числе (*des politiques*). Этим термином обозначаются программы действия властей определенного государства (политика обороны, сельскохозяйственная политика, политика здравоохранения, жилищная политика, продовольственная политика и т. д.).

Столь же неоднозначным смыслом обладают понятия, которым предпосылается определитель «политический». Действительно, говоря о политическом решении, как бы предполагается, что такого рода решение противопоставляется решению, например техническому. А в области международных отношений «политическое решение» является противоположностью военному решению того или иного конфликта. При этом, в случае политического решения, упор делается на диалог и переговоры.

Подобное различие мы встречаем и в английском языке. Англичане, как и французы, используют два различных термина. *Policy* — означает управление государством в определенной области: индустриальная политика, социальная политика, экономическая политика и т. д.

Politics означает борьбу за завоевание власти в государстве.

В русском языке такого отличия нет. Поэтому нужно всегда отмечать грань или нюанс понятия «политика», используемых для описания той или иной политической реальности.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля политика определяется следующим образом:

- наука государственного управления;
- виды, намеренья и цели государя, немногим из-

вестные, и образ его действий, при сем нередко скрывающий первые;

— вообще уклончивый и samotный образ действий¹.

Однако понимание термина «политика» не ограничивается его этимологией. Политическую социологию, как, впрочем, и политологию, интересует именно **научное значение** этого понятия.

В научный оборот термин «политика» ввел древнегреческий философ Аристотель. По его определению, политика — это **цивилизационная форма общности**, которая служит достижению «общего блага» и «счастливой жизни». Такой формой Аристотель считал античный *Polis* (город-государство).

В античном мире управление небольшими городами-государствами осуществлялось всеми свободными гражданами. Позднее содержание понятия «политика» претерпело существенные изменения, в чем сказалось радикальное преобразование сути политического управления в крупных государствах: **на передний план вышло согласование разнородных интересов различных социальных групп**, что осуществлялось и осуществляется и в наши дни правящей элитой при широком использовании возможностей государственной власти. Не случайно в начале XVI в. итальянский общественный деятель и политический мыслитель Никколо Макиавелли определял политику как «совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти и полезно использовать ее... Итак, политика есть обращение с властью, заданное обязательствами и зависящее от могущества властителя или народа, а также от текущих ситуаций»².

По мере роста разнообразия интересов и усложнения форм человеческой деятельности содержание политики становилось все более комплексным и выходило далеко за пределы государственно-организованной деятельности. Политика постепенно проникала в сферу частных интересов, оказывая регулирующее воздействие на деятельность свободных индивидов. Это дало повод немецкому социологу и политологу Макс Веберу заметить, что политика «имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. 1980. С. 261.

² Цит. по: Мухаев Р.Т. Политология: Учебник для вузов. М., 1997. С. 6.

все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской и сельской общины, о политике управления производящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем»¹.

Приведем и еще одно высказывание М. Вебера: «Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»².

Однако такое определение является во многом неопределенным и не учитывает всего разнообразия смыслов, которые выражает указанное понятие.

В «Словаре политической мысли. Люди и идеи»³, изданном в 1987 г., политика определяется следующим образом: «Термин "политика" может быть коротко определен как процесс, при помощи которого группа людей, чьи мнения и интересы изначально являются расходящимися, приходит к нахождению решений и коллективных выборов, которые навязываются этой группе и которые символизируют общую политику».

В таком определении заложен ряд элементов, последовательное рассмотрение которых позволяет понять комплексный характер понятия «политика». В самом деле, политика предполагает разнообразие мнений если не в отношении целей, то по крайней мере в средствах ее достижения. Это означает, что политика предполагает обсуждение проблем, дискуссии. Авторы словаря справедливо отмечают, что когда люди спонтанно согласны с особенностями действия или, еще лучше, если они могут прийти к единодушному мнению в итоге свободной дискуссии, то они не нуждаются в политике. Так, группы друзей или научное сообщество могут прийти к совместным действиям на основе неполитического консенсуса. **Политика необходима тогда, когда такой консенсус не получается, но группа имеет потребность в коллективном действии.**

¹ Мухаев Р.Т. Указ. соч. С. 6.

² Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 646.

³ Оригинальное название: «Political thought (The Blackwell Encyclopaedia of)», edited by David Miller, Janet Coleman, William Connolly, Alan Ryan.

Политика причастна к способам реализации решений. Это включает в себя три элемента: **убеждение, переговоры и механизм достижения конечного решения**. При помощи **убеждения** стремятся убедить противника (или оппонента) в справедливости своего мнения или своего выбора. Наиболее типическими элементами убеждения являются политические факты, речи. В ходе **переговоров** стремятся учесть позицию соперника в целях достижения консенсуса на основе взаимных уступок. По окончании этих двух этапов наступает время принятия **решения**. Решение может быть результатом формального механизма, например демократического голосования или, наоборот, неформального. Примером последнего может быть решение монарха, принятого под влиянием своих придворных.

Политика **исключает**, как правило, саму **возможность разрешения конфликтов на основе применения силы**. Человек, угрожающий оружием компаньонам с тем, чтобы заставить их принять его мнение, не имеет с ними политических отношений.

Убеждение и переговоры сопровождаются нередко жертвой своих принципов и обманом противника. В этом можно усмотреть бытующее нередко уничижительное отношение к политике.

Политика — это не только переговоры. В определенных ситуациях она предполагает, что принятое решение навязывается группе, в том числе при помощи силы или угрозы применения этой силы. В исключительных ситуациях возможны и военные действия. Это подтвердили события на Ближнем Востоке летом 2006 г., когда Израиль был вынужден начать военные действия против Ливана и Палестины.

Все это свидетельствует о том, что **политика неразрывно связана с осуществлением политической власти**.

На основе этих характеристик авторы указанного словаря справедливо утверждают, что государство является главным элементом политической арены, хотя политика, безусловно, не сводится к государству¹.

Следует сказать, что термин «политика» является многозначным, что предполагает всякий раз уточнение

значения, в котором оно употребляется. В качестве примера приведем трактовку политики В.И. Лениным:

- устройство государственной власти;
- участие в делах государства, направлении государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства;
- отношение между классами, нациями и пр.;
- политика — это концентрированное выражение экономики¹.

С позиций сегодняшнего политологического знания не представляется возможным полностью принять эти и некоторые другие интерпретации политики, свойственные марксизму. В самом деле, отождествление политики с государством означает преднамеренное сужение области политики. Государство — не единственный субъект политики. В ней участвуют наряду с государством политические партии, разного рода движения, социальные группы и т. д. И снова мы можем сказать, что ни классы, ни нации, ни расы не являются субъектами политики — совокупность людей, принадлежащих к любой из этих общностей, никогда не выступает совместно ради общей политической цели как единая политическая сила².

Как видим, понятие «политика» очень богато по своему содержанию. «Политика» и связанный с ним определитель «политический» не только констатируют некий факт, но как бы создают его в значительной мере.

3.2. Предназначение политики

При определении того, что такое политика, нельзя придерживаться только субъективной оценки, основанной на том, как один или несколько акторов рассматривают политику как таковую. Такой подход мало что дает для понимания политики. Ибо, как известно, буквально все в определенных ситуациях может быть политическим, как, впрочем, и не быть таковым. И вряд ли можно указать на тот или иной общий критерий, на основе

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 239; Т. 33. С. 340; Т. 43. С. 72; Т. 42. С. 278; Т. 41. С. 406; Т. 49. С. 369.

² См.: Кривогуз И.М. Политология. М., 1999. С. 23.

которого можно было бы квалифицировать процессы, явления, события, факты как политические или нет.

Добавим. Вне зависимости от желаний и мнений индивидов существуют такие феномены, которые по определению являются политическими. Да и наоборот. Если опираться на так называемый объективный подход, то политикой является все то, что связано с властью, которая имеет способность определять политику, говорить и действовать политически.

Однако и этот подход не является в полной мере убедительным: существует немало феноменов и проблем, которые в тех или иных условиях несут в себе так называемую политическую ставку. Такой ставкой, например, наделены акты вооруженного сопротивления властям, которое является одновременно и криминальным, и политическим феноменом.

Есть все основания полагать, что определение политики может быть или очень широким и расплывчатым, или слишком подчиненным соотношению социальных сил в обществе. Не является убедительным определение политики как некой субстанции или как проявление специфически политической природы этого феномена. **Не существует социальных фактов и проблем, которые по своей «природе» всегда являются политическими, как, впрочем, не существует социальных фактов и проблем, не способных в определенных ситуациях превратиться в политические**¹. Как считают некоторые политологи, для понимания политики предпочтительным является подход, в соответствии с которым политика рассматривается как функция, т. е. как некая цель и некие следствия, вытекающие из нее². В таком подходе наибольшее значение приобретает функция социального регулирования, которая осуществляется в любом обществе.

Общество как выражение конфликтного разнообразия

Любое общество начинается с индивида, с его природы, с его стремления к объединению или к одиночеству.

¹ См.: Freund J. Préface // Schmitt C. La Notion de politique. P., 1992. P. 18–22.

² См.: Leca J. Le repérage du politique // Projet. 1973. № 71. Janvier. P. 11–24.

Исторически сложилось так, что человек смог выжить только в силу своей способности к объединению в более или менее ограниченные группы, которые получили наименование кланов, орд или племен. А потому одной из важнейших черт человека с точки зрения социальных наук является его **социальность**.

«Рассмотрение специфически человеческих феноменов, — утверждают американские социологи П. Бергер и Т. Лукман, — вводит нас в царство социального. Специфическая человечность человека и его социальность неразрывно связаны между собой. **Homo sapiens** всегда и в той же самой мере является **homo socius**»¹.

В такой постановке вопроса вообще-то не так много нового. Напомним, что еще Аристотель говорил о том, что человек является существом социальным. Это же подчеркивал и американский философ Лео Штраус². Так же определено высказывается и представитель постструктурализма Корнелиус Кастириадис: «Не существует внесоциального человеческого существа; его нет ни в качестве реальности, ни в качестве фикции человеческого «индивида» как субстанции асоциальной, экстрасоциальной или предсоциальной. Мы не можем воспринимать индивида без языка, например, и язык существует только как социальное создание и социальный институт»³.

«Социальное животное», как понимал человека Аристотель, характеризуется, с одной стороны, неким состоянием, а с другой — определенным качеством или способностью. **Состояние** человека определяется тем, что он живет и может жить только в группе. А потому человек является одновременно животным **социальным и политическим**. Точнее, человек является социальным животным потому, что он является животным политическим. Он органично вписывается в выстроенную, организованную социальность на основе политики.

Таким образом, формирование сообщества является необходимым условием для выживания людей, и это сообщество исторически неразрывно связано с человеческим видом, который вовсе не обязательно делает это

¹ Berger P., Luckman T. La Construction sociale de la réalité. P., 1994. P. 74.

² См.: Strauss L. Le droit naturel et histoire. P., 1986. P. 122.

³ Castoriadis C. La Montée de l'insignifiance, les carrefours du labyrinthe IV. P., 1996. P. 222.

пространство приятным или спонтанно гармоничным. Социальное состояние, что называется, обречено на постоянное напряжение между необходимостью и неповоротливостью¹.

Коллективный характер человеческого общежития порождает с необходимостью его плюральность и конфликтное разнообразие. И это происходит вовсе не в силу агрессивной или жестокой человеческой природы, а в силу различий в интересах, ожиданиях и надеждах людей. Это означает, что совместное проживание не осуществляется само собой, а заложенная в обществе конфликтность представляет собой постоянную угрозу для выживания группы. А потому группы вынуждены постоянно адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Этой цели служат механизмы регулирования общественных отношений.

Частичное и переходное регулирование

Регулирование осуществляется внутри любой социальной группы. Оно позволяет формировать единство этой группы, вопреки присущему ей конфликтному разнообразию. Единство группы предполагает утверждение власти координации, примирения и регулирования. Такая власть в качестве условия своего существования и функции, которую она осуществляет, предполагает монополизацию легитимного физического насилия. Утверждение такой монополии представляет собой, с одной стороны, гарантию умиротворения социального поля на основе угрозы силой или прямого физического насилия, а с другой — гарантию уважения правил, на основании которых может и должно функционировать то или иное конкретное общество.

Наличие политической власти в обществе не «отменяет» возможности возникновения конфликтов. Различия интересов разных социальных групп общества предполагают конфликты, но власть их регулирует или примиряет с таким расчетом, чтобы обеспечить единство общества. И это единство не является раз и навсегда данным. Оно является временным, частичным и переходным.

Достижение единства общества обеспечивается на основе переговоров различных политических актеров,

участники которых не являются постоянными. Они могут меняться. Неизменным остается только сам процесс политического регулирования. И политика может в этом случае представлять как регулирующее начало, как некое связующее звено между конфликтом и интеграцией данного общества. И если конфликт торжествует (такие ситуации бывают в реальной жизни), то арбитраж конфликтующих сторон оказывается невозможным, а единство общества не может быть обеспечено. В этом случае политика исчезает, а вместе с ней исчезает и социальная группа, охватывающая данное общество.

Выдвинем и такую гипотезу. Если данное общество является полностью гармоничным, т. е. обеспечивается в полной мере социальная интеграция данного общества на основе интериоризированных его членами норм, то и в этом случае политика исчезает. Это происходит потому, что она просто становится бесполезной.

Нередко политику рассматривают через призму конкретной функции, которую она призвана осуществлять. Это означает, что она может быть представлена «одновременно как цель и как следствие политической активности»¹. Другими словами, *политика является одновременно тем, что она делает, и тем, что она делает необходимым*. Поясним: политика является, например, конфликтом, но одновременно и разрешением или арбитражем этого конфликта.

Такое понимание политики является чрезвычайно важным для политической социологии. Оно позволяет дать ответ на некоторые вопросы. Назовем некоторые из них.

Когда власть становится политической? В строгом смысле данного слова, власть становится политической с того момента, как «она начинает располагать монополией на принуждение, которое гарантирует способность излагать и применять право»², т. е. определять и навязывать свой арбитраж. В более широкой перспективе политической можно считать такую власть, которая осуществляет функцию социального регулирования.

Когда проблема, решение, выбор являются политическими? Проблема, решение, выбор становятся по-

¹ Leca J. Le repérage du politique // *Projet*. 1973. № 71. Janvier. P. 17.

² Braud Ph. *La science politique*. P., 1990. P. 10.

литическими, когда они оказываются под прямым воздействием политической власти. Как мы уже отмечали, ничто по своей сущности не является политическим, но все, буквально все может стать политическим. Есть немало вещей в нашей жизни, например отношения лиц наемного труда и предпринимателей, многие вопросы морали и т. п., которые в обычной ситуации политическими не являются. Но они становятся политическими вопросами в случае появления разногласий или возникновения конфликтов, требующих регулирования со стороны политической власти.

Возникают и вопросы в связи с феноменом политической власти. Среди них можно выделить следующие вопросы, которые носят отнюдь не только теоретический характер, они затрагивают если не всех, то очень многих индивидов.

Где располагается эта власть регулирования? Она располагается в сердцевине общества, будучи инкорпорированной в его социальной структуре. Политическая власть никому не принадлежит персонально. Она, как правило, коренится в некоем политическом центре, выполняющем рассматриваемую основную функцию.

Возникает и такой вопрос: **существует ли автономия политики**, и тем самым исторически — **автономия государства? Как осуществляется такая власть?**

А следом возникают и другие вопросы: каким образом в том или ином обществе осуществляется навязывание норм и правил, утверждаемых данной политической властью? Это делается на основе использования силы, физического принуждения или при помощи убеждения? Что является пружинами власти и основаниями подчинения ей: страх, вера в легитимность власти или осознание ее необходимости?

Эти, как мы их назвали «другие вопросы», предполагают учитывать различия между такими весьма существенными понятиями, как власть, авторитет, легитимность, что нами будет рассмотрено ниже.

Невозможно обойти и такой вопрос: **кто принимает решения о том, что является необходимым для группы, для ее блага?** Ответ на этот вопрос связан с характеристикой обладателей политической власти и способов ее осуществления. Характеристика обладателей власти предполагает оценку их количества, а также их социаль-

ной идентичности. Речь в данном случае может идти о том, насколько полно они отражают социальный состав общества, или они являются только его частью? Образуют ли они в своей совокупности правящую группу или «правлящий класс»? Является ли этот класс однородным или агрегатом разных элит? Являются ли эти элиты открытыми или закрытыми? Наконец, немаловажное значение для понимания политики, политической власти имеет и ответ на такой вопрос: кто решает? И не менее важное значение имеет вопрос: **во имя кого** принимаются решения?

3.3. Локализация политики

Попытка определения политики как совокупности атрибутов, институтов или властей (т. е. способности или праве делать или заставлять делать что-либо) может создавать впечатление о ней (политике) как о фрагментарном феномене, не способном к единству. Наша же задача состоит в том, чтобы понять, каким образом образуется единство общества из конфликтных различий его социального основания.

Если попытаться кратко выразить формулу единства общества, то мы вправе сказать: **единство общества существует в силу того, что существует политика**. Однако, признавая факт невозможности существования любого человеческого общества без политики, а значит, без политического регулирования, не будем забывать того, что само это регулирование осуществляется по-своему в каждом обществе. Это определяется не только средствами регулирования, но и тем, каким образом власть локализуется, укореняется в социальных структурах этого общества¹.

Наиболее распространенной и очевидной формой локализации власти, как известно, является государство, которое образует специализированный и дифференцированный аппарат, призванный как раз и исполнять функцию регулирования общественных отношений. И эта функция является по определению политической.

Сразу же отметим, что указанная функция может осуществляться и без государства. Речь в данном случае

¹ См.: Lecomte J.-P. Op. cit. P. 48.

идет о примитивных, или архаических, обществах, в которых, конечно же, государства с его специализированными и дифференцированными аппаратами не существовало, однако политическое регулирование осуществлялось в виде подчас *невидимого* феномена в форме *социального контроля* или *принуждения*. Но это было на ранних этапах исторического развития. В современных условиях в подавляющем большинстве стран функция социального регулирования осуществляется государством.

А. Социальный контроль и единство политики

В любом обществе регулирование социальных взаимодействий в значительной мере осуществляется поверх предписаний комплексного и детализированного права и разного рода официальных запретов, т. е. поверх предписаний политической власти. Такое регулирование социальных взаимодействий строится на основе норм и правил, которые вырабатываются самим социальным сообществом. При этом власть, получающая свое выражение в выработке и навязывании уважения этих норм и правил, никому не принадлежит (ни отдельному человеку, ни институту). Функцию регулирования, или, говоря языком социологии, социального принуждения, выполняет само общество. Об этом красноречиво писал в свое время один из корифеев и основателей социологии Эмиль Дюркгейм (1858 – 1917). Говоря, что способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний, Э. Дюркгейм писал: «Эти типы поведения или мышления не только находятся вне индивида, но и наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания. Конечно, когда я добровольно сообразуюсь с ними, это принуждение, будучи бесполезным, мало или совсем не ощущается. Тем не менее оно является характерным свойством этих фактов, доказательством чего может служить то обстоятельство, что оно проявляется тотчас же, как только я пытаюсь сопротивляться. Если я пытаюсь нарушить нормы права, они реагируют против меня, препятствуя моему действию, если еще есть время; или уничтожая и восстанавливая его в его нормальной форме, если оно совершено и может быть исправлено; или же, наконец, заставляя меня иску-

пить его, если иначе его исправить нельзя. Относится ли сказанное к чисто нравственным правилам?

Общественная совесть удерживает от всякого действия, оскорбляющего их, посредством надзора за поведением граждан и особых наказаний, которыми она располагает. В других случаях принуждение менее сильно, но все-таки существует. Если я не подчиняюсь условиям света, если я, одеваясь, не принимаю в расчет обычаев моей страны и моего класса, то смех, мною вызываемый, и то отдаление, в котором меня держат, производят, хотя и в более слабой степени, то же действие, что и наказание в собственном смысле этого слова»¹.

Таким образом, такое интимное чувство, как целомудрие, в котором выражаются вовсе не *естественные*, а социально выстроенные и определенные запреты и стеснения, может рассматриваться как своеобразное диффузное и зачастую неуловимое средство социального регулирования. И это чувство нельзя рассматривать только с позиций внешнего объективного принуждения. Это принуждение во многом является следствием интериоризации (принятия и *натурализации*) каждым индивидом сложившихся в обществе ожиданий и запретов. Вслед за Э. Дюркгеймом мы можем утверждать, что «вне нас существует общественное мнение, которое судит о нас; и более того, таким же образом, как общество представлено в нас самих, оно противопоставляется внутри нас нам самим в этих революционных намеках»².

Предписывая определенное поведение в конкретных условиях социального принуждения и/или постоянства той или иной социальной группы, социальное принуждение может выполнять очевидную функцию политического регулирования. Приведем в подтверждение этого два примера. Один из них связан с утвердившимся во всех обществах запретом на совершение *убийства*, что вносит значительный вклад в дело социального умиротворения. При этом любая форма социального или политического насилия, если оно употребляется, осуществляется, как правило, на основе законодательства. Другой пример связан с почти повсеместным запретом кровосмешения

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 30.

² Durkheim É. Les Formes élémentaires de la vie religieuses. P., 1991. P. 64.

(инцеста), что выражается в запрете на сексуальные отношения между родственниками.

Как показывает практика, в большинстве случаев социальное принуждение осуществляется при опоре на религию и/или концепцию морали, которая, в свою очередь, тесно связана с религией. В итоге получается так, что религия усиливает принуждение, обеспечивая фактом своего участия в принуждении основание этого принуждения, выходящее далеко за пределы текущего времени. Неуважение к такого рода запретам и требованиям становится не только прегрешением перед лицом традиций и других людей, но и прегрешением перед Богом, что для людей верующих просто недопустимо.

Обычно, говоря о **социальном контроле**, указывают на «совокупность материальных и символических ресурсов, которыми располагает общество для обеспечения соответствующего совокупности предписанных и санкционированных правил и принципов поведения своих членов»¹.

Социальный контроль побуждает членов общества признавать и уважать целую серию фундаментальных различий: разрешено/запрещено, нормальное/девиантное, легитимное/нелегитимное и т. д. Нужно сказать, что понятие «социальный контроль» является более широким, чем понятие «социальное принуждение» Э. Дюркгейма. Это объясняется тем, что социальный контроль включает в себя объективные нормы права.

Различают две формы подчинения индивидов указанным нормам. Во-первых, это совокупность так называемых **внешних регуляторов**, представляющих собой **субъективно воспринимаемые индивидами правила как навязываемые им извне**. Индивиды могут воспринимать их как справедливые и потому подчиняются им. Нормы и правила этих регуляторов существуют помимо желания и воли индивидов, а потому они оказываются чаще всего принудительными. И это принуждение осуществляют специальные аппараты насилия.

Во-вторых, существуют так называемые **внутренние регуляторы**. Речь в данном случае идет об интериоризированных индивидами правилах. Процесс интериоризации

и усвоения индивидами норм является результатом социализации, процесса, который развивается по своим схемам.

Социализация получает свое выражение, в частности, в том, что П. Бурдьё назвал **габитусом**. Под габитусом П. Бурдьё понимает «системы устойчивых и переносимых **диспозиций**, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непрременное овладение необходимыми операциями по ее достижению»¹.

Согласно П. Бурдьё, габитус — это когнитивная структура, находящаяся между **реальным субъективным и объективным мирами и ожиданиями и поведением индивидов**². Иными словами, габитус, в понимании П. Бурдьё, представляет собой своеобразную систему мысли и представлений, опирающуюся на опыт индивидов (жизненные убеждения, социальная, экономическая, культурная среда, в рамках которых осуществлялась их социализация) и на их представления о мире, включая их вкусы, ценности, ожидания, верования. Эти представления, желания, вкусы во многом определяют поведение и выбор индивидов, что в свою очередь оказывает прямое воздействие на социальное воспроизводство.

П. Бурдьё рассматривает габитус как «структурированную структуру». И это структурирование определяется социальным контекстом, в котором растет и социализируется индивид. Схематически говоря, условия, в которых растет и проживает индивид, предваряют его социальную судьбу и одновременно предопределяют его убеждения и выбор. Другими словами, габитус «определяется в зависимости от возможного будущего, которое он упреждает и в построении которого участвует, поскольку он его непосредственно «читает» в настоящем предполагаемого мира — единственного, который он когда-либо может познать»³.

Процесс интериоризации норм и правил социальной жизни в Европе, как отмечал известный социолог и политолог Н. Элиас, развивался под воздействием, с одной стороны,

¹ Бурдьё П. Практический смысл. М., 2001. С. 102.

² См. там же. С. 100–127.

³ Там же. С. 126.

насилия, а с другой — противодействия со стороны общества принуждению как способу регулирования социальной жизни¹. Есть все основания полагать, что интериоризация (и принятие) индивидом социальных норм может рассматриваться как попытка своеобразного уменьшения удельного веса принуждения в социальной жизни.

Подчинение существующему общественному порядку в данном обществе может рассматриваться с позиции лояльности граждан этому порядку. Психологически (и очень часто социально) подчинение тому или иному общественному порядку на основе принятия правил, утверждающихся извне, как бы скрывает изначальное принуждение данного порядка. При этом тот или иной социальный актер получает моральную легитимность своего подчинения, которое осуществляется во имя, например, гражданского начала или этики, а также на основе рационального обоснования (во имя необходимости поддержки социальной жизни) и т. д.

Помимо уважения правил, органично связанных с моралью, религией или магией, интериоризация и натурализация общих социальных норм или норм, присутствующих той или иной социальной группе, необходимо учитывать, каким образом сложившаяся система ролей в данном обществе участвует в процессах социального контроля. Напомним, социологическое понятие «роль» представляет собой совокупность норм, определяющих поведение действующих в социальных системах индивидов².

Указанное понятие можно интерпретировать и как *систему принуждений и прав, и как совокупность позиций и ожидаемого поведения того или иного актера в силу его статуса и его позиции в социальном пространстве*. Как известно, в течение своей жизни, а иногда в течение одного дня индивид исполняет известное множество ролей, каждая из которых определяет его функции, поведение, уважение норм, языка и т. д.

Было бы большим упрощением полагать, что принудительный характер той или иной социальной роли не оставляет поля для маневра индивида. Все происходит так, как

¹ См.: Elias N. La Dynamique de l'Occident. P., 1990. P. 181–297.

² См.: Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 1998. С. 307.

в театре, где и заимствовано понятие «роль». Воплощая свою роль на сцене, актер театра действует в соответствии с текстом пьесы, установками режиссера. Это факт. Но, реализуя замысел автора пьесы и режиссера, актер, вне всякого сомнения, имеет пусть относительную, но все же свободу интерпретации, которая может существенно видоизменять роль от спектакля к спектаклю, придавая ей разные акценты в деталях.

Точно так же происходит и в политической жизни. Даже обладатели самых высоких политических постов, например президента или главы правительства, ограничены в своих действиях рамками конституции и разного рода нормами и правилами, присущими политической жизни данной страны. Однако, учитывая соотношение политических сил в данный конкретный момент, политики могут, а подчас и должны действовать на грани, а иногда и выходя за рамки конституционных и правовых ограничений.

Системы ролей (студент — профессор, управляющий — служащий, полицейский — гражданин и т. д.) играют существенную роль в выяснении межличностных отношений, позволяя социальным актерам постигать и приводить в движение социальный мир. Социальные роли позволяют с известной готовностью преодолевать и разрешать небывалые ситуации и/или выстраивать свои отношения с неизвестными людьми.

Следует сказать и о том, что социальная роль, навязывая социальным актерам определенное поведение и позиции, выступает как своеобразный проводник уважения правил и поведения, принятого в данном обществе. Кроме того, подобно габитусу, понятие «роль» позволяет осмыслить артикуляцию индивидуального поведения и социального принуждения. При этом нет необходимости выдвигать предположение (гипотезу) об абсолютной интериоризации и натурализации норм. Это означает, что любой социальный актер может в определенных пределах «играть свою игру». А потому принуждение той или иной социальной роли может рассматриваться как иной, менее дорогостоящий способ подчинения социальным нормам. И это подчинение оказывается только частичным, позволяющим индивиду сохранять свое «Я» и свою индивидуальность.

Разнообразные неюридические формы социального контроля являются во многом порождением современных

западных обществ, как бы дополняя этатический способ политического регулирования. Однако в примитивных или архаических обществах функция политического регулирования, как мы уже говорили, осуществлялась, по сути дела, различными формами социального контроля. Об этом свидетельствуют работы многих антропологов в разных странах. Так, Пьер Кластр, французский антрополог, убедительно показал, что примитивные общества отнюдь не являлись обществами, в которых не было политики. Это были общества, в которых просто не было государства. Или, говоря точнее, это были общества «противостоявшие государству», в которых не было дифференциации социального корпуса, а потому и переход такого рода обществ к государственной организации отнюдь не был неизбежным. Это подтвердили исследования ряда авторов в 70–80-е гг. прошлого столетия¹.

Последующее распространение этатической формы за пределы Европы определялось тем, что государственная форма политической организации общества как внутри страны, так и на международной арене облегчила условия экспорта этой этатической формы.

Политический характер примитивных обществ в современных условиях имеет, можно сказать, второстепенный характер, хотя бы потому, что почти во всех современных обществах политическая функция регулирования осуществляется специализированным и дифференцированным аппаратом государства.

Б. Государство: дифференциация, специализация и автономизация политической власти

Логика институционализации политической власти

Государство является одной из форм, хотя и господствующей в современных условиях, осуществления политической власти. Правда, эта власть существенно отличается по форме в каждом из обществ. Это во многом определя-

¹ См.: Anderson P. L'État absolutiste. P., 1978. 2 vol.; Rokkan S., Eisenstadt S.N. Building states and nations. Beverly Hills; Sage. 1973. 2 vol.; Tilly C. (ed.). The Formation of national states in Western Europe. Princeton, 1975; Tilly C. Contrainte et capital dans la formation de l'Europe. P., 1990; Wallerstein I. Le Système du monde du XV siècle à nos jours. P., 1980–1985. 2 vol.

ется воздействием феноменов *дифференциации, специализации и автономизации* политики.

Осуществление политической власти весьма существенно отличается от других функций, необходимых для существования и выживания социальных групп. Так, функция политического главы имеет тенденцию отделяться от функции религиозного главы. Нужно учитывать и то, что для той и другой функции характерна все большая *специализация*.

Параллельно с развитием процесса специализации получает развитие *дифференциация* ролей и функций. В современных западных обществах произошла не только дифференциация религиозных или экономических функций и властей, но и дифференциация институтов и персон, осуществляющих политическую власть. А поскольку политическая власть осуществляется отныне через совокупность специализированных институтов и ролей, она становится все более автономной.

Автономизация политической власти осуществляется по отношению к иным формам авторитета и социальных властей. Более того, политическая власть стремится быть независимой в своих действиях, а также в своей мотивации и легитимности. Это неизбежно приводит к автономизации политической власти по отношению к разного рода социальным силам и группам общества, а также по отношению к разным представителям власти. Неудивительно, что современное государство все больше отличается от всех тех, кто обслуживает это государство. Эти последние не являются его (государства) собственниками. Государство существует и действует во многом независимо от них. Объективируя, стабилизируя и увековечивая систему ролей, названные нами процессы (специализации, дифференциации, автономизации) участвуют различным образом в том, что называется *институционализацией* политической власти.

Включенность в совокупное историческое движение

Движение в направлении дифференциации и специализации политической власти, а также комплексификации этатического аппарата необходимо рассматривать в контексте двух «тяжелых» тенденций исторического развития человеческих обществ.

Это движение может быть рассмотрено и с позиций глобального процесса *разделения общественного труда*, что изучал еще Э. Дюркгейм¹. Отметим, что этот исторический долговременный процесс не является результатом реализации добровольно созданного или осознанного актерами социального проекта. Он является фактическим состоянием, универсальной, по Дюркгейму, тенденцией, которая может превращаться в более или менее ясно выраженный закон. Эта универсальная тенденция неизбежно ведет к комплексификации обществ.

Нет необходимости доказывать тот факт, что рост объема и плотности социальных групп ведет к трансформации природы социальных отношений и связей, объединяющих индивидов. Эволюция обществ, таким образом, отмечена усилением разделения общественного труда.

В примитивных обществах утверждается *механическая солидарность*. Для нее характерно следующее: одинаковость отношений индивидов к обществу, их *сходство*, особенно по индивидуальному сознанию, которое полностью подчиняется сознанию коллективному, что создает ситуацию, когда люди связаны между собой подобно «социальным молекулам», не имеющим возможности для «собственных движений». Э. Дюркгейм, в частности, писал: «Солидарность, вытекающая из сходства, достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю»².

В обществах, в которых утвердилось активное разделение общественного труда, солидарность становится *органической*. Такая солидарность предполагает, что люди *отличаются* друг от друга, имеют свою собственную сферу деятельности, своеобразное индивидуальное сознание и, следовательно, являются личностями. Влияние общества на индивида не утрачивается, но коллективное сознание оставляет открытым часть индивидуального сознания, которую оно не может регламентировать. Обратимся вновь к наследию Э. Дюркгейма: «И чем обширнее эта область, тем сильнее связь, вытекающая из этой солидарности. Действительно, с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен

¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

² Там же. С. 138.

труд, а с другой — деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована... Здесь, стало быть, индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей; общество становится способнее двигаться согласованно, в то время как каждый из его элементов производит больше собственных движений»¹.

В обществах с механической солидарностью доминирует *репрессивное право* со всеми вытекающими последствиями для свобод индивида. Это право опирается на силу, а не на уважение к нему людей. А потому такое право неизбежно приобретает *карательную направленность*, что выражается в пренебрежении к личности человека, в ограничении его свобод, в жесткости наказания².

Принципиально иной тип порядка утверждается в обществе с органической солидарностью. Здесь порядок *извне* поддерживается законом, а *изнутри* — тем, что индивидуальное сознание имеет самостоятельную значимость в функционировании индивида, деятельность которого становится все более специализированной и личностной. Э. Дюркгейм отмечает, что в таком обществе необходимо разделяемое всеми правосознание, которое позволяет на практике соизмерять свои права с правами других людей: «Для того, чтобы человек признал права другого не только в логике, но и в практике жизни, нужно было, чтобы он согласился ограничить свои права, и, следовательно, это взаимное согласие могло быть сделано только в духе взаимопонимания и согласия»³.

Любое общество, как считает Э. Дюркгейм, в зависимости от состояния функционирования своих структур может находиться в нормальном или патологическом состоянии. Основная причина патологии — аномальное разделение труда, которая, в свою очередь, ведет к *аномии*⁴. Аномия проявляет себя в функциональной рассо-

¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 139.

² См. подробнее: Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Указ. соч. С. 33–41.

³ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 128.

⁴ Аномия (от фр. *anomie* — отсутствие закона, организации) — 1. Состояние общества, при котором наступает дезинтеграция и распад системы норм, которые гарантируют общественный порядок. 2. Психологическое состояние, характеризующееся чувством потери ориентации в жизни, возникающее, когда индивид ставится перед необходимостью выполнения противоречащих друг другу норм.

гласованности элементов социальной структуры, в конфликтах между поколениями и социальными группами, в девиантном поведении, утрате воли к жизни, стремлении убежать от реальности. В политике аномия проявляет себя в смуте, политиканстве, диффузии власти, появлении множества «спасителей» Отечества. Дюркгейм прямо указывает на прямую связь аномии и анархии¹.

Следует подчеркнуть, что социальные связи складываются не спонтанно. Они производятся обществом и становятся очевидными через воздействие института социализации.

Подход Э. Дюркгейма получил дальнейшее развитие в творчестве Фердинанда Тённиса (1855 — 1936), который различает два состояния социальных отношений: **общность (Gemeinschaft)**, в которой эти отношения основываются на эмоциональности, духе группы и взаимном знании друг друга, и **общество (Gesellschaft)**, в котором социальные отношения являются формальными, искусственными (контрактными) и основанными на интересе².

Растущая институционализация политики, высшей формой которой становится бюрократическое государство, вписывается чем дальше, тем больше в процесс **рационализации деятельности и поведения социальных актеров**, чему значительное внимание в своем творчестве уделил М. Вебер. Рационализация охватывает, по сути дела, все стороны социальной жизни. В науке, например, она характеризуется расширением использования математики и эксперимента; в экономике — усилением роли работ по предвидению тенденций последующего развития и максимизации рентабельности, прибыли и т. д.; в административной и политической сфере — в появлении и росте бюрократии, которая, по Веберу, являет собой идеальный тип рационального управления, при котором первостепенное значение приобретает компетентность чиновников; рациональность в области права основывается на общих универсальных принципах и т. д.

В жизни современного общества утверждается, помимо сказанного, **рационализация индивидуального поведения** людей. Рационализация, согласно Н. Элиасу, присуща не только людям, но и истории современных обществ.

¹ См.: Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Указ. соч. С. 42.

² См.: Тённис Ф. Общность и общество. СПб., 2002.

Для этих обществ характерно развитие **самопринуждения**, которое направлено, с одной стороны, против высвобождения страстей и неосознанных стремлений, а с другой — на контроль над ними при помощи внешнего принуждения как способа регулирования социальных отношений.

Процесс растущей рационализации жизни сопровождает процесс, который М. Вебер назвал «разочарованием в мире». В течение длительного времени западные общества перед лицом нарастающего влияния разума характеризуются отступлением в социальном мире таинственности, магии, священного. Так, объяснение возникновения мира как творения Бога отступает перед научными интерпретациями возникновения жизни на Земле; засуха более не рассматривается только как наказание Бога за прегрешения людей; успехи медицины оставляют в прошлом веру в чудотворческую силу разного рода шаманов и колдунов и т. д. То же самое можно сказать и о политике. Повсеместно в мире утверждаются политические режимы, основанные на разуме (демократия). Демократия сменяет способы господства, основанные на вере в божественный или естественный порядок (или волю).

Предсказуемость мира, способность человека все в большей мере воздействовать на природу неизбежно ведут к демистификации этого мира, к уменьшению места в нем для магии и священного, что может вести к утрате смысла. Об этом красноречиво писал Р. Арон: «То, что умножает пространство, в котором мы живем, — это разочарование в мире. Наука приучает нас видеть во внешней реальности только совокупность слепых сил, которые мы можем иметь в своем распоряжении, однако не остается места для мифов и богов, которыми научная мысль наполнила пространство. В этом мире, лишнем своего очарования и слепом, человеческие общества двигаются ко все более рациональной и все более бюрократической организации»¹.

¹ Aron R. Les Étapes de la pensée sociologique. P. 1967. P. 563.

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

План главы

- 4.1. Дефиниция понятия «власть».
- 4.2. Лики власти.
- 4.3. Власть и господство.
- 4.4. Легитимность власти и политический порядок.

Как мы уже отмечали, политика наиболее полно проявляется через функцию регулирования конфликтного разнообразия данного общества. Это предполагает способность заставлять людей уважать запреты и обязательства, которые утверждает политика в обществе. Данная функция неразрывно связана с существованием и действием политической власти.

4.1. Дефиниция понятия «власть»

Власть как отношение предстает как некий тип действия, осуществляемого над кем-то или над чем-то. Широкое распространение в этой связи получила формула американского политолога Р. Даля: *А* обладает властью над *Б* в той мере, в какой он добивается от *Б* определенного действия, которое он мог бы не осуществлять, если бы не было влияния *А*. Согласно Р. Далю, влияние представляет собой «отношение между актерами, с помощью которого одни из них вынуждают других действовать иначе, чем они действовали бы без этого»¹. Поясним: для наличия факта власти нужна не просто соответ-

ствующая реакция *Б*, но именно такая реакция, которая отвечает желаниям *А*.

Влияние, или властное отношение, имеет самые различные выражения. Р. Даль насчитывает 14 000 форм влияния! Они основываются на самых разнообразных факторах: материальной силе, угрозе санкциями, богатстве, престиже, привязанностях, нормах и ценностях и т. д.

Что же такое власть? Р. Даль определяет ее как «особый случай влияния, который чреват серьезными потерями для тех, кто отказывается сообразовываться с ними».

Согласно Р. Далю, власть — это такие «отношения между социальными единицами, когда поведение одной или более единиц (ответственные единицы) зависит при некоторых обстоятельствах от поведения других единиц (контролирующие единицы)»¹.

Американские политологи Д. Лассуэл и А. Каплан власть характеризуют следующим образом: «Власть представляет собой особый случай осуществления влияния: речь идет о процессе, который влияет на политику других угрозой или эффективным применением суровых ограничений за несоответствие действий проведению желаемой политики»².

Как видим, власть представляется как отношение, которое характеризуется идеей взаимности. Власть *А* над *Б* соответствует способности *А* в процессе переговоров или взаимодействия добиться желаемого результата от *Б*. Переговоры или взаимодействия такого рода можно охарактеризовать метафорой обмена. При этом *А* является обладателем власти, а *Б* является свободным существом. *Б* подчиняется воле *А* на основе сложившегося неравноценного обмена в социальном отношении.

Социальное поле власти, значит, характеризуется взаимодействием, включая и обмен «ударами», между социальными актерами или субъектами в процессе их соперничества и борьбы между собой. *Нет и не может быть обладателя власти, который не осуществлял бы силовых отношений и стратегий*. И потому осмысление власти осуществляется в терминах целей, средств, боев, сражений. Да, власть и представляет собой совокупность

¹ Dahl R. Power // International encyclopedia of the social sciences. N. Y., 1968. P. 407.

² Lasswell D., Kaplan A. Power and Society. N. Y., 1950. P. 74.

скоординированных действий по отношению к иным действиям и потому напоминает собой в определенном смысле военное искусство.

Интерпретация власти как отношения, предложенная Р. Далем, может рассматриваться как частичная и предварительная, по крайней мере с такой точки зрения, согласно которой это отношение является неравновесным, о чем, к примеру, говорит французский социолог Э. Фридберг. В своей книге «Власть и правило» он, в частности, утверждает: «В любом поле действия власть может быть определена как неуравновешенный обмен возможного действия, т. е. поведения совокупности индивидуальных и/или коллективных актеров»¹.

Это означает, что если власть рассматривается как отношение, то это вовсе не означает, что она является транзитивной².

«Власть, — утверждает Э. Фридберг, — не является атрибутом, и ей невозможно обладать. Это не есть некое благо, которое можно унести с собой, чтобы где-то хранить на складе, или на котором можно экономить, как экономят на деньгах. А потому невозможна аналогия между властью и деньгами в том, что касается обмена: на власти нельзя экономить».

Если власть неотделима от отношения, через которое она осуществляется, то она становится транзитивной. И это вынужден признавать Э. Фридберг. «Мне кажется, что нетранзитивность власти связана с ее реляционной природой», — замечает он.

Почему? Это связано с тем, что можно назвать **взаимозависимостью** участников властного отношения. Отсюда вытекает очень простой вывод о том, что власть не может рассматриваться только с точки зрения «результата» ее действия. Этот результат является если не двухсторонним, то, по крайней мере, взаимным. А это позволяет делать вывод о том, что взаимозависимость «причины» и «результата» подорывает до основания классическую идею власти-причины.

Следует сказать, что властное отношение, как таковое, предполагает, чтобы тот, кто осуществляет власть

¹ Friedberg E. Le pouvoir et la règle. P., 1993. P. 113.

² Транзитивность (лат. transitus — переход) — свойство величин, состоящее в том, что если первая величина сравнима со второй, а вторая с третьей, то первая сравнима с третьей и т. д.

(А), мобилизовывал бы ресурсы, которые обеспечивали бы эффективность его власти. В этой связи Ф. Бро, уже упоминавшийся нами, выделяет две основные категории власти: **власть-приказ** и **власть-влияние**¹.

Власть-приказ характеризуется угрозой (или даже реальной перспективой) применения санкций в случае невыполнения приказа. А это связано с открытым принуждением, а в отдельных случаях — и с физическим насилием. Это принуждение бывает трех видов.

1. Фактическое принуждение, которое выражается в фактическом использовании отношения силового неравенства (угроза применения оружия, угроза оглашения информации и т. п.).

2. Моральное принуждение, которое основывается на мобилизации в свою пользу этики, рассматриваемой в качестве легитимной обеими частями силового отношения. Примером тому могут быть: кодекс чести рыцаря, самурая или представителя преступного мира, закон молчания мафии или некоторых местных сообществ, христианская мораль и ее ценности и т. д. Такое принуждение в значительной мере является психологическим, но оно бывает не менее эффективным, чем принуждение физическое.

3. Юридическая норма является собой самое институционализированное принуждение, отказ от выполнения которой неизбежно приводит к санкции (штраф, тюремное заключение, смертная казнь и т. п.), которая, как правило, заранее определена и которая накладывается судом или администрацией и гарантируется государством.

Власть влияния опирается на иные основания, к которым относятся, с одной стороны, **убеждение**, а с другой — **авторитет, легитимность**.

Убеждение. С его помощью осуществляется чувственное воздействие на индивида, которое, в свою очередь, мобилизует его волю. Убеждение представляет собой, на первый взгляд, достаточно мягкое средство воздействия на людей. С его помощью весьма эффективно создается авторитет, например главам государств. Убеждение играет незаменимую роль в навязывании той или иной формы политического господства. Его достигают не при помощи

¹ См.: Braud Ph. Du pouvoir en général au pouvoir politique // Greawitz M., Leca J. (dir). Traité de science politique. P., 1985. T. 1. P. 348–357.

«штыка» и прямого физического насилия, а силой слова. Воздействие последнего в случае, когда правит харизматический лидер, усиливается его особым даром влиять на людей. Такой лидер покоряет сердца, обольщая миллионы людей.

Нужно сказать, что власть, основанная на убеждении и обольщении, обладает высокой устойчивостью. Об этом хорошо сказал французский политический мыслитель Ален¹: «Самой энергичной является такая власть, которая получает одобрение свободного человека, точнее, свободное одобрение свободного человека. В таком случае сила оставляет свои штыки и стремится к обольщению»².

Обольщение и убеждение осуществляются при помощи средств массовой информации, религии, рекламы. Причем они действуют на индивидуальном уровне, где сила и стратегия не применимы. На этом уровне человек сам утверждает свою власть. Об этом очень хорошо сказано французским драматургом П. Корнелем (1606 – 1684) в трагедии «Цинна».

*Пусть злобный рок зовет сам ад в громах, в огне;
Собой владею я, и мир покорен мне.
Я крепко власть держу. В грядущем сохранится
Моей победы день³.*

Разновидностью убеждения как формы влияния является **манипуляция**, представляющая собой целую систему способов идеологического и духовно-психологического воздействия на людей с помощью прежде всего средств коммуникации с целью подчинения людей власти. Уже упоминавшийся нами французский политолог Ф. Бро следующим образом характеризует феномен манипуляции: «Манипуляция представляет собой вариант убеждения, который характеризуется скрытностью. **А** влияет на **Б** без его ведома, ориентируя его на желаемое для себя поведение, о чем сам **Б** не ведает. Манипуляция общественным сознанием может приобретать форму кампаний, слухов, источник которых неизвестен. Моральная оценка манипуляции

¹ Ален (Alain), настоящее имя Шартъе Эмиль Огюст (1868–1951) — французский философ, писатель, литературный критик, эссеист.

² Alain E. Propos 11. 1921. 25 juin. P., 1951. P. 396–397.

³ Корнель П. Театр: В 2 т. М., 1984. Т. I. С. 442.

заключается в том, что субъект, подверженный манипуляции, предстает как жертва незаконного процесса»¹.

Убеждение может основываться на **обещании выгоды** (материальных или моральных), которые могут ожидать того (тех), кому доводы того или убеждения адресованы. Это является одной из разновидностей стремления тех сил, которые дают обещания изменить представления людей. Так, в политике полно примеров того, как, например, глава правительства, в обмен на нужное голосование депутата, обещает ему тот или иной ответственный и хорошо оплачиваемый пост. В таком случае этот депутат оказывается в ситуации выбора: или сохранять верность линии своей партии и отказываться от предложения, или, подвергаясь соблазну обладания престижной должностью, голосовать вопреки линии партии.

Другой разновидностью влияния, как мы уже отмечали, является **легитимный авторитет**, который является свидетельством того, власть, та или иная политическая сила или конкретный политик в глазах населения (избирателей) предстают как выразители доверия со стороны граждан. При наличии такого доверия люди могут верить политикам на слово, будучи убежденными в том, что они все делают в их (людей) интересах. В этом случае не имеет значения, что говорится. Важно только, **кто** говорит и **кто** действует, когда речь идет о политических решениях или их реализации. Так, выдающийся американский политолог Х. Арндт вполне справедливо отмечает, что основная характеристика авторитета заключается в том, что те, кто ему подчиняется, «признают его безусловно; и в этом случае нет никакой потребности в принуждении или убеждении»².

4.2. Лики власти

Влияние является не единственным выражением такого сложного и комплексного феномена, каким является власть. Не менее важное значение для понимания власти имеет все то, что связано с ответом на вопрос «Кто правит?». В начале 60-х гг. прошлого столетия ответ на этот вопрос попытался дать американский политолог Р. Даль,

¹ Braud Ph. Sociologie politique. P., 1992. P. 35–36.

² Arendt H. Du mensonge à la violence. P., 1989. P. 145.

опубликовавший специальную работу под названием «Кто управляет? Демократия и власть в американском городе». В своей работе Р. Даль подверг критике так называемый **репутационный** подход, который до него исповедовали некоторые известные политологи¹. Одним из представителей такой точки зрения был Флойд Хантер. Он отождествлял конкретных людей или группы, находящиеся у власти, с реальной и предполагаемой властью. При этом «обладание властью» и «репутация обладателя власти» были для него, по сути дела, одним и тем же².

В противовес сторонникам репутационного подхода Р. Даль предложил подход, в основе которого лежало решение. Согласно Р. Дально, **власть предстает как принятие решений**. Этот «лик» власти определяется целенаправленными действиями, которые так или иначе определяют существо принимаемых решений. Р. Даль исходил из необходимости для понимания власти и властных отношений осуществлять анализ решения. Такой подход открывал возможность учета условий, в которых те или иные решения принимаются, а также открывалась возможность идентифицировать актеров, которые оказывают влияние на принятие решения, а кроме того, оценивать природу, масштаб и интенсивность их влияния.

На решения людей можно воздействовать различными способами. В книге «Три лика власти»³ Кит Боулдинг в этой связи выделил такие методы, как использование силы и устрашение («кнут»); различные формы взаимовыгодных отношений («сделка») и отношения, основанные на взаимных обязательствах, симпатии и тому подобном («пряник»).

Подход Р. Далья вызвал довольно оживленную дискуссию среди политологов и социологов. С одной стороны, он подвергался существенной критике, а с другой — эта критика позволила внести определенные уточнения в понимание и определение власти.

Так, американские политологи П. Бахрах и М. Баратц настаивали на необходимости учитывать «второй лик»

¹ См.: *Hunter F.* Community power structure: A Study of Decision Makers. Chapel Hill, 1953.

² См.: *Birnbaum P.* (dir.). Le pouvoir politique. P., 1975. P. 48–79.

³ См.: *Boulding K.E.* Three Faces of Power. Newbury Park, London; New Delhi, 1990.

власти¹. Этот второй лик представляет собой способность той или иной политической силы воспрепятствовать принятию решений. Здесь речь идет о том, кто контролирует политическую повестку дня, кто изначально решает, какие вопросы будут обсуждаться, а какие — нет. В этой связи можно сказать, что некая частная корпорация может осуществлять свою власть, во-первых, выступая, например, против закона о защите прав потребителя («первый лик власти»), но также делая все, чтобы партии и политики вообще не выносили этого вопроса на публичное обсуждение («второй лик власти»).

Еще дальше идет Стивен Льюкс, который полагает, что указанных нами «двух ликов» власти недостаточно для ее понимания. Он настаивает на необходимости анализа третьего «лика» власти. Третий «лик» власти — это способность влиять на других людей, воздействуя на их мысли, желания и потребности. Эта власть выражается в психологическом контроле или в том, что называется «идеологической промывкой мозгов». Заметим: данный «лик» власти характеризуется отсутствием открытого конфликта между субъектом и объектом и является выражением наиболее эффективной и одновременно коварной формы власти². Примером здесь могла бы послужить индустрия рекламы, убеждающая общество в ненужности нового закона о защите прав потребителя по той причине, что корпорации уже позаботились о решении такой-то и такой-то проблемы. В политической жизни эта форма власти проявляется в использовании пропаганды и вообще в методах идеологического воздействия³.

С. Льюкс ставит под вопрос довольно распространенную до него в политической науке идею о том, что власть напрямую связана с конфликтом и даже предполагает наличие конфликтов. А это значит, что ее существование связано с утверждением своеобразного триумфа над сопротивлением власти. Подобная позиция характерна для М. Вебера и французского социолога Франсуа Шазеля⁴.

¹ См.: *Bachrach P., Baratz M.* Two faces of power // American political science review. 1962. Vol. 56. P. 947–952.

² См.: *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 194.

³ См.: *Хейвуд Э.* Политология. М., 2005. С. 13.

⁴ См.: *Chazel F.* Pouvoir // Boudon R. (dir.) Traité de sociologie. P., 1992. P. 202–203.

Третий «лик» власти позволяет, согласно С. Льюксу, уточнить феномены авторитета и влияния, которые как бы находятся «над» конфликтом. Они не преодолевают сопротивление, но противодействуют его появлению. Таким образом, третий «лик» власти находит свое выражение в способности некоторых институтов (в первую очередь институты социализации, к числу которых относятся семья, школы, СМИ и т. п.) противодействовать тому, чтобы некоторые ставки обсуждались, чтобы те или иные решения принимались или, что еще важнее, чтобы те или иные вопросы воспринимались в обществе как проблемы, требующие своего решения.

Вклад С. Льюкса в развитие представлений о власти считается общепризнанным. Прежде всего это касается критики «поведенческого крена» в концептуализации власти, присущего, как уже отмечалось, большинству его предшественников, а также аргументов в пользу возможного существования власти в условиях наблюдаемого консенсуса между сторонами (когда одна из них не осознает себя объектом власти другой): власть может быть не только над поведением людей, но и над их сознанием, волей, желаниями, верованиями. Вполне обоснованно российский исследователь вопросов власти профессор В.Г. Ледяев отмечает: «Льюкс, безусловно, прав и в том, что "третье лицо власти", при котором объект не в силах сопротивляться воле субъекта, относится к числу наиболее эффективных и одновременно наиболее коварных ее форм. И если мы хотим использовать понятие власти для обозначения всех форм контроля субъекта над объектом — всех ситуаций, когда субъект заставляет объект делать то, что объект в ином случае не стал бы делать, — видение власти должно быть трехмерным»¹.

4.3. Власть и господство

Два основных понятия «*Macht*» и «*Herrschaft*» органично вписываются в самую сердцевину представлений о власти М. Вебера. Первое из них переводится как «власть», а также как «могущество» или «сила», и оно «означает возможность добиться триумфа сво-

ей воли внутри социального отношения, даже вопреки сопротивлению; и не имеет значения, на чем основана эта возможность»¹.

Указание на сопротивление и тем самым на наличие открытого конфликта, в котором победу одерживает власть, не должно смущать читателя. Такое сопротивление вполне может существовать, правда, это не значит, что оно существует в данный момент. И если власть может побеждать это сопротивление, то было бы большой ошибкой полагать, что само существование власти всегда должно ассоциироваться с открытым конфликтом. Резюмируя позицию М. Вебера, Ф. Шазель отмечает: «Одна из наиболее *типических* черт власти заключается в преодолении заявленной оппозиции; однако существование оппозиции этого типа не является *общей* особенностью всех властных отношений: она не означает бесспорного знака идентификации»².

Приведенная нами реляционная дефиниция власти М. Вебера является достаточно широкой, ибо не учитывает ни оснований власти (например, мобилизуемых ресурсов), ни особенностей ее осуществления. А точнее говоря: такое понимание власти не охватывает всех ее ресурсов и средств. Не потому ли сам М. Вебер определяет эту концепцию как «социологически аморфную»³.

Своеобразным уточнением данной концепции является понятие «*Herrschaft*», которое переводится с немецкого языка как «авторитет» или «господство». «*Herrschaft*», по М. Веберу, «означает шанс найти людей, готовых подчиняться приказу определенного содержания»⁴. В таком понимании господство (авторитет) предполагает согласие того, кто подчиняется, и легитимность того, кто командует. И то и другое связаны между собой. Именно согласие управляемых основывает легитимность. При этом легитимность может быть определена как «качество власти, согласие с которой основывается не на принуждении как первичном ресурсе, а на свободном согласии населения с властью, которой подчиняются»⁵.

¹ Weber M. *Économie et société*. Т. 1. P., 1995. P. 95.

² Chazel F. *Op. cit.* P. 202.

³ См.: Weber M. *Économie et société*. Т. 1. P. 95.

⁴ Ibid.

⁵ Hermet G. *Légitimité* // Guy Hermet, Bertrand Badie, Pierre Birbaum, Philippe Braud. *Dictionnaire de la science politique et des institutions politiques*. P., 1998. P. 140.

И наоборот, легитимность власти обосновывает и утверждает согласие населения с ней. Таким образом, особая форма власти, какой является авторитет, представляющий собой «влияние, осуществляемое обладателем власти, направленное на тех, к кому он обращается за признанием своего превосходства, которое оправдывает его роль командования и ориентации и... приводит (их) к добровольному подчинению»¹.

Политическая власть и власть вообще имеют два лица. Одно из них связано с принуждением, силой и насилием, а второе — с согласием, добровольным подчинением и легитимностью. Указанное различие в образе политической власти предполагает наличие двух аспектов во властных отношениях: принуждение к подчинению и согласие с ним. Такая интерпретация власти позволяет выявить, на чем основывается подчинение власти.

Политическая власть как связующее звено между силой и согласием

Политическая власть тесно связана с насилием. И в этом нет ничего удивительного. Изначально политика, как таковая, возникает из необходимости преодоления угрозы насилия со стороны тех сил, которые выступали против становления политической организации общества. Однако указанное противодействие насилию не отменяло самого насилия. Сама рождавшаяся политическая власть для решения проблем безопасности и государственного строительства постепенно приобрела монополию на использование насилия. И эта монополия стала важнейшим инструментом государственного управления. Монополия на физическое насилие, в частности, гарантировала и гарантирует в наши дни уважение гражданами данного государства правил и норм, которые издает политическая власть. Однако было бы неверным утверждать, что насилие является единственным, привилегированным или наиболее эффективным средством политической власти. Как, впрочем, неверно было бы рассматривать насилие в качестве ординарного средства власти.

Насилие — сердцевина власти и политического порядка

Исторически наиболее радикальное видение взаимоотношения власти и политики было предложено сторонниками марксистского учения. Они полагали на протяжении длительного времени, что сила, контроль и использование аппарата насилия лежат в основе подчинения людей государству, а поддержание социального и политического порядка в классовом обществе основывается на «изначальном» насилии господства и эксплуатации человека человеком.

Для Маркса и его последователей вплоть до последней трети XX столетия государство (политическая власть) рассматривалось не иначе как инструмент насилия одного, правящего класса над другими классами, предназначением которого является преимущественно сила и принуждение. Более того, государство, по убеждению марксистов, является своеобразной «вооруженной рукой» правящего класса для поддержания и воспроизводства своего господства, для угнетения во имя своего обогащения всего общества в целом. Относительно небольшая численность правящего класса побуждает его развивать институты насилия (полиция, армия, тюрьмы, право, говоря иначе и более обобщенно, — государство), что обеспечивает подчинение ему всего общества в целом и предохраняет его от возможных бунтов и революций угнетенных классов.

Согласно марксистским представлениям, в экономике коренится динамика истории: в трансформациях самой экономики (природы богатства и источников прибыли) и в борьбе антагонистических классов происходят изменения самого общества. Политика, о которой мы ведем речь, зависит от экономических отношений, которые, в свою очередь, отражают сложившуюся и меняющуюся социально-классовую структуру общества. Политические изменения (государство, политический режим или право) являются отражением, хотя подчас и с некоторым опозданием, изменений производственных отношений. Так, монархия политически обеспечивает господство земельных собственников (аристократии) в аграрной экономике, а демократия — господство владельцев капитала (буржуазии) в индустриальной экономике.

Политика, обеспечивая господство правящих классов в эксплуататорских обществах, в значительной мере

ориентируется на осуществление функции принуждения, которая в XIX в. преимущественно была связана с деятельностью карательных органов в лице полиции и армии. Именно эти два института обеспечивали в те годы сохранение «буржуазно-капиталистического-демократического» общественного порядка, осуществляя репрессии против рабочего движения.

В то же время К. Маркс придавал немалое значение идеологии, которая, по его глубокому убеждению, являет собой так называемое ложное сознание, не позволяющее угнетаемым классам осознать свои подлинные интересы и средства их защиты, а также отвлекающее внимание от основных политических проблем и ставок. Конечно, насилие является первостепенным инструментом государства. Но политическая власть не может строиться только при опоре на насилие, принуждение. Она действует не только при помощи силы, но и максимально (насколько возможно) стремится опираться на согласие с властью как можно большего числа людей.

Уже в XIX в. марксисты были убеждены, что революция неизбежна на Старом континенте. Однако это предсказание не было осуществлено. И в последующем, уже в XX в., лучшие умы, из числа марксистов, стремились отыскать причину поражения дела революции в развитых странах Запада. Так, Антонио Грамши (1891 — 1937), один из основателей Итальянской коммунистической партии, рассматривает государство и его деятельность с двух сторон. С одной стороны, государство действительно осуществляет функцию насилия, принуждения, обеспечивая тем самым «господство» правящего класса, а с другой — государство последовательно осуществляет деятельность по объединению всех классов вокруг власти. Это означает, что государство не только принуждает, но и все делает для убеждения людей в необходимости его поддержки. Эту вторую функцию А. Грамши назвал гегемонией, которая осуществляется при помощи идеологии, школы, средств массовой информации, а более широко — при помощи институтов социализации, которые участвуют в формировании веры в легитимность политической власти (государство, политический режим, руководители, ориентации политики и т. п.).

114 В 60 — 70-е гг. прошлого столетия мировое коммунистическое движение вновь обращается к осмыслению

феномена насилия, роли идеологии в перспективе будущих революционных преобразований. Значительным вклад в этом отношении крупного марксистского мыслителя во Франции Луи Альтюссера (1918 — 1990). Он внес значительный вклад в анализ отношений между суперструктурой и инфраструктурой, различая три уровня — экономический, юридическо-политический и идеологическо-культурный. Это позволило несколько смягчить экономический детерминизм теории Маркса и тем самым привлечь на сторону марксизма немалое число интеллигенции. Этому же способствовало и то, что Альтюссер не связывает политическое господство только с репрессивными мерами. В «Идеологических аппаратах государства», работе, которая по-новому стала трактовать ряд вопросов теории и политической практики, он утверждает, что воспроизводство политического господства осуществляется в значительной мере через деятельность таких институтов, как семья, школа, пресса, церковь, политические партии, профсоюзы и т. д. Эти институты широко используют технологии манипуляции сознанием при помощи идеологических или символических средств.

«Идеологические аппараты, — утверждает Л. Альтюссер в своей статье "Идеологические аппараты государства", — не совпадают с репрессивным аппаратом государства. Напомним, — пишет он, — что в марксистской теории аппарат государства включает в себя: правительство, администрацию, армию, полицию, суды, тюрьмы и т. д., которые в своей совокупности образуют то, что мы называем репрессивным государственным аппаратом. Репрессивный указывает на то, что государственный аппарат, о котором идет речь, "функционирует на основе насилия", как крайней мере (т. к. репрессия, например административная, может выражаться в нефизических формах воздействия).

Мы называем идеологическими аппаратами государства (ИАГ) определенную реальность, которая предстает в глазах наблюдателя в форме различных и специализированных институтов. Мы полагаем, что их эмпирический перечень, который предполагает детальный анализ, должен быть подвергнут испытаниям, уточнению и исправлению. С учетом этого требования мы можем в настоящее время рассматривать в качестве идеологических

аппаратов государства следующие институты (порядок в нашем перечислении не имеет особого значения): религиозные ИАГ (система различных церквей); школьные ИАГ (система различных школ, публичных и частных); семейные ИАГ; юридические ИАГ; политические ИАГ (политическая система с различными партиями); профсоюзные ИАГ; информационные ИАГ (пресса, радио, телевидение и т. д.); культурные ИАГ (литература, искусство, спорт и т. д.).

Фундаментальное различие между ИАГ и репрессивным государственным аппаратом заключается в следующем: репрессивный государственный аппарат *"основывается на насилии"*, тогда как ИАГ — *"на идеологии"*.

Мы можем уточнить это различие. Мы можем сказать, действительно, что каждый аппарат государства, вне зависимости от того, является ли он репрессивным или идеологическим, "функционирует" одновременно при опоре на насилие и на идеологию, но с очень существенным различием, заключающимся в том, что нельзя смешивать ИАГ с репрессивным государственным аппаратом.

Репрессивный аппарат государства функционирует в условиях преимущественного использования репрессий (в том числе и физических) и только во вторую очередь — с опорой на идеологию. (Не существует полностью репрессивного аппарата.) Например: армия и полиция опираются и на идеологию с тем, чтобы обеспечить свое собственное единство и воспроизводство, а также на "ценности", которые они распространяют вовне.

Подобным же образом, но наоборот, мы должны сказать, что ИАГ функционируют в условиях преимущественной опоры на *идеологию*, и лишь во вторую очередь — с опорой на репрессии... (Не существует чисто идеологического аппарата.) Так, школа и церкви "приучают" к методам, связанным с санкциями, исключением, селекцией и т. д. ... Так же и в семье...

В соответствии с нашим пониманием, *ни один класс не может прочно удерживать государственную власть, не осуществляя одновременно своей гегемонии над идеологическими аппаратами государства и внутри них*¹.

По Л. Альтюссеру, насилие и принуждение, социальный и политический порядок, основанные на определенной форме господства, оказываются «оптимальными» тогда, когда получают идеологическую поддержку, позволяющую хотя бы частично экономить на применении силы и обеспечивать поддержку политического порядка гражданами страны, в том числе и теми из них, кто в той или иной мере являются жертвами данного политического порядка. Вывод Л. Альтюссера однозначен: поскольку только силы недостаточно для поддержания господства правящего класса, то этот класс не может прочно удерживать государственную власть, не осуществляя в обществе своей гегемонии над идеологическими аппаратами государства и внутри них¹.

Другой французский политический мыслитель П. Бурдьё продолжает и комплексифицирует приведенную выше схему анализа. Не порывая с пониманием политического порядка как порядка, основанного на насилии, Бурдьё обнажает механизмы, при помощи которых это насилие интериоризируется теми, на кого оно направлено, и сбрасывает вуаль с реального насилия, которое является порождением социального господства. Он вводит понятие *«символического насилия»*.

Если вслед за Марксом П. Бурдьё сохраняет представление о том, что социальная реальность является совокупностью *силовых отношений* между социальными группами, исторически находящимися в отношениях борьбы друг с другом, то он использует и подход М. Вебера к социальной реальности как совокупности *отношений сознания*, и потому эта реальность имеет символическое измерение. По Бурдьё, представления и язык участвуют в построении социальной реальности, даже если они не выражают всей этой реальности.

Согласно Бурдьё, нужно, чтобы внешние социальные условия в представлениях и даже речах были бы соблюдены с тем, чтобы они имели эффективное влияние на реальность, и эти условия были бы благоприятными для реальности, предварительно вписанной в головах и институтах. Это именно тот случай, который он называет «эффектом теории»², т. е. эффекты, которые может

¹ *Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // La Pensée. 1970. № 151. Mai-juin. P. 12–15.*

¹ См.: *Althusser L. Positions. P., 1976. P. 86.*

² См.: *Bourdieu P. Ce que parler veut dire. P., 1982. P. 156–161.*

вызывать философская и/или социологическая теория о социальном мире (например, марксистская теория классово-борьбы); эти эффекты предполагают, чтобы агенты освоили элементы данной теории и чтобы она могла бы опираться на институты. Речь идет о другой особенности отношения между знанием ученого и обычным знанием; в движении от одного к другому часть социологических теорий прошлого может быть интегрирована в объект сегодняшнего социологического анализа.

Учет символического измерения социальной реальности имеет последствия для способа осмысления отношений господства (асимметрии ресурсов) между индивидами и группами. И тут появляется понятие **символического насилия**. Разнообразие форм господства, по крайней мере, исключительного и непрерывного обращения к вооруженной силе (которая, в свою очередь, предполагает символическое измерение, т. к. она определенным образом воспринимается и объясняется) должно быть легитимировано, признано как легитимное, т. е. приобретать позитивный смысл и становиться «естественным», подобно тому как сами господствуемые принимают господствующий порядок, не зная об его механизмах и арбитражном характере (неестественный, не необходимый и тем самым исторически преобразуемый). Это двойственный процесс **признания** и **незнания** являет собой принцип символического насилия и тем самым легитимации различных видов господства.

Символическое господство позволяет, по Бурдьё, «натурализовать социальное», т. е. побуждает его проявляться как естественное и оправданное. В этом случае легитимизируется неравенство (благ, условий, шансов и т. п.), которое структурирует общество, а вместе с ним и неравенство социальных судеб людей. Легитимизация социального в широком смысле слова скрывает социальное происхождение неравенства как такового, которое структурирует различные социальные поля общества. Так, побуждая признавать легитимность диплома как свидетельство профессиональной компетенции, люди неизбежно воспринимают как легитимное неравенство социальных и профессиональных судеб, присущих капиталистическому обществу. Тем самым за неравными успехами в школе осуществляется своеобразная маскировка социального неравенства культурных и экономиче-

ских ресурсов, которые предшествуют, как правило, последующим успехам обучения в школе.

Символическое насилие, по П. Бурдьё, иногда отождествляют с процессом, нацеленным на то, чтобы «заставить не знать для того, чтобы заставить признать»: заставить не знать социальные истоки школьного неравенства, чтобы заставить признать его феноменом, в основе которого лежит компетентность (школьная), в качестве основы господства, которое по своей сути является социальным. Символическое насилие, будучи насилием нефизическим, является не менее реальным. Это так потому, что насилие этой разновидности господства (изначальное неравенство условий и неравенство шансов) является цельным, что дополняется признанием управляемыми легитимности своей позиции, признанием ситуации, в которой они объективно находятся, с точки зрения подчиненности, нормальной или оправданной. И это насилие может быть даже более жестким для человека, чем физическое насилие.

Не составляет труда увидеть, что невозможно объяснить политическую преданность только при помощи силы. В этом вопросе подход П. Бурдьё амбивалентен. Это так потому, что, рассматривая символическое насилие пружиной социального господства, он признает, что сила и принуждение (чистое, физическое или ясно выраженное) не являются ни первичным основанием политического порядка, ни проявлением или привилегированным средством политической власти. Неважно, что социальные актеры испытывают заблуждение или просто обманывают себя, принимая ценности и верования, которые учреждает власть и которые увековечивают ее господство. Суть вопроса заключается в том, что, принимая указанные ценности и верования, люди делают это добровольно, что во многом связано с незнанием своих собственных интересов и своей собственной «реальной» ситуации¹.

4.4. Легитимность и политический порядок

Политический порядок, как правило, в меньшей мере основывается на насилии или угрозе насилия или на силе,

¹ См.: Lecomte J.-P. Op. cit. P. 78–79.

принуждающей к подчинению, чем на согласии с властью и добровольном подчинении ей. Политическая лояльность в данном обществе достигается в меньшей мере на основе использования силы или могущества (*Macht*), чем на основе признаваемого, а не навязываемого авторитета (*Herrschaft*). Это следует понимать так, что первостепенное значение для политической власти имеет согласие населения на подчинение ей. Ибо согласие с властью обеспечивает более сильную и более эффективную мобилизацию, чем насилие. Вот почему любой политический аппарат, да и само государство стремятся добиваться того, чтобы убедить население в обоснованности своей стратегической позиции в обществе и правомерности своих распоряжений. Вопрос легитимации власти, необходимость утверждения легитимности встает с особой силой в ходе процесса дифференциации и специализации политического центра.

В примитивных обществах, назовем их иначе — обществах без государства, без специализированного политического центра вопрос легитимности политической власти вообще не встает. Это связано, в частности, с тем, что в данных обществах проведение в жизнь политики является как бы невидимым, ибо основывается на изначальном согласии с ней всех членов архаического общества, а их социальное состояние не становится объектом дискуссий или вопросов.

Политическая власть, если она существует, предполагает хотя бы какой-то минимум согласия населения с ней. При этом у нас есть все основания утверждать, что там, где существует только насилие, политика как таковая исчезает. Она исчезает как функция и как вид деятельности в силу того, что в таком обществе нет и не может быть диалога между конфликтующими группами, а достижение единства общества заменяется стремлением ликвидировать противника.

Х. Арендт в более радикальном подходе утверждает антитетический¹ характер власти и насилия. Они противоположны друг другу, в первую очередь по факту того, что власть не может обойтись без легитимности, в то время как «насилие может быть оправданным», но «оно никогда не будет легитимным»². Эта неразрывность и даже

консубстанциональность власти и легитимности, порывающими радикально с веберовским различием власти и господства, вытекает из подхода восприятия Х. Арендт власти. Власть для нее «никогда не является индивидуальной особенностью; она принадлежит определенной группе и продолжает ей принадлежать так долго, пока эта группа не распадется. Когда мы говорим, что кто-то находится «у власти», мы понимаем, что тем самым он получил от определенного числа лиц власть действовать от их имени»¹.

Согласно этой концепции, насилие никогда не может основывать власть. Оно может даже ее разрушить. И тем не менее властное отношение является более комплексным. В самом деле, разгул насилия неизбежно разрушает власть. Более того, когда власть истощается или даже исчезает, возникает насилие. По своей сути власть исключает насилие. Х. Арендт не случайно заметила: «Говорить о ненасильственной власти является тавтологией»². Ненасильственная власть и нелегитимная власть как в принципе, так и на практике взаимно отрицают друг друга. Они «противостоят друг другу по самой своей природе; когда одна из них господствует абсолютно, другая исчезает. Насилие проявляется тогда, когда власть испытывает угрозу, но если ему позволить развиваться, оно в конечном счете приведет к исчезновению власти»³.

Когда мы говорим, что политическая власть предполагает наличие определенного согласия с ней людей, это означает, что любой политический центр располагает хотя бы минимальной легитимностью и в нем сосредоточивается, говоря словами М. Вебера, вовсе не власть, а авторитет или господство. *Источники* этого авторитета, пружины добровольного подчинения одного или нескольких индивидов тому или иному властвующему лицу различны, но все они вытекают из тех качеств, признающихся как имеющиеся, которыми обладает лицо, осуществляющее властные функции. Эти качества могут определяться позицией властвующего лица в определенной социальной группе или в обществе в целом. В таком случае на передний план в подчинении выдвигается признание главой определен-

¹ *Arendt H.* Op. cit. P. 144.

² *Ibid.* P. 157.

³ *Ibid.*

¹ Антитетический — противоположный, противопологаемый.

² *Arendt H.* Du mensonge à la violence P., 1989. P. 153.

ной системы ценностей. Так, подчинение папе римскому в меньшей степени определяется личностью понтифика. На переднем плане находится его преданность религиозным догмам, ценностям христианства, приверженность правилам отправления власти внутри организации.

Подчинение может строиться на основе признания людьми компетентности обладателя власти, которая может быть подкреплена определенным дипломом, победой в конкурсе и т. п. Такого рода авторитет вне политики может быть представлен отношением больного с врачом, предписания которого носят, что называется, обязательный характер. В поле политики авторитет может основываться как на секторальной компетенции (в военной, экономической, идеологической и т. п. областях), так и на более широкой основе (технократ, выпускник престижного учебного заведения и т. п.).

Говоря об авторитете, нельзя обойти типологию авторитета (или господства), предложенную М. Вебером. Об этом он красноречиво писал в своей работе «Политика как призвание и профессия»: «Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего", авторитет **правов**, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — "традиционное" господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет необычного личного **гара** (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемые наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу "легальности", в силу веры в обязательность легального **установления** (*Satzung*) и деловой "компетентности", обоснованной рационально созданными правилами, т. е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил — господство в том виде, в каком его осуществляют современный "государственный служащий" и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении...»¹

Указанные три **типа авторитета** вытекают из трех **типов легитимности** и одновременно из трех **типов**

господства, или, вслед за М. Вебером, трех **типов «легитимного господства»**.

► **Традиционное господство** основывается «на вере в святость традиций, пригодных на все времена, и в легитимность тех, кто призван осуществлять авторитет этими средствами»¹. Из этого следует, что «право» на управление тех, кто правит, и согласие управляемых с этим правлением строятся на традициях, утвердившихся в данном обществе. Сами же эти традиции соответствуют системе ценностей и религиозным или магическим верованиям. Это придает тому, кто правит в данном обществе, чувство собственного достоинства и даже священный характер. Неудивительно, что членов группы или сообщества объединяет с его главой личная преданность. В итоге члены данной группы, где утвердилось традиционное господство, подчиняются непосредственно главе этой группы. А его приказы или регламенты признаются легитимными в том случае, когда они соответствуют традициям.

Типичным примером традиционного господства является наследственная монархия. Как наследник монарх уважает традицию и подчиняется ей. И это уважение традиции является в то же время уважением институциональных связей, порождающих политические обязательства.

Традиционное политическое господство по мере исторического развития получает и этическое выражение. Это означает, что наряду с обычаями, традициями действуют и политические институты. Политические институты работают под непосредственным руководством главы государства. Работники этих институтов рекрутируются, как правило, из числа членов семьи, клана или племени политического руководителя государства или из числа его клиентелы. Получается так, что работники административного управленческого органа (политических институтов), подчиняясь только главе государства, становятся, по сути дела, его рабами. Они выполняют двойную функцию: административную и функцию прислуги. В случае, когда административное и военное руководство отсутствует, рассматриваемый тип господства превращается в форму геронтократии или патриархальности. При появлении административного и военного персонала традиционное господство чаще всего приобретает форму патримониа-

¹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 646–647.

¹ Weber M. Économie et société. T. I. P. 289.

лизма или «патримониального государства», примером чего может быть феодальная монархия в Западной Европе в IX — XIII вв.

Традиционная легитимность в современных условиях повсеместно отстывает. В быстро изменяющемся мире возрастает роль и значение феномена обновления, в том числе и в вопросах политического управления. Но это вовсе не означает, что такая легитимность утратила свою эффективность. Длительная привычка к оправданной традиционной форме правления создает эффект ее справедливости и законности, что придает власти высокую стабильность и устойчивость.

► **Легально-рациональное господство** основывается «на вере в легитимность регламентов и права отдавать приказы теми, кто призван осуществлять господство этими средствами»¹.

В отличие от ситуации, присущей традиционному господству, «члены группы, подчиняясь обладателю власти, подчиняются не его персоне, а обезличенным правилам; в итоге они подчиняются ему только в границах объективной, рационально определенной компетенции, так называемым фиксированным регламентам»².

Легально-рациональная (демократическая) легитимность основывается на вере в справедливость тех рациональных и демократических процедур, на основе которых формируется система власти. В основе этого типа властвования лежит целенаправленное действие, типической фигурой которого является чиновник, который в своей деятельности подчиняется строгим правилам, называемым легальными.

В основе легитимности власти и добровольного подчинения ей граждан страны лежит соответствие закону способов передачи власти и назначения руководителей, а также принятие властью решений на основе закона. Данная форма политического господства предполагает подчинение граждан власти на основе уважения рационально определенной и уважаемой членами данного общества процедуры властвования.

Таким образом, рациональный тип легитимности имеет, по сути дела, нормативную основу. Люди здесь подчиняются строгим правилам, законам, процедурам и

¹ Weber M. Op. cit. P. 289.

² Ibid. P. 291.

сформированным на их основе политическим структурам и институтам. Ключевой институт легального господства — бюро (офис), при помощи которых осуществляется руководство обществом. И потому этот тип властвования нередко называют бюрократическим. Бюрократическую администрацию отличает, по Веберу, то, что господство в ней осуществляется как функция знания. И потому процесс властвования является специфически рациональным и строится на рациональных ценностях.

Современная бюрократия — это бюрократия компетентных чиновников. Аппарат государственного управления в демократических странах состоит из специально подготовленных чиновников, которые в своей деятельности руководствуются строго формальными и рациональными правилами. Именно рациональные правила определяют нормы и границы осуществления власти. Совокупности этих абстрактных правил подчиняются все, включая и высшее лицо государства. Так, скажем, президент страны подчиняется конституции, даже если он обладает харизмой как политическим ресурсом. В этом смысле подчинение более не является отношением между людьми: все, включая и чиновников, действуют на основе строгих правил, а не подчиняются какому бы то ни было лицу.

Как видим, в основе легально-рационального господства лежит формально-правовое начало. Общая процедура осуществления этого типа властвования предполагает «конституированный авторитет» административных органов, т. е. публичную функцию, которая должна быть непрерывной и приспособленной к правилам.

► **Харизматическое господство** основывается на «экстраординарном, священного характера подчинении, героической добродетели или особой значимости лица, или на принимаемых или издаваемых этим лицом распоряжениях»¹.

Харизматическая легитимность основывается на безусловном подчинении экстраординарной личности, и она появляется в исключительных исторических условиях. Она предполагает веру людей в особенные, сверхъестественные качества вождя, лидера.

Слово «харизма» (греч. *Charisma* — милость, божественный дар) заимствовано из античной христианской тер-

¹ Weber M. Op. cit. P. 289.

минологии. Им обозначается исключительный авторитет, которым пользуются некоторые индивиды внутри ограниченных сообществ, например в сектах. Этот авторитет имеет две особенности. Во-первых, он настолько высок, что способен вовлечь людей в действия, к осуществлению которых их ничто не вынуждает. А во-вторых, этот авторитет не зависит ни от ранее существовавших условий, как это имеет место в случае царской власти, ни от воли других людей, из чего складывается авторитет, к примеру, президента или папы. В теологических терминах авторитет идет от Бога. В светских терминах — авторитет исходит от самого индивида, т. е. от его способности утверждения политических отношений на основе обольщения.

Понятие «харизма» играет важную роль в веберовской социологии. Рассматривая харизму как экстраординарную способность индивида, Вебер полагает, что она не приобретается, а даруется природой, Богом, судьбой.

К харизматическим качествам Вебер относит магические способности, пророческий дар, выдающуюся силу духа и слова. Харизмой, по Веберу, обладают герои, великие полководцы, маги, пророки и провидцы, гениальные художники, выдающиеся политики; основатели мировых религий — Будда, Иисус Христос, Магомет; основатели государств — Солон и Ликург; великие завоеватели — Александр Македонский, Цезарь, Наполеон. Все это харизматические лидеры.

Нужно сказать, что харизма не является, строго говоря, объективным качеством. Само ее существование является следствием признания людьми наличия такого качества у главы государства. Это значит, что «группа господства является эмоциональным сообществом»¹, которую можно определять как сообщество «преданных» лидеру людей.

Харизматический тип властвования прямо противоположен традиционному правлению: в отличие от традиционного типа правления, основанного на привязанности к *обычному и привычному, раз и навсегда заведенному*, харизматическое господство опирается на нечто экстраординарное, необычное, никогда ранее не признававшееся. Не случайно для пророка, по Веберу, характерен такой слог: «Сказано... А я говорю вам...». Аффективный тип со-

циального действия является основной базой харизматического господства. Он исключает «всякий компромисс с ежедневной жизнью» и означает одновременно как нарушение традиций, так и факт нового господства.

Признание законности власти харизматического лидера строится на «свободном признании» населением харизмы этого лидера. Более того, все население или значительная часть его образует с харизмой некое «эмоциональное сообщество» по осуществлению призывов лидера и его исторического предназначения. Харизматическая легитимность строится на безоговорочном почитании главы нации или государства и полном доверии ему.

Как мы уже отмечали, источником личной преданности харизматическому государю является не традиция, а *эмоционально окрашенная вера* в его харизму. И эта вера чаще всего возникает в период радикальных перемен, когда рушатся привычные для человека социальные порядки и идеалы, а люди утрачивают возможность опираться на ранее привычные нормы и ценности. И потому харизма лидера воплощает в себе веру и надежду людей в лучшее будущее в смутное время. Харизма, будучи эмоциональной и во многом иррациональной, чужда твердым расчетам, последовательным действиям в решении комплекса проблем жизнедеятельности общества.

Рассмотренные нами три формы легитимного авторитета являются идеально-типическими. В чистом виде они в реальной политической жизни, можно сказать, не встречаются. Авторитет всегда представляет собой комбинацию всех названных нами типов данного феномена в различных пропорциях. Так, власть Наполеона I является примером, вне всякого сомнения, авторитета харизматической легитимности. При этом в первый период его правления этот авторитет опирался на поддержку армии и определялся военными успехами Наполеона. Однако было бы совершенно неверно не видеть того, что политический режим, который был создан Наполеоном, опирался на немалое число элементов легально-рационального господства, в числе которых назовем следующие элементы: кодификация права, организация и дальнейшее развитие администрации, организация территории страны на рациональной основе, акцент на меритократическое рекрутирование гражданских и военных кадров, всеобщее голосование (мужчин) и т. д. И наконец, переход от Кон-

сулата к Империи, осуществленный Наполеоном, означал утверждение элементов традиционной легитимности: священность власти, переустройство двора, создание новой аристократии, попытка утверждения династии и т. д.

Авторитет генерала де Голля в период с 1958 по 1969 г. опирался на комбинацию основ легально-рациональной и харизматической легитимности. Сама возможность появления такого основания авторитета де Голля определялась массовидно выраженной народной поддержкой национального лидера, который, по сути дела, по итогам Второй мировой войны превратился в национального героя.

«Союз принуждения и легитимности»

Ни одна реальная политическая власть, даже тираническая или криминальная, не может существовать сколько-нибудь продолжительно, если она опирается только на насилие. Любой политический режим вынужден «искать» свою легитимность в глазах населения в виде хотя бы минимальной поддержки с его стороны проводимой политики и правителей. Это вызывается к жизни тем, что поддержка народа для политической власти и ее существования является более эффективной, чем самая могущественная сила. А эта поддержка, по сути, является согласием народа или его части с властью. При этом нужно, видимо, сказать, что указанная поддержка может быть пассивного характера, а подчас является даже парадоксальной, что отмечал еще французский политический мыслитель Э. де ла Боэси: «О Боже! Как может такое быть? Как мы это назовем? Каким несчастьем это является? Какой порок или, скорее, какой ужасный порок? Видеть бесконечное число людей не подчиняющихся, а прислуживающих; не управляемых, но тиранизируемых; нет ни благ, ни родителей, ни женщин, ни детей, нет даже самой жизни, принадлежащей им самим! Терпеть ограбления, разврат, жестокость не от армии, не от лагеря варваров, в борьбе с которыми нужно было бы защищать свою жизнь, а от одного лица; не от Геркулеса или Самсона, а от человека, чаще всего самого трусливого... в нации; не привыкшего ни к пороховым баталиям... не тому, кто мог бы силой командовать людьми...»¹

¹ La Boetie E. De. Discours de la servitude volontaire. P., 1983. P. 133–134.

Легитимность является необходимостью. И она обеспечивается как теми, кто правит, так и теми, кем правят. Хотя понятно, что мотивы стремления к утверждению легитимности власти у управляемых и управляющих весьма существенно различаются, а подчас бывают и противоположными. Х. Арендт, например, считает, что «инстинкт подчинения, страстное желание позволять руководство собой сильному человеку и подчиняться ему, в психологическом смысле человека занимает, по крайней мере, такое же важное место, как стремление к могуществу»¹.

Как показывают исследования психологов, в утверждении поддержки управляемых и их согласие с управляющими существенную роль играют, с одной стороны, желание любви к последним, чаще всего на подсознательном уровне, а с другой — инструментальная и чисто рациональная логика.

В то же время ни одна власть не может существовать в режиме только добровольного согласия с ней управляемых. Это согласие всегда сочетается с насилием и силой или угрозой насилия. В этом случае действует такая логика: опасение, вызываемое, к примеру, милиционером, не объясняет в полной мере подчинение закону; однако без милиционера не было бы необходимого подчинения закону.

Таким образом, политическая власть строится на сочетании силы и согласия. В разные исторические периоды пропорции этого сочетания различаются, но не настолько, чтобы один из элементов основания политической власти исчез полностью. Нередко употребляемое понятие «легитимное насилие», которое находится в основании понимания сути политической власти и государства, отражает неизменный «союз принуждения и легитимности»².

В полном соответствии с подходом М. Вебера мы можем внести уточнение в вопросе о месте, которое занимает в основании политической власти насилие. В самом деле, насилие является единственным средством политической власти в деле навязывания гражданам страны уважения к своим решениям и своей роли арбитража в обществе. Чаще всего оно является основным, по М. Веберу, «нормальным» средством деятельности государства. На-

¹ Arendt H. Op. cit. P. 139.

² Braud Ph. Du pouvoir en général // Grawitz M., Leca J. (dir.). Traité de science politique. T. 1. P., 1985. P. 380.

силе является наиболее эффективным средством политической власти, хотя и весьма *специфическим*. Его специфика определяется тем, что оно используется властью в сочетании с другими средствами (право, правоохранительные органы, специальные службы, идеологическое воздействие и т. п.). В то же время в демократическом обществе насилие является последним средством, *ultima ratio* политической власти, которая строится, как мы уже отмечали, на основе разного рода верований, авторитета и легитимности.

РАЗДЕЛ III

ГОСУДАРСТВО КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 5

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

План главы

- 5.1. Динамика государственного строительства.
- 5.2. Возникновение автономного пространства политики.
- 5.3. Бюрократическое государство.

В данной главе предполагается дать ответ на вопрос: что такое «государство» в научном значении данного понятия? В политической науке принято определять государство как совокупность, по крайней мере, трех элементов: территории, населения, правления. Признавая правомочность такой интерпретации, можно задаться таким вопросом: насколько совокупность этих трех элементов выражает подлинную природу государства или ее специфику?

А следом можно сформулировать и такие вопросы: являлись ли феодальные политические объединения государствами в полном смысле этого слова? Являются ли государствами территориальные коллективы, например федерального государства?

В соответствии с основами права, как известно, государство обладает суверенитетом на своей территории, который позволяет различать государство в собственном смысле этого слова и различные его эшелоны. Однако концепция суверенитета, в свою очередь, поднимает и ряд проблем. К ним относятся следующие вопросы. Юридически является весьма существенным как с интеллектуальной точки зрения, так и с позиций практики осмысление *права* с позиций его практического применения. Так, встает вопрос: как сочетаются *иерархия норм* и *принцип равенства государств на международной арене*?

На практике использование концепции суверенитета для идентификации государства поднимает, к примеру, проблему историчности этой концепции, что, безусловно, затрудняет осмысление ее реальности или, к примеру, эффективности. Поясним. Концепция, или принцип суверенитета, является основанием юридическо-политической современности, восходящей своими истоками к XVI в., что в теории нашло отражение в работах Н. Макиавелли и Ж. Бодена. Суверенитет обосновывает авторитет государства, однако сам суверенитет является порождением государства. Признавая такую логику, мы невольно оказываемся в ситуации затруднения, связанной с тем, как осмысливать государство на основе принципа, который само это государство породило?

Следует сказать, что ни поле действия государства, ни составляющие его элементы не позволяют с точки зрения политической социологии дать удовлетворительную характеристику этому чрезвычайно важному феномену. Как отмечал М. Вебер, государство можно определить социологически только через осмысление специфического средства, которым оно обладает, — через осмысление физического насилия. И М. Вебер на основе такого понимания дает следующую характеристику государства: «Мы понимаем под государством политическое предприятие институционального характера, когда и пока его административное руководство в применении регламентов способно добиваться монополии на легитимное физическое насилие»¹.

В другой работе эту же мысль М. Вебер выразил следующим образом: «Государство есть то человеческое общество, которое внутри определенной области — «область» включается в признак! — претендует (с успехом) на **монополию легитимного физического насилия**. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько **государство** со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство»².

Но что такое политический союз, о котором говорит М. Вебер? Политический союз с точки зрения социологического размышления, по М. Веберу, представляет само

¹ Weber M. *Économie et société*. P. 97.

² Вебер М. Избр. произв. С. 645.

государство или союзы, которые исторически предшествовали современному государству¹.

И далее М. Вебер пишет: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение **госпогства** людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство»².

Теперь обратимся к понятию «политическое предприятие институционального характера».

«Мы понимаем под предприятием непрерывную целенаправленную деятельность и организованную в предприятие группу, соответствующую административному руководству непрерывного характера, действующую с определенной целью»³.

Государство вписывается в длительную перспективу во времени и не является совокупностью аппаратов личного господства, которые создавались бы тем или иным конкретным лицом и исчезали бы вместе с ним. Это означает, что институционализация структур господства является выражением и гарантией их существования во времени. С другой стороны, государство обладает, как было уже отмечено, монополией на легитимное физическое принуждение, и, значит, оно располагает не только средствами силы, но и наделено разрешением на ее использование, т. е. позволением сограждан данного государства, в отношении которых осуществляется принуждение.

Внесем дополнительные уточнения по некоторым моментам. Определяя государство в качестве «политического предприятия институционального характера», мы можем утверждать, что сама эта институционализация приобретает разные масштабы и разное выражение в зависимости от времени и конкретной страны. На этом основании открывается возможность различать разные типы государств и, в частности, выделять два крайних типа — патримониальное⁴ и бюрократическое

¹ См.: Вебер М. Избр. произв. С. 645.

² Там же. С. 646.

³ Weber M. *Op. cit.* P. 94.

⁴ Патримониализм (от лат. *patrimonialis* — родовой) — по М. Веберу — форма традиционного господства одного-единственного владельца, отличающаяся от остальных форм существованием лично обязанного ему окружения.

государства. Термин «регламентация» в этом случае приобретает весьма широкий смысл. Она (регламентация) может рассматриваться как норма или правило, которые могут быть юридической природы (конституция, законы, декреты, постановления и т. д., которые вырабатываются центральной администрацией или децентрализованными администрациями или коллективами).

Применение на практике регламентов предполагает в конечном счете использование насилия. Само насилие, осуществляемое государством, имеет разную степень интенсивности. Так, в демократическом государстве насилие, ограниченное законом, применяется только в исключительных ситуациях. В другого типа государствах, например в тоталитарном или полицейском, оно может приобретать массовый характер, как показал, например, опыт фашистских государств, а также опыт СССР времен сталинского правления.

Следует подчеркнуть, что монополия на легитимное физическое насилие и принуждение не сводится только к *фактической* монополии на насилие. Это не означает также и того, что государство является единственным институтом, применяющим насилие на своей территории. На этой же самой территории насилие может исходить от криминальных, террористических, повстанческих формирований. Однако *насилие на основе закона* предписывается правовыми документами только для государства. Только оно обладает правом на применение силы. И это вытекает из факта легитимности государства.

Монополия на легитимное насилие изначально определяет государство. Более того, само государство возникает исторически как следствие обретения этой монополии и придания ей соответствующей формы. Так, феодальное общество, которое в Европе возникает на развалинах Римской империи, заложило динамику такого развития, которое вело к укреплению некоторых политических центров, наделяя их материальными и символическими инструментами, позволяющими утверждать и сохранять контроль над территориями периферии. Расширение этого контроля увеличивало ресурсы указанных политических центров, что было предпосылкой для дальнейшего укрепления управленческих аппаратов военной и фискальной монополии центра. Именно из этого процесса прогрессивной институционализации

дифференцированного, специализированного и автономного центра возникает впоследствии и современное государство.

5.1. Динамика государственного строительства

А. Феодальное общество

Государство как способ организации и осуществления политической власти появляется в недрах феодального общества, которое складывается в Европе в период с VI по IX в. Для этого исторического периода характерна такая социальная организация, которая способствовала развитию процесса государственного строительства.

Рождение феодализма

Крушение и распад Римской империи привели к образованию в Европе известного множества более или менее обширных феодальных территориальных и политических образований. Так, на территориях современной Западной Европы в итоге экспансии франков образовалось обширное королевство, занимавшее территорию современной Франции и Бельгии. В последующем, в итоге процессов деления и повторного объединения разных частей данного королевства, утвердилась династия Меровингов, правившая с середины V в. до середины VIII в.

Именно в рамках данной территории и в англосаксонских королевствах постепенно утверждалась новая социальная и политическая феодальная организация. Эта новая организация позволяла обеспечивать контроль над территорией, т. е. защищать одновременно от опасности внешней угрозы, а также от возможных внутренних волнений. Феодальная организация позволяла создать вооруженную силу в рамках пока еще нерыночной экономики, наделяя воинство землей за верность королю и военную службу. Это к тому же материально и символически обеспечивало власть царственной особы.

Феодальность, учрежденная «сверху», дополнялась совокупностью местных властей, решавших «свои» задачи в обеспечении безопасности своего населения, кото-

рые ни политически, ни материально королевская власть решить не могла.

Власть в феодальном обществе опиралась и на цепи вассальных связей, основанных на «любви и преданности» подданных своему властителю. Своеобразной опорой власти в феодальном обществе было сохранение свободных земель, а также существование пусть даже и ограниченной торговли отборными благами и продуктами городских ремесленников. Существенную роль в системе власти феодального общества играли и монастыри.

Феодальная система динамизм своего развития черпала из острой конкуренции между сеньорами, которую едва «подслащали» вассальские связи и которую безуспешно пытались канализировать епископы и монахи, сами бывшие крупными собственниками и потому втянутыми в конфликты.

Основные характеристики феодального общества

Феодальные общества в Западной Европе вплоть до XIII в. характеризовались следующими основными чертами.

► **Контраст между *формальной пирамидой власти* и *фрагментарной реальностью территории и власти*.** В период Средневековья каждый политический центр осуществлял контроль над достаточно широкой периферией. Каждый сеньор обладал территорией, достаточной для того, чтобы иметь необходимые доходы для создания и поддержания соответствующей военной силы для защиты своей территории. При этом каждый сеньор стремился быть независимым как от короля, так и других сеньоров и стремился осуществлять свою собственную политическую стратегию (заключение союзов, ведение военных действий с целью, например, завоевания земель и т. д.).

► ***Слабая дифференциация функций*** в обществе, в котором феоd является одновременно политической и экономической единицей, а обладание землей является источником как военной мощи (определявшее численность людей, которые могут быть привлечены для защиты территории от внешнего врага), так и экономического и политического могущества.

► ***Патримониальность феоdов*** являлась фактором постоянной фрагментации политического единства и изменения центров власти. Феодальное общество характе-

ризуется в силу этого слабой преемственностью и устойчивостью групп господства, которые возникали или исчезали в итоге военных побед или поражений, свадеб, раздела наследства и т. д. Особенно это сказывалось на обесценивании, на лишении своей изначальной сути чувств вассальской преданности, а в итоге — на утрате власти (авторитета) суверена над феодалами.

► ***Слабость королевской власти*** (например, во Франции). Реальная власть короля, по сути, была тождественной власти сеньора, чей авторитет не выходил за пределы территории королевского правления. И это правление постоянно находилось под угрозой покушений на него сеньоров.

Феодальное общество появляется и в последующем встраивается в реальный мир, который характеризовался следующими основными чертами.

► ***Аграрная экономика, изначально основанная на натуральном хозяйстве.***

► ***Церковь и христианство*** в политически фрагментированном мире характеризовались следующими чертами:

— являлись собой существенный элемент ***культурного единства*** и тем самым выступали как элемент общей идентификации народов;

— образовывали собой модель сильно централизованной ***бюрократии***, в которой реальная пирамида властей основывалась на ограниченной сети территории;

— выступали как ***ресурс власти***: в силу важности ***территорий***, которые контролировала церковь (пример тому — свободные епархии, главы которых были, по сути дела, фактическими руководителями независимых политических объединений), а также в силу прямого участия церковных деятелей в феодальной «игре», оказывавших влияние на позиции значительной части населения по самым разным вопросам общественной и политической жизни. К тому же не следует забывать, что церковь долгое время была основной инстанцией ***легитимации*** земных властей.

Фрагментация власти и множественность политических объединений, связанных со сложившимися экономическими и социальными условиями, в которых земля являлась единственным источником могущества, создавали предпосылки для утверждения структурной динамики, содействовавшей, с одной стороны, прогрес-

сивному объединению европейской территории в крупные территориальные и политические объединения, а с другой — становлению и развитию специализированного и дифференцированного политического аппарата, каким является государство.

Возникновение и построение монополистического политического центра

Динамика государственного строительства в период феодализма утверждала *двойную монополию* над *постоянно расширяющейся территорией*: *монополию на насилие*, с одной стороны, и *фискальную монополию* — с другой. Постепенно в ходе исторического развития исчезало множество центров власти и создавались условия для утверждения в рамках более широких территориальных образований единого центра власти, к примеру власти короля.

Нужно сказать, что обе разновидности этой, во многом единой монополии усиливали одна другую, открывая более широкие возможности как для укрепления власти, так и для умножения ее возможностей с точки зрения материальных ресурсов. Более того, на определенном этапе развития феодализма постепенное утверждение рыночных отношений откроет для феодальных обществ возможности отказаться от системы феодалов и перейти к денежной оплате армии, не ставя под вопрос территориальное единство государства. Создание постоянной армии открыло путь для утверждения «практической» монополии на насилие. Отметим: *рост экономического могущества государств стал предпосылкой для усиления их военной мощи, что, в свою очередь, открыло перспективу дальнейшего роста экономического и финансового могущества этих государств.*

Государственное строительство в феодальной Европе проводилось на основе утверждения территориальной гегемонии. Это вело к дальнейшему развитию этактического аппарата в разных странах. Этот процесс получил ускорение, особенно начиная с XV в., чему способствовало утверждение абсолютизма, а также религиозные войны. Постоянная армия, бюрократический аппарат, советники короля, казначеи и т. д. в своей совокупности стали своеобразным эмбрионом формирования современного государства. Все это способствовало утверждению монополии на власть и насилие в феодальных государствах.

Нужно сказать и о том, что в период феодализма в становлении государственности первостепенное значение играло военное соперничество по защите и расширению, если для этого были возможности, своей территории. Это стало существенным фактором структурирования политических систем в Европе, накладывая свой отпечаток на их форму, институты и даже сам «дух». Именно военный фактор в решающей степени содействовал созданию централизованных институтов, которые в дальнейшем диверсифицировались, развивались и специализировались. Говоря коротко, *государство порождало войну, а война порождала государство.* Такой вывод был сделан рядом исследователей процесса становления государственности в Европе¹.

Однако развитие и увековечивание первых этактических институтов не могут объясняться только необходимостью, вызвавшей к жизни их появление. Эти институты, возникнув, сделали возможной растущую автономизацию политической власти, что не только оказывало воздействие на формы, но и на саму природу государства. Переход от феодального государства, скажем XI в., к абсолютистскому государству, сложившемуся в XVII в., сопровождался переходом от господства патримониального типа к сильно институционализированному государству, в котором бюрократическое государство представляется как идеальный тип, пользуясь термином М. Вебера.

5.2. Возникновение автономного пространства политики

Как мы уже отмечали, в примитивных, или архаических, обществах политическая власть характеризуется диффузным контролем над каждым из членов общества. В государственно организованных обществах указанную функцию выполняет специализированный политический центр, который существенно отличается от самого общества. Процесс дифференциации политического центра сопровождается развитием автономизации государства по отношению к обществу. Политологи выделяют в этом

¹ См.: Hintze O. Feodalité, capitalisme et Etat moderne. P., 1991; Tilly C. Contingence et capital dans la formation de l'Europe. P., 1992.

процессе три основных аспекта, наложивших отпечаток на облик современного государства.

1. В интеллектуальном или теоретическом поле представлений **политика**, оказавшись вне опеки религиозных властей, получает собственную легитимность, которая содействует росту авторитета и дальнейшему развитию аппарата власти, который получает в самом себе как пружину своего развития, так и оправдание своих действий и своей экспансии.

2. Автономизация политической власти связана с развитием процесса **депатримониализации**, что позволяет отличать государство от тех лиц, которые осуществляют политическую власть (например, царя или короля). А это, в свою очередь, открывало путь для дальнейшей институционализации государства и его увековечивания.

3. Автономизация государства обеспечивала растущую независимость политического центра от разнообразных социальных групп, которые она в известной мере организовывала и деятельность которых регулировала.

Западная политическая современность таким образом была основана на разделении политики и религии, что позволило образовать автономное пространство политики. Эта автономизация сыграла решающую роль в последующем развитии государства, которое в последние десятилетия опирается на два взаимосвязанных основания — на либерализм и демократию.

Говоря о решающей роли разделения политики и религии для современного государства, нельзя не видеть, что в тех странах, где такого разделения не произошло (речь идет прежде всего о странах исламского мира), государство приобрело искусственный характер, за которым скрываются способы традиционного господства (кlientелизм, неопатримониализм и т. п.). В этих странах немалые трудности встречает и процесс демократизации. Весьма негативный опыт «насаждения» демократии в Афганистане, Ираке, где сильны позиции ислама, лишь только подтверждает невозможность сколько-нибудь быстрого преобразования традиционного господства в исламском мире.

Справедливости ради нужно сказать, что в Европе церковь развивалась таким образом, что, с одной стороны, она стремилась сохранить свое единство, а с другой — добиться усиления своего влияния на политическую власть.

Постепенно в результате роста влияния христианства в Европе церковь превращается в едва ли не важнейший символический ресурс обладателей власти в разных странах, а также в своеобразный материальный ресурс властителей, учитывая те масштабные территории, которые контролировала церковь, и те богатства, которые она сосредоточила в своих руках.

Стремление к власти, которое было присуще не только царственным особам, но и высшим руководителям церкви, побуждало каждую из сторон в целях обоснования своих властных устремлений выдвигать соответствующую аргументацию, которая определяла бы как области своего авторитета, так и свою автономию. Такого рода теоретические конструкции, выдвигавшиеся церковными деятелями и мыслителями, строились на разделении религиозного (или духовного) порядка и политического (или мирского) порядка. Классическим обоснованием такого подхода является ответ Иисуса Христа фарисею на вопрос об обязательности уплаты налогов: «Воздайте Кесарю кесарево, а Богу — божье». Подобное разделение сфер жизнедеятельности общества мы находим у Августина Блаженного в IV в., выделявшего «Град земной» и «Град Божий». Со времен Августина Блаженного христианская политическая мысль различает две сферы деятельности и авторитета — духовную и мирскую. В первой из них авторитет принадлежит папе, во второй — королевской (царской) власти.

Нужно сказать, что такое разделение авторитета с позиций Церкви и папы не означает существования двойственности власти и области компетенций. Речь всегда шла о том, что папа, или духовная власть, имеют превосходство над мирской властью государей. Как отмечают политологи, наиболее ясную характеристику дуализма власти можно встретить в одном из писем 494 г. папы Геласия I, в котором он утверждал, что мир управляется двумя властями: властью духовной **sacerdotium**, священным авторитетом понтификов и властью мирского принуждения **regnum**, властью королей и императоров. Однако равновесие или равенство между этими двумя властями является только видимым, ибо «этот параллелизм в реальности скрывает подчинение **власти** королей **авторитету** понтификов. В мире, в котором высшей целью является спасение, политическая власть получает оправдание в конечном счете

только на основе того, какой вклад она вносит в реализацию этой высшей цели»¹.

С подобной позиции была выдвинута в середине XII в. и теория «двух мечей». Данная теория трактует отношения между Церковью и государством как превосходство Церкви, опираясь на ряд положений Евангелия: «Они ему говорят: Господи, вот два меча. Он им отвечает: этого достаточно».

Многие авторы обращали свое внимание на эти слова. Однако только Бернард Клервоский² в своем произведении «*Des Considerationi*» наиболее полно сформулировал теоретическую интерпретацию: «Меч духовный и меч мирской, и тот и другой принадлежат Церкви; один должен быть обнаружен для Церкви, а другой — самой Церковью, один находится в руках священника, другой — в руке солдата по приказу священника и под командой императора»³.

Как видим, оба меча, по сути дела, принадлежат Церкви. Один находится в руке священника, другой — в руке солдата, но как символ священника и как символ командования императора. Церковь, значит, подчиняет своему господству гражданский авторитет.

Иллюстрацией отношений между Церковью и гражданской властью является и **теория светил**. Согласно этой теории, изначально все власти принадлежат Церкви, которая делегирует королю (царю) мирскую власть. И ее обладатели могут осуществлять власть только согласно воле Церкви. И Церковь, если власть осуществляется плохо, может ее отнять: папа всегда имеет возможность освобо-

¹ Gauvard C., Libera A.de., Zink M. (dir.). Dictionnaire du Moyen Age. P., 2002; см.: Lecomte J.-P. Op. cit. P. 108.

² Бернард Клервоский (Bernard de Clairvaux) (1091–1158) — канонизированный Римской католической церковью главный настоятель монашеской общины в Клерво. В силу своих высоких личных достоинств пользовался огромным влиянием на современников как непримиримый обличитель пороков тогдашнего духовенства, преданный, но осторожный советник пап и третейский судья, перед решениями которого одинаково преклонялись светские властители и князья церкви. Даже Лютер, при всей своей ненависти к католическому духовенству, говорил о Бернарде Клервоском следующее: «Если существовал когда-либо богобоязненный и набожный монах, то это был святой Бернард, которого одного я ставлю выше всех монахов и попов целого мира».

³ Желтов В.В. История политических идей. Кемерово, 2002. С. 91–92.

дить граждан от их клятвы на подчинение и верность монарху и тем самым лишить власти царственную особу. Такая ситуация является **образом светил**: «Подобно тому как Луна получает свой свет от Солнца, которому она уступает своими размерами, качествами, положением и могуществом, так и королевская власть заимствует от авторитета римского понтифика сияние его достоинств»¹.

Неудивительно, что вплоть до XIV в. высшее духовенство католической церкви во главе с папой стремилось утвердить божественный порядок на Земле, в котором, конечно же, первенство во властных отношениях принадлежало бы Церкви. Правда, для этого требовалось преодолеть немалое число препятствий. Назовем лишь некоторые из них. Как известно, еретики отвергали всякую мирскую власть во имя торжества евангелических требований (XI в.). Были и сторонники того, чтобы мирская власть была поглощена монахизмом (XI–XII вв.). Кроме того, императоры и короли пытались совместить в своих персонах обе власти (и мирскую, и духовную), стремясь предстать в глазах населения в качестве божественной персоны.

Католическая церковь, признавая примат папы, епископа Рима и хранителя на этом основании идеала мира, претерпевала изменения в своей организации в немалой степени под воздействием перемен мирской власти в Средние века. В тех случаях, когда император оказывался неспособным утвердить порядок между людьми, папа подтверждал свой долг контролировать социальную организацию общества во имя своей духовной миссии перед лицом неспособности осуществлять ее (миссию) мирской властью. Так действовал папа римский в V в., когда империя пала под давлением варваров и разделилась на ряд монархий. Таким же образом поступал папа Григорий Великий в XI в., когда феодализм привел к военному противостоянию военачальников и воинственных сеньоров.

Нужно сказать, что папство в целом признавало легитимность правителей в мирском порядке: сталкиваясь с требованиями автономии королей и грандов, папство шло на признание права священников на оппозицию по отношению к монархической власти, у которой они являлись

¹ Lavroff D. Histoire des idées politiques de l'Antiquité à la fin du XVIII-e siècle. P., 1997. P. 54.

своеобразными советниками. Но религия резко заявляла о себе в тех случаях, когда предпринимались попытки осуществления политики цезарепапизма¹, т. е. совмещения мирской и духовной власти. Как не вспомнить в этой связи о борьбе папы Григория VII против Генриха IV, который стремился осуществить идеи своего предшественника Оттона I: «оттоновская модель» утверждала превосходство христианского и римского императора, являвшегося одновременно священником и воплощением Бога. Император Генрих IV претендовал на то, чтобы управлять церковью, назначать папу и священников, регулировать религиозные права. Он воспринимал себя как инструмент Бога на Земле для установления такого политического порядка, в котором не было бы разделения между мирским и духовным, где соединилось бы священное и политическое.

На примере этого конфликта хорошо виден механизм **дифференциации** ролей политической и религиозной деятельности, которые проявились в ходе конкуренции папства и империи.

Что же было главным ресурсом Церкви в этом конфликте? Прежде всего это поддержка папством стремления королей и сеньюров к независимости от императоров. Подобная политика папства была характерна для Франции и Англии, а также Италии. Папа поддерживал утверждение периферических королевств Святой империи; в XIII в. Иннокентий VII официально признал тот факт, что король Франции не подчиняется императору, а король Англии, напротив, был признан «вассалом папы».

Следует сказать и о том, что развитие церковного аппарата в Западной Европе, в свою очередь, способствовало развитию процесса автономизации церкви. Это был комплексный аппарат, отношения между различными элементами которого были довольно напряженными. Этот аппарат включал в себя: папскую бюрократию со своими финансистами, юристами, нотариусами, послами и судами; иерархически организованный епископат, большинство которого было послушным папе. Но в составе этого аппарата были и такие епископы, а также религиозные ордена и монастыри, которые стремились выйти из подчинения папе. Обратим внимание и на то, что монастыри в Сред-

ние века охватывали территориально всю Европу и имели свои собственные школы, доходы и т. п.

Собственные интересы церковного аппарата, а также убеждения и позиции влиятельных религиозных деятелей способствовали утверждению автономии и даже превосходства священной власти перед лицом мирской власти. Не без основания доминиканский монах, преподававший в Парижском университете и бывший советником короля Людовика IX, Фома Аквинский в XIII в. отстаивал следующее различие: **человек как христианин принадлежит духовному царству, обличенному в форму Церкви, а как социальное существо, как часть человечества он возвышается до мирского суверенитета, легитимного в своем собственном порядке.** По мысли Фомы Аквинского, такой дуализм соответствует человеческой природе и желателен Богу. Такое понимание и определило модель дифференциации политической и духовной властей, которая постепенно утверждалась вплоть до XVI в.

Указанная политика Церкви не могла не иметь и политических последствий. Под влиянием Церкви короли и их советники с тех пор мыслили политический порядок как порядок, призванный осуществить на Земле «**Общее благо**» для всего общества. В этом случае правитель обретал статус публичного лица, главы «мистического корпуса», во многом аналогичного мистическому корпусу Церкви, но имевший собственный порядок: «**corpus mysticum Respublicae**».

В итоге республика (государство) как «публичная материя» становилась автономным пространством, развивавшимся и действовавшим на основе собственных законов. В рамках этого публичного пространства руководитель получал едва ли не абсолютное подчинение себе своих подданных, многие из которых были просто ему преданы. Создавая политическое сообщество, властители рекламировали свою легитимность по каждому случаю. Они ее использовали для того, чтобы уменьшить притязания на власть сеньюров, покровительствовать городам и торговцам, создавать, наподобие церковного, свой собственный бюрократический аппарат. Властители чем дальше, тем больше окружали себя юристами, судьями, советниками, летописцами или хроникерами. Их деятельность была легитимизирована, вплоть до подчеркивания различий между частным (грешным и смертным) лицом и сво-

¹ Понятие «цезарепапизм» обозначает если не соединение, то, по крайней мере, тесное сотрудничество между духовной и мирской властями.

им публичным лицом, которое было способно переживать физическую смерть обладателя власти.

Церковь, однако, не довольствовалась ограничением своего господства областями частной жизни и религиозной практики индивидов. Она стремилась вдохновлять королей, контролировать образование грандов и богатых буржуа, препятствовать их доступу в поле мирской власти, но особенно Церковь стремилась сохранить средства своего господства над умами и душами людей. Однако, как свидетельствует история, конфликты между церковью и королями не прекращались. В XIII в. борьба глав мирской власти с папством и религиозными орденами в ряде стран приобретает весьма резкие формы. Так, иезефизм¹ в Австрии, галликанство² во Франции противопоставляли короля и его советников, а также национальных епископов Риму и иезуитам. Однако нигде дифференциация публичного пространства и религиозной области с присущей им различающейся, но дополняющей друг друга легитимностью не поставила под вопрос существование государства в католической Европе.

А. Депатримониализация политической монополии

Патримониальное господство

Среди форм традиционного господства М. Вебер выделяет две важные категории, в рамках которых обладатель (или обладатели) власти опирается или нет на «персональное административное руководство». Среди первичных типов традиционного господства, правда, не встречается патриархат, «или геронтократия», который характеризуется различными формами *патримониализма*, когда сеньор наделяется такой силой, которая позволяет ему в процессе осуществления власти избегать влияния и противоречий, присущих традиции. Эту форму господства М. Вебер на-

¹ Иезефизм — система подчинения церкви государству, изобретенная австрийским монархом, императором Священной Римской империи Иосифом II (1741–1790).

² Галликанство (от лат. gallicanus — галльский, т. е. французский) — религиозно-политическое движение (с XIII в.), сторонники которого добивались автономии французской католической церкви от папства. Идеи галликанизма нашли отражение в выступлениях французского епископа на 2-м Ватиканском соборе 1962–1965 гг.

зывает патримониальной. Патримониальная легитимность ориентируется на следование традициям, но власть осуществляется на основе абсолютной личной власти.

Другой разновидностью патримониального господства М. Вебер называет султанизм, который осуществляется на основе арбитража властителя, не связанного с традицией.

Кроме этого, М. Вебер указывает и еще на одну форму патримониального господства — «господство порядка», в котором «власть сеньора и экономические возможности, которые ей соответствуют, приспособлены к административному руководству» или в силу принадлежности к определенной группе (аристократической, этнической, религиозной касте и т. п.), или в силу особенности обладания определенными правами. В этом случае решения членов административного руководства данной группы подвергаются определенным ограничениям, тогда как в случае султанизма они (решения) зависят полностью от арбитража сеньора¹.

Данный тип господства с достаточной полнотой соответствует правлению, свойственному феодализму в Европе.

Таким образом, феодальное правление представляет собой форму *патримониального господства*, которое, в свою очередь, характеризуется тремя чертами.

1. Власть и царство являются собственностью короля (или сеньора). В этом случае нет различия между публичным и частным, так же как нет разделения между ними. Граница между публичным и частным является неопределенной, т. к. и то, и другое берет начало в частном, или в «персональном». Исторически так сложилось, что во многих странах Европы утвердилась наследственная власть, в рамках которой блага и права публичного характера (собственность на землю, права введения и взимания налогов, разного рода общественные службы и т. п.) толковались и воспринимались как право и даже как своеобразная собственность царственной особы, которые передавались по наследству. Депатримониализация (или отказ от наследственности) в областях царственной организации и в политической власти, которая в определенный момент начнет осуществляться во многих странах, будет связана с переосмыслением публичного и частного начал

¹ См.: Weber M. Économie et société. T. 1. P. 308–309, 336–345.

в общественной жизни, что находило отражение уже в римском праве.

2. *Личная преданность, характерная для феодального общества, не связана была с институтом, который сеньор воплощал своей персоной. Отказ от подчинения и личной преданности рассматривался как предательство.* На основании указанной особенности утвердились вассальские связи в феодальном обществе.

3. *Авторитет и власть сеньора воспринимались им самим, как, впрочем, и его подданными, как расширение патерналистской власти над членами и собственностью единой семьи.* В организации царственных (королевских) дворов, как и в вопросах, связанных с наследственностью, сформировалась концепция власти, основанная на личной преданности и личных обязательствах подданных перед лицом царственной особы. Это неизбежно вело к смешению функций «административного руководства» и власти. А потому в период феодализма служили королю (царю), а не королевству (царству); лица, осуществлявшие административное, политическое и военное руководство, были, по сути дела, слугами королевского (царского) двора. В то же время мажордом (дворецкий) исполнял функции первого советника.

Эти три черты были присущи исторически так называемому патриархальному господству. Это порождало клиентелистскую или непотическую¹ практику, для которой характерно следующее: члены семьи, клана, племени или этноса или клиенты действовали под непосредственным контролем обладателя власти, в отношении которого они проявляли личную преданность.

Депатримониализация политического господства

Выход из феодализма в том, что касается политической власти, осуществлялся на основе другого процесса — процесса *депатримониализации*, или, говоря словами Н. Элиаса, «социализации монополии господства». Указанный процесс характеризовался тем, что аппарат гос-

¹ Непотизм (от лат. *nepos* — род, *nepotis* — внук, племянник) — раздача римскими папами ради укрепления собственной власти доходных должностей, высших церковных званий, земель родственникам. Был широко распространен в XV–XVI вв. Переносное значение — кумовство.

подства, который при феодализме действовал как *частная администрация*, приобретал чем дальше, тем больше черты *публичной администрации*. Так, скажем, сбор налогов и пошлин поступал в распоряжение сеньора, но он (сеньор) не мог их использовать только по своему усмотрению. Введение ограничений на использование средств, полученных от сбора налогов и пошлин, осуществлялось на основе законов и обязательств сеньоров перед лицом банкиров. Достаточно в этой связи вспомнить, что в Англии Великая хартия (1215) навязала Иоанну Безземельному принцип, согласно которому он не имел права вводить пошлины без разрешения представителей и утверждения их королем. Это положило начало введению различий между публичными и частными (короля) расходами.

Такого же рода различие утверждалось и в вопросах собственности: наряду с частной собственностью суверена постепенно утверждалась «публичная» собственность (королевства, короны, позднее — государства).

Следствием указанного процесса явилось и то, что персона властителя (короля, царя) получила двойное выражение в *физическом, смертном теле и мистическом, символическом и политическом теле*. Если в первом своем выражении это *тело* олицетворяло конкретного исторического индивида, исполнявшего функцию короля, и оно было смертным, то во втором случае это *тело* было лишено материальности и было своеобразным гарантом непрерывности королевства (царства) и власти короля (царя)¹. Существование мистического, символического и политического тела короля подтверждала знаменитая формула: «Король умер... Да здравствует король!», которая возникла в XVI в. во Франции и Англии. Указанная формула подтверждала тот факт, что трон никогда не бывает незанятым и что «король не умирает никогда», т. е. его функция существует и продолжается и за границами смерти действующего короля. Различие между физическим и мистическим телом короля позволяет видеть различие между тем, что принадлежит ему как лицу физическому, и тем, что относится к мистическому телу (само королевство, публичные блага и финансы, а также достоинство и последующий суверенитет царственной особы).

¹ См.: Желтов В.В. Теория власти. С. 117–119.

Рассматриваемое нами различие между физическим телом и мистическим телом короля содействовало консолидации легитимности власти и преданности подданных. Эта легитимность выходила за пределы личной преданности королю, иначе говоря, — за пределы времени, отпущенного ему природой для исполнения королевской функции. Это, в свою очередь, открывало перспективу для становления государственности. Предпосылками для последней стало утверждение следующих практических проявлений.

1. Сохранение территории, а также завоевание новых земель или продажа части территории перестали быть делом только царственной особы. В этом проявлялась депатримониализация власти, что создавало благоприятные условия для экспансии политического центра, дальнейшего подчинения периферии и дальнейшего усиления этого политического центра.

2. Институты власти переставали быть в личном подчинении суверена. Они ставились на службу королевству (царству), короне, государству. И в тенденции эти институты становились гарантией непрерывности власти и государства.

3. Развитие системы получения финансовых ресурсов при помощи налогов с населения. Сборы налогов и пошлин, а также отправление различного рода обязательств, например военная служба, приобретали в силу их публичного характера все большую легитимность: они исполнялись во благо общества, а не царственной особы.

Б. Автономизация политической власти по отношению к социальным силам

Автономизация политики проявлялась и по отношению к социальным группам, т. е. по отношению к социальным силам и их противоречивым интересам. Как полагают и М. Вебер, и Н. Элиас, государство в своей институционализированной форме порождает и развивает свою собственную логику жизнедеятельности, а вместе с ней — и свои собственные интересы, которые могут существенно отличаться от интересов социальных групп, образующих в своей совокупности данное общество.

Есть все основания утверждать, что государство не является «вещью», находящейся в распоряжении аристократии или буржуазии. Оно не являлось собственно-

стью городов, т. е. инструментом выражения городских, коммерческих, промышленных интересов соответствующих социальных групп городов. Не являлось оно выражением сельской части данного общества, т. е. оно не было выражением только интересов сельских сообществ и аграриев вообще. Понятия «общественного интереса», «общественного блага» и «государственных интересов», которые возникают и утверждаются, во всяком случае в Европе, начиная с эпохи Возрождения, выражают и воплощают специфическую логику государства, логику, автономную от социальных сил и их частных интересов.

Развитие монополистического политического центра в Западной Европе сопровождалось специфической «социальной динамикой» (Н. Элиас), которая содействовала утверждению в целом ряде стран абсолютистской власти, содействовавшей, в свою очередь, дифференциации и автономизации государства.

С начала XVI в. дальнейшее развитие торговли и обменов в сочетании с технологическими инновациями, в частности в области мореплавания и банковской сферы, привели к значительному возрастанию денежного обмена и развитию городов. Это вело к возрастанию влияния новой социальной группы — буржуазии, а также открывало возможности для последующей промышленной революции. Параллельно происходило ослабление роли и влияния в жизни общества аристократии.

Самой логикой такого общественного развития во многих странах Западной Европы порождался структурный антагонизм между *набиравшей силу буржуазией* (она выражала интересы коммерческих и протопромышленных кругов городов), с одной стороны, и *земельной аристократией*, интересы которой были связаны с сохранением аграрной экономики, — с другой. Арбитром в столкновении интересов этих социальных групп было государство, которое вовсе не стремилось защищать интересы той или иной социальной группы. Оно ставило перед собой задачу утверждения и сохранения некоего равновесия социальных сил в обществе, примирения их в интересах дальнейшего развития общества.

Н. Элиас в своей работе «Динамика Запада» утверждал, что в XVI—XVII вв. во Франции, например, государство стремилось не только сохранить равновесие между указанными нами социальными силами, но и видело свою задачу в том, чтобы в определенной мере сохранить свойст-

венный им антагонизм. Это было связано с тем, что государство стремилось сделать все возможное для того, чтобы эти две силы не объединились между собой и не обратили острие своего оружия против самого государства. А потому политика государства заключалась в том, чтобы *слышать* требования и аристократии, и буржуазии, но при этом добиваться первенства своих собственных интересов. Именно на основе такой логики, согласно Н. Элиасу, происходило становление абсолютизма: «Час утверждения сильной центральной власти в обществе высокого уровня дифференциации приходит тогда, когда двойственность интересов самых важных функциональных групп ясно выражена, когда центры тяжести распределяются настолько равным образом между ними, что ни одна из этих сил не может добиться ни в одной из областей ни компромисса, ни ввязывания в сражение, ни решающей победы»¹.

Таким образом, государство в Европе было вынуждено вести борьбу против феодализма и неизбежного стремления земельной аристократии установить контроль над ним, а также поддерживать города и интересы буржуазии. Это приводило к двойственной политике «общества двора» и, значит, уже достаточно институционализованного государства. Уже в XVII в. государство все больше начинает руководствоваться логикой автономизации. Это находило выражение в том, что *само государство* осуществляет задачи администрирования, управления и контроля, которые прежде осуществлялись актерами или институтами, порожденными гражданским обществом или определенными им (в городах, например). Кроме того, государство гарантировало автономию и независимость своим собственным агентам, которые были призваны служить только интересам государства, а не каким-то социальным или локальным интересам. Такая гарантия опиралась чаще всего на монополию центральной власти в вопросах рекрутирования своих агентов, в правилах их карьеры и источниках их доходов, а также в ограничениях, связанных с исполнением ими своих функций.

Процесс автономизации государства исторически сопровождался ростом его вмешательства в социальную жизнь. Так, во Франции государство расширяло свое гос-

подство над гражданским обществом, превращаясь в административную машину, призванную господствовать над периферией¹. После Возрождения, как мы уже отмечали, государство во Франции стало абсолютистским, что выражалось в дальнейшем укреплении королевской власти, которой удавалось не только ограничить независимость власти сеньюров, но и автономию городов.

5.3. Бюрократическое государство

Как мы уже отмечали, М. Вебер, анализируя государство, вопросы власти и господства, осуществил глубокий анализ бюрократического феномена. Согласно его представлениям, бюрократия являет собой историческую реальность, которая заявила о себе в полной мере в XIX и XX вв., а также она (бюрократия) к тому же является и идеальным типом. А это открывает возможность определять ее основные характеристики и логику функционирования.

Как считает М. Вебер, *бюрократическое административное руководство* в своей чистой форме представлено чиновниками государства. Эти последние на индивидуальном уровне:

- 1) лично свободны и подчиняются только объективным целям своей функции;
- 2) принадлежат определенной иерархии функций, обладающих особой компетенцией;
- 3) рекрутируются на основе контракта при помощи открытого отбора с учетом профессиональной квалификации, подтвержденной дипломом;
- 4) оплачиваются по твердым ставкам (окладам) и исполняют свои функции как единственные или главные.

Кроме того, чиновники могут надеяться на продвижение по службе в соответствии с принятой процедурой и подчиняются строгой дисциплине. Они не зависят от решений вышестоящих руководителей и заняты только осуществлением своих функций. Они не могут присвоить себе ни место, которое занимают, ни средства администрирования, которыми обладают.

Нужно сказать, что М. Вебер придает большое значение процедурам рекрутирования чиновников (экзамен или

конкурс на основе квалификации, требующейся для исполнения той или иной функции). Он исключает саму возможность присвоения функции чиновником любого ранга. Не меньшее значение имеет фиксированная заработная плата чиновника, возможность его продвижения по службе в сочетании с соблюдением им строгой дисциплины.

«Этатическая бюрократия», сложившаяся после Возрождения, во многих странах представляла собой **наследственный тип бюрократии**, в которой посты (должности) распределялись в соответствии с социальными критериями (богатство, родство, отношения с главой государства) без учета профессиональной квалификации, надлежащим образом оцененной. В рамках такой бюрократии чиновник мог иногда присвоить себе функцию, которую он исполняет. Более того, он мог ее купить и даже передать по наследству. Оплата такого чиновника обеспечивалась преимущественно «доходами» от поста, а не фиксированной заработной платой. Карьера чиновника зависела от благосклонности государя или высшего лица государства.

Современная форма бюрократии появляется в европейских странах в конце Средних веков, и ее развитие идет крайне неравномерно: сказывалось влияние различий в природе социальных отношений во временном интервале от Возрождения и вплоть до конце XIX в. В странах Северо-Западной Европы (Англия, Нидерланды) многочисленная и комплексная этатическая бюрократия сталкивалась с немалыми трудностями. В этих странах, как известно, происходило так называемое более раннее, чем где бы то ни было, развитие капиталистического рынка. В них утвердился протестантизм. Кроме того, утверждение в качестве правящего класса аристократии, объединявшей земельную знать и буржуазию, во многом определило весьма оригинальную форму социальных отношений. Для них было характерно то, что социальные и политические процессы находились в постоянном взаимодействии.

Поясним. В Средние века Англия, так же как и континентальные королевства Европы, утверждала на практике механизмы **централизованной и дифференцированной бюрократии**. Еще в XIII в. королевская администрация мало чем отличалась от королевского двора. Она, по сути дела, сливалась с домашней службой. Но уже в XIV в. появляются в управлении страной многочисленные и раз-

нообразные задачи (войны, трудности со сбытом шерсти и т. п.), которые требовали формирования многочисленного и стабильного персонала. При этом королевские офицеры, нотариусы, судьи, секретари, заваленные разного рода бумагами, архивами, вынуждены были постоянно оставаться в Лондоне для исполнения своих обязанностей. Такая практика потом распространилась на канцелярию, службы юстиции и связи. Главы этих служб носили еще титулы королевского двора (камергеры, канцлеры и т. п.), но они, по сути, уже являлись агентами государства. Именно они в своей совокупности формировали ядро будущей бюрократии. Их влияние на деятельность государства нарастало по мере выработки внутренних **правил и процедур**, а также по мере того, как персонал уже специализированных во многом служб приобретал компетентность в своей области деятельности.

Однако наследственная часть бюрократии продолжала получать свои посты от могущественного покровителя (родитель или сюзерен), а ее оплата обеспечивалась из церковных доходов, из разного рода «мелочей» — от права бесплатного пребывания в монастыре до права принимать «подношения» или «прелести», — связанных с администрированием. Такая практика определялась, помимо всего прочего, и тем, что в то время не было в достаточном количестве служащих, способных на деле быть полноценными служащими государства. А это, в свою очередь, ограничивало возможность влияния на процесс рекрутирования агентов государства как со стороны традиционной и новой аристократии, так и церкви.

Таким образом, дифференциация служб королевского двора активно содействовала формированию этатической бюрократии, которая на первых порах растет медленно, сохраняя относительно небольшие по своей численности размеры. Сказывалось, в частности, и то, что монархия не располагала в те годы достаточными ресурсами, позволявшими более быстрое развитие административных аппаратов. Более того, королевская власть была вынуждена вводить режим строгой экономии в силу того, чтобы хоть как-то компенсировать расходы на войну и избегать излишне частного обращения к парламенту за дополнительным финансированием.

Характеризуя процесс формирования государственности в Англии, нельзя не сказать о том, что администра-

ции на местах оставались в большинстве случаев в руках крупных собственников, которые во многом руководствовались своими колониальными интересами, а потому они не выступали против центральной власти, которая как раз и обеспечивала реализацию такого рода интересов за пределами страны. Аристократия, утвердившая свое господство в Англии после «Славной революции», тщательно сохраняла инструменты контроля над местной жизнью, опираясь на суды, войска и охрану. И тем не менее центральный аппарат государства неуклонно развивался. К началу XIX в. он насчитывал около 20 тыс. человек. Правда, сюда не включались личный состав постоянной армии, местные чиновники и нотабли. Полтора столетия спустя численность чиновников центрального аппарата насчитывала уже 600 000 человек.

Несколько запоздалое развитие этактического аппарата в Англии во многом объясняется наличием политического конфликта между сменявшими друг друга королями и парламентом, что можно рассматривать как своеобразное наследие политики Тюдоров в области администрации и отношений с социальными группами. Следствием такого «опоздания» стало постепенное ослабление королевской власти, упрочение господства аристократии и ее союзника в лице набиравшей силу буржуазии, а также утверждение в стране полноценной парламентской жизни. Не вызывает сомнения и тот факт, что протестантские религиозные концепции облегчили формирование гражданского общества и его господствующие позиции в жизни общества. Неудивительно, что только в середине XIX в. в Англии стала возможной глубокая реформа административных служб государства.

Иная картина наблюдалась во Франции. Здесь быстрое развитие *этактических аппаратов государства* было связано с утверждением *абсолютной монархии*. При этом бюрократия формировалась не только в центре, как это имело место и в Англии, но и на местах для того, чтобы осуществлять на деле «юстицию короля» и собирать налоги. В центре чиновники вырабатывали единые для всей страны правила и нормы и следили за тем, как они исполняются на местах.

Бюрократия по-французски имела мозаичный характер. Она не обладала подлинным единством. Внутри нее давало о себе знать сильное противостояние между теми, кто занимал в администрации посты по праву наследо-

вания, и выходцами из иных слоев населения, например в органах судебной власти. Получалось так, что, по сути дела, едва ли не каждый аппарат государства был превращен в своеобразную ставку конкурентной борьбы выходцев из разных социальных групп общества.

Вплоть до XIX в. аристократия во Франции стремилась сохранить или вновь завоевать монополию на рекрутирование выходцев из своей среды или своих представителей на ключевые посты, например военные. А. де Токвиль, будучи весьма наблюдательным социологом и политологом, отмечал, что в то время «чиновники администрации, в большинстве своем являвшимися выходцами из буржуазии, образуют уже класс, который характеризуется особым духом, традициями, свойствами, честью, собственной гордостью. Это — аристократия нового общества, которая уже оформилась и живет»¹.

К сказанному добавим: бюрократия того времени сохраняла черты архаизма. Многие посты покупались при помощи взяточничества, охватившего в XVII в. даже «королевских комиссаров». К слову сказать, этот институт был создан для иных целей. Присвоение постов было свойственно и для налоговой службы: обладатели постов этой службы оплачивались из доходов, получаемых при исполнении своих обязанностей. Существуют такие оценки: служба приносила *в среднем* в 3–4 раза больше доходов, чем стоила сама должность. Нужно сказать, что центр контролировал лишь малую часть собираемых налогов. Этот корпус администрации был малоэффективным. Это отмечал еще А. де Токвиль. А позднее, уже в наши дни, историк Франсуа Фюре заметит: «Наверху чрезвычайная щепетильность в регламентации всего; внизу — хроническое неподчинение»².

Такая ситуация иногда характеризуется следующим образом: «жесткое правило, мягкая практика».

Нужно сказать, что во Франции при королевском режиме численность государственного аппарата росла не очень быстро. Однако получение поста или административной должности в то время было привилегированным средством для умножения личного богатства, усиления своей социальной позиции, роста авторитета. И все это вписывалось в процесс бюрократизации государства,

¹ *Thoqueville A. de. L' Ancien Régime et la Révolution. P. 136, 140.*

² *Furet F. Op. cit. P. 225.*

с присущей ей дифференциацией аппаратов и агентов, обладавших монополией на легитимное насилие. Однако это вовсе не означает, что тут же формировался «бюрократический правящий класс», который оказался бы как бы внешним (по выполняемым функциям, по наличию собственного интереса и т. п.) по отношению к социальным группам общества, из которых, к слову сказать, многие представители этого «класса» вышли.

В то же время формирование особого слоя управленцев было ярким свидетельством того, что обществу навязывались определенные правила политической деятельности, определенные знания и умения (*savoir-faire*) и специализированные практики и методы деятельности. В способности утверждать легитимные правила политической деятельности, без всякого сомнения, была заложена глубинная характеристика и самого государства. А потому самого пристального внимания заслуживает анализ развития «бюрократических аппаратов» государства.

Подобная характеристика применима и для *элитической бюрократии Центральной и Восточной Европы*, хотя она и отличается от французской или испанской бюрократии. Ключевые посты в государствах этого региона принадлежали в основном выходцам из земельной знати. Это отвечало интересам земельных собственников внутри страны (при помощи государства контролировалось поведение крепостных и подавлялись крестьянские бунты, когда они возникали) и на международной арене, где прусское, шведское или русское государства выступали как государства милитаристские. Неудивительно, что армия Пруссии при Фридрихе II пожирала около 80 % доходов, получаемых от сборов налогов. Это позволяет делать вывод о том, что элитический аппарат является «субпродуктом военной машины»¹. Этот аппарат являлся также «машиной» по производству признаков класса (дисциплина, честь, абсолютная преданность) и служебной аристократии, новые члены которой были представлены собственниками, юнкерами или боярами. Как отмечал П. Андерсон: «Служба знати в аппарате абсолютизма обеспечивала служение абсолютистского государства политическим интересам знати»².

¹ Anderson P. L'Etat absolutiste: ses origins et ses voies. En 2 vol. P. 28.

² Ibid. P. 48.

Эта особая форма бюрократии является создателем точных правил, которые, в свою очередь, способствовали дифференциации политического порядка по отношению к религиозному порядку, а в некотором отношении — и к экономическому порядку. Указанная дифференциация постепенно вела к утверждению наемного труда в публичной сфере, способствовала производству специализированного знания, что, к примеру, демонстрирует прусский административный регламент. Специализированное знание способствовало зарождению и утверждению административного права, которое становилось настоящим инструментом рационализации деятельности аппарата государства на длительную перспективу. В итоге всего этого утверждалась элитическая система, отличавшаяся от экономической, религиозной и культурной областей жизнедеятельности общества. И эта элитическая система *не находилась вне общества и процессов, протекавших в нем*.

Возникновение современной бюрократии, которая действует на основе точно определенных правил и процедур, стало возможным только после того, как сформировались и институционализировались настоящие *корпуса административности*, которые были способны осуществлять меры по «рационализации» своей деятельности. Процесс рационализации постепенно распространяется на все сектора и все аспекты социальной жизни. При этом бюрократизация как феномен присуща не только государству. Постепенно она утверждается на частных предприятиях, в политических партиях, профсоюзах, церкви и т. д.

Следует сказать и о том, что еще задолго до осмысления М. Вебером феномена бюрократии, этот феномен был подвержен серьезной критике К. Марксом. Отвергая образ, который бюрократия создает о себе самой (нейтралитет, компетентность, служение общему интересу и т. д.), К. Маркс, а вслед за ним и В.И. Ленин не ограничивались только выяснением роли бюрократии в обеспечении господства правящего класса, но и вскрывали ее паразитическую природу, некомпетентность, карьеризм, преследование частного интереса, культ секретности и т. п. отрицательные черты деятельности чиновничества.

С учетом такого рода критики видение бюрократии М. Вебером может казаться в значительной мере идеа-

лизированным, если особенно учесть, что социальная реальность весьма далека от того, чтобы быть полностью рациональной. Уже после М. Вебера далеко не рациональный характер социальной реальности был выявлен социологией организаций, которая получила повсеместное признание. Более того, сторонники функционализма, в свою очередь, выявили так называемый дисфункциональный характер бюрократической логики в определенных ситуациях. Так, Роберт Мертон показал, что такого рода логика побуждает очень часто чиновников осуществлять выбор между рутинным и рутинизированным, результаты чего могут идти против официальных целей организации. При этом указанный выбор соответствует букве, но не духу регламента.

Другой подход к оценке деятельности бюрократии демонстрируют сторонники теории ограниченной рациональности¹, которые также обращают внимание на значение рутинизированных процедур. Эти процедуры рассматриваются как менее когнитивно дорогостоящие и более надежные в контексте ограниченной информации в процессе деятельности организации. При этом оказывается, если скрупулезный анализ бюрократических регламентов выявляет их дисфункциональный характер, то сама бюрократия к тому же способна проводить (и проводит!) свою собственную стратегию и определяет способы функционирования. Указанную формулу еще более радикально формулирует крупный французский социолог Мишель Крозье, который подчеркивает дисфункциональный характер самой бюрократии, в которой индивиды и группы, составляющие ее, чаще всего далеки от того, чтобы руководствоваться в своей деятельности официальными процедурами и целями организации. Они стремятся проводить свою собственную стратегию, используя пробелы, зазоры или «зоны неопределенности» организации для решения собственных проблем². В этом случае не спасает и реформирование организации. Это связано с тем, что реформаторы чаще всего переоценивают значение регламентации, что, в свою очередь, приводит ее к еще большей дисфункциональности.

¹ См.: Simon H.A., March J.G. Les organisations. P., 1991.

² См.: Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. P., 1964; Crozier M., Friedberg E. L'Acteur et le système. P., 1992.

План главы

- 6.1. Две концепции нации... на службе одного и того же проекта.
- 6.2. Нация и национализм.
- 6.3. Национализм и государство.
- 6.4. Государство и строительство нации.

Одной из важных проблем политической социологии является проблема множественности связей нации и государства. При этом неизбежно встает ряд вопросов, на которые подчас весьма затруднительно дать однозначные ответы. В самом деле. Возникает, например, следующий вопрос: существуют ли различия между нацией и государством? Отражают ли они одну и ту же реальность, или нация и государство являют собой различные социополитические реальности?

Проблема «нации» в последние несколько десятилетий получила особое измерение и приобрела значительную с точки зрения политики остроту. Это связано с появлением во многих странах нового политического течения, получившего наименование «национал-популизм».

Понятие «нация» имеет достаточно долгую историю. Однако тот смысл, который вкладывается в данное понятие, например в Средние века или в Новое и Новейшее время, в значительной мере отличается от того смысла, которым данное понятие наделяется в современных условиях.

Не вдаваясь в детали, отметим, что понятие «нация» неразрывным образом связано с историческим прошлым той

или иной страны. При этом можно выделить два подхода, получившие свое выражение как в теории, так и на практике: один из них связан с тем, что нация рассматривается как некий «продукт», созданный при непосредственном участии в его «производстве» государства, второй же подход строится на убежденности в том, что нация возникает до появления государства и существует вне прямой связи с ним.

■ 6.1. Две концепции нации... на службе одного и того же политического проекта

В политической науке существует две концепции нации, которые, по сути дела, являются антагонистическими. Одна из них, нередко называемая «французской», основывается на признании факта добровольности включения в нее составляющих ее членов, а другая, которую иногда называют «немецкой», — являет собой биологическую или культурную концепцию, являющуюся одновременно и объективной, и эксклюзивной. Первая концепция может быть определена как «гражданская» концепция нации, вторая — как «этническая», или этнокультурная концепция. Первая концепция формировалась по праву народа на землю, вторая — по праву крови.

Нужно сказать, что обе эти концепции имеют политическую составляющую, которая связана с конкретным политическим проектом легитимации или, наоборот, опротестования границ между государствами.

А. Нации как культурные общности

Так называемая «немецкая» концепция нации берет начало во второй половине XVIII в. Ее появление на свет связано с именами немецких мыслителей Гердера¹ (конец XVIII в.), а потом Фихте² (начало XIX в.). Так, Гердер

¹ Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803) — немецкий философ и писатель-просветитель. В 1764–1769 гг. пастор в Риге, с 1776 г. — в Веймаре, теоретик «Бури и натиска», друг И.В. Гете. Проповедовал национальную самобытность искусства, утверждал историческое своеобразие и равноценность различных эпох культуры и поэзии. Был предвестником романтизма в поэзии.

² Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814) — немецкий философ, представитель классического идеализма. В «Речах о немецкой нации» (1808) призывал немецкий народ к моральному возрождению и объединению.

утверждал, что характер всякой нации определяется такими факторами, как природная среда, климат и физическая география, — факторами, формирующими и стиль жизни, и трудовые привычки, и предпочтения, и творческие наклонности людей. Превыше всего Гердер ставил фактор языка; в нем он видел воплощение характерных для народа традиций и его исторической памяти. Каждой нации, по Гердеру, присущ свой *Volksgeist*, что находит свое выражение в песнях, мифах и легендах и является для данного народа источником всех и всяких форм творчества. Национализм Гердера следует понимать как своего рода культурализм, где на первый план выдвигаются национальные традиции и коллективная память, но никак не государственность.

Неудивительно, что данная концепция нации способствовала пробуждению национального сознания немцев и составляла содержание движения пангерманизма¹, а также многочисленных националистических движений в XIX и XX вв. В соответствии с этой концепцией нация рассматривается как некое «естественное», или органическое, сообщество, которое уходит корнями в древность и будет существовать, пока существует человечество. Нация, по Гердеру, — это объективное сообщество, состоящее из членов одной и той же группы. Группа в зависимости от конкретной ситуации может определяться на основе единого языка, крови, расы или рождения. Но какой бы вариант ни выбирался для определения группы, принадлежность людей к той или иной нации является предопределенной заранее: она определяется, по сути дела, фактом рождения. А потому принадлежность к нации не может быть утраченной, не может отрицаться. Так, проживающие во Франции эльзасцы, в соответствии с этой концепцией, относятся к немецкой нации, подобно тому, как объявлялись немцами жители чешских Судетов. В таком подходе едва ли не основной характеристикой той или иной национальной группы выступает культура, которая находит свое выражение в языке и с помощью языка. Неудивительно, что «немецкую» концепцию нации характе-

¹ Пангерманизм — реакционная политическая доктрина в Германии (с конца XIX в.), проповедовавшая необходимость установления мирового господства германского империализма. Для пангерманизма характерны национализм, шовинизм, расизм. Идеино предшествовал германскому фашизму

ризуют как концепцию *биологическую* или *культурную*. Нация в таком подходе представляет собой группу, отношения в которой основаны на сходстве и эмоциональной близости, что позволяет ее рассматривать как расширенную форму семейного сообщества.

Корни «немецкой» концепции нации многочисленны, парадоксальны, если не сказать противоречивы. Они восходят напрямую к традиции Просвещения, с одной стороны, а с другой — направлены против нее. В самом деле, национализм, который возникает на базе именно этой концепции нации, выражает стремление к свободе, нацелен на борьбу против политического деспотизма, опирается на стремление народов стать хозяевами своей собственной судьбы. Национализм является наследником Просвещения в том смысле, что является носителем, по крайней мере в понимании Гердера, универсального проекта. Каждая нация, по Гердеру, является закрытой, во многом эксклюзивной. Каждый индивид является членом особой нации, но сами нации обладают одной и той же ценностью¹. У Гердера все культуры равноправны.

«Разумеется, — пишет Луи Дюмон, — такое возможно только потому, что культуры рассматриваются исключительно как индивиды, равноправные между собой, не смотря на их различия: *культуры суть коллективные индивиды*»².

Однако в период Просвещения, в XVIII в., значительное влияние в Европе оказывала французская культура. Так, на немецких территориях французский язык и французская культура были языком и культурой элит. И именно против французского культурного влияния были направлены призывы Гердера к открытию заново своей собственной национальной, т. е. немецкой, культуры. При этом стремление противодействовать французскому влиянию представало в глазах многих немцев как противодействие самому Просвещению. Оккупация наполеоновскими войсками части территории нынешней Германии подталкивало общественное мнение Германии к разрыву не только с Францией, но и с идеями Просвещения.

«Немецкая» концепция нации была тесно связана с романтизмом, получившим распространение в Европе с

¹ См.: Herder J.-G. Une autre philosophie de l'histoire. P., 1964.

² Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна, 1997. С. 133.

конца XVIII в. как реакция на рационализм Просвещения. Идея «национального гения», «души народов» навязывалась людям, которые воспринимали ее как некий возврат к мифологическому прошлому, к темным силам души и природы.

Б. Нации как политические общности

Совсем другой подход представляет собой французская концепция нации, которую чаще всего связывают с именем Эрнеста Ренана (1823—1892). 11 марта 1882 г. Э. Ренан, выступая в Сорбонне, сформулировал «элективную», «политическую» или «гражданскую» концепцию нации, корни которой восходят к временам Французской революции 1789 г.

Нужно сказать, что элементы политической и элективной концепции нации встречались прежде у Эммануэля Сиейеса¹, который определял нацию как «объединенный корпус людей, живущих на основе общего закона и представленных одной и той же легислатурой»².

У Сиейеса акцент делается, как видим, на добровольном характере объединения людей, т. е. включения в нацию, а также на контрактной природе образования группы. И значит, нация рождается из превращения *индивидуальной воли каждого из индивидов* в некую общую волю. Э. Сиейес отмечал, что «привилегированные лица королевского режима находятся вне нации». Но «они могли бы, если бы этого захотели, стать членами нации, если бы освободились от своих несправедливых привилегий»³.

В чем смысл концепции нации, предложенной Э. Ренаном? Прежде всего следует сказать, что она направлена против этнокультурных концепций нации. Э. Ренан, в частности, отказывается от понятия *«раса»*. Это связано с тем, что, по Ренану, ни одно государство и ни одна нация

¹ Сиейес Эммануэль Жозеф (1748—1836) — деятель Великой французской революции. Один из основателей Якобинского клуба. С 1791 г. — член клуба фельянов. Участвовал в выработке Декларации прав человека и гражданина. В 1799 г. вошел в Директорию. После переворота 18 брюмера 1799 г. один из консулов. В 1816—1830 гг. находился в изгнании.

² Sieyès E. Qu'est-ce que le Tiers État. P., 1988. P. 40.

³ Ibid. P. 186.

не могут рассматриваться как «расово» и «этнографически» гомогенные. Все они были образованы на основе постоянного смешения разных социальных групп, которые проживали, сменяя друг друга, на данной территории. Так, население Франции сформировалось на основе слияния галльских, романских, германских народов, а также иммиграционных движений, пополнявших население страны еще со времен Античности.

«Истина заключается в том, — пишет Э. Ренан, — что не существует чистой расы и что стремление основать политику на этнографическом анализе означает лишь то, что она будет основываться на химере»¹.

И Германия в данном случае не является исключением. А потому «мы не имеем права обращаться с людьми таким образом, чтобы ощупывать их череп, а потом брать их за горло, говоря им: «Ты наша кровь, ты нам принадлежишь!»²

Общность **языка**, по Э. Ренану, не является основанием нации: «Язык призывает к объединению, но не принуждает к нему»³.

Так, США и Великобритания имеют один и тот же язык, но представляют собой две различные нации. То же самое можно сказать об Испании и Аргентине или Колумбии, Португалии и Бразилии, Франции и Квебеке и т. д. И наоборот, Швейцария имеет три или даже четыре основных языка, однако она не перестает представлять одну нацию. Это означает, согласно Э. Ренану, что «в человеке есть нечто большее, чем язык: это воля. Воля Швейцарии заключается в том, что она остается единой, несмотря на разнообразие идиом, и это более важный факт, нежели сходство, нередко достигаемое на основе принуждения»⁴.

То же самое можно сказать и о критерии **религии**. Религия играет существенную роль в объединении людей. Но реальность такова, что государства и нации в большинстве случаев являются многоконфессиональными.

Наконец, **география** тоже не является единственным объяснительным фактором формирования нации и государства. Это так потому, что границы являются феноме-

¹ Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? P., 1997. P. 21.

² Ibid. P. 23.

³ Ibid. P. 24.

⁴ Ibid. P. 25.

ном политическим. Они складывались исторически в результате острого соперничества политических центров за право контроля периферии и расширения ее пространств, а понятие «естественных границ» государства или нации не имеет смысла. Тем более что возникает в связи с таким понятием большое число вопросов: почему, например, Рейн может являться «естественной границей», а не Рона, Луара или Сена? Почему Пиренеи, а не Аппалачи, Урал являются границей?

Для Э. Ренана нация является результатом исторического развития. Нация — это «душа, духовный принцип», она вписывается одновременно в прошлое (осознание общего прошлого) и настоящее. Нация предполагает «выстраданное совместно» прошлое и «желание жить совместно» в настоящем. Это «желание совместного проживания» выражается «в настоящем в осознанном факте: согласия, ясно выраженного желания продолжать жить вместе. Существование нации является ежедневным плебисцитом»¹.

«Человек, — утверждает Э. Ренан, — не является рабом ни своей расы, ни своего языка, ни своей религии, ни курса течения рек, ни направления цепей гор. Большое объединение людей, здравых умом и горячих сердцем, созданное моральным сознанием, называется нацией. В силу того что это моральное сознание подтверждает свою силу жертвами, которых требует отказ от индивида в пользу сообщества, оно является легитимным и имеет право на существование. Если сомнения возникают на ее границах, проконсультируйтесь у спорящих между собой населений»².

Как видим, во французской концепции нации принадлежность к ней является добровольной, является результатом выбора (избирательная, или элективная, концепция). И если различие в культуре находится в сердцевине национальной идентичности, то эта культура является не чем-то данным от рождения, а приобретенным исторически наследием.

Справедливости ради нужно сказать, что избирательная (элективная) концепция нации присуща не только французской традиции. Она присуща и американской, на-

¹ Renan E. Op. cit. P. 32.

² Ibid. P. 34.

пример, традиции. То же самое относится и к «немецкой» концепции нации: элементы ее встречаются и в XIX в. и позднее во многих движениях и идеологиях националистического толка. Так, в той же Франции национализм Аксьон франсэз, который исповедовал М. Баррес¹, а потом Ш. Моррас², основывается на аналогичном немецкому пониманию нации основаниями. Различие заключается лишь в том, что Ш. Моррас делал акцент на католицизм как конститутивный элемент французской нации в прошлом и настоящем, а М. Баррес рассматривал национализм как «принятие детерминизма»³.

Нельзя сказать, что идеи М. Барреса или Ш. Морраса остались в прошлом. В настоящее время именно на основе этнокультурной и эксклюзивной концепции основывается понимание нации лидера крайне правой партии во Франции — Национального фронта — Ж.-М. Ле Пена.

Двойственность в понимании нации находит свое проявление и в наши дни. Так, Мишель Винок на основе своего анализа феномена национализма выделяет две его версии: «национализм открытый» и «национализм закрытый»⁴. Каждая из этих версий основывается на различном понимании нации. Однако это не является свидетельством того, что признание такого различия не означает признания факта существования «хорошего» и «плохого» национализма, один из которых является универсалистским и приветливым, а другой — эксклюзивным и властным. Известно, что обращения к национализму чаще всего происходили во имя

¹ Баррес Морис (1862–1928) — французский писатель и политический мыслитель. Сторонник идеи национализма реванша: нужно освободиться от поражения 1870 г. и отомстить за утрату Эльзаса и Лотарингии. Для него нация — это прежде всего земля и мертвые. Для того чтобы набраться силы, необходимо возвратиться к традициям, чувствам и предубеждениям, которые связаны с традиционной жизнью, и отказаться от всего абстрактного и рационального. (См. подробнее: *Желтов В.В.* История политических идей. С. 396–398.)

² Моррас Шарль (1858–1952) — сторонник идеи интегрального национализма, который руководствуется только национальными интересами. Оказал существенное влияние на представителей правых сил в межвоенный период. Идеи Морраса были одним из источников политических воззрений генерала де Голля в его молодые годы.

³ См.: *Barrès M.* Science et doctrines du nationalisme. P., 1902. P. 8.

⁴ См.: *Winock M.* Nationalisme, antisémitisme et fascisme en France. P., 1990. P. 11–40.

естественных концепций нации. А это приводило к тому, что звучали сначала призывы, а потом, если создавались для этого политические условия, проводились действия, которые неизбежно вели к стремлению освободиться от присутствия в стране инородных элементов как предпосылки для обеспечения чистоты нации. В итоге утверждалось, в том числе и политически, превосходство одной расы или нации над другими расами или нациями. Как показывает история, этнорасовые версии нации непосредственно связаны с расистскими теориями и движениями в XIX и XX вв., которые провозглашали абсолютное право высшей расы на господство в мире.

Не следует идеализировать и «открытую» концепцию национализма, которая на практике получала выражение в насильственной ассимиляции народов, а также в колониальных завоеваниях в XIX в. Прав Луи Дюмон, когда утверждает: «Можно заметить, что этноцентрический или социоцентрический взгляд, в соответствии с которым превозносятся *свои* и принимаются *чужие*, сохранился кое-где и в современную эпоху, но в различном виде: немцы выставляли и пытались навязывать свое превосходство лишь потому, что они немцы, тогда как французы сознательно утверждали только превосходство универсальной культуры, но наивно отождествляли с ней себя в том смысле, что считали себя наставниками человеческого рода»¹.

Показательным является и заявление Жюль Ферри², которое он сделал 29 июля 1885 г. во время дебатов в Национальном собрании по поводу интервенции в Тонкине: «Высшие расы имеют право, т. к. они выполняют долг. Они имеют право цивилизовать низшие расы»³.

Как отмечает Ж.-Ф. Леконт, такого рода заявления являются свидетельством присутствия расизма в западных обществах в конце XIX в. Это накладывало отпечаток и на понимание феномена нации, определение которой строилось с учетом интеллектуального и научного климата в обществах того времени.

¹ Дюмон Л. Указ. соч. С. 144.

² Жюль Ферри (1832–1893) — премьер-министр Франции в 1880–1881, 1883–1885 гг., сторонник активной колониальной экспансии в Африке и Азии.

³ *Lecomte J.-Ph.* Op. cit. P. 134–135.

Показательно, что тот же Э. Ренан, который был сторонником избирательной концепции нации в 1882 г., ранее, в 1855 г., утверждал, что «семитская нация в сравнении с индоевропейской нацией реально представляет собой комбинацию нижестоящей человеческой расы»¹.

Конечно, концепции Ренана между указанными двумя датами могли измениться, но нельзя со всей определенностью утверждать, что он за этот период стал человеком менее расистским или менее антисемитским по своим убеждениям. Ибо отличие между «открытыми» и «скрытыми» националистами не следует понимать как противоположность между расистами и нерасистами. В этом отличии находит выражение факт отождествления или нет нации с расой. Сторонники избирательной концепции нации могут также быть настоящими расистами, т. е. воспринимающими человечество в качестве сегментированной расами реальности, хотя и не рассматривающими расу в качестве основания определения нации².

Оба указанных нами подхода к интерпретации нации основываются в том числе и на ее объективном содержании. Так, Э. Ренан обращает особое внимание на выстроенный и поддерживаемый характер нации: «Забвение, — утверждает Э. Ренан, — и я скажу даже историческая ошибка являются существенным фактором создания нации, и потому именно прогресс исторических исследований является зачастую опасностью для национальности»³.

И в то же время Ренан утверждал, что «историческое прошлое, великие люди, слава — вот тот социальный капитал, на котором основывается национальная идея»⁴.

При этом Ренан никогда не указывал на важность объективного существования общего прошлого или верования индивидов в его существование. Основное заключено во втором, в прошлом, которое приспособлено к на-

¹ Renan E. Histoire générale des langues sémitiques // Renan E. Oeuvres complètes. T. 3. P., 1947. P. 145; Hermet G. Histoire des nations et du nationalisme en Europe. P., 1996. P. 130.

² См.: Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 135.

³ Renan E. Op. cit. P. 13.

⁴ Ibid. P. 31.

ции и которое выстроено, изобретено, переизобретено и перестроено в настоящем.

Именно это учитывает Э. Ренан, когда говорит о забвении, но не может этого сказать. Это так потому, что в нем говорит не историк, не социолог, а политик. Рассуждения Ренана, Сиейеса, Гердера или Фихте имеют общее. Оно получает свое выражение в *мифологии*. А предназначение мифа заключается в том, что он не описывает то, что есть, или то, что было. Миф призван придавать смысл и легитимность тому, что есть, или тому, что хотели бы иметь, т. е. государствам-нациям, которые есть или существование которых желали бы видеть.

Так, цель Ренана не заключалась в том, чтобы социологически интерпретировать нацию. Куда важнее для него было оправдать принадлежность Эльзаса и Лотарингии французскому государству. Таким же образом «немецкая» концепция нации была подчинена цели поставить под сомнение принадлежность некоторых провинций Австро-Венгерской империи или Империи Наполеона (Фихте) и/или была нацелена на объединение провинций, королевств, графств или свободных городов, расположенных на немецкой территории. Позднее подобные цели будут ставить перед собой сторонники пангерманизма (аншлюс, аннексия Судетов), пантюркизма или панславизма или, например, выдвижение претензий на объединение с Италией Триеста и Истрии.

Рассуждения, о которых мы ведем речь, не добавляют понимания феномену нации. В них находит выражение цель национализма, которая заключается не в том, чтобы «защищать» или содействовать нации, а в том, чтобы ее определить, заставить ее существовать, утверждая, что она существует, и определяя ее контуры. При этом в таком определении нация никогда не бывает одной. Ибо определить нацию — это всегда означает определение и легитимацию эффективного или требуемого существования государства-нации. Добавим: рассуждения о природе нации являются, по сути, политическими проектами, нацеленными на легитимацию и признание проектов политической организации, существующей или требуемой (сепаратисты, юнионисты или ирредентисты).

6.2. Нация и национализм

А. Воображаемое сообщество

Рассмотренные нами два подхода не позволяют в полной мере осмыслить феномен нации. Ибо нация, говоря словами Бенедикта Андерсона, представляет собой «воображаемое сообщество». Важным является не то, что существует некое объективное сообщество крови, расы, языка или общего стремления жить совместно, а то, что, как подчеркивал М. Вебер, существует субъективная вера в сообщество крови, расы, языка или культуры. При этом вовсе не важно, является ли эта субъективная вера обоснованной или нет. Важно только то, что существует убеждение в общей принадлежности¹.

Оба указанных нами подхода к интерпретации нации, представляющие ее как стихийно возникающий и вневременной фактор, затрудняют понимание существа этого феномена. Оба подхода являются по своей сути мифологическими. Они, опираясь на прошлое, пытаются осветить настоящее, придавая природе самой нации **политически инструментальный характер**.

Идея о том, что нации суть политические, а не этнические сообщества, восходит к Ж.-Ж. Руссо — философу, в котором многие усматривают «прародителя» современного национализма. Хотя Руссо специально не касался ни национального вопроса, ни самого феномена национализма, его размышления о суверенитете народа — и особенно идея «общей воли» (или общественного блага) — собственно и посеяли те семена, из которых потом выросли националистические доктрины Французской революции 1789 г. Провозгласив, что правление должно основываться на **общей воле**, Руссо тем самым, в сущности, отказал в праве на существование как монархии, так и всяческим аристократическим правлениям. В годы Французской революции этот принцип радикальной демократии нашел свое отражение в той идее, что все французы суть «граждане» со своими неотъемлемыми правами и свободами, а не просто «подданные» короны; суверенитет, таким образом, исходит от народа. Французская революция и утвердила этот новый вид национализма с его идеалами

свободы, равенства и братства, а также теорией нации, над которой нет иной власти, нежели она сама.

Для того чтобы понять сущность нации, необходимы некие критерии для ее оценки. К слову сказать, об этом в свое время писал британский историк Эрик Хобсбаум: «В прошлом не раз пытались отыскать объективные критерии, определяющие нацию, или стремились объяснить, почему некоторые группы превратились в "нации", а другие — нет, и опирались при этом или на единственные критерии, такие как язык или этнос, или на совокупность таких критериев, как язык, общая территория, черты культуры... Эти объективные определения провалились в силу очевидного довода: потому что в любую эпоху только несколько образчиков широкого класса целостностей, к которым применяются такие определения, могут рассматриваться как "нации" и всегда возможно найти исключения: или конкретные факты, к которым применяется определение... не являются (или еще не являются) нациями... или бесспорные "нации" не соответствуют критерию или совокупности критериев»¹.

Помимо невозможности определить объективный критерий, на основании которого можно было бы дать характеристику нации, существует и другая трудность, которая связана с определением совокупности людей, образующих фактически нацию. Об этом весьма точно говорил М. Вебер: «Наличие некоторых общих качеств, одной и той же ситуации или одного и того же поведения не определяют с необходимостью коммуналзацию. Например, факт существования общих биологических наследственных качеств, которые являются характеристикой "расы", не является естественной коммуналзацией различных членов, которые отличаются от нее»².

Под «коммуналзацией» М. Вебер понимает «социальное отношение, когда и пока диспозиция социальной активности основывается... на **субъективном** (традиционном или эмоциональном) чувстве **принадлежности к одному и тому же сообществу**», отличающемуся от «социализации», которая обозначает «социальное отношение, когда и пока диспозиция социальной активности основывается на рационально мотивированном (в ценности или в конечном счете) **компромиссе** интересов или мотивированной таким же

¹ Hobsbaum É. Nations et nationalisme, depuis 1780. P., 2001. P. 19–20.

² Weber M. Économie et société. T. 1. P. 80.

образом *координации* интересов», — и уточняет тот факт, что «коммунализация может основываться на любом виде аффективного, эмоционального или традиционного основания, например на сообществе духовного братства, эротическом отношении, отношении, основанном на набожности, «национальном» сообществе или группе, объединенной товарищескими отношениями»¹.

Таким образом нация не является группой индивидов, обладающих определенным числом объективных характеристик или особых качеств (язык или культура в «немецкой концепции», общее прошлое и/или желание иметь общее будущее во «французской концепции»). *Нация — это совокупность индивидов, прежде всего разделяющих общее верование в существование таких качеств и разделяющих ощущение в том, что это предполагаемое сообщество их связывает эмоциональной связью, солидарностью или «товариществом».*

Именно на эти два аспекта обращает наше внимание Б. Андерсон, когда утверждает, с одной стороны, что нация является сообществом «воображаемым, т. к. даже члены самых маленьких наций никогда лично не знают большинства своих сограждан; они никогда не пересекаются и не разговаривают друг с другом, хотя в сознании каждого живет образ их общности»; с другой стороны, оно «является воображаемым как сообщество потому, что вне зависимости от неравенства и эксплуатации, которые в нем могут существовать, нация всегда воспринимается как глубокое горизонтальное товарищество. В конечном счете именно братство в течение двух веков сделало так, что миллионы людей были предрасположены не к тому, чтобы убивать, а к тому, чтобы умереть за достаточно ограниченные продукты воображения»².

Есть все основания утверждать: если нации не являются объективными гомогенными сообществами, а продуктом веры в существование таких сообществ, т. е. сообществ субъективных, то открывается возможность понять их построенный характер. Это построение является двойственным. Существование нации является порождением веры в факт ее существования как объективного и исторического сообщества, имеющего как человеческие, так и/или территориальные границы. *Это означает,*

¹ Weber M. Op. cit. P. 78–79.

² Anderson B. L'imaginaire national. P., 1996. P. 19–20.

повторим еще раз, что нация является субъективным образованием.

Однако *нация одновременно является и объективным феноменом, который характеризуется наличием общего языка, общей истории, а также целой серией идентифицирующих ее символов, ориентиров и свидетельств (знамена, гимны, деньги), культурным наследием (архитектурным, литературным, фольклорическим и т. п.).* Эта конструкция внутри определенной группы обеспечивает единство нации и является основанием для национализма.

Следует сказать и о том, что объективация национального единства, в свою очередь, укрепляет веру у людей в объективность существования нации, а также придает ему реальные «телесные» очертания. Сама символическая конструкция, распространение общих верований, навязывание «объединяющих» норм, практик и ориентиров — все это способно делать только государство. А это позволяет утверждать, что именно государство является сердцевинной процессом образования наций, начиная с XVIII столетия. И потому сами нации являются политическим созданием, которое приводит к образованию того, что в западной политической науке получило наименование государства-нации.

Истоки современных наций коренятся в политическом проекте. Их развитие неразрывно связано со становлением и трансформацией государства. При этом анализ наций может осуществляться, по крайней мере, в двух направлениях, на основе двух подходов. Первый из них акцентирует внимание на вопросах экономического развития, в частности на переходе аграрных обществ к индустриальной фазе развития. Второй подход строится на особом внимании к факторам специфически политическим. В частности, этот подход строится на особом внимании к вопросам роли национализма и наций в преобразовании форм и норм политической легитимности в процессе перехода от династических государств к государствам-нациям.

Б. Разновидности национализма

О политическом смысле национализма ведутся самые ожесточенные споры. С одной стороны, национализм не-

сет в себе известный потенциал национального единства или независимости. И в этом случае он предстает как вполне прогрессивная и даже освободительная сила. С другой стороны, национализм, как свидетельствует история, может превращаться в иррациональный и реакционный символ веры, служащий политическим лидерам оправданием вооруженной экспансии и войн.

Национализм не раз служил (и продолжает служить) притягательной силой для сторонников самых разных идеологических воззрений — от либералов и консерваторов до фашистов. Есть все основания полагать, что с идеологической точки зрения национализм всеяден. В политической науке выделяют несколько основных разновидностей национализма:

- либеральный национализм;
- консервативный национализм;
- национализм экспансионистского толка;
- антиколониальный национализм.

Для характеристики этих разновидностей национализма воспользуемся материалом, представленным в работе Эндру Хейвуда¹, ставшей доступной российскому читателю.

Либеральный национализм

Либеральный национализм можно считать классической формой европейского либерализма. Своим рождением он обязан Французской революции и воплощает в себе многие ее ценности. В континентальной Европе середины XIX в. быть националистом означало быть либералом и наоборот. Ярче всего либеральный национализм получил свое выражение в «Рисорджименто» (итал. «возрождение») — национальном движении за объединение Италии, главной фигурой, пророком и глашатаем которого был Джузеппе Мадзини. Таких же убеждений придерживался Симон Боливар (1783 — 1830), возглавлявший латиноамериканское движение за независимость в начале XIX в. и много сделавший для изгнания испанцев из Испанской Америки. Но, может быть, самым ярким выражением либерального национализма были «Четырнадцать пунктов»

американского президента Вудро Вильсона¹. Эти пункты стали своего рода программой послевоенной реконструкции Европы и планом радикальных территориальных преобразований, воплощенных затем в Версальском договоре (1919).

Подобно другим формам национализма, национализм либерального толка зиждется на том убеждении, что человечество *естественно* делится на нации. При этом нация, согласно сторонникам этой концепции национализма, связывается с идеей суверенитета народа, восходящей к Ж.-Ж. Руссо. А потому главным лозунгом этого течения является принцип **национального самоопределения**, а целью — построение нации-государства.

Либеральный национализм провозглашает, что каждая нация обладает правом на свободу и самоопределение. Идеалом этого вида национализма является мир суверенных наций-государств.

С точки зрения либералов, национализм не только служит задачам политической свободы, но и позволяет выработать механизмы для обеспечения мирного и стабильного политического порядка. Причины Первой мировой войны В. Вильсон, например, усматривал в том, что в «старом порядке» доминировали аристократические и воинственные империи. Демократические нации-государства, по его убеждению, должны быть миролюбивыми, потому что, обладая культурным и политическим единством, они не будут иметь мотивов для развязывания войн или для подчинения себе других наций. Национализм в такой трактовке не является источником недоверия и соперничества, скорее, он представляется силой, способной внутренне объединить нации, а также установить на основе своих принципов равенство между различными нациями.

¹ «Четырнадцать пунктов В. Вильсона» — программа послевоенного устроительства, выдвинутая американским президентом в его обращении к Конгрессу США 8 января 1918 г. Главными ее положениями были: отмена тайной дипломатии; сокращение вооружений; создание международной организации как гаранта сохранения мира и политической независимости государств (будущая Лига Наций), а для послевоенной Европы — освобождение оккупированной Франции и возвращение ей Эльзаса и Лотарингии; определение итальянских границ в строгом соответствии с границами национальными; предоставление автономии народам Австро-Венгрии; вывод оккупационных войск с территории Румынии, Сербии и Черногории, предоставление Сербии выхода к морю; создание независимой Польши с выходом к морю.

Консервативный национализм

Данная версия национализма возникает значительно позднее, чем либеральный национализм. Это было связано с тем, что вплоть до середины XIX в. консерваторы в массе своей весьма подозрительно относились к идее национализма. Однако столетие спустя национализм стал символом веры и для многих консерваторов. В Великобритании, например, это проявилось во всеобщем триумфе после победы страны в Фолклендской войне (1982) при правительстве М. Тэтчер. Всплеском национализма сопровождалась и активизация внешней политики США во время правления Р. Рейгана, когда были предприняты вторжения в Гренаду и бомбардировки Ливии.

Сторонников такой линии в политике немало ныне в США. Они выступают с позиций обеспечения социального единства и общественного порядка на основе утверждения чувства патриотизма. В понимании консерваторов патриотизм и национальное самосознание проистекают из фактора общего прошлого. При этом национализм как таковой становится на стражу национальных ценностей и институтов данного общества. Понятно, что такой национализм смыкается с традиционализмом и обретает тем самым ностальгический характер.

Как справедливо отмечает профессор Э. Хейвуд, консервативный национализм характерен для зрелых наций-государств. Извечная его тема — отечество в опасности из-за угроз либо внутреннего, либо внешнего характера. Роль внутреннего врага, как правило, придается низшим классам, с которыми связана угроза социального переворота. А потому консерваторы призывают к национальному единству, возвеличивая все то, что связано с патриотизмом.

«Внешними врагами» нации, с точки зрения консерваторов, выступают иммиграция и рост наднациональных начал в международных отношениях. При этом наибольшую опасность представляют, конечно же, «они» — люди другой национальности и иного вероисповедания. Данного рода настроения подстегиваются опасностью и практикой международного терроризма.

Следует сказать и о том, что консервативный национализм склонен провоцировать нетерпимость и фанатизм, ибо опирается в общем-то на весьма узкое понимание на-

ции как этнически однородного сообщества, чего-то вроде большой семьи. А потому иммигранты и вообще иностранцы предстают как угроза для нации, а это может вести к оправданию и даже проявлению расизма и ксенофобии.

Экспансионистский национализм

Данная разновидность национализма во многих отношениях прямо противостоит либеральному национализму с его верой в равноправие и самоопределение наций. Впервые этот национализм дал о себе знать в конце XIX в., когда европейские державы учинили «драку за Африку». В этих событиях проявился массовый национализм общества (так называемый народный национализм), когда колониальные захваты стали рассматриваться с позиций национального престижа. Реализация идей экспансионистского национализма стала предпосылкой и даже причиной возникновения двух мировых войн в прошлом столетии.

Воинственная и агрессивная форма национализма ассоциируется с понятием «шовинизма»¹, согласно которому и речи быть не может о равноправии наций. Более того, полагается, что одни нации рождены, чтобы властвовать в мире, другие — подчиняться. Такой национализм получает свое выражение в доктринах этнического и расового превосходства одних народов над другими.

Экспансионистский национализм неотделим от образа внешнего врага. Перед лицом внешней угрозы нация объединяет свои ряды. Такой угрозой для гитлеровской Германии были евреи и коммунисты. К чему это привело, известно.

Еще одним лейтмотивом экспансионистского национализма является идея национального возрождения или обновления. Обычно в ход идут мифы о былом величии и славе нации. Так, Б. Муссолини звал к величию Древнего Рима, немецкие нацисты, называя свой режим «третьим рейхом», вели отсчет от «первого рейха» — Священной Римской империи Карла Великого и «второго рейха» Бисмарка.

На первый взгляд может казаться, что такой подход ориентирован на утверждение связи времен. Однако, как

¹ Шовинизм (фр. chauvinisme — по имени Н. Шовена — солдата, поклонника завоевательной политики Наполеона I) — идеология и политика крайнего воинствующего национализма.

только власти той или иной страны заявляют о возрождении былого величия и славы страны, их политика неизбежно приобретает милитаристский и экспансионистский характер. А война становится средством возрождения былого величия.

Антиколониальный национализм

Данная разновидность национализма обрела реальные черты и содержание в ходе антиколониальной борьбы, которая приобрела особенно большой размах во второй половине прошлого столетия, когда в странах Азии и Африки развернулась борьба народов за свое национальное освобождение и политическую независимость.

Обращает на себя внимание тот факт, что борьба за политическую независимость многих стран Азии и Африки была связана также со стремлением выйти из подчинения развитых капиталистических стран. А потому лидеры многих национально-освободительных движений ориентировались не столько на страны Запада, сколько на сотрудничество и использование опыта государственного строительства и социально-экономического развития Советского Союза и других социалистических стран.

Однако уже в 70-е гг. позиции интернационализма и социалистической идеологии во многих странах стали постепенно вытесняться различными формами религиозного фундаментализма, особенно исламского. Оказалось, что эти страны еще больше, чем прежде, проводили антизападную, а нередко — антиамериканскую политику. Более того, Иранская революция 1979 г. показала, что исламский фундаментализм может быть поставлен на службу национальному и духовному возрождению нации. Путь к этому лидеры исламского мира видели в возврате к традиционным ценностям и принципам, что, вообще-то говоря, имеет мало общего с принципами демократии, как их понимают в развитых странах Запада.

6.3. Национализм и государство

Как отмечают в своих работах антрополог Эрнст Геллнер и историк Эрик Хобсбаум, существует неразрывная связь нации и государства. Не случайно в запад-

ной политической науке получила право гражданства концепция государства-нации. Само существование государства-нации свидетельствует о том, что государство неразрывно связано с нацией. Поясним: государство, по сути дела, является тождественным нации (или должно основываться на ней), и, наоборот, каждая нация должна располагать государством или иметь право на него.

Такой подход позволяет освещать национализм как таковой, а также и националистическое чувство, связанное с национализмом.

«Национализм, — утверждает Э. Геллнер, — является в основном политическим принципом, в соответствии с которым политическое единство и национальное единство должны быть совмещающимися... Националистическое чувство является гневным чувством, которое порождается нарушением этого принципа или чувством удовлетворения, которое возникает по мере его реализации. Националистическое движение является движением, которое порождается этим чувством»¹ (выделено нами. — В. Ж., М. Ж.).

Именно на основе этого политического принципа в XIX в. возникает новый тип государства, а в XX в. такое государство становится господствующей этатической моделью, получившей на Западе, как мы уже отмечали, наименование государство-нация, которое порвало связь с наследственными монархиями во многих странах и утвердило новый тип легитимности, радикально отличающийся от легитимности монархической.

Согласно Э. Геллнеру, подъем национализма и утверждение государств-наций стали возможны в результате глубоких экономических трансформаций, происходивших в аграрных прежде обществах, на основании которых утверждались индустриальные общества.

Заметим: аграрные общества были культурно фрагментированными, что находило свое выражение в факте существования, по Геллнеру, «высокой культуры», которую исповедовало небольшое число клерков, не имевших ни средств, ни потребностей, ни желания распространять ее (или навязывать ее) на всю совокупность населения. Кроме того, социальное основание аграрного общества представляло собой совокупность сообществ, по своей

¹ Gellner E. Nations et nationalisme. P., 1989. P. 11.

сути крестьянских, изолированных друг от друга. Эти сообщества не соприкасались с этой «высокой культурой». Они опирались на значительно отличавшиеся между собой местные культуры. Такая сегментированность и гетерогенность культур в аграрных обществах определяла тот факт, что «государство было заинтересовано в сборе налогов, поддержании мира и не более того, и оно не было заинтересовано в развитии коммуникации между сообществами, которые находились в его подчинении»¹.

Такой подход государства к разного рода сообществам по мере индустриализации постепенно утрачивает право на жизнь. Утверждение рыночных отношений, переток значительной части аграрного населения в города с тем, чтобы работать в промышленности, помимо всего прочего, предполагают разрыв с культурной сегментацией, присущей аграрному обществу, и развитие процессов культурной стандартизации, в частности общего языка на всей территории государства, единых мер и весов, единых денег и т. п. Культурная стандартизация вызывала к жизни процессы новой социализации, которая обеспечивала бы интеграцию индивидов не в местные культуры, а прежде всего в общую для всего государства культуру. В этом процессе существенную роль играло утверждение единой системы образования в стране.

Во всех этих процессах, безусловно, значительную роль играло государство. Но было и обратное влияние, заключавшееся в том, что по мере утверждения общей для всей страны социализации позиции государства в обществе еще более укреплялись. Согласно Э. Геллнеру, решающее значение в этом двойственном процессе играл тот факт, что государство обладало «монополией на легитимное образование... (бывшей) в этих условиях монополией более важной и более значимой, чем монополия на легитимное насилие»².

Именно монополия в области образования сыграла решающую роль в том, что династическое (или абсолютистское) государство уступило место государствам-нациям, что стало, в свою очередь, предпосылкой для формирования наций.

¹ Gellner E. Op. cit. P. 24.

² Ibid. P. 16.

Как утверждает Э. Геллнер, именно национализм создает нации, а не наоборот¹. К этому следует добавить: почти всегда и повсеместно именно государство порождает национализм. Это означает, в частности, то, что государство стремится на основе своей деятельности обеспечить совпадение своих территориальных границ с границами объединенного в культурном отношении населения. При этом государство содействует разрушению культуры элит, а также культуры местных сообществ с тем, чтобы на их основе сформировать новую национальную культуру.

«Национализм, — утверждает Э. Геллнер, — заключается, по существу, в том, чтобы навязывать для всего общества высокую культуру там, где население в своем большинстве и в своей тотальности жило в условиях низкостоящих культур. Это означает распространение и генерализацию языка, распространяемого школой и контролируемого университетом, кодификация которого отвечала требованиям технологии и бюрократии с тем, чтобы позволить точную коммуникацию. Это свидетельствует о том, что утверждается анонимное и безличное общество, состоящее из атомизированных и взаимодействующих между собой индивидов, связь между которыми зависит особенно от общей культуры этого типа там, где находилась комплексная структура местных сообществ, опирающихся на народную культуру, воспроизводство которой обеспечивалось локально самими микрогруппами на основе партикуляризма»².

Подобный подход к национализму спустя несколько лет после Геллнера использовал и Э. Хобсбаум. Он, в частности, утверждал:

«1) Я использую термин "национализм" в том смысле, как его определял Геллнер: "Национализм в своей основе является принципом, в соответствии с которым единство политическое перекрывается единством национальным..."»

2) ...я не рассматриваю "нацию" ни как основную, ни как неизменную социальную целостность. Она относится исключительно к особому и исторически недавнему периоду. Она является социальной целостностью в силу того,

¹ Gellner E. Op. cit. P. 86.

² Ibid. P. 88.

что связана с определенным типом современной территориальной государственности, «государством-нацией», и говорить о нации или национальности без учета этих двух понятий исторической реальности не имеет смысла. Кроме того, вместе с Геллнером я буду настаивать на частичном артефакте, придуманном и намеренном создании внутри социального наций... Короче говоря, национализм появляется до возникновения наций. Не нации создают государство и национализм; все происходит наоборот»¹.

Соглашаясь с определениями нации и национализма Геллнера, Э. Хобсбаум акцентирует внимание в вопросе возникновения наций и создания государства-нации не столько на экономических факторах, сколько на факторах политических.

В аргументации Хобсбаума центральное место занимает вопрос разрушения династического господства, что вызывало к жизни необходимость отыскания нового **основания** и нового **оправдания** политической верности и территориальных границ существующих государств². Возникновение «национального принципа» как способа организации и легитимации государств было связано с утверждением либеральных принципов, которые получили право гражданства во многих западных государствах. Даже в тех государствах, где сохранялась монархия, например в Великобритании, постепенно утверждался новый способ легитимации их существования. Этот новый способ отдавал предпочтение горизонтальным связям, которые определялись языком, религией и общей историей. На место привычного прежде «вертикального» авторитета правителя (короля, царя и т. п.) приходит авторитет сообщества индивидов, который рассматривается как естественное и предшествующее государству. И в силу этого вполне естественно утверждается демократическая идея, в соответствии с которой политическая власть исходит от народа, с одной стороны, а с другой — утверждается национальный принцип, согласно которому государство воплощает нацию, прида-

¹ Hobsbaum É. Nations et nationalisme. P. 26–28.

² Э. Ренан в письме от 13 сентября 1870 г. писал: «Ясно, что как только отказываются от принципа династической легитимности, то для определения территориальных границ государств существует только право национальности, т. е. естественных групп, определяемых расой, историей и волей населения» (см.: Hermet G. Histoire des nations et du nationalisme en Europe. P., 1996. P. 130).

ющую ему (государству) легитимность. Это подтверждает и тот факт, что суверенитет, «изъятый» у королевской или царской особы, передается не «народу», а «нации».

Нужно сказать, что с конца XVIII в. демократический принцип и принцип национальный утверждаются в Европе на параллельных курсах как принципы, противостоящие власти абсолютистского и династического государства. Однако обращение к нации не является только средством противостояния династической (и абсолютистской) форме государства: на основании национального принципа повсеместно создавались условия для разрыва с династическими связями.

Признание существования нации создает новые основания для политической верности, которая теперь связывается не с сувереном, а с группой, сообществом, расположенным внутри определенных территориальных границ, и авторитетом государства. Создание нации, объявление об ее формировании, а также последующая работа по определению и построению национальной идентичности приводят к появлению чувства некоторого обязательства и принадлежности к вполне определенной национальной группе и тем самым возникновению некой гарантии к подчинению политической власти, которая действует от имени и во имя этой самой социальной группы.

«Согласие населения, — утверждает Ф. Бро, — в действительности обусловлено и даже построено при помощи интенсивной работы по социализации. Она требует, например, вбивания в голову стандартизированного общего языка, отождествления принятой (в стране) национальной идеологии, обучения истории с ее пантеоном великих людей или фигурами, на которые ссылаются»¹.

В то же время экономические и политические трансформации западных обществ предполагали необходимость создания новой, более эффективной базы для мобилизации населения. Необходимо было создать некий проект и возможную форму конкретной политической и социальной организации, которая охватывала бы если не все, то, по крайней мере, большинство населения. Необходимо было создать такую систему представительства социального мира, которая обеспечивала бы решительную поддержку со стороны населения политической власти,

¹ Braud Ph. Science politique 2. L'État. P., 1997. P. 94.

призванной воплощать и утверждать вполне определенный социальный и политический порядок.

Важно отметить, термин «мобилизация», который мы используем, включал в себя мобилизацию военную, которая представляет собой готовность мобилизованного индивида рисковать своей жизнью для защиты и утверждения этого социального и политического порядка. Характер этой мобилизации существенно изменился со времени Французской революции, положившей во многом начало перерастанию бывших династических войн в национальные. Это прозорливо смог увидеть и показать незаурядный мыслитель Карл Филипп Готфрид фон Клаузевиц (1780—1831). В своем знаменитом произведении «О войне» он показал, что подобно влиянию революционной, или республиканской, веры демократическая мобилизация приобретала такую интенсивность, которой не было прежде¹. Своеобразной пружиной такой мобилизации была националистическая идеология. Перед лицом разрушения экономического и политического порядка династического режима идея нации позволяла укреплять политическую преданность государству, содействовать развитию нации, а главное — «создавать социальные связи» внутри сообщества, рассматриваемого как солидарное, и идентифицировать это сообщество.

Изначально национализм утверждался сверху политическими элитами, которые видели в нем эффективный инструмент легитимизации и мобилизации населения. Реальные успехи в деле легитимизации и мобилизации, а также успехи государств-наций в области политической, экономической, военной содействовали тому, что национализм получил всемирное распространение в XIX в. Политические лидеры и политические элиты во многих странах на фоне указанных успехов идей национализма активно участвуют в разработке и распространении националистической идеологии, что выражалось главным образом в преобразовании центра и обеспечении политического единства общества. Эти цели, как известно, представляют собой сердцевину политики государства-нации.

Вместе с тем национализм становится привилегированным политическим ресурсом разного рода меньшинств и элит, которые по тем или иным причинам ока-

зались в стороне от доступа к власти. Эти группы населения на основе идей национализма нередко становятся на путь выдвижения своих требований и стремятся добиться их признания государством или же на основе националистических требований осуществляют стратегию мобилизации людей для того, чтобы выйти из состава государства. Политологи в этой связи нередко говорят в первом случае — о «национализме сверху» (распространяемом государством), а во втором — о «национализме снизу». В этом втором случае построение нации как бы опережает формирование государства¹. При этом оба указанных подхода не противостоят, а дополняют друг друга. Даже в случае, когда национализм строится под воздействием активности масс снизу, он всегда дополняется усилиями государства по развитию единого национального языка общения, утверждению национальных символов и т. п.

■ 6.4. Государство и строительство нации

Исторически период формирования современных государств растянулся в Европе на целое столетие — с 1830 по 1930 г. Эти годы были отмечены развитием важного и непрерывного процесса утверждения и построения национальной идентичности, что было связано с оформлением и закреплением границ государств. При этом границы государств становились границами наций, а индивиды, проживавшие внутри указанных границ, идентифицировали себя с нацией. С научной и политической точек зрения вставала проблема определения того, что есть нация. Необходимо было определить присущие ей черты и выявить отличия данной нации от других наций, что и определяет собой то, что в политической науке и социологии называется идентичностью.

Параллельно развивались и иные процессы, вносящие свой вклад в определение и построение наций. Особое значение приобретали такие факты, как развитие железнодорожного транспорта, а также развитие средств массовой коммуникации начиная с 40-х гг. XIX в. Кроме того, промышленная революция вызвала к жизни отток в города сельского населения. А это открывало новые, более

широкие возможности для лингвистической и культурной стандартизации в европейских странах. Указанные объективные процессы дополняла разнообразная интеллектуальная деятельность по определению феномена нации, с одной стороны, и распространению национальных представлений, верований и чувств принадлежности именно к данной нации — с другой.

На основе твердых верований в то, что обычаи, повествования, легенды, костюмы или танцы присущи только тому или иному народу, складывались представления и о том, что во всех этих проявлениях находит выражение душа нации, которая сохранялась благодаря народным традициям. На основе национальных традиций утверждалась и национальная идентичность. Однако в процессе построения национальной культуры и самоотождествления населения с этой культурой первостепенную роль, конечно же, играло государство.

В большинстве случаев определение нации в качестве объективного феномена было связано с государством, которое защищало эту нацию и позволяло ей следовать своей исторической судьбе. Это с одной стороны. А с другой — народно признанные предки, археологическое, историческое наследие и т. п. использовались как доказательство существования нации.

Сердцевина национальной идентичности в каждом конкретном случае определялась на основе различных критериев. Так, немецкий национализм, как мы уже отмечали, утверждался на основе языка, который был основным критерием немецкой нации. Этого нельзя сказать о Франции, где на протяжении всего XIX в. французский язык идентифицировался, кодифицировался и использовался не только элитами, но и населением. Если язык признать критерием принадлежности к французской нации, то непонятной становится судьба эльзасцев, гасконцев, каталонцев, бретонцев и жителей Прованса, которые, несмотря на языковые различия, были гражданами французского государства. Сказанное не означает, что на этом основании необходимо отвергать особую роль национального языка в утверждении взаимопонимания граждан французского государства, а также чувств общей принадлежности к нации и национальной идентичности. Показательно, что в тот же год, когда Э. Ренан произнес свою речь о французской нации и отрицал критерий языка в

ее определении, утверждавшаяся III Республика приняла законы об образовании, которые сыграют важную роль в утверждении языкового единства Франции.

Встает вопрос: является ли нация и составляющие национальной идентичности «изобретенными», или они являются выражением исторической реальности? Когда говорят об «изобретенной» национальной идентичности, это не значит, что язык, национальные предки, знаковые события, национальные традиции (танцы, песни, обычаи и т. п.), подтверждающие исторически долгое существование нации и являющиеся конститутивными элементами национальной идентичности, всегда будто бы были искусственными созданиями. Так, множество «национальных» языков является отражением влияния националистических движений (сионизм и современный иврит) или вновь созданных государств (Польша, Румыния и т. д.).

В тех случаях, когда национальная идентичность включает в себя элементы «изобретения», всегда имеет место известная селекция из прошлого страны и народа. Так, даже национальные языки утверждались при опоре на местные языки тех групп, которые позднее органично вошли в состав нации, или такое объединение осуществлялось на основе языка, которым пользовались политические элиты. И в обоих этих случаях национальный язык утверждался в процессе отделения его от местных или региональных языков, которые тоже могли бы в иных исторических условиях превратиться в национальные языки. Мы на это указываем в связи с тем, что утверждение национального языка строится и на логике «государственно-националистического» политического проекта.

«Национальные языки, — утверждает Э. Хобсбаум, — почти всегда являются полусинтетическими, а иногда, как современный иврит, практически изобретенными созданиями. Это отличается от того, что рождается воображением националистической мифологии, которая рассматривает языки как первичное основание национальной культуры и матрицы национального духа. Обычно пытаются воспринимать стандартизированную идиому, исходя из множественности реально употребляемых идиом, и тогда пятятся назад к диалектам, что означает, что главная проблема созидания (языка) заключается в том, какой из диалектов нужно выбрать в качестве нормализованного и гомогенизированного языка. Последующие проблемы

нормализации и гомогенизации национальной грамматики, орфографии и добавления новых элементов словаря являются вторичными»¹.

Кроме языка, процесс селекции и изобретения распространяется и на другие элементы национальной идентичности. Так, национальная история чаще всего интерпретируется таким образом, что некоторые ее события или деятельности тех или иных политических персоналий освещаются подробно и предельно эмоционально, другие же моменты прошлого, связанные, например, с военными поражениями, событиями трагического характера и т. п., которые вступают в противоречие с положительной интерпретацией нации, или умалчиваются, или им дается ограниченная характеристика. Так, «история Франции», акцентируя внимание на единстве страны и суверенитете, особенно в подходе крайне правых политических сил, обращает внимание прежде всего на становление территориального единства государства, а потому «главными» фигурами истории становятся следующие персоналии: Верцингеториг², Хлодвиг³, Карл VII⁴ и др., а своеобразными символами «национальной» независимости или борьбы за ее завоевание — Дюгеклен⁵, Жанна д'Арк и др.

Подобный подход в период с 1830 по 1880 г. выражался и в том, что постепенно французская историография отходила от признания двойственного (франки и галлы) происхождения Франции. В первой половине XIX в. история Франции еще отождествлялась подчас с

¹ Hobsbaum É. Nations et nationalisme. P. 105.

² Верцингеториг (Vercingetorix) (?–46 до н. э.) — вождь антиримского восстания галлов в 52 г. до н. э. После захвата римскими войсками Цезаря г. Алезия Верцингеториг был взят в плен и позже казнен.

³ Хлодвиг (ок. 466–511) — король салических франков с 481 г., из рода Меровингов. Завоевал почти всю Галлию, что положило начало франкскому государству.

⁴ Карл VII (1408–1461) — французский король с 1422 г. Коронован в Реймсе в 1429 г. при содействии Жанны д'Арк. При нем закончилась Столетняя война 1337–1453 гг. Прагматической санкцией способствовал получению французской церковью определенной независимости от папства.

⁵ Дюгеклен Бертран (1820–1880) — знаменитый французский полководец. Разбил англичан при Понваллене, выгнал их из Пуату, Ла Рошеля и в течение 10 лет отнял у англичан почти все их владения во Франции.

«борьбой рас» (Огюстен Тьерри¹). Однако и этот подход постепенно отошел на задний план, и в исторической науке утверждался подход, в котором на переднем плане оказывались галлы. При этом отказ от тезиса «борьбы рас» сопровождался отказом от германского (франкского) начала в происхождении французского государства. А это, в свою очередь, означало, что история Франции становилась историей единства и сплоченности нации, а не конфликтного ее характера. Неудивительно, что после Французской революции 1789 г. политическая власть интерпретировалась как национальная воля, выражающая господство народа (нации). Схематично представляя, образ этнической разнородности массы и элиты (франкская аристократия и галльское третье сословие) уступает место социальной разнородности (аристократия/третье сословие) в рамках объединенной (однородной) нации. С тех пор социальная неоднородность, устраненная революцией, создала предпосылки для формирования однородной нации.

Националистический политический проект не ограничивается стремлением дать характеристику нации. Он нацелен прежде всего на утверждение ее происхождения. С этой целью определяется и кодифицируется национальный язык, легитимность которого вписывается в более или менее легендарное прошлое. А сам язык становится незаменимым средством общения между членами данного сообщества. Кроме того, язык становится основанием национальной культуры, в становлении которой, как мы уже отмечали, значительную, скажем сильнее, — первостепенную и решающую роль играет государство. Масштабы и значимость этой роли существенно различаются в каждом конкретном случае. Так, к примеру, роль государства в становлении национальной культуры во Франции, для которой изначально была присуща известная и существенная этническая и языковая разнородность, была более выраженной, чем в Великобритании или в Скандинавских странах в XVIII – XIX вв.

Государству принадлежала первостепенная роль и в деле реструктуризации политической верности и чувства

¹ Тьерри Огюстен (1795–1856) — французский историк, один из основателей романтического направления, создателей теории классовой борьбы.

принадлежности, которые постепенно формировались вокруг государственно-национальной идеи и практики. Так, во Франции после революции 1789 г. была осуществлена административная реформа территории: были созданы департаменты на месте провинций и сельских сообществ периода королевского правления; была стандартизована система мер и весов; осуществлены меры в области денежных отношений. Эти и другие меры не только подрывали основы королевской власти, но и закладывали предпосылки для реализации требований стандартизации индустриальных обществ, которые вытекали из потребностей утверждения рыночных отношений. Параллельно утверждались национальные символы (знамена, кокарды, гимны, статуи и т. п.), а также вводились в практику «национальные» праздники, которые добавлялись к праздникам религиозным.

И наконец, указанные процессы развивались и под влиянием войн, которые внесли существенный вклад в формирование наций. Это связано с тем, что конфликты способствуют стремительному развитию националистических представлений, разделению на «мы», которые объединяются в процессе развития конфликта, и «другие», что связано с образом противника. Нужно сказать, что на «объединительную функцию конфликтов» обращал внимание еще Георг Зиммель¹. Благодаря конфликтам, утверждал он, «не только существующее объединение более энергично концентрируется на самом себе, освобождаясь от всех элементов, которые смогли бы замутировать чистоту своих контуров перед лицом врага, но объединяются еще и лица, и группы, которые ничего не смогли бы сделать вместе, не объединившись»².

Таким образом, «еще до того, как нападают на границы территории, война готовится и проводится внутри пространства *политики*. Готовить войну означает одновременно указать на врага в глазах народа и мобилизовать народ против него... Акт обозначения врага объединяет в общую массу индивидов каждого поля и, делая это, порождает существенное состояние, или, лучше сказать, существо... В отличие от врага, объединенный народ освя-

¹ Зиммель Георг (1858–1918) — немецкий социолог и философ, основоположник так называемой формальной социологии.

² *Simmel G. Le Conflit. Strasbourg, 1995. P. 122.*

щен. Он обладает мужеством, лояльностью, духом жертвенности»¹.

Кроме того, поскольку войны связаны с проведением массовой и длительной мобилизации населения, они (войны) содействуют развитию процесса смешения разнородных социально и географически групп. При всем таком различии люди, одетые в военную форму, занимают один и тот же статус: они — представители одной и той же национальности. Сохраняя верность культурному наследию своей малой родины, воины усваивают элементы общей культуры, что содействует их объединению.

¹ *Abèlès M., Jeudy H.-P. Anthropologie du politique. P., 1997. P. 106–107.*

План главы

- 7.1. «Сильное государство» и «слабое государство» как выражение характера отношений государства и общества.
- 7.2. Религии и политика.
- 7.3. Ресурсы и траектории государственно-национального строительства.
- 7.4. США как идеальный тип «слабого государства»?
- 7.5. Универсализация государства: динамика и перспективы.

Все государства, по определению, характеризуются рядом критериев, среди которых центральное место занимает критерий единого политически специализированного, институционализированного, дифференцированного и автономного центра. Однако эта дифференциация, автономия и институционализация имеют разную степень в разные периоды исторического развития человечества и на разных территориях. Есть все основания говорить: каждое государство или каждая политическая система отличаются своеобразием, что определяется характером исторического развития той или иной конкретной страны.

В самом деле, становление политических центров в каждой из стран происходило в специфических условиях, для которых характерно наличие разных материальных и финансовых возможностей в процессе «этизации». В каждой стране этот процесс характеризовался воздействием определенных обстоятельств ее исторического развития, что предполагало использование и изобретение

различных средств для преодоления возможных последствий воздействия этих обстоятельств. Короче говоря, едва ли не для каждой страны характерна некая особенная траектория государственного строительства, которая исторически не исключала и возможность исчезновения тех или иных государств.

И тем не менее политологи и социологи едины в том, что, несмотря на разнообразие трасс и судеб исторического развития процессов этизации, имеется возможность выявить некоторые общие схемы дифференциации форм государства, идентифицировать некоторые из переменных, чье влияние на становление государственности было весьма значимым. Это нужно не только для объяснения различных форм государства, что в научном отношении является немаловажным, но и для определения этих различий.

Рассмотрение проблематики государства с позиций политической социологии начнем с выяснения отношений государства и общества на основе двух концепций, в свое время предложенных французскими социологами Бертраном Бади и Пьером Бирнбаумом. Речь идет о концепциях «сильного государства» и «слабого государства».

7.1. «Сильное государство» и «слабое государство» как выражение характера отношений государства и общества

Различие между «сильным» и «слабым» государствами не связано, например, с различием между степенью авторитарности того или иного государства. Не связано оно ни со степенью использования насилия государством, ни с его (государства) влиянием на международной арене. Главным вопросом в указанном различии является степень автономии политической власти по отношению к обществу, т. е. по отношению к социальным группам, социальным силам и интересам.

Схематически автономия политической власти может рассматриваться в двух измерениях: в ее «широком смысле» и в ее «глубине». Первое измерение характеризует область легитимного вмешательства политической власти в жизнедеятельность общества. Это вмешательство может характеризоваться монополией или достаточно ограни-

ченной деятельностью по регулированию или контролю над теми или иными областями жизнедеятельности общества.

Второе измерение характеризует независимость политической власти в вопросах реализации указанной только что монополии, в определении условий регулирования или контроля в осуществлении различных видов деятельности.

«Сила» современного государства может быть осмыслена через практику форм, места и роли государственной бюрократии. Такой подход правомерен потому, что развитие бюрократического аппарата характеризуется тем, что он приобретает большую или меньшую автономию от государства. И эта автономия будет тем большей, чем больше она отвечает идеал-типическому пониманию ее, если следовать букве и духу учения М. Вебера.

Следует сказать и о том, что развитие бюрократического государственного аппарата во многом является следствием расширения областей вмешательства государства в жизнедеятельность общества, а также глубиной и интенсивностью этого вмешательства. Отметим, что кроме материальных условий указанной автономии и конкретного вмешательства государства, которое тесно связано с материальными условиями его автономии, сама автономия государства может быть понята и осмыслена с учетом господствующих в обществе представлений о государстве, которые существенно отличаются друг от друга в каждой данной политической культуре.

Бюрократия, которая самим фактом своего существования не только реально осуществляет, но во многом и отражает регулирующее и управленческое вмешательство государства. И это вмешательство тем больше, чем более значимой является роль государства как арбитра в разрешении всех возникающих в данном обществе противоречий и конфликтов между его различными социальными силами. И наоборот, этактический аппарат будет менее масштабным по своим размерам и менее независимым от социальных сил и их интересов в случае, когда вмешательство государства будет осуществляться и восприниматься населением как инструмент, иногда необходимый, но всегда несущий в себе опасность для сил гражданского общества, заинтересованных в признании ими своей способности к самоорганизации при решении разнообразных проблем.

Правда, государство в определенных ситуациях может восприниматься как «естественный» защитник и покровитель общего интереса. И этот общий интерес государство сможет защищать тем лучше, чем больше оно будет независимым от частных интересов в данном обществе. Однако следует иметь в виду, что силы гражданского общества будут всегда стремиться противодействовать государству, когда оно будет угрожать частным интересам этих же сил гражданского общества.

Придавая вмешательству государства определенную легитимность, а самому этому государству более или менее ясно выраженное разрешение на действие, такого рода представления частично могут сами восприниматься как производное от позиции государства по отношению к обществу. Это связано с тем, что обращение к силе или помощи государства является тем более «очевидным» потому, что оно (государство) играет решающую роль в процессе выработки и реализации решений или использования ресурсов разного рода. И наоборот, менее необходимым и менее желаемым в обществе воспринимается вмешательство государства в тех случаях, когда конфликтующие группы сами могут найти необходимые средства для отыскания выхода из конфликтной ситуации, особенно если в прошлом в данном обществе накоплен опыт эффективной самоорганизации.

В политической науке, с подачи Б. Вади и П. Бирнбаума, был введен критерий степени автономии государства. При этом само государство ими рассматривается как «институционализируемая система осуществляемой постоянно роли легитимного обладателя права на использование силы, контролирующая территорию, на которой осуществляется ее авторитет, обеспечивающий власть опеки над самыми отдаленными даже провинциями, защищающей также границы»; как «политико-административную машину, приводимую в действие чиновниками, рекрутированными на безличностной основе по меритократическим критериям...»¹.

Такое определение, как отмечает Ж.-П. Леконт, имеет ограниченное применение, т. к. помимо схематического противопоставления «сильное государство/слабое государство», что можно было бы построить на основе такого

¹ Badie B., Birnbaum P. Sociologie de l'État. P., 1982. P. 173.

определения, оно (определение) применимо к ограниченному числу исторических конфигураций политической власти. Точнее говоря, оно хорошо применимо в таком понимании к французскому государству, да и то с начала XIX в., и мало применимо в других случаях, например в случаях прусского государства или государства современной Италии¹.

Вне всякого сомнения, в мире существуют некие институциональные целостности, которые называются «американское государство», «британское государство» и т. п. Однако, учитывая масштабы изменений и дифференциацию деятельности такого рода целостностей, произошедших за последние десятилетия, Б. Бади и П. Бирнбаум предлагают различать «государство» и «политический центр».

В то время как понятие «государство» непосредственно связано с вопросом автономии и со способностью к вмешательству в жизнедеятельность общества политической власти, понятие «политический центр» в большей степени связано со степенью централизации политической власти и может быть соотнесено с различием одноголовый/многоголовый применительно к политической власти.

Большая или меньшая централизация власти может быть осмыслена на основе критериев или элементов юридического или конституционного порядка: государство, например федеральное, или унитарное, государство более или менее децентрализованное, в котором компетенции более или менее равномерно распределяются между центральными и «региональными» уровнями и т. д.

В то же время политический центр может быть осмыслен на основе разнородных элементов, которые тем не менее весьма значимы. Так, Стейн Роккан и Дерек Урвин опираются на подход, в основе которого лежат сети железных дорог и дорог автомобильных, расходящихся из единого центра и соединяющих его с многочисленными периферийными центрами.

Другим основанием осмысления политического центра могут быть культурные институты, как публичные, так и частные, пресса или телевизионные каналы, языки, которые используются на территориях, подчиняющихся политическому центру.

Различие между слабыми и сильными государствами основывается на двух в значительной мере взаимозависимых критериях: с одной стороны, на развитии так называемого внутреннего структурирования государства, а с другой — на степени его автономии, т. е. на автономии исполнительной власти и публичной администрации по отношению к своему окружению (социальные, этнические, религиозные группы, группы интересов и т. п.).

Оба указанных критерия являются взаимозависимыми в силу того, что степень автономии государства зависит от его внутренней структуры, а сама эта структура обретает форму, которая зависит, кроме всего прочего, от степени автономии государства.

Что понимается под внутренней структурой государства?

Б. Бади и П. Бирнбаум выделяют четыре аспекта внутреннего структурирования государства.

1. Территориальная централизация аппаратов государства (в зависимости от формы государства — унитарного, федерального или конфедерального).

2. Степень функциональной концентрации этих аппаратов (та или иная степень слияния или разделения властей, дисперсия или конкуренция власти на местах или первенство центральной власти над всеми другими властями).

3. Специализация и профессионализация агентов государства (значимость администрации как института исполнительной власти, способы рекрутирования аппаратов государства, верование или убежденность чиновников в исполнение ими предназначения «публичной службы»).

4. Консолидированность государственного аппарата (степень координации деятельности министерств и других структур государственного аппарата; масштаб вовлеченности государственных служащих в процесс выработки и осуществления решений; контакты и связи между политическими актерами и работниками администраций, членами правительства и высшими чиновниками вне зависимости от степени институционализации этих контактов и связей).

На основе такого подхода политологи делают вполне обоснованный вывод: государство по отношению к обществу будет более «сильным» в том случае, когда его организационная система будет не только более автономной, но и более централизованной, концентрированной,

специализированной, более профессиональной и более «сплоченной».

Оценивая взаимодействия «государства», с одной стороны, и «политического центра» — с другой, выделяют четыре возможных ситуации.

1. Ситуация, в которой существуют и государство, и политический центр (типичный пример — Франция).

2. Ситуация, в которой существует государство без реально идентифицируемого политического центра (типичный пример — Италия).

3. Ситуация, в которой существует политический центр без подлинного государства (типичный пример — Великобритания и США).

4. Ситуация, в которой нет ни подлинного государства, ни подлинного политического центра (Швейцария).

Не составляет труда увидеть, что первые две ситуации в нашем перечислении, характеризующие соотношение и взаимодействие государства и политического центра, являются собой примеры «сильных» государств, тогда как две другие ситуации — примеры «слабых» государств.

На основании данной классификации политологи различают «общества, в которых государства стремятся командовать социальной системой, вооружаясь для этого сильной бюрократией (пример тому — Франция, а также в подобном ключе осуществляется развитие Пруссии, Испании, Италии, а в современных условиях — и России). В то же время ряд стран развиваются в ином направлении, в направлении дальнейшего укрепления и развития гражданского общества, само существование которого предполагает ненужность существования сильного государства. Пример тому — Великобритания и США»¹.

Столь значительные различия, о которых идет речь, связаны в основном с историческими условиями становления государственности и формирования наций на разных территориях. И государства, и политические центры в каждом конкретном случае исторически получали выражение («объективно», или материально) как во вполне определенной форме политических институтов, так и в функционировании политических систем.

Кроме того, можно указать и на влияние на *прег-*
ставления в данном обществе, которое оказывалось на

них государством и публичным действием. Это определяло условия их легитимации.

Таким образом, становление государственности и ее легитимация дополняют и укрепляют друг друга: утверждение легитимного этактического вмешательства государства в экономику и другие аспекты жизнедеятельности гражданского общества способствует и облегчает утверждение его господства над обществом, а дальнейшее развитие аппаратов государства как предпосылки утверждения такого господства, в свою очередь, укрепляет легитимность интервенционизма государства.

Становление государственности и политических центров исторически происходило под влиянием целого ряда важнейших процессов и явлений. В политической социологии выделяется несколько основных путей, на базе которых происходило становление государственности в различных странах. Одним из важнейших элементов, оказавших существенное влияние на становление государств и обществ, является религиозная и культурная история.

7.2. Религия и политика

Влияние религиозного прошлого различных обществ в Европе на формы государства может рассматриваться в двух планах. Находясь как бы на заднем культурном плане процессов политической модернизации, господствующая на данной территории религия могла облегчать или тормозить развитие государства, в частности оказывать воздействие на укрепление или, наоборот, ослабление его легитимности. В первом случае религия содействовала росту вмешательства государства в жизнь общества, во втором — сводила функции государства к известному минимуму. При этом Реформация в тех странах, где она состоялась, открыла совершенно иную, нежели прежде, траекторию построения национальной идентичности, а вместе с ней — и национальной государственности.

Религия и легитимность государства

Прежде всего следует сказать, что Реформация является собой один из главных элементов культурной и политической истории Запада, которая оказала весьма су-

шественное влияние и на государственное строительство. Реформа Церкви в Западной Европе подорвала единство христианских структур и концепций социального и политического порядка. Это не могло не сказаться и на строительстве государств, на разнообразии их конкретных форм.

Воздействия культурного и религиозного характера на форму политической организации общества дополнялись влиянием экономических факторов. И не случайно Стейн Роккан, исследовавший условия формирования государств в Европе, комбинирует экономические и культурные влияния на этот процесс. Он предложил довольно интересную схему (см. с. 204) интерпретации этого процесса в виде наложения или пересечения двух осей. Одна ось — «Запад — Восток» — в своей основе опирается на учет экономической природы процесса государственного строительства. По этой оси, например, измеряется дистанция, отделяющая государства от великого торгового пути, вокруг которого происходило развитие капитализма. Этот путь как бы объединял в едином потоке города Севера Европы (Голландия, ганзейские порты) с богатыми городами Италии через долину Рейна и Южную Германию. Вторая ось — «Юг — Север» — характеризуется культурной и религиозной природой. По ней измерялась дистанция государств от Рима — центра католической церкви.

Как явствует из этой схемы, в качестве оценки характеристики государств в Европе в XVI в. использованы два феномена. С одной стороны, учитывается институциональное сцепление и тенденция к абсолютистской форме государства. С другой стороны, учитывается сила чувства национальной идентичности. Схема С. Роккана убедительно демонстрирует, что абсолютистские государства утвердились в странах, находящихся на известном отдалении от капиталистических и торговых городов, а также от Рима (Испания, Франция, Англия Тюдоров, Пруссия, Швеция). В то же время Германия или Италия развивались под двойным влиянием: влиянием городов, привязанных к идее своей автономии, и влиянием папства, которое враждебно относилось к идее образования в Европе сильных имперских государств.

Следует сказать, что чувство национальной идентичности может успешно развиваться только на известном отдалении от Рима, т. е. в отдалении от влияния бюро-

кратического аппарата Ватикана и универсалистских притязаний Церкви. История развития Европы убедительно показала, что чувство национальной идентичности оказалось сильно выраженным именно в тех странах, где утвердился протестантизм (Голландия, Пруссия, Англия), где государство оказалось способным успешно опспорить господство папства над сознанием людей и получило право на издание собственных законов в религиозной области.

Промежуточное положение на этой оси занимает Франция. После кровавой борьбы протестантизм здесь был изгнан, что еще больше укрепило позиции католицизма. В стране были сохранены монастыри, разного рода блага, которыми пользовалась Церковь, и религиозные образовательные институты. При этом в стране утвердилась монархия, благодаря мощной бюрократической и институциональной системе, а государство приобрело абсолютистскую форму, которая опиралась на реальные, хотя и незавершенные чувства национальной идентичности¹.

При всех достоинствах схемы С. Роккана она не лишена недостатков. В этой схеме недооценивается роль собственной эволюции стран Европы. Не учитывается, например, что Англия перешла от абсолютистского государства к государству, управляемому буржуазной и дворянской аристократией. Схема не отражает критериев силы чувства национальной идентичности. Она, к примеру, не учитывает влияния различных форм протестантизма в той или иной конкретной стране. Так, если исповедовать логику указанной схемы, то кальвинистская Голландия может быть противопоставлена одновременно англиканской и пуританской Англии, а также протестантской Пруссии. Можно сказать и о том, что составитель схемы преувеличивал влияние в долгосрочном плане деятельности городов XV в.

Вместе с тем указанная схема имеет и ряд достоинств. Одной из заслуг С. Роккана является то, что он показал противоположность католической Европы (Испания, Португалия, Италия, Австрия, Франция, Бавария) и протестантской Северной Европы, что является наглядным выражением процесса дифференциации форм государства.

Заслуживают внимания и условия распространения протестантизма. Как показал М. Вебер, существует связь между процветанием городов и религией, хотя она требу-

¹ См.: Lagroye J. Sociologie politique. P. 79–80.

Концептуальная карта Западной Европы между XV – XVIII вв.
(Территории, название которых подчеркнуто, были в этот период суверенными)

Измерение «Государство – Экономика»:		ось «Запад – Восток»	
Территориальные центры	Слабые	Сильные	Слабые
Городские сети	Слабые Морской периферии	Сильные Имперские морские нации	Слабые Европа государств-городов
Протестантская государственная церковь	Исландия Норвегия Шотландия Галлия	Далекие Англия Дания	Сильные Общественные формирования
Смешанные территории		Близкие	Фрагментированные до XIX в.
Национальный католицизм	Ирландия Британия	«Лотарингия» Бургундия Арегат	Нидерланды
Контр-реформа		Испания Популуаия	Ганзейская Германия Рейнские страны
		Фландия	Бавария
		Бельгия	Австрия
		Италия	Далекие
		Италия	Швеция
		Италия	Финляндия
		Италия	Территории Балтики и Богемии
		Италия	Польша
		Италия	Венгрия

Измерение «Государство – Экономика»: ось «Запад – Восток»

Источник: *Rokkan S. Cities, states, and nations: a dimensional model for the study of contrast in development // Building states and nations: models and data resources. Londres. Sage Publications. 1973. Vol. 1.*

ет дополнительного разъяснения. Вот как это трактовал сам М. Вебер: «В XVI в. многие богатейшие области империи, наиболее развитые экономически в силу благоприятных естественных условий и близости торговых путей, в частности, большинство богатых *городов* приняли протестантскую веру; последствия этого факта ощущаются вплоть до настоящего времени и способствуют успехам протестантов в их борьбе за существование и экономическое процветание. Но тут возникает следующий вопрос исторического характера: в чем причина этой столь сильной предрасположенности экономически наиболее развитых областей и церковной революции? Ответить на него совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд»¹.

Можно полагать, что успех Реформации в значительной мере определялся силой влияния католической церкви в том или ином районе Европы. Реформация имела больше шансов на успех там, где влияние Ватикана было слабее. Нас же интересует связь между распространением протестантизма и борьбой за политическое верховенство в различных странах. Эта связь может быть интерпретирована следующим образом: в тех странах, где правители стремились освободиться от опеки Рима и укрепить свое государство, они *могли* способствовать продвижению всего того, что связано с Реформацией. Там, где конфликты противопоставляли короля и сеньоров, последние искали в протестантизме средства мобилизации своей поддержки. Это подтверждает пример Северной Германии, а также Франции, где социальные волнения в XVI в. приобрели контуры религиозной борьбы. Короче говоря, имеется ясно выраженная *связь* между Реформацией и политической борьбой, которая сопровождает процесс возникновения современных государств.

Политические концепции, соответствующие основным реформаторским течениям, могут быть представлены, несколько упрощая, тремя типами. Первый из них провозглашает *абсолютное подчинение* индивидов политической власти не в силу ее способности гарантировать «общее благо», а в силу Божественной воли, которая проявляется в могуществе и делах обладателей мирской власти. Это подтверждает «Послание к римлянам святого апостола Павла»:

¹ Вебер М. Избр. произв. С. 62.

«Всякая душа да будет покорена высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение»¹.

Лучшей иллюстрацией этой концепции политической власти является протестантизм Лютера. Показательно, что изначально лютеранство вызывало острую критику правителей, но они быстро приняли его позицию. И понятно почему: для Лютера даже несправедливый политический порядок соответствует воле Бога, ибо позволяет отодвигать опасность анархии и бунтов. В таком видении всякая власть является легитимной, т. к. обеспечивает проведение репрессий против бунтовщиков, нарушающих социальное равновесие. В такой политической организации общества все подчиняется государю, который может пытаться навязать своим подданным единую религию (*Cujus regio, ejus religio*), контролировать деятельность религиозных авторитетов, превращать свое желание в закон. Лютер, таким образом, не только «избавил немецкое государство от критики, которую ему предвещала протестантская реформа, — отмечал Б. Бади, — но он его обеспечил, используя возможности геополитического объяснения, позитивистским аргументом силы, дававшим немецким государям полную свободу действий по сравнению с любым другим государем»².

Нужно сказать, что протестантская Пруссия своей абсолютистской формой бюрократического и милитаристского государства обязана особым экономическим и социальным условиям в стране. Однако бесспорный авторитет государя стал возможен благодаря той концепции власти, которая была навязана обществу, в том числе и благодаря религии. И конечно, нужно отметить, что сам по себе протестантизм далеко не везде ограничивал рост современных бюрократических государств.

Другой тип политической концепции, связанной с Реформацией, соответствует утверждению о *подчинении всякой мирской власти духовным и моральным принципам*, которые ограничивают ее автономию. Такая постановка

¹ Послание к римлянам святого апостола Павла // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М., 2002. С. 200.

² Badie B. Les deux États. P., 1986. P. 78.

вопроса неизбежно приводит к частичному слиянию политического и религиозного порядков. Утверждающемуся на основе такого слияния социальному порядку отвечают кальвинистские и пуританские течения, несмотря на имеющиеся между ними различия. Не случайно М. Вебер, рассматривая вопросы профессиональной этики протестантизма, отмечал: «Важные для нас черты *нравственного* поведения в равной степени обнаруживаются у сторонников самых разных деноминаций... В дальнейшем мы увидим, что близкие по своему этическому содержанию положения могут возникать на основе различных догматических учений»¹.

Взять, скажем, такие этические максимы, или положения: труд возвеличивает славу Бога; профессиональный успех утверждает подчинение человека воле Божьей; поклонение требует от индивидов, которые были «избраны», реализации предначертаний Бога в каждом акте жизни...

В соответствии с этой концепцией государство не может не быть только инструментом воли Бога, которая выражается и в морали. Государство в принципе не имеет ни собственной легитимности, ни власти принуждения над сознанием, ни власти издавать законы без согласия спасаемых ею индивидов.

Это реформаторское течение могло вдохновлять диктаторскую теократию Женевы или моральный тоталитаризм пуритан Массачусетса, а также либеральные движения и движения протеста в Англии в XVII в., олигархическую и пуританскую системы Соединенных провинций. Указанное течение давало властям довольно ограниченную свободу действий и обусловленную своими установками легитимность. В своих крайних формах оно предполагало сменяемость правительств и религиозную ответственность, а также подчинение любого политического решения принципам свободного арбитража индивидов. Более того, это течение способствовало успеху борьбы парламентариев против абсолютистской власти и бюрократических аппаратов. Как справедливо отмечал видный французский политолог Ж. Лагуа, было бы неверно объяснять развитие парламентаризма распространением только этой религиозной концепции; правильнее было бы сказать, что парламентаризм воспользовался этим культурным контекстом².

¹ Вебер М. Избр. произв. С. 137.

² См.: Lagroye J. Op. cit. P. 82.

Англиканство может служить примером третьего типа политической концепции. Англиканская церковь придерживается принципа разделения политических и религиозных ролей и видов деятельности, но в то же время ставит церковь *под контроль* политической власти, находящей собственную легитимность в *реализации общего блага*. Англиканская реформа сохранила иерархию «министров» культа, епископов и священников, гарантировала им специфические права и некоторую автономию в их религиозной деятельности. Но она в значительной мере ограничила возможности их действий, в частности, закрыла монастыри, конфисковала земли, предоставила политической власти право назначать епископов. В итоге англиканская церковь оказалась в прямом подчинении королю, парламенту и законам королевства. Сановники церкви стали частью правящей в стране аристократии и приобрели право на социальные и политические привилегии. В итоге принцип разделения религии и власти, по сути дела, оказался стертым. И это было «на руку» политической власти в решении вопросов государственного строительства.

В целом же можно сказать, что европейский протестантизм внес значительный вклад в появление новых моделей отношений между политикой и религией. В частности, он способствовал появлению новых оттенков в вопросах разделения политической и религиозной сфер, характерных для католических стран. Протестантизм сыграл важную роль в ослаблении, а иногда и в разрушении религиозных аппаратов и бюрократии, что стало предпосылкой последующего лишения церкви средств автономного действия. Протестантизм способствовал легитимизации политической власти, хотя она имела в Европе очень разные формы: абсолютистская монархия в Пруссии, парламентская монархия в Англии, правящие инстанции, зависимые от пуританской торговой аристократии, в Голландии.

Каковы же были последствия укоренения протестантизма в европейских странах? В этих странах не было и не могло быть автономного религиозного авторитета, способного возглавить борьбу с рационализированной этической властью. И неудивительно, что в протестантских странах конфликты между церковью и государством если и возникали, то проявлялись маргинально, как второстепенные. Чего не скажешь о католических странах, где политическое влияние католицизма было сильным. Здесь конфликт меж-

ду церковью и государством если он возникал, всякий раз приобретал фундаментальный, всеохватывающий характер. И это понятно, если учесть, что в католических странах политическая власть оспаривала право церкви на контроль над различными секторами социальной жизни.

Протестантизм, в частности в его пуританской форме, сыграл существенную роль в социальной и экономическом развитии раннего капитализма в Европе. Протестантизм оказал значительное влияние и на эволюцию форм политической организации обществ, способствуя становлению и утверждению политического господства буржуазии как класса. Не случайно М. Вебер, подводя итог своего исследования о духе капитализма и протестантской этике, отмечал, что для него важно было «показать значение аскетического рационализма... для *социально-политической* этики, следовательно, для организации и функций социальных сообществ от религиозных собраний до государства»¹.

Распространение протестантизма, как известно, сопровождалось серьезными социальными конфликтами, что неизбежно вызывало к жизни вмешательство католических государств в кризисные процессы, поражавшие, например, Англию Тюдоров и Францию последних лет правления династии Валуа. Это означает, что распространение протестантизма имело международное измерение и оказывало сильное влияние на строительство государств².

Отметим и другую культурную модель, определявшую политические и религиозные отношения, начиная с XV в., на Востоке Европы. Она имеет прямое отношение к России. Здесь в XV–XVIII вв. господствовала концепция *священного характера* политической власти. Неудивительно, что политическая власть оказывала сильное влияние на церковь. При этом в России церковь не просто была

¹ Вебер М. Избр. произв. С. 207.

² Обычно выделяют четыре основные формы международного влияния на «внутреннюю» жизнь государств: 1) война; 2) интервенция; 3) международная экономика; 4) система межгосударственных отношений. Распространение протестантизма связано с тремя из этих форм международного влияния: войны (между Англией и Испанией, Соединенными провинциями и Францией); интервенция (роль «испанской партии» во Франции при правлении последних правителей династии Валуа); система межгосударственных отношений (союз между протестантскими странами в XVII в. в частности). [См.: Gourewitch P. The second image reversed: the international sources of domestic politics // International organisation. 1978. № 32 (4).]

богатой. Она имела собственную автономную иерархию и обладала сильным влиянием на верующих. И тем не менее церковь не смогла противостоять феномену обожествления императора уже на ранних этапах государственного строительства. Так, начиная с VI в. в Византии император был, по сути дела, приравнен к Богу¹. Позднее и в Киеве, и в Москве за мирской властью признавалось наличие в ней священного начала. В итоге в России не сложилось четкого разделения между мирским и священным, несмотря на наличие дифференцированной бюрократии и время от времени предпринимавшихся попыток духовенства освободиться от опеки царя. Абсолютистское государство в России было отмечено печатью высшей легитимности императора и, за редким исключением, отсутствием религиозной оппозиции абсолютной власти императора.

Таким образом, государство самим фактом своего возникновения во многом обязано концепциям политической власти и своей легитимностью в глазах церкви. Есть все основания утверждать, например, что появление парламентаризма в Англии было облегчено утверждением в духовной жизни страны пуританского религиозного течения и англиканской реформы. Прусское государство во многом является результатом распространения лютеранства, а царизм в России — во многом был обусловлен фактом подчинения православной церкви политической власти.

7.3. Ресурсы и траектории государственного строительства

Согласно С. Роккану, что потом поддержали и многие другие политологи, сила государства, его автономия, размах и глубина его вмешательства в общественную жизнь в значительной мере зависят от противодействия со стороны общества как в процессе государственного строительства, так и в ходе становления наций. Норберт Элиас, анализируя процесс государственного строительства во Франции, показал, что успехи политического центра в становлении государства приобретают первоочередное значение и получают растущую поддержку

со стороны населения в том случае, когда периферийные территориально-политические образования сами являются достаточно сильными и ведут борьбу за свое политическое первенство на своей же территории. Эта борьба, конечно же, затрудняет процесс политического объединения страны. Но в том случае, когда этот процесс завершается формированием единого политического центра, сразу же формируются базовые «ячейки» государственности. Речь идет прежде всего о создании единой армии и налогового аппарата. При этом их роль и степень организации тем выше, чем сильнее было противодействие периферии становлению государства.

Исторические факты свидетельствуют, что, к примеру, во Франции или Испании утверждению господства единого политического центра противодействовали значительные периферийные силы в лице таких провинций, как Бретань, Страна Басков, Каталония и т. д. В других случаях, например США, утверждение территориального контроля со стороны политического центра фактически не встречало сопротивления, во всяком случае, до начала войны за отделение.

Вопрос силы или развития государства неразрывно связан с предварительным распределением ресурсов на будущих территориях государства. О чем идет речь? Присутствие на будущих территориях государства культурно разнородных и достаточно сильных будущих периферийных образований предполагает для проведения экспансии формирование централизованного государства, без чего не может осуществляться экспансия. Пример тому — образование государства во Франции. В случаях, когда политический центр не может обладать способностью навязать свое первенство по отношению к тем или иным будущим территориальным периферийным образованиям, он вынужден довольствоваться приспособлением к ситуации, идя на уступки в вопросах признания за этими территориями, например, частичной автономии или языкового, а также религиозного разнообразия и т. д.

Такого рода ситуация была характерна для той части Западной Европы, которая охватывает территорию от Северного моря до Средиземноморья, проходя через долины Рейна и Ронны, где еще со времен существования Римской империи сложилась плотная городская и коммерческая сеть. На этих территориях образовалась, используя мета-

фору С. Роккана, «Европа городов-государств»¹, где так и не появился некий единый политический центр, который смог бы навязать свое господство на всей протяженности указанного географического региона. Здесь образовались весьма различающиеся между собой государства.

Так, после длительной борьбы за политическое первенство были созданы унитарные государства в лице Франции, Испании, а позднее — Пруссии. В то же время сложились государства иного типа, где полного поглощения провинций единым политическим центром не произошло. Примером тому являются Швейцария и Голландия. Понятно, что государства этого типа не были настолько сильными, чтобы смогли бы преодолеть автономию провинциальных центров или утвердить некую единую культурную стандартизацию. Это стало предпосылкой для создания федеративных государств (Швейцария, Германия, Бельгия наших дней), «региональных» государств (Италия) или государств, в которых сильны местные автономии (Испания).

Становление государств в Европе, помимо сказанного, зависело от тех ресурсов, которыми располагали политические центры, осуществлявшие территориальную экспансию. Этот вопрос позволяет не только освещать формы тех или иных государств, но и их отношения с обществом. А это открывает перспективу осмысления феномена разнообразия политических режимов.

В процессе построения государств исторически решающую роль сыграли два типа ресурсов. С одной стороны, это способность политического центра мобилизовать свои военные возможности, которые обеспечивают и экспансию, и защиту своей собственной территории. С другой стороны, обладание капиталами, которые возрастают вследствие развития обменов и притока ценных металлов в результате завоевания и последующей эксплуатации богатств Америки.

Известно, что политические центры зоны «Европа городов-государств» располагали различными ресурсами. На Западе этой зоны существовали достаточно обширные

¹ См.: Rokkan S. State formation, nation-building, and mass politics in Europe: the theory of Stein Rokkan: based on his collected works. Oxford, 1999; Un modèle géo-économique et géopolitique de quelques sources de variations en Europe de l'Quest // Communications. 1987. № 45. P. 75–100.

территории для создания сильных господствующих центров и важных по своему значению городов. Речь идет о Юге Фландрии, Шампани, Бургундии и т. д. На Востоке (Пруссия, Польша, Россия, Болгария) также возникали политические центры, контролировавшие весьма обширные территории периферии. Однако эти территории, весьма удаленные от зоны городов-государств и не имеющие сколько-нибудь интенсивных контактов с ней, характеризовались наличием крайне слабой сети городов.

Такого рода различия не могли не сказаться на характере государственного строительства. Так, урбанизированное и коммерческое развитие на Западе Европы стало предпосылкой рождения буржуазных государств. А буржуазия в последующем сыграет весьма важную роль в утверждении в этих государствах демократии.

На Востоке Европы господство аграрной экономики стало препятствием в построении государства, которое было вынуждено опираться на земельную аристократию (феодалов) и обеспечивать решение задачи утверждения контроля над широкими сельскохозяйственными территориями. Неудивительно, что на этих территориях не могла появиться сильная и автономная буржуазия. Более того, земельная аристократия, в свою очередь, была вынуждена подчиняться политической власти, т. к. была изначально зависимой от нее (от власти), ибо без ее поддержки она просто не могла выжить. И дело не только в опасности так называемых крестьянских бунтов, которые время от времени возникали в разных странах. Куда важнее другое: в период с XVII по XIX в. большую угрозу для выживания земельной аристократии представляло развитие рыночных капиталистических отношений и нарастание влияния буржуазии. Надежда на выживание для земельных собственников была связана с поддержкой государства. А потому они не могли объективно противостоять его власти¹.

Таким образом, сами географические и экономические условия порождают, по крайней мере, три формулы политического развития: на Западе Европы урбанизированная процветающая экономика создавала предпосылки для контролируемого образования государств-наций; на

¹ См.: Tilly C. Contrainte et capital dans la formation de l'Europe 990–1990. P., 1992; Anderson P. L'État absolutiste: ses origines et ses voies. 2 t. P., 1978.

Востоке аграрная экономика содействовала утверждению авторитарных статических систем; в центре Западной Европы коммерческое процветание породило сеть «микрогосударств» на периферийных территориях¹.

Подобное троичное деление для характеристики процессов развития использовали и другие исследователи. Так, П. Андерсон указывает на «троицу» «западный абсолютизм/отсутствие абсолютизма/сильно выраженный восточный абсолютизм», а Чарльз Тилли выдвигает свою версию: «траектория капитализированного принуждения/траектория сильной концентрации капиталов/траектория с сильной концентрацией принуждения»².

Вопрос исторического генезиса форм государства является далеко не простым. Этот генезис осуществляется под воздействием целого ряда факторов, которые накладывают отпечаток на природу создающегося политического режима. Так, в Великобритании соперничество за обладание высшей властью в государстве сопровождалось ослаблением королевской власти и, наоборот, укреплением позиций власти парламента. При этом принцип представительства, а значит, и самой представительной власти никогда в этой стране не ставился под вопрос. Это было своеобразным препятствием для появления абсолютистской власти в ряде стран Европы в XVI – XVIII вв. Нация в данном случае становилась составной частью мистического корпуса суверена, что в немалой степени содействовало становлению и последующему развитию независимой от центра местной администрации, признанию *common law*, который берет свое начало в большей степени в обществе, чем в политическом центре.

Становление государственности в Великобритании испытывало на себе влияние и геостратегических факторов. Это отмечает, например, Отто Хинц: «Англия, в силу своего островного положения, дистанцировалась по отношению к опасности, которую представляли континентальные конфликты в XVII в. У нее не было необходимости иметь постоянную армию, во всяком случае в таких масштабах, как континентальные армии, ей достаточно было иметь морской флот, обслуживавший коммерческие и военные интересы одновременно; и тем более ей не нуж-

¹ См.: Badie B. Le développement politique. P., 1988. P. 151.

² Lecomte J.-P. Op. cit. P. 171.

но было создавать абсолютистскую систему. Абсолютизм и милитаризм неразрывно были связаны на континенте, а в Англии такой союз представляли милиция и *самоуправление*; разнообразие внешних ситуаций дает основное объяснение различий, которые устанавливаются и усиливаются, начиная с XVII в., между эволюцией политической и военной систем в Англии и на континенте»¹.

7.4. США как идеальный тип «слабого государства»?

В соответствии с представлениями ряда политологов США, а также Великобритании, как уже отмечалось, являются собой пример так называемого «слабого государства», особенно если его сравнивать с таким представителем «сильного государства», каким, например, является государство Франции.

Различие между сильным и слабым государствами может быть выявлено по двум линиям. Во-первых, по форме или организации государства, т. е. его институтов и способов их функционирования. Когда речь идет о функционировании, первостепенное значение имеет выяснение вопроса: функционируют ли эти институты на основе законов и конституции, или они опираются в своей деятельности на традиции? Так, издавна в отношении французского государства со стороны либералов звучит критика, связанная с тем, что во Франции сложилась практика сакрализации государства, когда без его участия не решаются никакие сколько-нибудь существенные вопросы.

А что же происходит в этом отношении в США? На фоне так называемой религии государства, присущей Франции, в США утвердилась подозрительность, если не сказать ненависть по отношению к государству. В первом случае государство наделяется сильной легитимностью, которая, в свою очередь, позволяет этому государству усиливать свое вмешательство в жизнь общества. В США, напротив, государство подобной легитимностью не обладает, а потому за исключением, по сути дела, только одного периода Новейшей истории (30-е гг. прошлого столетия, когда страна была вынуждена преодолевать последствия Великой депрессии) вмешательство госу-

¹ Hintze O. Système politique et système militaire. P. 71.

дарства в социальную жизнь имеет крайне ограниченный характер.

Особая траектория развития государства в США во многом определяется тем фактом, что данная страна не имеет феодального исторического прошлого. Это признается многими обществоведами и историками. Ис этим трудно не согласиться. Однако невольно возникает вопрос: почему получилось так, что государство в Великобритании, стране, имевшей феодальное прошлое, также является «слабым»?

Отвечая на этот вопрос, сразу же отметим, что становление государственности в каждой из этих двух стран определялось рядом факторов. Прежде всего отметим, что США географически являются страной изолированной от соседства с другими странами, что, несомненно, наложило вполне определенный отпечаток на ее развитие.

Что касается Англии, то эта страна имеет феодальное прошлое. Однако она испытала военное нашествие, которое почти до основания разрушило феодализм, по-саксонски, который изначально возник на руинах Римской империи. Правда, власть нормандцев, установленная Вильгельмом Победителем¹ в 1066 г., также опиралась на аристократию феодального типа.

Однако, в отличие от той ситуации, которая сложилась на континенте, указанная власть претерпевала длительную историческую эволюцию. Она являла собой некий «блок» сил, который находился под контролем суверена. При этом нормандские сеньоры не получили независимости, подобно тому как это имело место на Старом континенте. Получилось так, что британская феодальная система изначально была сильно централизованной. В такой ситуации, чему способствовали территориальные особенности и островной характер страны, предохранявший от угроз, которые могли бы исходить от других периферийных центров, центральной власти государства не было необходимости вести борьбу против независимости сеньоров, что имело место на континентальной части

¹ Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027–1087) — английский король с 1066 г. С 1035 г. — герцог Нормандии. В 1066 г. высадился в Англии и, разбив при Гастингсе войско англосаксонского короля Гарольда II, стал английским королем. Установил прямую вассальную зависимость всех феодалов от короля.

Европы. Не такой, как на континенте, была и стратегия сеньоров и социальных групп, которые изначально вовсе не стремились противостоять политическому центру извне, иначе говоря, — конкурировать с ним. Этими силами исповедовалась иная стратегия: они стремились противостоять центру изнутри, что нашло, как известно, выражение в принятии Великой хартии, а также в развитии системы представительства.

Еще одна черта специфического политического развития США была связана с тем, что становление государственности здесь носило, что называется, «запаздывающий» характер в сравнении с положением дел в этой области на континентальной части Европы. При этом становление американского государства основывалось на тех принципах, которые в ходе достаточно длительного исторического развития были выработаны в Англии.

«Поселенцы, — отмечают Б. Бади и П. Бирнбаум, — импортировали из Англии принципы Декларации прав человека (во всяком случае, *хабеус корпус акта* 1689), Великой хартии, которые гарантируют равенство перед законом, укрепляют представительные институты, ограничивают исполнительную власть и содействуют использованию выборов для определения обладателей местной власти»¹.

Подобно тому как это было в Англии, американское общество создавалось на принципах самоуправления. Американская нация организовывалась на основе контрактов. Она не была детищем государства, а организовывалась вне прямых действий государства. Показательно, что спустя столетия после создания государства на территории будущей страны оставалось немало территорий, которые не имели прямого подчинения политическому центру. И граница США достаточно долго продвигалась на территориях, которые социально и в каком-то смысле политически были организованы еще до прихода этого государства. Нужно сказать, что своеобразным наследием такого исторического развития являются некоторые практики современной Америки. В самом деле, США — это одна из немногих стран, где граждане сохранили за собой право на ношение оружия. Кроме того, именующая некоторое распространение на юге страны практика суда Линча, с точки зрения

¹ *Badie B., Birnbaum P. Op. cit. P. 204.*

некоторых политологов, является своеобразным наследием народных судов. Подобным подтверждением является и существование института шерифов. Как известно, шериф избирается местным сообществом, в рамках которого он исполняет свои функции, а потому его можно рассматривать как фигуру, действующую на основе принципа самоуправления. При этом его деятельность строится вне присутствия *маршалов*, которые по определению представляют собой лица центральной (федеральной) власти.

Такая картина существенно отличается от той практики, например, что сложилась во Франции. Еще во времена Первой империи комиссары полиции как прямые представители государства были представлены во всех городах страны с населением свыше 50 000 человек, а жандармерия занималась поддержанием общественного порядка на всей территории государства.

Американская нация, складывавшаяся без помощи государства на основе активного влияния протестантизма и либерализма, что отмечал в свое время М. Вебер, обрела свою легитимность на базе принципов равенства и свободы. Об этом свидетельствуют старые мифы о «Новом мире», а также о «Границе» как землях, на которых индивиды могли перестроить свою жизнь, обрести свободу и т. д. Эти принципы, которые в тенденции усиливают индивидуализм и легитимизируют неравенство условий, вообще-то говоря, сложились как следствие изначального утверждения равенства шансов, на практике приводят к отказу от участия государства в преодолении неравенства. Как отмечал еще в начале XX в. Вернер Зомбарт (1863 — 1941), указанные принципы ориентированы в большей мере на индивидуальные, нежели коллективные решения в преодолении социальной неудовлетворенности¹. Это происходит потому, что «в таком обществе, одновременно демократическом, "открытом" и элитистском, государство представляет собой фигуру бесполезного деспота»².

Американское общество, как уже отмечалось, было организовано не государством. Оно строилось на основе деятельности элит, обладавших легитимной властью. И среди них экономическая элита изначально занимала весьма важное место. Ее влияние на содержание аме-

¹ См.: *Sombart W. Pourquoi le socialisme n'existe-t-il pas aux Etats-Unis?* P., 1992.

² *Badie B., Birnbaum P. Op. cit. P. 205.*

риканской конституции, на образование и деятельность политических партий и тем самым на рекрутирование политического персонала было значительным. Б. Бади и П. Бирнбаум отмечают в этой связи, что деловой мир, по сути дела, захватил совокупность политической системы¹ и в силу своего влияния не позволил утверждение настоящей автономизации государства. Практика политической жизни США показывает, что политический персонал рекрутировался и рекрутируется вплоть до наших дней из двух источников — из представителей делового мира или представителей юридического сообщества. Существует такая статистика: с конца XIX в. и до начала XXI в. около 80 % членов правительства имеют тесные отношения с деловым миром и составляют едва ли не большинство многочисленных комиссий, создающихся для решения тех или иных вопросов исполнительной властью. К слову сказать, такая практика коренным образом отличается от того, что происходит в этом отношении во Франции например. В V Республике подавляющее большинство персонала исполнительной власти рекрутируется из состава чиновничества.

Столь сильное влияние делового мира на деятельность правительства в США одним из следствий имеет превалирование экономических и социальных интересов в работе палаты представителей и сената. Свой вклад в отстаивание и расширение влияния делового мира в жизни страны вносят и многочисленные лоббистские структуры, которые оказывают существенное влияние на политический процесс страны.

«Слабость» американского государства выражается и в том, что федеральный центр, государственная бюрократия не получили такого развития, как это имеет место, к примеру, на Старом континенте. Недостаточно масштабное развитие бюрократии центра определяется федеральным характером государственной организации США, что своим следствием имеет тот факт, что многие вопросы общественной жизни решаются на уровне штатов. Правда, такая ситуация существовала не всегда. Так, после Великой депрессии начала 30-х гг. прошлого столетия в итоге проведения Нового курса, который стал своеобразным

¹ См.: *Badie B., Birnbaum P. Op. cit. P. 207.*

эмбрионом будущего государства всеобщего благоденствия, в США резко возросло вмешательство государства, а вместе с ним выросла и численность аппарата федеральной администрации.

Следует сказать и о том, что чиновники центральной администрации, как правило, находятся в прямой зависимости от политических партий, а в итоге от разного рода экономических и социальных групп. Назначение чиновников на те или иные посты носит политический характер, ибо зависит от победы на выборах определенной политической партии. А это затрудняет реализацию всего того, что связано с институционализацией государства. К этому добавим: чиновники в США не располагают гарантиями карьеры, которые созданы в ряде стран Европы. А это побуждает, вольно или невольно, чиновников ориентироваться в своей деятельности на сотрудничество и расширение связей с деловым миром и гражданским обществом. А это, в свою очередь, содействует утверждению клиентелистских отношений.

Слабая институционализация государства своим следствием имеет и факт отсутствия в США и Великобритании автономного административного права. В итоге «американская администрация не работает под колпаком, она связана, напротив, клиентелистскими отношениями с социально-экономическими или политическими группами в обществе. А политическая система, захваченная деловым миром, не автономизирована и не обрела своей специфики»¹.

Несмотря на существенные различия, присущие политическим системам в разных странах, несмотря на различие их исторического развития, в последние годы набирают силу новые тенденции в развитии государственности. Речь об этом пойдет ниже.

■ 7.5. Универсализация государства: динамика и перспектива

В XX в. государство превратилось в наиболее значимый политический феномен. Произошла его универсали-

зация, которая была усилена, в свою очередь, набирающим силу явлением глобализации, или, пользуясь французским термином, — явлением мондиализации. Эстатическая модель политической и социальной организации общества приобрела явно выраженную легитимность во всемирном масштабе. Ныне в Африке, Азии и Латинской Америке государства обрели не только легитимность, но и международное признание, выражающееся, например, в том, что, по сути дела, все государства являются членами Организации Объединенных Наций. И это несмотря на то, что способы функционирования властных отношений, гражданственность и солидарность, структурирующие политические системы, присущие странам указанных континентов, в значительной мере отличаются от западной эстатической модели.

Как мы уже отмечали, государства являются результатом исторического развития того или иного общества, а также его культуры. И потому неизбежно возникает вопрос: как и почему формируется государство в обществах, которые имеют совсем иную историю и совсем иную культуру (обычаи, верования, представления), нежели в западных странах? Как понимать и анализировать формы организации политической власти в странах Африки, Азии и Латинской Америки? И еще. В чем и до какого предела власть в этих странах, в том числе и в форме государства, может сравниваться с властной организацией в западных странах, которые оказали существенное влияние по многим направлениям в становлении государственности в странах указанных регионов?

Речь, значит, идет о сравнительной политологии, о сравнительных научных исследованиях, которые получили весьма значительное развитие, начиная с 60-х гг. прошлого столетия. Авторы данного пособия не ставят перед собой задачу подробного освещения сравнительного анализа в политической науке. Тем более что в Кемеровском государственном университете в 2005 г. было выпущено специальное учебное пособие¹. В данном же пособии авторы видят свою задачу в том, чтобы указать на основные направления анализа вопроса универсализации государства.

¹ Badie B., Birnbaum P. Op. cit. P. 209.

¹ См.: Желтов В.В. Сравнительная политология: В 2 т. Кемерово, 2005.

А. Экономическое развитие и политическая модернизация

Долгие годы анализ государства за пределами западных обществ осуществлялся на основе структурализма, который проводил изучение феномена государства с позиций девелопментализма¹. Это означало, что наблюдаемые формы государств или политической организации обществ оценивались с позиций одностороннего и универсального развития, моделью для которого были государства Запада.

Такой анализ основывался на идее о том, что политическая модернизация связана с уровнем экономического развития, с его так называемыми этапами роста². Различные формы организации политической власти, согласно представлениям сторонников такого подхода, отражают различные этапы политического и экономического развития. Не случайно этот подход (его нередко называют девелопменталистским) Б. Бади и Г. Эрме назвали «антимарксистским вариантом исторического материализма»³.

О чем идет речь? Согласно представлениям девелопменталистов, развивающиеся страны рассматриваются в качестве стран, осуществляющих политическую модернизацию или демократизацию.

«Лестница политического развития, таким образом предопределенного экономическими переменными, — пишут Б. Бади и Г. Эрме, — воспроизводит в реальности все иерархии западного воображения. В этом случае политический прогресс остальных народов осуществляется постепенно, когда архаический деспотизм уступает место диктатурам по мере экономического развития, в то время как эти диктатуры рассматривают себя устраненными, в свою очередь, по крайней мере, в лучших обстоятельствах полиархически-демократическими правлениями, близкими к европейским канонам»⁴.

Американские политологи Г. Алмонд и Б. Пауэлл разработали типологию политических систем, представленных тремя крупными категориями в зависимости от уров-

¹ См. подробнее: Желтов В.В. Сравнительная политология. Т. 1. С. 39–45.

² См.: Rostow W.W. Les Étapes de la croissance économiques. P., 1962.

³ Badie B., Hermet G. La politique comparée. P., 2001. P. 57.

⁴ Ibid. P. 57–58.

ня экономического развития, который, в свою очередь, определяется уровнем структурной дифференциации и культурной секуляризации (три типа культуры). Эта типология выглядит следующим образом.

1. «**Примитивные системы**» характеризуются наличием фрагментированных, перемежающихся и слабо-дифференцированных политических структур и культурой «приходского» типа. Внутри этой категории одни и те же критерии развития ведут к иерархизации различных форм организации: примитивные банды или орды, сегментированные системы, пирамидальные системы и т. д.

2. «**Традиционные системы**» характеризуются первой степенью дифференциации и «культурой подчинения» (централизованной и авторитарной). Они объединяют одновременно структуры наследственной власти, феодальные европейские системы, централизованные бюрократические современные системы (империя инков, западные абсолютные монархии).

3. «**Современные системы**» основываются на дифференцированной политической инфраструктуре (политические партии, группы интересов, медиа) и на «культуре участия». Эта категория объединяет одновременно старые дифференцированные системы (города-государства античной Греции) и особенно современные системы, как демократические, так и авторитарные. Эти две последние группы систем отличаются степенью автономии элементов политической структуры и типом господствующей культуры.

Другим примером девелопменталистской типологии являются работы А.Ф.К. Органски, который классифицирует политические системы как прошлого, так и настоящего в зависимости от степени развития. Особенность модели Органски заключается в объединении понятий «фаза» (или «этап») и «кризис». Каждый из выделяемых им четырех этапов характеризуется одной или несколькими основными ставками, характеризующими кризисы, с которыми сталкиваются правления и разрешение которых может строиться на основе использования тех ресурсов, которыми располагает политический центр.

1. «**Фаза примитивного объединения**», ориентированная на развитие и укрепление политического центра и его функций контроля. В силу этого утверждается естественно авторитарная власть, ограниченное политическое

участие и политическая культура подчинения (Европа XVI—XVIII вв., страны нынешнего «третьего мира»).

2. «Фаза индустриализации», подчиненная императиву экономической модернизации, которой пытается содействовать политическая власть либо авторитарным способом («сталинский» или фашистский путь), либо в форме стимулирования (отвечая, например, на требования масс, что можно назвать буржуазным или преддемократическим путем).

3. «Фаза благосостояния», в основе которой лежит двойственное основание — участие масс и распределение благ, получаемых в результате развития индустриализации. На этой фазе могут быть даны разные ответы. Так, демократический путь связан с утверждением буржуазного правления на основе результатов всеобщего голосования, распределением ресурсов на основе практики государства всеобщего благоденствия, ориентацией на равенство шансов в развитии системы образования.

4. «Фаза изобилия» как перспектива, возникающая в результате роста продуктивности, технологического прогресса, развития процесса глобализации, в рамках которой утрачивают значение государственно-национальные рамки. Все это ставит непростые задачи перед правительствами.

Типология Органски не ограничивается таким перечислением. Она выделяет определенное множество подкатегорий политических организаций и форм внутри каждого из этапов.

Б. Влияние зависимости

На рубеже 70-х гг. прошлого столетия девелопментализм был подвергнут серьезной критике, в том числе и за его привязанность к западной «модели», а также за то, что сторонники этой концепции как бы оставляли в стороне «политический» характер самого понятия развития. Между тем изменение соотношения сил как в мировом, так и в региональном измерениях вызывало к жизни новые парадигмы политического анализа, которые в тот период испытывали на себе значительное влияние марксистского подхода, исходившего из того, что классовая борьба развивается не только в национальных рамках, но и в рамках всей мировой системы.

В этот период довольно решительно заявила о себе новая теория, получившая наименование «социология зависимости», которую иногда называли и «социологией империализма». Эта теория опиралась на анализ ситуации в Латинской Америке, который был осуществлен Фернандо Энрике Кардозо. В конце 60-х гг. он, в частности, пришел к выводу о том, что существует разрыв между экономическим и политическим становлением (читай развитием) стран Юга. В южной части планеты, как утверждал Ф.Э. Кардозо, либерализация и капитализация рынков лишь только увеличивали зависимость стран Юга от богатых и развитых стран Севера. Это определялось господствующими позициями иностранных капиталов в экономике стран Юга.

Концепция зависимости исходит из того, что «экономическое, культурное и политическое превосходства передовых обществ Севера определяют почти механически подчиненность им обществ Юга»¹.

Неравенство Север—Юг неизбежно приводит к инструментальному отношению стран Севера к странам Юга. Причем это отношение служит интересам развитых стран, а страны Юга, их экономические и политические системы, будучи в положении зависимости, не только не получают самостоятельного и эффективного развития, но и оказываются в экономической и политической зависимости от стран Севера. Крушение колониализма, которое произошло после Второй мировой войны, не ликвидировало реального подчинения и зависимости стран Юга от развитых стран Севера. Эта же ситуация была отмечена и во взаимоотношениях правящих элит стран Юга с элитами стран Севера. Более того, политические аппараты стран Юга, по сути дела, в большей или меньшей степени становились проводниками влияния богатых стран Севера².

Включение в указанную проблематику понятий «центр» и «периферия» (которые, как известно, разрабатывали американские политологи Эдвард Шиллз и Дэвид Истон, а потом использовал в своих работах Стейн Роккан, применив их к анализу государственного и национального строительства в Европе) расширило исторические и географические рамки анализа за пределы отношений Север—Юг.

¹ Badie B., Hermet G. La politique comparée. P. 58.

² Ibid.

Была осуществлена тем самым генерализация ситуации зависимости, в которую теперь включались отношения центра и периферии, что позволило рассматривать проблематику зависимости применительно к региональному измерению, а также открыло возможность анализа негосударственных и догосударственных образований. Макроисторический анализ на основе концепции «система-мир» (И. Валлерстайн) позволил вскрыть проблемы зависимости (или эксплуатации) периферии от центра как на уровне государств с момента их становления, начиная со Средних веков, так и на уровне государств вплоть до наших дней. Такая интерпретация отношений зависимости позволила И. Валлерстайну ввести понятие «полупериферия», правомерность которого подтверждалась ситуацией новых индустриальных стран — «тигров Востока»: Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, которые отличаются высокие темпы экономического роста и сильная авторитарная власть.

«Вырисовывается, — утверждают Б. Бади и Г. Эрме, — новая детерминистская модель, в которой формы власти и подчинения должны пониматься с точки зрения их центральной, переходной или периферийной позиции в "системе-мир" или в ее национальных придатках. Благодаря этому страны "третьего мира" самой судьбой призваны познать сильное авторитарное правление или, наоборот, арбитражную, но слабую власть, или нестабильность и конвульсии в силу того, что они находятся на полупериферии или на периферии, собственно говоря, мировой капиталистической системы»¹.

Сохранение в рамках государственного аппарата или местных властей и сообществ традиционных форм осуществления власти, политического выражения или участия играет существенную роль в жизнеспособности патримониальных концепций отправления власти или клиентелизме. Для этих концепций характерным является слияние в «современной» политической структуре традиционных структур власти, основанных на практике вождизма, племенной, этнической или религиозной принадлежности, что, вообще-то говоря, носит временный характер, т. к. подлежит исчезновению под влиянием последствий экономического развития. Такая конфигура-

ция власти во многих странах Юга является следствием двойной политической зависимости населения от местной власти, а также зависимостью самой периферийной власти от западных стран.

В 70-е гг. прошлого столетия теории зависимости, в основе которых лежала модель «центр — периферия», были дополнены своеобразной альтернативой, которая противостояла убежденности в «крайней универсальности легальной и бюрократической рациональности»¹ и содействовала политизации концепции развития. И тем не менее преувеличенное внимание к экономической детерминанте развития сохранялось и в этом случае, что вело неизбежно к недооценке других детерминант (культурных, исторических и т. д.). Кроме того, подобно теориям развития или модернизации, в рассматриваемом подходе преваляровала убежденность в том, что прогресс или развитие имеют линейный, однозначный и даже в некотором смысле неизбежный характер. И развитие потому является желаемым моментом, т. е. подрывает империалистическое господство, что является своеобразной предпосылкой для проведения в перспективе революционных изменений.

Следует сказать, что объяснительная ценность этих теорий наталкивается иногда на противоречия, которые противопоставляют эти теории реальности форм организации политической власти, которые в ряде случаев (например, в Африке) не отвечают интересам и целям государств (или центров) Запада.

В 80-е гг. помимо критики, о которой мы только что говорили, выявилась утрата влияния социологических моделей структуралистского типа, с одной стороны, и марксизма в деле анализа экономических и политических реальностей — с другой. Это открыло путь для появления альтернативных парадигм и моделей. Эти парадигмы и модели акцентировали внимание на учете роли политических акторов Юга (например, специфические стратегии импорта западных политических моделей, которые они могли бы осуществлять), а не только на экономических переменных при анализе форм политики за пределами западного мира. Акцент в новых моделях и парадигмах анализа политического развития стал делаться

на учет роли культурного фактора в ходе осуществления так называемой освободительной эмансипации. Это привело к появлению двух подходов: культуралистского (Б. Бади) и подхода, связанного с учетом «историчности государства» (Ж.-Ф. Байар). Оба эти подхода объединяет стремление учесть «незападные» формы политики. Это означает, что рассматривавшиеся прежде в качестве вторичных и даже переходных (временных) факторов архаические или экзотические формы политической организации стали анализироваться с позиций специфических и далеко не случайных форм социальной и политической организации в развивающихся странах. Кроме того, новые подходы стремились учесть интересы и стратегии национальных актеров политической жизни развивающихся стран с позиций «парадигмы угнетения». Как считает Ж.-Ф. Байар, этот гнет испытывают африканские страны и народы от местных деспотов¹.

В. Экспортирование, импортирование, гибридизация...

Суть новых подходов к оценке политики за пределами западного мира определяется двойственной критикой так называемых структурно-марксистских моделей универсализации и всемирного распространения государства. Это предопределило первостепенное внимание к культурным и политическим факторам, с одной стороны, и введение индивидуальных актеров в прежние объективистские (структуралистские) схемы анализа.

Так, уже упоминавшийся нами французский политолог Б. Бади на основе рассматриваемого нами подхода показал специфику становления государственности в мусульманских странах. Он показал принципиальное различие в образовании государств на Западе и на Востоке, в частности в исламских странах.

Как известно, основным принципом образования и деятельности государства западного типа является привилегированная связь индивида с государством, что, к слову сказать, является одним из существенных моментов, позволяющих понимать «причину» множественности его форм организации и деятельности. Эта связь, как

было отмечено выше, отражает сложившееся на Западе разделение государства и Церкви, разделение публичного и частного пространств. В итоге в политической жизни западных стран складывается ситуация, согласно которой государство и гражданское общество в одних случаях поддерживают друг друга, в других — противостоят друг другу.

В случае стран исламского мира сложилась в данном вопросе совсем иная ситуация. Она характеризуется неразрывной связью государства и религии. Именно религия во многих странах Востока «дарует» авторитет государству, лишая его в то же время собственной, присущей именно ему легитимности.

Б. Бади при этом не отказывается от идеи политической модернизации в исламских странах. Он выделяет три типа модернизации:

- модернизация на основе имитации политической организации в странах Запада. Примером чего могут быть, например, Египет времен правления Мехмета Али, Османская империя на пороге XX в. или Япония эпохи Мэйдзи¹;
- модернизация как противодействие влиянию Запада по образцу движений конца XIX в.;
- модернизация на основе импорта западных идеологий, в частности социалистической идеологии.

Все указанные разновидности политической модернизации потерпели поражение на практике. И это лишний раз показало, что понятия «легитимность», «представительство», «суверенитет», «нация» являются типично западными понятиями, и они утрачивают смысл в условиях мусульманского государственного правления. А потому создание некоего политического центра по западному образцу в исламских странах обречено на поражение. Это лишний раз подтверждают события, например, в Афганистане. Как известно, неудачная попытка создания просоциалистической государственности, предпринятая в свое время руководством бывшего Советского Союза, завершилась сокрушительным поражением. То же самое происходит в этой стране и в наши дни: чем дальше, тем больше становится понятной обреченность действий США и их союзников по утверждению, как они говорят,

¹ См.: Bayart J.-F. L'État en Afrique: la politique du ventre. P., 1989. P. 24.

¹ Мэйдзи (яп., буквально — просвещенное правление) — официальное название периода правления (с 1868) японского императора Муцухито.

демократии в Афганистане. О крайне низкой эффективности навязывания демократической организации в исламских странах по западному образцу свидетельствуют и события в Ираке, где все более становится понятной бессмысленность военной оккупации Ирака США и их союзников.

Судя по всему, можно полагать, что любые формы модернизации применительно к исламским странам («консервативная модернизация», «революционная модернизация» или «контрмодернизация») обречены на поражение. И даже в тех странах, в которых модернизация осуществляется, в конечном счете приводит к утверждению неопатриархального господства, которое ведет к изоляции данной страны на международной политической сцене. А поскольку политическая жизнь данной страны как бы покидает в известном смысле символическую политическую сцену, постольку появляется динамика протеста. Но поскольку, согласно Б. Бади, существует «два государства», постольку существует два вида протеста. На Западе банализация требования проистекает из коммунализации общества государством. В мире ислама происходит драматизация требования как следствие собственного исключения с исламской политической сцены. В итоге утверждаются и противостоят друг другу «культура требования» и «культура бунта». Б. Бади в этой связи утверждает: «Требование является основным элементом гражданской культуры... т. к. требование предполагает минимальную интеграцию актера, который это требование выдвигает внутри политического сообщества, к которому сам принадлежит... Культура бунта выражает, напротив, невозможность примирить порядок и протест и превратить действие, связанное с требованием, в конститутивный элемент объединенного социального пространства»¹.

И хотя протест в тенденции как бы производит новое политическое пространство, маловероятно, что он сможет создать жизнеспособное политическое пространство. Так, современная религиозная форма протеста, которая отмечена во многих странах исламского мира, не способна открыть путь к политической модернизации, т. к. такого рода движения не выходят за рамки протеста как

такового, и они несовместимы с конкретной моделью осуществления власти.

Размышляя над вопросами утверждения в исламских странах политического порядка по западному образцу, Б. Бади настаивает на реальности существования не только экономической зависимости между странами Севера и Юга, между центром и периферией, но прежде всего политической зависимости стран Юга. Он стремится рассматривать политическую зависимость в индивидуалистическом подходе, внутри которого государство является феноменом рационально экспортируемым и импортируемым одновременно. И наконец, Б. Бади сомневается в возможностях политической инновации, которая также может быть носителем политической зависимости, что неизбежно может вести к возникновению беспорядков и протестов.

Вопреки «парадигматической идеологии» международного заговора господствующих в мире сил, «маневру Запада», Б. Бади указывает на существование объективной солидарности интересов элит стран Севера и стран Юга. Причем солидарность элит стран Юга с элитами стран Севера усиливается существующим там разрывом между элитами Юга и обществом, сегментированным солидарностью сообществ. Эта политическая зависимость может быть осмыслена на основе клиентелистской схемы, в которой индивидуальные актеры политической жизни замещаются статическими актерами: государство-патрон предоставляет государству-клиенту необходимые для его выживания блага в обмен на отчуждение его суверенитета в пользу патрона и тем самым ограничивается возможность построения региональных подансамблей Юга.

Б. Бади указывает на три типа присвоения суверенитета:

- дипломатическая функция;
- социально-экономические функции, в частности, через навязывание правил рыночной экономики;
- функции институциональной инновации, а также конституционной имитации, которая выполняет двойную функцию — символического обозначения патронажа и легитимации (для патрона) отношения, которое объединяет его с клиентом.

Отметим: логика экспорта предполагает существование и логики импорта. Позиция того, кто добивается политического импорта странами Юга, становится понятной в

том случае, если полагать, что этот импорт является ресурсом власти, который может служить как консервативным, так и революционным проектам. И импорт сам по себе в конечном счете может быть как свободным выбором, так и принуждением или неконтролируемым процессом.

Кроме того, усиление политического влияния Запада и выстраивание политической жизни по его образцу вызывает к жизни существование новой элиты, связанной с государством и администрацией, которая действует на основе заимствований, объектом которых является «политическая игра», а также «право» и «дебаты».

Однако такого рода заимствования, которые лишают своего привычного западного культурного основания, оказываются маложизнеспособными в новых условиях. Более того, такое импортирование порождает беспорядок внутри страны. Такие новации отвергаются силами протеста, что приводит к утрате авторитета государства, появлению конкурирующих с ним авторитетов и усилению клиентелизма этого государства как предпосылки для его сохранения. С другой стороны, заимствования, о которых идет речь, ведут к появлению проявлений беспорядка и на международной арене, что связано с ростом опасности непредсказуемости политики такого государства.

Следует сказать и о том, что указанные процессы, помимо беспорядка, являются носителями инноваций на международной арене, что связано с появлением новых политических сцен, новых способов участия в политической жизни и международного объединения более или менее институционализованного. Пример тому — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламская конференция (ОИК), Организация африканского единства (ОАЕ) и т. д.

Реальность такова, что за пределами западного мира государство как форма политической организации, перенесенная на чуждую ему во многом почву, оказывается малоприспособленной для реалий стран «третьего мира». Об этом со всей определенностью сделал вывод Б. Бади: «Реальность показывает, что этатическая модель, как бы ни была она интериоризирована местными элитами, функционирует и воспроизводится внутри обществ «третьего мира» только формально. Введенное искусственно при помощи силы или добровольного и системного отказа

от традиции, несправедливо обвиненное в его ответственности за экономические и военные поражения, государство в Африке, как и в Азии, остается чистым продуктом импорта, бледной копией европейских политических и социальных систем, чуждым, увеличенным сверх меры и неэффективным телом, а также источником насилия»¹.

Причины такого положения государства в странах Азии и Африки многочисленны. Некоторые из них являются причинами экономическими. Однако они связаны не столько с фактом «отставания» «третьего мира». Куда как большее значение имеют, как это подтверждает теория зависимости, последствия экономического, технологического и финансового характера, которые в этих государствах связаны с тем, что в них существует ситуация «незавершенной монополии».

Другие причины связаны с радикальными различиями между современными обществами Юга и догосударственными обществами Запада. В случае западных обществ в период, предшествующий образованию государств, их формирование было необходимым и функциональным ответом на кризис феодального общества. Подобный ответ в современных обществах стран «третьего мира», где социальные, экономические, культурные условия радикально отличаются от подобных условий стран Запада на выходе из феодализма, оказывается малоэффективным.

«Государство, будучи продуктом культуры разделения, не может институционализироваться в обществах, отмеченных господством «органических религий» (ислам или индуизм), которые отказываются от разделения мирского и духовного, а также и от идеи светскости. То, что справедливо в отношении религии, является справедливым и в отношении других элементов культуры: связанное с видением мира через концепцию права и коллективной памяти государство в том виде, как оно возникло со времен европейского Возрождения и как оно определяется в современном мире, оказывается неадаптированным к культурному разнообразию, которое структурирует «третий мир» сегодня»².

При всей привлекательности такого понимания политического развития в странах «третьего мира» оно было

¹ Badie B., Birnbaum P. Op. cit. P. 162–163.

² Ibid. P. 166–167.

подвергнуто весьма серьезной критике. Так, французский политолог Жан-Франсуа Байар настаивает на «историчности государства» в странах Юга. Он утверждает, что политическая организация в странах Азии и Африки существовала задолго до их колонизации. Это относится к таким странам, как Китай, Корея, Япония, Вьетнам, Камбоджа, Иран, Афганистан, Эфиопия, Египет, Индия, Индонезия. И тот факт, что эти общества и культуры выжили после длительной колонизации, — свидетельство того, что они обладали, как и западные античные общества, способностью к политическому созиданию и политической инновации. И эти общества, как считает Ж.-Ф. Байар, «никогда не были и не могли быть пассивными объектами их зависимости, даже после военного поражения. Колонизация радикально не сказалась на их способности продолжать свои глобальные стратегии производства собственной современности... Отягощенная физическим насилием и еще больше, возможно, символическим насилием, колониальная ситуация не прекратила историчность африканских обществ. Она ее возобновила с новой силой в том смысле, что стала причиной новой, более энергичной раздачи карт»¹.

Иными словами: согласно Ж.-Ф. Байару, понятия «государство» или, по крайней мере, «политическая организация» не являются чуждыми для африканских и азиатских обществ. Такое утверждение связано с тем, что эти общества имели собственную политическую историю до колонизации. Но и сама колонизация не перечеркнула, не стерла эту историю. Более того, представители коренных жителей сами были участниками процесса утверждения зависимости и осуществления местной колониальной власти.

«В силу этого, — утверждает Ж.-Ф. Байар, — африканские и азиатские государства, которые получили репутацию искусственных, в реальности располагают своим собственным социальным основанием. Они вовсе не лишены «структурных корней в обществе»... не воспринимаются как полностью арбитражные, хотя и невозможно их назвать государствами, в основе которых находится гражданин. Их единство чаще всего востребовано, хотя и является проблемой»².

¹ Bayart J.-F. L'État en Afrique. P. 35, 41–42.

² Bayart J.-F. L'historicité de l'État importé. P. 15.

Ж.-Ф. Байар не отрицает существования и значения экзогенной логики построения политики и государства в странах «третьего мира». Влияния колонизации и экономической гегемонии Запада на их развитие нельзя недооценивать. Но это были не единственные силы, оказывавшие воздействие на развитие государств Азии и Африки. Они взаимодействовали не только с формами организации сопротивления и существовавших культур, но также с проектами и стратегиями «зависимых» от колонизаторов актеров или «подчиненных» им.

Следует сказать и о том, что правления стран Юга были не только жертвами колонизации, они не без успеха использовали ресурсы зависимости, добиваясь реализации своих целей. Инструментализация ресурсов внешнего господства и своеобразная форма автономии в условиях зависимости наблюдается не только в содержании внешнеполитической стратегии стран Юга, которые нередко успешно противостоят на международной арене политике развитых стран, но и в их внутренней организации, в тех формах, которые приобретает политическая власть в странах Азии и Африки.

Вопреки выводам сторонников теорий развития и зависимости, а также утверждениям представителей исторической социологии (И. Валлерстайн, Б. Бади и П. Бирнбаум), которые видят в конвульсивном развитии политики в обществах Юга, что проявляется в хронической нестабильности или, наоборот, в карикатурной стабильности, взрывах насилия и т. п., подтверждение неудачности «прививки государства» к условиям развивающихся стран, Ж.-Ф. Байар утверждает, что «прививка» состоялась. И действительно, прошло уже около 50 лет после освобождения от колониализма большинства стран Азии и Африки, а государства в них существуют, и речь не идет об их исчезновении. Гражданские войны, государственные перевороты, взрывы политического насилия против властей или проводимые властями не поставили под вопрос государство как таковое.

Правда, государство в широком смысле слова в странах Азии и Африки приобрело формы во многом отличные от государственной организации в странах Запада в наши дни. И в то же время современные государства в Азии и Африке существенно отличаются и от тех форм, что они имели в прошлом. Это означает, что эти государ-

ства нельзя интерпретировать только как продукт импорта западной государственной организации. Они получили свое современное политическое выражение в итоге создания неких новых формул государственности, которых не было и не могло быть прежде. Эти формулы в политической науке стали называть гибридными.

Гибридность азиатских или африканских государств определяется тем, что они сформированы в большей мере на основе собственного исторического доколониального прошлого, колониальной истории и истории постколониальной, нежели под воздействием импорта моделей государственности. Гибридные государства, значит, отличаются своими формами от западных государств. Это, правда, не означает, что указанные государства не могут подвергаться модернизации, в том числе и на основе заимствования и адаптации государственных форм западных стран.

Раздел IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Понятие «политический режим» появилось в научном обороте во второй половине XX в. Это явление относится к характеристике политической жизни и политической системы общества в целом. В силу этого данное понятие имеет синтезированный характер. Можно сказать, что характеристика политического режима наиболее полно показывает подлинные возможности человека в его взаимоотношениях с властными структурами. Неудивительно, что, к примеру, польский политолог Е. Вятр под политическим режимом понимает систему конституционных (законных) порядков и конкретное воплощение этой системы на практике¹.

В таком подходе политический режим совмещает конституцию страны и политические реальности. Это очень важно. Ибо положения конституции не всегда могут соответствовать тому, что реально есть в политической жизни. И вот понятие «политический режим» совмещает и первое, и второе. В нем выражается, говоря метафорически, политический климат, существующий в данном обществе.

В политической социологии при рассмотрении комплекса вопросов, связанных с понятием «политический режим», первостепенное внимание уделяется анализу отношений государства и общества. Конфигурация этих отношений весьма существенно отличается в разных странах. Однако за всеми довольно очевидными различиями, которые существуют между различными формами осуществления политической власти, нельзя не видеть то общее, что характерно для того, что в политической науке называют «политический режим».

¹ См.: Вятр Е. Типология политических режимов // Лекции по политологии. Т. 1. Таллин, 1990. С. 55.

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ»

План главы

- 8.1. Политическая философия и поиск «наилучшего режима».
- 8.2. Ш. Монтескье и современная типология политических режимов.
- 8.3. Различия политических режимов.
- 8.4. Марксизм и политический режим.
- 8.5. Социологический подход к политическим режимам.

Когда говорят о формах правления, как правило, используют два понятия: «политический режим» и «политическая система». Эти понятия тесно связаны между собой, но не являются идентичными. Так, Ф. Бро утверждает: «Понятие режима служит для того, чтобы учитывать специфический образ организации публичных властей, т. е. их способ назначения, их компетентность и юридические и политические правила, которые определяют их отношения. Это понятие следует отличать от более широкой концепции политической системы, которая включает в себя не только конституционную организацию управляющих, но также и других актеров и другие процессы, такие как, например, режим партий, публичные свободы и медиа, механизмы политической социализации граждан и т. д.»¹.

Политический режим — это система приемов, методов, форм, способов осуществления политической власти в обществе. Политический режим определяется формой государства и присущей ему формой правления.

В науке существует два подхода в трактовке политического режима: **юридический**, делающий акцент на формальные нормы и правила отправления власти институтами государства, и **социологический**, опирающийся на анализ тех средств и способов, с помощью которых осуществляется реальная публичная власть и которые в той или иной мере обусловлены социокультурными традициями, системой разделения труда, характером коммуникаций и т. д.

Наиболее адекватным способом отображения политического режима является второй подход. Он позволяет в качестве агентов власти рассматривать не только правительство или официальные структуры, но и все те социальные силы, которые реально влияют на принятие и осуществление решений. Понятно, что *при характеристике правления в таком подходе может рассматриваться, наряду с правительством и официальными структурами, и деятельность оппозиции, а также другие, в том числе антисистемные компоненты политики.*

Можно утверждать, что политический режим охватывает все общество, ибо, как мы уже отмечали выше, властные отношения пронизывают все его сферы. А политический режим **задает тон всем властным отношениям**, определяя долю государственного участия в них. Политический режим обозначает политический элемент в экономике, социальной сфере, культуре, межнациональных отношениях, индивидуальной и групповой психологии граждан, их сознании.

Политологи выделяют несколько основных признаков политического режима.

1. Политический режим недостаточно связывать лишь с формой правления, поскольку он способствует организации макросоциальных процессов. Поэтому по своему содержанию он близок к политической системе, отражая ее динамический аспект.

2. Режим обеспечивает не только динамизм политической системы, но и ее определенную стабильность, поскольку все элементы системы приводит в упорядоченное взаимодействие.

3. Режим представляет собой совокупность властных структур, что дает возможность правящему классу выполнять возложенные на него полномочия.

4. Любой режим в своей деятельности обращается к различным методам достижения целей и тем самым существенно отличается от других.

5. Режим по сравнению с политической системой обладает своими собственными временными характеристиками¹.

Не случайно американские политологи указывают на то, что тот или иной политический режим представляет собой специфический период действия политической власти в рамках данной политической системы.

Политический режим можно охарактеризовать как совокупность способов, средств и характера осуществления властных отношений во всех сферах общественной жизни, которые оформляют и структурируют реальный процесс взаимодействия государства и общества.

Таким образом, политический режим олицетворяет собой всю политическую систему общества, характер принятия политических решений и протекания политических процессов, т. к. отражает распространение власти на всех уровнях социальной организации общества. *Политический режим является, значит, функциональной характеристикой власти.* Эта характеристика находит свое отражение в правовых формах государства и в его отношениях с обществом и отдельным человеком, регулируемых прежде всего конституционным правом.

Категория «политический режим», как мы уже отмечали, воплощает в себе реальную политическую власть в данном обществе и методы ее осуществления. Она характеризует также и то, как соотносятся и взаимодействуют в данном социальном организме гражданское общество и государство, каков объем прав и свобод личности, социальных групп и каковы реальные возможности их осуществления.

На ту или иную разновидность политического режима оказывают влияние множество факторов: сущность и форма государства, характер законодательства, фактические полномочия государственных органов и юридические формы их деятельности, соотношение общественно-политических сил, уровень и стандарты жизни, состояние экономики, формы классовой борьбы или

классового сотрудничества. Существенное влияние на вид политического режима оказывают исторические традиции страны, а в более широком смысле — своего рода общественно-политическая атмосфера в обществе, которая нередко складывается вопреки интересам господствующего класса. На тот или иной вид политического режима может оказывать воздействие и международная обстановка.

8.1. Политическая философия и поиск «наилучшего режима»

Вопрос политической организации города (полиса) интересовал философию со времени ее возникновения. Изучение философами форм правления в различных странах и в своей собственной стране позволило им определить критерии выявления того общего, что было присуще различным политическим режимам того времени. При этом, как известно, философские исследования форм правления людьми в античном мире, пожалуй, невозможно отделить от осмысления феномена лучшего правления человеческими обществами.

Первые ответы на эти вопросы были даны в Древней Греции еще в V—IV вв. до н. э. Так, в V в. до н. э. характеристику политических режимов того времени дал Геродот, которого по праву называют одним из «отцов-основателей» истории и социологии. Автор знаменитой «Истории» был уроженцем Галикарнаса, греческой колонии юга Италии, основанной в 445—444 гг. до н. э.

Геродот не раз выступал с лекциями в Афинах, был великим путешественником, каким позднее будет, например, Ш. Монтескье. Отметим и то, что Геродот был великодушным хроникером. Будучи очень наблюдательным человеком, он достаточно подробно описывал все, что видел. Он был одним из первых, кто выявил различия в формах правления, описав монархический, олигархический и демократический режимы, что потом найдет отражение и в трудах Аристотеля.

Называя свои труды «Историями», Геродот, по сути дела, представлял своеобразные «репортажи». Причем рассказчик использовал элементы географии, этнологии, социологии, антропологии и политики. В одной из своих книг Геродот вкладывает в уста Дария следующие слова:

¹ См.: Цыганков А. П. Политические режимы // Социально-политический журнал. 1996. № 1. С. 84—85.

«Если мы возьмем из трех предложенных нам на выбор форм правления каждую в ее самом совершенном виде, т. е. совершенную демократию, совершенную олигархию и совершенную монархию, то последняя, по-моему, заслуживает гораздо большего предпочтения. Ведь нет, кажется, ничего прекраснее правления одного наилучшего властелина. Он безупречно управляет народом, исходя из наилучших побуждений, и при такой власти лучше всего могут сохраняться в тайне решения, (направленные) против врагов. Напротив, в олигархии, если даже немногие (лучшие) и стараются приносить пользу обществу, то обычно между отдельными людьми возникают ожесточенные распри. Ведь каждый желает первенствовать и проводить (в жизнь) свои замыслы. Так у них начинается яростная вражда между собой, отчего проистекают смуты, а от смут — кровопролития. От кровопролитий же дело доходит до единовластия, из чего совершенно ясно, что этот последний образ правления наилучший. При демократии опять-таки пороки неизбежны, а лишь только низость и подлость проникают в общественные дела, то это не приводит к вражде среди поддых людей, а, напротив, (между ними) возникает крепкие дружественные связи. Ведь эти вредители общества обычно действуют заодно, устраивая заговоры. Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, и затем этот прославленный (вождь) быстро становится единодержавным властителем. Отсюда еще раз ясно, что единовластие — наилучший образ правления»¹.

В приведенном фрагменте изложено важное положение о существенных различиях между тремя формами политических режимов и высказаны мысли о ритме, последовательности смены режимов, чему большое внимание потом будет уделять Аристотель. Последний, развивая подходы Геродота, покажет, что формы правления рано или поздно приходят в упадок. Одни из них уступают свое место другим: монархия имеет тенденцию к превращению в аристократию или в феодальный строй; аристократия уступает место демократии, проходя стадию олигархии; демократия имеет тенденцию вырождаться в анархию, т. е. в хаос; порядок в таком случае восстанавливается с помощью деспотии или диктатуры. Когда диктатура уступает

место монархии, полностью завершается революция, и процесс начинается снова.

Как справедливо отмечает французский социолог К. Леклерк, Аристотель оказывается значительно ближе, чем Платон, к Геродоту своей нацеленностью на исследование географических, этнических, исторических, социологических и сравнительного права факторов. Широко известна формула Аристотеля, согласно которой «человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные»¹.

Аристотель стоял у истоков, как мы сказали бы сегодня, системного анализа политических режимов. В поле его зрения оказались не только режимы Греции, но и режимы мира «варваров». Вместе со своими учениками он описал, проанализировал и сопоставил более 150 конституций и проектов. К сожалению, до наших дней сохранилась только одна Афинская конституция. Она была опубликована в 1891 г. после того, как была найдена среди папирусов Британского музея.

Аристотель различает три основных вида политических режимов. Приведем важный в этом отношении фрагмент из «Политики»: «Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями»². И далее Аристотель пишет: «Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного — аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, — полития. И такое разграничение оказывается логически пра-

¹ Аристотель. Соч. Т. 4. С. 379.

² Там же. С. 457.

вильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства — дело уже трудное, хотя легче всего — в военной доблести, т. к. последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политике верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет»¹.

Как видим, критерием, на основе которого различаются три основных политических режима, является «общая польза». И это — «правильные режимы». К ним относятся монархия, аристократия и полиция, т. е. республика или конституционное правление.

«Отклонения от указанных устройств, — пишет далее Аристотель, — следующие: от царской власти — тирания, от аристократии — олигархия, от полиции — демократия. Тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия — выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет»².

Можно со всей определенностью утверждать, что и 24 столетия спустя этот подход не утратил своей правоты и актуальности.

Остановим свое внимание на феномене полиции, говоря иначе: республике или конституционному правлению. По терминологии Аристотеля, **полиция — это правильный режим, преследующий достижение общего блага.** Но это и «смешанный» режим, в котором одновременно функционируют демократические и олигархические институты, способные уравновешивать порочные воздействия друг друга. В политике, значит, сочетаются лучшие стороны олигархии и демократии. Это та «золотая середина», к которой стремится Аристотель.

Гражданами данного политического режима признаются лица, обладающие только средним достатком. Они участвуют в народном собрании, выбирают магистратов. В решении многих важных вопросов главная роль принадлежит магистратам, а не народному собранию.

Чистая форма полиции — редкость, ибо она требует сильного среднего класса, который преобладал бы над обеими крайностями (богатыми и бедными) или над одной из

¹ Аристотель. Соч. Т. 4. С. 457.

² Там же.

них так, чтобы противники строя оставались в меньшинстве. С этой точки зрения многие из развитых ныне демократических стран являются политиями, хотя и не чистыми. Об этом свидетельствует тот факт, что в этих странах общества нередко называют «обществами двух третей». Это и есть практическая реализация идеи Аристотеля о преобладании в социальной структуре общества, по принятой ныне терминологии, среднего класса.

Следует сказать, что понятие полиции перестали использовать еще в XVIII в. Одним из последних политических мыслителей, обращавшихся к понятию полиции, был крупный деятель Просвещения Ж.-Ж. Руссо. Однако он придавал этому понятию более широкий смысл, который на современном языке политической науки можно было бы выразить в понятии «политическое общество».

Немалый интерес представляет и понимание Аристотелем демократии, которую, как мы уже отмечали, он относил к числу «неправильных» режимов, стоящих в ряду с олигархией и тиранией. Однако античный мыслитель видит и существенные различия между демократией, с одной стороны, и олигархией и тиранией — с другой.

«То, чем различаются демократия и олигархия, — указывает он, — есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана — безразлично у меньшинства или большинства — на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. А тот признак, что в первом случае мы имеем дело с меньшинством, а во втором — с большинством, повторяю, есть признак случайный. Состоятельными являются немногие, а свободой пользуются все граждане; на этом же и другие основывают свои притязания на власть в государстве»¹.

Аристотель выделяет несколько типов демократии. В одних случаях все граждане, богатые и бедные, на равных основаниях участвуют в осуществлении верховной власти. В других — право занимать выборные должности связывается с невысоким имущественным цензом. Граждане, значит, не равны: одни участвуют в народном собрании и голосуют, другие — сверх того, могут занимать и высокие государственные должности. И наконец, худший вид демократии, когда народ правит, не опираясь на законы, т. е. возводя в закон каждое свое решение. В таком

¹ Аристотель. Соч. Т. 4. С. 459.

режиме неизбежно утверждается беззаконие, что роднит этот вид демократии с тиранией и олигархией.

Аристотель понимает, что демократия является устойчивой формой правления. Он одобрял, например, умеренную цензовую демократию, утвердившуюся в Греции времен Солона, который в начале VI в. до н. э. поделил всех граждан на четыре разряда в зависимости от состояния. Порядки же, установившиеся в Греции при Перикле и после него, он считал проявлением крайней демократии, не одобряя в данном случае уравнивательной справедливости.

Аристотель не приемлет демагогии, которая несет опасность для демократии.

«В тех демократических государствах, — утверждает Аристотель, — где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе... В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения»¹.

Как видим, демократия, в которой господствует демагогия, схожа с тиранией. Эта позиция Аристотеля является продолжением подходов Геродота и особенно Платона, для которых демократия была тождественна демагогии. Совсем иное дело — полития (республика), оказавшая большое влияние на Ш. Монтескье, видевшего в ней своеобразную пружину республики, режим, который основывается, как отмечалось, на правлении средних классов.

Аристотель как социолог совершенно определенно утверждает, что в зависимости от климата, населения, экономики, состава социальных классов, темперамента (подобный подход использует позднее Ш. Монтескье) каждое

общество создает такой политический режим, который ему более всего подходит. Политический режим, говоря иначе, должен соответствовать своему социальному основанию. Политический режим, который не адаптирован к менталитету населения, его социальному и даже природному основанию, несет в себе опасность извращения или порчи. В итоге он обречен на замену другим режимом.

Тройственную типологию политических режимов при опоре на число тех людей, что находятся у власти (один, определенное множество или большинство), вслед за Аристотелем предлагал и историк Полибий (ок. 203 — 120 до н. э.).

Полибий был греком. Элитный офицер Ахейской конфедерации, он был связан отношениями дружбы со многими известными римскими семьями и был принят римской элитой как друг. Вместе с римскими легионерами Полибий побывал в Ливии, Галлии, Корсике, Испании. Он присутствовал при разрушении Карфагена в Северной Африке. Восхищаясь своими «покровителями», Полибий решает написать на греческом языке свою «Историю», продолжая традицию Геродота. Однако его «История» посвящена победителю над греческими городами — Риму. Центром мира для Полибия (и это в целом отвечало сложившимся историческим реалиям) была Римская империя. Может быть поэтому Полибий был «своим» для римской элиты, которая не испытывала к нему того недоверия, которое в целом отличало отношение римлян к грекам, увлеченным идеями демократии и демагогии.

Величие Рима и формы правления

Огромное впечатление на Полибия произвел тот факт, что Рим всего за 53 года (223 — 168 до н. э.) сумел навязать свое господство почти всему обитаемому миру, который в те времена отождествлялся со Средиземноморьем. В первой книге своей «Истории» Полибий пишет о том, что римляне, захватив Средиземноморье в войне против Карфагена, полагали, что они преодолели решающий этап на пути к мировому господству. И он задается вопросом: «Как и благодаря какому правлению Римское государство смогло — что является беспрецедентным —

распространить свое господство почти на всю обитаемую землю, и это менее чем за 53 года»¹.

Уже упоминавшийся нами французский социолог К. Леклерк пытается применить вывод Полибия к современным реалиям. По его мнению, современным «Римом» является американская «империя» — США. А распад СССР он сравнивает с падением Карфагена. История, утверждает К. Леклерк, не получила ускорения. Она как бы воспроизвелась в почти идентичном варианте².

Оставим на совести К. Леклерка такую аналогию. Любая аналогия весьма условна. Однако нет никакого сомнения в том, что распад мировой социалистической системы и СССР знаменует собой завершение достаточно длительного и специфического периода развития истории. Крах догматического марксизма и его практики знаменует собой завершение очередного цикла истории Европы.

Своеобразным методологическим ключом Полибия в анализе исторического развития являются его слова: «История по-настоящему интересна и поучительна только тогда, когда она позволяет наблюдать совокупность событий в их взаимозависимости с учетом их сходства и различия»³.

Время лишь подтверждает правоту Полибия!

Полибий, будучи человеком действия и универсальным писателем, находился под большим влиянием произведений Платона и Аристотеля. Однако, в свою очередь, он оказал сильное влияние на Ш. Монтескье, который частенько его цитировал в своих произведениях.

О глубокой связи подходов Полибия и Платона, как и Аристотеля, свидетельствует следующее размышление латинизированного грека: «Примитивное, стихийное и естественное правление — это правление одного лица, из которого, после некоторого улучшения с помощью искусства, появляется монархия. Этот режим, вырождаясь, преобразуется в режим такой же природы — деспотию. Потом на руинах и того и другого устанавливается аристократия, которая, в соответствии с законом природы, вырождается в олигархию. Потом, когда разгневанный

¹ Polybe. Histoire. Livre I. P., 1970. P. 2–3.

² Leclercq C. Op. cit. P. 24–25.

³ Polybe. Op. cit. Livre VI. P. 471.

народ накажет руководителей за злоупотребление, рождается демократия. Наконец, с течением времени безмерной вольности и презрения к закону устанавливается в конце этого ряда охлократия»¹.

Термин «охлократия» в политической науке означает власть толпы, или популистское правление, что античные авторы определяли как демагогия и даже анархия.

Критикуя организацию власти в Афинах и отдавая должное римлянам в вопросе организации власти, Полибий достаточно пронизательно отмечал, что «афинский народ всегда напоминал экипаж судна, не имеющего капитана»².

Полибий отмечает превосходство политической системы Рима по сравнению с такой системой Греции. Это превосходство, по его мнению, связано с тем, что политическая система в Риме имеет смешанный характер, сочетая в себе черты монархии, аристократии и демократии в ее наилучшем и почетном смысле. Монархической политической системой Рима была потому, что она включала в свой состав институт консула, аристократической — в силу наличия сената, и демократической — т. к. в ней были представлены народные собрания — комиции³.

Полибий, характеризуя «смешанный» режим, пишет: «Все виды деятельности государства в каждой из областей их осуществления были организованы и отрегулированы под руководством этих трех властей, столь уравновешенных и столь разумных, что никто, ни один римский гражданин не мог бы сказать с уверенностью, является ли такая власть аристократической, демократической или монархической. И были основания для такой растерянности. Тому, кто все свое внимание сосредоточивал на власти консула, последняя казалась как полностью монархическая, со всеми присущими ей характеристиками. Тому, кто рассматривал власть сената, послед-

¹ Polybe. Op. cit. P. 471.

² Ibid. P. 508.

³ Комиции (лат. *comitia*) в Древнем Риме — народное собрание, которое избирало должностных лиц, принимавших законы, и решало вопросы войны и мира. Было три вида комиции — собрания по куриям; центуриатные комиции — собрания по центуриям; трибутные комиции — собрания всех граждан по территориальным округам (трибам). Комиции утратили свое значение к концу I в.

няя казалась как аристократическая. А если рассматривали власть народа, очевидным казалось, что речь шла бы о демократии»¹.

Полибий выявил и показал, что все эти власти действуют согласованно. Он пишет: «Таковыми являются средства, которыми располагает каждая из трех властей, чтобы противостоять друг другу или взаимно поддерживать друг друга. В силу этого в критических ситуациях превосходная согласованность утверждается между ними, и такая сильная, что мы не смогли бы найти лучшей системы правления... Когда одна из властей, надувшись от своей важности, стремится восторжествовать над другими и стремится присвоить себе больше власти, чем ей положено, очевидно, что ни одна из них не может довлеть над другими, а воля каждой из них может быть остановлена и парализована двумя другими, и никогда одна из властей не может покушаться на область полномочий других или говорить о другой власти с пренебрежением. Все остается на месте, т. к. все предусмотрено для того, чтобы обуздать непомерные амбиции и чтобы каждая власть опасалась реакции соседней власти»².

Такая постановка вопроса получит свое уточнение в работах Ш. Монтескье. А в современных условиях в демократических странах взаимодействие ветвей власти в основном строится в русле представлений Полибия.

Полибий является сторонником теории цикличности Аристотеля. Он, в частности, утверждает: «В том, что касается, особенно римской организации (власти. — В. Ж.), мы можем, следуя ее общей идее, понять, как она была организована и развивалась, как она достигла своей высшей степени совершенства и как она должна будет идти к упадку в будущем, т. к. в Риме более, чем где-либо, рождение и эволюция институтов осуществлялись естественным путем, а природе вещей присуще, чтобы после роста наступил период упадка»³.

Есть все основания утверждать, что Ш. Монтескье в определенном смысле руководствовался таким подходом, когда работал над своими «Размышлениями о причинах величия римлян и их упадка».

¹ Polybe. Op. cit. Livre V. P. 481.

² Ibid. P. 486–487.

³ Ibid. P. 470.

Немалый вклад в развитие научных представлений о политическом режиме внес и Марк Туллий Цицерон (106 — 43 до н. э.). В своих произведениях Цицерон исследует три традиционные формы правления и считает наилучшей формой правления «смешанную», в чем сказалось влияние Полибия. Но Цицерон испытывал и влияние Платона. Как по форме, так и по содержанию ряд его работ перекликается с работами Платона.

По многим вопросам позиция Цицерона близка к идеям Аристотеля и Полибия: «И вот когда верховная власть находится в руках одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство — царской властью. Когда она находится в руках выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов¹. Народной же (ведь ее так называют) является такая община, в которой все находится в руках народа»².

Цицерон принимает и развивает теорию циклов изменения и перемен в государстве. Цицерон — решительный сторонник «смешанной» формы правления, которая была бы «сплавлена из них всех, вместе взятых»³. А чуть далее он повторяет: «Я полагаю... наилучшим государственным устройством такое, которое, с соблюдением надлежащей меры, будучи составлено из трех видов власти — царской, власти оптиматов и народной...»⁴

Как видим, подобно Полибию, Цицерон рассматривает политический режим в Риме как смешанный.

Цицерон является противником демократии, которая для него является режимом отнюдь не свобод, а распушенности. С презрением и даже с отвращением говорит Цицерон о недостойной для него практике, когда неважно, кто может взять слово. Демократия для Цицерона является свидетельством испорченности мира, разрыва с традициями отцов и дедов. Не случайно в своем произведении о законах он пишет: «Я никогда не был сторонником народных институтов, и я верю, что лучшим государством является то,

¹ Оптиматы (лат. *optimates* — знатные) — идейно-политическое течение в Римской республике (кон. II–I в. до н. э.), отражавшее интересы нобилитета и противостоявшее популярам.

² *Cicero. De la Republique. P., 1963. P. 31; Мухаев П.Т. Политология: Хрестоматия. М., 2000. С. 31.*

³ Ibid. P. 33; *Мухаев П.Т. Указ. соч. С. 33.*

⁴ *Cicero. Op. cit. P. 61–62.*

где господствуют лучшие, как во времена консульства твоего брата»¹.

Цицерон осуждает и олигархическое правление, в котором устанавливается господство ограниченной группы лиц, не брезгающих никакими средствами в утверждении своего господства. Такое правление является в конечном счете несправедливым и угнетательским.

Цицерон полагал, что государство и власть в нем представляют собой выражение и форму защиты общего интереса (общей пользы) всех свободных членов общества, их правового общения между собой, естественного «общего правопорядка». Осуществление власти требует «равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий», предполагает сочетание науки и искусства. Властители должны быть мудрыми, справедливыми, воздержанными, красноречивыми, сведущими в делах, «владеть основами права» и следовать закону. Им необходимо не только обладать знаниями и добродетелями, но и уметь использовать их на практике для общего блага².

Считается, что Цицерон является защитником аристократической республики, и в этом он не расходится с Полибием. Заслугой Цицерона является то, что принципы, сформулированные Полибием, он адаптирует к новой социально-политической ситуации в стране.

Будучи проницательным мыслителем, Цицерон, как и Полибий и большинство греческих мыслителей, понимал, что формы правления приходят в упадок. Не является исключением и Римская республика, страстным защитником которой был Цицерон. Он предполагал, что и форма правления, сложившаяся в Риме, рано или поздно вступит в полосу кризиса. И что тогда? Прибегать к услугам диктатуры? Этого Цицерон не допускал. Он выдвинул формулу *princeps* — лица, «способного заботиться о достоинстве и интересах граждан, опекуна и защитника публичного начала». Такой политик будет действовать по требованию сената, а не кого-либо другого. В представлениях Цицерона идея аристократической республики подкрепляется участием народа в решении политических проблем. Позд-

¹ Ciceron. Des Lois. P., 1965. P. 199.

² См.: Гомеров И.Н. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000.

нее эта идея Цицерона будет взята на вооружение в период империи¹.

В течение длительного времени подходы, выработанные в отношении политического режима в Древней Греции и Древнем Риме, были определяющими в политической науке. Так, Жан-Жак Руссо (1712—1778) в своем творчестве опирался на подход мыслителей античного мира, рассматривая политический режим на основе оценки его по числу тех, кто правит, и трех форм его интерпретации как правильного или неправильного режима. При этом Ж.-Ж. Руссо исходил из того, что в тех случаях, когда правление сосредоточивается «в руках малого числа, так, чтобы было больше простых граждан, чем магистратов», то такая форма носит имя *аристократии*.

В тех случаях, когда соотношение между этими категориями является прямо противоположным, т. е. когда граждан-магистратов больше, чем «граждан — просто частных лиц», то такое правление называется *демократией*.

И здесь же Ж.-Ж. Руссо пишет: «Демократия может объявить весь народ либо охватить не более половины его. Аристократия, в свою очередь, может охватить от половины народа до неопределенно малого числа граждан. Даже королевская власть может быть подвержена известному разделению. В Спарте, по ее конституции, постоянно было два царя, а в Римской империи случалось, что бывало до восьми императоров одновременно, причем нельзя было сказать, что империя разделена»².

Ж.-Ж. Руссо, похоже, в некоторых случаях приближается к подходам, которые исповедовал Ш. Монтескье, и отделяется от нормативного подхода к политическому режиму: «Во все времена много спорили о том, которая из форм Правления наилучшая, — того не принимая во внимание, что каждая из них наилучшая в одних случаях и худшая в прочих... вообще говоря, демократическое Правление наиболее пригодно для малых Государств, аристократическое — для средних, а монархическое — для больших»³.

Однако не следует преувеличивать значение этого нюанса. Ж.-Ж. Руссо вовсе не стремится определить хо-

¹ См.: Желтов В.В. История политических идей. Кемерово, 2002. С. 67–71.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998. С. 253–254.

³ Там же. С. 254.

роший режим и отказать в праве на жизнь иных режимов. В этом проявляется, можно сказать, релятивизм в его подходе. Но это релятивизм частичный, т. к. каждый режим может иметь разные типы государства, которые могут быть и хорошими, и плохими. Вслед за Аристотелем Ж.-Ж. Руссо различает шесть форм правления.

Формы правления	Правит один	Правят несколько	Правят все или большинство
Правильная форма	Царская власть	Аристократия	Демократия
Неправильная форма	Тирания	Олигархия	Охлократия

Однако вопрос неправильных форм режимов вызывает у Руссо чувство пессимизма. Он их рассматривает с позиций детерминизма, когда пытается стремиться осмыслить и объяснить тенденцию вырождения политических режимов на основе торжества частной воли правителей над общей волей, триумфа частных интересов над интересами публичными.

Релятивизм Ж.-Ж. Руссо является относительным. Вопрос политического режима для него не сводится к пониманию, описанию или классификации. Куда важнее для него дать оценку реальным процессам, когда он заявляет: «Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собой демократически. Но Правление столь совершенное не подходит людям»¹.

8.2. Шарль Монтескье и современная юридическая типология политических режимов

Шарль Монтескье (1689 — 1755) исповедует при оценке политических режимов двойной подход, который состоит из их классификации и оценки. Однако в своей основной работе «О духе законов» (1748) он рассматривает различия между политическими режимами на основе критерия числа обладателей власти. И это вписывает такой подход в сложившуюся со времен Древней Греции философскую традицию. Однако в отличие от своих предшественников указанный критерий носит у Монтескье второстепенный характер. При анализе политических режимов он использует новый

элемент: оценку режимов с позиций хороших или умеренных правлений и правлений, которые таковыми (хорошими или умеренными) не являются. Понятно, что во втором случае политические режимы являют собой, по Ш. Монтескье, ту или иную разновидность деспотизма. Умеренность правления определяется и гарантируется, согласно представлениям Ш. Монтескье, существованием посреднических корпусов между сувереном и народом (знать, парламенты и т. д.), с одной стороны, а с другой — существованием законов, которые гарантируют свободу субъектам.

При характеристике форм правления Монтескье пользовался двумя понятиями: природа правления и принцип правления. **Природа правления** — это отношение между правителями и управляемыми, определяемые в основном тем, кому принадлежит власть. Под **принципом правления** Монтескье понимал те человеческие страсти, которые двигают им. Эту категорию он называет также «душой», «пружиной государства». **Принцип правления вытекает из его природы.**

При демократии «верховная власть принадлежит всему народу». В этом ее природа. «Народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях — подданным».

Политическая добродетель

Принцип демократии — **политическая добродетель.**

Что понимает Ш. Монтескье под добродетелью? Добродетель определена Платоном в его диалоге «О добродетели»: «Добродетели не обучаются и не получают ее от природы, но она бывает присуща тем, кто ею владеет по божественному уделу»¹.

Римский поэт, член кружка Сципиона Африканского Младшего² Луцилий Гай (ок. 180 — 102 до н. э.) определял добродетель следующим образом: «Добродетель представляет собой для человека знание того, что является правдивым, полезным, честным, знание того, что является

¹ Платон. Диалоги. С. 358.

² Сципион Африканский Младший (ок. 185—129 до н. э.) — римский полководец. В 146 г. захватил и разрушил Карфаген, завершив Третью Пуническую войну. Римское предание изображает его ревностным поклонником эллинской культуры, приверженцем староримских нравов.

хорошим, как и того, что является плохим, а значит, бесполезным, постыдным и нечестным... Быть добродетельным означает ставить на передний план в своем сердце интересы Родины, затем интересы родителей и, наконец и в последнюю очередь, свои собственные интересы»¹ (выделено нами. — В. Ж., М. Ж.).

Сам же Монтескье определяет добродетель следующим образом: «Эту добродетель можно определить как любовь к законам и к отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою не что иное, как это предпочтение»².

К добродетели взывали не только в античном мире. Это понятие использовали, например, революционеры во Франции в конце XVIII в. Приведем высказывание Сен-Жюста: «Принципом республиканского правительства является добродетель, в противном случае — террор. Чего хотят те, кто не желает ни добродетели, ни террора?»³

Что получилось из такого подхода, известно. Французская революция, стремясь построить историю на принципе абсолютной чистоты, говоря словами А. Камю, лауреата Нобелевской премии по литературе, «установила принцип постоянных репрессий»⁴.

Все дело в том, что **добродетель — это не слова, а действие**. Как тут не вспомнить слова Цицерона о том, что достоинство добродетели заключено в действии.

«За якобинской революцией, пытавшейся установить религию добродетели, чтобы на ней основывать единство, — пишет А. Камю, — последуют циничные революции, которые, будь они правыми или левыми, попытаются достичь единства мира, чтобы основать, наконец, религию человека. Все то, что было Богово, отныне будет отдано Кесарю»⁵.

¹ Chevalier J. Op. cit. P. 409.

² Монтескье Ш. Указ. соч. С. 191.

³ Цит. по: Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 72.

⁴ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 212–213.

⁵ Там же. С. 220.

Природа и принципы правления

Природа аристократии состоит в том, что верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица выделяются из народа в силу своей знатности, богатства или иных преимуществ. Монтескье отмечал, что аристократия устанавливает «самые прискорбные различия между людьми».

Принцип этого правления — умеренность, которая удерживает аристократию от произвола, побуждает ее действовать в соответствии с законами страны, позволяет народу забыть о своем бесправии и тем самым сохраняется стабильность данного строя.

Природа монархии в том, что верховная власть вручается одному лицу, соблюдающему основные законы государства. Монархию отличает умеренное правление. Ее основные законы наделают сословия (дворянство, духовенство, горожан) правами, которые монарх не может нарушать или отменять. «Уничтожьте в монархии прерогативы сеньоров, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое».

Принцип монархии — честь. И монарх, и подданные готовы поставить личные интересы выше общественных, но только честь «связывает их, и каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела, стремится к общему благу». Неудивительно, что, в отличие от Аристотеля, Монтескье считает, что демократия и аристократия представляют собой две разновидности одного и того же режима, который он называет «республика».

Антиподом республик и монархий является деспотия. Для **природы деспотии** характерно отсутствие политико-правовых отношений между правителями и управляемыми; они подменяются отношениями между господином и рабами.

Принцип деспотического правления — страх.

«Для деспотического правительства, — утверждает Ш. Монтескье, — нужен страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы без него опасна»¹.

Люди «побуждаются к деятельности лишь надеждой на увеличение своих житейских удобств». Подданных воспитывают в духе рабской покорности. Нагнетая атмосферу страха и террора, правитель подавляет волю к борьбе

¹ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 185.

против произвола. Однако «человеческая природа будет постоянно возмущаться против деспотического правления». В деспотиях закономерны революции.

Чем различаются, по Монтескье, умеренные и неумеренные формы правления? В умеренных формах правления, к которым относятся демократия, аристократия и монархия, отношения между правительствами и гражданами осуществляются в правовой форме, а государственная власть разделена и распределена между различными социальными силами, учреждениями и должностными лицами, которые осуществляют взаимный контроль и сдерживают друг друга от злоупотреблений и нарушения законов. В неумеренных формах правления (деспотия) государственная власть осуществляется произвольно, и она чаще всего концентрируется в одном лице, органе или сословии¹.

Вторая часть книги «О духе законов» посвящена рассмотрению влияния природных и физических факторов, среди которых Монтескье выделяет климат и территорию, анализируя их влияние на жизнь народа, нравы, а также институты.

Третья часть посвящена анализу влияния социальных факторов, торговли, денег, религии на нравы, обычаи и законы.

Причины политических различий

Анализируя различные формы правления и их «дух», Монтескье указывает на **совокупность внешних причин, оказывающих свое воздействие на политическую область и объясняющих разнообразие форм правления**. От анализа политического поля Монтескье всякий раз переходит к осмыслению более широкого социального поля. Вслед за Ш. Монтескье можно выделить четыре группы причин, влияющих на область политики:

- географические причины: климат, почва и размеры территории;
- демографические причины: число жителей;
- экономические причины: организация труда и обменов;
- культурные причины: верования и религии.

¹ См.: История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. О.В. Мартышина. М., 2004. С. 195.

Такой подход отличает широта взгляда, которая не имела себе равных в XVIII в. С позиций сегодняшнего знания, некоторые из объяснений Ш. Монтескье могут вызывать лишь ироническую улыбку, что в полной мере можно отнести, например, к его теории климата, над которой, кстати сказать, подтрунивал в свое время еще Вольтер. Однако невозможно отрицать того факта, что автор книги «О духе законов» стремился включить жизненные реалии в каузальное (причинное) взаимодействие. Р. Арон, например, выявил неожиданное присутствие климатического объяснения рабства (детерминированность которого может шокировать) и социального объяснения (законы, «плохо сделанные» людьми). Каузальный анализ, конечно же, очень диверсифицирован: Л. Альтюссер, весьма благосклонно относящийся к детерминированному аспекту мысли Ш. Монтескье, в то же время подчеркивает, что эти причины действуют не прямо.

Как отмечает французский социолог Рене Револь, каузальный анализ автора «О духе законов» носит, скорее, вероятностный, чем детерминистский характер: совокупность причин вписана в систему взаимодействия, которая делает возможным существование того или иного режима, а действия людей конкретным и дифференцированным образом моделируют историческую реальность. Кроме того, причины никогда не действуют неизменным образом. Например, в доисторических, или примитивных, обществах воздействие демографии и географии является первичным и оказывающим значительное влияние на поведение людей и институты. И наоборот, в цивилизованных обществах воздействие этих же причин оказывается ограниченным¹.

Специальная книга (XIX) дает характеристику общего духа нации. Эта книга является своеобразным мостом, связывающим первую и две другие части. Один из крупных французских политологов и социологов XX в. А. Зигфрид, опираясь на наследие Ш. Монтескье, написал одну из лучших своих работ, озаглавленную «Душа народов», где показал латинский реализм, французскую изобретательность, английскую выдержку, немецкую дисциплину, русский мистицизм и американский динамизм. По поводу американцев он писал: «Соединенные

¹ См.: Histoire de la pensée sociologique. P. 11–12.

Штаты являются в настоящее время высшими гарантиями западной цивилизации, к которой они, как и мы сами, принадлежим»¹.

И он добавлял: «Но классическая традиция не перешла в новый мир: эта традиция, университетская и книжная, не стала там живым принципом. Критический дух рискует зачухнуть вместе с ней. Конформизм стал в Америке общей позицией, отвечающей инстинктивным тенденциям режима, который все больше и больше основывается на организации... Что-то новое рождается там: страна будет западной, но Запад не будет более нашим»².

Общая теория закона

Идейным стержнем, вокруг которого концентрировались узловые проблемы творчества Ш. Монтескье, было его правопонимание. Он первым стал разрабатывать систему правовых взглядов, светских по своему характеру и имеющих в своей основе идеалы Просвещения. Монтескье противопоставляет феодальному произволу естественное право. Он видел в нем общечеловеческую ценность. Цель естественного права заключена в свободе, равенстве, безопасности и счастье всех людей.

Ш. Монтескье хорошо понимал, что естественная свобода существует только в дообщественном состоянии; как и равенство, она «предмет заботы дикарей» и обеспечивается установившимися правами и обычаями. Однако на смену дообщественному состоянию приходит общество в силу естественного желания людей жить в коллективе. В обществе люди утрачивают естественную свободу и равенство, между ними начинаются войны, раздоры, борьба за власть, за общественные блага и т. д. Чтобы положить конец войнам и раздорам, люди вынуждены принимать законы, регулирующие отношения между ними, и учреждать государство для управления обществом. Законы в государстве восстанавливают свободу и равенство.

Нужно сказать, что Ш. Монтескье рассматривал законы государства не как продукт произвольной деятельности законодателей, не как простую проекцию есте-

¹ Siegfriede A. L'Âme des Peuples. P., 1950. P. 218.

² Ibid. P. 219–220.

ственных законов, вытекающих из разумной и вечной природы человека, а как результат закономерного воздействия факторов общественного развития на правотворческий процесс. Раскрывая понятие «общего духа» законов, Ш. Монтескье утверждает: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа.

Чем больше усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих. Над дикарями властвуют почти исключительно природа и климат, китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам, над Лакедемоном в былое время господствовали нравы, принципы правления и старины господствовали в Риме»¹.

Монтескье различает физические и моральные факторы. К первым относятся климатические и природные условия на территории. Моральные факторы коренятся в общем духе нации и в религии. **Общий дух нации**, как считает Ш. Монтескье, является результатом совокупности физических, социальных и моральных факторов. Он указывает, что в ходе исторического развития по силе воздействия в некоторых странах могут господствовать какие-то одни группы факторов. Так, он считает, что во Франции и в Англии моральные факторы играют большую роль, чем физические (климат и территория). Иначе было в примитивных, или архаических, обществах, где физические факторы господствовали.

Разделение властей

Славу и всемирное признание Ш. Монтескье принес изложенный им принцип разделения властей. В своей работе «О духе законов» он его представляет следующим образом: «В каждом государстве имеется три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского.

В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он

¹ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 412.

объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц. Последнюю власть можно назвать судебной, а вторую — просто исполнительной властью государства.

Для граждан политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина.

Если власти законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, т. к. можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их.

Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем.

Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц.

В большинстве европейских государств установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми властями, предоставляют своим поданным отправление третьей.

У турок, где эти три власти соединены в лице султана, царствует ужасающий деспотизм»¹.

Нужно сказать, что принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную встречается у Аристотеля, а позднее у Д. Локка. Но подход Ш. Монтескье отличается от подхода его предшественников: у него исполнительная и судебная власти подчинены законодательной. В этом находит свое прямое выражение

суверенитет. Принцип разделения властей означает, что законодательная власть не должна осуществлять законы, которые она принимает, и тем более не должна в судебном порядке принуждать их исполнять.

Однако эти власти не должны действовать и вне зависимости друг от друга. Они должны быть своеобразными противовесами, должны воздействовать друг на друга, а не только контролировать друг друга.

Что это означает на практике? Обладатель исполнительной власти, например король, будет определенным образом участвовать в осуществлении законодательной власти, что позволит ему иногда приостанавливать ее решения и/или противостоять ей. Отсюда вытекает право на законодательное вето, или законодательную санкцию (закон тогда совершенен, когда получает одобрение короля). Подобным же образом судебная власть должна иметь возможность осуществлять контроль над исполнительной и законодательной властями для того, чтобы ограничивать их возможную экспансию, всегда представляющую опасность для основных прав и интересов индивидов.

Как считает Ш. Монтескье, способность той или иной власти выносить решения должна быть одновременно смягчена способностью двух других властей мешать указанной власти. Каждый из двух основных видов власти (законодательная и исполнительная) является обладателем обеих указанных выше способностей, т. е. способности выносить решения в границах своей компетенции и способности мешать в вопросах компетенции другого вида власти.

«Под правом постановлять я разумею право приказывать самому или исправлять то, что было приказано другим. Под правом отменять я разумею право обратиться в ничто решение, вынесенное кем-либо другим»¹.

Монтескье полагал, что наилучшим законодательным органом является двухпалатный парламент. Это позволит палатам сдерживать друг друга и работать в согласовании как между собой, так и с исполнительной властью.

А что же судебная власть? Ее предназначение — выносить решения по действиям как исполнительной, так и

законодательной властей. Наиболее полно это требование нашло свое выражение в организации власти в США, где судебная власть не только осуществляет усмотрение за исполнением законов, но и контролирует конституционность принимаемых законов и регламентов. Подобная практика утвердилась в послевоенные годы во многих странах Европы. Сделаны первые шаги в этом направлении и в России.

Духом и буквой взглядов Ш. Монтескье проникнута Конституция США, провозгласившая принцип разделения властей в качестве основного принципа своей государственной организации. Еще в 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина французскими революционерами четко было записано положение о том, что «общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет конституции» (ст. 16).

Принцип разделения властей лежит в основании многих конституций демократических стран. В этом же направлении идет государственное строительство и в России. Так, в ст. 10 Конституции, принятой на референдуме 1993 г., записано: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной властей самостоятельны».

Вместе с тем разделение властей для Монтескье не только разграничение полномочий между органами власти, не только политическое разделение труда в государстве, но и **соотношение социальных сил в обществе.**

Будучи вдумчивым и наблюдательным человеком, Ш. Монтескье видел, что в обществе идет постоянная борьба за власть между различными сословиями, что угрожает свободе и безопасности граждан, может вести к перерождению государственных форм и даже гибели государства. Для того чтобы придать формам управления большую стабильность, обеспечить политическую свободу всем социальным слоям, Монтескье предложил провести **разделение власти между различными социальными силами.** Он не видел политической свободы там, где разделение власти проведено только как конституционное разграничение функций государственных органов, тогда как все основные должности в них занимают лица одного и того же сословия.

«Так, в Венеции Большой совет обладает законодательной властью, прегадия — исполнительной, а квантарии — судебной. Но дурно то, что все эти трибуналы состоят из должностных лиц одного и того же сословия, вследствие чего они представляют собой, в сущности, одну и ту же власть»¹.

Чем не тонкое и точное наблюдение настоящего социолога и политолога!

Большим методологическим достижением Монтескье стало применение принципов историзма и сравнительного анализа при изучении правовых явлений. Это существенно отличало учение Монтескье от других естественно-правовых концепций, выводивших право из абстрактно понятой природы человека, неизменной и вечной. Ш. Монтескье отчетливо понимал, что законы государства в конечном счете являются результатом закономерного воздействия факторов общественного развития на правотворческий процесс. Это, как мы уже и отмечали, он называл «духом законов». А это значит, что концепции права, по Монтескье, присущ подлинный социологический подход, при котором право непосредственно испытывает на себе влияние истории и социальной действительности.

Сущностью политической философии Ш. Монтескье является, как известно, либерализм, о котором позднее прекрасно сказал французский политический мыслитель Р. Арон (1905—1983): «Цель политического порядка состоит в том, чтобы обеспечить умеренность власти при помощи равновесия властей, равновесия народа, знати и короля во французской или английской монархии, равновесия народа и привилегированных лиц из числа плебса и патрициев в Римской республике. Это — разные примеры одной и той же фундаментальной концепции гетерогенного и иерархического общества, где умеренность власти требует равновесия властей»².

Монтескье оказал существенное влияние на процесс государственного строительства в США. Его произведение «О духе законов» там было известно уже в 1755 г. и вызывало страстные дискуссии. Сторонниками позиций и взглядов Ш. Монтескье были Вашингтон, Мэдисон, Га-

¹ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 291.

² Aron R. Les étapes de la pensée sociologique. P., 1967. P. 63.

мильтон, Рэндольф, Франклин и другие крупные политики и мыслители, сыгравшие немалую роль в принятии американской конституции, которая насквозь пронизана «духом законов». Исторически получилось так, что Ш. Монтескье стал первым, а может быть, и единственным политическим мыслителем, который смог оказать столь значительное влияние на формирование политической системы страны, которая в наши дни является не только самой могущественной, но и едва ли не самой демократической страной на планете.

8.3. Различия политических режимов

Если рассматривать численность управляющих или обладателей суверенитета в качестве переменной, определяющей политические реалии, то это означает признание того, что эта переменная «по-настоящему» влияет на саму природу политической власти, на то, как она осуществляется. В таком подходе в зависимости от того, «один» ли, «несколько» ли лиц или «большинство» правят, формируются те или иные условия политической жизни индивидов или субъектов, а также определяется смысл и природа политических отношений.

Подобным же образом квалификация политических режимов или хорошими, или плохими означает, что их оценка производится не на основе тех целей и результатов движения к ним под началом правителей или суверенов, а на основе веры в то, что правители или суверены руководствуются в своей деятельности общими интересами, а не обманывают своих подданных или сограждан.

Такая постановка вопроса предполагает хотя бы минимум реализма в оценке как природы политического режима, так и тех, кто в данном режиме занимает ключевые политические позиции.

Разрыв, осуществленный Н. Макиавелли

Как известно, начало утверждению реализма в политике было положено выдающимся политическим мыслителем Никколо Макиавелли (1469 – 1527). На первый взгляд может показаться, что он полностью разделяет классификацию политических режимов на основе чис-

ла лиц, находящихся у власти, которая была создана его предшественниками, и прежде всего Аристотелем. Н. Макиавелли также заимствовал у Полибия идею циклического развития политических режимов. Н. Макиавелли как бы предвосхищает пессимизм Ж.-Ж. Руссо, когда он утверждает: «...ибо где разврат всеобщий, там нельзя обуздать его никакими законами и учреждениями. Очевидно, что как добрые обычаи нуждаются для своего поддержания в законах, так и законы для их соблюдения нуждаются в добрых обычаях»¹.

В этой же работе Н. Макиавелли мы находим весьма глубокое замечание, связанное с его пониманием политических режимов: «Итак, желая рассмотреть, как-бы были учреждения города Рима и какие условия привели его к совершенству, я замечу, как все писавшие о республиках, что есть три рода правительств, а именно — монархия, аристократия и народное правление; из этих трех видов правления должны какое-нибудь выбрать те, кому приходится устраивать правление в городе, отдавая предпочтение тому, которое покажется для них удобнее. Иные, и притом, по мнению многих, более мудрые, думают, будто видов правления шесть, из которых три плохи во всех отношениях, а три другие сами по себе хороши, но т. к. их трудно поддерживать, то и они также становятся пагубными. Хороши три, уже названных нами; три другие вытекают из них и плохи; и каждый из них так похож на соответствующий ему хороший, что они легко переходят один в другой: монархия легче обращается в тиранию, аристократия часто переходит в правление небольшого меньшинства (олигархия), народное правление без труда превращается в совершенную распушенность. Таким образом, законодатель, учреждающий в городе одно из этих трех правлений, водворяет его ненадолго; потому что у него нет средства предупредить переход из хорошего в плохое, т. к. здесь добро и зло слишком близки друг другу»².

Н. Макиавелли решительно порывает с философским подходом к политике, который до него был при-

¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь: Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: Сборник. Минск, 1998. С. 179.

² Там же. С. 134.

сущ многим мыслителям. Этот разрыв строится на радикальном преобразовании отношений между политикой и моралью (и религией). Выводя политику (ее средства и цели) за рамки требований морали и религии, Н. Макиавелли отказывается от нормативных категорий добра и зла. Зло не подлежит более осуждению в себе самом. Оно может быть полезным и даже необходимым для политики. В таком подходе, который берет начало в наследии Н. Макиавелли, меняется и само отношение к морали. Об этом весьма красноречиво писал известный американский мыслитель Лео Штраус: «Мораль возможна только внутри контекста, который не может быть создан ею, ибо мораль не может создавать саму себя. Контекст, внутри которого она возможна, создается аморальностью. Мораль покоится на аморальности, справедливость на несправедливости, так же как и вся законность держится в конечном счете на революционных основаниях»¹.

Политика как стратегическое искусство, не подчиненное этике

В полном соответствии с такой оценкой роли морали Н. Макиавелли концентрирует внимание на особенных качествах государя, которые подкрепляются силой оружия, политическими способностями и даже актами, по своей сути близкими к бандитизму.

Государь Макиавелли является реалистом. Он принимает людей такими, какие они есть, учитывая, в частности, то, что они нередко руководствуются отнюдь не добрыми намерениями. Автор «Государя» не приемлет идею о том, что человек стремится только к счастью. Макиавелли полагает, что человек руководствуется в своей жизни вовсе не идеей счастья. Куда важнее для него совсем иное — **страсть и борьба**. И в этой борьбе перво-степенное значение приобретает искусство управлять людьми и даже «удерживать людей» в рамках ведущейся в обществе политической игры. В итоге получается так, что **политическая игра представляет собой своеобразное поле сражения, где действует логика силы, напоминающая военное искусство**. Императивы политического

искусства государя, которыми он должен пользоваться, предполагают отказ от безусловного подчинения естественному закону, а политика должна осмысливаться как радикально автономная по отношению к правилам традиционной этики¹.

Обратимся к тому, что пишет Н. Макиавелли: «Существуют два способа действия для достижения целей: путь закона и путь насилия; первый способ — способ человеческий, второй — способ диких животных; но т. к. первый способ не всегда удается, то люди прибегают иногда и ко второму. Государи должны уметь пользоваться обоими способами. Эта мысль выражена аллегорически у многих древних писателей: Ахиллес и многие другие правители и герои древности воспитывались, по их словам, у кентавра Хирона, наблюдавшего за их действиями. Мысль этого мифа ясна: учитель — получеловек и полузверь — показывает, что государи должны развивать в себе как человеческую, так и животную сторону, без чего власть их не может быть прочной. Государь, действуя грубой силой, подобно животным, должен соединять в себе качества льва и лисицы. Обладая качествами только льва, он не сумеет быть осторожным и избежать западни, которую ему поставят; будучи же только лисицей, он не сумеет защищаться от врагов, так что для избежания сетей и возможности победы над врагами государи должны быть и львами, и лисицами. Те, кто захочет красоваться в одной только львиной роли, выкажут этим только крайнюю свою неумелость.

Предусмотрительный государь не должен, следовательно, исполнять своих обещаний и обязательств, если такое исполнение будет для него вредно, и все мотивы, вынудившие его обещание, устранены. Конечно, если бы все люди были честны, подобный совет можно было бы считать за безнравственный, но т. к. люди обыкновенно не отличаются честностью и подданные относительно государей не особенно заботятся о выполнении своих обещаний, то и государям по отношению к ним не для чего быть особенно щепетильными. Для государей же нетрудно каждое свое клятвопреступление прикрывать благовидными предложениями. В доказательство этого можно привести бесчисленные примеры из современной истории, можно указать на множество мирных трактатов и согла-

¹ Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 38.

¹ См.: Farago F. Op. cit. P. 33.

шений всякого рода, нарушенных государями или оставшихся мертвой буквой ввиду неисполнения их. При этом станет очевидно, что в больших барышах оставались те государи, которые лучше умели подражать своими действиями лисицам. Необходимо, однако же, последний способ действия хорошо скрывать под личиной честности: государи должны обладать великим искусством притворства и одурачивания, потому что люди бывают обыкновенно до того слепы и заняты своими насущными потребностями, что человек, умеющий хорошо лгать, всегда найдет достаточно легковверных людей, охотно поддающихся обману»¹.

«Добродетель» государя по Макиавелли

Государь, по Макиавелли, должен быть хитрым и скрытным. Он не может полностью доверять своим подданным. Их следует опасаться, ибо правитель окружен врагами, внутренними и внешними. Он не может никому доверять и вынужден использовать насилие и коварство. Государь должен быть равнодушен к добру и злу.

Н. Макиавелли прямо отвечает на вопрос: на чем должны строиться отношения государя с населением, на любви подданных к правителю или на страхе? «Что для правителя полезнее, — вопрошает Н. Макиавелли, — чтобы его любили или чтобы его боялись?»

«Я нахожу, что желательнее было бы, — утверждает автор "Государя", — чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но т. к. осуществить это трудно и государям обыкновенно приходится выбирать, то в целях личной их выгоды замечу, что полезнее держать подданных в страхе. Люди, вообще говоря, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны; если государи осыпают их благодеяниями, они высказывают приверженность к ним до самоотвержения и, как я уже выше говорил, если опасность далека, предлагают им свою кровь, средства и жизнь свою, и детей своих, но едва наступает опасность — бывают недалеко от измены. Государь, слишком доверяющий подобным обещаниям и не принимающий никаких мер для своей личной безопас-

ности, обыкновенно погибает, потому что привязанность подданных, купленная подачками, а не величием и благородством души, хотя и легко приобретает, но обладание ею непрочно, и в минуты необходимости на нее нельзя полагаться. Кроме того, люди скорее бывают готовы оскорблять тех, кого любят, чем тех, кого боятся; любовь обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности, и люди, вообще злые, пользуются первым предложением, чтобы ради личного интереса изменить ей; боязнь же основывается на страхе наказания, никогда не оставляющем человека»¹.

Как же в этой ситуации вести себя государю? Ответ Н. Макиавелли не сложен: «Заставляя бояться себя, государи должны, однако, стараться не возбудить против себя ненависти. Внушать страх, не возбуждая ненависти, для них очень выгодно; достигнуть же этого весьма нетрудно, если только государь не будет нарушать имущественных и личных прав своих подданных и не будет посягать на их честь и на честь их жен и дочерей»².

«Государи должны, — утверждает Н. Макиавелли, — усиленно заботиться о том, чтобы каждая фраза, исходящая из их уст, представлялась продиктованной совместными всеми пятью перечисленными мною качествами, чтобы слушающему ее особа государя представлялась самой истиной, самым милосердием, самым человеколюбием, самой искренностью и самым благочестием. Особенно важно для государей притворяться благочестивыми; в этом случае люди, судящие по большей части только по одной внешности, т. к. способность глубокого обсуждения дана немногим, — легко обманываются. Личина для государей необходима, т. к. большинство судит о них по тому, чем они кажутся, и только весьма немногие бывают в состоянии отличить кажущееся от действительного; и если даже эти немногие поймут настоящие качества государей, они не дерзнут высказать свое мнение, противное мнению большинства, да и побоятся посягнуть этим на достоинство верховной власти, представляемой государем. Кроме того, поскольку действия государей неподсудны трибуналам, то подлежат обсуждению одни только результаты действий, а не сами действия. Если

¹ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 82.

² Там же.

государь сумеет только сохранить свою жизнь и власть, то все средства, какие бы он ни употреблял для этого, будут считаться честными и похвальными»¹.

Какие же средства нужно использовать для достижения желанного для государя результата? Все зависит от обстоятельств. Макиавелли дает государю индульгенцию на нарушение нравственных заповедей: **следует казаться хорошим, но не бояться быть плохим**. К. Леклерк приводит следующий фрагмент из письма Н. Макиавелли П. Садерини: «Новый победитель может добиться авторитета при помощи жестокости, предательства и безжалостности в той стране, где человечность, верность своему слову и набожность давно уже не в чести; подобного же результата человек может добиться при помощи доброты, верности своему слову и набожности в такой стране, где жестокость, предательство и безжалостность утвердились давно»².

В этом фрагменте весь Макиавелли с его двойственностью, с его убежденностью в том, что цель оправдывает средства. И достоинства, и пороки государя, согласно Н. Макиавелли, должны быть подчинены единой цели — построить, укрепить и расширить государство.

Показательны в этом отношении комментарии Н. Макиавелли к вопросу об образовании Рима: «...многие считают дурным примером, что основатель гражданского общества, каким был Ромул, начал с убийства своего брата, а потом согласился на смерть Тита Тация Сабина, избранного ему в соправители; полагают, что, следуя примеру, поданному государем, граждане могут из честолюбия и властолюбия губить всех, кто будет противиться их власти. Мнение это было бы справедливо, если бы мы не видели цели, побудившей Ромула совершить это убийство. Надо признать за общее правило, что никогда или почти никогда ни одна республика и ни одно царство не было хорошо устроено или преобразовано вновь на прежних своих основаниях, от которых отклонялось, если основателями его не было одно лицо; необходимо, чтобы воля одного давала государству его порядок и чтобы единственный ум распорядился всеми его учреждениями. Вот почему мудрый учредитель республики, одушевленный

¹ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 86–87.

² Leclercq C. Op. cit. P. 50.

одним желанием служить не лично себе, а общественной пользе, заботящийся не о наследниках своих, а об общем отечестве, должен всеми силами стараться достигнуть единовластия; ни один умный человек не будет упрекать его, если при устройении государства или при учреждении республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам. Пусть обвиняют его поступки, лишь бы оправдывали результаты их, и он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хорошими, как результаты поступков Ромула... Из этого следует, что Ромул заслуживает извинения в убийстве брата и соправителя и что он поступил таким образом не из личного честолюбия, а для общего блага...»¹

Именно государственные интересы оправдывают приращение любых средств, особенно насилия, которое лишено всякой видимой добродетели, являющейся для народа неким призраком. Тем более что «хороший народ» может быть всегда обманут, что не имеет никакого значения для Макиавелли. **Единственно, с чем нужно считаться, — с необходимостью добиваться желаемого результата**. Таким результатом для Макиавелли являлось построение итальянского государства на «выходе» страны из феодализма.

Нужно сказать, что понятия «**государственные интересы**» нет в наследии Н. Макиавелли, зато оно позднее встречается у его последователей. Оно стало, в известном смысле, отождествляться с публичным или общим благом, и его определяли в Риме как **правило поведения в период опасности и чрезвычайных ситуаций**. Теория государства, по Макиавелли, основывается на идее сохранения и увеличения власти государства в интересах прежде всего удовлетворения желания господства государя.

Отделяя вопрос используемых властью средств от оценки политического действия, Н. Макиавелли стирает и классическое различие между справедливым государем и тираном, между легитимным государем и узурпатором власти, а также между республикой, монархией и тиранией. Это связано с тем, что в своей глубинной основе различные режимы мало чем отличаются. Методы, которые используются при тирании, присутствуют во всех режимах, правда в разной степени. Угнетение, преступления,

¹ Макиавелли Н. Государь... С. 155–156.

предательства и жестокость присущи политике, и не существует настоящего отличия между «наилучшей» республикой или монархией и «чистой» тиранией.

Заслугой Н. Макиавелли является то, что он первым применил термин «государство» (по-итальянски «*stato*») для определения политически организованного общества. Этот термин более широк, абстрактен, следовательно, и более точен, чем полис; он позволяет отличать его от страны, общества, институтов власти, лица или органа, которому принадлежит верховная власть, и т. п. Слово «государство» вошло во все языки, что говорит о его необходимости и точности. Есть мнение и о том, что Н. Макиавелли впервые употребил слово «республика» в его современном понимании как государственную форму, противоположную монархии. Как мы уже отмечали, со времен Античности, говоря о формах государства, пользовались терминами «монархия», «аристократия», «демократия». Н. Макиавелли первым дал родовое название для демократии и аристократии — республика.

■ 8.4. Марксизм и политический режим

Марксистский анализ политики является примером отхода от понятия «политический режим». Марксизм не отрицает существования различий между формами правления. Однако, выдвигая на передний план в своей оценке политики вопросы эксплуатации одного класса другим и политического господства буржуазии, марксисты недооценивают различия между формами правления. Более того, они как бы утрачивают свое истинное значение. А потому и понятие политического режима не вызывает настоящего интереса для марксистов.

В таком подходе социальная и политическая реальность рассматривается глобально, через призму политического господства, истоки и логика которого берут начало в экономике и в деятельности власти по сохранению этого господства, для чего активно используются политические, культурные, религиозные, идеологические и т. д. элементы суперструктуры. Согласно марксистским представлениям, политика является инструментом господства буржуазии. Различия или изменения, которые происходят в рамках того или иного политического режима, являются

только лишь отражением тех изменений, которые приобретают производственные отношения.

В итоге сторонники марксизма приходят к выводу о том, что различия, например, между феодальной монархией и представительной демократией коренятся в тех различиях, которые претерпевают экономические структуры, а политические режимы лишь только обеспечивают сохранение этих самых экономических, читай эксплуататорских, отношений. А потому само понятие «политический режим» является обманчивым понятием. Оно является таковым потому, что любая власть не может долго строиться только на принуждении и насилии, а потому стремится оправдать свое существование, свои решения и сами формы власти на основе формирования своеобразной системы легитимации (или на основе навязывания классовой идеологии), иначе говоря, на основе некоторых изменений политического режима. Так, представительная демократия (марксисты чаще всего ее называли «буржуазной»), внося свой вклад в маскировку реальности господства буржуазии, заявляет о «правлении народа, для народа и при помощи народа». И эта демократия не просто заявляет, но и делает все для того, чтобы добиться «добровольного» подчинения трудящихся масс правящему классу и власти.

■ 8.5. Социологический подход к политическим режимам

Социологический подход к феномену политического режима не ограничивается рассмотрением институтов государства как конкретных форм политической организации общества, не отказывается он и от философской интерпретации того или иного правления как хорошего или плохого. При этом социологический подход применительно к политическому видению режима не может не учитывать присущих ему идеологию и политику. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что сама по себе квалификация конкретного политического режима является, как говорят политологи, политической ставкой. Это объясняется тем, что указанная квалификация не сводится к простому описанию. Она неизбежно включает в себя такие элементы, как оценка легитимности режима, характера

его взаимоотношений с гражданами страны, права и свободы граждан и т. д.

Нужно сказать, что квалификация политического режима не является сугубо академической задачей. Она имеет выход и на политическую практику. Взять, скажем, вопрос расширения Евросоюза. После крушения мировой социалистической системы и распада СССР происходит неуклонное расширение его членства. И в этом процессе, как это предусмотрено документами этой организации, могут участвовать только демократические страны. Показательно, что именно вопросы демократичности политического режима в Турции, включая и вопросы индивидуальных прав и свобод граждан, стали ключевой проблемой уже в самом начале переговоров о приеме в Евросоюз этой страны.

Следует сказать и о том, что социологическая характеристика того или иного политического режима не может сводиться только к принятой со времен Аристотеля его характеристике только с позиций числа лиц, находящихся у власти. Требуется учет и иных критериев, использование которых диктуется не только реальным разнообразием политических режимов, но и их все более комплексным характером по мере исторического развития.

А. Многопартийные и однопартийные политические режимы

Теория политических режимов предполагает выявление основных черт каждого режима, с помощью которых можно уяснить их внутреннюю логику. В поиске этой внутренней логики известный французский политический мыслитель Р. Арон пришел к выводу о том, что нужно рассматривать политическую систему в узком смысле слова. Он, в частности, писал: «Специфический характер каждого режима заключается отнюдь не в административном порядке. В самых разных режимах административные порядки схожи. Если общества относятся к определенному типу, многие их административные функции схожи, каким бы ни был режим. Политическая система (в узком смысле слова) определяет отношения управляемых и правителей, устанавливает способ взаимодействия людей в управлении государственными делами, направляет государственную дея-

тельность, создает условия для замены одних правителей другими. Таким образом, именно анализ политической системы (в узком смысле) даст возможность обнаружить своеобразие каждого режима»¹.

На основе такого подхода Р. Арон различает режимы, в которых существует многопартийность, и режимы, в которых господствует одна партия. Первые режимы он называет **конституционно-плюралистическими**, вторые — режимами **монопольного господства одной партии**. Конституционно-плюралистические режимы охватывают страны, где утвердилась современная демократия, а режимы монопольного господства одной партии охватывают страны авторитарного и тоталитарного политического господства.

Многопартийные политические режимы характеризуются мирным соперничеством политических партий и иных политических сил за **реализацию политической власти**. Соперничество за власть как отдельных лиц, так и тех или иных социальных групп, включая и партии, в рамках такого режима ведется на основе фиксированных или неписаных правил. Р. Арон отмечает: «Режим, при котором существуют многочисленные соперничающие между собой партии, носит конституционный характер; всем кандидатам на законную реализацию власти известно, какими средствами они имеют право пользоваться, а какими — нет»².

Многопартийность в демократическом политическом режиме всегда соседствует с **легально существующей оппозицией**. Это вытекает из того факта, что у власти все политические партии одновременно находиться не могут. И победившее на выборах и пришедшее в итоге к власти большинство на деле при демократии проявляет уважение к мнению меньшинства, оппозиции.

«Оппозиция, — утверждает Р. Арон, — подчиняется решениям правительства, принятым в соответствии с законами, т. е. решениям большинства. Но если эти решения ставят под угрозу ее жизненные интересы, условия ее существования, разве она не попытается оказать сопротивление? Есть обстоятельства, когда меньшинство предпочитает борьбу покорности»³.

¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 62.

² Там же.

³ Там же. С. 65–66.

Деятельность власти в рамках закона, на чем настаивает Р. Арон, должна по определению исключать насилие как способ управления различными социальными группами, которые в своей совокупности составляют данное общество. Он, в частности, отмечает: «Сущность режима не сводится к *способу назначения* носителей законной власти. Не менее важную роль играет и *способ ее реализации*»¹.

И тут же Р. Арон отмечает: «Так мы приходим к определению режимов, характерных для Запада: это режимы, где *конституция устанавливает мирное соперничество за реализацию власти*»².

Поясним вслед за Р. Ароном.

1. Конституционная организация политической жизни означает, как мы уже отмечали, свод писаных и неписаных правил, регулирующих соперничество между отдельными лицами и группами.

«При монархическом режиме вокруг короля идет яростная борьба за его милости, в погоне за постами и почестями каждый волен поступать как вздумается. Соперничество отдельных лиц в окружении монарха не регулируется ни конституцией, ни какой-либо системой»³.

2. Соперничество является *мирным*.

«Применение оружия, государственные перевороты, что нередко происходит во многих странах, противоречит сути западных режимов. В условиях демократии случаются конфликты из-за имущества, которое невозможно предоставить всем, но развиваются эти конфликты не хаотически — если нарушаются обязательные правила, это уже выход за пределы режима, именуемого демократией»⁴.

3. Мирное соперничество за реализацию власти находит выражение в *выборах*.

Конституционно-плюралистические режимы основаны, таким образом, на довольно хрупком равновесии между единством или определенным согласием и постоянным соперничеством как некой гарантии политического выражения позиции той или иной или тех или иных групп, соперничающих с властью и силами ее представляющими.

¹ Арон Р. Указ. соч. С. 64.

² Там же. С. 63.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Функционирование любого западного режима, — утверждает Р. Арон, — зависит в основном от намерений противоборствующих партий. Основная проблема западной демократии — сочетание согласия в стране с попытками оспорить само существование данного режима — более или менее разрешима, в зависимости от природы партий, от их целей и воззрений, приверженность к которым они декларируют»¹.

Однопартийные политические режимы

«Для таких режимов, — утверждает Р. Арон, — характерно предоставление *одной* партии монополии на законную политическую деятельность.

Под законной политической деятельностью, — пишет далее Р. Арон, — я подразумеваю участие в борьбе за реализацию власти, а также в определении плана действий и плана устройства всего общества. Партия, оставляющая за собой монополию на политическую деятельность, тут же сталкивается с очевидной и трудноразрешимой проблемой: как оправдать такую монополию? Почему некая группа, и только она, имеет право на участие в политической жизни?»²

Чистейший и наиболее законченный образец однопартийной политической монополии являл собой политический режим Советского Союза. Оправдание такой формы политического режима в Советском Союзе строилось по двум линиям. Первая была основана на понятии подлинного представительства народа или пролетариата. Это, по утверждениям, получившим распространение в СССР, могла сделать только «единая партия».

«В такой системе оправдания отмена выборов становится условием подлинности представительства»³.

Вторая система оправдания, сочетающаяся с первой, опирается на *историческую цель*.

«Коммунисты заявляют, — утверждает Р. Арон, — что монопольное право партии на политическую деятельность необходимо для создания совершенно нового общества, которое только и отвечает высшим ценностям. Если уважать права оппозиции, построить однородное общество

¹ Арон Р. Указ. соч. С. 66.

² Там же.

³ Там же. С. 67.

и уничтожить классы невозможно. Для основополагающих преобразований необходимо сломить сопротивление групп, мировоззрение, интересы или привилегии которых оказываются задетыми. Вот почему естественно, что партия требует монопольного права на политическую деятельность, отказывается как бы то ни было ограничивать свою роль, стремится сохранять в полном объеме свою революционную власть, если она ставит перед собой цель создать принципиально новое общество»¹.

Такого рода оправдания однопартийного режима были характерны не только для СССР. Они имели место в политической жизни нацистской Германии. Уже после Второй мировой войны к подобной аргументации прибегали диктаторские режимы в Латинской Америке.

Отсутствие политических свобод (или постоянная угроза, висящая над ними) прямо связано с указанной монополией.

«При западном многопартийном режиме, — отмечает Р. Арон, — государство считает своим достоинством то, что не руководствуется идеями ни одной из противоборствующих партий. Государство нейтрально — оно терпит многопартийность. Возможно, государство не совсем нейтрально, поскольку требует от всех партий уважения к себе — к своей конституции... В условиях многопартийности государство, не будучи связано с какой-то *одной* партией, в идеологическом смысле носит светский характер. При однопартийном режиме государство партийно, неотделимо от партии, располагающей монопольным правом на законную политическую деятельность. Если вместо *государства партий* существует *партийное* государство, оно вынуждено ограничивать свободу политической дискуссии... В различных однопартийных режимах свобода политической дискуссии ограничена в разной мере. Но сущность однопартийного режима, где государство определяется идеологией партии, монопольно владеющей властью, одна: запрет *всех* идей, изъятие из открытого обсуждения множества тем, позволяющих обнаружить различные точки зрения»².

Наличие в государстве одной партии означает, что она по сути своей является партией действия, революционной партией. А ее монополия на политическую деятельность

¹ Арон Р. Указ. соч. С. 67.

² Там же. С. 66–67.

во многом является следствием неудовлетворенности действительностью.

«Однопартийные режимы обращены к будущему, — отмечает Р. Арон, — их высшее оправдание не в том, что было и что есть, а в том, что будет. Будучи режимами революционными, они связаны с элементами насилия. Нельзя требовать от них того, что образует сущность многопартийных режимов, — соблюдения законности и умеренности, уважения интересов и мировоззрений всех групп»¹.

Многопартийные и однопартийные политические режимы являют собой разновидность существующих и в наше время крайних форм режимов. Р. Арон применяет к ним понятие, предложенное Ш. Монтескье, — понятие основополагающего *принципа*. Каков принцип плюралистического режима?

«В плюралистическом режиме, — утверждает Р. Арон, — принцип — это сочетание двух чувств, которые я назову *уважением законов или правил* и *чувством компромисса*... В самом деле, изначальный принцип демократии — именно соблюдение правил и законов, поскольку, как мы уже видели, сущность западной демократии — законность в соперничестве, в отправлении власти. Здоровая демократия — та, где граждане соблюдают не только конституцию, регламентирующую условия политической борьбы, но и все законы, формирующие условия, в которых разворачивается деятельность отдельных лиц. Соблюдения правил и законов мало. Требуется еще нечто — неcodифицируемое и потому не связанное напрямую с соблюдением законов: *чувство компромисса*... соглашаться на компромисс — значит отчасти признать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех»².

Б. Процедурный подход к демократии

С середины 80-х гг. прошлого столетия в рамках политической социологии стало широко использоваться понятие процедурной демократии. В этом понятии находит выражение сам «факт» демократического правления, с одной стороны, а также уважения к соблюдению демократических процедур — с другой.

¹ Арон Р. Указ. соч. С. 68.

² Там же. С. 70–71.

Первую группу процедур образуют правила, в соответствии с которыми происходит институционализация разногласий, существующих между индивидами, в перспективе гармонизации отношений между индивидами на основе процедур арбитража. Можно выделить два основных правила. К ним относятся, во-первых, универсальность голосования, а во-вторых — принцип большинства.

Оба этих правила достаточно полно характеризуют либеральную форму правления. При этом, конечно же, нужно учитывать тот факт, что чаще всего бывает невозможно достичь полного согласия всех членов данного общества с тем, что в политической науке называется общим благом, на достижение которого должно быть нацелено и общество, и власть. Это означает, что в демократическом обществе должны быть определены заранее и ограничены в своих масштабах те вопросы, которые подвергаются арбитражу всеобщего голосования и принципа большинства. С этой целью демократические правила и процедуры призваны ограничить саму государственную власть, в частности, ограничить ее вмешательство в частную жизнь граждан, т. е. добиться известной нейтральности власти в обществе.

Либеральный характер процедурной демократии с социологической точки зрения определяется тем, что она является, по сути дела, единственной формой правления, которая по-настоящему применима к индивидуалистическому обществу, в котором могут сосуществовать разнообразные ценности и различные точки зрения в общественном мнении. Идеологически и политически либеральный характер процедурной демократии определяется ее приверженностью к идее рынка и рыночных отношений, а также к ограниченному регулированию процесса структурирования политических отличий (разделений) в современных западных обществах.

В современных демократических обществах политическая реальность такова, что понятия «процедурная демократия» и «правление» как бы объединяются в одно целое. Это находит отражение как в утверждениях политиков, так и в разнообразных анализах политики, что позволяет рассматривать процедурную демократию как своеобразную технику правления и воздействия на функционирование общества. Такое понимание демократии берет начало в «альтернатив-

ной теории демократии», которая впервые была изложена в 1942 г. в работе Йозефа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия». Справедливости ради нужно сказать, что понятия «процедурная демократия» в указанной работе Й. Шумпетера мы не найдем. Однако нет никакого сомнения в том, что само начало такому подходу было положено именно этим австрийским и американским экономистом и социологом. «Технологический» подход к демократии в эти же годы разрабатывал и другой социолог австрийского происхождения Карл Поппер¹.

Подход к демократии Й. Шумпетера строится таким образом, чтобы преодолеть недостатки классической теории демократии, которая формировалась еще в XVIII в. Она может быть, согласно Й. Шумпетеру, определена следующим образом: «Демократический метод — это такое институционное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»².

Согласно классической теории демократии существует приемлемая для народа концепция общего блага, понимание того, что представляет собой общий интерес в том, что касается путей и целей общего блага. При такой демократии граждане прямо (избрание парламента) или косвенно (определение состава правительства парламентом) определяют состав правления страны, которое призвано осуществлять общий интерес на основе тех средств, с которыми согласны граждане данной страны.

Й. Шумпетер со всей определенностью отмечает, что политическая реальность в значительной степени отличается от этой концепции демократии. Это связано с тем, что общего блага в реальности не существует.

«Не существует однозначно, — пишет Й. Шумпетер, — определенного понятия общего блага, которое устроило бы всех, если только будут приведены рациональные доводы. Это связано не только с тем, что некоторые личности имеют устремления, не совпадающие с общим благом, но в первую очередь с тем основополагаю-

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М., 1992; Желтов В.В. Политические идеи современности. Кемерово, 2006. С. 118–132; Boudouin J. Les idées politiques contemporaines. P., 2002.

² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 355.

щим моментом, что разные индивиды и группы вкладывают в понятие общего блага различное содержание»¹.

Противоречия, вытекающие из такого положения дел, пишет далее Й. Шумпетер, «нельзя разрешить с помощью рациональной аргументации, потому что высшие ценности — наши взгляды по поводу того, как должна быть устроена жизнь и общество, — нельзя втиснуть в рамки простой логики»².

Но даже если допустить, полагает Й. Шумпетер, существование достаточно определенного общего блага, это не означает, что не выявились бы тут же фундаментальные расхождения по поводу самих целей, преодолеть которые не так-то просто.

И наконец, на основе этих двух рассуждений Й. Шумпетер делает вывод: «Концепция воли народа или всеобщей воли... не имеет под собой реальной почвы. Эта концепция предполагает существование однозначно определяемого общего блага, приемлемого для всех... Самое существование и высшее значение такого рода "всеобщей воли" исчезают, как только исчезает понятие общего блага»³.

Подвергая критике классическую теорию демократии, Й. Шумпетер предлагает «альтернативную теорию демократии».

«Будем помнить, — пишет он, — что основной проблемой классической теории было утверждение, что у "народа" есть определенное и рациональное мнение по каждому отдельному вопросу и что мнение это реализуется в условиях демократии путем выбора "представителей", которые следят за тем, чтобы это мнение последовательно претворялось в жизнь. Таким образом, выбор представителей вторичен по отношению к первичной цели демократического устройства, а именно: наделять избирателей властью принимать политические решения. Другими словами, будем считать, что роль народа состоит в создании правительства или посреднического органа, который в свою очередь формирует национальный исполнительный орган или правительство. Итак определим: **демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических**

¹ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 333–334.

² Там же. С. 334.

³ Там же. С. 335.

решений, в которых индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»¹ (выделено нами. — В. Ж., М. Ж.).

Такое понимание метода вооружает политологов достаточно эффективным критерием, позволяющим отличать демократическое правление от других типов правления.

«Например, — пишет далее Й. Шумпетер, — при парламентской монархии типа английской наш критерий демократии выполняется, поскольку монарх может назначить членами кабинета лишь тех людей, которых выбирает парламент. В то же время "конституционная" монархия не является демократической, поскольку электорат и парламент обладают всеми правами, которые у них есть при парламентской монархии, но с одним решающим исключением: у них нет власти назначать правительство. Министры в данном случае являются слугами монарха и по названию, и по сути и в принципе могут быть им назначены или уволены. Такое устройство может удовлетворять народ. Избиратели могут подтвердить этот факт, голосуя против любых изменений. Монарх может быть настолько популярен, что сумеет нанести поражение любому сопернику в борьбе за верховную власть. Но поскольку не существует механизма, делающего такую борьбу эффективной, данный случай не подпадает под наше определение»².

Превосходство процедурной демократии перед лицом демократии классической, согласно Й. Шумпетеру, определяется тем, что она позволяет учесть решающую роль, которую в политических процессах играют «политические штабы», т. е. политические партии в определении политики и путей ее реализации. И более того, избиратель, голосуя за ту или иную программу, в реальной политической жизни не является гарантом того, что политика после выборов будет проводиться в соответствии с содержанием указанных программ. Все будут решать политические штабы. Пример тому — наша недавняя российская история. Программа Б.Н. Ельцина, за которую проголосовало в 1991 г. подавляющее большинство избирателей, не только не выполнялась по многим пунк-

¹ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 354–355.

² Там же. С. 355.

там, но и приобрела совсем иное содержание, особенно в экономической области и, в частности, в области ценообразования.

Процедурный подход к демократии позволяет найти выход из проблем ценностей политического режима. Это связано с тем, что, во-первых, он позволяет отделить квалификацию системы от нормативного измерения, что было характерно для рассмотрения политических режимов в политической философии, которая их оценивала с позиций «хороший» или «плохой». Во-вторых, рассматриваемый подход открывает перспективу оценивать как демократический политический режим не только в западных странах, но и в странах, где существует совсем иная система ценностей, нежели на Западе. Не подчиняя факт существования демократии универсализму западных ценностей, подход с позиций процедурной демократии придает универсальный характер самой демократической модели политического режима.

Нужно сказать, что разделение ценностей и демократии является непростым вопросом. Рассмотрение демократии теоретически и практически в качестве только «метода» не ведет автоматически к отказу от вопросов ценностей общества. Дело в том, что деятельность власти не может быть сведена, по большому счету, только к набору технических процедур. Она всегда связана с определением предпочтений в наборе ценностей, присущих или утверждающихся в данном обществе. Власть осознанно отдает предпочтение одним ценностям в ущерб другим. Так, поворот в политике, который был осуществлен в России на рубеже 90-х гг. прошлого столетия, был связан с выдвиганием на передний план в общественном развитии рыночных ориентиров и ценностей.

Следует сказать и о том, что идея демократии как «правового государства» являет собой сердцевину процедурной демократии. Но она является амбивалентной. Так, правовое государство отличается от «государства, в котором существуют законы». И это отличие определяется тем, что в подлинном правовом государстве речь не идет только о правовых процедурах. Речь идет и о создании некой атмосферы демократии, в которой само право отвечает неким моральным и нравственным нормам и ценностям. Мало сказать, что есть закон. Нужно еще и оценить, почему этот закон создан, в чьих интересах он реализует-

ся. Или другой пример. Да, в демократическом обществе преобладают интересы большинства. Но это не значит, что принцип большинства может использоваться для того, чтобы не давать возможности действовать на законных основаниях меньшинству, каким бы незначительным оно, это меньшинство, ни было.

В чем-то неопределенный характер демократии (она имеет множество форм своего реального выражения) не означает того, что ценности являются относительными. При всей трудности определения общего блага применительно к судьбам людей есть все основания утверждать, что моральная сторона всегда является важным элементом политики, ее конкретных целей. Говоря о современном этапе демократического развития в мире, мы можем утверждать, что на переднем плане проводимой политики во многих странах находятся вопросы свободы, которые сами по себе являются в своей совокупности едва ли не высшей ценностью. Но эта ценность неразрывно связана с определенным набором процедур в ее осуществлении.

Не меньшее значение в процедурной демократии приобретает возможность и право каждого индивида принимать участие в выработке закона. Так, Корнелиус Касториадис как-то заметил: «Я могу быть свободным только при действии такого закона, о котором я могу сказать, что это — мой закон»¹.

Однако и этого недостаточно. Демократия предполагает, согласно К. Касториадису, наличие в обществе демократической культуры: «Идея, связанная с тем, что можно было бы отделить "позитивное право" от процедур ценностей, является миражом. Идея о том, что демократический режим мог бы быть результатом исторического развития, *ready made*, демократических индивидов, которые могли бы его заставить функционировать, является таким же миражом. Такие индивиды могут быть сформированы только и при демократической *paideia*², которая должна рассматриваться не как

¹ Castoriadis C. La Montée de l'insignifiance. Les carrefours du labyrinthe IV. P., 1996. P. 227.

² Греческий термин *paideia* близок к понятию «образование». В данном случае он обозначает у Касториадиса совокупность знаний, а также ценностей, верований, позиций, которые образуются как при помощи образования в гармонии с самой жизнью в городе. Это понятие очень близко к понятию «культура».

некое растение, а как центральный объект политической деятельности. Демократические процедуры являются важной, но только частью демократического режима. И они должны быть подлинно демократическими по своему духу¹.

Таким образом, демократия не может быть определена только на основе процедур. Она не может сводиться только к «методу». Она, конечно же, включает в себя культурную составляющую политического режима, которая в той или иной мере связана с тем, что характерно для нормативного подхода к оценке политического режима, принятого в политической философии.

¹ Castoriadis C. Op. cit. P. 234–235.

План главы

- 9.1. Понятие «авторитаризм».
- 9.2. Основные признаки авторитаризма и его разновидности.
- 9.3. Категории анализа авторитарных ситуаций.
- 9.4. «Популизм» как категория политической социологии.
- 9.5. Современный бюрократический авторитаризм.

В настоящее время во многих странах мира установились авторитарные политические режимы. По некоторым оценкам, около 100 государств в современных условиях относятся к авторитарным режимам. А это достаточно большое число стран с разнообразным государственным устройством — от военно-диктаторских до монархических. Они занимают промежуточное положение между демократическим и тоталитарным политическими режимами. Так, подобно тоталитаризму, авторитарные политические режимы отличаются едва ли не неограниченной властью государственных органов. Это проявляется в жестком политическом правлении, опоре, в случае необходимости, на принудительные и силовые методы для регулирования социальных процессов. В то же время, подобно демократии, для авторитаризма характерно сохранение сферы гражданского общества, частной инициативы в экономике, рыночной конкуренции.

9.1. Понятие «авторитаризм»

Если обратиться к этимологии термина «авторитаризм», то есть все основания полагать, что она применительно к такому типу режима оказывается недостаточной и даже обманчивой. Действительно, термин «авторитаризм» связан с другим термином — «авторитет» (лат. *authoritas* — власть, влияние). Однако эта связь не прямая, а как бы окольная, или вторичная. При этом оказывается, что существует определенная дистанция между понятиями «авторитарный» и «авторитаризм», с одной стороны, и понятием «авторитет» — с другой. Данная дистанция связана с тем, что не представляется возможным рассматривать феномен авторитаризма в качестве политического режима, наделенного «авторитетом» или характеризующего режим, обладающий «избытком авторитета».

Можно привести, по крайней мере, два основания, в соответствии с которыми, опираясь на понимание понятия «авторитет» М. Вебером, авторитарный политический режим не нацелен на утверждение авторитета и не опирается на него. Говоря точнее, такой режим не основывается на принятой в данном обществе системе ценностей, или на компетентности, или на неких особых качествах лидера, о чем речь у нас шла выше.

Далее. Если полагать, что авторитет и легитимность образуют неразлучную «пару», то любое выступление против (читай критика) «избытка авторитета» будет предполагать и выступление против избытка легитимности. А это, по сути говоря, является абсурдом: избыток легитимности — это есть «избыток согласия» управляемых с властью, что само по себе является странным для рассмотрения политической науки. Это с одной стороны. А с другой — авторитарные режимы, как показывает историческое развитие, являются такими режимами, для которых характерны либо низкая легитимность, либо просто отсутствие таковой, по крайней мере в сравнении с демократией.

Такая постановка вопроса требует некоторого пояснения. Характеризуя те или иные авторитарные режимы как нелегитимные, нельзя не видеть очевидных исторических фактов. В некоторых случаях и на определенном временном промежутке авторитарные режимы могут

получать значительную поддержку со стороны населения. Так было, например, в 20-е гг. в Италии, когда в стране утвердилось господство Б. Муссолини. Так было позднее и во Франции Виши, и во франкистской Испании.

Следует сказать, что в тех случаях, когда политологи говорят о нелегитимности авторитарных политических режимов, имеется в виду, что такого рода режимы строят свою деятельность вопреки ценностям правового государства и электоральной демократии. Надо полагать, вполне справедливо известный французский политолог Ги Эрме утверждает: «Авторитарные режимы являются нелегитимными, т. к. они проявляют неуважение к нашим правилам, называемым универсальными ценностями в том, что касается получения, практического осуществления и передачи политического суверенитета»¹.

Именно на основе «практики» осуществления власти, т. е. фактического отказа от норм демократии, «авторитарная» практика власти стала рассматриваться в качестве «синонима арбитражного насилия»², а сам политический режим такой власти получил наименование «авторитаризм». Характеризуя авторитарный политический режим, Ги Эрме, в частности, указывает на основные его элементы: «Авторитаризм означает разновидность отношения "управляющие — управляемые", основанного на достаточно постоянной опоре на силу в большей мере, чем на убеждении. То же самое нужно сказать и о политической практике, в рамках которой рекрутирование руководителей строится на кооптации, а не на электоральной конкуренции кандидатов за ответственные политические посты. Наконец, само использование понятия «авторитаризм» очень часто соседствует с идеей, далеко не всегда точной, что режимы этого вида игнорируют кодифицированные процедуры преемственности или мирной смены их руководителей, что прекращение или приобретение власти может быть в таких режимах только результатом насильственной конфронтации — тайной или публичной, — берущей начало в определенном случае, а не в институционализации»³.

¹ *Hermet G. L'autoritarisme // Grawitz M., Leca J. (dir.). Traité de science politique. T. 2. P., 1985. P. 270.*

² *Bourricaud F. Esquisse d'une théorie de l'autorité. P., 1961. P. 33.*

³ *Hermet G. Op. cit. P. 270.*

Вопрос силы или насилия являет собой сердцевину квалификации авторитарного режима. Однако это один из наиболее трудных моментов операционализации этого понятия в научном анализе.

Нужно сказать, что авторитарные режимы, как показала историческая практика, оказываются достаточно устойчивыми формами осуществления политической власти. Зачастую им удается довольно успешно сочетать экономическое процветание с политической стабильностью.

В то же время чрезмерное использование насилия против разного рода социальных движений (примером могут быть события весны 1989 г. на площади Тяньаньмень в Пекине, когда с непомерной жестокостью была разогнана студенческая акция протеста), преследование, в том числе «уголовное», оппозиции и профсоюзов или контроль над средствами массовой информации и преследование журналистов, безусловно, могут рассматриваться как проявления авторитаризма в его худшей форме. Такого рода преследования и действия различаются в разных странах, в том числе и на разных континентах.

Однако сам факт такого рода насильственных действий не является абсолютным выражением характера режима. Действительно, во время войны в Алжире, например, Франция не переставала оставаться демократической страной, хотя фактов массового физического насилия и даже террора на территории Алжира было предостаточно. Так что одного критерия использования силы и насилия недостаточно для того, чтобы провести различие между демократией и авторитаризмом.

Вопрос насилия со стороны государства предполагает дифференцированный подход к определению характера политического режима. Достаточно напомнить, что Османская империя вошла в историю как режим, совершивший акт геноцида по отношению к армянам (1915). Проявления массовых репрессий имели место в период правления Франсиско Масиаса Нгуемы в Экваториальной Гвинее (1968–1979), Иди Амина Дада — в Уганде (1971–1979) или Жана-Бедея Бокассы — в Центрально-Африканской Республике (1966–1979). И все эти режимы значительно отличаются друг от друга, и их нельзя на основании только факта насилия называть авторитарными.

Не случайно Х. Арендт подчеркивала, что большое значение для анализа характера политического режима

имеет не столько сам факт насилия, сколько цель, на которую это насилие направлено. Если в тоталитарных режимах, отмечала Х. Арендт, насилие направляется против всего населения, то в авторитарных режимах оно осуществляется селективно и ориентируется на репрессии против оппозиционных сил, реальных или предполагаемых¹.

Инструментальный характер политического насилия, который позволяет различать авторитарные режимы, даже самые жестокие и «насильственные», от террористической деятельности тоталитарных режимов, наглядно проявляется в странах Африки.

«Жесткие авторитаризмы, — отмечает Жан-Франсуа Медар, — характеризуются высокой степенью политического насилия, и они основываются на постоянном и скрытом страхе в большей степени, чем на терроре. Управление политическим насилием в этих режимах является одновременно беспощадным и рациональным. Работа о человеческой жизни не беспокоит руководителей, но они не слишком часто прибегают, если можно так сказать, к помощи насилия. Его использование является в большей степени инструментальным, чем выразительным, и оно имеет вполне определенные цели, а не все население или его сектора. Именно государства не колеблются перед тем, чтобы мучить, арестовывать людей арбитражным образом, заключать их в тюрьму или концентрационные лагеря, даже без суда; они не имеют никаких ограничений в том, чтобы ликвидировать подозреваемых. Все эти злоупотребления являются частью правил игры; люди это знают, и если они их учитывают, то выходят почти невредимыми, за исключением имеющих место промахов»².

Вопрос политического насилия не позволяет провести границу между демократией, авторитаризмом и тоталитаризмом. Не является политическое насилие и основанием для концепции авторитаризма. Ж.-Ф. Медар говорит о «жестком авторитаризме», который он отличает от «умеренного авторитаризма». Но обе эти разновидности авторитаризма не отделены друг от друга

¹ См.: *Arendt H. Le Système totalitaire. P., 1972. P. 203–232.*

² *Médard J.-F. Autoritarisme et démocratie en Afrique noire // Politique africaine. 1991. № 43. Octobre. P. 99.*

непреодолимой стеной: один вид авторитаризма может, в зависимости от использования политического насилия, превращаться в другой.

Не менее сложным является определение авторитаризма на основе оценки тех социальных сил, которые выступают в поддержку политического режима. Если опираться только на такой критерий, то подчас оказывается невозможным различать самые разные политические режимы: наследственные режимы, традиционные монархии, военные диктатуры, парламентские олигархии, фашистские государства, подобно режиму Б. Муссолини, и т. д. Правда, Франция времен Второй империи, Португалия в период правления Салазара, Франция Виши, Египет при правлении Насера, Чили времен правления Пиночета, саудовская монархия и т. д. являются политическими режимами, в которых оппозиция либо запрещена, либо строжайшим образом контролируется. И такого рода режимы могут в любой момент использовать насилие.

И это неудивительно. Главной социальной опорой авторитарного режима, как правило, являются группы военных («силовиков») и государственной бюрократии. Нередко их действия, нацеленные на усиление монополизации власти, оказываются достаточно эффективными. Так, за счет принудительной мобилизации авторитарные политические режимы (например, режим Пиночета в Чили в 70-е гг.) могут вызывать к жизни достаточно высокую гражданскую активность и на этой основе добиваться неплохих экономических результатов. Однако эти режимы плохо приспособлены для налаживания эффективной связи между властью и рядовыми гражданами. И в этом заложена опасность для самого существования авторитарного политического режима.

Узость социальной опоры авторитарного политического режима находит свое выражение и в том, что малоэффективной оказывается идеология. Ее инструменты просто бездействуют в авторитарном режиме. И потому, как отмечают специалисты, при выработке государственной политики в авторитарных режимах широко используются келейный сговор, подкуп, закулисные сделки и другие механизмы теневого правления.

9.2. Основные признаки авторитаризма и его разновидности

Власть находится в руках одного лица или же группы лиц. В качестве носителя власти может выступать монарх, диктатор, военная хунта и т. д. Большинство населения не имеет доступа к власти.

Неограниченность власти. Государственные органы не обязаны отчитываться перед гражданами или их представителями. Законодательство полностью формируется лицами, находящимися у власти.

Опора на силу. Авторитарное государство не обязательно основывает свою деятельность на постоянном применении силы. Однако органы власти всегда дают почувствовать свою способность прибегать к принуждению к повиновению населения.

Монополизация власти, стремление ограничить возможности для деятельности легальной оппозиции, вплоть до ее запрета. При этом не исключается возможность существования общественных организаций, но они должны быть полностью под контролем власти.

Отсутствие тотального контроля над обществом. Авторитаризм допускает самостоятельную деятельность граждан в экономике, не ставит жестких ограничений для гражданского общества.

Рекрутирование политической элиты через механизм кооптирования. Попадание в правящую элиту происходит путем простого назначения сверху. Политические выборы, если они и существуют, носят декоративный характер и мало влияют на процесс рекрутирования политической элиты.

Разновидности авторитаризма

Можно выделить следующие основные типы авторитарных режимов: **партийные, корпоративные, военные, национальные** и режимы **личной власти**.

Особенность **партийных** режимов заключается в осуществлении монопольной власти какой-либо партией или политической группировкой, не обязательно представляющей институт партии. Чаще всего это однопартийные режимы, но к ним могут быть отнесены и формы правле-

ния аристократических (Марокко, Непал) или семейных (Гватемала) групп, а также правление первых лиц государства с их сплоченными политическими «командами» (Белоруссия). Обычно такие режимы устанавливаются в результате революций либо навязываются извне (как, например, в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, где были установлены коммунистические режимы с помощью СССР). В отдельных случаях режимы этого типа могут представлять собой результат эволюции легитимного режима.

Военные режимы, как правило, возникают в результате переворотов, заговоров и путчей. Наибольшее число примеров установления военных режимов дали страны Латинской Америки, Африки, а также Греция, Пакистан, Турция. Такие политические режимы отличаются подавлением значительной части политических и гражданских свобод, внутренней нестабильностью, широким распространением коррупции. Государственные ресурсы используются в основном для подавления сопротивления, снижения социальной активности граждан. При таком правлении может широко использоваться и физическое насилие.

Модели **национального авторитаризма** возникают в результате доминирования в элитарной группировке определенной национальной или этнической группы. В настоящее время такие режимы сложились в ряде стран на постсоветском пространстве (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан). В этих странах явно выражено стремление создать социальные и политические преимущества представителям одной группы населения. Это сопровождается проведением негласной политики вытеснения инациональных групп.

Корпоративные режимы олицетворяют собой власть бюрократических, олигархических или теневых (неформальных, криминальных) группировок, совмещающих власть и собственность и на этой основе контролирующей процесс принятия решений. Государство становится прибежищем сил, которые используют прерогативы официальных органов для защиты своих узкогрупповых интересов. Экономическим основанием такой системы власти является система квот, разрешительный порядок регистрации предприятия, отсутствие надлежащего контроля над деятельностью государственных служащих. По-

следние, занимаясь вопреки законодательству предпринимательской деятельностью, получают огромные личные доходы.

Как считают некоторые специалисты, в настоящее время в российском обществе складывается олигархически-корпоративный политический режим, при котором влияние на рычаги власти имеют представители наиболее богатых групп общества. По официальному признанию властей, теневые, криминальные структуры контролируют около половины государственной экономики и частного сектора. Корпоративные принципы отношений элитарных групп снижают влияние на власть партий и других ассоциаций, представляющих интересы различных слоев населения.

Режимы **личной власти** (Испания при Франко, Румыния при Чаушеску) персонализируют все политические отношения в глазах общественного мнения. Жесткий характер правления в сочетании с определенными традициями нередко дает экономический эффект, приводит к активизации населения и росту легитимности режима. Однако такая система власти нередко провоцирует политический террор со стороны оппозиции.

В последние годы в ряде стран возникли **либеральные многопартийные авторитарные режимы**. Для них характерно признание демократических либеральных принципов (разделение властей, свобода конкуренции, признание прав и свобод граждан и т. п.) при сохранении авторитаризма, усилении власти государства и его вмешательства в различные области жизнедеятельности общества.

Тенденция к демократизации, либерализации проявляется в проведении референдумов, пересмотре старых конституций, организации общенациональных конференций, принятии законов о выборах и партиях и т. п. Подобный процесс можно проследить в Бангладеш, Индонезии, Малайзии, Таиланде, Филиппинах, Южной Корее и др.

9.3. Категории анализа авторитарных ситуаций

Анализ трудностей институционализации государства в странах «третьего мира» выявляет двойственные отношения этого анализа с прежними, или традиционными, формами или практиками власти, которые связаны с

определенными сообществами (клиентелистскими или патримониальными) и каналами связей с ними. Учитывая эти способы организации власти, которые проявляются в авторитарной практике власти и которые отражают противоречия, присущие развивающимся странам, Самуэль Эйзенштадт ввел понятие неопатримониализма. Опираясь на веберовскую категорию «патримониального господства», Эйзенштадт предпринял попытку применить ее к современному этапу развития развивающихся стран¹.

Гипотеза неопатримониализма, о которой идет речь, исходит из веберовской категории патримониализма, описывающей традиционное господство, которое осуществляется в силу «добродетели абсолютного личного права» вождя. В этой ситуации политическое пространство превращается в его своеобразное наследие, а политико-административный персонал — в его подчиненных и даже клиентов. При этом процесс решения полностью подчинен персональной власти вождя.

Неопатримониализм в этих условиях является продолжением той же логики господства, но в современном контексте. Он стремится описать политическую систему, структурированную вокруг «государя» и подчиненную воспроизводству модели персонализированного господства, ориентированного на создание благоприятных условий для властвующей элиты, стремящейся максимально ограничить доступ периферии к ресурсам центра. Эта, как мы ее определили, властвующая элита стремится в таком случае обеспечить монополию представительства и контролировать с выгодой для себя процесс экономической модернизации.

Неопатримониальная логика в развивающихся обществах испытывает на себе двойное воздействие: с одной стороны, значительного изменения в современной ситуации некоторых политических ресурсов, а с другой — слабой социальной мобилизации. Изменение политических ресурсов, как правило, связано с тем, что в последние десятилетия в странах «третьего мира» утверждается тесный и гегемонический союз «принца» (государственного

¹ См. подробнее: *Эйзенштадт С.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 324–359; *Желтов В. В.* Сравнительная политология. Т. 2. С. 387–397.

руководителя) и бюрократии. Низкий уровень экономического развития многих развивающихся стран предопределяет очевидную ситуацию их зависимости от развитых стран Запада и особенно от США, которые, используя эту ситуацию зависимости, содействуют утверждению монополии на власть определенным образом ориентированной политической элиты. Чаще всего власть оказывается недоступной для национальной буржуазии.

Такая ситуация, создаваемая при поддержке развитых стран Запада, делает, по сути дела, невозможным создание коалиций или существование групп интересов. Если же такого рода структуры возникают, то это происходит, как, например, в Латинской Америке, по инициативе политической власти. Ясно, что такие структуры по определению не могут иметь открытого протестного характера. Однако и в этой ситуации власть имеет ограничения, т. к. вынуждена проводить выборы.

Правда, государственный руководитель и его бюрократия обладают основными ресурсами господства на политической сцене. И все-таки такое господство может становиться неустойчивым. А потому едва ли не важнейшим элементом господства становится прочность легитимности властителя. Если эта легитимность имеет традиционную природу, то ее подрывают как экзогенные заимствования, например западных этатических элементов, так и необходимость добиваться хотя бы минимального доверия к авторитету со стороны своей бюрократии. Если же легитимность имеет харизматическую природу, то она тем не менее вынуждена по мере своей рутинизации считаться с бюрократическим институтом и в первую очередь с армией, от которой она может постепенно испытывать растущую зависимость. Если легитимность характеризуется как легально-рациональная, то в силу отсутствия реальной политической жизни и политического соперничества она может основываться на демонстрации эффективности этих институтов.

В то же время эти институты пользуются слабым доверием у населения. Нет необходимости доказывать, что иностранная концепция легитимности и общественного порядка, основанная на иной социокультурной реальности, оказывается неспособной укорениться в данном традиционном обществе. Хотя того или нет правящие круги, они в любом случае вынуждены в той или иной мере опи-

раться на традиционную легитимность. Это поднимает проблему соотношения сил между государственным руководителем и бюрократией. В зависимости от этого соотношения сил либо государственный лидер (как это имеет место в Марокко или Саудовской Аравии) на основе традиционной легитимности подчиняет себе бюрократию, которая превращается в инструмент его патримониального господства, либо легитимность государя оказывается слабой (как это имеет место в большинстве стран Африки), и тогда бюрократия получает возможность «менять» государственного руководителя при помощи военных государственных переворотов. В таком случае неопатримониальное господство становится господством бюрократии, и она служит тому, кто способен ей эффективно руководить.

Такая политическая власть еще больше видоизменяется, если она имеет перед собой слабо мобилизуемое общество. В таком обществе утверждаются традиционные формы авторитета на периферии, а само оно характеризуется очень сегментированной структурой. Это затрудняет горизонтальную солидарность, т. е. объединение по интересам и классам. В итоге утверждается так называемое «приходское» поведение, для которого характерно слабое влияние центральной власти и ее институтов, а потому индивид ориентируется на свое собственное сообщество. А это еще более затрудняет влияние центра на периферию. В то же время в сегментированном обществе социальные актеры, как индивидуальные, так и коллективные, обладают весьма слабыми политическими ресурсами и поэтому оказываются неспособными влиять на центр с тем, чтобы добиваться изменения его публичной политики.

В таком контексте неопатримониальная политика легко поддается анализу и пониманию. Этот контекст побуждает государственного руководителя и его окружение проводить этноцентричную политику, нацеленную на полное присвоение политической сцены, систематический контроль над процессом формирования ресурсов и расширением политического господства внутри различных социальных пространств, в частности в экономической жизни. Автоцентричный характер неопатримониальной политики позволяет выявить ее логику: все ее составляющие подчинены решению задач воспроизводства группы, находящейся у власти. Эффективность такой политики

определяется возможностями оппонентов власти проводить в жизнь иную политическую логику, связанную с проведением свободных выборов, акций давления, создания групп интересов.

Понятно, что такая политика неизбежно вступает в противоречие с императивом экономической модернизации, которая столь же неизбежно подчиняется политическим интересам государственного руководителя. Последний во многом вынужденно проводит модернизацию, ибо ее проведение отвечает прежде всего его собственной легитимности. Понятно и другое: такая модернизация сверху всегда проводится в определенных границах. Эти границы определяются, в частности, тем, что в их пределах не подрываются позиции правящей элиты и сдерживаются возможности конкурирующих с ней элит.

Развитие модернизации в рамках указанной схемы приводит к **присвоению политической сцены**. В итоге неопатримониализм получает выражение, во-первых, в усиленной персонализации правления, во-вторых, в соединении политико-административной роли и персоны ее обладателя и, наконец, в клиентелизме политико-административной элиты. Такая организация власти позволяет устанавливать **контроль над процессом распределения ресурсов**. С помощью этого контроля осуществляется маргинализация периферийных социальных и политических актеров, их отдаление от центра политической системы. Это с одной стороны. А с другой — такой контроль обеспечивает селективную поддержку центра со стороны его клиентелистских сетей.

На основе изучения африканской политической практики политолог Ричард Джозеф¹ выдвинул концепцию «политической системы доходного теплого местечка». Эта концепция освещает такую ситуацию, в которой политические актеры конкурируют между собой с тем, чтобы завоевать властные позиции в государстве с таким расчетом, чтобы потом использовать их в интересах личных или групповых.

Что характерно для такой ситуации? Логика властной организации общества строится на том, что политические ресурсы распределяются таким образом, чтобы артику-

¹ См.: Joseph R. Le mouvement nationaliste au Cameroun. Les origines sociales de l'UPC. P., 1986.

лировать центр и периферию *либо* на основе утверждения клиентелистских отношений между ними, *либо* на основе непотизма¹, *либо* на основе коррупции. Наконец, *распространение этой стратегии на социальные пространства* позволяет государственному руководителю и его окружению использовать свои властные позиции и осуществлять переоценку политических ресурсов для завоевания новых позиций, в частности в экономической жизни. Реми Лего² на примере Марокко показывает, как контроль над процессом экономической модернизации со стороны монархии приводит к присвоению королем и его двора ключевых секторов экономики.

В странах «третьего мира» происходит, как правило, своеобразная инверсия детерминант процесса модернизации, если сравнивать эти процессы с тем, как они протекали и протекают в странах Запада. Если в рамках западной цивилизации в ходе модернизации выявлялась реальная способность экономических элит оценивать свои собственные ресурсы для завоевания властных позиций, то логика неопатримониальной системы демонстрирует со всей определенностью, напротив, каким образом аккумуляция политических ролей способствует завоеванию экономических позиций и ролей.

Неопатримониализм по-своему оказывает влияние и на условия функционирования политико-административных институтов. Прежде всего он способствует дальнейшему росту бюрократии. Политическое управление на принципах неопатримониализма, опасаясь формирования конкурирующей элиты, строится таким образом, чтобы добиваться поддержки своей политики, в том числе и возможными соперниками. При этом неопатримониальный режим стремится интегрировать соперников в административный аппарат с тем, чтобы превратить их в солидарную с властью силу. Так, по сути дела, во всех развивающихся странах отмечено стремление включать специалистов высшего образования в публичную администрацию. В странах-производителях нефти, начиная с 70-х гг. прошлого столетия, осуществлялось массив-

ное рекрутирование чиновников из урбанизированных социальных категорий.

Нужно сказать, что такая практика значительно отличается от процессов бюрократического строительства в странах Западной Европы, где указанные процессы отличала куда как большая селективность и иной ритм бюрократизации. Практика бюрократического строительства в развивающихся странах отличается и от веберовского идеал-типа бюрократии, основанного на строгой конкурсной селекции, на различиях между публичной бюрократией и гражданским обществом, на строгом определении бюрократических ролей, основанных не на потребностях агентов, а на логике разделения труда¹.

Этот бюрократический избыток порождает порочный круг: с точки зрения модернизации он выделяет внутри общества актеров, способных обеспечить экономическое развитие; с точки зрения развития самой бюрократии он порождает неэффективность и иррациональность, умножая роли, наделяя каждую из них плюральностью титулов, что приводит, по меньшей мере, к конфликтам компетенции и распределения. Кроме того, неконтролируемый рост чиновничества в условиях слабого экономического роста осложняет условия вознаграждения агентов, что порождает скрытое недовольство и способствует в значительной мере развитию коррупции. Для того чтобы жить, чиновник начинает заниматься подпольным частным бизнесом или «добиваться» оплаты своих услуг со стороны этого частного бизнеса.

Избыточная бюрократическая логика имеет и иные недостатки: в случае осложнения экономической ситуации неизбежно происходит ухудшение материального положения значительной части чиновничества и даже сокращение его численности. Это порождает недовольство в среде чиновничества, а в иных ситуациях — переход их на сторону противников режима. Так, исламская революция в Иране и большинство исламистских движений мусульманского мира характеризуются тем, что в их деятельности активное участие принимают немало мелких чиновников.

Следует сказать и о том, что неопатримониальная логика ставит бюрократию в центр процесса распределения

¹ См.: Badie B., Hermet G. Op. cit. P. 180–181.

¹ Непотизм (от лат. nepos (nepotis) — внук) — служебное покровительство родственникам и своим людям независимо от их заслуг; кумовство (Социологический энциклопедический словарь. С. 202).

² См.: Leveau R. Le fellah marocain défenseur du trône. P., 1985.

ресурсов. С одной стороны, государственный руководитель выделяет чиновничеству значительную часть налоговых сборов с таким расчетом, чтобы обеспечить для них необходимые материальные условия для проникновения внутрь социальных пространств в целях превращения их в конечном счете в своеобразную и надежную клиентелу. Правда, такой процесс не является выражением только одноподобного движения. Имея немалые средства, бюрократия нередко стремится использовать клиентелу в своих интересах. Так, последние десятилетия принесли немало свидетельств того, как военные ведомства и офицерство оказывали первостепенное влияние на политическое развитие во многих странах «третьего мира», не оставившаяся и перед вооруженным захватом власти.

Рост бюрократии в развивающихся странах сопровождается слиянием публичного и частного начал обществ, ведущим к исчезновению различия между ними. Указанный процесс развивается и внутри политико-административных институтов. В итоге, как показал Фред Риггс¹, изучая бюрократии развивающихся стран на основе «призматической концепции», стираются различия между частным статусом и публичной ролью чиновника. Кроме того, как показывает способ распределения политических благ, происходит слияние отношений центра и периферии. Происходит изменение и в механизмах присвоения результатов труда, что является следствием исчезновения различий между публичной и частной собственностью, между использованием и присвоением той или иной социальной роли, между вмешательством в социальное пространство и использованием этого пространства.

Подобные процессы отмечены и в странах Запада. Западная история полна примеров того, как различие между публичным и частным может нивелироваться, что неизбежно приводит к коррупции. Правда, такие процессы проходят в определенных пределах. Эти процессы, как правило, не покушаются на сам принцип распределения ролей. Сказывалась и традиция: политическое развитие Западной Европы, как мы уже отмечали, осуществлялось на основе *культуры различия между публичным и частным*. И это необходимо всегда помнить при проведе-

нии сравнения. Изучение компаративистами «сиротской динамики»¹ выявляет, что заимствование развивающимися странами политических институтов и практик не сопровождалось импортом культурной модели, связанной с этими институтами.

Что отличает западную культурную модель? Она связана с созданием светского пространства, индивидуализацией социальных отношений и, в частности, отношений между управляющими и управляемыми и особенно — со специфической формулой политической легитимности. Есть ли такие условия в развивающихся странах? Конечно нет. К тому же необходимо учитывать, что любой политический руководитель в странах «третьего мира» вынужден использовать заимствованные публичные институты на основе понятных для населения формул легитимации власти. А это значит, что эти формулы должны опираться на традицию, которая никак не связана или даже отрицает различие между публичным и частным.

Концепция неопатримониализма позволяет интерпретировать многочисленные характеристики «сиротской динамики», негативные последствия, связанные с ней, и особенно противоречия и напряжения, возникающие в результате использования политических моделей западного образца. Эта концепция позволяет учитывать как последствия зависимости, характеризующей отношения развивающихся стран со странами Запада, так и низкий уровень экономического развития и разную социальную мобильность стран «третьего мира».

Вместе с тем концепция неопатримониализма не лишена недостатков. Если рассматривать эту концепцию как продолжение или (еще лучше) как актуализацию веберовской концепции традиционного господства патримониального типа, то она сама по себе порождает определенную двусмысленность: с одной стороны, на основе различия между способом традиционного господства патримониального типа и легально-рационального господства осуществляется некое эволюционистское смещение между ними; с другой стороны, происходит недооценка элементов разрыва между традиционным патримониальным господством и современным патримониальным господством. Как утверждают Б. Бади и Г. Эрме, эта кон-

¹ См.: Riggs F. Administration in Developing Countries. The Theory of Prismatic Society. Boston, 1964.

¹ См.: Желтов В. В. Сравнительная политология. Т. 1. С. 271–319.

цепция является своеобразным вызовом сравнительному анализу, претендующему на универсализм. Встают, к примеру, такие вопросы: **все** ли развивающиеся общества являются обязательно связанными с неопатримониальным порядком, и везде ли он характеризуется одной и той же природой? Не создает ли история условия для разделения между траекториями развития, между построением политики таким образом, что концепция неопатримониализма становится узкой?

Использование концепции неопатримониализма для анализа «сиротских динамик» позволяет показать отклонения от универсальных интерпретаций развития, в чем проявляется влияние того, что выше мы назвали *губригузацией* формул правления и неудач, связанных с внедрением эндогенных формул легитимности и правления.

Возможно, главная слабость проблематики неопатримониализма заключается в преувеличении универсального аспекта проблем, связанных с заимствованием внешних моделей, и в недоучете специфики способов усвоения этих элементов политической сценой заимствующей страны. Короче, нельзя относить к одной и той же категории таких разных политических деятелей, как Лоран-Дезире Кабила, Башар аль-Ассада, Абдерахман Вахид и Жан-Бертран Аристид. И этот список, конечно же, может быть продолжен.

Оригинальность каждой политической сцены особенно явственна в том случае, когда речь идет об отношениях между управляющими и управляемыми, первые из которых вынуждены удовлетворять «здоровые запросы» вторых, т. е. строить свою деятельность с учетом культуры управляемых. А именно к этим вопросам бывают невнимательны сторонники неопатримониализма, что показывают исследования африканистов, когда они анализируют, в частности, роль колдовства, традиционную территорию вождя или функции колдовского братства.

Следует учитывать и различия между *типами* неопатримониализма на основе используемых формул легитимации. Так, традиционная монархия опирается на консервативную модернизацию, а ее способ господства является традиционно патримониальным. Следует различать также два типа стратегий: к примеру, монархия в Марокко или в Саудовской Аравии стремится подтвердить свой авторитет на основе объединения периферий-

ных традиционных элит или, наоборот, стремится ослабить эти элиты для того, чтобы самому монарху, включая и его окружение, обеспечивать осуществление функции господства, как это имело место в период правления последнего шаха Ирана. Первая формула дает максимум эффекта в обществах, где монархия располагает значительным капиталом легитимности и не сомневается в верности нотаблей; вторая — соответствует ситуациям, когда династический центр оспаривается традиционными авторитетами или в силу недолгой истории, или в силу этнических или культурных конфликтов между центром и периферией. Первая формула характеризуется большей стабильностью, вторая — в большей мере отвечает задачам социального изменения, в частности проведения аграрной реформы, или трансформации нравов, например изменения положения женщин. Масштаб изменения зависит от широты действий государственного лидера и его способности мобилизовать политические ресурсы в свою пользу. Указанная мобилизация выступает как привилегированный способ патримониализации общества и политической сцены.

Режимы, которые опираются на революционную легитимность, характеризуются другим патримониальным проявлением. Революционная легитимность не опирается на традиционный авторитет, а использует ресурс власти, который не уравновешен по отношению к другим ресурсам. Это может быть бюрократический, харизматический или экономический ресурс. В первом случае господствует военная бюрократия в странах, как правило, однопартийных, как, например, Алжир; это может быть бюрократия (Сирия и Ирак времен правления С. Хусейна), опирающаяся на властный ресурс; и патримониальный проект, основанный на этнической идентичности (алауитское меньшинство в Сирии президента Ассада или группа танкритов в Ираке времен президентства Хусейна).

Политическая практика показывает, что такой проект может быть эффективным, если он опирается на солидарную и эксклюзивную группу. При этом добровольного объединения бывает чаще всего недостаточно. Неопатримониальная стратегия проводится с меньшей жесткостью и с меньшими шансами на стабильность, если она связана с простой рутинизацией харизмы лидера (Тунис при Бургибе и после него, несмотря на усилия по преодолению

господства миноритарной группы) или если она связана с попытками построения системы господства по инициативе торгово-экономической элиты, объединяющей технократов, специалистов публичной экономики и представителей деловой буржуазии (тому немало примеров в разных странах Латинской Америки).

За всеми этими примерами выявляются общие характеристики, лежащие в основе концепции неопатримониализма, общие объяснительные факторы, показывающие, что этот феномен связан с определенной исторической ситуацией, для которой характерна «сиротская динамика», а также выявляются и важные различия в способе функционирования политической системы, в формулах легитимности, практиках, шансах на успех и выживание. Точное число элементов, которые должны выявляться политическим анализом, в случае общего подхода к проблеме вряд ли возможно выявить.

Для характеристики политических режимов в странах «третьего мира» нередко используется понятие **бонапартизма**, которое в научный оборот было введено К. Марксом применительно к режиму Второй империи во Франции. Это же понятие использовал и Ф. Энгельс, когда говорил о режиме власти в империи Бисмарка, а позднее к этому понятию не раз обращался в своем творчестве А. Грамши.

Согласно К. Марксу, Вторая империя возникла на стадии капиталистической индустриализации Франции, когда сложилось определенное равновесие между буржуазией и развивавшимся активно рабочим классом, когда противостояние между ними не могло, в силу сложившегося соотношения сил, обеспечить победу той или иной силы. Именно в такой ситуации буржуазия предпринимает попытку отказа от прямого осуществления своими силами парламентской власти, превратив парламент в своеобразного «провиденциального арбитра», при помощи которого она сохранила свою экономическую и социальную гегемонию. Подлинная власть при этом оказалась в руках бонапартистского диктатора — Луи Наполеона, который предстал в глазах населения как сторонник национального объединения, независимый как от политических партий, так и от конфликтующих классов. При этом его власть опиралась на популистские речи и на более или менее выраженную ему поддержку со стороны значительной части населения. Бонапартистский диктатор, как отмечает Б. Бади, оказался во главе власти с тем, что «защищал

капитал от труда при помощи ограничения политических свобод»¹.

Политические режимы, сложившиеся во второй половине XIX в. в Европе (Вторая империя во Франции, Германия при Бисмарке), а в XX в. — во многих странах «третьего мира», можно охарактеризовать как режимы либеральные, авторитарные, популистские и цезаристские. Они имеют переходный характер, обеспечивая в большей или меньшей степени адаптацию своих стран к требованиям меняющейся экономики, которая в ходе индустриализации сталкивалась с классовыми конфликтами и которая предполагала освобождение от влияния на развитие страны прежних экономических структур. Указанные политические режимы решали и политическую задачу, которая укрупненно предполагала принятие и прогрессивную институционализацию принципов суверенитета народа. Все это решало государство, казалось бы свободное от влияния политических сил и парламента. Это был «просвещенный деспотизм эпохи индустриализации»², который Б. Мур определяет как режим, ориентированный на «консервативную модернизацию»³.

Бонапартистский лидер, как правило наделенный чертами харизматического деятеля, выступает как выразитель интересов народа и его защитник. Это сближает бонапартизм с новым явлением современности, заявившим о себе в последние десятилетия во многих странах, — **популизмом**. Популизм в современных условиях стал средством смягчения и контроля протестов народных масс и их требований, для чего активно используются принципы народного суверенитета и всеобщее голосование.

9.4. Популизм как категория политической социологии

Популизм получил значительное распространение в странах Латинской Америки. В странах этого континента, в отличие от ситуации в странах Европы конца XIX в., сохраняется преимущественно аграрный харак-

¹ Badie B. et all. Dictionnaire de la science politique. P. 33.

² Hermet G. L'autoritarisme // Grawitz M., Leca J. Op. cit. T. 2. P. 286.

³ См.: Moore B. Les origines sociales de la dictature et de la démocratie. P., 1983.

тер экономики и господство земельных собственников. Сохранение земельной собственности вплоть до середины XX в. обеспечило выживание клиентелистских отношений, особенно среди сельского населения. Это первое, что можно отметить, проводя сравнение между странами Европы конца XIX в. и современными латиноамериканскими странами.

Во-вторых, в странах Латинской Америки государства не являются сильными, авторитет которых не выходит, как правило, за пределы больших городов, сохраняя вплоть до наших дней следы патримониализма.

Наконец, в отличие от западных стран, массивная урбанизация стран Латинской Америки не является следствием индустриализации, как это имело место, например, в Европе: урбанизация здесь предшествует индустриализации. Неудивительно, что рост городского населения не сопровождается развитием рабочего класса и рабочего движения.

Получается так, что Латинская Америка как бы не созрела для реального демократического изменения, а также и для изменений бонапартистского стиля в условиях олигархического парламентаризма. При этом оказывается, что давление в пользу демократизации общества становится недостаточным, уступая давлению со стороны олигархии. Бонапартистские, по сути, решения оказываются непрактичными в силу бездеятельности государства, тем более что в большинстве стран нет достаточно сильного влияния пролетарской среды. Устойчивость режима определяет традиционный контроль над селом.

Популистская стратегия в политическом плане сталкивается с двойной проблемой. Если она нацелена на экономическую поддержку крестьянского мира, то необходимо учитывать то, что крестьянство находится под контролем нотаблей. Если указанная стратегия может вызывать недовольство предпринимателей, то они и до сегодняшнего дня во многих странах Латинской Америки остаются лишь маргинальной частью элиты.

Короче, *популистские стратегии* берут начало в переинтерпретации клиентелистского ресурса в урбанизированной, плебисцитарной, этатической и открыто диктаторской перспективе в большинстве случаев. Более того, эти проявления в течение XX в. укреплялись экономическим фактором во многих странах Латинской Амери-

ки. Отставание стран Латинской Америки от США и стран Западной Европы породило в правящей среде чувство зависимости и фрустрации. Однако эта негативная констатация стала питательной почвой для популизма. Она позволяла использовать вербальное разоблачение западного империализма как альтернативу доктрины классово-борьбы. Популистские правления, например Ж. Варгаса¹ в Бразилии, Х. Перона² в Аргентине, Насера в Египте, являлись контрреволюционными. Антиамериканизм или афишируемый нейтралитет был для них только отклонением. Выспренный радикализм, обращенный вовне, был ширмой внутреннего консерватизма, иногда абсолютно, иногда относительного.

Определения, обычно даваемые популизму, не включают в себя макиавеллистский момент. Основываются эти определения на легитимизирующей мифе, якобы присутствующим самим популистским стратегам. Для них, в частности для Варгаса, который широко использовал такую риторику в Бразилии с 1930 по 1955 г., популистский «чудотворец» становится «отцом бедных». Он является харизматическим лидером, который не терпит никакого посредничества между объединяемым народом и собой лично.

Такое клише предложил Э. Шилс³, который одним из первых анализировал этот феномен. Он рассматривает популизм как утверждение лидером примата народной воли, являющейся источником провиденциального суверенитета, вписанного в прямое отношение между любя-

¹ Варгас Жетулиу Дорнелис (1883–1954) — бразильский государственный и политический деятель. В 1930–1945 гг. — глава правительства и президент. Используя антиимпериалистические и националистические лозунги, сумел привлечь на свою сторону часть трудящихся. Заложил основы социального законодательства. В 1937 г. обнародовал корпоративную конституцию, провозгласившую Бразилию «новым государством». Запретил все политические партии. В августе 1954 г. во время государственного переворота покончил жизнь самоубийством.

² Перон де ла Соса Хуан Доминго — государственный и политический деятель Аргентины. Один из руководителей группы офицеров, совершивших в июне 1943 г. государственный переворот. Положил начало буржуазно-националистическому течению, выступавшему под лозунгом «За великую Аргентину». В 1946–1955 гг. — президент Аргентины. В 1947 г. создал Перонистскую партию. С сентября 1955 г. находился в эмиграции. В 1973 г. вновь был избран президентом Аргентины.

³ См.: Shils E. Political Development in the New States. S'Gravenhage: Mouton, 1962.

мым руководителем и мобилизуемым народом. Таким же является восприятие этого феномена Джино Джермани¹, который, соединяя демагогию с реальными намерениями, рассматривает популизм как требование равенства в условиях авторитаризма. Однако он указывает и на более точные черты. В частности, на способность создателей и проводников популизма предложить массам, разочаровавшимся в коррумпированных выборах, менее абстрактную политическую игру: речь идет, например, о политике, которая осуществляется при помощи манифестаций и защиты народного достоинства перед лицом внешнего империализма или внутреннего космополитизма. Эту идею более ясно выразил Мак Рей. Он отождествляет популизм с управлением искоренения населения, происходящим в итоге развития капитализма и урбанизации. В таком подходе популизм может выходить за пределы консервативного толкования с тем, чтобы стать выразителем примитивного романтизма, по Руссо. Он преобразуется в таком случае во взаимопроникновение способа патриархального господства каудильо и современных техник коммуникации и правления. Соединяются три ингредиента: ожидание масс в достижении некоего политического существования, связанного с антиимпериалистическими речами; эти речи позволяют операционализировать и превращать эти ожидания в идеализированный статус-кво к удовлетворению нотаблей.

Такая интерпретация, введенная Питером Уорслей, указывает на другие **атрибуты популизма**. В частности, скорее на моралистскую, чем на прагматическую динамику, иначе говоря, на расчетливое недоверие по отношению к проектам индустриализации. А также на обратный эффект, на основе которого контакт с массами оказывает воздействие как на них самих, так и на лидера. Наконец, нельзя не отметить суммарный и антиинтеллектуальный характер идеологии популизма, которая обращена к маленькому человеку и представителю коренного населения, что отражает страх перед крупными изменениями.

Идеология популизма отличается, как правило, агрессивностью. Однако эта идеология не имеет революцион-

ного содержания, т. к. популизм чаще всего стремится сохранить традиционное неравенство. Определяя популизм как патримониальный социализм, связывающий немногочисленный рабочий класс с лидером, который является избранным выходцем из олигархии, Джеймс Курт¹ указывает на его двойственность. При условии, однако, что не следует забывать того факта, что подчинение сельского населения питает этот союз нотаблей и урбанизированного плебса (так, мексиканский революционный режим стремился распространить на сельское население систему социальной защиты, установленную для рабочих в городах; в то время как Ж. Варгас не стремился проводить аграрную реформу в Бразилии). Следует сказать, что эта интерпретация должна учитывать многочисленные формы и противоречия реальной популистской власти.

Французский социолог Франсуа Буррико, указывая на долговременность феномена популизма, обращает внимание на его разнообразие. Популизм не ограничивается своим латиноамериканским выражением. Популизм может основываться на поддержке среднего класса, а может и не получать такой поддержки от этого важного в социальном и политическом смысле слоя, который далеко не всегда терпимо относится к олигархии. Такое дополнение к анализу феномена популизма позволяет отличать, например, «мелкобуржуазный» режим, установленный в итоге революции в Мексике, от патерналистского режима в Аргентине времен Перона.

Подход Ф. Буррико заключается в подчеркивании изменчивого характера популизма. Популизм как реальный политический феномен стал известен еще в XIX в. на севере Америки в виде фронды мелких сельских производителей перед лицом капиталистов или патрициев восточного побережья США. В это же время на Старом континенте популизм был представлен движением буланжистов², потом — движением католиков, выразителем которого был Ш. Пеги³, до того как

¹ См.: Kurth J. Political consequences of the product cycle: industrial history and political outcomes // International Organization. 33 (1). 1979. Winter.

² Буланжизм — шовинистическое движение во Франции в конце 80-х гг. XIX в. под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотра республиканской конституции (1875) и роспуска парламента. Возглавлялось генералом Жоржем Буланже (1837–1891).

³ Пеги Шарль (1873–1914) — французский поэт и публицист. В 90-е гг. XIX в. был связан с французской социалистической партией. Поэмы стили-

¹ См.: Germani G. Authoritarianism, fascism and national populism. New Brunswick, 1978.

это движение нашло выражение в христианской демократии Западной Европы. В более широкой трактовке, популизм берет начало в романтической сентиментальности, связанной со стремлением к возврату атавистических ценностей, примером чего могут быть народники в России и пангерманисты *Volkgeist* (Дух народа). Получается так, что популизм берет начало в Европе, однако укоренился он в Латинской Америке.

Дебаты по вопросам сущности популизма лучше всего иллюстрировать на примере характеристики природы **различных проявлений в системе правления**. То, что следует оставлять в стороне, связано с использованием популистской харизмы, проявляющейся в логике конкурентной и называемой демократической политической игры, которая открывает путь к власти¹. В такой логике мало что есть общего с истинной демократией. В итоге сохраняется популистская власть открыто или скрыто авторитарного характера, выведенная чаще всего из-под влияния представительных институтов. Это наглядно проявляется в типично популистской конфигурации, например, бразильского «жетулизма»². Такая конфигурация в полной мере отвечает цели мультиклассовой интеграции на консервативной основе. Она опирается в деревне на почти неизменное господство нобилей в лице земельных собственников, а в городах — на рабочих и мелкую буржуазию, объединенных в единых государственных профсоюзах или в социал-демократической партии, а потом, с 1950 по 1954 г., — на Бразильскую рабочую партию.

Вторая разновидность популистского правления является не менее классической. Она вписывается в авторитар-

зованы в духе наивной средневековой религиозной мистерии: «Мистерия о Жанне д'Арк» (1810), «Мистерия о святых праведниках» (1912), «Ева» (1913).

¹ Недавние примеры неопопулизма, основанного на результатах выборов, связаны с именами Фернандо Колор де Мело в Бразилии и Карлоса Менема в Аргентине. Другие латиноамериканские страны имеют в этом отношении еще более древнюю традицию. Так, Эквадор являет собой пример того, как электоральная конкуренция развивается между сельскими популистскими лидерами. То же самое можно сказать о Перу, когда речь идет о соперничестве Алана Гарсия с кандидатом на выборах в 2001 г., не меньшим популистом Толедо или с Альберто Фухиморо в 90-е гг.

² По имени диктатора Жетулио Варгаса, находившегося у власти с 1931 по 1945 г.

ную систему правящей партии, например Институционально-революционной партии в Мексике до 2000 г. Она характерна также и для Перу в период с 1930 по 1950 г.

Эти варианты популистского правления характеризуются известной революционностью. Это выражается, во-первых, в том, что они ущемляют олигархический статус-кво, проводя аграрную реформу; во-вторых — в поддержке всего того, что связано с коренными народами, прежде всего индейцами, сообщества которых стремятся сохранить себя, как, впрочем, сохранить и свой язык. Кроме того, особенность мексиканского популизма связана с тем, что он не является порождением устойчивых харизматических качеств провиденциального вождя, возвышающимся над политическими и социальными институтами на основе его связи с народом.

Как показывает история Мексики, харизма сменяющих друг друга мексиканских президентов является временной, ограниченной сроком невозобновляемого мандата. Президент является руководителем, наделенным властью той партии, к которой он принадлежит. Он является порождением партии, а не личностью, выдвинувшейся на политической сцене. Неудивительно, что, начиная с 40-х гг. прошлого столетия, в Мексике был положен конец постановке под вопрос сложившегося социального порядка. Это способствовало утверждению консервативного начала как в его сущности, так и в языке политики. И потому, если популизм, по-мексикански, называют и популистским, то это можно понимать только в ограниченном смысле. Свершившаяся здесь революция завершилась тем, что она позволила новой олигархии заменить собой старую олигархию на основе изменения положения дел с земельной собственностью.

Милитаризованный популизм является другим его выражением. Он сложился в Египте при правлении Насера Г.А. Однако сформированная им система власти заимствовала многие черты мексиканского популизма. В Египте, в частности, апеллировали к арабской идентичности. Другая разновидность такого популизма была представлена в Перу, где власть военных опиралась в 1968 — 1975 гг. на коллективную харизму армии, а не на гражданскую партию, как в Мексике. А. Лоуэнталь¹, изучавший попу-

¹ См.: Lowenthal A.F. The Peruvian Experiment. Continuity and Change under Military Rule. Princeton, 1975.

лизм Перу, указывает, что в его основании лежала политика государства на селе, но она не меняла сложившееся социальное равновесие. Другой пример — режим Ф. Кастро. Он утвердил на Острове свободы такой режим, который несет в себе черты авторитаризма и даже тоталитаризма. Напротив, аргентинский перонизм, скорее, является исключением, чем подтверждением его консервативного начала. Этот вариант режима популизма не рассматривает в качестве первоочередной задачи дестабилизацию социального равновесия. Учитывая ограниченную поддержку со стороны мелкой буржуазии и отсутствие понимания со стороны олигархии, перонистский режим строил свою политику на основе опоры на народную мобилизацию при помощи государственного профсоюза, который выполнял, по сути, функцию одной партии. Но этот же профсоюз и разрушит потом популистскую легитимность Перона. Есть все основания утверждать, что *популистский авторитаризм может быть основан только на национальной согласии, без чего он превращается в демагогию.*

9.5. Современный бюрократический авторитаризм

Говоря об истоках «сиротской динамики» власти и ее вариантах в странах Латинской Америки, популистская парадигма не выражает в полной мере нынешний авторитаризм в этих, как, впрочем, и в других странах. Исследованию этого вопроса уделяет внимание Хуан Линц¹. Опираясь на анализ диктатуры Франко в Испании, Х. Линц отбирал критерии для оценки политических процессов в Латинской Америке, а также на Тайване, в Сингапуре и Южной Корее. Х. Линц не довольствуется определением консервативного авторитаризма, который он описывает как способ правления при «ограниченном плюрализме». Он тем самым обозначает форму политического господства, которое не может опираться на разного рода цензы, преследующие цель исключения масс из легального политического поля. Такое господство строится на полном или

¹ См.: Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore; Londres, 1996; Linz J.J., Stepan A. (eds.). The Breakdown of Democratic Regimes. 4 vol. Baltimore; Londres, 1978.

селективном запрете партий и профсоюзов. И наоборот, поддержкой пользуются движения или течения, которые способствуют сохранению равновесия в обществе и поддерживают власть на основах конформизма. Те же из них, что угрожают сложившемуся статус-кво, оказываются под запретом, а если действуют, то только в условиях подполья и подвергаются преследованиям. Такие системы являют собой фигуру полудиктаторских либеральных систем, по примеру европейского *бонапартистского режима*, которые чаще всего возглавляются военными. Они являются также *режимами кооптации различной геометрии*, стремящимися получить гражданскую поддержку.

С точки зрения прямых или внепарламентских отношений, которые устанавливаются между различными социальными или экономическими кооптируемыми силами и центральной властью, европейские *авторитарные корпоративистские режимы*, по примеру диктатуры Салазара в Португалии или франкистского авторитаризма в Испании, представляют собой архетип такой формы правления. В этом смысле подход Ф. Шмиттера продолжает подход Х. Линца, когда он показывает, что «корпоративистское этатистское» устройство получает выражение как в цензовой и парламентской артикуляции в Португалии в 1974 г., так и при военных бразильских режимах в 1964–1985 гг. Это находит свое выражение и в том, что некоторые атрибуты государства переходят к профессиональным, культурным или образовательным структурам, что является «либеральной», достаточно парадоксальной уступкой авторитарного правления.

В том, что касается Латинской Америки, Хелио Хагуарибе¹ первым предложил понятие необисмарковской стратегии. Это понятие включает в себя одновременно концепции бонапартизма и ограниченного плюрализма. В рамках такой стратегии оказывается возможным учитывать как практику сильного президентского правления, так и практику полуавторитарных режимов, которые озабочены тем, чтобы канализировать расколы (противоречия), возникающие в результате индустриализации обществ, в рамках урезанных и контролируемых государством плюралистических систем, нацеленных на консер-

¹ См.: Jaguaribe H. Desarrollo economico y politico. Mexico: Fonda de Cultura economica, 1973.

вативную социализацию мелкобуржуазных масс и даже значительной части рабочих. Цель такого рода правления заключается в том, чтобы придать новый облик социальным основаниям политической игры и в то же время — наращивать национальное могущество на основе укрепления авторитета государства, в котором главную роль играет исполнительная власть, и ускорять индустриализацию страны. Отсюда выводится интеллектуальная связь, которую этот автор устанавливает между политическим проектом канцлера Бисмарка и проектами Варгаса и особенно президента Ж. Кубичека ди Оливейру¹ в Бразилии в 50–60-е гг. прошлого века.

Подход Хагуарибе еще более применим к *бразильским военным правлениям* периода 1964–1985 гг. Их конечной целью была одновременно консервация и модернизация. Для этого использовалось укрепление и реконструкция государства и технократическая рациональность в экономической области, а также политическая социализация. В экономике военные правители Бразилии сочетали действия власти по индустриализации с политикой открытости для вложений многонациональных предприятий, которые повернулись спиной к антиамериканскому национализму популистских руководителей на манер Варгаса. В политике военные также противопоставляли себя популизму. Их цель заключалась в том, чтобы дистанцироваться от всего того, что связано с обществом потребления. Нужно сказать, что это был вынужденный подход. Дело в том, что развитие промышленности на начальном этапе строилось на удержании низкого уровня заработной платы. К тому же часть инвестиций нужно было направлять в сельское хозяйство с тем, чтобы обеспечивать решение продовольственной проблемы. Такая цель предполагала в своей реализации длительный переходный период, в рамках которого практически было невозможно повышать реальные доходы народных масс.

¹ Кубичек ди Оливейру Жуселин (1902–1976) — бразильский государственный и политический деятель. Один из основателей и лидеров Социал-демократической партии (существовала в 1945–1966 гг.). В 1956–1961 гг. — президент Бразилии. Проводил националистическую политику, направленную на укрепление национального суверенитета, ускоренное экономическое развитие страны при сохранении «социального мира». С 1962 г. сенатор. После переворота 1964 г. был лишен политических прав на 10 лет.

В такой ситуации необходимо было быстрее улучшать положение средних классов, которые на начальной фазе играли большую роль в производстве. Это предполагало наличие «сильного» военного правительства, которое не было бы зависимым от итогов выборов. И только такое правительство могло проводить политику быстрого развития в условиях социальной напряженности.

При этом нужно было опираться на использование идеологического ресурса с тем, чтобы легитимизировать власть военных. Идеологическое обеспечение легитимности власти военных строилось на постулатах компетенции, что противопоставлялось народному согласию. Такая легитимность должна была получать подтверждение в среднесрочных материальных результатах, а не в лозунгах. Бразильская авторитарная динамика наблюдалась после 1956 г. Она имела много общего с динамикой Турции времен Мустафы Кемаля и Исмета Иноню, а также Южной Кореи в 1960–1980 гг.

На примере военной диктатуры в Бразилии бюрократическую авторитарную модель изучал Гильермо О'Доннел. Изначально он обратил свое внимание на два специфических аспекта *авторитарной латиноамериканской проблематики*. С одной стороны, так же как и Фернандо Энрике Кардозо¹, О'Доннел обратил внимание на связь между экономической и культурной зависимостью стран Латинской Америки и возникновение в результате этой зависимости нового типа военной диктатуры. А с другой — на институционализацию этих режимов. Если в предшествующий период военные режимы воспринимались как режимы временщиков, то, начиная с 60-х гг., они характеризуются стремлением установления долговременных отношений между государством и обществом на основе своей институционализации.

В таком подходе стали возможны проекты долговременной реализации, в частности проекты модернизации, позволяющие избежать опасности социальных взрывов, которые несли в себе прежние популистские стратегии. В отличие от популистских правительств военные стремились использовать националистический ресурс, опиравшийся на доктрину «национальной безопасности».

¹ См.: Cardoso F.H. Politique et développement dans les sociétés dépendantes. P., 1971.

А эта доктрина, в свою очередь, предполагала развитие промышленности и сотрудничество с многонациональными корпорациями. Наконец, эти режимы выдвигали идею восстановления авторитета государства, которое под руководством военных было бы способным технически и социальными средствами вести дело к лучшему.

Позднее О' Доннел внес уточнение в эту модель, учтя критику, прозвучавшую со стороны Альберта Хиршмана¹. Он согласился с тем, что стратегия экономической и социальной модернизации авторитарного бюрократического государства была присуща не только военным режимам Бразилии, Уругвая, а в некоторые моменты — Аргентины в 70-е гг. Бюрократическое модернизирующее государство может строиться на сильной гражданской власти или власти, находящейся на пути демилитаризации. Оно может действовать на основе правил демократии, более того — осуществлять демократизацию на основе структурных и культурных преобразований. В этом подход О'Доннела совпадает с взглядами Дэвида Коляе² и Джеймса Курта³. Они полагают, что **бюрократический авторитаризм** может способствовать развитию массового потребления и на этой основе могут осуществляться демократические преобразования. Пример тому — переход от авторитаризма к демократии в Испании, который применим с учетом местных условий и в Латинской Америке, и Юго-Восточной Азии.

Нужно сказать, что страны народной демократии Восточной Европы и Советский Союз после ухода из жизни И.В. Сталина являют собой другой пример бюрократического авторитаризма. В этих социалистических режимах, отказавшихся от былых революционных амбиций, монополия на власть государства и партии, охватывавшая все стороны общественной жизни, была подчинена целям сохранения у власти руководства этих стран. Такая монополия в определенные периоды была достаточно эффективной. При этом она позволяла некоторым независимым

¹ См.: *Hirschman A.O.* A Bias for Hope. Essays on Development and Latin America. New Haven, 1971.

² См.: *Collier D.* (ed.). The New Authoritarianism in Latin America. Princeton, 1979.

³ См.: *Kurth J.* Political consequences of the product cycle: industrial history and political outcomes // *International Organization*. 33 (1). 1979. Winter.

от власти силам и группам определенную, хотя и ограниченную свободу действий. Примером чего могут быть католическая церковь в Польше, движение диссидентов, националистические движения и т. д.

План главы

- 10.1. Понятие «тоталитаризм».
- 10.2. Предпосылки возникновения тоталитарного политического режима.
- 10.3. Признаки тоталитаризма.
- 10.4. Разновидности тоталитаризма.
- 10.5. Тоталитаризм и современность.

Тоталитарные системы власти по своей сути являются авторитарными режимами. И не только потому, что оба этих режима прибегают к открытому физическому насилию в тех или иных ситуациях или масштабах, что, как известно, несовместимо с демократией. Но и потому, что они основываются на таком властном отношении, в котором исключается открытое и легальное соперничество за обладание властью, в котором отсутствует контроль над руководством страны со стороны общества. В то же время между этими режимами существуют существенные различия.

10.1. Понятие «тоталитаризм»

Термин «тоталитаризм» (от лат. *totalitas* — целостность) появился в 20-х гг. прошлого столетия в Италии и приобрел политическую окраску после того, как Б. Муссолини использовал его для характеристики установленных им политических порядков на основе теории «органистского государства» (*stato totalitario*), олицетворявшего мощь официальной власти и призванного обеспечить высокую степень сплочения государства и общества.

Идея всемогущей и всепоглощающей власти разрабатывалась теоретиками фашизма Дж. Джентиле и А. Розенбергом, встречалась и в политических сочинениях «левых коммунистов», Л. Троцкого. Параллельно представители «евразийского» течения (Н. Трубецкой, П. Савицкий) вырабатывали концепцию «идеи-правительницы», освещающую установление сильной и жестокой по отношению к врагам государства власти.

Настойчивая апелляция к сильному и могучему государству во многом опиралась на представления Платона об идеальной власти и идеальном государстве, на воззрения Гегеля, Т. Гоббса, Т. Мора, воспевавших сильное и совершенное государство. Такая система власти описана и в ряде литературных произведений, в частности в антиутопиях Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина, которые дали точный образ общества, подвергшегося абсолютному насилию власти.

Одним из первых (в 30-х гг. прошлого века) ввел в научный оборот термин «тоталитаризм» немецкий философ и политолог К. Шмитт, а уже перед началом Второй мировой войны в США состоялся симпозиум, рассмотревший феномен тоталитарного государства.

В 40-е и 50-е гг. XX в. начинает складываться цельная теория тоталитарного политического режима. Так, в 1944 г. Ф. Хайек написал знаменитую «Дорогу к рабству», в 1951 г. вышла книга Х. Арендт «Истоки тоталитаризма», а спустя четыре года американские ученые К. Фридрих и З. Бжезинский опубликовали свой труд «Тоталитарная диктатура и автократия». В этих работах впервые была сделана попытка систематизации признаков тоталитарной власти и раскрытия взаимодействия социальных и политических структур в этих обществах.

Значительный вклад в исследование коммунистического тоталитаризма в 20—30-е гг. прошлого столетия внесли русские философы Н. Бердяев, Г. Федотов, П. Струве, С. Франк. В отличие от западных исследователей они, как правило, уделяли внимание не политико-институциональному, а философскому анализу тоталитаризма. Глубокий анализ советской разновидности тоталитаризма дан в книге Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» и в статье Г. Федотова «Сталинокрафия»¹.

¹ См.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Мыслители русского зарубежья. СПб., 1992.

В настоящее время большинство ученых придерживается мнения о том, что тоталитаризм представляет собой весьма специфическую систему организации политической власти. Тоталитаризм — это такой политический режим, который характеризуется широким и разносторонним контролем со стороны государственной власти над отдельным человеком и всем обществом, единой идеологией, направленностью внешней и внутренней политики на общие коллективистские цели.

Отдельные элементы тоталитарного политического режима исторически обнаруживаются во многих типах диктатур. Так, в восточных деспотиях можно было видеть жесткость правления и абсолютный авторитет владыки, в средневековых государствах Европы — абсолютное господство веры в жизнедеятельности людей и т. д. Однако в целостном виде тоталитарный режим возникает в определенный исторический период.

10.2. Предпосылки возникновения тоталитарного политического режима

К числу главнейших предпосылок возникновения такого режима относится становление **индустриального развитого общества**. Одним из существенных следствий этого стало **усложнение общественной структуры**, что привело к разрушению привычных связей между традиционными социальными слоями и группами общества, а также к появлению новых социальных групп. В условиях невиданных ранее демографических сдвигов отдельный человек терял социальную устойчивость и стремился отыскать точку опоры в «понятной» и устремленной в будущее идеологии.

Усложнение социальной структуры во многом было следствием решительного **изменения экономических отношений**, которые испытывали на себе влияние процессов сращивания разного рода финансовых групп и корпораций с государственными хозяйственными органами, что открывало дорогу для проникновения государства в сферу экономики и сужало область проявления частной инициативы.

Тоталитарные тенденции подстегивались **интенсивным развитием науки и техники**, что порождало иллю-

зию полной познаваемости законов природы и общества. В общественном сознании утверждалось представление о возможности тотального планирования общественного развития в целях достижения всеобщего процветания в исторически обозримые сроки. Ставка в практической реализации этого рода иллюзий делалась на **государственный аппарат** с его возможностями всеобъемлющего контроля всех сфер общественной жизни.

В качестве предпосылки для возникновения тоталитарного политического режима исследователи отмечают **появление массовых коммуникаций**, позволявших не только установление прямых отношений государства с различными социальными слоями и группами общества, но и с отдельными гражданами.

Утверждению тоталитарных политических режимов способствовало и **улучшение материального состояния** основной массы населения, что еще больше укрепляло убежденность общества в пользе дальнейшей централизации власти и всемерного контроля государства над всеми сферами жизнедеятельности людей.

Значительную роль в становлении тоталитарного политического режима играют **социально-экономические предпосылки**. Они связаны прежде всего с тем, что утверждению тоталитарного строя, как правило, предшествует глубокий кризис, ведущий к резкому возрастанию экономических бедствий большей части населения. В результате кризиса значительная часть общества оказывается на обочине общественного развития, лишается привычной общественной среды. Они образуют значительный слой маргиналов. А это, в свою очередь, порождает среди данной части общества агрессивность, стремление радикально преобразовать общественную структуру.

Политические предпосылки возникновения тоталитарного режима связаны не только с тем, что экономические и политические ресурсы сосредоточиваются в руках государства. Первостепенную роль в политической жизни общества начинает играть партия нового типа, действующая на принципах жесткой дисциплины и завоевывающая массы при помощи откровенной демагогии. Такие партии действуют на основе идеологии, признаваемой в качестве единственно верной. И еще. Во главе такой партии оказывается вождь, действия которого не подлежат обсуждению.

Выделяют также и психологические предпосылки. Они связаны с усилением влияния в обществе коллективистских настроений, которые неизбежно ведут к полному подчинению отдельной личности коллективу, общественному целому. В этом же направлении действует и тот факт, что в обществе получает распространение массовая психологическая неудовлетворенность разрушением традиционных общественных отношений, когда отдельная личность оказывается дезориентированной, утрачивает способность правильно оценивать происходящее и стремится найти некую новую опору. Такую опору она находит в тоталитарной идеологии, зовущей к великим свершениям и победам. И тогда маленькая личность обретает способность ощущать себя актером истории.

10.3. Признаки тоталитаризма

Едва ли не важнейшим признаком тоталитарного политического режима является **идеологизация всех сфер общественной жизни**. Как отмечал Карл Фридрих, идеология тоталитаризма ориентирована «на улучшение конечного состояния человечества, на которое она нацелена. Это означает, что она включает в себя милленаристские¹ претензии, основанные на радикальном отказе от общества в том виде, в каком оно существует, и стремится завоевать мир в целях установления нового общества»².

Единственно верная идеология является официальным основанием для принятия решений в экономике, политике, социальной сфере. Какой бы ни была социальная цель тоталитарного режима, его идеология является выразителем собственного варианта установления «светлого будущего» и общественного благополучия. Однако установление такого идеального строя основывалось на утверждении **социальных привилегий** определенных групп, что оправдывало и даже стимулировало насилие по отношению к другим общностям граждан. Например, советские коммунисты связывали «светлое

¹ Милленаризм — религиозно-мистическое учение о тысячелетнем земном царствовании Христа, которое должно наступить перед концом мира.

² Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 265; Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge, 1965. P. 15–27; Friedrich C.J. (ed.). Totalitarianism. Cambridge, 1954.

будущее» с руководящей ролью рабочего класса. Немецкие национал-социалисты в центр созидания общества ставили расу, нацию. Идеология «чучхе» ставит вопрос об исключительности корейцев как особой национальной группы, находящейся под руководством товарища Ким Чен Ира — наследника «великого вождя» Ким Ир Сена. Таким образом, тоталитарные идеологии являются орудием обеспечения интересов социальных лидеров и средством оправдания репрессий и насилия над их противниками.

Тоталитарные идеологии в своей основе являются **мифологическими**. Они не ставят перед собой задачи адекватного отражения социальной реальности. Их призвание — популяризировать искусственно созданную и чаще всего оторванную от реальности будущую картину мира. Несмотря на свою оторванность от реальности, эти идеологии, будучи востребованными в условиях кризиса, способны подчинять себе сознание масс.

Скажем и о том, что мифологические идеологии являются откровенно **конфронтационными** по отношению к любому иному идеологическому течению. В этом коренится идея внешней экспансии и «воинственности» во внутренней политике, что сопровождается непримиримой борьбой с «внешними» и «внутренними» врагами. Так, для советских коммунистов политическими противниками была не только «мировая буржуазия», но и представители целого ряда социальных кругов: сторонники царского режима (белогвардейцы), служители культа (священники), представители либеральной интеллигенции, предприниматели, кулаки и т. д. Внутренними врагами немецких нацистов были евреи и другие представители «низших рас», которые якобы несли угрозу рейху.

Необходимость сохранения идейной чистоты и целеустремленности в построении «нового» общества предполагала создание **специфической политической системы** в обществе.

Исходя из потребности жесткой идейной ориентации государственной политики, необходимости постоянного идеологического контроля за деятельностью всех органов власти, рассматриваемый тоталитарный режим, что называется, обречен на **срастание** государства и правящей партии.

Господство одной политической партии, организованной иерархически и олигархически и руководимой

одним человеком, в основе своей имело объединение относительно узкой части населения (до 10 процентов), ядро которой слепо верило в идеологию этой партии.

Образуется, значит, специфический центр власти, который нельзя идентифицировать ни как государство, ни как партию. Это было особенно характерно для нашей бывшей Родины — СССР. Конституционное закрепление за коммунистической партией руководящей роли в обществе означало по сути дела полный приоритет идеологических подходов в решении любых задач.

Политическое господство государства-партии подкреплялось централизованным контролем и планированием в экономической сфере. Монопольное господство государственной собственности, недопущение частной собственности ставили государство в положение единственного работодателя, самостоятельно определявшего и условия труда, и критерии оценки его результатов, и потребности населения. Правда, партийно-государственная власть Гитлера в Германии не стала осуществлять жесткую регламентацию в промышленности и сельском хозяйстве. Она не пошла на полное огосударствление собственности, как это было в СССР. В нацистской Германии сохранялась довольно широкая сфера самостоятельности в экономической области, хотя сама экономика довольно жестко контролировалась государством.

Важным признаком тоталитарного режима выступает подавление личности, обезличивание человека, превращение его в однотипный винтик громоздкой государственной машины. Один из немецких политологов писал, что человек в тоталитарном государстве представляется «животной разновидностью человека». Тоталитарное государство — это организация деперсонализованных, лишенных своего «я» менеджеров и миллионов дегуманизованных, обесчеловеченных рабов¹.

Тоталитарный режим стремится к полной трансформации человека в соответствии с укorenившейся в обществе идеологией (фашизм, марксизм). Ставится задача сформировать определенный тип личности с особым психическим складом, ментальностью, поведением. И достигается это посредством широко осуществляемой стандартизации и унификации индивидуальности, растворения

¹ См.: Ноак П. Что такое политика? // Зарубежная политическая наука. История и современность. Вып. 1. М., 1990. С. 87.

ее в массу, подавлением индивидуального, личного начала в человеке. Вместо одного типа личности, которому свойственны индивидуальность, своеобразие, самобытность, формируется в соответствии с идеологическими канонами другой тип человека тоталитарного общества, в котором нет места индивидуальным особенностям. Их заменяет однообразие, одномерность, единомыслие.

Монолитность тоталитарной политической власти вылилась в практическое *срастание всех ветвей власти* — исполнительной, законодательной и судебной. Политическая оппозиция как публичный институт отсутствовала. Механизмы самоуправления и самоорганизации утратили присущие им автономность и самостоятельность. Власть делала акцент только на коллективные формы и способы социальной и политической активности. Выборы были превращены по своей сути только в голосование по заранее определенному сценарию.

Для контроля за монолитным политическим порядком в тоталитарных обществах создавалась секретная *политическая полиция* (в Германии — отряды СС, в СССР — ВЧК, НКВД, КГБ). Это был своеобразный механизм контроля и управления, который использовался в том числе и для того, чтобы разрешать конфликты внутри правящего слоя. Одновременно это была одна из наиболее привлекательных областей государственной службы с точки зрения условий и оплаты труда.

Словом, тоталитарный политический режим отличает универсальная политико-идеологическая форма регулирования социальных процессов, которая *стерла границу* между государством и обществом. В итоге власть получила неограниченный доступ во все сферы общественных отношений, вплоть до личной жизни человека. При этом активно использовались методы террора, агрессии, геноцида против собственного народа.

Зададимся вопросом: что же представляет собой феномен тоталитаризма? Ответ на этот вопрос в свое время был дан, например, Р. Ароном в его работе «Демократия и тоталитаризм», где определены пять его основных признаков.

1. Тоталитаризм возникает в режиме, предоставляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность.

2. Эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой она придает статус един-

ственного авторитета, а в дальнейшем — и официальной государственной истины.

3. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеждения. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации — радио, телевидением, печатью.

4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находится в подчинении государства и становится его частью. Поскольку государство неотделимо от своей идеологии, почти на все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная истина.

5. В связи с тем что любая деятельность стала государственной и подчиненной идеологии, любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в прегрешение идеологическое. Результат — политизация, идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический¹.

Силовые и принудительные методы и технологии в тоталитарном режиме пользуются безусловным приоритетом власти. Это имело необратимые последствия для политической системы общества: она утратила политический характер, действуя на принципах принуждения, насилия и диктата.

10.4. Разновидности тоталитаризма

При всем относительном разнообразии тоталитарных порядков в фашистской Германии, СССР сталинского и постсталинского периодов, Албании, постреволюционном Иране, на Кубе, в Северной Корее и других странах мира история дала образцы трех основных типов тоталитаризма: **фашистского, коммунистического и теократического.**

Самой исторически длительной явилась **коммунистическая форма тоталитаризма.** В своих основных элементах она сложилась как система военного коммунизма в условиях Гражданской войны 1918 — 1920 гг. Ряд исследователей рассматривают этот вид тоталитаризма как клас-

сический, ибо он предполагает максимальный государственный контроль во всех сферах, полную ликвидацию частной собственности, подчинение отдельного человека государственным интересам, формируемым на основе единственно правильной и научной идеологии.

Выделяются следующие этапы развития тоталитаризма в СССР. Первый этап (с 1917 г. до середины 20-х гг.) характеризуется большевистским радикализмом, недооценкой значимости личности, широким террором, массовыми репрессиями. Второй этап (с середины 20-х гг. до середины 50-х гг.) связан с установлением режима личной власти Сталина и с вытекающими из этого факта последствиями. Третий этап (с середины 50-х гг. до середины 80-х гг.) характеризуется отсутствием массовых репрессий, но отдельными проявлениями жестокости (преследование диссидентов, подавление движений протеста и т. п.).

Фашизм как форма тоталитаризма возник в Италии в 1922 г. Он выступал с позиций возрождения великой римской государственности, национальной идентичности народа, создания этнически чистой мощной державы с крепкой экономикой. Эти установки находили отклик у значительной части населения страны. Известной популярностью идеологии фашизма способствовало и то, что в Италии тоталитаризм был куда как мягче по своим последствиям для населения, чем, скажем, в СССР и Германии.

Человеконенавистнической разновидностью фашизма был **немецкий национал-социализм,** получивший государственное воплощение в 1933 г. Тоталитарный нацистский режим просуществовал до 1945 г. В Германии, как мы уже отмечали, упор делался на национальное и расовое превосходство немцев, а также поиск внешнего врага, неполноценных рас, которые нужно подчинить или уничтожить.

С 1937 г. и вплоть до начала 50-х гг. фашистский режим существовал в Испании.

В последние десятилетия заявил о себе религиозный тоталитаризм. Такая политическая практика характерна для Ирана, где вся общественная жизнь строится на основе установок ислама с его жесткими требованиями как к своим последователям, так и нетерпимостью к неверным. Свообразной разновидностью этого типа тоталитаризма с приходом к власти талибов стал Афганистан, где по многим показателям отмечено попятное движение общества в его развитии, где до самого недавнего времени был введен

запрет на многое из того, что стало обычным бытом людей, вступивших в XXI в.

И еще об одном. В политологической литературе нередко используется упрощенное отождествление тоталитарных режимов гитлеровской Германии и Советского Союза периода сталинизма. В этом отношении интерес представляет позиция Р. Арона, приведем ее: «Цель национал-социалистической партии состояла в том, чтобы перекрыть расовую карту Европы, уничтожив целые народы, названные низшими, и обеспечить победу народа, считавшего себя высшим. То было время террора, и предвидеть его было еще труднее, чем террор, обрушившийся на советских граждан, цели которого — и это особенно важно — совершенно иные. Цель террора в СССР — создание общества, полностью отвечающего определенному идеалу, тогда как для Гитлера истребление было важно само по себе.

Вот почему, переходя от истории к идеологии, я по-прежнему буду настаивать на том, что это различие двух видов террора решающее, какими бы ни были черты сходства. Различие это — решающее из-за идеи, вдохновляющей каждую из систем; в одном случае завершающим этапом оказывается трудовой лагерь, в другом — газовая камера. В одном случае действует воля к построению нового режима, а может быть, и создание нового человека, и для достижения этой цели годятся любые средства; в другом — проявляется прямо-таки дьявольская воля к уничтожению некой псевдорасы.

Если коротко изложить смысл целей, которые ставят перед собой обе системы, я мог бы предложить две формулировки. Говоря о цели советской системы, я напомнил бы известную мысль: "Кто хочет уподобиться ангелу, уподобляется зверю"¹. По поводу же гитлеровской системы сказал бы: человеку незачем хотеть уподобиться хищному зверю, уж слишком легко у него это получается»².

10.5. Тоталитаризм и современность

Исторический опыт развития многих стран свидетельствует, что система власти, построенная на тоталитар-

ных принципах, не способна гибко приспособляться к возрастающей динамике общественного развития начала XXI в. Тоталитаризм оказывается неспособным создать необходимые политические предпосылки для развития рыночных отношений и экономической инициативы граждан. Это политически неконкурентная система власти.

Крайне узкой является социальная база тоталитарной власти. Невозможно добиться массовой поддержки людей в длительной исторической перспективе, если власть опирается на репрессии, террор и порождаемый ими в душах людей страх. Тоталитарный режим задыхается в условиях демократических преобразований. Он не может сосуществовать с наличием в обществе политической оппозиции, не способен жить в условиях плюрализма. И потому, судя по всему, феномен тоталитаризма во многом остался в прошлом, в XX в.

В современных условиях, когда необычайно быстрое развитие получают средства коммуникации и информации, в том числе и во всемирном масштабе (Интернет), тоталитаризм просто не имеет будущего. Однако это не значит, что в тех или иных формах он не может появиться вновь. Пример Афганистана в период безраздельного господства в нем представителей движения Талибан лишь подтверждает этот вывод. Попытки установления такого типа господства имели место и на просторах бывшего СССР, в частности в Таджикистане, где с помощью силы оружия оппозиция предпринимала усилия по утверждению исламского режима в стране.

¹ Неточная цитата из «Мыслей» Блеза Паскаля.

² Арон Р. Демократия и тоталитаризм. С. 241–242.

План главы

- 11.1. Либеральная демократия:
 - А. Человеческие основания и неопределенность политики.
 - Б. Свобода против абсолютизма.
 - В. Институционализация политических свобод.
- 11.2. Представительная демократия:
 - А. Принцип представительства.
 - Б. Принцип и формы представительного правления.
 - В. Меняющийся режим.

Демократия как режим власти народа может быть определена как такой политический режим, который основывается на участии населения в выработке и проведении в жизнь политики, или как режим, в котором все то, что определяется как публичная сфера, принадлежит всем или открыто для участия всех¹. Что это может означать? Это означает, что все решения принимаются при активном участии управляемых. Причем для этого созданы и гарантированы условия, позволяющие такое участие.

Как мы уже отмечали, демократия как режим и форма правления возникла в Древней Греции. Однако было бы крайне ошибочным отождествление античной и современной демократии. Между ними есть существенные различия. Прежде всего следует сказать, что современные демократические режимы являются *представительными*,

тогда как в Древней Греции утвердилась прямая демократия. Кроме того, современные демократические режимы являются *либеральными*, имеющими в качестве основной цели признание, утверждение и сохранение свобод управляемых, тогда как в Афинах свободой обладала лишь часть населения. При этом афинская демократия не имела, по сути дела, ничего общего с идеями и практикой либерализма, который во многом определяет лицо современной демократии.

11.1. Либеральная демократия

В конце XVII и в начале XVIII в. либерализм, получивший распространение в Европе и на Севере Америки, выступал как критика существующего политического порядка, в частности абсолютистской монархии, и как некое предложение нового политического порядка. Ставились, значит, под вопрос как *основания*, так и *формы* существовавшей тогда власти.

А. Человеческие основания
и неопределенность политики

Для того чтобы выявить истоки либерализма, нужно обратиться к наследию Н. Макиавелли и Т. Гоббса, как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд. Первый из них, как известно, полностью оправдывал действия власти, освобождая государей от какой бы то ни было моральной и правовой ответственности за свою деятельность. Тем самым Макиавелли порвал с политической философией античного мира и Средневековья, в которой едва ли не главное внимание уделялось поиску наилучшего режима, т. е. такого политического порядка, который был бы наиболее благоприятным для добродетели, способной отвечать требованиям человека.

Вот как характеризует вклад в развитие взглядов на власть и политический режим американский автор, получивший широкую известность в России после опубликования статьи «Конец истории?», Ф. Фукуяма: «В настоящее время Макиавелли известен прежде всего как автор откровенных до бесстыдства максимумов жестокой природе политики — например, что пусть

¹ См.: *Castoriadis C. La démocratie comme procédure et comme régime.* P. 229.

лучше бояться, чем любить, или что человек должен держать свое слово только тогда, когда это в его интересах. Макиавелли был основателем современной политической философии, и он считал, что человек может быть хозяином своего земного дома, если будет исходить не из того, какой должна быть жизнь, но из того, какая она есть на самом деле. Вместо того чтобы пытаться улучшить людей образованием, как учил Платон, Макиавелли искал способы создать хороший политический порядок, исходя из порочной природы людей: зло можно заставить служить целям добра, если канализировать его с помощью соответствующих институтов»¹.

Н. Макиавелли разоблачил нереалистический характер проектов по улучшению политических режимов, которые он расценивает не более как утопические мечтания. Его основное правило: знать, как *фактически* живут люди. То, как они должны были бы жить, его не интересует².

Второй же, Т. Гоббс (1588—1679), был «певцом» абсолютного государства, открывая тем самым путь для утверждения монархического абсолютизма и будущих тоталитарных систем власти. Т. Гоббс, выступая с позиций договорного происхождения государственной власти, снимает с государства ореол божественности, мистицизма, надчеловечности. В итоге власть, политический режим предстают как результат человеческих действий, правового соглашения. Политический режим, значит, со времен Т. Гоббса, а потом и Д. Локка обретает свое земное и человеческое основание.

Есть основания полагать, что и Н. Макиавелли, и Т. Гоббс совершили интеллектуальный разрыв с прежними представлениями о власти и тем самым открыли путь для последующего утверждения либерализма и демократии³.

Подход указанных нами мыслителей сложился в итоге тех реальных событий, которые охватили Европу. Речь идет о религиозных войнах в период Реформации во Франции, а потом в центре Европы и Англии. Это поставило перед государствами на старом континенте такие проблемы, ко-

торых в прежние годы просто не существовало. С одной стороны, конфликты XVI—XVII вв. имели религиозное основание, и они отличались непримиримостью «воюющих» сторон, а с другой — политическая власть оказалась прямым участником таких конфликтов, поддерживая одну из конфликтующих сторон. К этому следует добавить: такая позиция политической власти объяснялась тем, что ее легитимность определялась в решающей степени именно тесной связью с религией. Более того, учитывая реальный контекст социальной жизни того времени, без обращения к Божественному откровению невозможно было сформировать представление и в теории, и на практике основания для политического порядка в данном обществе. Однако сама жизнь требовала того, чтобы преодолеть конфликт и утвердить мирный порядок в обществе.

В поисках ответа на указанную проблему Т. Гоббс строил свои размышления над основанием власти и политическим порядком в обществе. И это размышление обрело форму общественного договора, который означал переход от естественного состояния к состоянию социальному и политическому. Для того чтобы преодолеть страх и угрозы, характерные для естественного состояния, люди соглашались отказаться от своего суверенного права определять и использовать необходимые средства для своего выживания (в частности, использование насилия) при условии, что подобными образом поступают все сограждане. Общественный договор указывает на сторону, которая является внешней для контрактантов, — на государство, обретающее на основе этого договора силу и право использовать насилие, от которого отказываются контрактанты. В итоге Т. Гоббс утверждает абсолютную власть, которая оказывается способной утвердить гражданский мир в обществе и которой люди не смогут противостоять. При этом Т. Гоббс полагает, что такая власть не связана напрямую с церковью. Это означает, что, по Гоббсу, абсолютное государство становится нейтральным. Оно не является более защитником одной церкви от других церквей, одного религиозного учения от других.

Поверх вопроса абсолютизма теория Т. Гоббса выделяет три главных принципа, необходимые для построения демократического режима.

1. Разделение мнений и власти. Это означает, что власть является нейтральной. Она как бы не имеет своего

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 285.

² См.: Farago F. Les grands courants de la pensée politique. P., 1998. P. 32.

³ См.: Lecomte J.-P. Op. cit. P. 284.

мнения. А то или иное общественное мнение в результате оказывается несвязанным с властью. Оно в итоге оказывается в области частной сферы.

2. На основе общественного договора Т. Гоббс определяет человеческие основания для политической власти, что противопоставляет ее любой форме трансцендентности, т. е. прямой связи с тем или иным религиозным учением. А это открывало перспективу утверждения приоритета воли индивидов в деле политической организации общества. В итоге утверждалась идея о том, что *государство и общество рождаются не по воле Бога, но по воле людей*, которые охвачены страхом, присущим естественному состоянию. И потому организация и развитие государственности должны подчиняться только воле людей, которая определила ее (государственности) возникновение.

Опираясь на теорию общественного договора, либерализм воспримет на свой счет вывод о человеческих истоках политики, а также о неопределенности самой политики в силу этого. Политика, согласно представлениям либерализма, не является творением богов или природы, а формой политической организации общества, как и его политический выбор не является определенным заранее, они — результат столкновения человеческих воль. На основе такого подхода был вторично (после эксперимента в Древней Греции) открыт путь для утверждения демократического политического режима, в котором политические институты создаются не извне общества, а самим обществом.

3. Договорная модель политической организации общества утверждает идею изначального и фундаментального равенства людей, которые являются суверенными в естественном состоянии и равными как контрактанты. Это приводит, с другой стороны, к утверждению идеи о том, что каждый человек как таковой наделен неотчуждаемыми фундаментальными правами (безопасность — у Гоббса, собственность — у Локка), перед которыми оказывается бессильной даже политическая власть, сформированная на основе договора.

Б. Свобода против абсолютизма

Становление либерализма, выражавшего интересы утверждавшейся в качестве господствующей силы общества буржуазии, происходило в борьбе против арбитража и абсолютизма королевской власти. Первые шаги нового по-

нимания сути политической жизни общества были, как известно, осуществлены британскими парламентариями, которые в 1679 г. приняли важнейший документ, закреплявший права человека юридически, — *Хабеас корпус акт* (1679), а чуть позднее — *Билль о правах* (1689). Оба этих документа защищали свободы и права индивидов от произвола абсолютистской власти. В XVIII в. к указанному подходу добавляется понимание того, что уважение неотчуждаемых прав и свобод является не только выражением справедливости, но и выражением социально-функциональной необходимости в развитии общества по пути утверждения современного капитализма.

Либерализм предложил иные основания для господства политической власти над обществом. Это получило выражение, например, в известной сатирической *«Басне о пчелах»* (1714) английского писателя Бернарда Мандевилля (1670 — 1733) или в теории *«Невигимой руки»* рынка (1776) шотландского философа и экономиста Адама Смита (1723 — 1790), которые утверждали, что свободная игра личных интересов не является препятствием для гармоничного развития общества.

Согласно Б. Мандевиллю, общество является сферой объективно необходимого межчеловеческого взаимодействия, в котором каждый «может найти свою цель, работая на других», «добро возникает и прорастает из зла», причиняемого людьми друг другу. Получается так, что честность и полезность не совпадают, а добродетель вовсе не отождествляется с социальной полезностью; пороки индивидов оказываются благом для общества, а эгоизм каждого — условием благополучия всех.

В итоге из жизни общества, по сути дела, исключается общественная жизнь на принципах добродетели в ее классическом смысле. На ее месте утверждается интерес. Более того, он становится принципом общества. И что очень важно, экономика замещает мораль. А обмен, рынок замещают договор как средство социального регулирования и политики¹.

Эту же мысль, но на свой манер формулировал и А. Смит: «Руководя своим делом таким образом, чтобы его продукт имел наибольшую из возможных цену, он думает только о своей выгоде; в этом случае, как и во мно-

¹ См.: Желтов В.В., Желтов М.В. Указ. соч. С. 180–181.

гих других, им руководит невидимая рука в достижении цели, которая вовсе не входит в его намерения... Стремясь реализовать только свой собственный интерес, он зачастую работает наиболее эффективным образом на интерес общества, чем если бы он имел изначально эту цель»¹.

Как мы уже отмечали, в этой ситуации Ш. Монтескье предложил изменить институционное устройство власти с таким расчетом, чтобы власть не имела возможности покусаться на такого рода поведения людей.

Другой подход во имя достижения указанной цели связан с ограничением поля деятельности власти, суть которого заключается в том, чтобы гарантировать неотчуждаемые права индивидов, вполне конкретно определяя сферу свободы человека, куда власть просто не может проникать. Такими ограничителями стали уже упоминавшиеся нами *Хабеас корпус акт* (1679) и *Билль о правах* (1689) в Англии, *Билль о правах* (1789) в США и *Декларация прав человека и гражданина* (1789) во Франции. Все это были важные шаги по подчинению на деле политической власти праву.

Либерализм, решительно выступая против власти короля, изначально защищал индивидуальные свободы. Но при этом, конечно же, представители либерализма (и Ш. Монтескье и Б. Констан) выступали и за ограничение монархической власти. Более того, не имея точного представления о границах власти, либералы выступали, возможно несколько упрощенно, как это может показаться с позиций сегодняшнего дня, против самой власти как ограничителя свобод. И неудивительно, что после свершения революции 1789 г. во Франции революционеры-либералы выступали против арбитража и избытка власти абсолютного суверенитета народа. В этой связи Б. Констан писал: «Определенная часть человеческого существования, которая по необходимости остается индивидуальной и независимой и которая по праву находится вне социальной компетентности. Суверенитет существует только как ограниченный и относительный. В точке, где начинается индивидуальная независимость и индивидуальное существование, останавливается юрисдикция этого суверените-

¹ *Smith A. Recherche sur la nature et les causes de la richesse des nations*. P., 1966. Т. 2. P. 35.

та... Общество не может превышать свою компетенцию, не становясь узурпаторским, а большинство становится мятежным. Согласие с большинством не означает легитимацию его действий: это значит, что ничто не может санкционировать; когда какой-либо авторитет совершает подобные действия, не важно из какого источника они происходили, не важно является это индивид или нация; она угнетает нацию меньше, чем индивида, а потому не может быть легитимной»¹.

Либерализм защищает особое понимание свободы, которая должна быть гарантированной к тому же и институтами. Это связано с тем, что свобода, которую ее противники или критики смогли бы в последующем отменить, является, с точки зрения либералов, частичной, обманчивой. Вот почему либералы противопоставляют свободу-автономию, которая напрямую связана с либерализмом, свободе-участию. Это вполне вписывается в известное различие между «свободой древних» и «современной свободой», о которой говорил Б. Констан. Свобода древних включает в себя право для гражданина участвовать в делах города, добиваться того, чтобы их мнение было услышано, а также прямо влиять на принятие политических решений. Такой гражданин свободен, т. к. сам управляет собой. Современная свобода, как отмечал Б. Констан, находит выражение в признании (и гарантии) за индивидом права быть полностью независимым во всем, что связано с его деятельностью и представлениями.

Своеобразной классикой либеральной мысли является эссе Исайи Берлина² «Две концепции свободы»³. В этой работе И. Берлин выделил негативную и позитивную свободы. **Негативное значение свободы** подразумевается в ответе на вопрос: «Какова та область, в рамках которой — будь то человек или группа людей — разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?». Негативная свобода

¹ *Constant B. Principes de politique applicables à tous les gouvernements représentatifs et particulièrement à la constitution actuelle de la France // Constant B. Ecrits politiques*. P., 1997. P. 312–313.

² Берлин Исайя (1909–1997) — британский философ, историк, литератор и политический мыслитель, теоретик либерализма.

³ *Berlin I. Éloge de la liberté*. P., 1969. P. 167–218.

и есть область, «в рамках которой человек может действовать, не подвергаясь вмешательству со стороны других». И чем шире область невмешательства, тем больше свобода человека.

В концепции негативной свободы **принуждение** понимается как намеренное вторжение других людей в область, где в противном случае индивид мог бы действовать беспрепятственно. Соответственно, защита свободы имеет «негативную цель» в виде предотвращения вмешательства. И потому отсутствие политической свободы связано с тем, что кто-то другой мешает индивиду достичь его цели, а не с простой необходимостью индивида добиться этой цели.

Следует сказать и о том, что, по мнению И. Берлина, между индивидуальной свободой и демократическим правлением нет обязательной логической связи: демократия может лишать индивида «огромного числа свобод, которыми он пользуется при других формах правления».

Негативной свободе Исайя Берлин противопоставляет «позитивную свободу». **Позитивное значение свободы** подразумевает в ответе на вопрос: «Что или кто служит источником контроля или вмешательства и заставляет человека совершать это действие, а не какое-нибудь другое, или быть таким, а не другим?». В данном значении свобода имеет своим источником стремление индивида быть хозяином собственной жизни, «быть субъектом, а не объектом». В такой трактовке **принуждение** людей осуществляется «ради них самих», поскольку они невежественны, нерациональны и не осознают своих действительных нужд; и (принуждение) скрывается за ширмой «рационального самоуправления» во имя какого-нибудь возвышенного политического принципа, например руссоистской общей воли, не оставляющего людям свободы выбора цели. В итоге позитивная свобода приводит к репрессиям и насилию против несогласных¹.

Если первая из названных нами концепций связана с гарантией от немотивированного ареста и осуждения без соответствующей процедуры, лишения индивида прав на результаты его труда или собственности, то вторая — гарантирует для индивида его деятельность и участие в жизни общества. Революции, являющиеся чаще всего

«всплесками жажды позитивной свободы», продемонстрировали, что свобода в «позитивном» смысле может легко подрывать многие из негативных свобод. Не стали исключением в этом смысле и современные версии так называемых «цветных» революций.

В. Институционализация политических свобод

Институционализация политических свобод берет начало в странах Европы с конца XVIII в. В ряде стран Старого континента начинают возникать специальные политические институты, которые решали как минимум две задачи.

1. Предохранять индивидуальные свободы от возможных покушений других людей. Это становится задачей политической власти, которая с тех пор берет на себя обязательства, заставит всех уважать правила общественного договора, используя для этого, если в этом есть необходимость, имеющиеся у нее средства принуждения и даже насилия.

2. Предохранять свободы от покушений самой политической власти. При этом либерализм, в отличие от подхода, предлагавшегося Т. Гоббсом, решительно выступил против арбитража и авторитаризма монархической власти, которая, как известно, располагала правом покушения на имущество и даже жизнь сограждан.

Таким образом, либерализм выдвигает с самого начала концепцию ограниченной, контролируемой политической власти. Политическая власть в современных демократических обществах в своих действиях осуществляется в некоторых областях. Есть все основания утверждать, что эта власть является относительной и строится на признании автономии каждого индивида в сфере того, что мы называем общественным мнением. Это во-первых. Во-вторых, современная власть признает за индивидом права на безопасность, на обладание собственностью и т. д., на которые никто, в том числе и государство, не может покушаться. На основе этого второго положения либерализм защищает автономию экономического поля перед лицом политической власти, требуя свободы в вопросах рыночных цен, заработной платы, условий труда и т. д.

Кроме того, современные демократии вполне согласуются с идеей и практикой правового государства. Оно, как известно, строится на идее ограничения государственной

власти, ибо предполагает существование фиксированного права, нормам которого призваны подчиняться все, в том числе и государство.

С позиций либерализма выявляется неопределенность политики, отсутствие трансцендентного начала общего блага или высшей цели социального и политического порядка. В итоге это приводит к признанию существования в обществе если не конфликтов, то по крайней мере разногласий.

В самом деле, если изначально признается, что в данном обществе нет и не может быть единственной цели, определенной вне общества, вне социальной группы, то в итоге и сама цель, и пути, ведущие к ней, могут и должны быть предметом обсуждения членов сообщества. Признание конфликтного характера развития общества является чрезвычайно важным, ибо освобождает политический режим, современную демократию от той или иной формы трансцендентности, закона природы, божественной воли или идеологии в его (режима) основании.

Какие следствия это имеет для самого политического режима? Демократический политический режим включает в себя *свободу мнения и свободу его выражения*, а в конечном счете — *свободу прессы*. Указанные свободы рассматриваются сторонниками либерализма в качестве своеобразных противовесов принципу представительства, о чем речь пойдет чуть ниже.

Для нас очень важно подчеркнуть политическую составляющую данного положения: *именно на основе ценности каждого мнения и совокупного общественного мнения только и должен формироваться политический порядок данного общества*. И мы называем такой порядок демократией в немалой степени потому, что она опирается на переговоры в случае возникновения конфликтов, а также стремится, если такие конфликты возникают, их институционализировать.

Нужно сказать, что при помощи институционализации кодифицируются формы оппозиционности конфликтующих сторон, условия и последствия разрешения конфликтов. Но главное — институционализация не стремится ликвидировать конфликт любыми средствами: исключается использование оружия в разрешении конфликта. Институционализация вопрос соперничества и противоборства конфликтующих сторон оставляет открытым. Тем самым

конфликт интегрируется в само общество. Но такая интеграция конфликта и перевод его в силу этого в мирное русло возможны только при условии, что все граждане имеют свободный и равный доступ на политическую сцену, на которой происходит столкновение мнений в отношении политической организации. А это, в свою очередь, предполагает *свободное политическое соперничество*, которое проявляется в гарантиях равенства на выборах, а также в возможности свободно собираться, выражать свое мнение в отношении того или иного кандидата в избранные, определять цели политической партии, организовывать манифестации и т. д. Таким образом, свобода политического соперничества представляет собой один из основных принципов и даже критериев современной демократии.

Нужно сказать, что утверждение на практике такого режима свободы происходит не само по себе. Изначально принципиально важным для такого режима является принцип равенства, который вполне логично вытекает из договорной основы демократического общества, а также из того факта, что все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах, как это отмечалось в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. При этом указанное равенство не понимается как полное равенство или как равенство условий. Это прежде всего политическое равенство. Равными являются не реальные люди, а граждане страны. Говорить о равенстве граждан означает признание того факта, что они являются *равными, как субъекты права* (они равны перед законом) и *как участники политической жизни* (избиратели, например).

Нужно сказать, что между равенством и свободой в демократическом обществе существует определенное напряжение. Это связано с тем, что движение по пути утверждения равенства неизбежно сопровождается ограничением свобод для граждан и, наоборот, чем больше свобод в обществе, тем меньше создается условий для равенства граждан. Анри Лякордэр (1802 — 1861) — адвокат, а потом священник, либеральный католик — справедливо заметил в свое время: «Между сильным и слабым, между богатым и бедным, между хозяином и слугой свобода выступает средством угнетения, а закон — средством освобождения»¹. Наглядный пример в этом отношении представляет Россия: взрыв свобод в нача-

¹ Debbasch Ch. Introduction à la politique. P., 1986. P. 9.

ле 90-х гг. прошлого столетия обернулся утверждением масштабного неравенства, преодолеть которое никак не удастся вплоть до сегодняшнего дня.

11.2. Представительная демократия

А. Принцип представительства

Сила мифа об афинской демократии, который идеализирует прямую демократию, может приводить и приводит иногда к тому, что представительная демократия предстает как бы худшее из зол. Второй момент, который обычно отмечают, когда говорят о представительной демократии, связан с тем, что современные государства несравнимы по своим размерам и по числу граждан с городами античной Греции. А это значит, что прямая демократия по афинскому образцу оказывается просто невозможной.

Преодолеть указанные трудности стремились и Ж.-Ж. Руссо, и Ш. Монтескье. Первый из них, например, стремился на основе императивного мандата, как бы в обход прямого участия всех граждан в политической жизни, обосновать принцип общей воли, что, конечно же, не разрешает указанного противоречия. Не решают данной проблемы и утопические идеи утверждения кибер-демократии, которая должна была бы заменить прямую демократию «старого образца». Справедливости ради нужно сказать, что приведенные нами две формы участия в принятии решений граждан исключают предварительное обсуждение, а значит, и обдумывание решения гражданами. Получается так, что «правление на основе обсуждения» заменяется процедурой оценки соотношения сил.

Тем не менее исторический опыт убедительно демонстрирует тот факт, что, начиная с XVIII в., повсеместно стали возникать представительные формы демократии. Причем этот выбор не был связан с принуждением, например, материальным или демографическим. Причины утверждения представительного правления многочисленны и редко расходятся с консервативным видением общества. Весьма скептическое отношение многих мыслителей и политиков после Французской революции по отношению к народным слоям общества вполне понятно. Понятным является и скептицизм по отношению к вы-

борам. Власти и политическая элита вынуждены были признавать необходимость проведения выборов, но они с самого начала носили ограниченный и цензový характер. Сомнения, недоверие, неопределенность отношения к выборам сводились, в конечном счете, к убежденности властей в том, что нужно создать некий фильтр, расположенный между массами и полем принятия политического решения. Именно в качестве такого фильтра нужно рассматривать введение цензов или представительства, а иногда и того и другого одновременно.

Сомнения в отношении политических способностей представителей народных слоев возникли задолго до утверждения представительства. Эти размышления встречаются и у Платона, и у Аристотеля. А потому политические решения должны принимать представители экономически обеспеченных и просвещенных слоев общества, а также традиционных социальных авторитетов.

Другим выражением сомнения было неверие в умеренность поведения народных слоев. Это тоже побуждало к замене их опасной активности представительным правлением. Можно вспомнить и о предупреждении Аристотеля об опасностях демократии, что сродни опасениям либералов XVIII в. правления народа. И в том, и в другом случае опасались утверждения правления бедных, которое неизбежно было бы обращено против богатых. Такого рода опасения были подтверждены кровавыми событиями Французской революции, а позднее — революцией в России.

Наконец, сомнения вызывались к жизни, как полагали тогда, изменчивостью общественного мнения, что не позволило бы проводить продуманную политику. А потому представительное правление предполагало изначально независимость избранных от избирателей в течение всего срока их мандата. Это рассматривалось как предпосылка для защиты выборных собраний от меняющегося общественного мнения. А потому Б. Констан в свое время предлагал учредить верхнюю палату парламента с пожизненным членством как своеобразный контрбаланс негативного влияния изменчивого общественного мнения.

Свою аргументацию в пользу представительной демократии выдвигали и сами ее основатели. Так, Джеймс Мэдисон, один из соредкторов американской конституции, редактор *Билля о правах* (1789), различал республиканское (представительное) правление и «демократию

античных городов». При этом он, конечно же, выступал в поддержку представительной демократии, жизнеспособность которой определялась материальными условиями, а также тем, что представительство является средством политического выражения общественного мнения и вместе с ним подлинных интересов страны и чувства патриотизма. Не случайно Х. Арндт сделала вывод о том, что «представительное правление, согласно представлениям участников Американской революции, представляло собой нечто большее, чем техническое средство, позволяющее управлять населением; сведение его к ограниченному и избранному корпусу граждан рассматривалось как очищение как самого интереса, так и общественного мнения, как гарантия «от путаницы массы»¹.

Подобным же образом Эммануэль Жозеф Сиейес (1748 – 1836), деятель Французской революции, один из основателей якобинского клуба и участник переворота 18 брюмера 1789 г., полагал, что представительство не является неким заместителем прямой демократии. Оно является другой и более предпочтительной формой правления, в частности, потому, что оно оказывается более приспособленным к условиям, в которых индивиды желали бы реализовать свой интерес в частной сфере и в экономической деятельности. А если представительство может быть в таком понимании связанным с необходимостью, то это, по Сиейесу, является следствием разделения общественного труда.

Принцип представительства, на котором основаны все современные демократии, занимает как бы промежуточное положение между двумя различающимися между собой концепциями. В узком смысле политическое представительство может определяться как институт, представленный индивидуальными или коллективными актерами, обладающими способностью говорить и действовать от имени тех, кого они (актеры) представляют. В таком подходе, берущем начало от Ж.-Ж. Руссо, лица, реализующие принцип представительства, сводятся, по сути дела, к некому инструменту: они могут выражать то, что им самим не принадлежит; и они не располагают авторитетом, который позволял бы им хотя бы интерпретировать то, что они призваны выражать.

Принцип представительства с позиции абсолютной власти Т. Гоббса имеет иное выражение. Суверен, учрежденный общественным договором, является представителем тех, кто заключил такой договор, и он (суверен) призван осуществлять их волю (положить конец войне всех против всех и покончить с неопределенностью естественного состояния) и защищать интерес всего социального корпуса данного общества. При этом представители, если они существуют, призваны не выходить за пределы того, что определяет суверен. Как видим, в таком подходе полностью стирается граница между представляемым и представляющим. Это позволяет говорить, что именно наличие такой дистанции является необходимым условием для представительного правления.

Б. Принцип и формы представительного правления

Представительное правление, как таковое, не предписывает никакой определенной формы политических институтов. Оно характеризуется лишь соблюдением некоторых фундаментальных принципов. В политической науке выделяют, по крайней мере, четыре основных принципа, присущих представительному правлению.

1. **Управляющие избираются управляемыми.** Как известно, согласно либеральному подходу к демократии, статус управляющего не связан с божественным миропомазанием, фактом рождения, богатством или знаниями. Этот статус определяется только волей избирателей. Выбор кандидата является способом **назначения** и формой **легитимации** управляющих.

2. **Управляющие сохраняют определенную независимость по отношению к управляемым.** В соответствии с этим положением осуществляется отказ, по крайней мере, от двух возможных (и иногда обсуждаемых, в том числе и в нашей стране) практик: императивный мандат и отзыв избранных. Еще в XVIII в. сначала в Великобритании, а потом во Франции (с начала Французской революции) утвердилась идея, связанная с тем, что избранный является представителем всей нации, а не только того округа, в котором он избран. Это означает, что любой избранный оказывается выше вердикта избирателей округа, в котором он избирался. Иными словами: мнения или решения избирателей округа не имеют для

избранника обязательного и подлежащего исполнению принудительного характера.

3. **Публичное мнение о политических субъектах может выражаться свободно и вне контроля управляющих.** Свободное выражение общественного мнения включает в себя два элемента. Прежде всего, в демократическом обществе граждане страны должны обладать доступом к политической информации. Это предполагает открытое обсуждение правительственных решений и парламентские дебаты. Во-вторых, граждане демократической страны должны располагать свободой выражения своего политического мнения. Это положение непосредственно связано с участием населения в осуществлении власти, ибо включает в себя свободу проведения собраний и свободу подачи властям петиций, а также свободу для объединения граждан в любых ассоциациях, включая и политические партии.

Следует сказать и о том, что свобода выражения общественного мнения предполагает независимость представителей. Их нельзя рассматривать как простых выразителей воли народа. Но они не могут, в свою очередь, не считаться с ней. Управляющие, прежде всего избранники, вынуждены считаться с мнением общества, ибо в противном случае им грозит поражение на следующих выборах.

4. **Коллективные решения следуют за дискуссией.** Отождествление представительного правления с «правлением на основе дискуссии» аналитически не связано с идеей представительности. Однако принцип представительства всегда отождествлялся с таким правлением, в котором представлены разные по своим политическим взглядам люди. Это в полной мере относится к самому выборному органу власти (парламенту), в котором представлены самые разные политические силы. Это означает, что парламент, представляющий, как мы сказали, разные политические силы, является органом, в котором не может быть единодушия, а тем более единомыслия по всем вопросам. Отсюда следует, что принятию любого ответственного решения в демократическом обществе предшествует (должно предшествовать) обсуждение проблемы с тем, чтобы отыскать на основе компромисса приемлемый вариант решения.

Представительные правления в любой стране в той или иной мере ориентируются в своей деятельности на

эти четыре принципа. При этом, как показали некоторые исследования, идеал-типическое представительное правление проходит в своем историческом развитии, по крайней мере, три фазы.

Изначально (с конца XVIII — начала XIX в.) такого рода режимы утверждаются в форме **парламентаризма**. Позднее, со второй половины XIX в., с выходом на политическую сцену широких народных масс в лице политических партий наступила эпоха **«демократии партий»**, некоторые черты которой сохраняются вплоть до наших дней. С конца 60-х гг. прошлого столетия в политической науке заговорили о наступлении третьей фазы представительного правления, которая получила наименование **«демократии населения»**, содержание которой напрямую зависит от участия населения в политическом процессе.

Понятно, что переход от одной фазы представительного правления к другой получает свое выражение в изменении формы, смысла и «места» осуществления различных принципов представительного правления. Иногда говорят о наступлении кризиса представительного правления. Отдельные проявления кризиса вполне различимы в те или иные периоды в разных странах. Однако было бы преждевременным списывать в архив представительное правление, которое в новых исторических условиях получает новое выражение на основе указанных выше четырех принципов.

В самом деле, во-первых, **выборы** и ныне лежат в основе системы представительства. При этом цензовое голосование периода **«парламентаризма»** сменилось всеобщим голосованием, которое не только радикально изменило сами условия проведения выборов, но и преобразовало сам смысл голосования: вместо личной связи между избирателями и кандидатами, а потом и избранниками на передний план вышли вопросы отношения избирателей к политическим партиям, их программам. На современном этапе не столько за того или иного кандидата голосует избиратель, сколько за конкретную политическую партию. Правда, такой политический выбор не исключает голосования за определенного кандидата, за конкретного популярного политического деятеля. И тем не менее отношение к конкретной политической партии в решающей степени определяет выбор избирателя.

Во-вторых, триумф в политической жизни политических партий, ставший реальностью в наши дни, радикаль-

но меняет условия *независимости избранных*, осуществляющих функцию представительства. До недавнего времени избранные были свободными в том, что касается голосования в парламенте. В настоящее время как представители той или иной политической партии депутаты не являются свободными, ибо они вынуждены подчиняться партийной дисциплине и голосовать так, как это решает политическая партия.

В-третьих, в рамках *«парламентаризма»* голосование в основном сводилось к определению избранника как представителя избирателей. По всем другим вопросам граждане могли использовать для выражения своего мнения внепарламентские методы (кампании в печати, манифестации, петиции и т. д.), организация которых осуществлялась, как правило, без участия избранных. В настоящее время политические партии не только участвуют в проведении выборов, но и внепарламентские формы деятельности также находятся под их непосредственным контролем. Общество слышит только один голос (голос партий) как в институциональном, так и внеинституциональном политическом выражении. Это означает, что «голос народа» в настоящее время слышен не только в парламенте, но и во всех иных, т. е. внепарламентских, своих выражениях. Получается так, что он слышен теперь ежедневно. И это не может не сказываться на самой форме представительного правления.

И наконец, изменился и сам характер парламентской работы. Дисциплина голосования в соответствии с позицией партии не отменила парламентской дискуссии. Она имеет место и в наши дни. Но сама эта дискуссия становится выражением неизменных позиций депутатов по любому вопросу. Кроме того, дискуссия, о которой идет речь, сместилась от парламента в штабы политических партий. Именно внутри руководящих органов политических партий сталкиваются различные точки зрения, и они призваны на основе обсуждения принимать конкретные политические решения, которые потом выносятся на обсуждение в парламенте.

Следует сказать и еще об одном изменении, которое происходит на фазе «демократии населения». Все большее значение приобретают встречи управляющих с представителями групп интересов, ассоциаций, экспертами и т. д. И это отражает тот факт, что парламентская деятельность

все ближе смыкается с электоратом, опираясь на стремление учесть его политические интересы и предпочтения.

В. Меняющийся режим

Демократия как политический режим берет начало в античной Греции. Она являла собой, как мы уже отмечали, прямую демократию, на фоне которой современная представительная демократия может казаться как несовершенная. Такое понимание нет-нет да и встречается не только в публицистических работах. Вот почему нам необходимо дать объективную оценку афинской демократии, которая в современных условиях является просто неприемлемой, да к тому же и мало «недемократической».

Рассмотрим основные черты афинской демократии.

1. *Гражданами* Афин были далеко не все, а только свободные люди. Это означает, что из категории граждан были исключены женщины, рабы, а также так называемые метеки, т. е. иностранные представители, которых было немало в этом городе-государстве. В целом лишь только около 10 процентов жителей Афин обладали политическими правами.

2. Согласно многочисленным исследованиям, *реальное участие в политике* афинян было еще меньше, чем десятая часть населения.

3. Демократические принципы Афин не исключали образования элиты из числа наиболее обеспеченных граждан. Это во многом определялось тем, что для участия в политической жизни, а тем более для нахождения на важных в политическом отношении постах необходимо было быть образованным человеком, в частности владеть письмом и чтением. В Древней Греции этим в полной мере обладали прежде всего обеспеченные граждане. К тому же роскошь заниматься постоянно политикой, опять же, могли себе позволить обеспеченные люди.

4. Политический режим Афин, как это подчеркивал еще Б. Констан, оказывается неприемлемым с точки зрения *публичных свобод*. Об этом свидетельствует ряд фактов: наличие законов, которые регулировали нравы (например, предусматривалось наказание за уклонение от религии); весьма сомнительным был статус политической оппозиции, представители которой подвергались преследованиям и разного рода ограничениям в их деятельности;

наконец, в том числе по моральным основаниям, использовался инструмент смертной казни, как это имело место, например, в случае Сократа.

Короче говоря, афинская демократия является почти абсолютной антитезой либеральной демократии, которая в наши дни утвердилась и продолжает утверждаться во многих странах. При этом для характеристики современной демократии нередко используется известная формула 16-го президента США Авраама Линкольна (1809 — 1865): «Правление народа, при помощи народа и для народа». На основе этой формулы выявляются два слабых момента представительной демократии.

Прежде всего, утрата управляемыми, являющимися теоретически носителями суверенитета, властных полномочий и *присвоение власти представителями* (избранниками). Суверенитет, как это отмечал еще Ж.-Ж. Руссо, т. е. право законодательствовать, пребывает только в народе. Он не может быть никому доверен, как, впрочем, не может быть поделен между какими-то органами. Не случайно Руссо иронизирует по поводу британской конституции, которая, как известно, представлялась Ш. Монтескье воплощением свободы.

«Английский народ, — пишет Ж.-Ж. Руссо, — считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента; как только они избраны — он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновения обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился»¹.

Представительный мандат не только символически, но и реально замещает волю избирателей волей представителей (избранников), власть решения избирателей властью избранников (представителей). Как показал П. Бурдьё, это находит свое выражение в «символическом перевороте», на основе которого представители избирателей, власть представляет себя в качестве единственной силы, которая имеет право говорить от имени всех («французы полагают, что...», «рабочие требуют...», «лица наемного труда могут соглашаться с...» и т. д.)².

В итоге такого «символического переворота» принятые властями решения не являются выражением воли

всех. Они чаще всего представляют собой выражение воли (интересов) только одной, ограниченной и частной группы — представителей населения, иначе говоря, избранных. Такая постановка вопроса сопровождается, весьма часто, и критикой представительной демократии за *неоднородность корпуса представителей по отношению к социальной структуре населения*. И на этом основании выдвигаются требования обеспечения условий для адекватного выражения социальной структуры общества в составе корпуса избранных. Речь чаще всего в таком случае идет о слабой представленности, например, в депутатском корпусе женщин, молодежи, представителей разного рода национальных групп и т. д.

При всей справедливости такого подхода, он во многом является иллюзорным. Добиться полной адекватности социального состава избранных социальному составу общества просто невозможно. Это в определенной мере удавалось добиваться в бывшем Советском Союзе, где состав избранных проходил до голосования через сито организационного отдела ЦК КПСС, а потом получал поддержку избирателей. Тем более нужно учитывать тот факт, что в демократическом обществе решение принимает избиратель, а он выражает свою волю вовсе не с позиций обеспечения адекватного выражения будущих избранных по своему социальному составу социальной структуре общества.

К представительной демократии можно предъявить немало претензий. Это вовсе не идеальная форма правления. Были целые исторические периоды, когда представительная демократия оказывалась малоэффективной, а то и просто терпела поражения, как это было в Веймарской республике, в годы IV Республики во Франции, в начале 90-х гг. в России. Этот факт попытался объяснить известный французский политолог Клод Лефор, который, сравнивая представительную демократию с монархией, тоталитарными режимами, приходит к выводу о том, что при демократии место власти остается пустым, т. к. никто ее (власть) не воплощает, а также потому, что ни политический выбор, ни цели или благо общества не определяются заранее раз навсегда.

«Воплощенная в государе власть давала тело обществу, — со всей определенностью заявляет К. Лефор. — И в силу этого факта имелось скрытое, но действительное зна-

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. С. 281.

² См.: Bourdieu P. Choses dites. P., 1987. P. 185–202.

ние того, чем *один* был для *другого* на всем пространстве социального. Сравнительно с этой моделью проступает революционный и беспрецедентный характер демократии. Место власти становится *пустым местом*. Бесплезно настаивать на деталях институционального механизма. Существенное состоит в запрете для правителей присваивать себе власть, сливаться с ней. Ее исполнение периодически вновь ставится под вопрос. Это осуществляется в конце регулируемого соперничества, условия которого постоянны. Данный феномен включает институционализацию конфликта. Пустое, незанятое, так что никакой индивид и никакая группа не могут ему быть консубстанциональны, место власти оказывается необозначенным. Видны только механизмы ее работы или люди, простые смертные, которые имеют в своем владении политическую власть»¹.

Подход К. Лефора позволяет по-новому увидеть связь между тоталитаризмом и демократией. Между ними нет непреодолимой стены. Тоталитаризм не является выразителем абсолютного Зла. Он является выразителем Зла как такового, в сети которого могут попадать и демократические политические режимы, как это, к слову сказать, имело место в истории. И это происходит, точнее сказать — может происходить, тогда, когда появляется у властителей желание захватить «пустое место» власти на основе установления или восстановления трансцендентности, в противовес которой и была создана демократическая форма правления².

Раздел V

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Глава 12

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

План главы

- 12.1. Сущность и понятие «политическая культура».
- 12.2. Функции политической культуры.
- 12.3. Структура политической культуры.
- 12.4. Типология политической культуры.
- 12.5. Общее и особенное в политической культуре.

Существенное влияние на формирование властных отношений и функционирование как политического режима, так и всей политической системы оказывает **политическая культура**. Она во многом определяет характер и содержание политической и гражданской жизни общества, поведение людей в общественной жизни. Политическая культура способствует или, наоборот, препятствует переменам в обществе, образе жизни и устремлениям его граждан. Это особенно наглядно проявляется в периоды крутых перемен общественного развития.

12.1. Сущность и понятие «политическая культура»

Политическая культура — явление сложное и многогранное. Нередко ее рассматривают как понятие адекватное политической системе, как совокупность ориентаций на политическое действие, как политическое сознание, как субъективное восприятие истории и политики и одновременно как часть субъективной культуры данного общества и т. д.

Политическая культура в ее взаимосвязи с другими явлениями политической жизни общества всегда привлекала внимание политических мыслителей. Разные стороны это-

¹ Лефор К. Политические очерки (XIX–XX вв.). М., 2000. С. 26; см.: Желтов В.В. Политические идеи современности. С. 174–196.

² См.: Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 308–313.

го важного понятия политической науки рассматривали в свое время Платон, Аристотель, Макиавелли, Монтескье. Исследованию тех или иных аспектов политической культуры уделяют внимание в наши дни многие представители политической науки в нашей стране и за рубежом.

Понятие «политическая культура» возникло в рамках западной политической традиции. Впервые словосочетание «политическая культура» встречается в труде немецкого философа-просветителя И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791). Однако употребление И.Г. Гердером данного словосочетания не было введением его в научный оборот. Это произойдет значительно позднее. Теория политической культуры сформировалась только в конце 50 — начале 60-х гг. XX столетия.

В российской политической литературе понятие «политическая культура» встречается у историка В.И. Герье (70-е гг. XIX в.). В дальнейшем эта категория активно использовалась в политико-социологических и культурологических исследованиях западных (М. Вебер, О. Шпенглер и др.) и отечественных (Н.Я. Данилевский, В.О. Ключевский, П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев и др.) авторов. Широко использовалась политико-культурная концепция и марксистами. Ряд высказываний по этому вопросу принадлежит В.И. Ленину.

Пионером использования понятия «политическая культура» в современной политической науке по праву считают американского политолога Г. Алмонда. С его статьи 1956 г. «Сравнительные политические системы», собственно, и начинается история этого понятия. Единомышленником Алмонда является и другой американский политолог С. Верба, который является соавтором Алмонда в ряде работ. Весомый вклад в разработку теории политической культуры внесли А. Липсет, Л. Пай, В. Ки, Р. Макридис, В. Нойман, Д. Каванаха, Д. Марвик, К. фон Бойме, Р. Роуз, М. Крозье и др.

Первоначально возникнув в США, в последующем эта концепция получила широкую популярность и в других странах и стала одним из важнейших инструментов исследования политических процессов и явлений.

Г. Алмонд проблематику политической культуры рассматривает в неразрывной связи с политической системой, в которой он выделяет два уровня анализа: институ-

циональный, характеризующий институты и их функции, нормы и механизмы формирования государственной политики, и **ориентационный**, выражающий особые формы ориентации населения на политические объекты. Эти ориентации содержали в себе следующие аспекты: **«познавательные»** (представая как знания о строении политической системы, ее основных институтах, механизмах организации власти), **«эмоциональные»** (выражающие чувства людей к тем, кто обеспечивает функционирование властных институтов и олицетворяет власть в глазах населения), а также **«оценочные»** (выступающие как суждения, опирающиеся на ценностные критерии и стандарты оценки политических явлений). В своей совокупности эти ориентации и характеризуют, по мнению Алмонда, такое специфическое явление, как политическая культура.

Анализ этих аспектов, применительно к политической системе, акцентируя внимание на ценностях, мифах, символах, ментальных стереотипах и прочих аналогичных явлениях, давал возможность понять, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному. Таким образом, идея политической культуры позволяла глубже исследовать **мотивацию политического поведения граждан и институтов**, выявлять причины конфликтов, которые невозможно было объяснить, опираясь на традиционные подходы (борьба за власть, перераспределение ресурсов и т. п.).

В 1960 г. Г. Алмонд совместно с Дж. Коулманом, используя метод системного анализа, выдвинули четыре основные «вводные» функции политической культуры по отношению к политической системе: политическая социализация и рекрутирование, артикуляция интересов, консолидация интересов и политическая коммуникация.

В последующем американцы С. Верба, Л. Пай, В. Розенбаум, англичане Р. Роуз и Д. Каванах, немецкий теоретик К. фон Бойме, французы М. Дюверже и Р.-Ж. Шварценберг, голландец И. Иглхарт и другие ученые дополняли и развивали учение о политической культуре. Причем, несмотря на то что практически все ученые связывали политическую культуру с наличием ценностных мотиваций, верований, присущих национальному характеру идеалов и убеждений, вовлекающих человека в политическую жизнь. Однако многие из них данное понятие рассматри-

вали как своеобразный *символ обобщенной характеристики всего субъективного контекста политики*. Как, в частности, писал С. Верба, «политическая культура — это то, что задает форму проявления связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакции на эти события; дело в том, что, хотя политическое поведение индивидов и групп... является ответом на действия официальных лиц из правительства, войны, избирательные кампании и т. п., оно еще в большей степени определяется тем (символическим) значением, которое придается каждому из этих событий людьми, их наблюдающими. Можно сказать, что это не более чем проявление того, как люди воспринимают политику и как они интерпретируют то, что видят»¹.

В настоящее время в политической науке сложилось три основных подхода в трактовке политической культуры. Одна группа ученых отождествляет ее со всем **субъективным содержанием политики**, подразумевая под ней всю **совокупность духовных явлений** (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн и др.). Другая группа ученых видит в политической культуре проявление **нормативных требований** (С. Вайт) или совокупность **типичных образцов поведения человека в политике** (Дж. Плейно). В данном случае политическая культура предстает как некая матрица поведения человека.

Третья группа ученых понимает политическую культуру как **способ, стиль политической деятельности** человека, предполагающий воплощение его ценностных ориентаций в практическом поведении (И. Шапиро, П. Шаран, В. Розенбаум). Такое понимание раскрывает практические формы взаимодействия человека с государством как выражение им своих наиболее глубинных представлений о власти, политических целях и приоритетах. И тогда политическая культура может рассматриваться как некая воспроизводимая на практике духовная программа, модель поведения людей, отражающая устойчивые индивидуальные черты мышления и поведения. К этому следует добавить, что политическая культура одновременно является и формой освоения человеком опыта прошлого, того позитивного наследия, которое оставлено ему предшествующими поколениями.

Таким образом, политическую культуру можно определить как совокупность типичных для конкретной страны (группы стран) форм и образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях развития мира политики и закрепляющих устоявшиеся в социуме нормы и традиции взаимоотношения государства и общества¹.

Следует отметить, что в научной литературе понятие «политическая культура» употребляется в широком и узком смысле слова.

В широком смысле в политическую культуру включают духовную культуру той или иной страны, которая связана с общественно-политическими институтами и политическими процессами, политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами и т. д., политические отношения в целом. Она включает определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил игры, принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства.

Политическая культура в узком смысле слова — это лишь система политического опыта, знаний, установок, взглядов, стереотипов, концепций, образцов поведения и функционирования политических субъектов; зрелость и компетентность граждан в оценках политических явлений; форма политической этики, поведения, поступков и действий людей.

12.2. Функции политической культуры

Политической культуре свойственны определенные функции в политической жизни. Они связаны с ее двойственным характером, т. е. принадлежностью и к миру культуры, и к миру политики.

Регулятивная функция и функция воспроизводства определенной системы общественных отношений. Эта функция направлена на обеспечение функционирования

¹ См. подробнее: Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2000. С. 372–379.

и развития политической системы и политической жизни общества в целом.

Функция интеграции (дезинтеграции). Эта функция обеспечивает различным группам возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с обществом в целом. Осуществляя эту функцию, политическая культура являет собой мощный фактор жизнестойкости общества в целом и отдельных его групп (классов, социальных групп, этнических и религиозных общностей) в частности.

Обеспечение исторической преемственности и непрерывности политического процесса. В рамках этой функции осуществляется адаптация человека к изменяющейся политической среде, условиям осуществления власти, а также обеспечения прав и свобод граждан. Первостепенное значение для осуществления указанной функции имеет также политическая социализация, процесс, в котором находит свое выражение приобретение человеком определенных навыков и свойств, позволяющих ему осуществлять свои политические функции и интересы. Именно политическая культура связывает друг с другом уходящие и приходящие поколения, обеспечивает передачу опыта, политических традиций, норм политической жизни.

Информационно-коммуникативная функция. Политическая культура способствует сохранению знаний, их накоплению и аккумуляции в обществе. Она обеспечивает взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения.

В процессе реализации своих функций политическая культура способна оказывать тройственное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут воспроизводиться **традиционные для общества формы политической жизни.** Эта способность политической культуры объясняет тот факт, что в период проведения глубоких реформ значительные слои населения могут выступать с позиций поддержки прежних политических порядков. Эта способность объясняет и то, что большинство революций нередко заканчиваются возвратом к прежним порядкам, что само по себе свидетельствует о невозможности населению освоить **новые**

для себя цели и ценности. Устойчивость влияния политической культуры в определенной мере объясняет и феномен террора, без которого подчас просто невозможно принудить людей принять новые принципы политического развития.

Во-вторых, политическая культура способна порождать **новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни,** а в-третьих — **комбинировать элементы прежнего и перспективного политического развития.**

И потому политическая культура выступает как **базовый элемент общественно-политического процесса и как особый очень важный фактор политической системы общества.**

12.3. Структура политической культуры

Политическая культура имеет многообразные связи с различными социальными и политическими процессами. А это предопределяет сложность ее строения и организации. Ценности, лежащие в основе политической культуры, как правило, не отличаются от основных ценностей всего данного общества. Последние лишь приложены к особой, политической области.

В том случае, если, например, оппозиция отбрасывает ценности общества, картина меняется. Группа оппозиции становится носителем подкультуры или контркультуры. Так было с социал-демократией в немецкой империи и с другими социалистическими движениями XX в. То же самое можно сказать и о коммунистических партиях, которые пытались сформировать некую новую культуру, насквозь пропитанную политикой.

В Советском Союзе долгое время политическая культура рассматривалась как простая проекция культуры в политику. В итоге политическая культура представляла как механическое соединение культуры и политики. Между тем **политическая культура является результатом формирования совершенно определенной специфической деятельности человека, результат его взаимодействия с политическими институтами, политическими субъектами.** Итогом этого взаимодействия являются ценности, идеалы, образцы и коды поведения. Значит, источник по-

литической культуры коренится не в культуре, а в политике. Именно эта последняя дает возможность развиваться политической культуре.

Политическая культура основана на **внутренних основополагающих ориентациях** человека, которые во многом определяются ценностями, принятыми в обществе. На ценностном уровне перегородки между политической, социальной, экономической и культурной сферами отсутствуют. Политика же соединяет все эти ориентации воедино. В итоге получается, что политическая культура выступает как составная часть политики, т. е. более общего социокультурного явления.

Американский политолог В. Розенбаум делит ориентации людей относительно политической системы на следующие блоки.

— Ориентации относительно институтов государственного управления. В этот блок входят ориентации относительно политического режима (государственных институтов, норм, символов, официальных лиц) и относительно «входов» и «выходов» политической системы. В этих ориентациях выражаются оценки различных требований к государственной власти, ее решений, эффективности их реализации.

— Ориентации относительно «других» в политической системе. Эти ориентации включают в себя то, что называется политической идентификацией, т. е. осознание своей принадлежности к нации, государству, социальному слою или классу и т. д., а также политическую веру, означающую убежденность человека в позитивных или негативных последствиях действий взаимодействующих с ним людей, и выработку субъективных предпочтений относительно «правил игры» и господствующего правопорядка.

— Ориентации относительно собственной политической деятельности, которые включают оценку своей политической компетентности, веру в способность оказывать реальное воздействие на институты власти¹.

Ядро структуры политической культуры составляют наиболее типичные, глубоко укоренившиеся, характерные для большинства членов общества **ценности, представления, модели поведения, нормы.**

В политической науке выделяют мировоззренческие, гражданские и собственно политические ценности.

На **мировоззренческом** уровне встраиваются представления о политике в индивидуальную картину мира, индивидуальное восприятие жизни. Это заставляет индивида соотносить свои нравственно-этические представления (о добре, смысле жизни) с особенностями политической сферы, формировать представления о роли политики в достижении им своих главных жизненных целей.

В рамках **гражданских ориентиров** человек осознает свои возможности как участника публичных отношений, в которых действуют особые органы и институты, чья деятельность влияет на реальное положение человека в обществе и его отношения с властью.

С точки зрения **собственно политических** представлений человек вырабатывает свое отношение к формам деятельности конкретного правительства, партий, официальных лиц и т. д.

На каждом из этих уровней у человека могут складываться довольно противоречивые представления. При этом отношение к конкретным политическим событиям изменяется значительно быстрее, нежели мировоззренческие принципы. А это придает процессам формирования и развития политической культуры дополнительную сложность и противоречивость.

По своей структуре культуры бывают **гомогенные** и **интегрированные**. К гомогенным относят те, в которых преобладают однородные элементы и представления, которые, по сути, являются элементами ядра. Интегрированные политические культуры включают в себя, как правило, элементы субкультуры и периферии. При этом под **субкультурой** понимается совокупность элементов, которые значительно отличаются от политических ориентаций, доминирующих в обществе. Это особенно характерно для полиэтнических, федеративных и многоконфессиональных стран, а также для государств, процесс формирования которых был растянут во времени и шел постепенно путем присоединения все новых территорий.

Политическая субкультура — это как бы отдельный фрагмент, отдельное «включение» в общую политическую культуру. Можно говорить о субкультуре протеста, характерной для молодежного движения 60–70-х гг. XX в., суб-

¹ См.: Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. N. Y., 1975. P. 6.

культуре этнических и расовых меньшинств, пролетарской культуре, «враждебной культуре» и т. п. Это система политических ориентаций и моделей поведения, характерная для определенных групп или регионов, отличающаяся от ориентаций и моделей, присущих другим группам или регионам (например, восточные и западные немцы после Второй мировой войны и после воссоединения Германии).

В политической культуре любого общества важную роль играют **традиции** и **стереотипы**. Политические традиции (от лат. *traditio* — передача) представляют собой форму трансляции от поколения к поколению политического опыта, обычаев, представлений, норм, ценностей. Традицию можно трактовать как организованное множество идей и поведений, активно передающихся длительное время в рамках определенной общности (семья, социальная группа, партия и т. д.). Традиция по своей сути инерционна. Ее воздействие имеет положительное значение, когда она позволяет сопротивляться ошибочным решениям. Но она играет отрицательную роль, когда тормозит необходимые преобразования¹.

Политические традиции означают также привычные (устойчивые, укоренившиеся) схемы повседневного мышления и поведения — стереотипы, которые представляют собой упрощенный, схематизированный образ социальных, политических объектов или событий, явлений. Они обладают большой устойчивостью и включают явные или скрытые признаки этих явлений. Политические стереотипы, естественно, отражают реальность, но воспринимается она чаще всего чувственно, эмоционально.

Что же передается из поколения в поколение людей? Передается все то, что позволяет людям адаптироваться к условиям окружающей природной и социальной среды. На основе такой адаптации в течение длительных промежутков времени возникают специфические общности людей, которые называются этносами. Известный российский исследователь Л.Н. Гумилев определяет этнос как форму адаптации вида *Homo sapiens* к биоценозу (исторически сложившейся на определенной территории Земли совокупности растений и животных) ландшафта².

¹ См.: Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. М., 1993. С. 143.

² См.: Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 15–16.

Этносы приспосабливаются к условиям окружающей среды посредством создания специфических стандартов поведения (стереотипов), которые транслируются и усваиваются новыми поколениями представителей этноса. Этнос, таким образом, является системой динамических стереотипов социального действия, а не скоплением индивидов. Эти стереотипы постепенно меняются (модифицируются) вместе с изменением состояния окружающей среды в каждом новом поколении. Трансляция и усвоение стереотипов образуют традиции¹.

Принципиально важное значение имеет тот факт, что стереотипы формируют чувство политической идентичности с группой. Стереотип не только деформирует образ общественных явлений, но и суммирует мнение данной социальной группы.

Стереотипы, укоренившиеся в политической культуре, содержатся в ней чаще всего в виде застывшего ментального образа, в латентном, потенциальном состоянии. Пробуждают их общественно-политическая деятельность людей.

Одним из компонентов политической культуры выступает также **миф**. Политические мифы, закрепившиеся в массовом сознании людей, можно рассматривать как набор представлений, опирающихся главным образом на эмоциональную почву. Можно утверждать, что политический миф — это регулятор политических отношений. Он выполняет свои функции на двух уровнях.

На **индивидуальном уровне** мифические убеждения проявляют следующие качества: существенно воздействуют на жизнь людей, основываются на вере, опираются на общественные авторитеты, навязываются группой, необоснованны (иррациональны), недоступны для верификации под воздействием опыта. На **уровне социальной группы** политический миф выполняет интегрирующую функцию по отношению к данной общности.

Миф дает индивидууму возможность идентифицировать себя с целями и ценностями, выводящими его за сферу его повседневного опыта, определяя его нахождение в более широком пространстве социально-политических отношений (индивид — нация, индивид — государство, индивид — класс)².

¹ См.: Артемов Г.П. Указ. соч. С. 72–74.

² Политическая культура общества и ее обусловленность // Мир политики. Оценки и суждения западных политологов. М., 1992. С. 74–76.

Политические мифы создаются, как правило, осмысленно, по сути, по заказу правящей верхушки, а не возникают стихийно, как многие полагают. Основу мифов составляют вполне осознанные коллективные ожидания и надежды, воплощенные в массовом сознании. В этих мифах соединяются как трезвый расчет, так и фанатическая вера, позволяющая политикам освободить себя от всех моральных преград. Мифы не поддаются разрушению с помощью рациональных аргументов, и потому вполне правомерна их оценка как ненаучного знания или как полуправды. Для политических мифов, естественно, характерна непосредственная связь с политической реальностью: они призваны оправдывать ход событий, обеспечивать уверенность людей в правильности осуществляемых политических акций.

В крайней ситуации миф может организовывать общественное сознание вокруг одного определенного события, одной идеи, одного героя и т. д. В конце XVIII в. Французская революция привлекла массы эгалитарным мифом, нацизм использовал миф расового превосходства арийцев. В нашей стране в свое время был внедрен миф о Ленине, миф о мудрой политике правительства, о возможных переменах к лучшему, о рыночной экономике, о частной собственности и т. д., которые использовались и используются как довод легитимизации власти. Чаще всего обращение правящих кругов к мифам связано со сложными социально-экономическими и политическими ситуациями в стране, которые не удается разрешить за счет реально существующих средств, и тогда на помощь «призываются» мифы, способные отвлечь внимание общества от ответственности за положение дел, например правительства.

Таким образом, политические мифы, в которые верят люди, дают им, с одной стороны, силу и в то же время вселяют в них коллективную надежду. Без мифов политическая жизнь была бы обеднена, поскольку они придают жизни индивида определенный смысл, воодушевление.

Важным элементом любой политической культуры являются **политические символы**. Они являются своеобразным цементирующим элементом любой политической системы и лежащей в ее основе политической культуры.

Политический символ — это условный образ важнейших политических идеалов. Он является средством обще-

ния между людьми, ибо в нем заложен определенный смысл, требующий расшифровки информации, заложенной в нем.

В качестве символов в разных странах используются государственные флаги и гербы, конституции, гимны, национальные праздники, скульптурные изваяния, денежные знаки и т. п. Различные символы могут изображаться в графической форме — в виде христианского креста, пятиконечной или шестиконечной звезды, полумесяца, свастики, серпа и молота и др.; в виде животных и птиц — лев, слон, орел; в виде человеческой фигуры — Марианна (Франция), Джон Буль (Англия), Дядя Сэм (США) и т. п.

Символы выполняют объединяющую и мобилизующую роль, служат средством агитации, обозначения политической позиции. Каждый народ создает собственные национально-государственные символы, к которым относятся с должным уважением, и они используются правящими кругами как необходимые инструменты управления и политического манипулирования с целью воздействия на политическое сознание личности, что и облегчает ее подчинение властным структурам.

С политическими символами тесно связаны **идеалы**. Идеал, как правило, воплощается в каких-либо произведениях искусства, документах, изречениях и т. п. В качестве идеалов выступают в разных странах, например, индивидуальная свобода, которая воплощается в таких символах американской нации, как статуя Свободы, Декларация независимости, Билль о правах. В Советском Союзе широко пропагандировался идеал всесторонне развитой личности, во многом отраженный в Моральном кодексе строителя коммунизма.

Следует отметить и **политические ритуалы**, без которых не обходится политическая жизнь ни одной из стран. Они призваны решать те же самые задачи, что и символы, идеалы. Одним из таких ритуалов является коронация (например, в Великобритании). Торжественность, пышность, великолепие этой процедуры, ее религиозный церемониал знаменуют восхождение на трон простого смертного, ставшего властителем государства и нации. В странах президентского режима политическим ритуалом является церемония приведения к присяге президента¹.

¹ См.: Чуланов Ю. Г. Политология: Учебник. СПб., 2001. С. 363–369.

12.4. Типология политической культуры

На протяжении развития различных государств и народов выработано множество типов политической культуры, выражающих преобладание в стиле политического поведения граждан определенных ценностей и стандартов, форм и кодов взаимодействия с властями, а также иных элементов, которые сложились под воздействием тех или иных географических, духовных, экономических и прочих факторов.

Родоначальниками современной типологизации политической культуры стали американские ученые Г. Алмонд и С. Верба. Свой подход они изложили в книге «Гражданская культура», изданной в Нью-Йорке в 1963 г. Анализируя и сопоставляя основные компоненты и формы функционирования политических систем Англии, Италии, ФРГ, США и Мексики, они выдвинули три «чистых» типа политической культуры:

- «приходскую» (патриархальную, «местечковую»);
- подданническую;
- активистскую (политическую культуру участия, иначе называемую партиципаторной) (от англ. participation — участие).

«Приходская» (патриархальная, провинциалистская) культура свойственна обществу, в котором не сформировалась политическая система. В таком обществе нет специфически политических ролей. Ориентация на них не отделена от религиозных, социальных и экономических ролей. Вождь, шаман олицетворяет в себе единство всех ролей. В тех случаях, когда общество является более дифференцированным, отношение к политическим институтам при таком типе политической культуры не закреплено никакими нормами. В таком обществе, как правило, отсутствует интерес граждан к политической жизни. На крайне низком уровне находятся знания людей о политической системе и тех ожиданиях, которые она может порождать в процессе своей деятельности.

Подданническая политическая культура характеризуется пассивным отношением к политической системе. Личность, имеющая такой тип культуры, осознает особый авторитет и роль власти, а также ее структур, испытывает по отношению к ним положительные или отрицательные

эмоции. Однако для этого типа политической культуры характерен невысокий уровень индивидуальной активности граждан.

Активистская (партиципаторная) политическая культура отражает отчетливую ориентацию индивидов на активную роль в политической системе, вне зависимости от положительной или отрицательной оценки как самой системы, так и результатов ее деятельности. Этот тип культуры характерен для развитых демократических государств, предполагающих максимальное вовлечение граждан в процесс принятия и осуществления политических решений.

В чистом виде эти типы политической культуры, как правило, не встречаются. Политическая культура общества включает в себя элементы каждого из этих типов культуры с преобладанием одного из них. Существует, значит, ряд промежуточных типов политической культуры: **патриархально-подданническая, подданнически-активистская, патриархально-активистская и т. п.**

Иногда выделяют традиционный и светский типы политической культуры.

Традиционная политическая культура опирается на жесткие предписания и систему принципов политического сотрудничества (абсолютные монархии, тоталитарные государства).

Для традиционной политической культуры характерны:

- признание священного характера власти;
- признание того, что права подданного и права власти по отношению к нему регулируются традиционными нормами, вытекающими из утверждения «так было всегда»;
- признание неизменности данной системы политических отношений и ее политических норм.

Светский тип политической культуры характеризуется прагматизмом, эмпиризмом. В рамках светской политической культуры формируется культура широких слоев населения демократических стран.

Довольно распространенным является принцип, согласно которому тип политической культуры зависит от характера политического режима. При таком подходе выделяют тоталитарную, авторитарную, демократическую политические культуры и ряд переходных типов.

Для **тоталитарной** политической культуры характерны следующие признаки:

— культ власти: власть является ценностью высшего порядка;

— сакрализация (обожествление) власти: в обществе формируется представление о том, что власть может все;

— в обществе господствуют мифы и различного рода мистификации, поэтому в тоталитарном режиме и наука должна служить режиму, а если нет, то целые ее отрасли и направления объявляются враждебными (пример тому — судьба генетики и кибернетики в СССР);

— в обществе царит атмосфера постоянного революционного напряжения, ощущение опасности и необходимости преодолевать трудности. Если нет угрозы, то должны быть внутренние проблемы;

— общество не ощущает своего полного отчуждения от власти, наоборот, на лидера и на все другие институты распространяется ощущение единства и слияния с властью.

В политической культуре тоталитаризма большую роль играет **любовь** (к власти, к лидеру). Именно она в значительной степени определяет стабильность режима и является одной из составляющих легитимности власти.

В политическом поведении элит преобладают мотивы всемогущества, в поведении общества — типичность, скромность, энтузиазм.

Авторитарный тип политической культуры существенно отличается от тоталитарного. В нем нет культа власти, ее сакрализации, ощущения слияния с властью. Обществом отчетливо осознается факт отчуждения от власти. Опорой такого режима, как правило, является армия, поэтому любовь как фактор легитимности власти исчезает. Общество реально осознает фактор насилия власти над собой. В политическом поведении элиты преобладают требования компетентности, от общества требуется профессионализм и послушание.

В **демократическом** типе политической культуры преобладают активность, открытость, приверженность законам, чувство ответственности. Власть рассматривается как необходимый фактор интеграции общества. Она подконтрольна обществу, в котором преобладают настроения критичности в отношении власти. С точки зрения общества, власть должна обязательно отвечать таким требованиям, как профессионализм и знания, высокие моральные качества, ответственность перед обществом.

В рамках демократической политической культуры особую ценность представляют гражданские и личные свободы. В случае необходимости власть призвана их защищать самым решительным образом.

В демократической политической культуре большое значение имеют факторы политического участия, свободы выбора, свободы слова, защиты прав меньшинства, гласность, плюрализм в общественном мнении.

Иногда выделяют **рыночную** и **этактистскую** политические культуры. Рыночная политическая культура понимается людьми как разновидность бизнеса и рассматривается в качестве акта свободного обмена деятельностью граждан в стиле отношений «купли-продажи», подобно тому как это происходит на рынке товаров и услуг. Политика выглядит как тип бизнеса, политик — как тип бизнесмена, а политические решения напоминают торговые сделки. Эта культура нацелена на конкурентную борьбу как универсальный принцип функционирования и развития общества. Рыночная политическая культура ориентирована на индивидуальные и групповые интересы, саморегулирование политических процессов.

Этактистская политическая культура характеризуется главенствующей ролью в организации политической жизни государственных институтов. Именно государство в этом типе политической культуры формирует поведение личности и социальные отношения. Данный тип культуры ориентирован на организованность и бюрократическое управление.

Этактистская разновидность культуры может рассматриваться и как ядро **официальной** политической культуры, которая может формироваться в определенных исторических ситуациях. Наряду с официальной выделяют также **реальную** политическую культуру, в которой воплощаются ценности и соответствующие им формы практического поведения значительной части общества. Так, в странах Восточной Европы, где идеи социализма в значительной мере внедрялись под давлением государства, при первых же демократических преобразованиях официальная культура уступила место реальным ориентирам и ценностям граждан.

И наконец, в политической науке выделяют **консенсуальный** и **поляризованный** типы политической культуры. Консенсуальная политическая культура отмечена доста-

точно высокой сплоченностью населения на основе ведущих ценностей, целей, которые стоят перед государством и обществом. Поэтому здесь, как правило, высока лояльность граждан к правящим кругам и целям режима.

В поляризованной политической культуре отмечается несовпадение базовых ценностей и ориентиров политической деятельности населения, элиты и электората. В этом случае нет, как правило, прочного согласия относительно целей общественного развития, основных методов реформирования страны, моделей будущего.

В целом существующая в том или ином обществе политическая культура адекватно отражает характер и основные параметры политической системы. Тип политической культуры формируется в процессе развития социально-экономического и общекультурного контекста каждой конкретной страны. И потому не может быть и речи о формировании политической культуры вне и в отрыве от социально-экономического и политического процессов данного общества. Невозможно перенести даже самую привлекательную модель политической культуры в рамки иной политической системы.

12.5. Общее и особенное в политической культуре

Политическая культура каждой страны включает в себя специфические ценности, ориентации, традиции, нормы, символы, ритуалы и прочее, которые сориентированы на обеспечение стабильности политической системы. Нужно учесть, что в политической культуре основные ценности непосредственно связаны с легитимностью политической власти. Господство принципа легитимации, в свою очередь, ведет к доминированию в политической культуре принципов консенсуса и толерантности.

Взять, к примеру, политическую культуру США. Для нее характерны деидеологизированные ориентации граждан, невысокая политическая активность, уважение к правящей элите, использование легитимных форм политического участия, законопослушность, патриотизм и т. п.

Важный компонент американской культуры в целом и политической культуры в частности — религиозность. Идеалы и ценности протестантизма (вера в трудолюбие, в собственные силы, в моральные нормы, ответственность

за состояние общества) оказали большое влияние на формирование духовного облика американской нации.

Политическую культуру англичан отличают почти-тельность к правящей элите, дающая ей высокий уровень легитимности, уважение к символам государственности, склонность к минимизации конфликтов и поиску согласия между политическими силами.

Особенностями политической культуры Германии являются законопослушность населения, внимание к правовым регуляторам политического поведения и соблюдению процедур, ответственность элит за исполнение своих обязанностей и т. д.

Наиболее характерной особенностью политической культуры Франции является ее нестабильность. Это прослеживается в нескольких аспектах. Во-первых, историческое развитие страны дало целый ряд последовательно сменяющих друг друга различных форм правления. Во-вторых, за двухсотлетний период Франция сменила полтора десятка конституционных актов и избирательных систем. В-третьих, замена одного политического режима другим отличалась разнообразием способов (революции, государственные перевороты с вмешательством армии или на парламентской основе). В-четвертых, большой подвижностью отличается партийная система Франции.

Тем не менее политическая культура Франции отличается достаточной жизнеспособностью и преемственностью. Это объясняется развитостью структур гражданского общества и совершенной бюрократической организацией администрации. Существует к тому же мнение о том, что французское государство является одним из самых организованных.

Особыми чертами отличается политическая культура Испании. После падения авторитарного франкистского режима здесь утвердился целый ряд демократических механизмов. Однако для испанской политической культуры характерно сохранение добуржуазных традиций. В политической жизни страны ощущается влияние утвердившегося в обществе корпоративизма как условие его вертикальной организации, сказывается сильное религиозное влияние и т. д.

Для политической культуры стран Запада в целом характерно наличие консенсуса по кардинальному вопросу — отношение к существующему строю. Большинство населения выступает за его сохранение и реформирование.

Специфика политической культуры России обусловлена евразийским геополитическим положением страны, концентрацией и централизацией власти, скреплявшей в единый организм конгломерат регионов и народов, слабостью механизмов самоуправления и самоорганизации, доминировавшими коллективными формами образа жизни.

Политическая культура России претерпела существенные изменения в XX в. Естественный процесс ее развития был прерван в 1917 г., когда в обществе стала внедряться политическая культура социалистического типа, а фактически тоталитарная модель политической культуры.

Базовая политическая культура советского общества унаследовала весьма далекие от коммунистических идеалов черты политической культуры Российской империи. «Новый советский человек, — писал Г.П. Федотов, — не столько вылеплен в марксистской школе, сколько вылез на свет Божий из московского царства... Вглядимся в черты советского человека — конечно, того, который строит жизнь, а не смят... Он очень крепко, физически и душевно, очень целен и прост, живет по указке и заданию, не любит думать и сомневаться, ценит практический опыт и знания. Он предан власти, которая подняла его из грязи и сделала ответственным хозяином над жизнью сограждан. Он очень честолюбив и довольно черств к страданиям ближнего — необходимое условие советской карьеры. Но он готов заморить себя работой, и его высшее честолюбие — отдать жизнь за коллектив, партию или родину, смотря по временам. Не узнаем ли мы во всем этом служилого человека XVI в.? Напрашиваются и другие исторические аналогии: служака времен Николая I, но без гуманности христианского и европейского воспитания, сподвижник Петра I, но без фанатического западничества, без национального самоотречения»¹.

Нынешняя российская политическая культура характеризуется глубоким *ценностным расколом* и *конфликтностью*. Внутренняя двойственность, сочетание свойств индивидуалистической политической культуры Запада и коллективистской культуры Востока — одна из важнейших черт, присущих политической культуре России на протяжении многих веков.

В нынешних условиях конфликтность между этими двумя исторически сложившимися ориентациями отягощена наследием политической культуры номенклатурной элиты, которая не только оторвалась от национальных ценностей, но и подверглась масштабной криминализации.

Политическая культура современной России — это преимущественно подданническая культура. Она сохраняет такие традиционные черты, как *долготерпение, покорность перед властными; низкая самодисциплина и самоорганизованность; недоверие к государству, склонность к анархии и вместе с тем жажда сильной власти, способной обеспечить порядок; слабое уважение к закону, правам личности, национальное самобичевание и самоуничужение*.

Для российской политической культуры характерны также: радикализм, проявляющийся в предпочтении насильственно-революционных преобразований мерам эволюционного, реформистского типа; уверенность в наличии простых и быстрых решений сложных проблем. Между тем в политике чаще складываются ситуации, когда существует множество вариантов действий при отсутствии явных преимуществ или противопоказаний для них.

Политическая культура современной России еще не устоялась. Идет процесс ее формирования на основе модернизации общества.

План главы

- 13.1. Процесс политической социализации.
- 13.2. Этапы политической социализации.
- 13.3. Политическая социализация в школе.
- 13.4. Политическая социализация, осуществляемая с помощью телевидения.
- 13.5. Функции политической социализации.
- 13.6. Политические ориентации.
- 13.7. Политические ориентации и система личности.
- 13.8. Политические ориентации и символические системы.

Становление личности в качестве субъекта политики происходит постепенно, по мере социального созревания человека в процессе его политической социализации.

Политическая социализация — это процесс вхождения человека в мир политики; формирование политических представлений, ориентаций и установок; усвоение опыта, норм и традиций политической культуры.

Можно со всей определенностью утверждать, что ни одна политическая власть, ни одна политическая система не смогут нормально функционировать, если не будут тем или иным способом учить людей принятым данным обществом нормам поведения.

Прежде всего это осуществляется по отношению к государственной власти, которая предполагает послушание и активную поддержку своих действий со стороны населения. Для этого государство может использовать принуждение. Но более эффективным средством является

воспитание сознательного понимания гражданами своего гражданского долга. Этому как нельзя лучше служит политическая социализация.

Политическая социализация является частью общей социализации личности, ее приобщения к социальному опыту, накопленному предшествующими поколениями людей. В процессе социализации формируется жизненная позиция человека на основе усвоения социального опыта. Особую роль в этом процессе играет культура.

Культура, как известно, структурирует всю совокупность человеческих отношений. Она во многом определяет специфическую форму общественного порядка и обуславливает формы и особенности его поддержания с помощью политических средств. Именно культура способствует формированию консенсуса, т. е. принятию всеми членами общества норм и ценностей, которые лежат в основе ролей и моделей поведения индивидов и групп индивидов.

С помощью социализации система навязывает новым поколениям граждан сложившиеся ценности и нормы политического поведения предшествующих поколений с целью обеспечения их постоянного воспроизводства. Политическая социализация не только обеспечивает вертикальную связь поколений, что является предпосылкой непрерывного функционирования политической системы, но и придает горизонтальную устойчивость обществу, что выражается в его гармонизации, сплоченности и гражданском мире.

13.1. Процесс политической социализации

Политическая социализация, как было отмечено выше, является инструментом достижения консенсуса общества. И это действительно так. Однако такая интерпретация не учитывает дезинтегрирующие факторы политической социализации. Между тем, как известно, в демократическом обществе оспаривание так же значимо, как и подчинение.

Не выражает в полной мере понятие политической социализации и представление ее в качестве средства воспроизводства социального порядка общества. Целые поколения могут отказываться от своего воспроизводст-

ва. Американский социолог Д. Истон приводит пример русской буржуазии после 1917 г. Та ее часть, что осталась в России после революции, не навязывала детям традиционные ценности своего поколения. Напротив, эта часть буржуазии стремилась «включить» своих детей на основе социализации в новую политическую систему. В других случаях само новое поколение восстает против феномена традиционного воспроизводства. Пример тому — движения протеста студентов США и некоторых стран Западной Европы в 60—70-е гг. прошлого столетия, выступивших против традиционных конформистских ценностей общества потребления.

Жизнь выявила и такую закономерность. Когда общество нестабильно, политическая социализация эту нестабильность усиливает. Так, в странах «третьего мира» развитие новых отраслей экономики нарушает сложившуюся социальную структуру и на определенном этапе *основанная на традициях политическая социализация* может вести к нарушению стабильного состояния политической системы.

Словом, в силу своей сложности и противоречивости политическая социализация по-разному трактуется в политической науке, предоставляя ученым возможность акцентировать внимание на ее разных сторонах и гранях. А потому, несмотря на то что систематическое изучение этого процесса ведется еще с 20-х гг. XX столетия, единого подхода к пониманию процесса политической социализации еще не выявлено.

В целом политическая социализация представляет собой двуединый процесс: с одной стороны, она фиксирует **усвоение** личностью определенных норм, ценностей, ролевых ожиданий и прочих требований политической системы, с другой — демонстрирует, как личность избирательно осваивает эти традиции и представления, **закрепляя** их в тех или иных формах политического поведения и влияния на власть.

Можно со всей определенностью говорить, что в процессе социализации индивид не пассивен. Политическое воздействие, которое испытывает каждый индивид, является первой фазой в этом процессе. Это воздействие оказывает влияние на политическое поведение индивида в итоге взаимодействия двух систем — **системы личности и политики**. Результатом этого взаимодействия являются

индивидуальные политические ориентации. Они выражаются в позициях, мнениях и политическом поведении индивидов.

Следует сказать и о том, что способность индивида воспринимать и усваивать присущие социуму ценности, стандарты поведения зависят от набора политических знаний, умений и навыков человека.

Эффективность политической социализации в немалой степени зависит от **агентов социализации**, через деятельность которых преломляется влияние всех внешних факторов. К ним относятся: семья, система образования, общественные и политические институты (организации), церковь, СМИ и отдельные политические события (такие как революция, репрессии властей, голод и т. п.), обладающие способностью кардинально влиять на систему убеждений и верований человека.

Влияние каждого из этих агентов определяется рядом факторов — возрастом и внутренним состоянием человека, интенсивностью его включения в социальные и политические процессы, характера выполняемых им там функций, а также цивилизационных и исторических условий его существования. Например, в традиционных обществах более сильным влиянием обладает семья и вообще ближайшее окружение человека, а также церковь. В государствах современного типа сильнее проявляется авторитет образовательных и коммуникативных структур, которые активно включают массовый опыт в выработку индивидуальной картины мира политики, в большей степени формируя элементы надличностного видения человеком политической жизни. На более поздних стадиях «модерна» и расширения влияния постмодернистских тенденций люди острее ощущают воздействие «симулятивных моделей» политического участия, т. е. тех норм и ориентаций, которые порождают эффект гиперреального мира (в виде образов, задаваемых рекламой, ТВ, образцами экспериментального моделирования мира средствами искусства)¹.

Взаимодействие всех агентов политической социализации осуществляется государством и обществом. В случае, когда решающее влияние на процесс социализации оказывает государство, поощряется распростра-

¹ См.: Соловьев А. И. Указ. соч. С. 388–390.

нение конформистских настроений и консервативных убеждений. Нередко государство поощряет политическую пассивность населения.

Иная картина предстает в случае организации обществом действий людей. Разные социальные группы существенно различаются по своим взглядам на политические реалии. И они по-своему выстраивают взаимодействие различных агентов политической социализации. В обществе возникают многообразные **состязательные потоки социализации**, которые конкурируют как друг с другом, так и с государством.

Как справедливо отмечает профессор А.И. Соловьев, индивид формирует свои взгляды, предпочтения, отношение к политике на **пересечении** этих конкурирующих друг с другом процессов, для которых характерны собственные приоритеты в толковании политических ценностей и поведенческих стандартов. Это показывает, что политическая социализация всегда существует как совокупность **конкретных** механизмов научения индивида способам политического участия, формирующихся на основе совершенно определенных культурных ценностей и стандартов.

13.2. Этапы политической социализации

Сердцевиной политической социализации является процесс постоянного обучения, в ходе которого индивид осваивает культуру и приспосабливается к обществу, являющемуся для него внешней средой.

Из этого следует, что социализация личности испытывает воздействие трех факторов: **личность, культура, общество**. Эти факторы взаимодействуют между собой не произвольно, а в рамках социальных групп и сообществ, неотъемлемой частью которых является индивид. В ходе взаимодействия указанных факторов происходит структурирование личности, и она интегрируется при помощи культуры в коллектив, сообщество, социальную группу.

Усвоение индивидом культуры и его последующая адаптация к обществу основывается на непрерывном обучении. Процесс обучения, в свою очередь, основан на взаимодействии индивида с его социальным окружением. Этот процесс идет на протяжении всей жизни индивида.

Он осуществляется в семье, школе, группе, в ходе трудовой деятельности. Интенсивность этого процесса различна в разные периоды жизни. Наиболее интенсивно он идет в детстве и молодости, когда происходит включение человека в общественную жизнь. Этому способствует как высокая степень пластичности молодого организма, так и высокая степень адаптационных способностей личности.

Рассмотрение политической социализации в соотноении с продолжительностью жизни человека позволяет выделить ее **первичный и вторичный** этапы.

Первичная политическая социализация начинается достаточно рано. Дети трех-четырёх лет уже различают символы своего государства, могут даже знать в лицо тех или иных политических деятелей. Детский сад, школа, родители, телевидение очень рано вовлекают детей в экономическую и политическую жизнь, хотя, конечно, главным образом со школы начинается накопление знаний о политике, формируется определенное отношение к ней.

Как утверждают социальные психологи и педагоги, с 8—9 и до 13 лет у ребенка наступает важный этап формирования политических взглядов. Особенность этого этапа состоит в том, что он часто персонифицируется, ибо дети склонны говорить не о политическом строе, а о личности, например президента, отождествляющего в данный момент этот строй.

В этом возрасте уже возможна выработка (при помощи взрослых) определенного отношения к внешним или внутренним антагонистам (врагам). У ребенка может появиться ориентация на неприязнь и отторжение отдельных народов (через эту оценку часто фиксируется отношение к государству этих народов), критический взгляд на отдельные общественные силы, особенно если это обсуждается в семье.

Затем подключается окружение родителей и свое собственное окружение, сослуживцы, коллеги и т. д. Происходит первоначальное восприятие человеком политических категорий, что ведет постепенно к формированию индивидуального отношения к явлениям политической жизни.

Американские ученые Д. Истон и Дж. Денис выделяют следующие четыре этапа политической социализации ребенка:

— политизация как выражение «восприятия» ребенком зарождающихся ощущений о политической жизни.

Решающую роль на этом этапе играют родители, их отношение к политике, реакции и чувства, вызываемые ею;

— персонализация политики. На этой фазе ребенок устанавливает первые прямые отношения, контакты с политической сферой через самоидентификацию с некоторыми наиболее известными политическими деятелями и в первую очередь с президентом;

— идеализация власти, приписывающая политическим лидерам исключительно положительные качества, и на этой основе образование устойчивых эмоциональных отношений к политике;

— институционализация обретенных свойств, означающая поворот в сознании детей к деперсонифицированному представлению власти и переход к самостоятельному, надличностному видению политики¹.

Такая модель политической социализации обнажает механизм постоянной интеграции во внутренний мир ребенка политической системы общества во всей ее комплексности. Графически эта модель может быть представлена расходящимися концентрическими кругами, в центре которых находится выдающаяся личность, т. е. личность, с которой у ребенка связаны первые сильные ощущения политического характера. Именно так в американской политической культуре представляется процесс политизации ребенка. Это вытекает из самой концепции власти и ее отношений с индивидом.

С 13–14 лет начинается следующий этап (подростковый) социализации. Он характеризуется тем, что разрозненная отрывочная политическая информация начинает складываться в определенную систему. В этом возрасте формируется представление о политической жизни, о структуре власти, целях общества и государства, вырабатываются представления об общей политической ситуации в стране. Тогда же реализуются первые попытки приобщения к деятельности общественных организаций, в том числе имеющих и политическую ориентацию².

Швейцарский психолог Пиаже в исследовании «Избранные психологические труды» также утверждает, что к пятнадцати годам появляется важнейшее изменение

¹ См.: Easton D., Dennis J. Children in the Political System. Origins of political legitimacy. N.Y., 1969.

² См.: Политическая социология: Учебник для вузов. С. 276–278.

в политическом мышлении — постижение абстрактных этико-политических принципов.

Своеобразная модель политической социализации предложена французскими исследователями. Так, А. Першерон на основе специального исследования, проведенного среди детей и подростков от 10 до 15 лет двух парижских коммун, показала специфику французской модели политической социализации¹.

Как показали результаты опросов, политическая власть, выраженная в терминах «президент республики», «законы» и «полиция», воспринималась как «сильная, но отдаленная и абстрактная реальность, по отношению к которой отмечается некоторое дистанцирование и равнодушие». По отношению к президенту страны (в то время генерал де Голь) отмечены не персонализированные отношения. Это были просто отношения к власти (35 процентов опрошенных утверждали, что президент «правит», «командует», управляет»). Довольно широко было распространено утверждение: «он командует страной». В отличие от такого отношения французских детей и подростков, большинство их американских сверстников полагали, что президент «заботится о них», обнажая тем самым вполне определенного толка эмоциональное восприятие личности президента: благоприятное («герой», «большой человек», «большая ответственность») — около 14 процентов опрошенных и неблагоприятное («надменный», «старый») — 7 процентов.

Исследования, проведенные во Франции, показали, что ключевыми понятиями политической культуры в детском возрасте являются такие слова, как **флаг, республика, родина, свобода, равенство, братство, нация, государство**. За ними следует то, что называется понятиями, выражающими политические институты: **голосование, избранный, законы, гражданин, демократия** и др. Все эти понятия носят позитивный характер, сравнимый с восприятием поста президента в американской политической культуре.

Интерес представляют выводы французских ученых, основанные на результатах анализа социального словаря французских детей и подростков. Понятия **социальный класс, капитализм, буржуазия, профсоюз, политиче-**

¹ См.: Percheron A. L'Univers politique des enfants. P., 1974.

ская партия, экстремист, левый, правый, умеренный и т. д. вызывают чаще всего негативные эмоции по отношению к политике вообще и политическим конфликтам в частности. Это расценивается как характерная черта национальной политической культуры. При этом понятия **война, незаконный, насилие, власть, налоги** не приемлют большинство опрошенных детей и подростков.

В то же время дети рабочих предрасположены к позитивному восприятию словаря, связанного с **классовой борьбой, партиями, идеологиями**. Интересно и то, что общие знания о политике детей рабочих мало чем отличались от уровня подобных знаний детей высших кадров, лиц свободных профессий и превышали уровень политических знаний детей из семей средних руководящих кадров, служащих и коммерсантов.

Показательными являются различия между детьми в зависимости от ориентации на левых или на правых. Дети, симпатизирующие левым, широко использовали слова **парламентарий, демократия, забастовка, профсоюз, коммунизм, иностранец**. Приверженцы правых отдавали предпочтение словам **богатство, буржуазия, крайне правый, министр, силы порядка, американец**. Третья группа детей и подростков, которая, судя по всему, не признавала политику и не желала интегрироваться в систему, проявила сильную враждебность к словам **голосование, забастовка, партия, профсоюз, депутат, администрация**.

Французские социологи не случайно сделали вывод о том, что во Франции дети рано и достаточно массовидно осознают национальное сообщество и республиканские ценности. При этом сильное влияние оказывает идеология и социальная принадлежность детей и подростков. Среди французских детей и подростков, как правило, отсутствуют две первые фазы политической социализации, свойственные американской политической культуре, — персонализации и идеализации власти. Восприятие политики французскими детьми характеризуется массовым отказом от однозначно конфликтного понимания политики.

Изменения в политической жизни Франции после 1969 г. внесли некоторые коррективы в общую картину восприятия детьми и подростками данной страны политики и власти. Оказалось, что французские подростки больше знают о политике, но в меньшей степени, чем

прежде, в нее включены. Политическая идентификация в отношении политических партий среди подростков носит в большей мере эмоциональный, нежели идеологический характер. В отношении главы государства выявлена большая, нежели в конце 60-х гг., предрасположенность молодых людей. Социологи отмечают возрастающее влияние патриотических чувств. Заметно выросло среди детей и подростков число сторонников как левых (21 %), так и правых (18 %) политических партий. При этом около 23 % детей и подростков, показав при опросе хорошие знания политики, не относят себя ни к левым, ни к правым, т. е. во многом не приемлют институционную систему¹.

В целом особенности первичного этапа политической социализации состоят в том, что человеку приходится адаптироваться к политической системе и нормам культуры, еще не понимая их сущности и значения.

13.3. Политическая социализация в школе

Школе принадлежит важное место в жизни общества. Она играет весьма существенную роль в политико-идеологическом разделении общества. Школа, особенно высшая школа, может приводить в движение все общество. Достаточно вспомнить события конца 60 — начала 70-х гг. прошлого века во многих странах Европы и в США, чтобы убедиться в том, что студенческие волнения могут вести к потрясению всей системы власти.

Во многих странах школа развивается как бы на двух скоростях и направлениях. Как отмечают французские социологи, будущие пролетарии в школе испытывают удары буржуазных идей, а будущие буржуа обучаются тому, чтобы стать в большей или меньшей степени интерпретаторами, актерами и импровизаторами **буржуазной идеологии**. Между этими двумя формами образования, отмечают К. Бодело и Р. Эстабле, «такая же разница, как между катехизисом и теологией»².

¹ См.: Percheron A. Les enfants de l'alternance // SOFRES, L'État de l'opinion. P., 1990; Denni B., Lecomte P. Sociologie du politique. En 2 t. Grenoble, 1999. T. 1. P. 128-132.

² Cot J.-P., Mounier J.-P. Pour une sociologie politique. T. 2. P., 1974. P. 78.

Капиталистическое социетальное воспроизводство уже в школе включает в себя политическое выражение социализации, которое осуществляется не в одной и той же языковой системе. Дети из высших социальных слоев общаются на ином языке, часто недоступном для детей — выходцев из народных слоев. Чисто языковое изначально неравенство в школе усиливается и получает политический оттенок. Исследования во многих странах показали, что выходцы из низов общества нередко оказываются не способными освоить в полной мере языковые требования школы. А это еще более усиливает изначально социальное неравенство. И оно сохраняется на всю последующую жизнь.

Различия в обучении в школе можно проиллюстрировать на сопоставлении двух параллельных текстов о Людовике XIV одного из инициаторов изучения истории во Франции Е. Лависса.

«Характер короля: Людовик XIV был убежден, что его власть является абсолютной и что он должен отчитываться только перед Богом. Гордый своими правами, государь знал и свои обязанности, которые он исполнял на прекрасном языке. Он обладал крупными достоинствами: он не был гением, но был прекрасно образован; он обладал способностями к работе, хорошо разбирался в людях и в первой части своего правления умело отбирал своих служащих. Он обладал личными достоинствами, внушающими уважение, а своей учтивостью завоевывал сердца. Однако это личное обаяние, под которое подпадали все, кто его окружал, еще более усиливало опасения, которые его всемогущество несло для его окружения. Гордыня охватила душу Людовика XIV как результат почти обожания, исходившего со стороны знати, двора, бывшего одним из самых блестящих в мире. Он приписывал себе все заслуги своих министров, не ведал всего, чем он им был обязан. Он устранил все прежние свободы во Франции и стремился утвердить свое господство в Европе подобно тому, каковым оно было в отношении своих подданных. Франция истощила свои силы в войнах, которые Людовик XIV вел в первые годы своего господства, и государь, которого называли "великим королем", окончил свое правление оборотной стороной удачи...».

Такую характеристику Е. Лависс дал королю в учебнике для начальной школы. А теперь читаемся в его же,

Лависса, характеристику Людовика XIV в учебнике для высшего образования.

«Личность короля».

Моральные качества: он вовсе не был злым, ему были присущи душевные движения доброты, даже чувственности. Он любил свою мать, о которой плакал горючими слезами. Он испытывал дружеские чувства к своему брату, который их не очень-то заслуживал, всегда разряженный, странный и отвратительных нравов мальчишка, которого мадам Лафайетт охарактеризовала ужасными словами: «возбудить чувства этого принца не смогла бы ни одна женщина мира»... Он проявлял нежные чувства к королеве, инфанте, глаза которой его восхищали. Он был чувственен, любил вкусно поесть, был скор к любовным утехам, не упускал ни одного удобного случая... Сен-Симон говорил, что Людовик XIV был «урожден с добрыми задатками», и этим многое сказано, и он добавлял, что король был «урожден справедливым» и что он сохранял до кончины «приверженность к честности, правоте и справедливости». И справедливость этого он демонстрировал с ранних лет... Он написал такую максиму: «Опасение надежды — плохой проводник». В этом качестве правителя заложены и королевские достоинства: радость быть королем... главная заслуга Людовика XIV состоит в понимании того, что условием этого «величия», этой «чести», этой «радости» была работа... работой Людовика XIV было внимание к советам, аудиенциям, которые были весьма многочисленными, частым встречам с министрами и людьми, с чьим мнением он считался¹.

Сравнение этих текстов, как отмечают Ж.-П. Кот и Ж.-П. Мунье, показывает, что в них исповедуется одна и та же концепция истории: она творится великими людьми. Кот и Мунье справедливо полагают, что разные ветви французской школы руководствуются одной и той же идеологией. Однако ясно видны и различия между этими двумя ветвями школы. Лексика текста, написанного для тех, кто получает высшее образование, более психологична (злой, движение доброты, чувствительность и дружба и т. д.) и значительно отличается от простого морализирования в тексте для начального образования. В последнем

¹ См.: Cot J.-P., Mounier J.-P. Pour sociologie politique T 2. P., 1974. P. 78-79.

случае используются бесспорные истины. В тексте учебника для высшей школы аргументация черпается из разных источников, используется своеобразная риторика, и это готовит учеников для эмоционального восприятия и изложения событий истории на основе господствующей идеологии¹.

Нужно сказать, что политические предпочтения учеников во многом определяются политическими позициями родителей. Так, в США влияние родителей в формировании политических позиций испытывают на себе более 40 процентов ребят в возрасте от 13 до 18 лет. Во Франции более 50 процентов детей и подростков оказываются под влиянием родителей. Эффект политического влияния становится еще больше, если политические позиции родителей и учителей совпадают. Значит, результативность политической социализации увеличивается.

Говоря о политической социализации в школе, нельзя не отметить роль образования в укреплении социального порядка в обществе. Было бы большим упрощением говорить, что школа навязывает ученикам мнения по тем или иным политическим вопросам. Куда важнее другое. В процессе обучения школьники вырабатывают позиции и умения действовать на основе *подсознательных* схем организации мысли и действия в любой ситуации. Именно на основе таких схем, по мнению многих социологов, выстраиваются в конечном счете будущие политические позиции взрослых граждан. Отметим при этом, что на основе одной и той же совокупности подсознательных схем могут утверждаться различные и даже противоположные политические позиции и мнения.

На основе анализа процессов политической социализации в школе французские социологи П. Бурдьё и Пассерон предложили и ввели в научный оборот понятие «габитуса» (*habitus*), под которым они понимают «систему интериоризированных диспозиций», «структурированную матрицу восприятий и позиций», которыми каждый индивид обладает в силу своего социального статуса. Габитус, как мы отмечали выше, понимается как устойчивая и передаваемая совокупность общих схем мысли, восприятий, оценок и действий. В нем воспроизводятся социально-культурные правила, «стили жизни» разных

социальных групп. Есть все основания говорить, что педагогическая работа являет собой разновидность «символического насилия», а политическая социализация заменяет собой физическое насилие в процессе «кристаллизации» отношений господства и подчинения.

Габитус вырабатывается под влиянием школы и, помимо воли социального субъекта, определяет его выбор и вкус. Наличие габитуса во многом предопределяет систему функционирования социального порядка вне зависимости от разделения его на поля деятельности. В итоге **характерные черты политического господства «естественно» воспроизводятся без какого бы то ни было физического принуждения**. В этом смысле П. Бурдьё «прокидывает» марксистскую концепцию господства, т. к. этактический, а тем более идеологический аппараты не являются инструментами только прямого действия в обеспечении политического господства правящего класса. Они являются местом ретрансляции воспроизводства господства, в основе которого находится габитус, коренящийся в коллективном сознании¹.

Многочисленными исследованиями находит подтверждение и факт влияния школьной демократии на процесс политической социализации. Значительная часть школьников (по некоторым исследованиям в странах Западной Европы — до 50 и более процентов учащихся) считают для себя полезным избрание в органы школьного самоуправления. Но что особенно примечательно, уже в школьном возрасте дети чувствуют, что на выборах в школе проявляются те же самые иерархические и культурные различия, которые характерны для всего данного общества.

Как полагают политологи, школа представляет собой некий социальный микрокосм форм и кодов отношений, отношений равенства и иерархии одновременно, что оказывает решающее влияние на процесс интеграции детей в общество. Выявляется, что благополучные (из высших привилегированных слоев общества) дети в школе получают больше знаний и навыков и имеют о ней, о школе, в целом положительное мнение. Иная картина среди детей из «низов» общества. Среди них преобладают негативные

¹ См.: Chagnollaud D. Science politique. Éléments de sociologie politique. P., 1999. P. 11–12.

оценки в отношении школы, которая мало способствует преодолению маргинализации, на которую обречены многие дети из этой части общества.

Таким образом, политическая социализация в школе активно способствует воспроизводству, а подчас и усилению социального неравенства, социальной дискриминации, столь присущие капиталистическому обществу.

■ 13.4. Политическая социализация, осуществляемая с помощью телевидения

В современных условиях СМИ, и прежде всего телевидение, оказывают значительное влияние на политическую культуру и политическое поведение индивидов. Научно-техническая революция, новые технологии в сфере коммуникации привели к формированию целой системы каналов связи, охватывающих не только целые государства, но и огромные регионы планеты. Радио и телевидение способны оказывать огромное влияние на массы населения. По мнению одного из американских социологов, телевидение представляет собой «квинтэссенцию краткосрочной информации. Подобно фокуснику, оно действует в доли секунды»¹.

Но дело не только в этом. Кабельное телевидение, Интернет открыли новую эру в области коммуникаций. Телевещание, интернет-общение стали составной частью повседневной жизни людей. Телевидение, как, впрочем, и другие СМИ, оказывает прямое воздействие на формирование политических позиций многих людей. Это происходит потому, что, во-первых, существенное переустройство претерпели политическое и домашнее поля жизни, их границы и отношения. Буквально в каждый дом вошли самые различные проявления коллективной жизни (спортивные соревнования, религиозные и политические церемонии, выступления политических лидеров, встречи государственных руководителей и т. д.). Словом, *общественная, политическая жизнь стала частью личной жизни граждан.*

Во-вторых, стало реальностью присутствие каждого гражданина в тех или иных проявлениях политической

жизни. Произошла, если можно так сказать, демократизация политической деятельности. Избранники получили возможность напрямую работать с избирателями, а избиратели могут осуществлять личный контроль за работой политических деятелей.

В-третьих, изменился и процесс легитимизации политических элит. Расширяются возможности для «проникновения» в них представителей различных социальных групп. Первостепенное значение приобрела личная популярность. Сформировалась новая модель политической карьеры.

А это значит, что СМИ оказывают прямое воздействие на процесс политической социализации самых разных социальных групп общества, определяя в значительной мере их политические ориентации.

■ 13.5. Функции политической социализации

Политической социализации, как и другим политическим явлениям, присущи определенные функции. В качестве таковых выделяют следующие: информационную, ценностно-ориентировочную, установочную и поведенческо-деятельную.

1. Информационная функция нацелена на решение познавательных задач в области политических отношений. Человеку передаются необходимые знания о государственном устройстве, политических отношениях, правах и обязанностях и т. п.

2. Ценностно-ориентировочная функция направлена на приобщение человека к системе сложившихся политических отношений, ценностей и ориентаций. Благодаря этому у него вырабатывается своя система ценностных ориентаций с тремя уровнями — когнитивным, эмоциональным, оценочным.

3. Установочно-нормативная функция нацелена на выработку определенных установок по отношению к политическим ситуациям, на выбор своего поведения и т. д.

4. Поведенческо-деятельная функция проявляется в конкретном политическом поведении человека¹.

¹ См.: Щегорцев В.А. Политическая социализация и политическая культура личности // Политическая наука и политическая практика. М., 1984. С. 32–34.

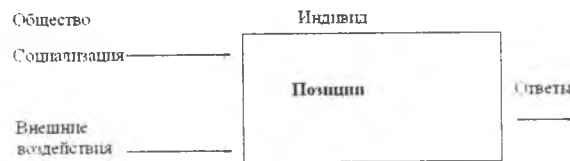
Опираясь на разнообразные каналы и институциональные структуры, политический режим видит свою главную задачу в том, чтобы формировать позитивное отношение граждан к тем или иным аспектам политической деятельности, получить поддержку со стороны масс, сохранить политический режим. Именно политическая социализация призвана выполнить эту функцию, формируя необходимое для властей массовое политическое сознание и обеспечивая соответствующее политическое поведение граждан.

13.6. Политические ориентации

Каждый гражданин самостоятельно, хотя и не без внешнего воздействия, формирует собственную социальную и политическую индивидуальность. Механизм формирования политических позиций достаточно сложен и многомерен. Однако можно выделить два существенных фактора в процессе формирования политических позиций. Первый из них включает в себя психологию и психоанализ. Второй фактор акцентирует внимание на социальных и культурных детерминантах политических ориентаций, которые выступают в качестве «символических систем, т. е. совокупности представлений сферы сознания и социально определенных действий».

Каков же механизм становления политических позиций гражданина?

Как мы уже отмечали, политические позиции индивида испытывают влияние внешних воздействий, а также политической социализации. Это может быть представлено следующим образом.

На этой, может быть, несколько упрощенной схеме показано, что в одних и тех же условиях индивиды могут приобретать разные политические позиции. Сказывается личное

отношение индивида к внешним воздействиям. А это отношение определяется убеждениями и тем, что называется политическим сознанием. Кроме того, политические позиции являются также результатом политической социализации индивида. А это тоже во многом представляет собой процесс, индивидуализированный с точки зрения результатов.

Можно выделить следующие составные части политической позиции индивида.

1. **Чувственная составляющая** (позитивная или негативная) по отношению к объекту. Она может быть разной степени интенсивности.

2. **Познавательная составляющая**, связанная с тем, что знает (или полагает, что знает) субъект об объекте. Она определяется внутренними ценностями и убеждениями, опытом, обучением, разного рода стереотипами, которые формируются социокультурным окружением.

3. **Поведенческая составляющая**, связанная с личностными особенностями индивида, определяющими действие (или намерение действовать) субъекта в отношении конкретного политического объекта.

На политическую позицию индивида оказывают влияние и иные факторы. В частности, сказывается предрасположенность личности к общественной деятельности. Позиция индивида испытывает влияние и получаемой информации о политических событиях.

Концептуальная схема позиции по М.Ж. Розенбергу и К.И. Ховленду

Источник: Denni B., Lecomte P. Sociologie du politique. Grenoble, 1999. Т. 1. Р. 163.

13.7. Политические ориентации и система личности

Одной из первых попыток выяснения отношений политических ориентаций с системой личности было исследование Т. Адорно, Э. Френкель-Брунсуик, Д. Левинсона и Н. Стэнфорда, результаты которого были опубликованы в Нью-Йорке в 1950 г. под названием «Авторитарная личность»¹. Т. Адорно, руководитель указанного исследования, был свидетелем подъема нацизма и антисемитизма в 30-е гг. в Германии. И он пришел к выводу о том, что экономический кризис и безработица, вопреки утверждениям марксистов того времени, не ведут к распространению революционных идей, а втягивают значительную часть мелкой буржуазии и пролетариата в авторитарные и расистские течения мысли.

Опираясь на учение З. Фрейда, ученые Франкфуртской школы, куда входил и Т. Адорно, выдвинули идею, согласно которой глубинные мотивы человеческих действий коренятся в скрытых, бессознательных побуждениях. И они выдвинули концепцию «авторитарной личности»².

Согласно этой концепции, утверждение и распространение фашизма и нацизма не может быть объяснено только экономическим, социальным и политическим кризисом. И тем более не может быть объяснено антидемократической пропагандой экстремистских движений. Главным здесь является психологический фактор: в каждом обществе всегда имеются «*потенциально фашистские индивиды*», структура личности которых делает их особо восприимчивыми к антидемократической пропаганде. Исходя из этого, Т. Адорно выдвинул следующую гипотезу о природе этой личности:

— мнения и убеждения индивида во всех областях социальной жизни не являются независимыми друг от друга. Они представляют собой зачастую «широкую и взаимосвязанную схему»;

— организация этих мнений и убеждений индивида в рамках «менталитета» или «разума», присущего субъекту, «является выражением глубинных тенденций личности».

¹ См.: Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Stanford N.R. The Authoritarian Personality. N. Y., 1950. На русском языке эта работа издана под названием «Исследование авторитарной личности» в 2001 г.

² См.: Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М., 2001.

Для верификации этой гипотезы при активном участии группы психологов Калифорнийского университета было опрошено более 2000 человек, представлявших в своем большинстве средний класс запада США. Поскольку исследование было посвящено анализу антисемитских и расистских предубеждений, в нем принимали участие только белые (за исключением евреев) респонденты.

Изучение позиций в отношении евреев было центральным пунктом исследования. И оказалось, что все респонденты разделились на две большие группы, одна из которых высказывала доброжелательные позиции в отношении евреев, другая, наоборот, — недоброжелательные. И это подтвердило верность гипотезы о том, что среди изучаемого населения существуют организованные антисемитские убеждения и предубеждения, образующие своеобразную идеологию, разделяемую респондентами в большей или меньшей степени.

Исследователями данный результат был квалифицирован как «этноцентризм», который был определен как тенденция индивида быть «этнически центрированным», что выражается в принятии тех, кто «похож» на него своей культурой, и неприятия тех, кто «не похож».

Для того чтобы выявить, существует ли такой «менталитет», было оценено отношение респондентов к другим группам населения — неграм, меньшинствам, или девиантам, а также привязанность к некоторым национальным ценностям. Оказалось, что предубеждения в обществе коренятся в одной и той же идеологии. Она характеризуется сильно иерархизированным видением мира: группа, к которой индивид принадлежит, в значительной мере идеализируется, и, по мнению индивидов, разделяющих эти предубеждения, данная группа должна быть сохранена с точки зрения ее силы и чистоты. В то же время все внешние группы, рассматриваемые как низестоящие и несущие в себе угрозу, решительно отвергаются.

В итоге был сделан вывод: ни политические различия между либералами и консерваторами, ни различия в социально-экономических статусах не дают ясного ответа в вопросе этноцентризма. И потому приверженность к антидемократической идеологии может рассматриваться как некая «грань», характеризующая личность, и как «выражение самых глубоких предрасположений психологического характера».

В свете психологических факторов антидемократических тенденций была проанализирована система личности субъектов. Для этого респондентам были поставлены вопросы, прямо не связанные с той или иной идеологией: выявлялось отношение опрашиваемых к семье, межличностным взаимодействиям, сексуальности и т. п. Однако и эти вопросы имели целью выявление того, что было уже названо «этноцентрическим менталитетом». С их помощью исследователи стремились вскрыть скрытые «предфашистские» диспозиции.

И вновь были получены данные, вписывающиеся в общую схему. Большая группа опрошенных в своих ответах выявила тенденцию к агрессивности, некоему фатализму, подкрепленному повышенным вниманием к вопросам нравов, в частности осуждавшая сексуальную свободу и т. д. По своему составу эта группа по сути дела совпадала с той, что в описанных выше исследованиях была охарактеризована как группа, склонная к этноцентризму. А это значит, что индивиды, являющиеся носителями предубеждений, характеризуются еще и только что описанными психологическими характеристиками. В итоге удалось выявить «авторитарный синдром» личности, потенциально предрасположенный в пользу нацизма и фашизма.

Т. Адорно и его сотрудники провели также психоаналитический клинический анализ 150 человек в целях выявления влияния детского опыта в формировании авторитарного синдрома. Было выявлено, что в случаях воспитания детей в обстановке строгой требовательности, например в вопросах чрезмерного уважения к родителям, формировались предпосылки для «вывода», или «выхода», за пределы сознания чувств негативного характера. Согласно утверждениям З. Фрейда, эти негативные проявления не исчезают со временем. Они проявляются другим образом. Враждебность находит другого адресата. И этот адресат чаще всего предстает в виде некоего этнического меньшинства, выступающего в роли своеобразного «козла отпущения». И наоборот, уважение к родителям или восхищение ими тоже имеет способность переноситься на другие фигуры, например на учителей или политических деятелей, которые идеализируются. Это позволило исследователям сделать вывод о том, что «ранний опыт авторитарных детей формирует психологическое клише добра и психологическое клише зла», что в более позднем

возрасте предрасполагает к восприимчивости предубеждений и антидемократических идей. Авторитарная личность является патологическим продуктом эдипова конфликта между ребенком, его отцом и его матерью.

Работы, осуществленные под руководством Адорно, оказали существенное влияние на разработку вопросов структуры личности и механизмов ее политической ориентации. Причем это влияние проявилось не только в политической науке. Его испытывала вся западная культура, включая литературу, театр и кинематограф.

13.8. Политические ориентации и символические системы

Политическая социализация, как мы отмечали, связана с усвоением индивидом определенных культурных норм и социальных правил (кодов) поведения. На основе этого индивид формирует свою собственную систему представлений и линий действия в общественной жизни. Индивид, значит, является выразителем некоей общей «культурной модели». А действия граждан в публичном пространстве зависят от систем восприятия и изменения социального окружения. И это справедливо как в отношении политической жизни, так и в отношении социальной жизни вообще.

Политическая ориентация граждан, как показали исследования французских ученых, в последние десятилетия испытывает влияние двух символических систем: религиозной и нерелигиозной.

Первая из них структурируется вокруг религии. Для нее характерны высокая оценка роли личности и семьи как основополагающих элементов гармоничного социального порядка. А этот социальный порядок, рассматриваемый как Божественное творение, основан на иерархии статусов и ролей в социальных функциях. Так, разделение задач на мужские и женские рассматривается как неотъемлемый элемент социальной организации.

Такая концепция социального порядка вырабатывает глубокое отвращение к политике, которая рассматривается как стерильная и опасная деятельность в силу порождаемого ею искусственного разделения между людьми и особенно в силу опасности расстройств социальной организации, исходящего от утопических программ политических партий.

И потому, согласно религиозным представлениям, верующие, голосуя на выборах, участвуют не в политике, а в избрании управляющих, а тем самым и в управлении государством. А через это — в поддержании социального порядка.

Социальное неравенство с позиции религии и веры чаще всего объясняется пороками людей и деградацией сознания. Вина здесь и тех, кто правит, и тех, кем правят. В то же время верующие имеют немало претензий к власти, государству, бюрократии, решительно осуждают господство денег. Но это вовсе не значит, что верующие придерживаются левых взглядов.

Второй тип символической системы строится вокруг социальных классов. К этому типу ближе всего неверующие люди. Они объединяются вокруг того, что в политической науке называется социальным классом. Класс для людей этой социальной группы представляет собой разновидность расширенной семьи. Социальный и политический мир они воспринимают через разделение на «мы» — рабочие и «они» — хозяева предприятий, управляющие, т. е. те, кто в силу своего статуса принимает решения. Это дихотомическое видение исходит из конфликтного восприятия социальных отношений и предполагает создание и деятельность организаций для защиты своих интересов и политических позиций. При этом профсоюзные обязательства и классовая борьба оцениваются высоко. И тем не менее среди этой группы населения достаточно широко распространено негативное отношение к политике. Она им кажется подчас трудной для понимания. Но в отличие от верующих данная группа населения стремится использовать политику для достижения своих целей.

Нужно сказать, что эти символические системы, которые ориентируют восприятие, чувства, социальное и политическое поведение людей, глубоко укоренены в истории страны, тесно связаны с тем, что называется исторической памятью народа. Словом, многомерное и всестороннее взаимодействие личности и общества определяет ее позиции в политической жизни.

Раздел VI

УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Глава 14

КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

План главы

- 14.1. Понятие «социальные движения».
- 14.2. Формы коллективного действия.
 - А. Репертуар коллективного действия.
 - Б. Формы коллективного действия: стратегия под принуждением.
- 14.3. Толпа и социальное действие.
- 14.4. К. Маркс и коллективное действие.
- 14.5. Модели «относительной фрустрации» и коллективное действие.
- 14.6. Экономический взгляд на социальные движения.
- 14.7. Теория «мобилизации ресурсов» и социальные движения.
 - А. Организации и предприниматели социальных движений.
 - Б. Э. Обершалл и переоценка социального.
 - В. Переоценка политики.
 - Г. Рост активистского обязательства.
- 14.8. Новые социальные движения.

Политическое участие не ограничивается только выборами. В демократическом обществе всегда существуют возможности для выражения мнения не только тем, кто выступает на стороне власти и поддерживает ее, но и тем, кто выступает с критикой этой власти. Формы протестных движений весьма разнообразны — от манифестаций и пикетов до пресс-конференций и блокировки движения на улицах городов.

В самом общем виде разнообразные общественные движения получили наименование *социальных движений*.

Начиная с 70-х гг. они стали подвергаться научному анализу сначала в США, а потом и в Европе. В 80-е гг. данная проблематика привлекла внимание и в нашей стране¹.

14.1. Понятие «социальные движения»

Под социальными движениями понимается прежде всего *коллективное действие*, которое является *интенционным, согласованным и ориентированным на достижение определенной цели*. Такое понимание феномена социального движения подчеркивает весьма существенную его черту — *мобилизационный характер*.

Следует подчеркнуть еще одну чрезвычайно важную черту социальных движений. Участие индивидов в любом социальном движении является *свободным и добровольным*. И оно никак не связано, например, с трудовыми отношениями на основе контракта. Кроме того, участники того или иного социального движения связаны между собой некой *общей верой*, или общими убеждениями, в основе которых лежит *моральный* или *материальный интерес*, защищаемый или достигаемый на основе совместных действий. Это означает, что социальное движение может быть нацелено на достижение определенного изменения в жизни общества или, наоборот, на сохранение так называемого статус-кво в определенной области общественных отношений. Такое изменение (или неизменение) может носить локальный характер и касаться, например, вопросов занятости на отдельном предприятии, или иметь глобальное измерение (движение антиглобалистов).

Существование любого социального движения предполагает наличие определенного противника. Противник существует как в случаях, когда социальные движения направлены *против* определенной политики или проекта реформ, так и в случаях, когда они выступают *за* изменение проводимой в стране политики. Во втором случае социальное движение своими протестными действиями указывает на противника, который несет ответственность за сложившуюся ситуацию или за бездеятельность по ее изменению.

14.2. Формы коллективного действия

А. Репертуар коллективного действия

Коллективные действия характеризуются большим разнообразием и разнородностью. Они отличаются как по целям, которые преследуются, так и по числу и составу участников.

Чарльз Тилли для осуществления анализа социальных движений ввел понятие «*репертуар* действия», которое получило признание в социальных науках.

О чем идет речь? Согласно Ч. Тилли, население любой страны располагает определенным репертуаром коллективных действий, т. е. располагает определенным числом средств совместного действия на основе общего интереса. Причем эти средства, как правило, были уже испробованы в прошлом. По поводу этого Ч. Тилли писал: «Эти средства действия образуют *репертуар*, в том смысле, в каком этот термин используется в театре или музыке, но который, скорее, похож на комедия дель арте или джаз... В нем (репертуаре. — В. Ж., М. Ж.) более или менее известны правила, которые адаптируются к преследуемой цели»... «Репертуар в своем использовании определяет коллективное действие. Несмотря на спонтанный характер, который связывают иногда с идеей толпы, люди стремятся действовать в ограниченных рамках того, что им известно, вносить изменения на основе существующих форм и не знают о тех возможностях, которые для них в принципе открыты»¹.

На основе анализа социальных движений во Франции с начала XVII в. и до конца XX в. Ч. Тилли убедительно показал, что формы мобилизации в этой стране менялись во времени. Указывает он и на то, что в середине XIX в. французы отказались от прежних форм коллективной мобилизации, служивших им в течение двух столетий, и стали использовать новый репертуар, который используется и в наши дни. Это изменение, по убеждению Ч. Тилли, произошло в середине XIX столетия.

Начиная с XVII в. и вплоть до середины XIX в. репертуар, по Ч. Тилли, характеризуется следующими основными чертами.

¹ Tilly C. La France conteste: de 1600 à nos jours. P., 1986. P. 541–542.

¹ См.: Не соперничество, а сотрудничество. Коммунисты и новое в социальных движениях. М., 1984.

1. Осуществляется в **коммунальных** (местных) рамках местными актерами или местными представителями национальных актеров.

2. Основывается в значительной мере на **покровительстве**, т. е. строится из расчета на поддержку местных влиятельных сил.

3. Коллективное действие строится на основе символического и/или практического отклонения от предшествующих ему социальных ритуалов (карнавалы, процессии и т. д.). Оно нередко принимало форму бунта, захвата полей, саботажа машин и т. д.

В середине XIX в. репертуар социального действия радикально изменяется. Это выражается в следующем.

1. Репертуар приобретает **национальное** измерение (забастовки, манифестации, платформы требований и т. д.). Сохраняются и локальные действия, но и они все более координируются в национальном масштабе.

2. Действия нового репертуара становятся относительно **автономными**, т. е. получают прямое выражение и соответствующим ему образом. И потому можно говорить как об автономии социальных движений, так и автономии их форм действия.

3. В общем виде различные формы действия, в отличие от прошлого, основываются на более **осознанной** организации, а требования, которые выдвигаются социальными движениями, становятся все более **абстрактными**.

При этом, как подчеркивает Ч. Тилли, не следует противопоставлять дихотомию коммунальное/национальное и патронажное/автономное. Они не исключают одна другую: «Забастовки, манифестации и т. д. всегда являются более или менее национальными и автономными, но никогда — ни теми ни другими»¹.

Переход от старого репертуара к новому произошел не сразу, а в результате многочисленных попыток обновления, далеко не всегда венчавшегося успехом, а также возвращения в большей или меньшей степени к прежним формам действия.

Встает вопрос: чем вызвано к жизни изменение репертуара коллективного действия? Это вызвано изменением рамок социальных движений, что определяется становлением и развитием капитализма и формированием суве-

ренных государств. Ч. Тилли пишет в этой связи: «По мере того, как капитализм прогрессирует, а государства-нации становятся все более могущественными и централизованными, местные дела и патроны теряют свое влияние на жизнь индивидов. Именно обладатели национальной власти и крупного капитала все более и более принимают решения, от которых индивиды зависят... В ответ на изменения, которые происходят во власти и капитале, народ принимает новые формы действия; электоральная кампания, митинг, социальное движение и другие элементы образуют новый репертуар»¹.

Как отмечал сам Ч. Тилли, это утверждение предполагало детализацию применительно к каждой форме действия и к каждой категории актеров, которые в совместном движении сохраняют множественность и разнообразие форм. А потому можно говорить об особой истории забастовки или манифестации, подобно тому как особая история существует у мобилизации рабочих, крестьян и т. д. Все это позволяет понять характер и содержание глобальной трансформации репертуара коллективного действия.

При помощи указанной трансформации, утверждает Ч. Тилли, «государство и капитал не только моделируют возможность действия и организации. Они доминируют также над изменяющимися **интересами** различных групп, которых затрагивает коллективное действие»².

В том, что касается интересов французов, развитие государства содействует коллективному действию по трем линиям. Прежде всего, присваивая себе или рекламируя некоторые ресурсы (например, национализация богатств церкви в 1791 г.). Во-вторых, соревнуясь с соперничающими правительствами и квазиправительствами (когда государство, начиная с XVII в., ограничивает свободы и льготы городов). В-третьих, стимулируя конкуренцию между группами, претендующими на благосклонность, ресурсы и покровительство власти (когда предприниматели стремились утвердить свои привилегии при помощи законодательства о труде).

Триумф капитализма означал одновременно утверждение протеста, причины которого заложены в противо-

¹ Tilly C. Op. cit. P. 549.

² Ibid.

речиях между трудом и капиталом, соперничестве между различными группами правящего класса — буржуазии, а также между всеми участниками рыночных отношений.

Ч. Тилли на основе такого рода рассуждений, которые охватывают исторический период в четыре столетия, приходит к выводу о том, что этот период делится на две фазы, которым соответствует два специфических репертуара. На первой фазе, на которой постепенно утверждается господство капиталистической собственности, правление в основном занято поиском ресурсов, которые позволяли бы им вести войны. А потому основными сюжетами протеста были экспроприация и утверждение правительственного контроля и капиталистического господства.

На второй фазе, контекст которой определяется капиталистической собственностью и могуществом государства, основными темами коллективного действия становятся борьба между трудом и капиталом, рыночное соперничество и стремление всех сил контролировать государство и/или распределение его ресурсов.

Б. Формы коллективного действия: стратегия под принуждением

Понятие «репертуар действия» подводит к мысли о том, что тот или иной тип коллективного действия является результатом **ограниченного в своих возможностях выбора**. Поскольку есть выбор, как таковой, можно говорить о стратегии, т. к. в любой момент репертуар возможных действий характеризуется определенным множеством форм.

Указанный выбор носит ограниченный характер, т. к. репертуар в данный конкретный исторический период определяет больший или меньший веер форм действия. Более того, поле для маневра мобилизуемых групп или групп, которые надеются на мобилизацию, также является ограниченным тем, что они не могут использовать все формы действия, представленные в репертуаре. Ибо далеко не все формы действия доступны любой из групп.

Выбор формы действия испытывает воздействие двух основных факторов: **ресурсов социального движения и независимости мобилизуемой группы**.

Что понимается под ресурсами в политической социологии?

Термин «ресурсы» (или «политические ресурсы») обозначает совокупность мобилизуемых актером средств в целях увеличения своих шансов добиться поставленной цели. Гамма ресурсов необычайно широка, если исходить из того, что к ним относятся знания, способности, личностные качества и т. д., которые в определенных условиях могли бы быть конвертированы в политические ресурсы.

Среди наиболее значимых ресурсов назовем прежде всего способность использовать насилие. Это очень важно для политической власти, сила и влияние которой, как мы уже отмечали выше, во многом определяется способностью осуществлять насилие или опираться на угрозу насилия. Кроме этого, к числу ресурсов относятся деньги, способность распределять рабочие места, материальные или символические выгоды (награды), способность проведения экспертизы в определенной области (экономической, научной, юридической и т. д.), контроль над средствами массовой информации или доступ к ним, известность или способность привлекать на свою сторону популярных людей и т. д. Отметим, что эти и другие ресурсы, применительно к политической области, могут иметь кумулятивный характер, т. е. усиливаться на принципе сложения и даже умножения.

Известный французский политолог Мишель Офферле выделяет три категории ресурсов, мобилизуемых социальными движениями. К ним относятся численность, экспертиза, огласка.

1. **Численность** — это способность социальных движений организовать «видимость» своих требований, например, с помощью массовых манифестаций. Этим оружием активно пользовались прежде и пользуются в наши дни профсоюзы многих стран. Понятно, что такой тип действий неприемлем для малочисленных и маловлиятельных движений. Однако манифестация не единственное средство. Могут использоваться разного рода петиции, операции бойкота, призывы на сайтах Интернета и т. д.

2. **Экспертиза** является еще одним ресурсом, мобилизуемым некоторыми группами. В основе этого ресурса лежат научные или технологические знания. В данном случае на переднем плане находится компетенция членов группы или их способность мобилизовать для проведения экспертизы компетентных специалистов. С помощью экс-

пертизы доказывається необходимость принятия тех или иных важных политических решений или, наоборот, доказывается бесперспективность и необоснованность проводимой в стране политики.

3. *Огласка*, чаще всего скандалного характера, является третьим ресурсом социальных движений, особенно тех из них, кто не может воспользоваться в полной мере первыми из названных нами двумя ресурсами. Этот ресурс рассчитан на обращение к общественному мнению. С помощью этого ресурса сложившаяся, например, ситуация в том или ином вопросе представляется не иначе как скандальной. Это своего рода провокация, для чего могут использоваться действия на грани закона или даже в чем-то незаконные.

Формы коллективного действия ограничены в силу идентичности той или иной мобилизуемой социальной группы. Идентичность социальной группы во многом определяет ресурсы, на которые может рассчитывать движение этой группы. Так, ресурсы движений студентов или лиц наемного труда строятся на активном использовании того, что мы назвали численностью. Ресурсы группы забастовщиков далеко не всегда строятся на использовании численности ее участников. Здесь на передний план могут выходить другие критерии, связанные с ролью данной группы в производстве. Пример тому — забастовка транспортников или мусорщиков. Эти относительно небольшие группы способны во многом парализовать жизнь городов. Если же забастовку попытаются провести архитекторы или садоводы, эффект будет незначительным. У них ресурс в большей мере связан с их знаниями, компетенцией.

Политологи отмечают, что имеющиеся в распоряжении тех или иных социальных групп ресурсы далеко не всегда могут быть мобилизованы. Так, многие социальные группы могли бы использовать акты насилия в качестве ресурса. Однако получить популярность на таком пути не представляется возможным. Общественное мнение, отрицательно относящееся ко всем актам насилия, становится препятствием для его использования в практике подавляющего числа социальных движений.

И наконец, нельзя не сказать о решающей роли организации в формировании и деятельности социальных движений. Эта роль — решающая, хотя на первых этапах

социологами этим вопросам уделялось незначительное внимание.

14.3. Толпа и социальное действие

Первые попытки объяснения форм коллективного действия были предприняты во Франции в конце XIX в. Это было связано с именами известных ученых — Ипполита Тэна (1828 — 1893) — философа, историка и литературоведа; Габриеля Тарда (1843 — 1904) — социолога и криминалиста; а также Гюстава Ле Бона (1841 — 1931) — психолога, социолога, антрополога.

Наследие И. Тэна

И. Тэн в работе «Происхождение современной Франции» (1887) показал, каким образом под влиянием Французской революции или Парижской коммуны индивиды, охваченные эмоциями, превращались в толпу, теряющую рассудок. Он также утверждал, что далеко не все индивиды подвержены влиянию толпы. Лица благородного происхождения и воспитания способны сопротивляться этому примитивному инстинкту, тогда как народные массы ему подвержены значительно сильнее. При этом на поведение толпы оказывают первостепенное влияние те, кто ее ведет, возглавляет.

Такое понимание толпы И. Тэном было основано на получившем тогда распространение в Европе учении Дарвина, согласно которому человек произошел от обезьяны, но отошел от нее в силу разума, которым его наделила природа. И этот разум распределен между людьми неравномерно — на основе их «расовой» принадлежности и социального происхождения.

Г. Тард и психология толпы

Г. Тард оказал существенное влияние на развитие социологии. Ему принадлежит заслуга постановки проблем социализации в обществе, интернационализации социокультурных норм посредством социального взаимодействия. Кроме того, акцентируя внимание на феномене подражания, он стремился объяснить одну из главных со-

циологических проблем, имеющую и политическое изменение, — каким образом индивиды объединяются в социальные группы и общества. Интерпретируя социальную жизнь при опоре на концепцию подражания, Г. Тард тем самым пытался избежать сугубо индивидуалистических и биологизаторских подходов к обществу.

Теория толпы и публики

Большое внимание Г. Тард уделял изучению феномена «толпы». Интерес к проблемам толпы, ее психологии в конце XIX в. имел практическую, социально-политическую основу, которая коренилась в череде революций, а также в массовых выступлениях, охвативших многие страны Европы со времен Великой французской революции.

Что же представляет собой социальный феномен «толпа»? Тард ее определяет как множество лиц, собравшихся в одно и то же время в определенном месте и объединяемых чувством, верой и действием.

Толпа — это большая аморфная группа разнородных и незнакомых между собой людей, взаимодействующих непосредственно. Поведение толпы иррационально и чаще всего деструктивно. В толпе на передний план выступает коллективная психология, существенной частью которой является *психология толпы*. В толпе проявляется активное действие механизма подражательности: а) люди подражают друг другу; б) люди походят друг на друга. В первом случае происходит подражание путем внушения. Во втором — при составлении толпы «углы индивидуальности взаимно сглаживаются в пользу национального типа, который прорывается наружу»¹.

Г. Тард использует разные критерии для классификации разновидностей толпы: демографические (мужские и женские), геронтологические (молодые и старческие), по времени, сезону (летние и зимние), широте охвата. Но каким бы образом одна толпа не отличалась от других, для них характерны «чудовищная нетерпимость, забавная гордость, болезненная восприимчивость, доводящая до безумия чувство безнаказанности, рожденное иллюзией своего всемогущества, и совершенная утрата чувства меры, зависящая от возбуждения, доведенного до крайности взаимным разжиганием.

Для толпы нет середины между отвращением и обожаением, между ужасом и энтузиазмом, между криками «да здравствует!» или «смерть! Да здравствует!», это значит **да здравствует навеки**. В этом крике звучит пожелание божественного бессмертия, это начало апофеоза. И достаточно мелочи, чтобы обожествление превратилось в вечное проклятие»¹.

Г. Тард выделяет четыре вида толпы, отмеченные степенью ее активности или пассивности.

Толпы **ожидающие** (выжидающие) — собираются на основе коллективного любопытства (театр, казнь, встреча популярного человека и т. п.). Именно для такого рода толп характерно взаимное заражение едиными чувствами собравшихся.

Толпы **внимательные** (внимающие) — тесно толпятся около кафедр проповедника или профессора, около трибуны, эстрады, сцены. В толпах такого рода только небольшое число составляющих их участие людей видит и слышит очень хорошо. Остальные же наблюдают за толпой. Толпа, значит, служит зрелищем для самой себя. И потому она привлекает внимание и порождает участие многих людей.

Толпы **манифестантские** (заявляющие) — проявляют свое убеждение, радость или печаль, любовь или ненависть с преувеличением. Отмечается двоякий характер таких толп: ярко выраженный символизм в сочетании с крайней бедностью воображения при изобретении этих символов. Но если в такой толпе мало идей, то люди держатся за них крепко и без устали кричат одно и то же².

Толпы **действующие** (любящие и ненавидящие) — употребляют свои силы на создание (энтузиазм) или разрушение (ненависть). И в том, и в другом случае имеет место сила взаимного ослепления, общей галлюцинации, на которую способны люди, собравшиеся вместе. Одной из разновидностей такого рода толп является **праздничная толпа**.

В любой толпе выделяются **вожаки** и **ведомые**. Первые, благодаря природному обаянию, как правило, сильные и энергичные люди, управляют массами. Вторые же внимают и подчиняются внушению первых. А потому толпа делает из человека автомат, подчиняя его себе, ослаб-

¹ Тард Г. Указ. соч. С. 282.

² См. там же. С. 284.

ляя, а иногда и уничтожая его индивидуальность. Толпа, из кого бы она ни состояла — профессоров или кочегаров, — прежде всего теряет способность владеть собой, ибо она не мыслит, а чувствует.

Другое дело — **публика**. В отличие от толпы, публика есть общность, в которой, по мнению Тарда, индивид сохраняет свои личностные характеристики. Она представляет собой «чисто духовную общность», основанную на интеллекте.

Предысторию публики Тард видит в салонах и клубах XVIII в., но ее настоящую историю связывает с широким распространением газет. Именно публикой, по мысли Тарда, формируется общественное мнение.

К сказанному нами добавим: идеи, высказанные Тардом, во многом превосходили развитие социологической теории массовых коммуникаций, а также психологии общения. С его именем связано исследование проблем экономической психологии. Г. Тарда следует считать основателем такой междисциплинарной области, как исследование распространения и усвоения инноваций.

Г. Ле Бон: концепция эры толпы

Испытывая в своем творчестве сильное влияние социологических взглядов и подходов Г. Тарда, Гюстав Ле Бон (1841 — 1901) внес значительный вклад в дело дальнейшей психологизации социологии. Определяющим фактором общественной жизнедеятельности у него выступает «**коллективная душа**». Основу последней составляют психологические механизмы (заражение, повторение), опирающиеся на биологические инстинкты — бессознательные субстраты психики. Именно эти последние обеспечивают антропологическую устойчивость коллективному сознанию народов. В массовых явлениях, по Ле Бону, индивидуальное сознание растворяется в сознании коллективном, которое является доминирующим фактором в общественных делах, управлении социальными институтами и организациями.

Психология рас

Ле Бон исходит из того, что душа рас (наций) создается механизмами наследственности и внушения, которые укореняют в ней различные фундаментальные верова-

ния — нравственные, социальные, религиозные. Психология рас, по Ле Бону, составляет основу для эффективного функционирования социальных институтов.

Ле Бон вводит и понятие «**национальная душа**». Она состоит из сплетения наследственных чувств, интересов, традиций, верований. Что бы человек ни делал, он всегда и прежде всего является представителем своей расы.

Общая физиология, связывающая возбуждения и реакции, не в состоянии скрыть психический склад (характер) рас. И душа расы определяется запасом идей и чувств, который наследуют, сохраняют и видоизменяют представители одной и той же расы. Именно душа, по Ле Бону, в действительности управляет эволюцией народов. Она (душа народа) является единственной силой, которую никакая другая не может превозмочь.

На основе психических и анатомических различий Ле Бон выделяет четыре группы рас: первобытные, низшие, средние и высшие. Он полагает, что духовная дифференциация и неравенство рас являются неизбежным следствием цивилизации. Применительно к высшей расе (индоевропейские народы) Ле Бон вывел **закон** «неравенства индивидов и полов у высших рас»¹. Более того, с позиций аристократического элитизма Ле Бон решительно выступил против идеи социального равенства во всех его разновидностях.

Психология толпы

С позиций расового подхода Ле Бон рассматривал процесс смены культурного доминирования рас (наций), в котором толпа является движущей силой данной смены (революций). Под **толпой** он понимает группу людей (собрание индивидов), охваченных общими избыточными инстинктами и чувствами, настроениями и стремлениями, которые обуславливают доминирование в коллективной душе (берут верх) «бессознательных качеств». Последние и производят замену «сознательной деятельности индивидумов бессознательной деятельностью толпы»².

В толпе индивиды превращаются в некий безвольный автомат (в ней происходит деиндивидуализация, депер-

¹ Ле Бон Г. Психология толп. М., 1998. С. 42.

² Там же. С. 135, 122.

сонализация) с подавленными рациональными началами. Нахождение в толпе ведет к образованию «коллективной души», которая превращает индивидов в иррациональные существа, стремящиеся к немедленной некритической реализации внушенных им идей. В этом плане толпа подвержена быстрым сменам реакций — от разрушения до самопожертвования.

Толпа, по Ле Бону, в интеллектуальном отношении всегда стоит ниже отдельного индивида, но с точки зрения чувств и поступков она может быть хуже или лучше его, смотря по обстоятельствам. Все зависит от того, какому внушению повинуются толпа.

«Именно это обстоятельство, — по убеждению Г. Ле Бона, — совершенно упускали из виду все писатели, изучающие толпу лишь с точки зрения ее преступности. Толпа часто бывает *преступна* — это правда, но часто также бывает и *героична*. Она пойдет на смерть ради торжества какого-нибудь верования или идеи; в толпе можно пробудить энтузиазм и заставить ее, ради славы и чести, идти без хлеба и оружия, как во времена Крестовых походов, освободить Гроб Господень из рук неверных или же, как в 1793 году, защищать родную землю. Это героизм несколько бессознательный, конечно, но именно при его помощи делается история. Если бы на счет народам ставились только одни великие дела, хладнокровно обдуманное, то в мирных списках их значилось бы весьма немного»¹.

Согласно представлениям Ле Бона, в конце XIX в. начался новый этап европейской цивилизации, в котором центральное место занимает толпа, — *наступает «эра толпы»* как начало ее упадка. Если раньше главными факторами событий были политика государств и соперничество государей, а мнение масс не принималось во внимание, то в настоящее время, наоборот, голос толпы становится преобладающим, а личные свойства государей уже не берутся в расчет: «в душе толпы подготавливаются теперь судьбы нации»².

Ле Бон отмечает, что к кризису современного общества привели два фактора: а) разрушение верований (религиозных, политических, социальных) и б) открытия в области науки и промышленности, положившие начало

новым условиям существования людей. Это вызвало к жизни новую социальную силу, становящуюся повелительницей современной эпохи, — могущество масс (эра масс).

Ле Бон отчетливо понимает, что сила толпы направлена лишь на *разрушение*: цивилизации создавались и «оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой»¹.

Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. И нам не ведомо знание того, что будет с нашей цивилизацией, но мы должны покориться и пережить царство толпы.

Такой пессимистический прогноз, как показало последующее развитие событий, к счастью, не подтвердился в полной мере. Однако нельзя не отметить того, что заслугой Ле Бона является постановка проблематики *массовизации* социальных процессов, получившей в XX в. довольно широкое распространение и нашедшей отражение в социальных науках. Массовизация, по Ле Бону, является проявлением психологического закона «духовного единства толпы»: нахождение индивида в собрании большого количества людей придает ему ощущение слитности с другими («коллективная душа»), которое порождает неосознанные моменты душевной жизни. В результате сознательная личность исчезает в толпе и предается инстинктам, которые в нормальном состоянии находятся под контролем. В толпе находят свое выражение в этой связи новые психологические черты, отличные от индивидуальных качеств каждой отдельной личности.

Применительно к проблематике массовизации Ле Бон разрабатывал вопросы межгрупповых и внутргрупповых взаимодействий и явлений: межгрупповой агрессии («толпы неорганизованной»), стихийности поведения индивидов в толпе, эффектов группового принятия решений, роли «вожаков» толпы и др. При этом французский социолог исходил из того, что разрабатываемая им теория толпы необходима не для того, чтобы ею (толпой) управлять, а для того, чтобы не давать ей слишком много воли над собой².

¹ Ле Бон Г. Указ. соч. С. 128.

² См. там же. С. 129.

Классификация толл

Исходной точкой классификации Ле Бон рассматривает простое **скопище**. Оно включает в себя две разновидности: а) варвары, почитающие волю одного вождя; б) расы. Из скопища формируется на определенном этапе развития общества **организованная** (одухотворенная) толпа, которая может быть как однородной, так и разнородной.

Под организованной толпой Ле Бон понимает собрание индивидов, в котором их чувства и идеи принимают одно и то же направление, образующее коллективную душу. И в этой коллективной душе индивидуальность индивидов исчезает. В толпе образуются новые общие и специфические черты.

Общими чертами толпы, по Ле Бону, являются:

- исчезновение чувства **ответственности**;
- **заразительность** (зараза) как род гипнотических явлений, которые способствуют образованию коллективных свойств, подчас противоречащих человеческой природе;
- **восприимчивость** к внушению, что приводит личность к потере сознательности (рассудка и воли) и подчинению внушающему лицу.

Таким образом, в организованной толпе человек спускается на несколько ступенек ниже по лестнице цивилизации, становясь инстинктивным существом и даже варваром, лишенным своей воли.

Специфическими чертами организованной толпы являются:

- импульсивность, изменчивость и раздражительность;
- податливость внушениям и легковерие;
- преувеличение и односторонность чувств;
- нетерпимость, авторитарность и консерватизм;
- способность к проявлению нравственности: самопожертвованию, бескорыстию, самоотверженности.

Последняя черта свидетельствует о том, что хотя толпа стоит в интеллектуальном плане ниже изолированного индивида, но с точки зрения чувств и вызываемых ими поступков она может быть лучше или хуже него (в зависимости от того, какому внушению повинется толпа).

В организованной толпе в рамках закона ее духовного единства действуют, по Ле Бону, различные факторы. В их

числе — идеи, рассуждения, воображение и религиозные чувства.

Идеи толпы являются механизмом, с помощью которого происходят изменения основных верований и представлений, распространенных в данном обществе. Такие изменения возможны тогда, когда новые идеи облекаются в самую простую и понятную всем форму.

Рассуждения толпы основываются на **ассоциациях** (а не на логике). Такие ассоциации предполагают немедленное обобщение частных случаев, что чаще всего не позволяет отличать истину от заблуждений.

Воображение толпы представляет собой ее способность представлять и воспринимать впечатления от тех или иных крупных событий. Этот фактор позволяет прийти к пониманию того, на чем основано искусство управления толпой.

«Могущество победителей и сила государств... основываются на народном воображении, — пишет Ле Бон. — Все великие исторические события — буддизм, христианство, исламызм, реформа и революция и угрожающее в наши дни нашествие социализма — являются непосредственным или отдаленным последствием сильных впечатлений, произведенных на воображение толпы. Таким образом, все государственные люди всех веков и стран, включая сюда и абсолютных деспотов, всегда смотрели на народное воображение как на основу своего могущества и никогда не решались действовать наперекор ему»¹.

Особое значение Ле Бон придает роли **религиозно-го чувства** в поведении толпы. Для него характерны нетерпимость и фанатизм. Эти черты встречаются в каждой группе людей, восставших во имя какого-нибудь убеждения.

«Якобинцы времен террора, — утверждает Ле Бон, — были так же глубоко религиозны, как и католики времен инквизиции, и их свирепая пылкость вытекала из одного и того же источника»².

Организованная толпа, по Ле Бону, в свою очередь, делится на однородную и разнородную толпы.

Однородная толпа представлена следующими разновидностями.

¹ Ле Бон Г. Указ. соч. С. 161.

² Там же. С. 163.

Первую степень организации однородной толпы представляют собой **секты**. В состав сект входят различные индивиды, связь между которыми обеспечивают единые для них верования. Сектами могут быть как религиозные объединения, так и политические объединения людей.

Высшую ступень организации, доступную толпе, представляют собой **касты**. В состав касты входят индивиды одной и той же среды и получившие одно и то же воспитание. Кастами могут быть объединения военных или духовных лиц.

Примером однородной толпы являются и **классы**, которые образуются под влиянием одинакового образа жизни и воспитания. Примером класса может быть буржуазия, феодалы и т. п. социальные образования.

Разнородная толпа состоит из разнообразных по своей профессии и умственному развитию индивидов. Она, в свою очередь, по Ле Бону, подразделяется на анонимную и неанонимную.

Анонимная (уличная) толпа образуется после известного состояния возбуждения и превращается в простой бессознательный автомат, с полным отсутствием чувства ответственности и повинующийся внушению. Такое объединение может представлять собой **«преступную толпу»**, осуществившую то или иное преступление. Однако особенностью здесь является то, что индивиды, принявшие участие в преступном деянии по общему решению, убеждены, что исполняют свой долг, видя одобрение толпы.

Неанонимная (совещательная) толпа образуется для реализации общественных дел на основе чувства ответственности. К ее разновидностям Ле Бон относит:

- а) присяжные и уголовные суды;
- б) избирательную толпу;
- в) парламентскую толпу.

Характеризуя суды, Ле Бон приходит к выводу о том, что **присяжные заседатели и суды**, как и всякая толпа, легко поддаются влиянию того или иного участника судебного заседания, что может приводить к ошибочным решениям. В то же время Ле Бон не был противником судов присяжных, полагая, что они выполняют важную роль в судопроизводстве.

Избирательная толпа, согласно Ле Бону, является собранием, созываемым для избрания лиц на известные

должности. И массовое голосование может быть опасным проявлением воли толпы. И тем не менее Ле Бон не выступает против всеобщего голосования.

Парламентская толпа — это собрание многих людей, которые призваны прийти к независимому и мудрому решению. Парламентский режим является идеалом всех народов, которые образуют вершину цивилизации. Но и в нем проявляются общие для всякой толпы черты. Это находит свое выражение в действиях партий и их вожаков, когда парламентские собрания достигают возбуждения.

Парламентские собрания, с точки зрения Ле Бона, представляют опасность в двух направлениях: а) в отношении насильственной растраты финансов как следствия требований избирательной толпы; б) в отношении прогрессивного ограничения свободы посредством принятия регламентирующих законов¹.

Вожак толпы

Ле Бон рассматривает «вожаков толпы» как своего рода рычаг, приводящий в действие факторы и двигатели духовной организации толпы. Они являются ядром, вокруг которого объединяются верования и мнения. Вожак — это властелин, организующий толпу и управляющий ею как особого рода «рабелепным стадом».

«Роль всех великих вожаков, главным образом, заключается в том, чтобы создать веру — все равно, религиозную ли, политическую, социальную или веру в какое-нибудь дело, человека или идею — вот почему их влияние и бывало всегда очень велико»².

Большинство людей, по Ле Бону, за пределами своей специальности не имеют ясных и более или менее определенных понятий почти ни о чем. В силу этого они нуждаются в *лигере* и в конце концов попадают под влияние какого-нибудь вожака, который, давая им веру, удесятряет их силу.

Ле Бон разделяет класс вожаков на две категории. К одной принадлежат люди энергичные, но **кратковременно** проявляющие сильную волю (Ней, Мюрат, Гари-

¹ См.: Ле Бон Г. Указ. соч. С. 249.

² Там же. С. 194.

балды). Они не обладают никакими особыми талантами, но смелы, буйны, храбры и выполняют свою функцию при условии, что над ними находится человек или идея, предопределяющие их поведение. Такие вожаки особенно пригодны для внезапных дерзких предприятий, чтобы увлечь массы, несмотря на опасность, и превратить в героев вчерашних рекрутов. Однако в обыденной жизни они могут обнаружить слабость и неспособность руководить своими поступками, хотя в определенных условиях умели руководить другими людьми.

К другой категории принадлежат люди, обладающие сильной и *стойкой* волей (Магомет, Колумб, Лессепс — строитель Суэцкого и Панамского каналов). Их упорная воля представляет собой такое бесконечно редкое и могущественное качество, которое все заставляет себе покоряться, и ничто не может противостоят такой воле — ни природа, ни боги, ни люди.

Ле Бон прописывает своеобразную модель «личности вожака» с присущими ей следующими чертами:

- это человек действия, а не мысли;
- он часто психически неуравновешен (на границе безумия);
- он человек сильной воли и твердых убеждений;
- он хитрый оратор, способный внушить людям веру;
- это человек со «стертым» инстинктом самосохранения, готовый к мученичеству (пассионарий);
- он способен к внушению личным примером;
- это человек, обладающий обаянием (магия вождя);
- он приносит в жертву личный интерес, семью.

Благодаря этим качествам вожакам удается создать в душе толпы ту грозную силу, которая называется верой и содействует превращению человека в абсолютного раба своей мечты.

В душе толпы, по Ле Бону, преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения. В результате происходит взаимная «встреча» врожденного инстинкта власти вождя и инстинкта массы подчинения вождю, образующие деспотию.

«В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчиняться, — утверждает Ле Бон, — толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто обьявляет себя ее властелином»¹.

¹ Ле Бон Г. Указ. соч. С. 195.

Следует сказать и о том, что Тард и Ле Бон стоят у истоков аристократической концепции «элита — массы». На основе трактовки социологического психологизма этим двум ярким представителям французской школы социологии удалось вскрыть механизмы взаимодействия между людьми. Многие из наследия этих двух мыслителей не утратило своей научной значимости и в наши дни¹.

14.4. К. Маркс и коллективное действие

В работах К. Маркса нет анализа социальных движений в их современном понимании. Однако он сам и многие его последователи уделяли пристальное внимание вопросам классовой борьбы. Согласно марксизму, именно классовая борьба является мотором истории. Формы этой борьбы изменяются в зависимости от состояния производительных сил. При капитализме противоположность между собственниками средств производства и пролетариями как владельцами рабочей силы, условия жизни которых неуклонно ухудшаются в силу эксплуатации их труда, приводят в конечном счете к восстаниям. Гнев пролетариев порождается их эксплуатацией, отчуждением от собственности и власти, а также нищетой.

К. Маркс не давал классам точного определения. В его работах нет и полного анализа понятия «класса». Его понимание класса имеет эволюционный характер. Еще в «Манифесте» и Маркс, и Энгельс утверждали, что капиталистическое общество разделено на два основных класса — пролетариат и буржуазия. Единственным критерием для определения класса является *собственность на средства производства*. Господствующий класс этими средствами владеет, что создает для него возможность эксплуатировать пролетариат. И для того, чтобы определить позицию той или иной социальной группы в производственных отношениях, достаточно определить ее классовую принадлежность.

¹ См. подробнее: Капитонов Э.А. История и теория социологии. Социология XIX века. М., 2000. С. 271–288; Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы. Кемерово, 2004. С. 370–386.

Однако в «Нищете философии» Маркс представляет более комплексный анализ. Вводя различие между понятиями «класс в себе» и «класс для себя», Маркс выходит за пределы реалистической концепции: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Государство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплывается. Она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами»¹.

В своих исторических исследованиях К. Маркс вводит еще один критерий: *сознания и классовой организации*. Это наглядно проявляется при анализе французского крестьянства при Наполеоне III: будучи дисперсным и неспособным объединиться, крестьянство не образует класса. Маркс сравнивает его с мешком картошки: «Парцелльные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того, чтобы вызывать взаимные отношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно, и никакого разнообразия развития талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в отношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья: рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образуют деревню, а кучка деревень — департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофеля образуют мешок картошек. Поскольку миллионы семей живут в эко-

номических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцелльными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому не способны защитить свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие»¹.

Согласно представлениям К. Маркса, пролетариат как класс «в себе» должен превратиться в класс «для себя» для того, чтобы стать по-настоящему революционным актером. Такая необходимость для мобилизуемых групп воспринимать себя и представлять себя как группу принадлежности в последующем будет разрабатываться многими исследователями, которые исходили из того, что субъективная идентичность является важным условием успеха социальной мобилизации.

Не меньшее значение имеет и организация. Так, В. И. Ленин убедительно в теории и на практике доказал, что местная, национальная и даже интернациональная организация является предпосылкой для возникновения классового сознания рабочего класса. Революционная организация пролетариата, как считал В.И. Ленин, превращает ее в «авангард» этого рабочего класса, способный возглавлять революционные преобразования общества.

14.5. Модели «относительной фрустрации»¹ и коллективное действие

Д. Дэвис

В противовес марксистским представлениям о том, что ухудшение условий жизни трудящихся ведет к революционным взрывам, в 60-е гг. прошлого столетия получила распространение концепция «относительной фрустрации», начало разработки которой было положено Джеймсом Дэвисом в статье, опубликованной в «Американском социологическом журнале»². В качестве отправной точки своего понимания условий для возникновения коллективных действий он использует анализ периода, предшествовавшего Французской революции, который был сделан А. де Токвилем. Согласно Токвилю, преддверие революции во Франции не было отмечено ухудшением условий жизни населения. Напротив, эти годы были отмечены определенным улучшением социальной и политической ситуации многих групп населения. И именно это стало предпосылкой для революции. Не ухудшение ситуации в стране приводит к революции.

«Не всегда, даже если дела в государстве идут все хуже и хуже, происходит революция. Чаще всего народ, до этого безропотно переносивший и как бы не ощущавший на себе тяжесть несправедливых законов, яростно отвергает их, как только их гнет начинает ослабевать. Режим, который свергает революция, почти всегда лучше следующего за ним, и опыт учит, что наиболее опасный момент для слабого правительства обычно наступает тогда, когда оно принимается за реформы. Лишь добрый гений может спасти монарха, начинающего спасать своих подданных после длительного периода угнетения. Зло, которое терпеливо переносят, считая его неизбежным, кажется не-

¹ Фрустрация (лат. *frustratio* — самообман, неудача, тщетная надежда) — 1. Состояние психической дезорганизации, возникающее у человека в результате осознания крушения надежд, невозможности достижения поставленных целей и проявляющееся сочетанием подавленности с напряжением и тревогой. 2. Сама ситуация, обстоятельства, вызвавшие такое состояние.

² См.: *Davis J.C. Toward a Theory of revolution // American sociologique review. Vol. 27. 1962. P. 5–19.*

выносимым, как только осознают возможность от него избавиться»¹.

Вовсе не усиление бедности, не объективное ухудшение экономического и политического контекстов порождают фрустрацию, в которой берет начало революция. Куда важнее другое — разрыв между ожиданиями индивидов, порожденных прошлым, и реальными условиями жизни, с которыми они сталкиваются. Как утверждает Д. Дэвис, «революция обязана в большей мере чувству неудовлетворенности, чем вопросу оцутимого "адекватного" или "неадекватного" распределения пищи, равенства или свободы»².

В силу этого фрустрация является «относительной». Она рождается из разрыва между ожиданиями или надеждами на реальное улучшение системы, из различий между ожидаемым удовлетворением потребностей и их реальным удовлетворением. Если реальное удовлетворение потребностей является стабильным во времени, индивиды выступают в поддержку этой стабильности. В такой ситуации реальное отступление от ожиданий может порождать фрустрацию. Однако, согласно Токвилю, такого не было во Франции накануне революции. Ее возникновению содействовало то, что именно благоприятная ситуация резко повысила ожидаемый уровень удовлетворения потребностей. Нечто подобное происходило и в других странах, включая и нашу страну.

Подход Д. Дэвиса наглядно демонстрирует следующая схема.

В приведенной схеме точка t_2 и есть время революции. Д. Дэвис считает, что подобная интерпретация подтверждается революцией 1917 г. в России, государственным переворотом Насера в Египте в 1952 г., а также революциями во Франции и в Мексике в 1911 г. Однако указанная концепция не находит своего подтверждения в китайской революции. Эта концепция недооценивает значение предреволюционной ситуации. Нужно сказать и о том, что фрустрация приобретает политическое значение только при условии ее мобилизации организациями и лидерами оппозиции. К тому же необходимо учитывать и степень сопротивления правителей³.

¹ *Tocqueville A. de. L' Ancien régime et la Révolution. P., 1985. P. 277–278.*

² *Birnbaum P., Chazel F. Sociologie politique. P., 1978. P. 244.*

³ См.: *Braud Ph. Sociologie politique. P., 1992. P. 272.*

Т. Гурр

Дальнейшее развитие эта теория получила в работах Теда Гурра, который прямо задался вопросом «Почему люди бунтуют»¹. Собственно социальные движения не являются объектом исследования Т. Гурра. Он акцентирует свое внимание на вопросах возникновения насилия, на которые он стремится найти ответ в рамках так называемой «относительной фрустрации». Т. Гурр выделяет три типа фрустрации, каждый из которых может вызывать к жизни революционную мобилизацию. Речь идет о «фрустрации упадка» (*decremental deprivation*) и «прогрессивной фрустрации» (*progressive deprivation*), а также о «фрустрации возрастающих ожиданий» (*aspirational deprivation*). Схематически это выглядит следующим образом.

Схема 1

Схема 2

Схема 3

На первой схеме отражено состояние кризиса, войны или неразвитости: ожидания индивидов стабильны, а возможности их реализации уменьшаются.

Вторая схема характеризует период роста и экономической экспансии: ожидания растут, а возможности их удовлетворения остаются неизменными.

Третья схема в основном повторяет схему Д. Дэвиса: период экономической экспансии сменяется резким спадом, ожидания людей растут, а возможности их реализации уменьшаются.

Т. Гурр выдвигает гипотезу, согласно которой «потенциал коллективного насилия изменяется вместе с интенсивностью и ожиданием относительной фрустрации среди членов коллектива»¹.

Его особенно интересуют условия преобразования потенциального насилия в насилие политическое, определяемое как «всякое коллективное действие внутри полити-

¹ Gurr T.R. Why men rebel. Princeton, 1970.

¹ Chazel F. Les mouvements sociaux. P. 280.

ческого сообщества, направленное против политического режима, его актеров — как осуществляющих власть, так и находящихся в оппозиции — или его политики»¹.

Т. Гурр убежден, что политическое насилие подпитывается социальным насилием, но переход одного в другое не является автоматическим. Поясним. Переход к политическому насилию обеспечивается прежде всего распространением оправдывающих его этических норм. Там, где политическая власть полностью монополизирует легитимное насилие, она поощряет и в школе, и в публичной жизни рассуждения о том, что только государство вправе прибегать к насилию для обеспечения общественного порядка.

Такая постановка вопроса не исключает распространения в обществе убеждений, согласно которым у угнетенных имеется право на сопротивление угнетению, в том числе и при помощи насилия. В эпоху религиозных войн в Европе в XVI—XVII вв. теория цареубийства или призывы к зарубежным армиям побороть суверена, забывшего о «подлинной вере», были морально оправданными как у католиков, так и у протестантов. Новым оправданием насилия в XX в. стали марксистская и анархо-синдикалистская идеологии, искавшие в насилии «ответ» на насилие господствующих сил в обществе. Ныне оправдание насилия ищут в «беспорядках на улицах», «покушениях на власть», в «установлении конституционного порядка», в борьбе против экстремизма и т. д.

Применение насилия, утверждает Т. Гурр, оправдывается убеждениями граждан в его полезности. Называется ряд факторов в этой связи: успехи, связанные с применением насилия в прошлом; примеры его успешного использования в борьбе против отдельных групп; место насилия в исторической памяти; подчеркивание эффективности применения насилия средствами культуры и коммуникации и т. д. Все это, вместе взятое, может укреплять убеждение в том, что насилие позволяет реализовывать политические требования.

Т. Гурр указывает и на факторы, затрудняющие оправдание и эффективность использования насилия. Это прежде всего политическая поддержка, чем может гордиться конституционный режим. Если правящая

¹ Gurr T.R. Op. cit. P. 4–5.

система имеет глубокие давние корни, если она функционирует на основе широкого консенсуса, если ее руководители пользуются уважением граждан, если люди чувствуют, что к их мнению власти прислушиваются, оправдание выступлениям против государства найти трудно. А насилие со стороны власти при помощи сил порядка в такой ситуации, наоборот, оказывается и оправданным, и эффективным¹.

Модели относительной фрустрации уточняют выводы анализа причин восстаний и бунтов, разрушая механическую связь между ухудшением ситуации и возникновением насилия. Однако эти модели сохраняют, по сути дела, механическую связь между чувством возмущения, или фрустрацией, и вероятностью мобилизации населения. Если строго следовать модели Т. Гурра, то социальное движение как бы возникает из самого себя. Нужно только, чтобы возмущение или фрустрация достигли бы определенного предела. Но для возникновения, а тем более для долговременного существования социального движения одного возмущения, или фрустрации, недостаточно. Организация такого рода движений требует многое другое.

14.6. Экономический взгляд на социальные движения

Публикация экономистом Мансуром Олсоном (1932—1998) книги «Логика коллективного действия: общественные блага и теория групп»² положила начало новому этапу изучения социальных движений. С тех пор исследователи перестали рассматривать социальные движения через призму толпы и насилия. По-новому исследователи стали рассматривать и все то, что связано с мобилизацией. Более того, мобилизация стала специфическим объектом исследования. Это открыло новые возможности и для развития самой политической социологии.

¹ См.: Желтов В.В., Шнак Л.Л. Социально-политическое взаимодействие: прошлое и современность (Социологические этюды). Кемерово, 1997. С. 323–327.

² Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. N.Y., 1965; *Idem*. Logique de l'action collective. P., 1985.

Не случайно в 70-е гг. прошлого столетия сначала в США, а потом и в ряде стран Европы образовалось специфическое поле исследований политической социологии, в рамках которого велись активные исследования проблем социальных движений.

В чем заключается новизна подхода М. Олсона?

М. Олсон вводит в анализ социальных движений новую парадигму. Ее можно назвать неопутилитаристской, или просто экономической. При этом М. Олсон порывает с работами и подходами предшествующего периода. Этот разрыв выражается в четырех пунктах. Они могут быть представлены следующим образом.

1. М. Олсон предложил изучать сами социальные движения, а не рассматривать их как некое выражение более широких феноменов (толпа, коллективное поведение, насилие).

2. М. Олсон смещает сердцевину своего анализа с вопросов поведения и мотивации акторов и групп к уровню индивидов.

3. М. Олсон акцентирует свое внимание через призму индивидуальной мобилизации на процессы мобилизации в большей мере, чем на развитие самого действия (эти вопросы Олсон оставляет вне своего внимания).

4. При этом М. Олсон объединяет в своем подходе все социальные движения и все формы мобилизации.

Подход М. Олсона позволил выявить парадокс, получающий выражение в индивидуальном поведении участников социальных движений. Он может быть сформулирован следующим образом: *тот факт, что члены определенной группы осознают наличие у них общих интересов, которые они могли бы обслуживать или удовлетворять, мобилизуясь для этой цели, не приводит их, если они являются рациональными субъектами, к участию в коллективном действии, но, напротив, приводит к отказу от него.*

Вопреки тому, что называют здравым смыслом, и многим существовавшим прежде научным подходам М. Олсон со всей решительностью утверждает, что мобилизация не осуществляется сама собой. И чем выше шансы на успех выдвигаемых требований и связанной, значит, с ними мобилизацией, для отдельного индивида больший «интерес» представляет неучастие в мобилизации.

Можно утверждать, что М. Олсон не связывает рационального актера с перспективой оптимального удов-

летворения его (актера) собственных интересов. Это обусловливается в том числе и с тем, что, каким бы активным ни было участие индивида в коллективном действии, оно всегда имеет некую цену. Эта цена существенно различается в зависимости от характера коллективного действия. В одном случае она может быть связана с риском для жизни (если речь, например, идет о революции), в другом — с определенными материальными затруднениями (в случае, к примеру, длительной забастовки). Но в любом случае цена участия в коллективном действии выше цены неучастия. М. Олсон обращает внимание и на то, что выигрыш от результативного коллективного действия носит также коллективный характер. Если победа в этом действии будет достигнута, ее плодами воспользуются все, в том числе и сам рациональный индивид. А потому он заинтересован действовать в отрыве от коллектива, самостоятельно, осуществляя поведение, которое можно назвать поведением «незаконного пассажира» («безбилетника», или «зайца»).

«Профсоюз, — пишет М. Олсон, — стремится добиться повышения зарплаты, улучшения условий труда, выгодного трудящимся законодательства и т. д., т. е. всего того, что по своей природе трудящийся не может добиться изолированными действиями. Профсоюзы созданы для ведения **коллективных**, а не индивидуальных переговоров. Отсюда следует, что большинство достижений профсоюзов, даже если они были более впечатляющими... не смогли стать мотивом для разумного трудящегося; его индивидуальные усилия не принесли бы ощутимого результата для его доходов...»¹

Но вслед за указанным парадоксом выявляется и еще один парадокс: *если индивидуальная рациональность подталкивает к неучастию в коллективном действии, каким же образом осуществляется мобилизация?* М. Олсон вынужден ввести понятие «**селективное побуждение**», на основе которого организации обеспечивают участие индивидов в коллективном действии. Таким побуждением становится тот факт, что коллективное благо распространяется только на членов той группы, того института, к которому относятся данные индивиды. Это может быть определенный отраслевой профсоюз, трудовой коллектив, то или иное конкретное движение и т. д.

¹ Olson M. Logique de l'action collective. P., 1985. P. 100.

Это, безусловно, затрудняет осуществление индивидом стратегии «безбилетника».

Отмечая большие заслуги М. Олсона в вопросах осмысления логики коллективного поведения, нельзя не сказать и о том, что вне его внимания остались вопросы стихийного коллективного действия, когда указанная им логика оказывается неприемлемой для объяснения этого действия.

■ 14.7. Теория «мобилизации ресурсов» и социальные движения

Дальнейшее развитие подход М. Олсона получил в США в 70-е гг. прошлого века, которое получило наименование «мобилизация ресурсов». Сторонники этого течения, несмотря на известное разнообразие их подходов, разделяют общую позицию в отношении коллективного действия.

1. Как и М. Олсон, сторонники течения «мобилизация ресурсов» порывают с рассмотрением социальных движений через призму толпы и/или насилия. Однако, в отличие от М. Олсона, они не ограничиваются рассмотрением сугубо материальных интересов индивида как единственной основы для мобилизации. Не меньшее значение, по их убеждению, имеют защита определенного дела или ценности данного общества.

2. В отличие от модели «коллективного поведения», сторонники рассматриваемого течения не ограничиваются рассмотрением условий возникновения, развития, успеха или поражения того или иного движения. Для них ответ на вопрос **как** значит больше, чем исследование проблемы **почему** возникло то или иное движение. Внимание исследователя сосредоточивается на вопросах развития самой борьбы (используемые стратегии, мобилизуемые ресурсы, реакция окружения и т. д.) и, в частности, на вопросах изменений в самих социальных группах и движениях в процессе их борьбы. Это выводит на первый план все то, что связано с ролью организации в социальных движениях.

3. Сторонники течения «мобилизация ресурсов» предприняли небезуспешную попытку выйти за пределы олсоновского объяснения социальных движений только

селективными материальными побуждениями. Акцент делается ими на расчеты и стратегии актеров в процессе действий социальных движений.

А. Организации и предприниматели социальных движений

Авторами термина «мобилизация ресурсов» являются американские социологи Джон Маккарти и Мэйер Зальд¹. Развивая подход М. Олсона, они вводят экономическое начало в организацию социальных движений. «Организации социальных движений» (по аналогии с предприятиями в экономике) стремятся построить и учесть совокупность неформальных предпочтений, более или менее ясно выраженные населением. Преобразовывая эти предпочтения в требования и обращая внимание на скрытую (виртуальную) группу, которая никогда спонтанно не мобилизуется, эти организации находятся в самом начале возникновения социального движения и образуют его сердцевину.

Указанная группа (организация) является настоящим предприятием по осуществлению мобилизации, которая специализируется на коммуникации, на отыскании поддержки, на образовании фондов для своей деятельности и т. д. Ей руководят профессионалы своего дела. Различные организации социального движения конкурируют друг с другом (или группируются и перегруппировываются) в борьбе за овладение рынком требований населения. Совокупность организации одной и той же отрасли образует «индустрию социального движения» (профсоюзы, неправительственные организации и т. д.), а совокупность этих индустрий — «сектор социального движения».

Решающая роль организации в социальных движениях была показана в книге Уильяма Гэмсона «Стратегия социального протеста»². У. Гэмсон изучил около 50 социальных движений, действовавших в период с 1800 по 1945 г., и выявил, что в тех случаях, когда организация этих движений была бюрократического типа, 71 % от их общего числа

¹ См.: *McCarty J.D., Zald M.N.* Resource mobilization and social movement: a partial theory // *American journal of sociology*. Vol. 82. 1977. № 6. Mai. P. 1212–1241.

² См.: *Gamson W.A.* The Strategy of social protest. Homewood, 1975.

получил признание собеседников, а 62 % из них — удалось добиться осуществления своих требований. Вывод: успех социальному движению приносит способность его организации мобилизовывать ресурсы.

Д. Маккарти и М. Зальд предложили и классификацию участников социальных движений. К ним относятся «симпатизирующие» (или «приверженцы» в том смысле, что они подчиняются требованиям организации), а также «активные члены». Внутри указанных групп американские социологи выделили «потенциальных получателей выгод», которые могут получить персональную выгоду от реализации требований (женщины, добивающиеся права голоса для себя, негры, выступающие за свои гражданские права) и «моральные активисты», кто поддерживает движение без очевидных выгод для себя (мужчины в первом случае и белые — во втором). Именно из этой, второй группы, рекрутируются «предприниматели протеста», которые, не извлекая прямой выгоды из движения протеста, являются организаторами и выразителями социального движения, интересам которого они служат.

Б. Обершалл Э. и переоценка социального

Энтони Обершалл не поддерживает прежние подходы в политической социологии, которые, как было уже отмечено, исходили из идеи о том, что в массовом обществе модели «коллективного поведения» определялись принадлежностью индивидов к толпе и насилию. Он убежден, что возникновение и воздействие социальных движений прямо зависят от степени интеграции общества. Эта интеграция рассматривается Э. Обершаллом в двух измерениях.

Прежде всего, Обершалл указывает на вертикальную организацию, которая определяет степень интеграции данной группы по отношению к другим группам и особенно по отношению к группам высшего эшелона власти (негры, например, по отношению к совокупности американцев). Чем больше общество является сегментированным, чем больше группы, которые его образуют, отрезаны от власти, от возможности заставить себя слышать через посредство более или менее институционализированных, а значит, и более или менее регулярных отношений с высшими эшелонами социальной организации и другими

группами, тем больше вероятность их мобилизации на основе протестных действий. И наоборот, в обществе, в котором группы управляемых интегрированы достаточно сильно, их мобилизация имеет меньшую вероятность, чем в сегментированном обществе. Это так происходит потому, что индивиды при решении своих проблем имеют возможность использовать свой шанс на социальную мобильность, которая для них открыта (или кажется открытой), а также использовать связи патронажа и клиентелизма. Следует сказать и о том, что сегментация общества содействует появлению амбициозных лидеров, что также повышает вероятность и эффективность мобилизации.

Э. Обершалл выделяет и горизонтальное измерение, которое определяется природой связей внутри данной группы. Эта природа позволяет различать *организацию коммунитарного типа*, в которой традиционная социальная структура сочетается с социальным контролем, повышенной степенью знания друг друга, наличием лидера внутри данной группы и т. д. Речь в этом случае идет о клане, племени, сельском сообществе и т. д.

Кроме того, Э. Обершалл выделяет *организацию ассоциативного типа*, в которой существует «сеть вторичных групп профессионального, религиозного, экономического порядка, а также другие добровольные ассоциации, отвечающие специфическим интересам, во главе которых находятся лидеры, играющие ключевую роль внутри этих ассоциаций»¹.

Эти два принципа организации создают внутри коллектива горизонтальные связи и чувство солидарности, которые могут быть использованы для мобилизации групп.

Третий тип групп характеризуется слабой степенью организации и в силу этого имеющий низкие возможности в деле мобилизации. Речь может идти, например, о таких группах, которые представлены маргиналами, проститутками, разрушающимися традиционными сообществами и т. д.

Предложенная Э. Обершаллом классификация коллективов в зависимости от степени интеграции может быть представлена следующей схемой (см. с. 436).

¹ Oberschall A. Social conflict and social movements. Prentice Hall, 1973. P. 233.

В случае интегрированных организаций коммунитарного типа («А» в приведенной выше таблице) вероятность мобилизации протестного характера является слабой, что обуславливается и тем, что лидеры могут заставить центры решений слышать мнение группы. Она является слабой в случае вертикально интегрированного коллектива, который наделен ассоциативными сетями (С), «т. к. общие интересы коллектива учитываются политическими партиями, профсоюзами или другими организациями, обладающими доступом к власти»¹.

Классификация коллективов согласно степени интеграции

Связи внутри коллектива			
	Организация коммунитарного типа	Слабоорганизованная или неорганизованная организация	Организация ассоциативного типа
Вертикальное измерение			
Интегрированное	A	B	C
Сегментированное	D	E	F

Источник: *Obershall A. Social Conflict and Social Movements. Prentice Hall, 1973; Chagnollaud D. Op. cit. P. 145.*

В тех случаях, когда группы обладают сильной внутренней организацией (коммунитарной или ассоциативной природы) и позицией в сегментированной социальной структуре, вероятность мобилизации возрастает (D и F).

В подходе Э. Обершалла подчеркивается как роль организации, так и роль лидера в деле мобилизации. Кроме того, мобилизации содействует и факт возникновения ключевых проблем, привлекающих к себе внимание общества.

В. Переоценка политики

В разработке понятия «мобилизация ресурсов» значительную роль сыграли и работы Чарльза Тилли, который, в продолжение подхода Э. Обершалла, при анализе социальных движений акцентирует внимание на политическом

¹ *Oberschall A. Op. cit. P. 238.*

характере социальных движений¹. Ч. Тилли рассматривает мобилизацию в рамках политического поля, которое он называет *polity*, составленное из правительства и групп, борющихся между собой за влияние на него. Эти группы располагают институционализированным доступом к центрам решений и власти (Ч. Тилли называет их «членами») или, наоборот, исключены из него (Ч. Тилли называет их «отведенными» [*challenger*]). Эти три категории актеров способны в рамках социального движения образовывать союзы разной конфигурации: отведенные против правительства и членов; отведенные и члены против правительства и т. д.

Едва ли не основной ставкой социальных движений является их включенность в политику, которая гарантирует в той или иной мере доступ к власти. Эта включенность охватывает и *членов*, и *отведенных*. И потому, начиная с XIX в., социальные движения не стремились избежать господства или контроля со стороны государства. Они ставили все более решительно задачу получения доступа к контролю над ресурсами. Именно в силу такого понимания мобилизацию, по Ч. Тилли, иногда называют «клаузевицской»².

Еще одним проявлением переоценки политической роли социальных движений стало введение в научный оборот понятия «политическая своевременность». В то время как сторонники концепции «мобилизация ресурсов» учитывали в своих исследованиях преимущественно внутреннюю динамику организации социальных движений, подход, связанный с опорой на понятие «политическая своевременность», открывал перспективу анализа социальных движений во взаимодействии их со своим социальным окружением. И в частности, во взаимодействии со структурами власти с учетом политической конъюнктуры (календарь выборов, соотношение сил между большинством и оппозицией и т. д.).

В итоге такого подхода любое социальное движение характеризуется вполне определенной вероятностью воз-

¹ См.: *Tilly Ch. From mobilization to revolution. Reading, Addison-Wesley, 1978; Idem. La France conteste: de 1600 à nos jours. P., 1986.*

² В своей книге «О войне» Карл фон Клаузевиц, прусский генерал и военный теоретик, определил войну как политику иными средствами. Иными словами, война — это средство на службе некой внешней цели, какой является политика. А потому она должна адаптироваться к политическим целям. У Ч. Тилли мобилизация является средством, при помощи которого группы борются за контроль над политической властью для достижения своей цели.

никновения, развития и достижения своих целей. Оно характеризуется своим собственным путем развития. Это все определяется существующими в стране политическим режимом и политической системой. Ясно, что социальные движения в демократическом или авторитарном, а тем более в тоталитарном обществе существенно отличаются, как, впрочем, отличаются и возможности их возникновения и существования вообще.

В политической социологии различают шесть основных измерений в данный момент и в данной политической системе, которые образуют в своей совокупности *структуру политической своевременности*.

1. Открытость политической системы (формы политического участия, способность этой системы «слышать» требования мобилизованных групп, способность политических партий интегрировать в своей деятельности требования и представления социальных движений).

2. Стабильность политических ориентиров (и союзов): электоральная нестабильность расширяет возможности контактов протестных групп и политических партий и заключения союзов между ними, в том числе и на основе противодействия власти.

3. Существование потенциальных союзников, занимающих стратегические позиции (что позволяет социальным движениям, не имеющим, например, материальных ресурсов, действовать в поле власти).

4. Раскол элит: может способствовать возникновению социальных движений. Более того, открывает перспективу объединения социальных движений с некоторыми группами из числа элиты.

5. Способность государства подавлять протестные движения, переступающие границы закона.

6. Способность политической системы предлагать и осуществлять публичную политику и тем самым отвечать на требования социальных движений.

Указанные переменные не характеризуют только реальную структуру политической своевременности, в которую вписывается то или иное социальное движение. Они являются для политических актеров одновременно индикаторами в оценке ими вероятности успеха определенного социального движения, а также содействуют или затрудняют мобилизацию ресурсов, которыми оно располагает в перспективе развертывания этого движения.

Структура политической своевременности не должна рассматриваться как некая неизменная данность или как независимая переменная. Дело в том, что динамика самого социального движения способна изменять ее.

Г. Рост активистского обязательства

Рассмотренные нами подходы отвечают на вопрос, почему та или иная социальная группа мобилизуется. Однако в тени остается вопрос, связанный с разнообразием позиций индивидов внутри данной группы. Более того, ни одна из «мобилизованных» групп не охватывает всех ее членов. Это показал и доказал М. Олсон, используя концепцию «незаконного пассажира», или «безбилетника», о чем речь шла выше. Однако данная концепция также не в полной мере объясняет различия в индивидуальном поведении членов группы.

Своеобразным ответом, дополняющим подход М. Олсона, является оценка так называемых активистских качеств разных членов группы, которые социологи Зальд и Маккарти определяют как обязательства, которые могут вытекать из связей с «моральными активистами», как они называют людей, занимающих активную политическую по своей сути позицию в вопросе, на основе которого происходит объединение того или иного социального движения. Как показали проведенные этими социологами исследования, члены группы, которые имеют контакты с так называемыми «моральными активистами», с большей вероятностью активно участвуют в социальном движении.

Правда, Зальд и Маккарти не ограничиваются моральным измерением такого рода контактов. Они включают в него (измерение) и психологическое измерение. Это позволяет им отойти от универсального постулата рациональности индивида и ввести в качестве дополнительной оценки ожидания и «выгоды» этого индивида.

Нужно сказать, что указанные социологи акцент делают еще и на идентичность того или иного социального движения. Активизм отдельных индивидов может порождаться стремлением добиться подтверждения и признания своей идентичности (культурной, этнической, сексуальной и т. д.). И наоборот, сами социальные движения могут испытывать на себе влияние идентичности, индивидуальной или коллективной, участников социального

движения. Об этом нередко говорят и сами участники социальных движений. Они испытывают в процессе реализации своей активности благородное чувство деятельности во имя справедливости, своей принадлежности к «большой семье» единомышленников, переживая острые и очень нужные для всех, сильные в чувственном отношении моменты и т. д. Именно такого рода чувства во многом определяют природу группы, которая выполняет функцию социальной интеграции и являет собой точное место социальности.

Это является и ответом на парадокс М. Олсона, когда активистские траектории отдельных индивидов определяют если не всю его жизнь, то довольно длительный период их существования. Французский социолог Даниель Гакси, характеризуя данное явление, говорит о «сверхрегенераторском эффекте» некоторых организаций. Пример тому — революционные организации, которые способны порождать в индивидах энергию и энтузиазм активизма. Не случайно в последние годы в ряде стран проводились и проводятся исследования по вопросам обязательства «активистской карьеры и/или траектории». Этому содействует и то, что в последние годы появились новые формы мобилизации и новые поводы (причины) для нее.

14.8. Новые социальные движения

Как мы уже отмечали, с конца 60 — начала 70-х гг. прошлого века в политической социологии утвердилось понятие «новые социальные движения» (НСД). При помощи этого понятия стремились оттенить специфику новых социальных движений, которые стали во многих странах возникать с конца 60-х гг., а также указать на различие, которое объективно существует между «старыми» социальными движениями, связанными прежде всего с рабочим и профсоюзным движением, мобилиующим началом в которых выступали преимущественно материалистические требования тех групп, которых отличала классовая идентичность и/или профессиональная принадлежность.

Проблематика «новых социальных движений» прямо связана с анализом так называемого постматериализма, который впервые был проведен Рональдом Инглхартом (р. 1934). Самой идентичностью своих актеров, ставками,

вокруг которых происходит объединение, а также концепцией своей организации НСД отражают появление и утверждение новых ценностей и озабоченностей.

1. Мобилизуемые группы основываются не на базе профессиональной идентичности или профессиональных интересов, не на основе отношений между классами. Они объединяются на основе идентичности, внешней по отношению к миру труда. Это могут быть движения поколенные, региональные, сексуальные, объединения на основе общих жизненных ценностей (пацифисты, экологи, движения гражданских инициатив и т. д.). В последние десятилетия довольно громко заявили о себе движения молодежи, студентов, женщин и т. д. Эти и другие НСД возникают и действуют на основе постматериальных ценностей, на стремлении удовлетворить нематериальные потребности с учетом сохранения автономии индивида.

Социальной базой НСД являются новые средние слои, которые возникли в результате демократизации образования и расширения непроизводственного сектора экономики. Не обладая «классовым сознанием», эти категории людей предрасположены или к неким универсальным требованиям, типа защиты прав человека, сохранения окружающей среды, мира и т. д., или, наоборот, к частным требованиям (защита, например, таких сообществ, как местное, культурное, сексуальное и т. д.). В своем большинстве это люди с довольно высоким уровнем образования и относительным экономическим благополучием. Иными словами: их социальная ситуация не определяется напрямую рынком (студенты, домашние хозяйки, пенсионеры и т. д.).

2. Требование автономии НСД отражается также в их формах и способах функционирования. Они испытывают недоверие к традиционным организациям, например партиям и профсоюзам. Традиционные организации для участников НСД кажутся слишком жесткими, слишком бюрократическими и олигархическими в своем функционировании. На основе такого недоверия, а подчас и отрицания создаются условия для возникновения НСД. НСД являются автономными, децентрализованными организациями. Они стремятся исповедовать прямую демократию. Предпочтение отдается коллегиальному правлению.

Факты показывают, что, несмотря на отказ от привычных принципов организации, НСД не застрахова-

ны от появления и стабилизации в них правящей элиты. Кроме того, наиболее влиятельные НСД за годы своего существования постепенно становились на путь развития институционализации, что сближает их с традиционными организациями и прежде всего с партиями.

3. НСД все чаще прибегают ко многим известным формам деятельности, хотя некоторые виды деятельности категорически запрещают, как это имеет место в случае с забастовками. Эти последние как бы отдаются на откуп профсоюзам. Кроме того, возникли и новые формы активности, среди которых особое внимание придается общественному мнению и СМИ. СМИ, вообще, играют первостепенное значение в деятельности НСД, поскольку позволяют привлекать внимание общества к их проблемам.

Различие между традиционными организациями, связанными с «материалистическими» требованиями, и НСД с их постматериальными требованиями, связанными с изменением условий жизни, не всегда можно четко обозначить и определить.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

План главы

- 15.1. Понятие «политическое участие».
 - А. Политическое участие и священность.
 - Б. Два типа политических действий.
 - В. Интерес к политике — начало участия.
- 15.2. Типология политического участия.
 - А. Способы политического участия.
- 15.3. Факторы политического участия.
 - А. «Биосоциальные» факторы политического участия.
 - Б. Падение масштабов политического участия.
- 15.4. Факторы абсентеизма.
 - А. Отказ от политической игры?
 - Б. Социальная позиция и электоральное участие.
 - В. Влияние конъюнктуры голосования.

Процесс взаимодействия общества и политики находит свое выражение в конкретных шагах, акциях и действиях политических субъектов. Эти действия играют решающую роль в демократических обществах, где политическая власть, как уже отмечалось, берет свое начало в народе-суверене, а принципы функционирования и способы организации общества предполагают активное участие граждан во всех общественных делах, в политической жизни. Не случайно политическое участие в демократических странах конституционно, или легально, гарантировано. Все граждане в этом случае имеют право голоса, в обществе утверждены такие права, как свобода

прессы, свобода ассоциаций, право на проведение манифестаций, забастовок и т. д.

Понятие «политическое участие» несет в себе некую нормативную составляющую. Она связана с совокупностью предписанных представлений в том, что касается качеств и политического поведения так называемых «хороших граждан»: активная включенность в общественную жизнь, интерес к политике, забота об общем благе и общем интересе. Иными словами, «хороший гражданин» отличается прежде всего участием в политике на основе ненасильственных форм действия, одним из важнейших среди которых является голосование.

Наконец, индивидуальное политическое участие граждан в жизни демократического общества являет собой основание политического порядка, который опирается на принцип политического равенства всех граждан. Это наглядно проявляется в такой форме политического участия, как голосование, где утвердился принцип «один человек — один голос».

15.1. Понятие «политическое участие»

Политическое участие обозначает *совокупность деятельности, при помощи которой управляемые могут, индивидуально или коллективно, с разной степенью эффективности и в различных, более или менее ритуализированных формах, пытаться влиять на функционирование политической системы*¹. Данное понятие охватывает широкую и разнородную совокупность практик участия граждан в политике, которые отличаются как по форме, так и по содержанию, по времени и месту проявления. Эти практики испытывают на себе влияние политических режимов и политических систем.

Демократия и политическое участие — взаимообусловленные понятия. История демократии — это история завоевания политических прав граждан. И неудивительно, что еще в конце XVIII в. французские революционеры, осознавая невозможность демократии без активного участия граждан в политической жизни, подвели правовую базу под политическое участие. Демократическое

будущее французского общества они связывали с активными гражданами старше 25 лет и способными уплатить налог в объеме стоимости трех дней работы. Зрелый возраст и определенное благополучие, по мнению депутатов Конституционного собрания 1791 г., являются лучшими гарантиями информированности и политической обязательности.

В XIX в. теоретики политической науки (С. Милль, Д. Локк, А. де Токвиль) углубили такое понимание феномена политического участия. Они, в частности, утверждали, что демократия основывается на гражданах, обладающих достаточной политической информацией, привязанных к ценностям плюрализма и обладающих гражданской ответственностью.

До середины XX в. понятие «политическое участие» рассматривалось как нормативная категория, т. е. как некое «долженствование», обязанность индивида. Изменения в таком понимании политического участия были связаны с работами американских ученых-«бихевиористов». В послевоенные годы они сосредоточили свое внимание на вопросах политического участия **реальных** граждан, которые, как выяснилось, имели не так уж много общего с **идеальным (рациональным)** гражданином, описанным в классических теориях демократии.

Оказалось, что для многих граждан характерен особый интерес к политике, а участие в политической жизни является эпизодическим. Многие граждане зачастую слабо информированы, а потому в своих политических действиях и решениях испытывают «внешние» влияния, например влияние социальной группы, к которой они принадлежат. Приведем в подтверждение вывод американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, к которому они пришли в итоге изучения политической культуры США, Великобритании, Германии, Италии и Мексики: «Хорошо работающая демократия представлена обязательными и активными гражданами, информированными в политической области и оказывающими влияние. И когда они принимают решения, особенно готовясь голосовать, они это должны делать на основе оценки изменения ситуации и внимательного сопоставления различных выборов... Проведенные исследования ставят под вопрос эту активистскую и рациональную модель, т. к. становится все более очевидным, что граждане демократических политических

систем очень редко соответствуют этой модели. Они не являются хорошо информированными, не очень обязательны, не особенно активны, а процесс выработки ими своего электорального решения имеет мало общего с процессом рационального расчета¹.

Демократия в известном смысле является результатом активного вмешательства граждан в политический процесс. Американские ученые под политическим участием понимают совокупность «действий граждан, стремящихся оказать влияние на формирование правительственного персонала и/или те действия правительства, которые оно осуществляет»². Российские политологи рассматривают **политическое участие** как влияние граждан на функционирование политической системы, формирование политических институтов и выработку политических решений³.

Одна из особенностей либерального общества, сложившегося в ряде стран Запада, состоит в том, что оно способствует формированию определенного множества каналов выражения мнения участников политических процессов. При этом политическими ресурсами в таких обществах располагают не только те, кто обладает властью, но и все иные участники политического процесса.

Масштабы политического участия социальных групп и организаций испытывают влияние социальных изменений. Это наглядно продемонстрировала история нашей страны в период после 1985 г. Глубокие преобразования в СССР привели в движение значительные слои населения, что в конечном счете выразилось в целом ряде крупных событий, в том числе и распаде СССР.

Следует сказать и о том, что развитие коммуникаций в последние десятилетия способствует вовлечению в политику многих граждан, модифицирует практику и содержание деятельности политических партий и организаций. Изменяется частная жизнь граждан. Исчезают некоторые формы солидарности между ними. Усиливается тенденция к социальной атомизации. А на основе этого меняется и политическое поведение граждан.

¹ Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1961. P. 474.

² Verba S., Nie N. Participation in America: Equality and Political Democracy. N.Y., 1972. P. 2.

³ См.: Политология: Учебное пособие / Под ред. проф. М.А. Василюка. С. 261.

А. Политическое участие и священность

С конца XIX в. во многих странах мира происходила секуляризация политических институтов. Однако до сих пор в современных обществах **политическая власть во многом сохраняет элементы священности**. Свидетельство тому — многочисленные и многообразные «политические литургии». Так, некоторые французские исследователи отмечают, что якобинцы, будучи сторонниками светской республики, ввели гражданскую религию, основанную **на культе нации**. Этот культ находит свое выражение в совокупной воле индивидов, «спрессованной в коллективную волю народа... чем создается и освящается общественная власть, которая выражает закон и всеобщую волю»¹. Получается, что священность политической власти может быть и не связанной с божественным происхождением.

Показательными в этом смысле являются размышления Э. Дюркгейма в его работе «Основные формы религиозной жизни». Он, в частности, указывает, что Божественное и сверхъестественное для него не является обязательным знаком священности. Отличительная черта религиозной мысли, по мнению Дюркгейма, состоит в том, что мир делится на две области: одна объемлет «все, что является священным», другая — то, что «является мирским». По Дюркгейму, понятие священности основывается на существовании в обществе различных и полностью разделенных между собой сфер. Контакт между ними обеспечивается разумом. Этот контакт необходим, т. к. «если бы мирское не имело никакой возможности войти в отношение со священным, последнее не служило бы ничему». Более того, сами боги существуют лишь тогда, когда им внимают, когда им поклоняются. В этом смысле боги зависят от людей.

Отношение мирского и священного является деликатной сферой, предполагающей соблюдение некоторых правил поведения. При этом оказывается, что в процессе взаимодействия этих сфер мирское способно приобретать элементы священности. Влияние священного в этом процессе тем больше, чем ближе мирское подступает к сердцевине священного. И потому религиозные деятели,

¹ Riviere C. Les Liturgies politiques. P., 1988. P. 12.

служители церкви наделены священностью в большей мере, чем просто верующие.

Подобные рассуждения в политической науке используются для того, чтобы показать логику взаимодействия человека и политической системы. Религия, как уже отмечалось, определяет правила вступления верующего в запретное и недоступное для многих пространство священного, а также правила поведения внутри него. Политическая система общества, пользующаяся уважением граждан, определяет отношения людей с ненарушаемым пространством власти, вокруг которого эти люди объединяются и организуются.

Такая постановка вопроса полностью применима к демократическим режимам. Доступ к власти, а тем более ее осуществление всегда сопровождается специальными ритуалами, о чем свидетельствуют, например, церемонии возведения в должность, многочисленные правила осуществления власти. Соблюдение детально разработанных ритуалов позволяет избранным лицам войти в «святая святых» политической системы, недоступной для подавляющего большинства граждан. Причем до вступления в должность правители — обычные люди. Лишь внутренний контакт с властью способен преобразить их настолько, что они иногда превращаются просто в недоступных лиц. Этому в значительной мере способствуют многочисленные символы в виде одежды (формы), всевозможных знаков отличия, протоколы, знаки внимания или уважения и т. п. Все это внешние признаки отличительной природы власть придержащих.

Справедливости ради следует сказать, что демократия позволяет управляемым входить в обычно недоступную сферу священного в политической жизни. Пример тому — выборы.

«Ежедневная жизнь, — утверждает французский социолог Ф. Бон, — держит гражданина на дистанции по отношению к власти. В момент выборов, напротив, возможен прямой контакт с властью. Но этот контакт возможен только в определенное время и в соответствии с правилами, зафиксированными институтами власти»¹.

Это значит, что в период избирательной кампании любой гражданин имеет возможность осуществления прямых контактов с обычно запрещенной сферой вла-

сти. Акт голосования позволяет избирателю войти в сферу власти, озаряет его светом священности и превращает его в суверена. Однако это вовсе не означает, что выборы полностью устраняют дистанцию между управляемыми и управляющими, т. к. они не позволяют народу на деле осуществлять политическую власть¹. Тем не менее с помощью выборов осуществляется регулярное прямое взаимодействие общества и политической системы.

Голосование можно рассматривать как своеобразный обряд, который, по мнению Э. Дюркгейма, осуществляет «социально регулируемое манипулирование недоступным». Всеобщий характер голосования, развитие общественных свобод предоставляют гражданам возможность вступать в прямые отношения с политической властью на основе права, а также предопределяют ограниченный характер продвижения в сторону властного поля. По сути дела, управляемые всегда находятся на периферии властного поля. Только акт голосования, как мы уже отмечали, на короткий промежуток времени позволяет гражданам выйти из пределов периферии. На периферии политической жизни остаются граждане и при проведении политических мероприятий. Так, например, манифестация, как известно, проводится на основе действующего законодательства и принятых правил политического поведения. Для того чтобы она не нарушала привычного хода вещей во взаимоотношениях с властью, последняя делает все, чтобы, например, с помощью эскорта полиции способствовать соблюдению действующих правил. Словом, *на основе права политическое участие вписывается и в нравы и правила демократического общества.*

Конфликты и политическое противоборство активно влияют на соотношение разрешенного и неразрешенного в обществе. Именно это соотношение чаще всего является ставкой в политической борьбе. Государство, как известно, обладает правами ограничения или расширения поля публичных свобод. Ограничивая права тех или иных социальных групп в проведении манифестаций, собраний и т. п., правящие круги могут добиться маргинализации той или иной социальной группы. Но подобные действия государства имеют свои пределы: *государство не может ставить под вопрос природу существующего режима.* Учитывает-

ся и то, что противодействие управляемых политикой властей подрывает основы режима: ими руководит логика достижения максимальной свободы для своих действий.

Показателен в этой связи пример с праздником 1 Мая. В героический период рабочего движения этот праздник рассматривался как день борьбы, как протест против установленного социального и политического порядка. Легализация этого праздника в значительной мере лишила его указанного выше характера. 1 Мая до сих пор признается как заметное политическое событие. Но оно ныне не имеет былого широкого социального признания.

Другой пример. В 70-е гг. прошлого столетия широкое распространение в мире получила практика проведения забастовок с последующим занятием предприятий бастующими. Прежде подобные действия относились к разряду экстремистских и преследовались властями. Теперь же меры физического воздействия, как правило, властями не применяются. Значит, действия забастовщиков не нарушают «священного» пространства власти.

Б. Два типа политических действий

Политологи на основе анализа политического участия выделяют два типа политических действий граждан. Первый тип характеризуется отказом от какого бы то ни было сотрудничества с властями. Это иногда выражается в отказе тех или иных политических деятелей или сил от участия в составе правительств. Другой тип, напротив, характеризуется тем, что, сохраняя враждебность к правительству, политические субъекты используют все возможности легальной деятельности для воздействия на власть в полном соответствии с правилами демократического общества, регулируемыми политическое поведение граждан.

Первый тип политических действий характерен для оппозиции, которую иногда называют непримиримой, ставящей задачу неперемогенного свержения правительства. Второй же тип более характерен для так называемой конструктивной оппозиции.

В. Интерес к политике — начало участия

В любой из демократических стран определенная часть населения не обладает способностью понимать язык и пра-

вила политической игры и тем самым обречена на неучастие в политике. Политологи в этой связи говорят о компетентности или некомпетентности участников политического процесса.

Наибольшей компетентностью в политике обладают профессиональные политические деятели, располагающие, к примеру, такими инструментами, как *свободное время* и *культурный капитал*. Наиболее близкую позицию к профессиональным политикам в социальном отношении занимают господствующие социальные группы. Их социальное свойство и осознание значимости результатов политического действия для собственной социальной позиции превращает представителей политической элиты в непосредственно заинтересованные лица в проявлении активной гражданской позиции.

Не обладая возможностями господствующих групп и присущей им компетентностью в политике, социально и политически подчиненные группы большинства населения в значительной мере обречены на неучастие в политической жизни. Этому способствует и то, что нередко политики используют специализированный, во многом абстрактный язык, недоступный для понимания рядовых граждан. Неучастие в политическом действии, по мнению французского социолога Ж. Лагруа, является результатом наличия *ощущения* или *чувства некомпетентности* в осмыслении языка или схемы политики¹.

Одним из выражений политического участия является *интерес к политике*. Он может быть измерен количественно, например с помощью опросов общественного мнения, выявляющих *знания* индивида о политических деятелях, политических партиях или институтах, а также его *желания действовать политически*. «Позиция участия» в таком случае соответствует позиции «индивида, что-то знающего о политике и полагающего, что он может быть в ней активным»². Так, американские социологи Г. Алмонд и С. Верба установили, что 75 % американских граждан и 62 % англичан полагают, что смогли бы активно участвовать в национальных политических действиях против несправедливой политики, тогда как такое мнение разделяют только 32 % немцев и 28 % итальянцев.

¹ См.: Lagroye J. Sociologie politique. P., 1991. P. 323.

² Almond G., Powell G. Comparative Politics. Boston; Toronto, 1968. P. 36.

Интерес к политике в определенной мере связан с так называемыми индивидуальными расчетами как **осознанными мотивациями**. Так, вступая в партию, индивид может иметь расчет на поддержку со стороны членов партии и ее руководителей его индивидуальных политических действий. Он может надеяться, например, и на продвижение в общественной жизни, вплоть до изменения характера жизнедеятельности и социального статуса.

Интерес к политике может быть результатом убежденности в **моральной обязательности участия**. Этот фактор сильно действует в отдельных социальных группах, например среди верующих, принимающих активное участие в общественных движениях, в деятельности политических партий и организаций.

Политическая наука уделяет большое внимание анализу влияния на интерес к политике **неосознанных индивидуальных потребностей**. Этот вид потребностей испытывает на себе влияние коллективного давления, социальных позиций индивидов, их уровня культуры, принадлежности к тому или иному классу или социальному слою. Политическое участие в своих конкретных проявлениях, например голосовании, позволяет индивиду удовлетворять свои глубокие желания, мотивы и потребности. Оно иногда отождествляется с «политической разрядкой внутренних психологических напряжений»¹. При помощи участия индивид удовлетворяет свою потребность в безопасности, слиянии с группой, свою волю к власти и свое желание повысить свою самооценку, свои агрессивные импульсы (к политической «борьбе») и даже чувственные импульсы (через любовь к лидеру).

Следует сказать и о том, что интерес к политике получает **разное движение** как внутри одной и той же социальной группы, так и в разных группах. Скажем, политическое участие отличается в разных конфессиях. Но и внутри одной и той же конфессии есть группы, активно участвующие в политике и являющиеся членами политических партий, есть группы эпизодически участвующих в политике индивидов и есть группы, вообще не принимающие участия в политике. Существует своеобразная лестница участия индивидов в политической жизни. Прибав-

¹ Lane R.A. Political Life and How People Get involved in Politics. N.Y., 1965. P. 118.

ка политической активности на основе, например, роста интереса к политике обеспечивает продвижение индивида или группы вверх по лестнице участия.

Нетрудно видеть, что интерес к политике является общетеоретическим понятием, в котором не в полной мере учитывается **разнообразие отношений в политике, форм и моделей участия**.

15.2. Типология политического участия

Политологи различают традиционные и нетрадиционные типы политического участия. К традиционному (иногда его называют ортодоксальным) типу политического участия относятся те его формы, которые строятся вокруг голосования, мобилизующего, как известно, значительные политические ресурсы. Этот тип участия обеспечивает устойчивое функционирование политической системы, а также предъявление требований к ней, выраженных в законных формах.

Виды традиционного политического участия:

- подвергаться воздействию политических **стимулов**;
- голосовать;
- принимать участие в политической дискуссии;
- выражать публично общественное мнение с тем, чтобы убедить в его правоте других лиц;
- контактировать (лично или письменно) с политиком или представителем властной структуры;
- оказывать финансовое содействие партии или избирательной кампании того или иного кандидата в избрании;
- принимать участие в политических митингах;
- быть активным членом политической партии или организации¹.

Такая иерархия традиционного политического участия основана на учете **интенсивности индивидуального обязательства**, которого требует участие: она тем выше, чем менее частой является та или иная форма политического участия, возрастая от голосования, например, до финансовой поддержки.

¹ См.: Schonfeld W.R., Toinet M.F. Les Abstentionnistes ont-ils toujours tort? // Revue française de science politique. 1975. № 4. P. 667.

Значительную роль в политической жизни любой из демократических стран играет голосование. Голосование является главным средством осуществления суверенитета народа и тем самым — демократии. С его помощью осуществляется выбор управляющих, т. е. тех, кто правит страной. Однако не менее важное значение имеет и то, что с помощью голосования выражаются суждения о политике в целом и ее основных характеристиках.

Процедуры голосования осуществляются на основе некоторых строгих правил. К ним относятся сами дефиниции избирателя и выборности, длительности срока мандата, размеров избирательного округа, способов подсчета голосов и их перевода в выборные места. Во всех этих вопросах значительную роль играют политически господствующие силы в обществе, которые стремятся укрепить свои позиции и потеснить позиции оппозиционных сил, нацеленных на завоевание власти.

Существуют две основные системы голосования — мажоритарная и пропорциональная. Правда, встречаются и смешанные системы голосования. Вплоть до начала XX в. в мире господствовала мажоритарная система. Однако в 1899 г. в Бельгии, а в 1920 г. — в Германии утвердилась пропорциональная система. Ее достоинство — справедливость представительства избирателей в органах власти. Однако, в отличие от мажоритарного способа, пропорциональное представительство порождает парламентскую нестабильность и способствует многопартийности.

Способ голосования оказывает немалое влияние на процесс взаимодействия избирателей с политической системой. Один из ведущих французских политологов Ф. Бро выделил несколько проявлений указанного процесса взаимодействия.

Ясность ставок. Всеобщий характер голосования предполагает, что право голоса приобретают не только активные в политическом отношении граждане, но и те из них, кто является аполитичным. И от волеизъявления последних могут зависеть и результаты голосования. Отсюда вытекает чрезвычайно важная роль ясности ставок при голосовании. Они должны быть изложены в понятной и даже в упрощенной форме. Любому избирателю, к примеру, на понятном языке должны быть изложены либо успехи проводившейся политики, если они действительно имели место, либо обоснования нового пути развития.

Мажоритарное голосование в двухпартийной системе делает предельно ясным предполагаемый выбор как с точки зрения пути дальнейшего развития, так и с точки зрения определения персоналий грядущего политического руководства страны. Сложнее дело обстоит при пропорциональной системе голосования, при которой соперничают множество партий и программ, а также лидеров. Однако в случае появления в обществе одной крупной проблемы (кризис, война и т. п.) все остальные темы отходят на второй план, а все политические формирования определяются по отношению к этой одной проблеме.

Свобода выбора избирателя является своеобразным противовесом ясности ставок. При голосовании мажоритарным способом в один тур (Великобритания) свобода выбора является минимальной — одно из двух. В той же системе координат, но при голосовании в два тура (Франция) избиратель в первом туре может голосовать за «свою» партию, которая может и не быть претендентом на победу на выборах. И только во втором туре он использует возможность так называемого «полезного голосования». Нетрудно видеть, что выбор избирателя в данном случае значительно шире.

Справедливость представительства избирателей также связана со способом голосования. При мажоритарном способе дает о себе знать неравенство в представительстве избирателей в силу того, что проигравшие вообще не представлены в выборных органах. Немалое значение при этом имеет такая характеристика, как число округов. Чем их меньше, тем больше голосов избирателей работают «вхолостую».

Совсем иная картина при пропорциональном способе голосования. Он позволяет иметь в органах власти представителей всех более или менее влиятельных политических партий. С этой точки зрения пропорциональная система голосования является более справедливой и потому нередко определяется как более демократическая, хотя и ведущая к большей неустойчивости политической системы.

Влияние голосования на состав правящего большинства. Мажоритарное голосование в один тур, как мы уже отмечали, дает возможность наглядно видеть итоги выбора избирателей. Каждый может заранее предполагать воз-

можного победителя. А после выборов сразу станет ясно, какая партия, какие лидеры возглавят политическое руководство страной. И избиратель ясно видит как «эффективность» выбора, так и свою возможность влиять на него.

Иная картина при пропорциональном способе. В этом случае правящее большинство зависит от договоренности «штабов» или руководителей политических партий после выборов. Причем эта договоренность осуществляется за спиной избирателя, а подчас и вопреки его выбору. Нельзя не согласиться с тем, что такая практика способна вызвать ощущение «несправедливости» результатов голосования, а также порождать чувство политического отчуждения.

Близость избранника и избирателя — это еще одна значимая характеристика взаимодействия избирателя и политической системы. В демократическом обществе для управляемых имеется возможность быть представленными в органах власти. И ощущение управляемыми своей представительности — важный момент легитимности политического режима, его социальной эффективности. И в данном случае первостепенное значение имеет не столько различие между способами голосования, сколько персонализация процесса избрания. Избрание конкретного лица (например, президента) создает в глазах граждан иллюзорный или реальный человеческий контакт, лежащий в основе эмоционального или политического измерения поддержки. Это наглядно проявляется в небольших по территории и населению округах, где решающее значение имеют прямые связи избирателей с избранниками. И наоборот, голосование по спискам отдаляет избранников от избирателей¹.

А. Способы политического участия

При всей важности голосования в политической жизни участие в ней не сводится к нему одному. В политологии выделяются несколько типов политического участия, интенсивность которого зависит от степени обязательств, стиля отношений граждан с политической системой. Это наглядно демонстрирует приводимая ниже таблица.

Способы отношений граждан с политической системой

Тип участия	Категории граждан	Формы участия	Кол-во, %
Активный нетрадиционный	Выступающие против существующего порядка	Участвуют в уличных манифестациях	3
		Восстают, если необходимо	2
		Решительно протестуют, если правительство совершает морально предосудительные действия	26
		Присутствуют на митингах протеста	6
		Отказываются подчиняться несправедливым законам	16
Активный традиционный	Местные активисты	Вместе с другими работают над местными проблемами	30
		Образуют группы для работы над местными проблемами	14
		Активная деятельность в местных организациях	8
		Контактируют с официальными лицами по местным проблемам (и они регулярно голосуют)	14
	Активисты как избиратели и сторонники	Активно работают на партию или кандидата	26
		Убеждают других голосовать за определенного кандидата	28
		Присутствуют на митингах и собраниях	19
		Участвуют в финансировании партий и кандидатов	13
		Поддерживают политическую партию	35
	Контактирующие	Являются кандидатами на выборную должность (регулярно голосуют)	3
		Информированы о политической жизни	67
		Участвуют в политических дискуссиях	42
		Пишут письма в газеты	9
		Отправляют послания политикам (голосуют достаточно регулярно)	15
		Специалисты по контактам	Контактируют с официальными лицами на местном или национальном уровнях по частным проблемам (в остальном же они не активны)
Пассивная поддержка	Избиратели и патриоты	Регулярно голосуют на выборах	63
		Любят свою страну	94
		Подтверждают свой патриотизм, являясь знаменосцами при проведении мероприятий	70
		Платят все налоги	94
Апатичные	Неактивные	Не голосуют и не участвуют	22
		Не испытывают патриотических чувств	3,5

Источник: Milbrath L., Goel M.L. Political participation. Chicago, 1977; Mayer N., Perrineau P. Les comportements politiques. P., 1992. P. 15.

¹ См.: Braud Ph. Sociologie politique. P., 1992. P. 236–242.

Как видим, **традиционное** (его иногда называют **ортодоксальным**) участие представлено 4 типами: местные активисты, активисты в качестве избирателей и сторонников, контактирующие и специалисты по контактам. Эти категории граждан весьма активное участие принимают в избирательных кампаниях. **Традиционное участие обеспечивает устойчивость и функционирование политической системы, а также предъявление требований к ней, выраженных в законных формах.**

Но не следует забывать и о том, что весьма активны как в избирательных кампаниях, так и в других видах политической деятельности те, кто по приведенной выше классификации отнесен к гражданам, выступающим против существующего порядка в обществе. К этому типу политического участия относятся и несанкционированные действия, связанные с выражением требований и направленные против существующей политической системы. Такое участие получило наименование **протестного**.

Политическое участие часто подразделяют на автономное и мобилизационное.

Автономное участие — это свободная добровольная деятельность людей, преследующих личные или групповые интересы.

В отличие от него, **мобилизационное участие** носит принудительный характер. Стимулами политической активности становятся страх, административное принуждение, традиции и т. п. Как правило, мобилизационное участие направлено на поддержку политической системы и его целью является демонстрация преданности правящей элите, всенародного единства и одобрения проводимой политики. Подобное участие ни в коей мере не является средством реализации групповых интересов. В определенном смысле его называют квазиучастием.

В любом обществе, в любой политической системе присутствуют элементы того и другого типа участия. В тоталитарных и авторитарных режимах доминирует мобилизационный тип участия. Демократии в большей степени присущ автономный тип, хотя и при демократическом режиме присутствуют элементы мобилизационного поведения людей. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры манипулирования сознанием на основе разнообразных «грязных» политических технологий.

15.3. Факторы политического участия

Для всех демократических режимов характерен принцип политического эгалитаризма. Все граждане имеют равные условия для участия в политической жизни. Однако реальность такова, что принцип политического равенства граждан уживается с социальной иерархией, сложившейся вокруг социопрофессиональных категорий, уровня образования или доходов, классовой принадлежности и т. д. Многими исследованиями по разным странам установлено, что более высокому социальному и экономическому статусу индивида соответствует и большая политическая активность. Политическая обязательность достаточно жестко подчиняется следующей логике: определенная социальная позиция, вызывающая ощущение социальной и политической компетенции, порождает определенный уровень политического участия.

Осмысление политического участия предполагает способность понимать специфику политической среды. А эта способность, как отмечал П. Бурдьё, «неотделима от более или менее сильного чувства компетентности в полном смысле этого слова, т. е. социально признанной способности заниматься политическими делами, высказывать свое мнение о них или даже с его помощью изменять их курс»¹.

Когда же этого чувства компетентности нет, гражданин чаще всего оказывается беспомощным и исключает сам себя из политической жизни.

Компетентность и беспомощность в политических вопросах распределяется среди населения в соответствии с определенной закономерностью. Индикатором политической компетентности является уровень ответов и неотчетов на политические вопросы при опросах. Как отмечает П. Бурдьё, склонность отвечать на политические вопросы прямо пропорциональна «чувству обладания правом голоса», которое, в свою очередь, зависит от позиции, занимаемой в социальном пространстве². И неудивительно, что подчиненные, или «господствуемые», классы, социальные слои необходимыми знаниями для понимания политической жизни не обладают и, как следствие, не принимают в ней участия.

¹ Bourdieu P. La distinction. P., 1979. P. 466.

² Ibid. P. 180.

Решающее значение в степени политической активности и компетентности имеет образование. Статистика по всем странам позволяет делать вывод: более образованные люди более активны в политическом отношении. Причем влияние фактора образования подчас оказывается выше, чем влияние таких факторов, как уровень доходов или профессия. Политологи объясняют это тем, что образование играет первостепенную роль в процессе политической социализации личности. И дело не только в общем уровне культуры. Для политической активности требуется способность личности анализировать идеи, концепции, нужно обладать способностью классифицировать политические явления, оценивать политические позиции организаций, в том числе партий и т. п. Словом, для осознанного политического участия необходим определенный уровень политической подготовленности, что обеспечивается в процессе образования.

Чувство политической компетентности, прямо связанное с уровнем образования, зависит и от места индивида в социальной системе. Дело в том, что масштабы политического участия той или иной социальной категории зависят не только от воздействия социально-политического неравенства. Сказываются и иные факторы, такие, например, как среда обитания. Так, степень политического участия, как правило, выше в сельской местности, что объясняется близостью отношений между людьми. В сельской местности отмечается более сильное групповое «давление» (семья, соседи, друзья) на индивида.

А. «Биосоциальные» факторы политического участия

Политическая активность граждан испытывает определенную зависимость от их *пола* и *возраста*. Известно, что молодежь менее активна, чем люди старшего возраста; люди преклонного возраста не более активны при голосовании, чем 30–40-летние граждане. Политическое участие является максимальным у поколения 50–60-летних граждан. Женщины чаще всего менее активны, чем мужчины.

Отмечая эти явления как некие закономерности, заметим, что данные факторы не оказывают прямого влияния на *выбор* избирателей. Расхожими являются нередко утверждения о том, что женщинам присущ в определенной мере «консерватизм». Если это действительно так (а это

может быть подтверждено и итогами голосования отдельных групп женщин), то это зависит не столько от их физиологических особенностей, сколько от характера трудовых отношений и социальных ролей разных категорий женщин.

Политическое участие испытывает влияние и такого фактора, как *поколение*. Публицистика России в последние годы уделяла, например, немалое внимание проблеме поколения «шестидесятников», с деятельностью активной части которого связываются те глубокие политические преобразования, которые происходят в нашей стране в последние десятилетия. Много в последние годы говорят и о поколениях молодежи перестроечного периода, их месте в политическом развитии и т. п. Политологи нередко говорят об *эффекте поколения*, т. е. о характеристиках, общих для индивидов одного возраста, являющихся результатом особых демографических, социальных или политических конъюнктур (военный конфликт, конъюнктура на рынке труда, глубокий экономический кризис и т. д.). Однако влияние феномена определенного поколения является «переменной слабого значения»¹. Но это не значит, что ею можно пренебрегать. Этот феномен способен, и подчас достаточно сильно, корректировать влияние возраста, пола, места проживания на характер и интенсивность политического участия.

Политическое участие населения во многих странах строится вокруг оси, делящей субъектов политики на «левых» и «правых». Все политические партии, соперничающие в борьбе за власть, самоидентифицируются вокруг указанной оси, занимая место между крайне левыми и крайне правыми. Подобное политическое пространство формируется в последние годы и в России. И вместе с партиями осуществляется разделение избирателей. При этом это разделение коррелирует с *принадлежностью* граждан к той или иной *социальной категории*. Так, повсеместно наиболее благополучные социальные группы, скорее, голосуют за правых, чем за левых. Рабочие чаще голосуют за левых, хотя это в меньшей степени относится к более благополучным слоям этого класса — мастерам и высококвалифицированным рабочим. Такая закономер-

¹ См.: Percheron A. La socialisation politique, défense et illustration // Gratz M., Leca J. Dir. Traité de science politique. P., 1985. P. 202

ность присуща для средних классов. Лица свободных профессий и высший слой управленцев голосуют за правых, профессора и преподаватели — чаще за левых. Служащие учреждений — за левых, фермеры — за правых.

Детерминация голосования через принадлежность к классу или социoproфессиональной категории проходит через ряд комплексных механизмов, таких как трудовые отношения, формирование и передача убеждений и верований, в том числе и унаследованных от прошлого, сплоченность группы, к которой относятся индивиды, и степень идентификации индивида с ценностями данной группы.

«Выбор» политической партии внутри одной и той же политической «семьи» тоже коррелирует с профессией или групповой принадлежностью индивидов. Здесь заложена глубинная тенденция, которая может поддаваться влиянию и других факторов. Так, скажем, рабочий на периферии ведет себя иначе, чем рабочий столицы, даже если они работают в одном и том же секторе экономики; «региональный контекст», специфическое социальное окружение, различные формы политического соперничества объясняют различия в политическом поведении людей, принадлежащих к одной и той же социальной группе; принадлежность к определенному классу является результатом взаимодействия осознания индивидом собственных условий общественного бытия и его «отклика» как избирателя на политические предложения (речи, программы, инициативы кандидатов в избранные и т. п.). И тем не менее принадлежность к определенному классу или социальной группе является существенным моментом в анализе политического участия.

Детерминация политической позиции не осуществляется механически. Безусловно, объективное положение (социальное и экономическое) индивида оказывает влияние на его выбор как избирателя. Однако этот выбор определяется еще и тем, что он (индивид) *интериоризировал* (усвоил, сделал «своими») убеждения, взгляды, предубеждения, присутствующие в среде его происхождения и жизнедеятельности.

Политическая позиция, активность и политическое участие не могут не испытывать влияния политических и идеологических факторов. Демократичность политической системы, разнообразие средств политического выражения граждан, степень децентрализации государства и т. п. создают предпосылки для более активного участия

граждан в политической жизни. Однако и здесь возможны парадоксы. Так, меры по децентрализации государственного управления, принятые во Франции в начале 80-х гг. прошлого столетия, не привели к значительному росту участия граждан в политической жизни. Аналогичная ситуация сложилась и в России. Демократические преобразования политической системы сопровождаются пока невысокой активностью граждан на выборах.

Выявлена и такая закономерность. В обществах, где социальные конфликты достаточно сильны, классовые партии, придающие этим конфликтам политическое выражение, способствуют политизации населения. Это влияние исчезает в тех случаях, когда политическая ситуация стабильна, а политическая и идеологическая жизнь строится вокруг сильной и влиятельной политической партии. Это свидетельствует о том, что на участие граждан оказывают сильное влияние идеологические ориентации и партийные пристрастия.

Б. Падение масштабов политического участия

В последние два-три десятилетия во многих демократических странах отмечена тенденция на снижение масштабов и уровня политического участия. Это получило выражение в снижении численности членов политических партий¹, а также в снижении поддержки избирателями некогда влиятельных партий. Особенно это относится к коммунистическим партиям, влияние которых во многих странах стало крайне низким.

¹ Показателен пример Французской коммунистической партии. После Второй мировой войны эта партия насчитывала более 600 000 членов. В 70-е гг. численность членов ФКП сократилась до 500 000. В настоящее время численность членов ФКП не превышает 200 000 членов. Подобная тенденция характерна и для Социалистической партии Франции. В начале 70-х гг. ФСП насчитывала 35 000 членов. В 1981 г. она достигла 200 000. В последующие два десятилетия численность ФСП сократилась на половину. Подобная тенденция отмечена и в стане правых политических партий Франции, например в партии Объединения в поддержку республики: численность членов этой партии сократилась с примерно 300 000 в начале 80-х гг. до 130 000 – 150 000 в середине 90-х гг. Не растет численность левых партий во Франции, хотя троцкисты получают немалую поддержку избирателей на последних выборах. Исключение составляет во Франции только Национальный фронт, численность которого в период с 1985 по 1992 г. выросла с 10 000 до 50 000 членов.

Политологи и социологи в последние два-три десятилетия с тревогой отмечают тенденцию снижения уровня участия избирателей в разного рода голосованиях. Набирает силу явление абсентеизма, что иногда называют проявлением политической апатии, охватившей значительную часть населения западных обществ. Это явление отмечено и в нашей стране, где в голосовании, за редким исключением, принимают участие немногим более четверти избирателей.

Причины апатии граждан различны. Некоторые политологи говорят о том, что неучастие в выборах и политике вообще связаны с некомпетентностью или безответственностью граждан. Однако исследования, проведенные еще в 40-е гг. прошлого столетия учеными Колумбийского и Мичиганского университетов в США, убедительно показали, что американский избиратель в массе своей очень плохо информирован, а потому не проявляет интереса и не ощущает своих обязательств в области политики. Иногда избиратели действуют весьма активно. Это относится и к тем, для кого характерна апатия в политическом поведении. Однако акт голосования в таком случае, скорее, является следствием сильного социального давления, результатом своеобразного конформизма по отношению к группе своей социальной принадлежности (семейной, профессиональной местной и т. д.), а не автономным и рациональным политическим действием.

В начале 60-х гг. прошлого столетия американские политологи Габриель Алмонд и Сидней Верба, на основе анализа политического поведения граждан ряда европейских стран, внесли некоторые уточнения в то, что называется диагностикой поведения избирателей. Они отметили, что чаще всего их поведение не может быть названо активистским и рациональным. Граждане в демократических странах в своем большинстве являются индифферентными и апатичными, и только меньшинство, элита, являются заинтересованными, активными и принимающими участие в политической жизни.

Справедливости ради нужно сказать, что указанный вывод Г. Алмонда и С. Вербы не привел их к заключению о том, что демократический характер политических систем поставлен под вопрос. На основе либерального подхода американские исследователи пришли к выводу о том, что гарантия существования и совершенствования демократии не сводится только к массовости участия граждан в

политической жизни. Не менее важное значение имеет то, что в демократическом обществе всегда имеется возможность для любого гражданина и для всех граждан вместе принимать участие в политической жизни. Кроме того, гарантией демократии является представительность во властных структурах на основе демократических процедур разных элит общества. На основе такого подхода весьма логичным выглядит следующее заключение: тотальное участие граждан в политической жизни не является обязательным признаком демократичности политической системы. Политическая некомпетентность значительной части граждан, порождающая политическую апатию, неизбежно ведет их по пути неучастия в политике. А если к этому добавить и то, что определенная часть граждан в демократическом обществе руководствуется в своем политическом поведении протестными настроениями, являющимися следствием известной враждебности к демократическим принципам и правилам политической игры, то становится понятным, что далеко не все граждане принимают участие в политической жизни.

Чем же определяется феномен абсентеизма в современных условиях? Какие факторы лежат в его основе?

15.4. Факторы абсентеизма

Нужно сказать, что неучастие в голосовании существует в двух своих выражениях. С одной стороны, существует так называемый абсентеизм из принципа. В любом обществе, как правило, существует более или менее многочисленная группа лиц, которая, например, в силу своего отрицательного отношения к данной власти, принципиально не принимает участия в выборах. Однако этой группой не ограничивается феномен абсентеизма.

Помимо политического абсентеизма из принципа существует и абсентеизм, который порождается влиянием, по крайней мере, двух групп факторов. Во-первых, выделим абсентеизм, возникающий под влиянием социологических факторов, порождаемых самим характером организации социального господства в обществе или частичной социальной интегрированностью определенной части граждан данного общества. А во-вторых, абсентеизм возникает и развивается под влиянием условий опре-

деленной избирательной кампании и политического контекста на политическое поведение граждан.

А. Отказ от политической игры?

Нередко, анализируя результаты той или иной избирательной кампании, политологи, эксперты, наблюдатели и политики говорят о том, что неучастие граждан в выборах является следствием их отказа от принципов, лежащих в основе электорального соперничества, а более широко — от принципов представительной демократии. При известной привлекательности такого рода аргументации она носит весьма ограниченный характер. Есть немало причин, которые способствуют развитию абсентеизма среди избирателей.

Назовем их. Прежде всего, нельзя не учитывать того факта, что среди значительной части избирателей, и особенно тех из них, кто не принимает участия в голосовании, в последние годы получили распространения настроения недоверия политическим партиям и политикам вообще. Многочисленные опросы, в том числе и в России, свидетельствуют о том, что многие респонденты не верят в способность политиков изменить что-либо к лучшему в жизни страны и ее граждан. Это особенно относится к той группе граждан, которая экономически, социально и культурно оказалась в неблагоприятной для себя обстановке. К этой же группе населения относятся и те, кто разучился верить в возможности что-либо изменить при помощи выборов. А это означает, что внутри этой группы есть немало людей, которые в силу сложившейся политической конъюнктуры не считают для себя возможным принимать участие в голосовании.

Б. Социальная позиция и электоральное участие

Как мы уже отмечали, существует отчетливо выраженная корреляция между социальной позицией и политическим участием. Она выражается в общем виде в том, что более обеспеченные материально и более успешные социально сограждане, как правило, более активны политически и принимают регулярное участие во всех избирательных кампаниях. И наоборот, лица, оказавшиеся в неблагоприятной для себя социальной позиции, нередко

подвергаются опасности политической апатии, проявлением чего является абсентеизм.

Социальное неравенство граждан, которое неизбежно проявляется в политической жизни в неравенстве доступа граждан к политической сцене, которые, вообще-то, являются, как мы не раз уже отмечали, равными между собой. Это может порождать сомнения в демократическом характере политического режима, который, по определению, объявляет свою приверженность к принципу равенства граждан.

«Скрытый ценз»

В конце 70-х гг. во Франции была опубликована книга Даниеля Гакси «Скрытый ценз», в которой он весьма убедительно показал существование в демократическом обществе феномена «политической сегрегации». В этой работе, в частности, было показано, что политическое и электоральное участие во многом является следствием степени *политизации* граждан, понимаемой как «степень, с какой они обращают свое внимание на политические события» или как более или менее значительное «внимание, уделяемое вопросам функционирования политического поля»¹. Степень политизации, в свою очередь, зависит от способности индивидов «придать смысл своему участию в политически ориентированной деятельности»². Эта способность предполагает владение политическим языком и схемами представлений, которые с ним связаны. А это в решающей степени зависит от степени *политической компетентности* и проявляется как следствие уровня образования (подтвержденного, например, дипломом) и социального происхождения индивидов.

Политическая некомпетентность, характерная для большей части членов общества, находящегося в неблагоприятной для себя ситуации, как правило, выводит их за пределы политического поля. Это связано с тем, что они оказываются просто неспособными автономно оценить политическое предложение с позиций своих собственных интересов (они им могут быть просто неизвестными), а потому становятся инструментом тех, кто господствует в по-

¹ Gaxie D. Le Cens caché. P., 1978. P. 45, 240.

² Ibid. P. 49.

литическом поле (политических партий и политических лидеров). Опираясь в том числе и на выводы П. Бурдые, Д. Гакси утверждал: «Политическое поле самим фактом своего существования содействует таким образом поддержанию политического господства правящих категорий. Преобразовывая социальную оппозицию в сеть специфических конкурентных отношений и превращая их в политические оппозиции, оно способствует также их сокрытию и затемнению тем самым отношений господства, которые лежат в их основании»¹.

Неудивительно, что проявления абсентеизма наиболее характерны для малообеспеченных групп населения, социально неблагополучных. Правда, в некоторых случаях, как показывают результаты выборов во многих странах, указанную социальную логику могут корректировать такие факторы, как среда проживания или принадлежность конкретных избирателей к тому или иному поколению. Не следует сбрасывать со счетов и классовую принадлежность, влияние которой в последние годы хотя стало и меньшей, но не исчезло полностью.

Степень социальной интеграции

Феномен абсентеизма неразрывно связан с тем, что в политической социологии получило наименование социальной интеграции. Еще в конце 60-х гг. прошлого столетия известный французский политолог Алэн Лансело «интеграцию в коллектив» определил как первичный фактор политического участия. Это позволило ему не только обойти при анализе политического участия привычный до того фактор классовой принадлежности, но и по-новому рассмотреть абсентеизм как политический феномен.

Вывод о том, что степень политического участия зависит от уровня интеграции в коллектив, позволил А. Лансело рассматривать участие в тесной связи с представлениями актеров политической жизни с их представлениями об обществе, о том месте, которое они в нем занимают, и легитимности их вмешательства в выбор своих политических ориентаций. Степень политического участия определяется в значительной мере формой профессиональной

интеграции. Индивиды могут быть активными и неактивными, обладать устойчивой занятостью или временной, характеризоваться большей или меньшей степенью географической мобильности и т. д. Политическое участие испытывает влияние так называемой «семейной интеграции», которая различается под влиянием таких факторов, как холостой или семейный человек, замужество или женитьба, наличие детей в семье и т. д.

Короче говоря, семья, географическая и профессиональная стабильность и включенность в жизнь местного сообщества способствуют тому, что индивиды более активно участвуют в голосовании. Это все усиливает ряд таких факторов, как возраст, уровень образования.

Нужно сказать, что социальная интеграция является изменчивым феноменом. Она может меняться у одного и того же индивида на протяжении его активной жизни, т. к. сама эта жизнь не является застывшим и неподвижным феноменом. Никто в обществе с рыночной экономикой не застрахован от безработицы, от подчас вынужденной, географической мобильности, от изменения семейного положения в самом широком смысле этого слова (рождение детей, неустойчивость внутрисемейных отношений, разводы и т. д.). А потому и абсентеизм нужно рассматривать с учетом меняющейся степени социальной интеграции индивидов.

Ко всему сказанному применительно к социальной интеграции и связанному с ним абсентеизму нужно добавить влияние политического фактора или, говоря иначе, — политической конъюнктуры.

В. Влияние конъюнктуры голосования

Феномен абсентеизма, как и голосование как таковое, нужно рассматривать с учетом электоральной конъюнктуры. Взять, скажем, вопрос типа выборов, в которых принимают или не принимают участия избиратели. Статистика по многим странам показывает, что электоральная мобилизация испытывает прямое влияние типа голосования. Так, уровень электорального участия на президентских выборах, как правило, значительно выше, чем, к примеру, на муниципальных выборах. Опыт европейского строительства, т. е. создания единой Европы, показывает, что участие граждан в европейских выборах характеризу-

ется крайне низкой активностью избирателей, а значит, высокой степенью абсентеизма. Во многом это объясняется отчуждением многих европейцев от наднациональных политических институтов.

Отмечается и еще одна особенность. При голосовании в два тура активность избирателей во втором из них является более высокой, а значит, степень абсентеизма меньше, чем в первом туре голосования.

На масштаб абсентеизма оказывает влияние и календарь выборов. Во многих странах выявляется закономерность, связанная с тем, что частое проведение выборов, между которыми малый временной интервал, ведет к так называемой «усталости» избирателей, что способствует росту абсентеизма.

И наконец, масштаб абсентеизма может возрасти в стране в тех случаях, когда та или иная влиятельная политическая партия призывает своих избирателей не принимать участия в голосовании.

Ставки, политическая конъюнктура и абсентеизм

Как мы уже отмечали, при проведении любых выборов всегда есть некоторые темы, которые максимально тревожат избирателей и которые накладывают отпечаток не только на дебаты, ведущиеся в обществе, но и на сам характер голосования. И эти ставки в определенной мере определяют масштаб электоральной мобилизации избирателей.

Поясним. Главной ставкой президентских выборов в России в 1996 г. было определение пути дальнейшего развития страны: либо продолжение демократических преобразований, что связывалось с фигурой бывшего тогда президента Б.Н. Ельцина, либо в определенной мере «откат» назад (как это интерпретировалось в средствах массовой информации), если победителем на выборах оказался бы лидер коммунистов Г.А. Зюганов. Вне всякого сомнения, указанная ставка содействовала активизации избирателей и, значит, снижению абсентеизма.

Нечто подобное, по сути, повторилось, еще более ярко выраженным на президентских выборах 2002 г. во Франции, когда во второй тур вышли нынешний президент Жак Ширак и лидер Национального фронта Жан-Мари Ле Пен. Оглушительная победа Ж. Ширака во втором

туре выборов была достигнута за счет высокой мобилизации избирателей в его поддержку.

Учет политической конъюнктуры выборов позволяет осмысливать феномен абсентеизма в таком аспекте, в котором объяснения, основанные на учете таких факторов, как социальная позиция или социальная интеграция, оказываются неэффективными. Так, к числу тех, кто не принимает участия в голосовании в демократических странах, относятся не только представители социально неблагоприятных слоев населения, но и те абсентеисты, кто к указанным слоям не относится.

Более того, в последние два-три десятилетия увеличивается число абсентеистов, которых никак нельзя назвать политически некомпетентными. Их неучастие в голосовании определяется отказом принимать участие в выборах в той реальной конъюнктуре, в которой они проводятся, а также и правилами их проведения.

Что это означает? Рост абсентеизма все чаще связывается с неудовлетворенностью избирателей теми неубедительными политическими предложениями, которые им предлагаются, теми кандидатами и даже партиями, которые мало отличаются друг от друга, растущим недоверием политикам разных политических ориентаций. В последнее время недовольство среди корпуса избирателей многих стран объединенной Европы вызывает процесс европейской интеграции, которая все больше угрожает потерей страной своего национального суверенитета. Опасение многих избирателей вызывает и процесс глобализации, вызывающей далеко не однозначные для любой страны последствия.

Отметим и еще одно обстоятельство. Утверждение в качестве главенствующих либеральных ценностей в странах Запада ведет к усилению феномена индивидуализма в политической жизни. Повсеместно все больше снижается влияние на голосование так называемого социального принуждения. Индивид становится все более самостоятельным в принятии политических решений, в том числе и решений не принимать участия в голосовании. Происходит, как говорят некоторые политологи, утрата священного характера голосования. Французские политологи, в частности, говорят о «кризисе гражданственности».

Раздел VII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ

Глава 16

ГРАЖДАНСТВО: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

План главы

- 16.1. Гражданство и формирование политического общества.
 - А. Равенство граждан как необходимость.
- 16.2. Измерения гражданства.
 - А. Юридический статус как система прав и обязанностей граждан.
 - Б. Система нормативных ценностей и представлений.
 - В. «Обычные» представления граждан.

Фигура гражданина, наделенного правами и долгом, а также суверенитетом, находится в центре современной демократии. Однако само понятие «гражданин», «гражданство» является комплексным. Оно характеризуется известным множеством измерений, изменяется во времени и пространстве, наделено ценностями и юридическим статусом.

В Древней Греции гражданин противопоставлялся мекетам, рабам и негражданам иностранного происхождения. В современных условиях гражданство неотделимо от понятия «нация» и неразрывно связано со становлением государственности, в частности в ее современной форме.

Исторически получилось так, что становление демократии и формирование государств и наций осуществлялось на параллельных курсах. После исчезновения династических государств в Европе, например, утверждались новые социальные связи, на основе которых сформировалось сообщество граждан, которое одновременно было и национальным сообществом. Следствием этого был следующий факт: гражданин государства является членом

нации. Юридически «гражданство может быть определено как использование гражданских прав, связанных с национальностью»¹.

Как мы уже отмечали, в XIX в. повсеместно, во всяком случае в Европе, на основе объединения множества местных сообществ сформировались национальные общества, имевшие строгие национальные границы. И в этом территориальном оформлении и закреплении национальных сообществ немалое значение имело все то, что связано с гражданством. Гражданство характеризовалось тем, что любой член сообщества идентифицировал себя не столько своей связанностью с местными сообществами, что, конечно же, в некотором отношении сохранялось, сколько связанностью с государством. И потому гражданственность, в свою очередь, непосредственно участвовала в формировании национального сообщества.

Правда, историческая связь между гражданственностью и национальностью время от времени ставилась и продолжает ставиться под вопрос на субнациональных уровнях, когда те или иные местные сообщества стремятся добиться суверенитета и выдвигают в этой связи свои права на оформление некой новой гражданственности местного измерения. В последние десятилетия получает развитие и иное, **наднациональное** измерение гражданственности. Это связано с развитием интеграционных процессов в ряде регионов, и прежде всего в Европе, где возникает и утверждается понятие «гражданин Европы», «европеец», чему способствует деятельность Евросоюза и Европарламента.

16.1. Гражданство и формирование политического сообщества

В современных условиях, как мы уже отметили, гражданство неотделимо от демократии. Само понятие «гражданство» отражает личную зависимость каждого члена общества от Суверена и подчинение ему (Суверену). Эти вертикальные связи дополняются при демократии горизонтальными связями, на основе которых образуется объединение граждан, обладающих одним и тем же стату-

¹ Hermet G., Badie B., Birnbaum P., Braud P. Dictionnaire de la science politique et des institutions politiques. P. 46.

сом, одной и той же идентичностью и равенством. И именно это объединение является Сувереном в современных условиях.

Гражданство устраняет различие между частной и публичной сферами, образуя тем самым как бы единую публичную сферу, в которой каждый индивид-гражданин наделяется равными правами в сравнении с другими согражданами. Это и позволяет построить политическое общество, в котором все граждане политически равны между собой.

Указанный процесс иногда в политической науке называют политической «революцией». Эта революция вписывается в более широкую, по своей сути социальную трансформацию, в основе которой лежит разделение общественного труда, диверсификация и специализация социальных ролей, что приводит к растущей индивидуализации всех общественных отношений, характерной для современных демократических обществ.

Следует сказать и о том, что понятие «гражданство» вписывается в историческое развитие, в ходе которого устраняются модели так называемых традиционных обществ и утверждается контрактная форма социальной организации.

Нужно сказать, что становление гражданственности, основанное на политическом равенстве всех сограждан между собой, не устранило, а подчас даже усилило неравенство условий существования людей в современных обществах.

А. Равенство граждан как необходимость

Понятие «гражданство» является, по сути, комплексным понятием. Это определяется, в частности, хотя бы тем, что оно связано с комплексными понятиями и историческими феноменами, какими являются, например, демократия, нация, социальная интеграция и т. д. Понятие «гражданство» опирается на метафорический, или «теоретический», разрыв (или различие) между *реальным, конкретным и множественным индивидом* и *универсальным» гражданином*.

Данное положение носит принципиальный характер потому, что позволяет теоретикам и политикам основываться на постулате о равенстве граждан. Однако этот

постулат является фикцией, которая может подвергаться (и она подвергается) критике, указывающей небезосновательно на фиктивный характер равенства в демократических обществах. Эти общества по определению являются обществами, в которых в большей или в меньшей степени царит неравенство реальных граждан между собой.

Обратим свой взор к истории становления данного понятия. Концепции гражданства свои теоретические и исторические истоки берут в политических революциях XVII в. (Великобритания) и конца XVIII в. (США и Франция), которые утвердили новый политический порядок в этих странах. Этот порядок назвали либеральным потому, что он был нацелен на сохранение и дальнейшее развитие индивидуальных свобод и опирался на принцип представительства, который позволял подтверждать легитимность власти, основывающейся на воле управляемых, которая получает свое выражение через деятельность законодательно определенных политических институтов.

Новый социальный и политический порядок определялся тем, что он опирался на индивидов, равных между собой в правах. Эти индивиды были изначально равны перед законом, что обеспечивалось постепенным устранением привилегий аристократии и служителей культов, эмансипацией представителей различных этносов и т. д. А потому и идея гражданства символизировала и конкретизировала собой концепцию нового социального и политического порядка, основанного на равных между собой гражданах. Иными словами: вертикальные связи монархического общества были как бы превращены в горизонтальные связи, на основе которых индивиды, равные между собой, объединялись в единое общество, а суверенитет монарха переходил к нации, т. е. к коллективу равных между собой граждан страны.

Превращение индивидов в граждан предполагает их возвращение к человеческой природе. Они стали рассматриваться в отрыве от их исторической идентичности и принадлежности к тем или иным социальным, религиозным, культурным и т. д. группам, в рамках которых утверждаются различия и неравенство между людьми. Такой подход был необходим для того, чтобы в общественной жизни утвердился принцип равенства, применительно к теориям общественного договора.

Поясним. Человек является Сувереном в естественном состоянии, а в политическом обществе, основанном на общественном договоре, индивиды равны (должны быть равны) между собой. Гражданство, таким образом, строится в перспективе утверждения универсального подхода (универсализма как принципа), т. к. оно основывается на том, что является общим для всех людей, какой бы ни была их историческая принадлежность. Гражданство основывается на фикции, или постулате, равенства граждан, которые оставляют в стороне вопросы реально-го неравенства людей между собой. Бедные и богатые как граждане равны между собой, но это не отменяет имеющегося реально между ними неравенства. Это означает, что равенство граждан является равенством гражданским (равны в правах и перед лицом права), а также равенством политическим (имеют равные права на участие в принятии политических решений и имеют одинаковый вес в решении: «один человек — один голос»). Таким образом, *граждане равны между собой, но это равенство существует только в политической сфере, в которую вписывается и феномен гражданства.*

В политической науке различают две основные концепции гражданства — французскую и англосаксонскую. Французская концепция гражданства берет начало во Французской революции и акцентирует внимание на различии между публичной и частной сферами. При этом, согласно данной концепции, культурная и социальная идентичность и принадлежность индивидов относится к частной сфере, что и создает предпосылки для утверждения равенства граждан.

В англосаксонской традиции гражданство относится к реальным индивидам, наделенным политическими и гражданскими правами. Вот как это комментирует Доминик Шнаппер: «Гражданин, "по-английски", является прежде всего либералом. Он требовал личной безопасности, свободы мысли, слова и действия. Его либерализм потом был демократизирован на основе распространения политических прав на всю совокупность граждан. Гражданин, "по-французски", является наследником королевского абсолютизма, который утвердил прямые отношения между королем и его подданными, и в силу этого он является демократом, прежде всего обладающим политической свободой на основе участия в отпращивании коллективно-

го суверенитета. Для него демократические принципы не требуют обязательного уважения либеральных свобод и либеральных ценностей»¹.

Таким образом, англосаксонская традиция признает легитимность частных идентичностей и историческую принадлежность граждан, что она вводит на политическую сцену. Согласно этому подходу, общество предстает как совокупность этих различных идентичностей (и интересов). Можно сказать, что эта либеральная традиция является индивидуалистичной: она позволяет выдвижение требований о признании права на существование частных сообществ.

Что касается французской концепции гражданства, она все указанные различия и идентичности отсылает в частную сферу. Гражданин оказывается в качестве некой абстрактной фигуры, оторванной от своей социальной принадлежности и социальных различий, а потому на политической сцене общества он (гражданин) предстает как выразитель общей воли или как представитель нации².

Не составляет труда увидеть, что французская концепция гражданства во многом опирается на наследие Ж.-Ж. Руссо. С ней, вероятно, можно было бы соглашаться, если не учитывать того простого факта, что такая интерпретация гражданства может вступать в противоречие с реальной принадлежностью граждан к той или иной форме общественного существования (социальной, религиозной, культурной и т. д.). А это значит, что такое понимание гражданства вступает в противоречие с интересами граждан, затрудняя саму возможность их участия в реализации общего интереса. Такого рода обвинения в адрес концепции гражданства звучали уже в ходе Французской революции как со стороны контрреволюционеров, так и либералов.

Указанная проблема дает о себе знать и в наши дни. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что современные демократические общества стали значительно более терпимыми (толерантными) в отношении разного рода различий между людьми. Отражением этого стала получившая распространение в последние десятилетия концепция мультикультурализма, на основании которой открылась перспектива интеграции общества поверх раз-

¹ Schnapper D. Qu'est-ce que la citoyenneté? P., 2000. P. 49–50.

² См.: Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 331–332.

ного рода различий между его членами как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Правда, ряд событий последнего времени, например во Франции в конце 2005 г., когда вспыхнул бунт в пригородах Парижа, в котором приняли участие в своем большинстве лица нефранцузской национальности, а также ряд последующих событий и в других странах вызвали к жизни необходимость переосмысления иммиграционной политики страны. Более того, власти Франции были вынуждены признать ошибочность политики интеграции населения страны на основе принципов мультикультурализма, которая проводилась на протяжении трех десятилетий.

Об этом же свидетельствуют и события в ряде других стран. Так, в США большую озабоченность властей вызывает факт неуклонного и решительного увеличения нелегальной иммиграции, масштабы которой поражают воображение: она достигла 12 миллионов человек. А потому власти вынуждены ужесточать иммиграционную политику, в какой-то мере отступая от ее мультикультуралистской интерпретации.

Таким образом, проблема гражданства приобретает в последние годы новое качественное измерение, которое порывает во многом с прежними подходами, основанными на концепции мультикультурализма. Вот почему в наши дни политологи вынуждены вновь и вновь обращаться ко всему тому, что исторически было связано с критикой идеи гражданственности.

Формальное равенство и реальное неравенство граждан

Как мы уже отмечали, со времен Французской революции «гражданство по-французски» было подвергнуто решительной критике. Контрреволюционеры времен революции подвергали критике рационализм, положенный в основание социального и политического порядка, который в силу этого становился искусственным, недолговечным и угнетательским. Так, Эдмунд Берк (1729—1797) и Жозеф де Местр (1753—1821), подобно другим контрреволюционным мыслителям, исходили из убежденности в том, что организация человеческого общества определяется внешним и высшим, по отношению к воле человека,

порядком, и люди призваны следовать его установлениям. Некоторые из контрреволюционеров рассматривали такой порядок «естественным», в котором отражается Божественная воля, другие же связывали его с историей, традициями или обычаями. Однако и в том, и в другом подходе господствовало убеждение в том, что сами люди **не способны** создать более совершенные законы, по сравнению с теми, что вытекают из Божественного или естественного рисунка, который определяет, что называется, высший порядок. А потому рациональный порядок может навязываться только силой. И уже только поэтому он становится противоположным законам Бога, Провидения или Природы. Более того, он становится просто опасным для людей. Именно в рационализме и волюнтаризме многие из контрреволюционеров видели причину террора в годы Французской революции.

Такое понимание было связано с тем, что, по убеждению контрреволюционеров, гражданство как фикция лишало конкретного индивида разнообразия его социальной принадлежности, верований и идентичности, которые, с позиции революционеров, как бы угрожали политической организации общества. Волюнтаристское объединение граждан в итоге оказывалось возможным на основе принуждения и насилия, что и открывало путь террору.

Второй тип критики был связан с учением марксизма. Марксисты разоблачали иллюзию **формальной** буржуазной демократии и выступали с позиций обеспечения равенства граждан, которое скрывало **реальное** социальное и экономическое неравенство. Вот как об этом писал В.И. Ленин: «"Чистая демократия" есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих... Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных... только либерал может забывать **историческую ограниченность и условность** буржуазного парламентаризма... На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречаются угнетенные массы вопиющее противоречие между **формальным** равенством, которое "демократия" капиталистов провозглашает, и тысячами **фактических** ограни-

чений и ухищрений, делающих пролетариев *наемными рабами*»¹.

Представленная в данном фрагменте критика имеет две стороны. Эта критика объявляет вторичным равенство между гражданами. Даже если это равенство существует реально, оно в таком подходе мало что значит с точки зрения экономического и социального неравенства. Даже если равенство существует, оно ничего не меняет в судьбе эксплуатируемых.

Таким образом, требования справедливости, выражающиеся в утверждении равенства между людьми, в указанном подходе предполагают устранение неравенства в том, что касается условий жизнедеятельности людей. Это было отмечено еще А. де Токвилем. Он, в частности, писал: «...По мере того, как я занимался изучением американского общества, я все явственнее усматривал в равенстве условий исходную первопричину, из которой, по всей видимости, проистекало каждое конкретное явление общественной жизни американцев, и я постоянно обнаруживал ее перед собой в качестве той центральной точки, к которой сходились все мои наблюдения.

Затем, когда мысленным взором я обратился к нашему полушарию, мне показалось, что и здесь могу выделить нечто подобное тому, что я наблюдал в Новом Свете. Я видел равенство условий, которое, не достигая здесь, в отличие от Соединенных Штатов, своих крайних пределов, ежедневно приближалось к ним. И мне представилось, что та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе»².

Исходный тезис концепции А. де Токвиля состоял в следующем. По мере расширения и развития демократического процесса в мире утверждается формально-правовое равенство. Истоки этого процесса Токвиль связывает с возникновением христианства (все люди равны перед Богом), а применительно к своей эпохе он оценивает равенство как «демократическую революцию, простирающуюся на весь западный мир».

Нужно сказать, что А. де Токвиль пришел к выводу о том, что **социальное состояние, определяемое им как ра-**

¹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 251–252, 255.

² Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 27.

венство, является мотором демократических режимов. Оно определяет общественное мнение, чувства и страсти людей, определяет цели общества, тип человека, вызывающего восхищение современников, язык и даже характер человека. Характер социального состояния при демократии он оценивал как эгалитарный, разрушающий традиционную иерархию общества и политический патернализм. Для его утверждения на Старом континенте нужна революция. Эту революцию он называет неизбежной. А потому и борьба с ней бессмысленна.

Справедливости ради нужно сказать, что политическое равенство (равенство в участии в политической жизни) невозможно обеспечить, если сохраняется масштабное экономическое и социальное неравенство, принуждающее часть общества заниматься тем, чтобы обеспечить в условиях реального неравенства свое выживание. Для этой части общества — а она может достигать немалых размеров — главное выжить, свести концы с концами. Какое уж тут участие в политической жизни. Для того чтобы это участие было реальностью, как справедливо отмечает Д. Шнаппер, каждый гражданин должен располагать правом для того, чтобы питаться, иметь крышу над головой, иметь возможность реально воспитывать детей. Словом, как утверждает Д. Шнаппер: «Он должен иметь приемлемые материальные условия для того, чтобы реально пользоваться своими политическими правами. Этот принцип лежит в основании концепции государства всеобщего благоденствия, деятельность которого заключается в том, чтобы корректировать при помощи механизмов перераспределения богатства болезненные иногда результаты деятельности рынка. Он основывается на идее о том, что государство должно прямо или косвенно, во имя солидарности, порождаемой «сообществом граждан», компенсировать порочные социальные результаты, порождаемые строгой экономической логикой»¹.

При всей привлекательности такой аргументации преодолеть различие между абстрактным равенством граждан и реальным их неравенством никому не удавалось, тем более что политическое неравенство граждан определяется не только неравенством экономическим. Оно испытывает влияние того, что определяется в поли-

¹ Schnapper D. Qu'est-ce que la citoyenneté? P. 105–106.

тической науке как политическая компетентность, которая, в свою очередь, коррелирует с неравенством в социальных позициях.

На ином основании, не универсалистском, и в условиях иной политической традиции в США звучала подобная критика, которая была связана с утверждением так называемого *утвердительного действия*. Таким действием обозначается, как отмечали Реми Удгери и Даниэль Саббаг, «совокупность диспозиций, адаптированных, начиная с конца 60-х гг. (в США), различными организациями федерального административного аппарата, которые применяются в отношении членов различных групп, к которым в прежние годы в разной степени применялся юридически дискриминационный режим в том, что касается вопросов занятости, предоставления публичных рынков и поступления в университет»¹.

В инаугурационной речи президент США Линдон Джонсон в июне 1965 г. обосновал новый подход в американской политике. Он сформулировал ставшую известной следующую метафору: «Представим человека, который провел годы порабощенным. Вы его освобождаете и открываете для него путь к новой жизни, говоря: "Вы свободны для участия со всеми другими": можете ли вы из этого сделать вывод, что вы были "в полной мере справедливым"?»

И он добавил: «Мы не стремимся только к свободе, но это удобный случай для того, чтобы добиться не только равенства в правах или теории, но фактического равенства»².

Сторонники и противники позитивной дискриминации выдвигают две различные концепции равенства. Они могут быть сформулированы следующим образом: заключается ли равенство граждан в том, чтобы, следуя универсалистскому подходу, например, предоставить каждому в равной мере все то, что связано с правами, принуждением и т. п., или предоставить каждому в различной мере, опять же, все то, что связано с правами, принуждением и т. п., в зависимости от конкретной ситуации, в которой находятся те или иные граждане?

¹ Oudghiri R., Sabbagh D. Des usages de la «diversité»: éléments pour une généalogie du multiculturalisme américain // Revue française de science politique. 1999. № 49 (3). Juin. P. 444.

² Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 337.

В разных странах, в том числе и в Европе, под влиянием мультикультурализма в последние 2–3 десятилетия позитивная дискриминация получила свое юридическое закрепление в политике. Согласно такой политике, выходы, например, из стран «третьего мира» получали большие права, чем коренные граждане в решении вопросов получения разного рода пособий, доступа к системе образования и т. д. В итоге сложилась такая ситуация, когда реальное равенство противопоставлялось (и противопоставляется) равенству, гарантированному правом.

16.2. Измерения гражданства

В политической науке выделяют несколько измерений гражданства. Во-первых, необходимо указать на так называемый *юридический статус* гражданина, который определяет *систему прав и обязанностей* этого гражданина. Юридический статус является существенно важным измерением гражданства, т. к. прямо влияет на условия жизни гражданина в данном обществе. Это влияние определяется, говоря юридическим языком, во-вторых, *нормативной системой представлений и предписанным поведением*. И наконец, еще одно измерение гражданства определяется *совокупностью практик* (или «непрактик»), которые осуществляются гражданами, т. е. теми способами, с помощью которых граждане используют, применяют или соблюдают как систему прав и обязанностей, так и систему ценностей. Думается, нет необходимости доказывать, что на основе указанных измерений гражданства открывается возможность осмысления и осмысления политического поведения граждан как важного субъекта политических сил общества.

А. Юридический статус как система прав и обязанностей граждан

Как только что мы отметили, гражданство напрямую связано с правами и обязанностями индивидов, обладающих статусом гражданина. Остановим на этом свое внимание. В политической науке выделяют четыре типа прав:

- осуществление публичных свобод;
- право голоса (на выборах и референдумах);

- право быть избранным;
- доступ во властные структуры (в частности, в государственный аппарат).

Наряду с правами граждан в демократическом обществе имеет и ряд **обязанностей**, что обычно сочетается с подчинением граждан закону. Обязанности могут быть более или менее тяжелыми или «дорогостоящими» для граждан. Например, одной из важных обязанностей гражданина во многих странах является конституционно закрепленная обязанность прохождения для молодых людей воинской службы. Именно такая ситуация существует в России, где государство предусматривает, опираясь на положение Конституции страны, прохождение воинской службы по призыву.

Содержание прав гражданина не является раз и навсегда данным. Оно меняется как во времени, так и в пространстве. Причем это изменение происходит под влиянием политической борьбы и политических мобилизаций в этой связи. В 1950 г. Томас Хемфри Маршалл (английский социолог) предложил получивший впоследствии распространение свой подход к понятию «гражданство» как к своеобразному результату кумулятивного развития трех типов прав: гражданских, политических и социальных¹.

Гражданские права получают свое развитие в XVII—XVIII вв. Они связаны с осуществлением свободы слова, свободы мысли, правом собственности, правом на заключение контракта и особенно — с правом на справедливый суд. Признание и утверждение этих прав было выражено в факте принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. во Франции. На этом основании в последующем стала развиваться практика, связанная со становлением **правового государства и судопроизводства**.

В XIX и XX вв. получили развитие **политические права** с их последующей институционализацией в рамках представительной демократии. Наиболее полным выражением этой институционализации стал **парламент**.

И наконец, с конца XIX в. стали утверждаться **социальные права** в виде системы страхования, пенсионного обеспечения, поддержки инвалидов, а потом безработных, больных, лиц, лишенных ресурсов для жизни и т. д. Это получило свое практическое выражение в политике **государства всеобщего благоденствия**.

Природа указанных прав является различной. Так, гражданские права являются порождением «прав-свобод», которые, вслед за Исааком Берлином, можно назвать «негативными свободами», которые являются для индивидов гарантией от арбитража и нелегальных действий власти. Политические права являются «правами-участием», которые гарантируют участие граждан в политической жизни, позволяющими выражать общую волю граждан. Наконец, социальные права, которые иногда называют «правами-обязательствами», гарантируют индивиду хотя бы минимальные ресурсы и/или социальную защиту в случае болезни, безработицы и т. д.

Подход Маршалла вписывается в общие рамки анализа становления гражданственности и прав, которые с ней связаны. Он не может восприниматься однозначно. Это происходит потому, что предложенная им хронология становления гражданственности, прав и свобод граждан в полной мере применима к Великобритании. Строго говоря, периодизация становления гражданственности Маршалла не может быть применима, например, к целому ряду стран Европы. Следует сказать и о том, что анализ, о котором идет речь, исходит из того, что само становление гражданственности рассматривается как заверченный процесс, в ходе которого происходит социальная интеграция и утверждение мирных отношений между социальными классами и группами общества, исключающими взрывообразные революционные процессы. Однако это предположение Маршалла не получает подтверждения на практике. Нет-нет, да в той или иной стране происходят такие события, которые ставят под вопрос подобное представление о развитии социальных и политических процессов в странах Запада, например. Пример тому — бунт в пригородах Парижа в конце 2005 г., о котором мы уже упоминали, а потом массовые действия протеста студенчества против введения закона о первом найме в начале 2006 г. Подобное можно сказать и о событиях в Греции в декабре 2008 г.

Подход Маршалла был подвергнут критике и за то, что в нем не учитывается процесс дальнейшего развития прав и свобод граждан, а также появление новых проблем. Так, во многих странах существуют две большие группы граждан. Одна из них (она составляет большинство) представлена «коренными» гражданами и лицами, отнесенными к ним. А другая — теми социальными группами, кото-

¹ См.: Marshall T.H. Citizenship and social class and other essays. Cambridge, 1950.

рые, проживая в данной стране, такими правами либо не обладают, либо обладают ими не в полном объеме. Применительно к этой группе речь, значит, может идти о том, что они обладают в той или иной мере гражданскими и социальными правами, но зато весьма ограничены, а подчас и просто лишены политических прав.

И еще одно положение следует отметить. В условиях растущей глобализации, определяющей отношение между странами и положение в них граждан некоренной национальности, гражданственность испытывает влияние двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, национальная солидарность постепенно уступает свои монопольные позиции солидарности планетарной, в соответствии с которой формируется некое новое представление о гражданственности, когда национальные рамки становятся тесными, и, значит, требуется признание за всеми лицами данной страны всех прав, наравне с гражданами, определяемыми по национальному или территориальному признакам. С другой стороны, под влиянием ряда национальных движений в разных странах набирают силу тенденции дифференциации прав и свобод в зависимости от религиозной, культурной, социальной, национальной и т. д. принадлежности тех или иных групп общества.

Б. Система нормативных ценностей и представлений

Как мы уже отмечали, понятие «гражданство» связано с ценностями и представлениями нормативного характера, которые определяют самим фактом своего существования персону «хорошего гражданина». Эти представления различаются, имеют некие особенные черты в каждой из демократических стран. Но при всех различиях они имеют и некие общие черты, связанные с выражением социальных ожиданий людей, которые и закрепляются в понятии «гражданство». Эти общие черты напоминают то, что Ш. Монтескье определял как *добродетель*, лежащую в основании Республики. В то же время гражданственность в наши дни наделяется некими моральными и интеллектуальными характеристиками. Об этом, например, пишет французский политолог Жорж Бурдо: «Моральное качество, т. к. оно предполагает, что индивид не будет использовать свободу, которая ему при-

надлежит как гражданину для того, чтобы уклоняться от обязательств, которые на него возлагаются как на субъекта, напротив, он будет видеть в своей свободе как гражданина средство своего подчинения как субъекта, являющегося частью данного порядка. Моральное качество еще и потому, что оно предполагает полное участие индивида в политической жизни: гражданский дух исключает пассивное подчинение, а также эгоизм командования, и именно в этом смысле оно стирает антиномию между субъектом и гражданином, т. к., даже подчиняясь правилу, индивид рассматривает себя гражданином; он ощущает себя свободным даже в процессе подчинения, свободным по закону, который является его созданием и который обеспечивает его подчинение. Наконец, гражданство обладает интеллектуальным качеством в меру того, что оно предшествует пониманию человеком того, что его участие в коллективном действии... должно рассматриваться не как навязанный арбитраж, а как позиция, которая осмысливается как необходимое условие социального порядка, вне которого существует только мертвящее одиночество. Гражданство основывается на убеждении, что нет возможности сбегать (из общества. — В. Ж., М. Ж.)... Оно является смыслом солидарности»¹.

Понятие «хорошего гражданина» предполагает *абсолютное уважение к закону*. Это уважение является не столько результатом угрозы санкций, сколько результатом приверженности гражданина принципам общей воли. «Хороший гражданин», конечно же, не ограничивается уважением к закону и соблюдением правил, вытекающих из требований закона. Не менее важное значение имеют верования, позиции гражданина и то, какое поведение вытекает из чувства гражданственности. Так, «хороший гражданин» характеризуется проявлением *интереса и внимания к публичным делам*, что находит свое выражение в осмыслении публично значимой информации и в размышлении над ключевыми вопросами переживаемого страной момента. В итоге формируется и действует так называемый просвещенный (информированный) гражданин, способный осознанно действовать в политической сфере. Это проявляется в его регулярном участии в голосовании, по результатам которого принимаются важные

¹ Burdeau G. Traité de science politique. T. V: Les régimes politiques. P. 1985. P. 54.

политические решения и определяются судьбы дальнейшего развития страны. Иногда это называют заботой об общем благе.

«Хороший гражданин» характеризуется также **добровольным участием в служении коллективу**, частью которого он является. Указанная черта может быть названа как участие в реализации общего интереса. Этот общий интерес проявляется в разного рода общественных действиях, а также в соблюдении своих обязательств перед обществом в виде уплаты налогов, поддержки действий государства по социальной защите различных социальных групп и т. д. Добавим. Служение обществу, являющемуся проявлением гражданственности, в определенных ситуациях может рассматриваться как черта **патриотизма**, что также является характеристическим элементом «хорошего гражданина».

«Хороший гражданин» обладает чувством гражданского долга, который предписывает ему вполне определенное поведение, в том числе и поведение, связанное с признанием существующего общественного порядка. Сюда относится и все то, что связано с вежливостью, уважением к другому (в самом широком смысле этого слова), что не гарантируется и не предписывается правом. Однако это имеет прямое отношение к поддержанию всего многообразия социальных отношений в обществе. Речь, значит, идет о некоей совокупности моральных обязательств, которые для индивида являются формой социального принуждения.

Так, важным проявлением гражданственности является участие индивидов в выборах. Однако во многих странах набирает силу явление, которое получило название абсентеизм, т. е. неучастие в голосовании. Это проявляется весьма активно в нашей стране, где даже на официальном уровне выборы признаются состоявшимися, если в них принимают участие свыше 25 процентов избирателей. В итоге предполагается, что до 75 процентов потенциальных избирателей не принимают участия в выборах. Это весьма плохой показатель для гражданства и демократии.

В этой связи представляет интерес феномен, названный Элизабет Ноэль-Неуман «спиралью молчания». Остановим свое внимание на этом феномене, который непосредственно связан с общественным мнением. Э. Ноэль-Неуман «определяет общественное мнение как мнение, которое

может быть выражено публично, без опасения санкций, и на которое может опираться действие, публично осуществляемое... Другими словами, общественное мнение можно определить как господствующее мнение, которое определяет позицию и поведение подчинения, как мнение, угрожающее не подчиняющемуся ему индивиду изоляцией, а политику — утратой народной поддержки»¹.

Э. Ноэль-Неуман исходит из гипотезы о том, что индивиды квазистатистически знают о распределении мнений внутри общества, в котором они живут, и образе социальной действительности, который содействует этим мнениям. Это знание в значительной мере формируется под влиянием средств массовой информации.

«Диспозиция индивида, — согласно Э. Ноэль-Неуман, — в публичном представлении своей точки зрения, в соответствии с оценкой, которую он выводит из распределения мнений внутри своего социального окружения и тенденций, которые характеризуют соответствующие выгоды, вытекающие из этих мнений. Он будет тем лучше предрасположен выразить свое мнение в том случае, когда он полагает, что его точка зрения будет господствующей точкой зрения; если же она не является еще господствующей, то начинает получать широкое распространение»².

Мнения, отражающие позиции меньшинства, получают ограниченные возможности для своего выражения в обществе. В том числе они не получают своего выражения и в опросах общественного мнения. А те мнения, которые относятся по своему содержанию и характеру выражения к мнениям экстремистским, не только ограничиваются самим обществом, но даже и в опросах анонимного характера умалчиваются их сторонниками. А потому наиболее точным выражением общественного мнения являются выборы.

Самоограниченность в выражении своего мнения меньшинствами в опросах, ограниченные возможности в их публичном выражении затрудняют, а иногда делают невозможным донесение его до общества. Этот процесс развивается, как утверждает Э. Ноэль-Неуман, по спирали, в которой молчание порождает молчание³.

¹ Noëlle-Neumann É. La spirale du silence. une théorie de l'opignon publique // Hermès. 1991. № 4. P. 182.

² Ibid. P. 183.

³ См.: Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 343–344.

Можно говорить и еще об одном измерении гражданственности, которое сильно дает о себе знать в последние годы. В странах Европы, в частности во Франции, большое беспокойство вызывает то, что определяется как кризис цивилизованности. Раздражение граждан вызывает все увеличивающиеся в последние годы проявления нецивилизованного поведения, т. е. поведения, редко выходящего за пределы норм закона, но вступающего в противоречия с принятыми нормами морали и нравственности. Такое поведение присуще части молодежи, и прежде всего молодежи из числа выходцев из некоренного населения.

В. «Обычные» представления граждан

Помимо прав и обязанностей граждан, определенных законом и поддерживаемых гражданской моралью, с одной стороны, и реально наблюдаемой практикой граждан, с другой стороны, политологи указывают и на третье измерение гражданства. Речь идет об «обычных» представлениях граждан, которые Жан Лека назвал «гражданство для себя»¹. Это понятие характеризует способ, каким сами граждане для самих себя определяют и воспринимают гражданство. При помощи данного понятия открывается возможность оценить и осмыслить разнообразие принадлежности или обязательств и предрасположенности к обязательствам и участию в политической жизни. А также открывается возможность определить пути и формы этого обязательства (ассоциативный или стороннический активизм, благотворительная деятельность, протестное обязательство и т. д.).

«Быть гражданином» означает далеко не одно и то же для всех индивидов. Жан Лека выделяет два измерения «гражданства для себя». Прежде всего, это *чувство принадлежности*, которое проявляется у каждого индивида по-своему. Быть гражданином означает в данном случае ощущать свою принадлежность к определенному коллективу, смысл и определение которого не является однозначным в восприятии индивидов. Во-вторых, «гражданственность для себя» выражается в *чувстве обязательности*, т. е. осознании своей ответственности, а также своего поведения по отношению к группе.

Чувство принадлежности, применительно к гражданственности, может проявляться по трем линиям, на основе которых происходит объединение разрозненных индивидов в группу.

По линии *частное—общее* можно выделить: в разряде *частное* — группы интересов, социальный класс, профессиональное объединение, а также более универсальные группы (церковь, интернационал и т. д.). *Общее* получает выражение в становлении и существовании политического сообщества.

По линии *сообщество—общество* выделяются в разряде «сообщество» — чувственные, предписанные группы (семья, секты и т. д.), в разряде «общество» — контрактно организованные группы, характерные для трудовых отношений, для клиентов и т. д.

По линии *низ—верх* в разряде «низ» чувство принадлежности восходит по вертикали местное сообщество-региональное, сообщество-национальное, сообщество и наднациональное сообщество.

В том, что касается *чувства обязательности*, концепция гражданственности также может рассматриваться по трем линиям. По линии *публичное—частное* можно выделить *чистую «гражданственность»* (готовность отдать жизнь за Родину) и *гражданственность*, связанную, например, с выполнением семейных обязанностей. По линии *конформизма—автономии* — от конформизма (не участвовать в истории) к индивидуализму (действовать по своим убеждениям). По линии *права—обязанности* — от требования прав к признанию своих обязанностей.

Позиционирование по каждой из шести линий выражается во множестве конфигураций обычных представлений и представлений «для себя», связанных с гражданством. Вслед за Ж. Лека можно выделить две пары такого рода представлений.

Французский политолог Софи Дюшесн на основе эмпирических исследований предприняла попытку выразить все то, что связано с гражданством применительно к Франции времен окончания прошлого столетия. Она выделила две модели представлений о гражданстве: гражданство по *наследию* и гражданство по *совести*. В чистом виде указанные модели не встречаются, но на основе их пересечения друг с другом возникают различные подмодели,

¹ См.: Leca J. Individualisme et citoyenneté // Birnbaum P., Leca J. (dir.). Sur l'individualisme. P., 1991. P. 159–209.

которые позволяют понимать и объяснять гражданство. Во всяком случае, есть возможность выявить связи феномена «гражданство» с национальностью, с одной стороны, и место индивида в коллективе — с другой.

Модель по *наследию* строится на отождествлении гражданства, национальности и национальной идентичности, а потому термины «француз» и «гражданин», «англичанин» и «гражданин», «венгр» и «гражданин» и т. д. являются эквивалентными. Гражданство вырастает на основе общего наследия, передаваемого семьей и всем тем, что связано с государственно-национальным образованием (история, земля, язык и национальная культура). При этом нация как некая рамка принадлежности и идентификации индивидов является средоточием связей между индивидами, подобным семейным связям. Это *холистская* концепция гражданства. Согласно ей, на переднем плане находится сообщество, а индивид является наследником всего национального. И его обязанностью является сохранение и передача будущим поколениям национального достояния.

В отличие от названной нами модели, модель по *совести* предстает как индивидуалистическая и универсалистская концепция, в которой коллектив граждан воспринимается как способ существования на основе контракта индивидов и государства-нации, как некая рамка, препятствующая признанию общей принадлежности индивидов к человечеству. Однако индивид имеет обязательства перед своими согражданами: быть гражданином означает вести себя по отношению с другими членам коллектива на основе уважения их как равных человеческих существ. Это предполагает активное участие в политической жизни. А потому индивид как гражданин, выполняя свои социальные обязательства, имеет возможность пользоваться всеми правами.

Эти две модели, противоположные и дополняющие друг друга, отличаются по месту и значению выборов. В модели *по наследию* голосование символизирует принадлежность к сообществу и идентификацию индивида с ним. При этом оказывается, что голосование как бы сводится к участию в политической жизни. Политический выбор, а значит, противоречия и конфликты, которые с ним связаны, как бы не учитываются и не выделяются особо.

В другой модели голосование являет собой индивидуальный акт, свидетельствующий о том, что индивид (его

«ГРАЖДАНСКОЕ гражданство»	«АКТИВИСТСКОЕ (воинствующее) гражданство»
<p>Принадлежность не обязательно к городу.</p> <p>Обязательство публичное умеренное и автономное. При этом господствующее положение занимает обязательство к городу как <i>обществу</i> с его контрактной связью, общим интересом, а не кровной связью (эмоциональной или «семейной»).</p> <p><i>На государство смотрят с недоверием, как на препятствие для расцвета сознания. Однако если недоверие к соглашениям приводит к признанию обязательств перед группой (какой бы она ни была), то возникает риск исчезновения обязательств, а гражданство может превратиться в изолированную маргинализацию</i></p>	<p>Принадлежность исключительно к городу по всем линиям принадлежности + коммунализация принадлежности к городу (нации как «большой семье»).</p> <p>Обязательство публичное на основе признания обязательств, среди которых господствующее положение занимает обязательство по отношению к городу как <i>государству</i> (в противоположность обществу).</p> <p><i>Достаточно, чтобы обязательство по отношению к городу как государству стало исключительным (т. е. государство может превратиться в причину всего), а активистское гражданство привело бы к деперсонализации личности</i></p>

«ЧАСТНОЕ гражданство»	«Гражданство УЧАСТИЯ»
<p>Принадлежность к особенному Группе, воспринимаемая как социальное (кроме семьи). Низ</p> <p>Обязательство Частное Скорее уважительное. Смысл обязательства по отношению к государству — позволяет осуществлять частную деятельность</p> <p><i>Есть опасность трансформации в «пассивное гражданство» и «негативное гражданство»</i></p>	<p>Сильная принадлежность к общему Политический коммунализованный город. Верх — национальный</p> <p>Обязательство Публичное Автономное (если есть выбор) или уважительное (консервативное). Признание обязательств как средство для того, чтобы требовать права</p> <p><i>Может превращаться в «протестное гражданство», если происходит ослабление принадлежности к политическому городу в пользу утверждения групп полюсов (универсальных или частных, верха или низа)</i></p>

Источник: Leca J. Individualisme et citoyenneté // Birbaum P., Leclerc J. (dir.). Sur l'individualisme. P., 1991. P. 178–180; Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 347.

воля) имеет неотчуждаемую ценность. Голосование в таком случае становится не столько долгом, сколько правом, политическим актом, необходимость которого определяется эффективностью ожидаемого решения.

Сравнивая эти две модели гражданства, можно утверждать, что голосование первой из них (по наследию) является важным, но не «политическим» актом, во второй же модели (по совести) — политическим выбором, ценность которого вполне сравнима и с другими видами политического действия.

Центральное место голосования и роль избирателя в представлениях о гражданстве является выражением формы общих верований, как исторически сложившихся, так и теоретических представлений, неразрывно связанных с нацией, демократией и всеобщим голосованием. А потому политическая социология уделяет пристальное внимание вопросам голосования и выборов.

План главы

- 17.1. Становление всеобщего голосования и его политические последствия.
 - А. Тайное голосование.
 - Б. «Конец нотаблей».
- 17.2. Профессиональные политики как политическая сила.
- 17.3. Голосование и насилие в условиях демократии.
 - А. Мирный характер и сакрализация акта голосования.
 - Б. Изменение характера политического насилия.
 - В. Демократия, голосование и насилие.

17.1. Становление всеобщего голосования и его политические последствия (на примере Франции)

Электоральный акт характеризуется определенным числом черт, которые в своей совокупности образуют некий ритуал. Этот ритуал в конечном счете придает смысл голосованию. При этом электоральный акт наделен значительно более широким смыслом, нежели собственно голосование.

Из каких же элементов формируется смысл ритуала голосования? Можно выделить две основные черты голосования. Прежде всего, голосование является тайным. А во-вторых, голосование является рациональным, или, говоря иначе, обоснованным. Избиратель голосует в соответствии со своим сознанием просвещенного (заинте-

ресованного и информированного) и автономного гражданина, не подверженного материальному, физическому или моральному давлению со стороны кого бы то ни было. Обе эти черты взаимосвязаны: тайна голосования гарантирует автономию избирателя.

Тайный характер голосования был провозглашен конституцией 1795 г., а также и всеми последующими конституциями. Однако условия для такого характера голосования были созданы только законом от 29 июля 1913 г., когда и материально были созданы условия для индивидуального выражения воли избирателя. Были, в частности, предоставлены кабины для выражения индивидуальной воли избирателя.

Нельзя сказать, что практика тайного голосования с восторгом воспринимается всеми политическими мыслителями. Сошлемся на авторитет крупного политического мыслителя Франции Жана-Поля Сартра, который в начале 70-х гг. прошлого столетия утверждал: «Кабина для голосования, расположенная в школе или мэрии, является символом всякого предательства, которое индивид может совершить по отношению к группе, к которой он принадлежит. Она как бы говорит каждому: "Никто тебя не видит, ты зависишь только от себя самого; ты будешь решать в условиях изоляции, и в силу этого ты можешь скрыть свое решение или солгать". Ничего не нужно больше для того, чтобы преобразовать избирателей, которые входят в зал для голосования предательски по отношению к одним во имя других»¹.

Победа сторонников «тайного голосования» является победой нового поколения политических актеров, которая привела к изменению самого способа осуществления политики на рубеже XIX и XX вв., что привело, в свою очередь, к признанию концепции автономного избирателя, на которую опирается современная политическая практика.

А. Тайное голосование

До 1913 г. электоральный акт характеризовался различными формами, которые зависели от режима и способа голосования. Плебисциты в период Первой империи

¹ Sartre J.-P. *Épiège a cons // Les Temps Modernes*. 1973. № 318. Janvier. P. 1100.

не имели, посутидела, никакой секретности, а избиратель призван был отвечать в режиме «Да» или «Нет». Электоральные акты при Реставрации, Июльской монархии, II Республики и первых десятилетий III Республики не были ни тайными, ни анонимными. Долгое время не было ни бюллетеней, ни конвертов. Много лет спустя произошла кодификация голосования, которая включала в себя три элемента: одинаковые конверты, голосование в специальной кабине, избиратель сам опускает бюллетень в урну.

Опыт показывает, что акт голосования изначально испытывал значительное влияние сообщества, в котором проживал избиратель, а также той социальной группы, к которой он принадлежал. Можно выделить два основных типа давления, которое в те годы оказывалось на избирателя.

1. Давление со стороны местных «социальных авторитетов». Применительно к Франции наибольшее влияние оказывали до самого недавнего времени нотабли, которые были выходцами из круга лиц традиционной аристократии (что особенно проявлялось на западе страны) или крупной буржуазии (промышленников или лиц свободных профессий). Это давление было тем более сильным, что многие лица из числа нотаблей сами выдвигались в избранники. Среди других представителей нотаблей можно выделить приходских священников, учителей или мэров.

2. Давление избиратель испытывал и от группы своей социальной принадлежности. Это давление выражалось во влиянии на него в том, чтобы он занимал позицию большинства в соответствии со своей социальной идентичностью (принадлежность, к примеру, к рабочему классу) или идентичностью культурной (в некоторых случаях речь может идти об идентичности религиозной).

Накануне принятия закона от 29 июля 1913 г. Андре Зигфрид, один из основателей электоральной социологии во Франции, писал: «Давление существует в значительной мере, и мне представляется очевидным, что, если бы голосование было бы тайным, его результаты, в частности на Западе, были бы в значительной степени другими»¹.

¹ Siegfried A. *Tableau politique de la France de l'Ouest sous la III République*. Genève; Sladkine, 1980. P. X.

Б. «Конец нотаблей»

Можно задаться вопросом: почему Франция так поздно (1913) приняла решение о введении избирательных кабин, что открывало путь к тайному голосованию? Известно, что кабины на избирательных участках впервые появились в Австралии в 1857 г. А потом это получило распространение и во многих других странах: Новая Зеландия (1870), Канада (1874), Бельгия (1877), в США кабины появляются в период с 1888 по 1890 г. В Германии кабины появились в 1903 г., а в Чили — в 1912 г.

Запаздывание Франции с введением кабин на выборах, как считает Ален Гарригу, было связано со сложившимся соотношением сил между двумя типами политических (парламентских) элит. Один тип элит, который постепенно набирал силу в парламенте, был «за» введение тайного голосования, другой же тип элит был сторонником сохранения прежней системы голосования. Не случайно только что упомянутый нами А. Гарригу отмечал: «Закон от 1913 г. фактически санкционирует медленную и глубокую трансформацию способа политического господства, который позволяет новому типу политических предпринимателей добиться превосходства своих концепций и своих собственных интересов за счет конкурентов, сопротивление которых было связано со стремлением поддержать легитимность, отвечающую их интересам, которая так долго господствовала в парламентских ассамблеях благодаря их позициям по итогам голосования»¹.

Нужно сказать, что постепенная смена одной политической элиты другой стала предпосылкой для изменения способа функционирования парламентских институтов, а также для изменения идентичности и профиля политического персонала.

Политика нотаблей опиралась на местные основания власти и местный авторитет. Это было их основным ресурсом. Основания власти сочетались, с одной стороны, с позицией социального авторитета (земельная аристократия, торговая или промышленная буржуазия и т. д.),

а с другой — с позицией политического авторитета (мэр, генеральный советник и т. д.). Эти позиции чаще всего находились вне поля политики и в силу этого могли быть nasledованы или приобретены за счет завоевания социального или, например, экономического авторитета. Такого рода позиции приобретались и в результате длительного отправления политического мандата, позволявшего со временем приобретать известность и авторитет в глазах населения.

Авторитет подтверждался результатами голосования, которое носило долгое время личностный характер. Вопросы, связанные с программой политической деятельности избирателя, оказывались на втором плане. В итоге утверждались отношения так называемого клиентелизма, или известной зависимости избирателя от избранника. В поле политики, как следствие развития такого рода отношений между избирателями и избранниками, утверждались отношения зависимости, подчинения или авторитета, которые накладывали подобный отпечаток и на всю социальную жизнь данного общества.

Такого рода отношения зависимости не могли существовать бесконечно долго. Во Франции, начиная с 1871 г., в электоральном соперничестве стали принимать участие кандидаты, у которых не было тех ресурсов, которыми обладали нотабли. В отличие от нотаблей, они стали опираться на иные ресурсы: политические программы и идеи. Это открыло путь в политику для многих представителей свободных профессий, прежде всего адвокатов, врачей, журналистов и публицистов, а также учителей¹.

Выход на политическую сцену новой категории актеров создал условия для возникновения и последующего развития политических партий. А кроме того, были созданы условия и для появления профессиональных политиков, которые живут не только для политики, но и самой политикой, в том числе получая немалые доходы от своей политической деятельности.

¹ Во Франции многие из них стали крупными политическими деятелями. Так, из числа адвокатов в историю Франции вошли Леон Гамбетта, Жюль Ферри, Жюль Греви, Жюль Фавр, Рэймонд Пуанкаре, Аристид Бриан и др.; из числа врачей вошли в политику такие крупные политические деятели, как Жорж Клемансо, Поль Берг, Эмиль Комб; среди выходцев из журналистики назовем Альбера Сарро, среди учителей — Жюля Симона и т. д.

Понятно, что эта новая категория политических актеров решительно выступала в поддержку создания новых условий политического соперничества, которые были бы основаны на принципе тайного голосования. И эти новые условия стали складываться, как мы уже отмечали, во Франции начиная с 1913 г.

Одним из самых важных последствий введения тайного голосования стала индивидуализация политического выбора избирателя. Воля избирателя оказалась освобожденной от давления разного рода социальных авторитетов. Но и это не все. Тайное голосование в полной мере отвечало и отвечает индивидуалистской концепции общества, что характерно для либеральных представлений об обществе. И это стало, если можно так сказать, своеобразной революцией в политической жизни демократических стран. Общество в итоге перестало рассматриваться через призму орденов, корпораций и местных сообществ. Оно превратилось в *общество индивидов*. С введением тайного голосования были подорваны органические представления о традициях; был подвергнут разрушению авторитет сообществ и профессиональных объединений, которые нередко выступали против политики государства.

Введение тайного голосования изменило сам характер политики. И дело заключается не только в том, что тайное голосование привело к выходу на политическую сцену новой политической элиты, о чем только что говорилось, но к изменениям электоральных правил. Изменилась сама практика проведения избирательной кампании, стали выдвигаться программы кандидатов в избранные и политических партий. Выборы по-настоящему стали превращаться в организованное политическое соперничество, исход которого становился малопредсказуемым.

17.2. Профессиональные политики как политическая сила

Исторически так сложилось, что, начиная с XIX в., появляются профессиональные политики, которых потом стали называть политическими предпринимателями. Нотабли постепенно уступали свое место профессиональным политикам, о чем речь пойдет чуть ниже.

Истоки политической профессионализации

Понятие «политик» как разновидность профессии стало использоваться начиная с XVIII в. А некоторое время спустя, т. е. уже в XIX в., им обозначаются лица, чьей основной и даже единственной занятостью является политика. Причем на первом этапе современное толкование понятия «политик» соотносилось с реалиями политической жизни США. Так, в «Большом универсальном словаре XIX века» (1878) политиком называется «человек, который занимается политикой в Соединенных Штатах и который превращает это занятие в "разновидность профессии"»¹. Как видим, данным определением обходится стороной вопрос дохода, но отмечается явление специализации как условия профессиональной деятельности.

В публикациях конца прошлого столетия политик-профессионал чаще всего предстает как человек, не имеющий твердых позиций и ясно выраженных качеств, но стремящийся получить материальные и символические выгоды. Его фигура плохо сопоставима с моделью государственного человека. А сам этот феномен, в частности во французской публицистике, рассматривается как специфически американское явление.

И тем не менее по мере утверждения норм парламентской жизни, специализации и диверсификации политической деятельности данное понятие входит как в публицистический, так и в научный оборот. Примером этого могут быть работы Д. Брайса «Американская Республика» и М. Острогорского «Демократия и организация политических партий»².

Заслугой Острогорского является то, что он, как никто другой, дал наиболее полное описание профессионализации политической деятельности, что можно было бы назвать своеобразным идеальным типом.

С утверждением выборов как средства завоевания политических постов в США, отмечал М. Острогорский, стало «невозможным жесткое правление правящего класса,

¹ Offerlé M. La profession politique XIX–XX siècles. P., 1999. P. 39.

² См.: Bryce J. The American Commonwealth. Toronto, 1899; Ostrogorski M. La démocratie et l'organisation des partis politiques. P., 1903. В 1912 г. эта работа была издана под названием «La démocratie et les partis politiques».

подобно тому как это имело место на пуританской земле Новой Англии. С тех пор политическая жизнь Нью-Йорка стала продолжением борьбы между соперничающими авантюристами... Необходимость приводила к появлению людей и создавала способы действий... Их сила притяжения определялась углубленным знанием электорального корпуса и искусством комбинаций и переговоров будь то о составе списков кандидатов, будь то о распределении наград после победы в виде функций и публичных мест... В подчинении этих электоральных заправил образовался сначала в Нью-Йорке, а потом и в других местах многочисленный персонал, занимающийся специально политикой, привлеченный желанием обладать публичной функцией... Но по мере того, как старое поколение основоположников Республики исчезало, развитие страны строилось на публичных службах, а состав политиков рос на основе расширения голосования, продвижение к кормушке становилось все более жестким и ожесточенным. Образовался целый класс людей из нижнего основания общества, которые стремились в политику, они стремились получить выгоды из мутной водички для своего существования. В других штатах (вне Нью-Йорка и Пенсильвании) политики были не так многочисленны, но повсюду они уже конституировали с начала третьего десятилетия девятнадцатого века отличный элемент, который искажал политику, заставляя в худшем смысле использовать сам термин "политика", изначальный этимологический смысл которого применялся исключительно к лицам, занимающимся публичными делами»¹.

«Крупные заправилы» публичными делами или маленькое электоральное предприятие, "опекающий политик" ("*ward politician*") или "босс" города или штата во главе мощной "машины" — все это поднимает вопрос социального происхождения и совокупности специфических практик. Данная практика связана с политическим клиентелизмом, точнее, с коррупцией и монополизацией публичной занятости благодаря системе добычи (*to the victor the spoils*) и манипуляции избирательными процедурами»².

«Американский политик, образуя отдельный класс в американском обществе, не имеет различного происхож-

дения... Зародышем, производящим политика, является желание добиться определенного публичного поста или, что бывает чаще, оказывать влияние на власть... По общему правилу, желает стать политиком, скорее, человек закона с нижнего этажа, мелкий служащий, ремесленник, может быть, водитель омнибуса или деклассированный элемент, неудачник. Для того чтобы осуществить свою мечту, он начинает "изучать политику". И предметом изучения не является "Политика" Аристотеля и даже не обучение в Колумбийском колледже, предметом изучения является не менее важная наука, которая требует неких естественных способностей и их применения. Она включает техническую сторону, охватывающую знания механизма организации партии с ее многочисленными пружинами: праймериз, комитетами, множеством приглашений и легальной процедурой, установленной для электоральных списков и голосования. В то же время будущий политик углубленно изучает маневры, трюки и обман, с помощью чего меньшинство преобразуется в большинство, и учится тому, что похоже на санкцию народа, каббалистический рисунок политических проходимцев... Главная область его "изучения" сводится к разновидности эмпирической психологии, с помощью которой он изучает людей своего окружения и их слабости и стремится связаться с наибольшим числом людей... В народных кварталах больших городов маленький политик не имеет потребности создавать все виды политической группы, которую он формирует вокруг себя; он ее находит в самой социальной жизни»¹.

М. Острогорский исследует понятие «политика» применительно к США. И в частности, политиками для него являются руководители специальных «предприятий», которые контролируют электоральные машины. В русском языке таких политиков чаще называют «политиканами», часть деятельности которых является если не аморальной, то находящейся на грани морали.

Становление корпуса профессиональных политиков

Между тем потребность в профессиональных политиках возникает повсеместно с развертыванием парла-

¹ Ostrogorski M. Op. cit. P. 375–378.

² Ibid. P. 380–381.

¹ Ostrogorski M. Op. cit. P. 524.

ментских режимов. Умудренный политический деятель Франции Луи Барту в 1923 г. утверждал, что политиком является обладатель выборного мандата или стремящийся его получить. Однако такая интерпретация является неполной. Исследователи начала прошлого века в лице Р. де Жувенеля и Р. Михельса со всей определенностью отмечали растущую автономизацию политической деятельности. Так, Р. де Жувенель в книге «Республика товарищей»¹ совокупность профессиональных политиков рассматривает как политический класс. Специальная глава книги посвящена профессиональному духу парламентариев. Политический персонал им описывается как отдельный мир, профессиональное братство, корпорация специалистов.

В межвоенный период А. Тардьё в книге «Парламентская профессия»² анализирует профессионализацию и ее последствия, указывая, в частности, на тенденцию к монополизации политической деятельности.

В Европе, как и в США, постепенно на протяжении уходящего в историю XX столетия была ослаблена связь между богатством, знанием и осуществлением власти. Политика не является более областью деятельности только для представителей правящих классов. Это, к слову сказать, в свое время отмечал М. Вебер. Он, в частности, указывал, что «в нормальных условиях он (политик. — В. Ж.) должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях»³.

М. Вебер указывает и на то, что при таком положении дел есть опасность плутократического рекрутирования профессионалов политики.

«Если государством или партией, — пишет он, — руководят люди, которые (в экономическом смысле слова)

живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает "плутократическое" рекрутирование политических руководящих слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие такого "плутократического" руководства предполагало бы *отсутствие* у политически господствующего слоя стремления также жить и "*за счет*" политики, т. е. использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи»¹.

Согласно М. Веберу, политиком является человек, получающий свои доходы из выполняемой им функции, специалист, осуществляющий особую деятельность, для чего нужна соответствующая компетенция и некие особые знания и умения.

Как отмечал А. Тардьё, политика является профессией, подобной другим профессиям, которой обучаются и которая получает свое выражение в ряде этапов — переизбраниях, аккумуляции мандатов, вхождении в правительство.

«Быть депутатом, — отмечал Р. де Жувенель, — это не означает получение сана священника, это является профессией, которая использует свои методы, свои приемы и имеет свою иерархию». Итогом специализации является образование профессионального корпуса. Иде Жувенель справедливо указывает, в частности, на то, что различие между революционным и неревolutionным депутатом является меньшим, чем различие между депутатом и недепутатом².

Трудно не согласиться с А. Тардьё, утверждавшим, что избранникам удалось перехватить у народа суверенитет, иначе говоря, монополизировать господство. Эту же мысль по-своему выразил и Й. Шумпетер, когда утверждал, что демократия находит свое выражение, в частности, в господстве профессиональных политиков³.

И тут нельзя не сказать о выводе, сделанном Р. Михельсом в отношении тенденции к бюрократизации, присущей политическим партиям.

«По мере эволюции современной партии к более прочной форме организации, — писал он, — все больше

¹ Вебер М. Указ. соч. С. 655.

² См.: Offerlé M. Op. cit. P. 58.

³ См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

¹ См.: Jouvenel R. de. La République des camarades. P., 1914 [Slatkine Reprints. Geneve, 1979].

² См.: Tardieu A. La Révolution à refaire. T. 1. Le souverain captif. P., 1936; T. 2. La profession parlementaire. P., 1937.

³ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 654.

проявляется тенденция к замене случайных руководителей руководителями-профессионалами... Появление профессионального руководства знаменует собой начало конца демократии»¹.

Критикуя политическое делегирование, господство политиков и руководителей партий, выявляя демократические «иллюзии», эти и некоторые другие теоретики полагали, что политик не должен иметь автономии от группы, класса и народа. Приведем еще одно высказывание Р. Михельса: «Существование руководителя является неотъемлемым элементом всех форм социальной жизни. Не дело науки определять, является этот феномен плохим или хорошим. Однако большой научный интерес представляет установление того, что всякая система руководства несовместима с основными постулатами демократии»².

Представляет интерес и позиция М. Вебера: «Внутри и вне парламента находится характерная фигура: профессиональный политик, человек, который более или менее идеально, а в большинстве случаев — материально рассматривает партийную политику как содержание своей жизни... Эта фигура, которую мы ценим или отвергаем, представляет собой в своей современной форме неизбежный результат рационализации и специализации добровольной деятельности на основе массовых выборов»³.

В своих работах М. Вебер показывает, что политика является результатом деятельности политических организаций, которые на основе процессов рационализации преобразуются в «предприятия», которые находятся под контролем профессионалов, способных мобилизовать индивидуальные, символические и материальные ресурсы для победы на выборах. И едва ли не главным здесь является конкурентная борьба. Для победы в ней, согласно Веберу, нужно обладать рядом качеств: «Можно сказать, в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть — в смысле *ориентации на существо дела (Sachlichkeit)*: страстной самоотдачи "делу", тому богу или демону, который этим делом повелевает»⁴.

¹ Michels R. Op. cit. P. 35.

² Ibid.

³ Archives européennes de sociologie. XXII. 1981: Offerlé M. Op. cit. P. 62.

⁴ Вебер М. Указ соч. С. 690.

Политическая деятельность предполагает особую компетентность или высокую степень способностей. Совокупность этих качеств дает таким людям возможность влиять на сограждан, которые, в свою очередь, признают их власть. И те, кто живет политикой, используют эту власть, в том числе и в интересах своих сограждан. Люди, живущие политикой, отличаются от массы им подобных людей, как, впрочем, и от представителей других социальных элит, прежде всего тем, что они выполняют некую коллективную миссию, а не только удовлетворяют определенные личные амбиции.

Поставить обычные человеческие существа со всеми присущими людям качествами в невралгический центр социальной организации означает не только заместить «холодное чудовище» в лице государства как обладателя власти при принятии решений. Это означает, что политическая наука не может ограничиваться изучением только деятельности институтов, нужно исследовать и деятельность публичных агентов. Именно способность политической науки видеть индивидов и социальные группы там, где юристы видят только законы и регламенты, дает ей возможность анализировать деятельность специализированного аппарата и профессиональных политиков в повседневной жизни.

Как мы уже отмечали, деятельность профессиональных политиков не ограничивается их личными интересами: если бы это было так, то было бы достаточно знаний социального происхождения и политической карьеры министра или депутата для того, чтобы предсказывать их поведение в любой ситуации. И это означает, что в таком случае не было бы потребности в политической науке, хватило бы социологии и административной науки.

Следует сказать и о том, что инструменты, которыми пользуются руководители, имеют также собственную логику функционирования: государственный аппарат, способы голосования, процедуры оценки публичной политики, редактирование юридических текстов, выборные собрания, советы старейшин, политическое окружение — все это подчиняется неким законам, которые вынуждены соблюдать профессиональные политики.

Нужно учесть, что представители власти с трудом поддаются контролю. Даже в тоталитарных режимах, где

смешивается публичное и частное пространства, не удастся полностью контролировать индивидов, находящихся у власти. По сути дела, все политики не принадлежат к одним и тем же социальным категориям. Разнообразие путей рекрутирования на высший уровень руководства показывает, что униформизировать профессиональных политиков просто невозможно. Те, кто господствует, не имеют одного и того же интереса. Они в своей деятельности осуществляют защиту определенных социальных категорий, которые способствовали их восхождению на вершину социальной иерархии. Складываются целые союзы социальных сил. Так, либеральная коалиция может объединять в элиту и тех, кто не очень материально обеспечен. Коалиция социал-демократического типа объединяет крупную и среднюю, и даже мелкую буржуазию. Идея, дорогая Миллсу, — «властвующая элита» как выражение интересов *jet set* стиля жизни и промышленно-индустриального комплекса, опирается на арифметику господства. Таким образом, искусство заключения союзов является самым замечательным умением профессионалов политики.

Нередко на бытовом уровне можно слышать рассуждения о бесполезности политиков, о том, что любой мог бы лучше выполнить то, чем заняты политики. Это бывает связано с незнанием реальностей политической карьеры и путей, которые ее обеспечивают.

Для создания обоснованных представлений о политиках можно использовать изучение деятельности разного уровня избранников, мемуарную литературу, биографические описания и т. п. Средством изучения политической карьеры и деятельности политиков может быть наблюдение за их конкретными действиями и изучение выступлений на научных конференциях и семинарах, теле-, радиопередачах и т. д.

И первым, пожалуй, выводом из этого наблюдения может быть положение о том, что избранники и претенденты в избранники всегда стремятся привлечь к себе внимание как можно большего числа людей. Профессиональные политики привлекают к себе внимание людей прежде всего потому, что они делают именно то, что от них ожидают люди. Но это занимает не так уж много времени.

Политики напряженно работают все иное время, кроме публичного представления, на себя. Они тратят

значительную часть своего времени на свое окружение, разного рода кабинеты, группы советников, участие в избирательных процессах, на собрания, заседания, съезды сторонников и разного рода комиссии (парламентские, региональные, муниципальные и т. п.). По мнению самих политиков, политика является изнурительной, приводящей к стрессам профессией, что объясняется преследованием со стороны партнеров, избирателей или активистов. Да к тому же политика существенно ограничивает личную жизнь.

В политической деятельности можно выделить два основания. Тем из политиков, кому удастся наилучшим образом выразить надежды и ожидания поддерживающих их людей, приходится осуществлять весьма многостороннюю деятельность, брать на себя все более многочисленные и разнообразные обязательства, которые весьма трудно выполнять. А это несет опасность превращения политиков в политиканов, т. е. людей, стремящихся всегда быть на виду, говорить «нужные» слова, не забываясь о последствиях.

Второе основание вытекает из морального обязательства, в которое политики верят (скажем, предназначение служить интересам своей страны) или о котором вынуждены говорить (американцы очень красиво говорят: *to pay lip service to...*) для того, чтобы заслужить доверие избирателей и населения страны. Стремясь угадать свои возможные будущие затруднения (защищая также свои собственные интересы), они должны создавать впечатление, что способны найти решение на все встающие перед ними вопросы.

17.3. Голосование и насилие в условиях демократии

Включение широких народных масс в политику и институционализация голосования утверждали постепенно мирный характер избирательного акта. Политическое соперничество по мере утверждения практики голосования приобретало, хотя и не сразу, все более мирный характер, что открывало перспективу утверждения мирного и демократического социального и политического порядка.

А. Мирный характер и сакрализация акта голосования

Электоральный акт далеко не всегда в прошлом, а иногда и в наши дни носил и носит мирный характер. В Англии, например, в XVII – XVIII вв. в период проведения избирательных кампаний не раз имели место открытые столкновения сторонников противоборствующих политических сил. Подобные факты на выходе из Средних веков имели место в Италии, например во Флоренции. Факты открытых столкновений в период выборов имели место и во Франции. Это требовало создания таких условий и выработку таких правил, которые позволяли бы обеспечить свободное волеизъявление граждан. Требовалось выработать и юридически закрепить правила голосования, которые были бы распространены на некое отдаленное от социального мира *пространство акта голосования*. В рамки этого пространства могли попадать далеко не все граждане. А их поведение внутри указанного пространства должно было подчиняться строгим правилам.

В итоге, по сути дела во всех демократических странах, произошла сакрализация *акта* голосования, а на ее основе и сакрализация самого *смысла* голосования, который стал рассматриваться не иначе как выражение суверенитета нации. А это, в свою очередь, не только затрудняло, но и делало невозможным применение насилия в процессе голосования.

И тем не менее попытки применения насилия в отношении избирателей не раз имели место еще в XX в. Как не вспомнить о воинственных и военизированных дефилах в Германии в период избирательных кампаний в 20-е и 30-е гг. (до прихода к власти Гитлера), а также активности реакционных и профашистских сил во Франции в межвоенные годы. Такого рода акты в демократических странах в наши дни очень маловероятны. Если насильственные действия и применяются, то они не выходят за рамки своего вербального проявления. Крайне редкими являются акты насильственных действий в день голосования.

Правда, в последние годы это, казалось бы, классическое и незбылемое положение было опровергнуто практикой «цветочных» революций, которые имели место в ряде стран — бывшей Югославии, Грузии, Украине. В ходе этих революций, которые опирались на ненасильственные действия, было осуществлено настоящее насилие

над волеизъявлением избирателя, чему, к слову сказать, в какой-то мере содействовало и то, что в этих странах предпринимались попытки фальсификации результатов голосования.

Б. Изменение характера политического насилия

Как мы уже отмечали, случаи прямого насилия по отношению к избирателю в период выборов стали крайне редкой практикой. Однако все большее распространение в последние годы приобретает «символическое» и вербальное насилие. Такого рода насилие применяется довольно широко во многих странах по отношению к тем или иным местным социальным группам, активистам политических партий или представителям социальных групп и целых классов. «Символическое» и вербальное насилие способно воздействовать на формирование характера автономного политического пространства, и тем самым открывается возможность прямо влиять на «гражданина», который в наши дни в значительной мере оказался свободным от своей бывшей зависимости от того или иного сообщества и/или группы социальной принадлежности, а потому получил возможность принимать «свободные» решения.

Следует сказать, что избиратель как гражданин и прямой участник электорального процесса не может действовать вне рамок норм и принципов представительной демократии. В контексте нашего изложения это означает, что подлинно легитимным в политической жизни является только электоральное участие, а все остальные формы протестных действий, тем более действий, связанных с использованием насилия, становятся, в представлении избирателя, малолегитимными, а то и вовсе нелегитимными. Это означает, что любые формы насилия уступают свое место голосованию. Насилие остается последним средством в отношении внешнего врага. Внутри же сообщества граждан врагов не существуют. Существуют только соперники, имеющие возможность отстаивать свои позиции при помощи избирательного бюллетеня. Таким образом, всеобщее голосование не только объединяет общество, но и умиротворяет его.

Умиротворяющий характер электорального акта не означает того, что политическое насилие навсегда исчезает из политической практики. В ряде случаев оно может

становиться выражением конфликтов как социальных, так и политических, которые дают о себе знать в определенное время в той или иной стране.

В. Демократия, голосование и насилие

В отношения между насилием и голосованием вписывается все то, что связано с представительной демократией. Речь идет о способности политического режима регулировать политические отношения в обществе. Представительная демократия призвана принимать как некую объективную данность и социальное разделение общества (оно получает выражение, к примеру, в политическом плюрализме), и объединительное начало политического общества.

Исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что институт всеобщего, равного и тайного голосования оказал прямое регулирующее воздействие на политическое насилие: его применение и использование в демократических странах — явление чрезвычайное и крайне редкое.

Есть и еще одна чрезвычайно важная деталь, связанная с практикой голосования. Электоральный акт в любой демократической стране позволяет свободное выражение политическими силами своих требований, что лишь только усиливает предпосылки для умиротворения политического порядка в представительных демократиях.

Мы говорим об умиротворяющем характере электорального акта еще и потому, что в нем находят самое общее выражение социальные отношения, для которых все более редкими становятся факты применения открытого насилия. Это, вне всякого сомнения, создает условия для утверждения «цивилизованных», без физического насилия отношений в обществе, для которых характерны проявления высоких норм морали и нравственности. Однако, как показал в своих исследованиях Н. Элиас, для западных обществ присущ не столько «прогресс» нравов, сколько утверждение правил того, что можно назвать «умением жить» в обстановке «экономии на физическом насилии» в социальных и политических отношениях данного общества. Это предполагает все более активную, комплексную, специализированную и дифференцированную деятельность государства, о чем у нас речь шла выше. Кроме того,

речь должна идти и о «введении в общество» того, что получило наименование (осознанного или неосознанного) самоконтроля, что в социологии П. Бурдьё отождествляется с понятием «габитус».

План главы

- 18.1. Экологический анализ голосования.
 - А. Зигфрид как основоположник электоральной социологии.
 - Б. Среда как историческое наследие.
- 18.2. Социальная принадлежность и голосование.
 - А. Первая версия социологической парадигмы.
 - Б. Парадигма Мичигана.
- 18.3. Избиратель как стратег.
 - А. Избиратель, свободный от стороннической идентификации?
- 18.4. Является ли избиратель рациональным?
- 18.5. Информация и выбор избирателя.
 - А. Влияние СМИ в ходе избирательной кампании.
- 18.6. Влияние опросов общественного мнения на избирателя.

Голосование является индивидуальным актом, по крайней мере в том случае, когда оно является тайным. И избиратель, казалось бы, руководствуется только своим собственным политическим выбором. Однако в подавляющем большинстве случаев выявляется влияние разного рода факторов на этот, как мы сказали, индивидуальный выбор избирателя.

При анализе поведения избирателей выделяют два основных подхода: экологический и социологический, или психосоциологический. *Экологическая модель* анализа отдает предпочтение учету влияния коллективного

фактора, а *психосоциологическая модель* акцентирует внимание на индивидуала.

В первом случае результаты выборов рассматриваются с учетом места их проведения и характеристик населения в нем. При этом учитываются особенности исторического развития, а также географические характеристики, определяющие во многом социальную структуру населения.

При всей привлекательности такой модели анализа электорального феномена в ее рамках оказывается затруднительным понимание и объяснение индивидуального поведения избирателей. Указанный недостаток «исправляет» *психосоциологическая модель* анализа выборов. В рамках данной модели социологические характеристики избирателя (возраст, религия, образование, доходы, мнение по тому или иному вопросу и т. д.) увязываются с его электоральным выбором, и на основе этого определяются детерминанты голосования.

Анализ результатов выборов показывает, что электоральный выбор избирателя определяется воздействием его географической и социальной принадлежности, которая определяет его стратегический выбор. Правда, сам индивид может полагать, что он свободен в своем выборе. Однако этот выбор в конечном счете является результатом тех позиций и предпочтений, которые он приобрел в процессе социализации, осуществлявшейся во вполне определенной социальной среде, или этот выбор является результатом *габитуса*, который является одновременно продуктом, отражением и матрицей воспроизводства предпочтений и позиций той или иной социальной группы.

В политической социологии получил распространение и другой подход, который основывается на постулате экономического анализа (речь об этом пойдет в следующей главе). В данном подходе индивид руководствуется логикой расчета, и выбор его определяется предложением, которое ему выдвигается в данный момент.

18.1. Экологический анализ голосования

Экологические модели анализа характеризуются тем, что при объяснении электорального поведения уделяют первостепенное внимание *среде* проживания избирателей. Это означает, что поведение корпуса избирателей

исследуется с учетом географического фактора. Впервые такой подход был предложен Андре Зигфридом в 1913 г. Другой версией экологической модели является исторический анализ. Согласно этой версии, предложенной французским историком Полем Буа в 1960 г., политическое поведение избирателей испытывает влияние исторического развития, крупных исторических событий.

Рассмотрим оба указанных подхода более подробно.

А. Зигфрид как основоположник электоральной социологии

В 1913 г. А. Зигфрид опубликовал свою знаменитую работу «Политическая картина Западной Франции в III Республике»¹, положившую начало становлению электоральной социологии. С этого момента в политической социологии объяснение политического поведения и политического выбора избирателей не связывалось более с неким романтическим чудом вечной души народов, которая в самой себе находила бы объяснение, например, итогам голосования. Впрочем, с тех пор результаты голосования не рассматривались и как слепое следование избирателей за мнением элит.

А. Зигфрид положил в основание анализа политического выбора избирателей природу групп принадлежности индивидов — местные сообщества. Это определялось тем, что была выявлена в течение 40 лет существования III Республики определенная стабильность поведения и электорального выбора избирателей. Хотя справедливости ради нужно сказать, что указанная стабильность является относительной. Эта стабильность проявляется в том случае, когда отказываются от политических или стороннических этикеток и рассматривают политическое соперничество более крупненно, с позиций различий «между Правым и Левым... т. е. между традицией более или менее деформированной, но живой при королевском режиме, который является иерархическим, католическим и консервативным, и традицией республиканской или демократической, которая является светской, эгалитарной и авангардной»².

¹ См.: *Siegfried A. Tableau politique de la France de l'Ouest sous III République*. Geneve; Paris, 1980.

² *Ibid.* P. XXIV–XXV.

Согласно А. Зигфриду, если электоральное поведение является стабильным, то это происходит потому, что оно опирается на стабильный политический «темперамент», вписывается в некий пейзаж, способ поселения людей в некую систему социальных отношений и иерархий, в определенное отношение религии и авторитета Церкви и т. д. Анализируя Вандею¹, А. Зигфрид сравнивает географическое распределение голосов на основе влияния переменных *физической географии* (геология, природа земли, пейзаж и т. д.) и *человеческой характеристики* (структура жилища, земельная собственность, сельское хозяйство и т. д.) в рамках изучаемых территорий². Он делит территории на две геологические зоны, на основе которых выделяются два типа различающихся между собой пейзажа. На Севере — гранитные зоны, на Юге — известняковые. Такая геологическая дихотомия почти совпадает с картой политического разделения: население гранитных территорий голосует преимущественно за правых, а известняковых — за левых. Особо следует сказать о том, что А. Зигфрид не говорит о прямом и сильном влиянии природы земли на политические предпочтения. Он указывает лишь на цепь влияния, в которой геология и голосование являются двумя крайностями.

В то же время А. Зигфрид акцентирует внимание на том, что решающее влияние на политические предпочтения оказывают факторы, связанные с человеческой географией. Геология же оказывает влияние на форму проживания, а проживание — на собственность. Проживание и собственность, в свою очередь, влияют на природу и форму социальных отношений: рассеянное проживание имеет своим результатом, по А. Зигфриду, усиление влияния земельной аристократии и религии. Таким образом, форма собственности, природа социальных отношений и социальная структура, место и роль религии определяют в решающей степени политический и электоральный выбор.

В гранитной части территории, где сильно влияние земельной аристократии и католицизма, где иерархизированная социальная структура организована вокруг фи-

¹ Вандея (Vendee) — департамент на Западе Франции, являвшейся центром роялистских мятежей в период Французской революции и Директории.

² См.: *Желтов М.В.* Избирательное право и выборы. С. 126–128.

гур знати и священников, утверждается голосование за правых, что свидетельствует о моральном подчинении, а иногда и об экономической зависимости народа от аристократии и клира.

В известняковой зоне проживание людей характеризуется большей плотностью, мелкие собственники почти равны между собой. Организация проживания населения на такой территории характеризуется эгалитарной социальной организацией. Здесь слабее выражено влияние Церкви. А потому в своем большинстве население здесь голосует за левых.

Б. Среда как историческое наследие

Подход А. Зигфрида в электоральной социологии был продолжен и развит французским историком Полем Буа. П. Буа экологический анализ своего предшественника дополнил рассмотрением среды с позиций исторического развития страны. Он, в частности, подверг критике А. Зигфрида за введение им целого ряда исключений при оценке голосования, которые снижают валидность его модели. П. Буа указал на недостаточность и даже ошибочный характер некоторых объяснительных факторов, которые использовал А. Зигфрид. Так, П. Буа подверг критике подход основателя электоральной социологии за то, что он рассматривал религиозные убеждения одним из ключевых объяснительных моментов общественного мнения, что для Франции XIX в. является тавтологией. Это так потому, что клерикализм вовсе не является объяснительным фактором мнения по политическим вопросам. Он — «само мнение». В этой связи П. Буа утверждает: «Если политическая борьба изначально осуществлялась в социальном поле или в каком-то другом нерелигиозном поле, только тогда мы имеем по-настоящему дело с фактором общественного мнения. Но во Франции в большей мере, чем где бы то ни было в мире, борьба велась на поле клерикализма; ставкой в этой борьбе было влияние Церкви на общество»¹.

¹ Bois P. Paysans de l'Ouest. Des structures économiques et sociales aux opinions politiques depuis l'époque révolutionnaire dans la Sarthe. P., 1971. P. 25.

Другой ошибкой А. Зигфрида П. Буа считает сведение им позиции крестьянских масс к влиянию на них в социальных рамках знати и священников. Как полагал П. Буа, его предшественник не видит того, что «за видимым могуществом крупного собственника и подчинением ему, чего он добивается, скрывается согласие народа, истоки которого не определяются только экономической зависимостью, они коренятся в далеком прошлом»¹.

Именно в прошлом, что не учитывается в подходе А. Зигфрида, нужно искать ключ для понимания политического поведения, считает П. Буа. И для проверки такой гипотезы он проводит анализ политического поведения населения департамента Сарт.

Отличительная особенность политического поведения населения данного департамента заключается в том, что его жители в годы IV Республики были разделены таким образом, что одна часть его голосовала устойчиво за правых, а другая — за левых.

«Изначально мы встречаемся с дуализмом двух частей населения, которых ничто не разделяет на первый взгляд, а история их соединяет в рамках провинции или одного и того же департамента, находящегося под властью одной и той же администрации, и которые перед лицом крупных проблем национальной жизни занимают противоположные позиции... Одна из частей этого населения кажется крайним авангардом мира, который, блокируя на Западе, продолжается вплоть до Атлантики... Другая (часть населения. — В. Ж., М. Ж.) предстает как завершение республиканской Франции, подчеркивая тем самым свой характер по линии этой границы; и тем не менее... она, как и жители ее западной части, распределены между изгородями и деревьями бокажа»².

Такое разделение населения по политическому признаку невозможно объяснить, если опираться только на модель анализа, предложенную А. Зигфридом. П. Буа причины разделения населения департамента на левых и правых видит в наследии революции 1789 г. Между 1789 и 1793 гг. произошел разрыв в политических позициях населения, сохранившийся вплоть до XX в. Этот разрыв, по П. Буа, был связан с тем, что в западной части департамента духовенство как

¹ Bois P. Op. cit. P. 84.

² Бокаж — тип пейзажа: поля, окаймленные лесными полосами.

³ Bois P. Op. cit. P. 83.

крупный земельный собственник являлось важным участником экономической и социальной жизни. И как владельцы земли представители духовенства имели тесные отношения с крестьянами этой части департамента.

На менее плодородных землях Востока данного департамента большинство крестьян было бедным. Значительная часть населения была представлена ткачами. Эта часть общества была в значительной мере интегрирована в городскую жизнь и была связана с утверждением коммерчески-рыночных отношений. Влияние представителей духовенства в этой части департамента носило ограниченный характер.

В 1790 — 1792 гг. была произведена национализация, а потом продажа земли, которая ранее принадлежала Церкви. Это коснулось в большей мере именно западной части департамента, где собственность клира была значительной. Однако распродажа земли, по сути дела, не коснулась крестьян этой части департамента: большая часть земли была скуплена представителями городской буржуазии. А потому ожидания крестьянства были обмануты. И неудивительно, что население Западного департамента в своей большей части оказалось недовольным революцией. Это вызвало бунт шуанов¹, что еще больше радикализовало отношение населения к революции. К тому же на этой почве произошло объединение крестьянства, буржуазии и духовенства: «Застарелые проявления ненависти, ревности, раздражения — таков непоколебимый, но уродливый корпус бунта; контрреволюция его оденет в одежды религии и роялизма»².

Гражданская война увековечит это разделение между двумя частями населения одного и того же департамента. Французская революция 1789 — 1799 гг. привела к образованию мощных, долговременных ментальных структур, которые затем воспроизводились в течение полутора столетий. Как писал Э. Леруа Ладерю, необходимо понять, каким образом «в течение нескольких лет скоротечные события породили прочный менталитет; кратковременное стало долговременным»³.

¹ Шуаны (фр. chouans) — контрреволюционные мятежники, действовавшие на Северо-Западе Франции в 1792–1803 гг.

² Bois P. Op. cit. P. 353.

³ Mayer N., Perrineau P. Les comportements politiques. P. 45.

Это как раз удалось сделать П. Буа.

Пример департамента Сарт показывает, как «травматическое» событие может активизировать потенциальные конфликты между антагонистическими социальными группами и утвердить на десятилетия различные модели политического поведения в одних и тех же или соседствующих регионах.

«Травматическое» событие обращается в твердое состояние политико-идеологических структур, которые являются «не чем иным в данном случае, как застывшим событием»¹. И остается только выяснить, каким образом политико-культурные структуры воспроизводят это «событие» в течение длительного времени.

Модель «исторического травматизма» поднимает огромную по своей значимости проблему коллективной памяти в политике и проблему разрыва между быстрыми социальными сдвигами и медленным изменением политико-культурного измерения².

18.2. Социальная принадлежность и голосование

Анализ электорального поведения получил как бы второе дыхание на основе использования опросов общественного мнения. Данная техника научного анализа позволила рассматривать политические предпочтения избирателей на основе оценки их социальной и культурной идентичности. Это не означает, что при объяснении электорального выбора не учитывается социальная среда избирателей. Однако эта среда не рассматривается более как некое особое географическое единство и/или как некая неизгладимая печать истории.

А. Первая версия социологической парадигмы

В начале 40-х гг. прошлого столетия под руководством видного американского социолога Пола Лазарсфельда (1901 — 1976) были проведены опросы избирателей. Они сыграли значительную роль в утверждении нового понимания электорального поведения избирателей. Опросы

¹ Далли В.М. Историки Франции XIX–XX вв. М., 1981. С. 236.

² См.: Желтов М.В. Избирательное право и выборы. С. 129.

позволили рассматривать политический выбор избирателей в тесной связи с их социальными, экономическими и культурными характеристиками. Заслугой Лазарсфельда является разработка новых методов анализа. В их числе — панельный опрос¹.

Первые опросы П. Лазарсфельдом были проведены в штате Огайо. Объектом исследования было политическое поведение американцев. Кроме того, ставилась задача выявить влияние процессов политической коммуникации на выбор избирателей.

Как показали результаты опросов, воздействие избирательной кампании и СМИ носило ограниченный характер. Куда как большее значение на выбор избирателя оказывала его социальная и культурная принадлежность. Результаты голосования в значительной мере испытывали влияние так называемого социального фактора (социальной принадлежности), а также системы социальных и культурных диспозиций избирателя. В итоге был сделан важный вывод: «Личность думает политически так, какой она является социально. Социальные характеристики определяют политические предпочтения»².

Голосование является индивидуальным актом. Но это всегда акт неизолированного от общества индивида. Политический выбор индивида в значительной мере подчиняется коллективным нормам, получившим признание и распространение в социальных, профессиональных, религиозных, этнических и т. д. группах, к которым относится данный конкретный индивид. Поскольку указанные нормы разделяются большинством членов указанных групп, постольку для них характерна политическая однородность в большей или меньшей степени.

В формировании политических предпочтений решающую роль играют три вида групп: группы определенного социально-экономического статуса, религиозные группы и группы определенного места проживания индивидов.

1. Более высокая социально-экономическая позиция избирателя как бы подталкивает его голосовать за кан-

¹ Панельный опрос — многоразовый опрос, проводимый через определенные временные интервалы на одной и той же совокупности с целью исследования социальных явлений и процессов в их динамике.

² *Lazarsfeld P.F. The People's choice. N.Y., 1944. P. 27.*

дидата от республиканской партии. За республиканцев голосовали 35 % избирателей из неблагополучных слоев населения, тогда как такое голосование было присуще большинству (71 %) обеспеченных американцев. Более половины обеспеченных американцев голосовали за республиканцев, тогда как более половины менее благополучных американцев отдавали свои голоса за представителей демократической партии.

2. Вне зависимости от социально-экономического статуса протестанты в своем большинстве голосуют за республиканцев, тогда как католики — за демократов. Так, за республиканцев голосовали 60 % протестантов, тогда как католиков — менее 25 %.

3. В формировании политических предпочтений оказывает влияние и фактор места проживания избирателя — в городе или в сельской местности. Правда, влияние этого фактора не столь существенно, как у двух предыдущих. В сельской местности за республиканцев голосовало на 14 % избирателей больше, чем в городах.

Указанные факторы в своей совокупности непосредственно влияют на выбор избирателей. Причем это влияние носит кумулятивный характер. Так, избиратели, имеющие более высокий социально-экономический статус, исповедующие протестантизм и проживающие на селе, в своем большинстве (75 %) голосуют за республиканцев. И наоборот, избиратели с более низким социально-экономическим статусом, католики и проживающие в городах на 80 % являются сторонниками демократов.

Б. Парадигма Мичигана

Несколько лет спустя после проведения социологического анализа голосования командой исследователей Колумбийского университета под руководством П. Лазарсфельда учеными Мичиганского университета, в свою очередь, были проанализированы результаты голосования на президентских выборах 1948, 1952 и 1956 гг., в ходе которых проводились два замера — до голосования и после голосования. Результаты этого исследования были опубликованы в книге «Американское голосование»¹.

¹ См.: *Campbell A., Converse Ph., Miller W., Stokes D. The American voter. N.Y., 1960.*

Выводы ученых Мичиганского университета были по сути дела критикой модели ученых Колумбийского университета, детерминизм подхода которых к анализу результатов голосования казался мичиганцам преувеличенным. Он не оставлял места для вариации индивидуального выбора избирателя. Мичиганцы выступали с позиции, в соответствии с которой избиратель имел возможность принимать реальное индивидуальное решение при голосовании, в чем, строго говоря, ученые Колумбийского университета ему отказывали. На передний план в анализе мичиганцев выходила психология избирателя, определявшая его отношение к партиям, лидерам, программам, символам и т. п. В противовес «социологической» модели ученых Колумбийского университета была предложена «психосоциологическая» модель анализа голосования.

Изменение в подходе получило свое выражение в том, что в центре анализа оказалась **идентификация** избирателя как **сторонника**, через которую получала выражение **эмоциональная привязанность избирателя к одной из двух американских политических партий**. Для выявления указанной идентификации избирателя использовалось 5 индикаторов, которые выглядели следующим образом: демократическая партия ++, демократическая партия +, независимый, республиканская партия +, республиканская партия ++. Использование таких индикаторов оказалось оправданным, если учесть, что три четверти опрошенных высказывались за ту или иную политическую партию. Так называемые независимые составляли от 3 до 10 % респондентов.

Идентификация избирателей в отношении политических партий, как выяснили мичиганцы, вырабатывалась еще с детства и очень часто совпадала с позицией родителей. Она оказалась не просто устойчивой, но даже имела тенденцию укрепляться со временем и с возрастом. Так, только четверть избирателей в возрасте от 21 года до 24 лет были устойчивыми (++) республиканцами или демократами. Однако 70-летние американцы с таким же показателем (++) к той или иной партии составляли уже более 50 % избирателей.

Ученые Мичиганского университета выявили также тесную корреляцию **между идентификацией избирателей как сторонников той или иной политической**

партии и своей социальной и культурной принадлежностью. Так, члены этнических или религиозных меньшинств, как и члены профсоюзов, в большей мере поддерживали демократическую партию.

Степень указанной идентификации возрастает, далее, при наличии (признании) **интереса избирателя к политике** и параллельно со степенью своего политического обязательства. Оказалось, что идентификация, о которой идет речь, является своеобразным фильтром в процессе получения информации, который может содействовать идентификации и усиливать ее. Для избирателей, менее интересующихся политикой и менее политизированных, указанная идентификация является таким показателем, с помощью которого осуществляется ими минимальная ориентация в политическом пространстве.

И наконец, указанная идентификация проявляется как **решающая переменная в голосовании**. Чем сильнее она, тем более жестким и стабильным является выбор избирателя. Так, на президентских выборах 1956 г. 99 % республиканцев группы ++ и 93 % республиканцев группы + голосовали за кандидата республиканской партии. За кандидата демократической партии голосовали 85 % демократов ++ и 63 % демократов +.

Было выяснено, что эта переменная испытывает влияние электорального контекста, который может ее воздействие усиливать или ослаблять. Ученые Мичиганского университета различают три типа выборов в зависимости от контекста, в котором они проходят, природу ставок, которые структурируют кампанию, и природу политического предложения (например, личность кандидата).

Если выборы проходят в контексте **поддержки**, отделенной от ставок и личности избранных, выбор избирателя определяется стороннической идентификацией. В ходе выборов, отклоняющихся от общественного мнения, голосование может вступать в противоречие со стороннической идентификацией, хотя и не исключает ее вовсе. Условием такой «неверности» может быть несогласие с личностью кандидата в избранные или стремление поставить на место зарвавшуюся администрацию. Однако уже на следующих выборах избиратель вновь может вернуться к проявлению верности «своей» партии.

Выборы переориентации, которые происходят в обстановке экономического или политического кризиса,

могут изменять отношение избирателя к партии. Пример тому — избрание Ф. Рузвельта в 1932 г., когда многие сторонники республиканцев проголосовали за Рузвельта в силу кризиса и неспособности администрации Гувера противостоять этому кризису. Это было подтверждено последующими избраниями президентом Рузвельта с 1936 г. и до 1948 г.

Модели Колумбийского и Мичиганского университетов, несмотря на различия между ними, очень близки друг к другу. Выдвижение индикатора стороннической идентификации избирателей как «посреднической» переменной не отменяет господства социальной логики в голосовании. Профиль избирателя в обеих моделях, по сути дела, не отличается. Он определяется в значительной мере «верностью» своей партии. Наконец, обе указанных модели исходят из признания того факта, что политическая система в стране является стабильной, в которой воспроизводство и сохранение предпочтений является нормой, а переориентация и трансформация — исключением. Электоральная летучесть является маргинальным феноменом, охватывающим менее образованных, менее заинтересованных и менее политизированных граждан.

В начале 60-х гг. подобный феномен был выявлен и во Франции, где разделение избирателей осуществлялось не по линии партийных различий, а по линии раздела избирателей на левых и правых. Менее образованные, менее информированные и менее заинтересованные граждане образуют во Франции так называемое «болото», которое иногда играет решающую роль в судьбе коллективного выбора избирателей и отношении которого к голосованию характеризуется летучестью.

Как было показано выше, социальные переменные оказывают существенное влияние на выбор и политическое поведение избирателей. Однако выборы последних лет выявили изменчивое поведение больших групп избирателей. Такое поведение как бы вступает в противоречие с устойчивостью их электорального выбора, что должно было бы быть, если бы действовали в полной мере социальные переменные. Политологи и социологи на основе своих анализов сделали вывод о прагматичности электорального поведения избирателей, которое все активнее заявляет о себе в последние десятилетия. Появилась значительная группа избирателей, свободная от воздействия

того, что мы называем социальной принадлежностью индивидов. Эта группа избирателей руководствуется в своем выборе рациональностью и стратегическим расчетом в своем электоральном выборе и поведении.

Изменение электорального поведения избирателей, отмеченное с начала 70-х гг. прошлого столетия, как выяснилось, связано с воздействием на политический выбор так называемых неотложных факторов (средства коммуникации, предвыборные социологические опросы и политическая коммуникация), влияние которых в политической жизни демократических стран все более возрастает.

Сразу же следует сказать, что учет влияния конъюнктурных переменных вовсе не отменяет необходимости считаться с влиянием на электоральное поведение избирателей социальных переменных. Речь в данном случае идет о том, что поведение избирателя, которое прежде анализировалось только на основе социальных переменных, может изменяться, в отдельных избирательных кампаниях весьма существенно, под воздействием конъюнктурных переменных, или, говоря иначе, под воздействием содержания и характера «электорального предложения».

18.3. Избиратель как стратег

А. Избиратель, свободный от стороннической идентификации?

В начале 60-х гг. прошлого столетия модель Мичиганского университета была подвергнута критике на основе изучения двух вопросов — поведения «болота» и электоральной мобильности. Вопреки представлениям ученых из Мичигана, которые рассматривали мобильность как маргинальный феномен, присущий менее информированным и менее политизированным гражданам, в новом подходе, предложенном американским социологом Вальдмиром Орландо Кеем, была поставлена задача доказать, что «избиратели не являются идиотами»¹.

В.О. Кей стремился реабилитировать смысл и рациональность поведения этих избирателей, которые в пода-

¹ Key Jr. V.O. The Responsible electorate: rationality in presidential voting 1936–1960. Cambridge, 1966. P. 7.

вляющем большинстве случаев являются расчетливыми и свободными. Избиратели, как полагает В.О. Кей, не подверженные влиянию социальных детерминант, не являются «болотом», и они не менее информированы и не менее политизированы, чем другие группы избирателей. Их выбор основывается на ставках избирательной кампании и на оценке личных качеств кандидатов в избранные. Кей показал, что указанные группы избирателей исповедуют, если можно так сказать, «ретроспективное голосование». Они вовсе не являются непоследовательными, безответственными или невключенными в политическую жизнь.

Индивид — избиратель предстает в таком подходе как фигура рациональная. Проблема заключается в том, что рядовой избиратель обладает весьма ограниченной информацией для своего электорального выбора. Это происходит так потому, что за редким исключением политическое предложение оказывается весьма неопределенным. Избиратель не может знать, насколько точны обещания кандидатов в избранные. И тем более он не может знать, в каком объеме эти обещания будут осуществлены. А потому он вынужден руководствоваться в своем политическом выборе собственной оценкой последствий для себя самого и для страны политики, которая проводилась находившейся до выборов правящей командой. И **голосование рядового избирателя является личной оценкой проводившейся до выборов политики**, которая, как показывает политическая практика многих демократических стран, как правило, не претерпевает радикальных изменений. Даже приход к власти левых сил во Франции в начале 80-х гг. в конечном счете мало что изменил в политике государства. Это было подтверждено и последующей сменой «политического караула» в этой стране и после прихода к власти правых сил во главе с Ж. Шираком.

Согласно Кею, «избиратели могут отказаться только от того, что им было известно; или они могут одобрить только то, что им также было известно. Они в массе своей плохо приспособлены к тому, чтобы дать себя увлечь обещаниями новизны или неизвестности»¹.

А потому есть все основания согласиться с выводом американских социологов в том, что электоральное решение является, по сути дела, «решением ретроспективным»².

¹ Key Jr. V.O. Op. cit. P. 61.

² См.: Fiorina M.P. Retrospective voting in American national elections. New Haven, 1981. P. 6.

Выводы В.О. Кея в начале 70-х гг. были развиты и систематизированы в работе «Изменение американского голосования»¹, в которой группа авторов подвергла серьезной критике парадигму Мичигана. Эта критика вытекала из констатации развивавшегося в США кризиса того, что получило наименование **стороннической идентификации**. В США это в полной мере выражается в отношении к обеим политическим партиям, с одной стороны, а с другой — в росте численности так называемых «независимых» избирателей. Более того, даже если указанная идентификация сохраняется, ее влияние, как выявили американские социологи, на избирателей, на их электоральное поведение стало намного меньшим, нежели прежде. Она, значит, оказывает меньшее влияние на результат голосования. Меньшее значение в выборе избирателя стали в США играть социальные детерминанты.

Авторами указанного труда был сделан вывод о том, что голосование американцев испытывает на себе воздействие так называемых «ставок». И потому американцы все меньше руководствуются своими симпатиями к той или иной партии (сторонническая идентификация, согласно парадигме Мичигана). На их электоральное поведение все меньше влияние оказывают социальные и культурные детерминанты, как полагают ученые Колумбийского университета. Избиратель США высказывается в последние 2–3 десятилетия в пользу того кандидата, позиции которого по ключевым политическим вопросам (ставкам избирательной кампании) в большей мере отвечают его собственному пониманию и отношению.

Рассматриваемое нами изменение в политической жизни США стало результатом двойственного изменения. С одной стороны, в американском публичном пространстве в отличие от 40–50-х гг. прошлого столетия появились новые политические ставки. Они оказывают большее мобилизационное воздействие на избирателей, а также приводят к растущей поляризации общественного мнения в стране. С другой стороны, в США появился «новый избиратель», который является более автономным, более заинтересованным в политике и более компетентным в ней, в отличие от апатичного и слабоинформированного избирателя в парадигме Ми-

¹ См.: Nie N.H., Verba S., Petrocik J.R. The Changing American voter. Cambridge, 1976.

чигана. Более того, авторы «Изменения американского голо-сования», развивая подход Кея, указывали на то, что «новый избиратель» является не только лучше информированным и более политизированным, но и более рациональным.

Указанное изменение политической жизни в США является результатом социальной трансформации в этой стране, которая изменила условия жизни граждан, преобразовала систему ценностей, а также природу и иерархию забот большей части населения в западных обществах. Такой вывод, как известно, был сделан американским социологом и политологом Рональдом Инглхардом. Он, в частности, указал на то, что с последней трети XX в. в развитых странах происходит сдвиг от материальных ценностей модерна, для которого было особенно характерно доминирование инструментальной рациональности, к постматериальным ценностям постмодерна, что повлекло за собой целый ряд социетальных изменений — от институциональных изменений (демократизация, распространение новых социальных движений) до изменения гендерных ролей и сексуальных нравов, ослабления традиционных религий и т. д.

Ценности постмодерна получили наибольшее распространение в развитых капиталистических странах, а также среди обеспеченных и хорошо образованных групп населения в любой стране мира. Изменения в логике постмодерна осуществляются по двум основным направлениям. Во-первых, их базовые системы ценностей характеризуются, в частности, сдвигом от материальных к постматериальным ценностям (ядро процесса постмодернизации). А во-вторых, их институциональная структура, в основе которой находится иерархическая бюрократическая организация, начинает терять поддержку граждан (легитимность), приближается к пределу своей функциональной эффективности и все меньше соответствует изменяющейся системе ценностей. А поскольку системы ценностей являются культурной основой легитимации политического или экономического порядка, то их изменения вызывают значительные социетальные (и политические) последствия¹.

Эти изменения не могут не налагать отпечаток и на электоральное поведение, и на политический выбор изби-

рателя. Причем данное утверждение относится не только к США.

В середине 80-х гг. прошлого столетия «новый избиратель» заявил о себе и в Европе. В частности, во Франции этому способствовал контекст быстрых политических изменений, чем были отмечены выборы 1981, 1986 и 1988 гг., когда сначала левые сменили у власти правых, потом — правые левых (если речь вести о правительстве), а в 1988 г. вновь к власти пришли левые во главе с Ф. Миттераном. В эти годы, как отмечали видные аналитики, поведение французского избирателя все больше стало характеризоваться индивидуально выраженным политическим поведением. Это поведение отныне определяется не только «социологически», но и приобретает все более черты индивидуального политического выражения. Не случайно Жорж Лаво отмечал: «Избиратель... конечно, делает свой выбор, который в той или иной мере "обусловлен" его социальной ситуацией, его религиозными предпочтениями, уровнем образования, предшествующей социализацией; но он также вынужден учитывать все элементы электорального предложения переживаемого момента»¹.

Что имеется в виду? Речь идет об электоральном предложении, ставке момента выборов, уровне избирательной кампании, известности партии или кандидата, результатах предыдущего голосования и т. д.

Два года спустя французские политологи Алэн Лансело и Филипп Абер на основе анализа результатов выборов 1988 г. пришли к выводу о том, что именно появление «нового избирателя», рост его численности позволяют объяснить смену большинства. Такой вывод был невозможен в рамках прежних подходов в исследовании электорального поведения, связанных с решающим влиянием социологических переменных и стабильностью выбора избирателя². Этот «новый избиратель», находящийся между правыми и левыми, характеризуется своей «электоральной нестабильностью, способностью адаптироваться к политическому предложению и стратегическим ставкам всеобщих выборов»³.

¹ Lavau G. L'électeur devient-il individualiste? // Bimbaum P., Leca J. Sur l'individualisme. P. 326.

² См.: Le Figaro. Élection législatives de 1988? Paris: Le Figaro — Études politiques. 1988. Juin. P. 16.

³ Ibid

¹ См.: Мир политической науки: Учебник: В 2 кн. Кн. 2. Персоналии. Путеводитель по науч. биограф. и концепциям ста видных представителей политической мысли. М., 2005. С. 165–170.

«Новые избиратели» составляли на тот момент около 10 % электората. Однако они играли решающую роль в ходе голосования, т. к. оказывали влияние на формирование большинства.

Немалый интерес представляют социологические характеристики «нового электората». Это преимущественно молодые мужчины, почти наполовину (43 %) моложе 35 лет. В этот электорат включаются представители средних классов, а также лица наемного труда. В своем большинстве они имеют хорошее образование, что подтверждено дипломами разных уровней.

«Новый электорат» отличается от традиционного тем, что в последнем в большей мере представлены женщины, пенсионеры, неработающие, а также тем, что в нем ниже и уровень образования.

С точки зрения ценностей и политических позиций «новые избиратели» отличаются прежде всего *политическим центризмом*: 41 % из них относят себя именно к центру, тогда как по стране этот показатель не превышает 27 %. Неудивительно, что в своем большинстве «новые избиратели» высказываются за «создание крупной центристской партии», а также за формирование правительства из представителей блока сил, в который входили бы Социалистическая партия, а также правые партии — Союз за французскую демократию и Объединение в поддержку республики.

Во-вторых, «новых избирателей» отличает *утологический центризм* как в том, что касается вопросов безопасности граждан, вмешательства государства в экономику, так и в вопросах отношения к понятиям «капитализм», «либерализм», «социализм», «национализм», «прибыль», «приватизация», «индивидуализм». Это и многое другое отличает их решительным образом от позиций тех сил, которые относятся к тому, что получило наименование «болото».

Наконец, «новые избиратели» характеризуются и *новым отношением к политике*, для которого характерно их дистанцирование от политической игры, политиканства. Они руководствуются некой новой логикой политической активности, в которой едва ли не решающее значение имеет личный выбор, в котором отражается их стратегическая адаптация к электоральному предложению и ставкам на выборах¹.

¹ См.: Le Figaro. Election législatives de 1988? P. 23.

Данный вывод был подвергнут серьезной критике. На основе данных голосования во Франции в 1986 и 1988 гг. ученые Центра по изучению политической жизни Франции пришли к следующим выводам. Электоральная нестабильность характерна для молодых людей, имеющих невысокий уровень образования, не очень-то интересующихся политикой. А их электоральное поведение в значительной мере схоже с поведением тех избирателей, которые в массе своей относятся, по французской терминологии, к «болоту».

Летучий характер части электората получил подтверждение и на выборах в 90-е гг. Однако этот электорат немногочислен, часто меняет свою политическую позицию, весьма далек от информированности и не является политически компетентным. В него входят безработные и рабочие, которые позиционируют себя в центре политического спектра страны, имеют невысокий интерес к политике и весьма критично относятся к состоянию демократии в стране¹.

18.4. Является ли избиратель рациональным?

В 70-е гг. прошлого столетия, учитывая указанные новые проявления в политическом поведении избирателей, политологи обратили свое внимание на подходы, которые были выработаны в экономических науках. Поведение избирателей стало подвергаться анализу с позиций утилитаризма. В итоге был переформулирован постулат о рациональности политического актера.

«Экономическая теория демократии»

В конце 50-х гг. экономист Энтони Даунс в развитии подхода, предложенного ранее Й. Шумпетером², выдвинул идею анализа структур политического поля и его функционирования по аналогии с полем экономическим. «Экономическая теория демократии»³ заключается в переносе в политическое поле утилитаристских постула-

¹ См.: Lecomte J.-Ph. Op. cit. P. 461–463.

² См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

³ См.: Downs A. An economic theory of democracy. N. Y., 1957.

тов неоклассических экономистов, которые, как полагал Э. Даунс, вполне применимы для всех сфер социальной активности. В таком подходе анализ строится вокруг фигуры *homo economicus*, который выступает как идеальный тип индивидуального политического актера, стремящегося максимизировать возможность удовлетворения своего интереса (чаще всего материального). Осуществляя свой выбор, в том числе и при голосовании, такой политический актер будет стремиться найти оптимальное решение, которое принесло бы ему наибольшую выгоду.

Политическое поле, согласно Э. Даунсу, рассматривается как рынок, на котором предприниматели (политические лидеры), находящиеся во главе фирм (политические партии), соперничают между собой в завоевании части политического рынка (за голоса избирателей). Цель такого соперничества — утверждение контроля над политической властью и получение выгод, которые являются следствием такого контроля. Избиратель на рынке обменивает свой голос (как своеобразную «денежную» единицу покупательной способности) на блага, которые он сможет получить в итоге победы той политической партии или политического лидера, за которых он отдает свой голос.

Политический предприниматель вовсе не стремится осуществлять ту или иную политику или осуществить некий проект общества, о которых он твердит в своих речах перед избирателями. Его цель — добиться тех выгод, которые дает обладание политической властью. Избиратель же на основе оценки продуктов (политических программ), которые ему предлагаются, делает свой электоральный выбор на основе определения для него цены предложений политиков и тех выгод, которые он сможет получить в итоге их реализации. В результате политические предложения первых (предпринимателей) и запросы вторых (избирателей) встречаются друг с другом на рынке и стихийно адаптируются друг к другу.

В такой схеме мотивация электорального выбора определяется стремлением избирателя добиться оптимального удовлетворения своих, прежде всего материальных, интересов. При этом неотложные интересы могут вступать в противоречие с его интересами долгосрочного характера. Э. Даунс пишет в этой связи: «Каждый гражданин голосует за ту партию, о которой он думает, что ее политика принесет ему самую большую вы-

году (*higher utility income*) в грядущей легислатуре, что не сделает никакая другая партия. Для того чтобы знать, о какой партии идет речь, он сравнивает выгоды, которые он сможет получить от осуществления власти каждой из партий. [В двухпартийной системе...] различие между ожидаемыми выгодами определяет сторонническое расхождение гражданина. Если расхождение позитивное, он голосует за находившуюся у власти партию, если негативное — за оппозицию, а если нулевое, он просто не голосует»¹.

Рассматриваемый подход позволил довольно успешно развивать моделирование характера избирательной кампании на основе цены и выгоды для избирателя ожидаемых итогов голосования. Это открыло путь для математической формализации, которая строится на основе использования теории игр.

Нужно сказать, что данный подход имеет ограниченные возможности в силу своей известной иррациональности. В самом деле, невозможно представить себе избирателей в отрыве от их исторического развития, социальной принадлежности к тому или иному слою или классу, без учета социально-политического контекста общественного развития. Таких индивидов в реальности просто не существует. Это к тому же вступает в противоречие с самой сутью политической науки, которая не может не учитывать реальность социального мира.

Недостаточность и переформулирование постулата рациональности

Утилитаристская логика, заложенная в модели анализа электорального выбора Э. Даунса, предстает как некий парадоксальный акт. Выгоды от предполагаемого выбора избирателя всегда меньше, а иногда оказываются равными нулю на фоне цены голосования. Это связано с тем, что строго логически рациональный расчет в большинстве случаев должен неизбежно вести избирателя к неучастию в голосовании, тем более что большинство ожидаемых выгод вписываются в так называемое коллективное благо. А потому избиратель как бы неизбежно подталкивается к стратегии, которую американцы называют *free-rider* («незаконный пассажир»). На основе

¹ Downs A. Op. cit. P. 38–39.

этой стратегии индивид получает некие выгоды, не неся в своем решении бремени его цены. И тем не менее индивид голосует. Этот **парадокс голосования** отражает противоречие известному положению Э. Даунса: «При демократии рациональные индивиды в определенной мере мотивируются смыслом социальной ответственности, относительно независимой от своих краткосрочных выгод и потерь»¹.

Эта социальная ответственность, а также стремление сохранить демократическую политическую систему побуждает индивидов принимать участие в голосовании даже в случаях, когда у них нет ясно выраженной привязанности к той или иной политической партии. Единственным побудительным мотивом оказывается желание жить в условиях демократии. И это превышает цену голосования: «В силу того, что последствия общего поражения голосования являются очевидными и ужасными и потому, что цена голосования является низкой, некоторые индивиды, по крайней мере, могут испытывать на основе рациональных оснований побуждение к голосованию даже в тех случаях, когда их краткосрочные личные выгоды ниже их личной цены»².

Есть все основания вслед за Э. Даунсом полагать, что долгосрочные выгоды избирателя связаны с сохранением демократической политической системы, что превышает и своей ценой, и своей полезностью неотложные выгоды избирателя.

К сказанному следует добавить следующее. Если соглашаться с тем, что избиратель действует на выборах на основе рассчитанной им полезности для себя, то эта полезность не может сводиться только к тем выгодам, которые индивид получит от победы на выборах той или иной политической партии. Тем более ее (полезность) нельзя сводить только к неким материальным выгодам того или иного индивида. Впрочем, нельзя сводить эту выгоду и к стремлению сохранить демократическую политическую систему. Не меньшее значение имеет явно присутствующая в голосовании избирателей их привязанность к этике демократии и стремление делать свой выбор на основе правил этой этики.

¹ Downs A. Op. cit. P. 267.

² Ibid. P. 269.

Еще одна проблема утилитаристской логики голосования заключается в том, что в политическом поле, как и в других сферах социальной жизни, **индивидуальные действия не могут быть сведены только к рациональным действиям**. А сама рациональность не может ограничиваться только расчетом полезности для избирателя его электорального выбора. Не случайно Жорж Лаво отмечал, что «в большинстве демократических стран голосование спонтанно воспринимается большинством избирателей как долг еще до того, как оно будет рассматриваться как "рациональное" действие»¹.

И политическое поведение населения нельзя сводить только к утилитаристской модели.

Так, голосование за ту или иную политическую партию, которая не имеет никаких шансов победить на выборах или войти в правящую коалицию партий и даже не имеет шансов получить свое представительство в парламенте, такое голосование назвать иначе как иррациональным просто нельзя. А потому в утилитаристском подходе такое голосование не имеет права на жизнь.

Однако в реальной жизни немало избирателей, принимающих участие в голосовании, руководствуются вовсе не «инструментальной рациональностью», а «рациональностью аксиологической». Голосование, скорее, осуществляется на основе неких жизненных принципов, а не на основе оценки последствий, к которым результаты голосования могут вести².

Не случайно более взвешенный подход к оценке места и роли рациональности, как, впрочем, и ее природы, потребовал переосмысления указанного феномена. Джон Элстер выдвинул гипотезу **ограниченной рациональности**, которая отражает тот факт, что индивиды нередко выдвигают такие цели, которые не могут быть реализованы. К тому же многие индивиды готовы пожертвовать долгосрочными выгодами лишь для того, чтобы получить неотложное удовлетворение своего желания, чаще всего материального. Нередко индивиды действуют на основе иррациональности, вопреки рациональным доводам.

¹ Lavau G. L'électeur devient-il individualiste? // Birbaum P., Leca J. Sur l'individualisme. P. 319.

² См.: Boudon R. Le «paradoxe du vote» et la théorie de la rationalité // Revue française de sociologie. Vol. 38. 1997. № 2. Avril-juin. P. 223-224.

И потому в поступках и политическом поведении людей присутствует не только утилитаристская логика. Джон Элстер в этой связи утверждает следующее: «Полная характеристика человеческой природы должна соответствовать, по крайней мере, следующим чертам: человек может быть **рациональным**, в том смысле, что он может добровольно жертвовать неотложным вознаграждением во имя будущего вознаграждения. Человек часто является иррациональным и подтверждает тем самым слабость своей воли. Даже когда человек является иррациональным, то он знает об этом и может побуждать себя действовать в том же духе в большей мере, чем пытаться противостоять своей собственной иррациональности»¹.

Учитывая практическую нереальность постулатов утилитаризма, Герберт Саймон, лауреат Нобелевской премии по экономике 1978 г., предпринял попытку переформулировать утилитаристский подход с тем, чтобы придать ему смысл, который бы в большей мере отвечал реальности человеческого поведения, а также учету когнитивных и социальных условий индивидуального выбора. Он исходит из того, что в реальной ситуации политические актеры осуществляют свой выбор в условиях нехватки времени и информации. А потому он, принимая решение, руководствуется не столько принципом его **оптимальности**, сколько стремлением принять более или менее **удовлетворительное** решение. Действуя таким образом, индивид является рациональным, но эта рациональность носит **ограниченный характер (bounded rationality)**. При этом рациональным является не столько результат сделанного выбора, сколько подход к принятию решения. Логика такого выбора получила наименование **процедурной рациональности**.

В таком подходе к рациональности удастся примирить наследственные предпочтения и стратегическую автономию актера. При этом полагается, что социальная, культурная, профессиональная, статусная идентичность актеров частично отражается в «границах» этой рациональности, по крайней мере, в определении их предпочтений, критериев их удовлетворения, условиях получения информации, использованных индикаторах и категориях.

¹ Elster J. La Laboureur et ses enfants Deux essais sur les limites de la rationalité. P., 1986. P. 189–190.

Если исходить из того, что голосование осуществляется на основе стратегического расчета избирателя, то цели и пути достижения их на основе указанной стратегии в значительной мере ограничены или определены (детерминированы) тем, кем социально и культурно этот избиратель является, а также тем, какое воздействие на него оказывает политическая конъюнктура.

В последние годы при анализе электорального поведения и выбора все большее распространение получает так называемый прагматичный подход, который учитывает условия электорального выбора. Этот выбор не является полностью свободным. Но это не означает, что избиратель обречен на подчинение внешним для него принуждениям. Определенную свободу, пусть и ограниченную, при принятии своего решения индивид не утрачивает.

18.5. Информация и выбор избирателя

Одним из важных и сложных вопросов политической социологии является влияние средств массовой информации и опросов общественного мнения на выбор избирателя. С одной стороны, можно со всей определенностью говорить, что в процессе избирательной кампании избиратель подвергается воздействию и СМИ, и опросов общественного мнения. Однако это влияние, конечно же, сочетается со всеми иными факторами, включая и политический контекст той или иной избирательной кампании.

А. Влияние СМИ в ходе избирательной кампании

Изначально, с появлением радио, кино и возникновением будущего могущественного средства пропаганды — телевидения, анализ влияния СМИ на избирателя строился в инструментальном ключе. Такой подход был характерен для авторитарных и особенно тоталитарных режимов в межвоенный период. Это нашло, например, отражение в книге «Насилие над толпой при помощи политической пропаганды»¹, которая была издана еще в 1939 г. Сергеем Чахотиным. Позднее вопросы влияния СМИ подвергались

¹ См.: Tchakhotine S. Le Viol des foules par la propagande politique. P., 1973.

анализу многими исследователями, в том числе в США, где плодотворно в этом направлении работал коллектив ученых Колумбийского университета под руководством П. Лазарсфельда.

Выводы различных исследователей отнюдь не были одинаковыми. Одни из них настаивали на сильном влиянии СМИ и пропаганды на электорат, с помощью которых осуществлялась манипуляция системами представлений граждан. Это облегчало для властей решение задачи их включения в авторитарную политическую систему (С. Чахотин). Другие связывали с деятельностью СМИ и пропаганды апатию и слепоту граждан даже демократических стран (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе). Эти подходы не имели большого влияния на социальные науки, в которых в 40-е гг. прошлого столетия господствовало убеждение в том, что влияние на избирателя СМИ оказывают незначительное.

От «насилия над толпой» к парадигме ограниченных эффектов

В силу радикального характера и известной простоты подход Чахотина может быть назван «моделью подкожной спринцовки». СМИ, будучи послушными инструментами власти, передают речи и программы пропаганды, «впрыскивают» верования, идеи и модели поведения пассивным и незащищенным от их влияния индивидам. В этом процессе нет места для искажения послания. Подобно тому как пациент получает вакцину (точнее сказать — яд), которая ему вводится, гражданин получает послание через посредство СМИ без какой бы то ни было утраты его смысла. При этом он не имеет возможности ему противостоять. Такая модель в полной мере применима к условиям тоталитарного общества, члены которого сильно индивидуализированы и атомизированы. Они утратили связи с группами своей социальной принадлежности, что создает возможность для активного влияния СМИ и пропаганды на поведение индивида.

Ученые Колумбийского университета под руководством П. Лазарсфельда поставили под сомнение указанную модель. На основе опросов, произведенных этими учеными на президентских выборах 1940 г., они проанализировали роль электоральных кампаний в формировании выбора из-

бирателя. Результаты этого опроса были опубликованы в 1944 г. в работе под названием «*The People's Choice*», а потом уточнены в 50-е гг. еще в одной книге¹. Был сделан вывод о том, что **воздействие избирательной кампании**, а также СМИ вне электорального контекста и по другим поводам носит **ограниченный и косвенный характер**.

Ограниченный характер воздействия связан с **селективными процессами изложения** посланий гражданам, а также **селективным характером восприятия и запоминания** тех же самых посланий. В последующем работы, связанные с социологией коммуникаций, подтвердили первую из названных нами констатаций. Теории «когнитивного расхождения»² превращают само исследование и сохранение его когерентности в одну из основных черт индивидуальных когнитивных систем. Цена постановки под вопрос схем представлений, полученных иногда еще в детстве, облегчает принятие ими посланий, которые им соответствуют, и, наоборот, затрудняет принятие посланий, которые являются несовместимыми с принятыми системами представлений. Здесь мы вплотную оказываемся в поле размышлений П. Бурдьё, который опирался, как было показано выше, на понятие **габитуса**.

«Габитус как принцип избирательного восприятия признаков, — писал он, — способен скорее его подтвердить или укрепить, нежели трансформировать, и как порождающая матрица ответных реакций, заранее приспособленных ко всем объективным условиям, тождественным или гомологичным прошлым условиям своего формирования, определяется в зависимости от возможного будущего, которое он упреждает и в построении которого участвует, поскольку он его непосредственно "читает" в настоящем предполагаемого мира — единственного, который он когда-либо может познать»³.

Повторим еще раз: влияние СМИ и избирательной кампании на граждан является **косвенным**. Это влияние

¹ См.: *Lazarsfeld P.F. et al. The People's Choice. N.Y., 1944; Kat E., Lazarsfeld P.F. Personal influence: the part played by the people in the flow of mass communication. Glencoe, 1955.*

² См.: *Festinger L. A Theory of cognitive dissonance. Stanford, 1962; Poitou J.-P. La Dissonance cognitive. P., 1974.*

³ *Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 126.*

опосредовано первичными группами и особенно внутри них — *лидерами общественного мнения*. Исследование, проведенное в США в 1946 г. в штате Иллинойс, позволило выявить роль этих лидеров, влияние которых на индивидуальный выбор сограждан, в том числе и в политической сфере, является определяющим, и оно превышает влияние самих СМИ. Кроме того, оказалось, что именно эти лидеры являются основными потребителями информации, идущей от СМИ, а также и основными передатчиками сути получаемой ими информации.

Процесс коммуникации в итоге предстает в виде двух ступеней (*two-step flow of communication*). На первой ступени информация идет от СМИ к лидерам общественного мнения, а на второй — от лидеров общественного мнения к социальным группам. Следует сказать, что ученые Колумбийского университета радикально порывают с атомистическим видением массового общества и рассматривают индивидов с учетом их включенности в определенное социальное окружение (речь, значит, нужно вести о группах принадлежности индивидов и идентификации), а также указывают на влияние этого окружения на формирование политический позиций и политического выбора.

Ограниченное влияние избирательной кампании на электоральный выбор как бы продолжает развивать выводы исследования 1940 г. Так, каждый второй респондент изменял как минимум один раз свою позицию в ходе избирательной кампании. Однако более половины из них (28 % всей совокупности) после некоторых колебаний возвращаются к своему изначальному намерению в голосовании. Так называемые перебежчики составляли лишь 8 %. При этом изменение позиции избирателя связано далеко не всегда с влиянием СМИ или всей избирательной кампании. Решающую роль в изменении позиции избирателей, как показали исследования ученых Колумбийского университета, играет влияние социальных групп и лидеров общественного мнения.

Последующее развитие событий во многих странах показало, что влияние СМИ и избирательной кампании распространяется вовсе не на весь корпус избирателей: люди, имеющие твердые политические позиции, а также те из граждан, что не принимают участия в политической жизни и не интересуются политикой, не подвержены влиянию СМИ. Оно распространяется только на группу лиц, не имеющих твердых политических позиций.

Выводы ученых Колумбийского университета были в полной мере оправданными до выхода на передний план в области коммуникаций телевидения. Превращение телевидения в едва ли не основное средство коммуникации и эффективность его влияния на население как бы возрождали прежние представления о всемогуществе СМИ, которые получили распространение в первые послевоенные годы.

Не вызывает сомнения тот факт, что телевидение превратилось в достаточно сильное принудительное средство для граждан и всех политических организаций. Оно решительным образом изменило характер отношений между *политиками, властями и населением страны*. Изменился и характер политических речей и выступлений, которые отныне не адресуются какой-то одной специфической группе населения. Они адресуются всему населению, социально, культурно и политически разнородному. Все большее значение приобретает форма коммуникации, которая превазирует даже над ее содержанием. Нередко оказывается так, что собственно политический аспект проблемы, освещаемой в процессе коммуникации, оказывается если не стертым полностью, то просто на втором плане.

Следует сказать и о том, что исключительный, по сути дела, характер, который приобрело телевидение в процессе избирательной кампании как источник информации избирателей и средство воздействия на них кандидатов в избранники или партий, содействовало утверждению растущей персонализации политического поля.

Однако, каким бы большим ни было влияние телевидения, выводы ученых Колумбийского университета не могут быть поставлены под сомнение. Это связано с тем, что телевидение не изменяет селективного характера отношения индивидов к получаемой информации. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что информация политического характера нередко передается за рамками чисто политических передач, что, казалось бы, расширяет аудиторию, подвергающуюся воздействию телевидения. Однако в этом случае эффект такого воздействия снижается в силу того, что многие из зрителей могут быть отнесены к лицам, не интересующимся или мало интересующимся политикой. К тому же влияние лидеров общественного мнения в социальных группах и в обществе вообще отнюдь не прекратилось.

Функция повестки дня и косвенный эффект СМИ по убеждению

Начиная с 70-х гг. прошлого столетия в США появилось новое поколение исследователей, в большинстве своем вышедших из числа журналистов и стремившихся повысить роль СМИ в общественной жизни. Многие из них ставили перед собой задачу учесть изменения в структуре и устойчивости электората в силу чувствительности избирателей к политическим ставкам и политической конъюнктуре. Суть этого, во многом нового подхода к исследованию проблематики влияния СМИ и избирательной кампании на избирателя может быть представлена следующим образом.

СМИ «не стремятся большую часть времени говорить людям то, что они должны думать, они преуспевают, к величайшему удивлению, в том, о чем они должны думать»¹.

В рамках данного подхода исследования носили сравнительный характер: сопоставлялись повестка дня, получавшая отражение в СМИ (оценивалась количественная сторона публикаций по тем или иным сюжетам), и повестка дня, получавшая отражение в общественном мнении (на основе опросов, в которых закладывалась просьба к респондентам определить и иерархизировать наиболее важные, по их мнению, проблемы). На основе такого сравнения открывалась возможность выявить структуру интересов СМИ и общественного мнения. При этом вопросы, находившиеся в те годы на острие общественного мнения, получали достаточно быстро отражение и в СМИ. И получилось так, что, согласно рассматриваемым исследованиям, СМИ не определяют позицию общественного мнения. В лучшем случае они выявляют озабоченность общества, что может побудить граждан задуматься над той или иной общественно значимой проблемой. Появившаяся на свет теория функции повестки дня, правомерность которой подтверждают почти 30-летние научные исследования, возрождает в определенной мере идею могущественного влияния СМИ. При этом она не имеет ничего общего с «моделью подкожной спринцовки»².

Различие между вниманием к тому или иному сюжету и мнением общества о нем (причины возникновения, ответственные за его возникновение, решения по нему

и т. д.), особенно в период избирательной кампании, не всегда оказывается очевидным. Это связано с тем, что выдвижение на передний план той или иной проблемы (ставки) по-разному воспринимается разными политическими актерами и различным образом сказывается на их политической позиции в обществе. Так, проблематика общественной безопасности, выдвинутая в период президентской избирательной кампании во Франции в 2002 г., с одной стороны, содействовала получению поддержки избирателей кандидатом в президенты Ж. Ширака как представителя правых сил, однако, с другой стороны, данная проблематика на протяжении ряда лет активно проповедовалась лидером Национального фронта Ж.-М. Ле Пенем, также выдвинувшим свою кандидатуру на пост президента на этих же выборах. Это сыграло немалую роль в том, что он смог получить значительную поддержку избирателей и выйти во второй тур выборов.

Нужно видеть и косвенный аспект влияния функции повестки дня. Рассмотрению данной проблематики при анализе роли СМИ было уделено немалое внимание в разных странах с конца 80-х гг. Некоторые исследователи выявили феномен «запуска» (*priming*), который заключается в способности СМИ изменять критерии политических оценок граждан, т. е. критерии оценки ставок, а также и критерии оценки деятельности тех или иных политических актеров и/или институтов. Так, выдвижение на передний план той или иной проблемы (ставки) в период избирательной кампании может существенно изменять и все политическое предложение. Об этом свидетельствует только что приведенный пример по Франции.

Американский политолог С. Аенгар в рамках изучения указанной проблематики наряду с понятием «запуск» вводит понятие «упорядочение», в котором выражается «трактовка» того или иного политического сюжета (ставки). В трактовку вписывается то, что называется интерпретацией фактов. В зависимости от ее характера в глазах граждан (избирателей) складывается не только восприятие (сюжета) события, но и само понимание события или сюжета.

Трактовка, о которой идет речь, согласно С. Аенгару, может быть двух видов: *эпизодическая* и *тематическая*. Первая из них характеризуется иллюстрацией ставок на основе индивидуальных историй или частных событий,

¹ Cohen B.C. The Press and the foreign policy. Prinstone, 1963. P. 13.

² См.: Lecointe J.-Ph. Op. cit. P. 479.

вторая же — ставку контекстуализирует, указывая на ее основания и показывая меры по разрешению связанных с ней проблем. В первом подходе обвинение, если оно выдвигается, может быть предъявлено телезрителем на индивидуальном уровне, тогда как тематическая трактовка утверждает так называемую коллективную ответственность, что может подрывать позиции власти. Это является следствием того, что «индивиды стремятся упрощать политические ставки, сводя их к вопросам ответственности»¹. При этом трактовка информации связана не только с демонстрацией озабоченности граждан или уровнем их информированности. Она прямо способствует формированию мнений о правительстве или политике, которую оно проводит. А это во многом определяет политическую ориентацию электорального выбора.

Тот факт, что определенная трактовка информации может изменять оценки и выбор избирателя, не означает того, что тематическая трактовка и процесс выработки политической повестки всегда являются осознанной стратегией влияния или манипуляции сознанием людей. И трактовка, и повестка, о которых идет речь, нередко являются результатом собственной логики журналистской деятельности, общественного интереса и некоторых требований, которые предъявляют к своим работникам различные СМИ. Так, эпизодическая трактовка вопроса безработицы на телеканалах связана с тем, что, во-первых, такой факт — объективная реальность, с одной стороны, а с другой — невозможно с помощью современной телевизионной техники показать причины безработицы. Телевидение имеет возможность (и оно этим пользуется) создавать сюжеты, которые вызывают у телезрителей чувство сострадания к бедным людям, необходимости социальной защиты этих людей и т. д.

Нельзя не сказать и еще об одном участнике политической повестки — о правительстве. Правительство, особенно в период избирательной кампании, стремится действовать согласованно с повесткой, которая формируется общественным мнением, и с повесткой, которая предлагается СМИ или находит отражение в их деятельности. Это позволяет правительству, с одной стороны, двигаться

в ногу со временем, а с другой — прямо влиять и на мнение сограждан, что может сказаться (и сказывается) на результатах голосования.

И еще об одном. Влияние СМИ нельзя переоценивать. Ибо сами СМИ не могут создавать национальных проблем там, где их просто нет. Не могут они и скрыть полностью те проблемы, которые реально существуют в обществе. И потому функция повестки не может быть чисто механической. Если интересы СМИ и журналистов, с одной стороны, и населения — с другой, полностью расходятся, то заинтересовать граждан и избирателей, в том числе тем, что занимает СМИ и журналистов, просто невозможно.

18.6. Влияние опросов общественного мнения на избирателя

Опросы общественного мнения появились в США. Здесь президентские выборы 1936 г., когда был избран президентом страны Рузвельт, подтвердили результаты опросов, проведенных по данному вопросу в 1935 г. С этого момента опросы получили легитимность в глазах общественности и властей. С конца 30-х гг. опросы получают распространение и в Европе. Однако свое полное признание они получают позднее. Так, во Франции они были использованы при проведении первых президентских выборов на основе всеобщего голосования, которые были проведены в 1965 г. Накануне выборов была предсказана победа в первом туре голосования генералу де Голлю.

В настоящее время опросы используются не только при подготовке голосования. С их помощью выясняется мнение населения по самым разным вопросам. Однако свое политическое значение опросы в полной мере проявляют и подтверждают в период избирательных кампаний.

С 1936 г. сама практика опросов получила и получает до сих пор существенную критику за то негативное влияние, которое опросы оказывают самим фактом своего существования. Главное острие этой критики связано с тем, что опросы искажают «чистоту» воли избирателей. Указанная критика ведется по трем направлениям.

1. В августе 1936 г. в передовой статье газеты «Нью-Йорк таймс» писалось о том, что опросы представляют собой угрозу для чистоты голосования... Опрос, который

¹ Iyengar S. Is anyone responsible? How television frames political issues. Chicago, 1991. P. 8.

объявляет одного из кандидатов победителем, лишает надежд на победу его соперника. Толпа в своей массе направляется к объявленному победителю.

2. В то же время считалось, что объявление вероятных результатов соперничества на основе данных опроса побуждает часть избирателей из симпатии или жалости или из стремления уравновесить результаты голосования отдать свой голос за кандидата, поражение которого было предсказано.

При этом считалось, что обе эти тенденции в вероятном электоральном поведении как бы уравнивают друг друга.

3. Кроме того, высказывалось мнение и о том, что опубликование до выборов результатов опроса ведет к росту абсентеизма среди определенной части электората. И хотя этот факт так и не получил своего эмпирического подтверждения, вероятность такого воздействия не исключается.

Неудивительно, что во многих странах, в том числе и в России, были введены жесткие ограничения в том, что касается проведения и опубликования результатов опросов. Так, введены обязательные для исполнения правила, связанные с опубликованием условий проведения опроса (выборка, место проведения и т. д.). Кроме того, накануне выборов запрещается опубликование результатов опроса.

Политологи и многие аналитики отмечают и такую особенность, связанную с проведением опросов. Широкое их использование в период всей избирательной кампании переключает внимание избирателей с анализа содержания политических дебатов на изучение результатов опросов общественного мнения. К тому же некоторые исследователи отмечают и такую опасность. Постоянное проведение опросов преобразовывает и саму политическую деятельность: избранные не столько озабочены самой политической деятельностью, сколько тем, как она воспринимается населением. А это поднимает проблему сути самой демократии, опасности ее вступления на путь демагогии.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

План главы

- 19.1. Понятие «политическая партия».
- 19.2. Происхождение и структура политической партии.
- 19.3. Функции политической партии.
- 19.4. Типология партий.

Одним из важнейших элементов политической системы общества выступают политические партии, которые главной задачей ставят завоевание и удержание политической власти, осуществление прямых и обратных связей между обществом и государством.

19.1. Понятие «политическая партия»

Термин «партия» имеет латинское происхождение (*pars* — означает «часть», *partio* — «делю, разделяю»). В значении группы лиц, выступающих в защиту определенной части населения, термин «партия» начал употребляться еще в Древней Греции и Древнем Риме. Так, Аристотель в свое время писал о борьбе между тремя партиями (жителей морского побережья, жителей равнин и жителей гор) в Аттике в VI в. до н. э. и о борьбе между партиями знати и народа более позднего периода. В Древнем Риме в период кризиса (кон. II — нач. I в. до н. э.) шла борьба между партией популяров, выражавшей интересы плебса (в основном сельского), и партией оптиматов, защищавших права и привилегии нобилитета, представлявшего патрицианские

и знатные плебейские семейства и располагавшего доступом к высшим государственным должностям.

В Средние века существовавшие политические группировки — «партии» чаще всего были временными объединениями коалиций придворных. Так, в период конфликта из-за государства между Священной Римской империей и папством (XII—XV вв.) борьба велась между партией гвельфов, выражавшей интересы пополюсов (торгово-ремесленных городских слоев Италии) и выступавшего за светскую власть римского папы, и партией гибеллинов, защищавшей интересы нобилей (феодалов) и выступавшей в пользу сильной императорской власти.

Становление политических партий в современном понимании связано с появлением представительных органов власти и расширением прав участия граждан в политической жизни и, в частности, в избирательных кампаниях. Уже к концу XIX в. успех на выборах превратился в основной фактор прихода к власти, а политические партии стали главным орудием в политической борьбе различных группировок, слоев и классов общества.

Однако, выражая групповые интересы и так или иначе проявляя свою самостоятельность и даже оппозиционность к государству, партии практически однозначно на начальном этапе своего существования воспринимались как источник кризисов и раскола общества. Антипартизм был наиболее распространенным идейным и психологическим течением. Его основной причиной было повсеместно распространенное убеждение, что только государство является выразителем народного суверенитета (либеральная традиция) и общей воли общества (феодално-аристократическая и монархическая традиция). Не случайно многие выдающиеся ученые и политики того времени отрицательно оценивали деятельность партий как нарождавшегося и набиравшего силу политического института. Исключительно популярной была идея заговора партий против государства. К примеру, Ф. Бэкон писал: «...усиление партий и раздоров между ними указывает на слабость государя и весьма вредит их славе и успеху их дела»¹. Т. Гоббс прямо указывал на то, что «...партии приводят к мятежам»², а Дж. Вашингтон в «Прощальном

послании» американскому народу предупреждал об опасных последствиях «партийного духа», характеризуя партии как «готовое оружие» для подрыва власти народа и узурпации правительственной власти. И только некоторые политические деятели той эпохи были более лояльны к партиям. Например, Н. Макиавелли, хотя и считал, что «образование партий — зло, а безнаказанность зла порождает во всех стремление разделяться на партии», все же оценивал их по-своему полезными, поскольку граждане, «умудренные пагубным опытом других» (подразумевалось: тех, кто испытывал порожденные партиями вражду и раздоры), «научились бы сохранять единство»¹.

В XIX столетии партии в основном укрепили свое положение в политической системе и стали важным механизмом представительства интересов общества. Совершенно справедливо известный испанский политолог Л.С. Санистебан утверждает: «Политические партии создаются наиболее проникательными представителями соответствующих социальных групп и классов, сознающими их непосредственные и долгосрочные интересы. Эти активные меньшинства превращаются в политические авангарды представляемых ими групп и руководят их борьбой за удовлетворение их реальных интересов. Таким образом, между политическими партиями и их социальной основой существуют отношения представительства»².

Политические партии имеют ряд признаков, отличающих их от других организаций, участвующих в политической жизни общества. Выделяется четыре основных критерия, по которым можно идентифицировать партию. Один из них — **долговечность (прочность) организации**, т. е. способность партии действовать в течение длительного периода. Этим партия отличается от различных фракций, клиентелистских групп, придворных клик, которые, как правило, исчезают с уходом их организаторов.

Другим критерием следует признать **наличие стабильных местных организаций**, тесно связанных с национальным руководством. Это означает, что партия является широкой, сложной, иерархизированной организацией, отличающейся, например, от парламентской группы, существующей только на национальном уровне и не рас-

¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 402.

² Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 109.

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1987. С. 44, 7.

² Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992. С. 70.

полагающей развитой и постоянной системой связей с организациями местного уровня.

Третий критерий, отличающий партию от любой другой организации, — **решительное устремление руководителей национального и местного уровней организации добиваться завоевания и осуществления политической власти.** В политической науке такое стремление иногда называют «волей к власти». На основе этого признака не составляет труда отличить политическую партию от любой другой организации.

И наконец, политическую партию отличает от многих других организаций **стремление получить всенародную поддержку населения на выборах или другим путем.** В этом отличие политической партии, например, от политических клубов. Последние не участвуют в качестве политических актеров на выборах и в парламентской жизни, хотя со временем клубы могут преобразовываться и в партии.

В определении сущности политической партии выделяют три основных подхода:

- а) партия как группа, основанная на идеологических связях;
- б) партия как организация;
- в) партия как представитель классовых интересов.

Так, крупный французский политолог М. Дюверже определяет партию как организацию, действующую в системе государства¹. В другом определении отмечается, что партии представляют собой стабильные иерархические организации, состоящие из обладающих одинаковыми политическими убеждениями лиц, которые совместно работают над достижением своих целей, имеющих идеальный (модель общества) или материальный (разного рода личные выгоды) характер².

Политическая партия определяется также как группа людей, организованных для того, чтобы гарантировать своим лидерам доступ в правительство и контроль над ним и в дальнейшем обеспечить членам партии (благодаря такому контролю) материальные блага и преимущество. Близкое ему определение дает и другой западный политолог, который понимает партию как организацию

активных политических лиц в обществе, тех, кто заинтересован в контроле над государственной властью и кто, добиваясь поддержки народа, соперничает с другой группой или группами, придерживающимися иных взглядов¹.

В современных условиях мало кто отрицает необходимость политических партий для демократии. Ведь демократия исходит из того, что правящие верхи должны учитывать интересы, чаяния народа и предоставлять всем гражданам возможность участвовать в формировании общей воли.

19.2. Происхождение и структура политической партии

Немецкий социолог М. Вебер выделяет три этапа в формировании политических партий: аристократические группировки, политические клубы и массовые партии. Такая последовательность в формировании политических партий характерна для Великобритании, где уже в XIX в. образовались и действовали две партии. Во второй половине XIX в. под воздействием промышленной революции, приведшей к формированию пролетариата, а также в связи с парламентскими реформами возникают массовые партии в Германии, США, во Франции и других странах. В Азии (Япония) первые политические партии появляются лишь в начале XX в.

Весьма динамично шел процесс формирования политических партий в России. К октябрю 1917 г. в России действовало 15 общенациональных и не менее 35 национальных политических партий (в национальных районах). Наиболее крупными по численности были партии социалистов-революционеров (эсеры) — более 500 тыс. человек, Российская социал-демократическая партия (большевики) — более 350 тыс. человек, Российская социал-демократическая партия (меньшевики) — 193 тыс. человек, Конституционно-демократическая партия народной свободы (кадеты) — 70 тыс. человек.

М. Дюверже выделяет два источника формирования политических партий. Один из них — **избирательный и парламентский**. Это значит, что партии рождаются и раз-

¹ См.: Основы политологии / Под ред. А. Боднара. Киев, 1990. С. 84.

² См.: Санистебан Л.С. Указ. соч. С. 70.

¹ См.: Шаран П. Сравнительная политология. Ч. 1–2. М., 1992. С. 203–204.

виваются вместе с демократией, т. е. вместе с расширением прерогатив парламента и утверждением всенародного голосования. В своей фундаментальной работе «Политические партии», изданной еще в 1951 г. и выдержавшей с тех пор около 20 переизданий, М. Дюверже показал, что по мере развития парламентаризма появляются парламентские группы, а признание выборов в качестве источника формирования власти привело к образованию комитетов избирателей. Что же касается политических партий, они появляются как инструмент координации деятельности парламентских групп и комитетов избирателей.

Вместе с тем, как свидетельствует М. Дюверже, некоторые политические партии возникают за пределами механизма выборов и парламентаризма. Он их назвал партиями «внешнего источника возникновения». К таким источникам относятся *профсоюзы* (на их основе возникли некоторые социалистические и рабочие партии, например лейбористская в Великобритании); *профессиональные объединения крестьян*, на базе которых возник целый ряд аграрных партий в Скандинавии и Центральной Европе; *церковь и религиозные группы*, положившие начало возникновению разного рода клерикальных партий; *промышленные и финансовые группы*, ставшие одним из важных источников формирования правых партий.

Согласно М. Дюверже, эти разнородные политические партии имеют некоторые общие черты, отличающие их от рассмотренной выше группы партий. К ним относятся: более централизованный характер, более строгая дисциплина, преобладающее влияние на избранников, а руководителей такого рода партий отличает, как правило, критическое отношение к тому, что называется «парламентскими играми».

Структура политической партии

Политическая партия является организмом, наделенным внутренней структурой. Одним из существенных ее элементов является **высший руководящий орган во главе с лидером партии**. Именно эта небольшая управляющая группа людей принимает все основные партийные решения. Для этого она обладает необходимыми средствами, обширной информацией о политической жизни обще-

ства, которыми в полном объеме, как правило, не располагают рядовые члены партии.

Руководящая группа партии держит под своим контролем внутренние связи партии, поддерживает внутрипартийную дисциплину на основе использования механизма санкций, обеспечивает представительство партии в органах государственной власти. Руководство партии является собой группу профессиональных политиков, которая на определенном этапе превращается в партийную олигархию, профессионально занимающуюся политической деятельностью.

Управляющая группа является необходимым элементом любой организации, т. к. обеспечивает эффективное функционирование организации. Такой вывод тем более применим в отношении политической партии, которая, как мы уже отмечали, претендует на осуществление властных полномочий в государстве, на руководство политическим курсом страны.

Развитие любой организации — и партия здесь не является исключением — четко проявляется в тенденции к обособлению и усилению позиций руководящего меньшинства. Как отмечал Р. Михельс, в результате организационных процессов все партии в конечном счете разделяются на руководящее меньшинство и руководимое большинство. В итоге происходит стихийное непрерывное отделение лидеров от масс. Чем больше расширяется и развивается официальный аппарат партии, тем больше вытесняется из нее демократия, заменяемая всесилием исполнительных органов.

Вследствие такого процесса в структуре партии вызревает конфликт между принципом организации и принципом демократии. Происходит это в результате неуклонного сосредоточения рычагов власти в руках незначительного меньшинства, которое и навязывает свою волю всем членам партии. Причины отрыва партийного руководства от рядовых членов партии Р. Михельс видел в технической неспособности большой массы людей к управлению, а также в несменяемости руководителей, в их закоренелом негативном отношении к рядовым членам.

Конечно, руководящий орган партии, ее лидер избираются представительными институтами партии (съезд, конференция) и тем самым приобретают необходимую легитимность. Однако факт остается фактом, принцип де-

мократии в партии явно нарушается, поскольку говорить о равных возможностях всех членов партии в принятии решений явно не приходится.

Выделение подобной тенденции в развитии партии и позволило Р. Михельсу сформулировать свой «железный закон олигархии»¹. Он писал: «Организация — вот что дает начало господству тех, кто избран, над теми, кто их избрал; тех, кто облечен доверием, над теми, кто это доверие оказал; тех, кто делегирован, над теми, кто наделил их полномочиями. Говорить об организации — это значит говорить об олигархии»².

Этот закон свидетельствует о том, что даже такие демократические процедуры, как всеобщее избирательное право, выборность и сменяемость политического руководства, мало что меняют в положении дел с распределением власти. В организации власть концентрируется в руках меньшинства. И потому М.Я. Острогорский считал, что на место партий с жесткой организацией «должны быть поставлены свободные общественные ассоциации, движения, ставящие перед собой более конкретные и выполнимые задачи разного рода, причем участие в одной из них не должно исключать участие в другой, так, чтобы два человека, оказавшиеся противниками по одному вопросу, стали затем союзниками по другому»³.

Второй элемент в структуре политической партии — наличие **стабильного бюрократического аппарата**. Он включает в себя определенный круг людей, работа которых соответственно оплачивается и которые получают хорошую возможность для продвижения в руководящее меньшинство, для разнообразной политической деятельности как представителя партии. Бюрократический аппарат играет важную роль в функционировании политической партии. Через него проходят принятые руководящим органом партии постановления, указания, инструкции, выполнение которых членами партии партийный аппарат организует.

¹ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 58.

² Цит. по: Каменская Г.В., Родионов А.И. Политическая система современности. М., 1994. С. 56.

³ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 354.

В процессе своего развития, особенно крупным партиям, может угрожать опасность их прогрессирующей бюрократизации, в итоге которой партийная верхушка начинает жить по своим законам, которые могут существенно расходиться с общепартийными интересами. Поэтому требуются постоянные усилия по преодолению такой опасности.

В качестве третьего элемента политической партии выделяется такая группа, как **активные ее члены, активисты**. Они, как правило, не входят ни в руководящие органы партии, ни в ее аппарат. Активисты могут руководствоваться самыми различными намерениями — от альтруистических до эгоистических, корыстных. Здесь может быть и желание удовлетворить свои идеологические и политические интересы и устремления, установить связи с нужными людьми, и желание получить некоторые материальные блага и поднять свой престиж, и стремление сделать карьеру, продвинуться к вершинам власти.

В любой партии существуют и **пассивные члены**. К ним относятся те, кто не проявляет особой активности, участвуя в жизни партии время от времени. Они не преследуют достижения каких-либо далеко идущих целей, не стремятся быть политиками и не ждут от партии помощи в самореализации как личностей.

Немаловажное значение для партии имеют **сочувствующие**. Формально они не являются членами партии, но разделяют ее программные и идеологические установки. Роль сочувствующих для партии неопределима. Ведь сами партии не особенно велики по численности в сравнении с числом жителей страны, даже если это массовые партии. Поэтому от масштабов армии сочувствующих может зависеть и судьба партии. Чем больше у партии сочувствующих, тем большей является вероятность ее победы на выборах, а значит, и прихода к власти.

Характерной чертой демократических партий является наличие в их составе, прежде всего в руководящем меньшинстве, **фракций**. Речь идет, значит, об известной идейной неоднородности партии, о наличии в ней **внутрипартийных течений**, которые ориентированы на определенную часть членов партии и избирателей. Эти фракции, или течения, подразделяются, как правило, на правых и левых, традиционалистов и модернистов, консерваторов и радикалов. Между фракциями ведется жесткая полемика.

ка, острая борьба за влияние, контроль над партией. Нередко эта борьба до определенного времени скрывается от остальных членов партии. Для сохранения единства партии могут заключаться соглашения между лидерами фракций. Однако нередко лидеры, а иногда и все члены «мятежных» фракций, исключаются из партии.

Нужно сказать, что в демократических партиях наличие фракций, течений может иметь и положительное значение, поскольку позволяет партии за счет разнообразия в подходах фракций расширять спектр своего влияния на избирателей и население страны, а значит, расширять свою социальную базу. Кроме того, существование в партии фракций позволяет ей более гибко реагировать на изменение ситуации, своевременно откликаться на разнообразные запросы электората.

19.3. Функции политической партии

Партии, будучи важными составляющими политических систем современных демократических обществ, выполняют ряд очень важных и весьма значимых функций. Одна из них заключается в **выработке социально-экономической и политической стратегии, программных установок**. В ходе этого процесса проверяется способность партии и руководства привлечь на свою сторону широкие массы избирателей, объединить интересы различных социальных сил, отказаться от устаревших догматических представлений, учесть новые требования со стороны общества и т. п. С этой функцией неразрывно связана и другая — **участие в выработке важных экономических, социальных и политических решений, затрагивающих повседневную жизнь общества**.

Одной из общепризнанных функций политических партий политологи называют **структурирование политической жизни общества**. Партии оказывают значительное влияние на выбор избирателей. Они, в частности, изменяют значение выборов. Последние перестают быть актом, в котором решение избирателя определяется только индивидуальными качествами кандидата в избранники. Это значит, что **выбор избирателя помимо личного фактора основывается и на осознанном отношении индивида к основным политическим течениям**. Так что

бюллетень голосования имеет двойное, а то и тройное значение. С его помощью избиратель делает выбор между человеком-кандидатом в избранники, партией, а иногда и коалицией партий. Партии же рассматривают итоги голосования, в том числе и на уровне персонального выбора, как выражение доверия избирателей, поддержки проводимой ими политики.

Участие политических партий в избирательных кампаниях позволяет избирателям определить свою позицию по поводу тенденций развития общества, а не только отдельных избранников. Тем самым избиратели имеют возможность определять будущее своей страны.

Сказанное позволяет утверждать, что политические партии вносят решающий вклад в **формирование и поддержание на определенном уровне политического сознания**. Они проясняют и оживляют политические дискуссии в стране, ставят вопрос об альтернативе общественного развития, политизируют проблемы общества, привлекая к ним внимание властей и граждан.

Другой традиционной функцией политических партий является **отбор кандидатов**. Речь идет о кандидатах в избранники разных уровней. Предварительное определение лиц, способных победить на выборах, осуществляется, как правило, партиями. Решения по этим вопросам принимаются на съездах или представительных собраниях местного уровня партии.

Выделяют и такую функцию, как **формирование правящей элиты и состава правительства**. Именно победившая на выборах партия определяет персональный состав правительства. Приходя к власти, партия, естественно, стремится поддержать процесс воспроизводства правящей элиты. Глубинное значение политических партий, утверждает М. Дюверже, «состоит в том, что они способствуют созданию новых элит, что придает понятию представительства подлинный и единственно реальный смысл»¹. При этом в рекрутировании руководящих кадров партия ориентируется прежде всего на своих сторонников. Однако бесспорным является и то, что именно благодаря деятельности политических партий открывается возможность вводить в правящий класс выходцев из самых разных слоев общества.

¹ Duverger M. Les partis politiques. P. 1976. P. 555–556.

Следующей функцией политических партий является функция **социальной интеграции**. В этой функции находит свое выражение связь партий с классами, социальными группами, обществом в целом. Социальная интеграция, осуществляемая партиями, строится на индивидуальном уровне. С помощью партий отдельные индивиды на основе общности позиций и идейных взглядов имеют возможность не только встретиться друг с другом, но и объединиться в группу. Члены партии и ее сторонники, участвуя в решении тех или иных проблем, встающих перед обществом, приобретают более широкие возможности «вписаться», или, говоря иначе, интегрироваться в «окружающую среду», в общество. Часть из них получают возможность добиться социального продвижения. Некоторые становятся депутатами или избранниками самых разных уровней социальной организации общества.

Некоторые исследователи самостоятельной функцией партии называют **обслуживание** ею своих **избранных**. В самом деле, трудно переоценить роль партии в обеспечении постоянного контакта избранника со своими избирателями: они разъясняют избирателям содержание парламентской деятельности избранников, отстаивают правомерность принимаемых ими решений, пропагандируют деятельность избранников как в средствах массовой информации, так и среди активистов и рядовых членов партии. И еще одна сторона вопроса: партии, объединяя парламентариев в группы, умножают их политическое влияние и возможности в решении вопросов.

С другой стороны, партии предоставляют своим членам некие символы, которые способны вызывать чувства восхищения и даже любви. Они чаще всего связаны с вехами или целыми периодами исторического развития страны, национальной символикой. Свообразными символами могут быть талантливые, а иногда и просто гениальные люди, связанные с партией или принимающие в ее деятельности активное участие. Отметим, что символы играют весьма важную роль в индивидуальном выборе граждан.

Еще более важное значение приобретает **функция социальной интеграции на уровне социальных групп**. Как мы уже отмечали, партии являются посредниками между гражданами и властью. Социальное окружение партии, или социальные группы, из которых состоит общество,

вынуждает партию выполнять некоторые функции. В своей деятельности и даже во многом в своей структуре партия является **ответом** на окружение. В свою очередь, политическая партия оказывает определенное влияние на свое социальное окружение. С помощью партий в демократическом обществе утверждаются такие отношения, которые выходят далеко за пределы отношений «командования — подчинения». И здесь принципиально важное значение приобретает тот факт, что партии значительно уменьшают риск глобального столкновения власти и общества.

Поясним. Партии строят свою деятельность на основе учета требований индивидов. Они придают этим требованиям публичное значение и звучание. Добиваясь осуществления этих требований, партии направляют, или «канализируют», активность людей, как бы предохраняя их от деструктивных и просто неуправляемых действий. Иными словами: партии формализуют социальные конфликты. Они способствуют тому, что неорганизованные, **несанкционированные формы политической деятельности масс заменяются санкционированными институционализированными формами участия через партии, избирательную систему и другие каналы**.

Значение деятельности партий еще больше возрастает, если учесть, что партии объединяют в своих программах, а значит, и в деятельности интересы различных социальных групп и категорий населения. Получается так, что они обучают своих сторонников искусству учета интересов и других социальных сил общества, способствуя тем самым сохранению целостности социальной ткани общества. И потому ряд исследователей (Г. Алмонд и Г. Пауэлл, например) правомерно придают большое значение такой функции партии, как **соединение интересов**. А на этой основе — и объединения общества.

Объединение общества может осуществляться различным образом. С этой целью могут использоваться переговоры между партиями, соглашения на основе компромиссов и даже принятия совместных правительственных программ. В итоге партии **обеспечивают стабильность функционирования политической системы общества, устойчивость отношений между правящими кругами и широкими слоями населения**. Это тоже является одной из главных функций политических партий.

Нельзя не сказать и еще об одной функции политических партий. Они по определению являются активными участниками **идейно-политической борьбы с оппозиционными партиями**. В этой борьбе не только оттачивается идейный арсенал политической партии, но и формируются кадры идеологов и пропагандистов, а также укрепляется влияние партии на массы людей.

19.4. Типология партий

Многообразие исторических и социокультурных условий политического развития стран и народов привело к возникновению различных партийных структур, которые отличаются друг от друга строением, функциями, идейными установками, чертами деятельности. Исторически первые попытки классификации партийных объединений явно тяготели к **моральным** (подразумевавшим разделение на «хорошие» и «неблагородные» союзы) и **количественным** («большие» и «малые» партии) критериям. В настоящее время политическая наука использует более сложную типологизацию партий.

В западной политической науке широкое распространение получила классификация французского ученого М. Дюверже, выделявшего в зависимости от оснований и условий приобретения партийного членства кадровые, массовые и строго централизованные партии.

Кадровые партии возникли вместе со становлением демократии как формы правления, с утверждением в политической жизни всеобщего голосования. Их формирование осуществлялось, как правило, «сверху», на базе различных парламентских групп, групп давления, объединений партийной бюрократии. Они выражали политические интересы господствующих классов, и прежде всего буржуазии. Выделяют три основные черты, характеризующие партии этого типа.

Кадровые партии не стремятся к постоянному увеличению своих членов. Они ориентируют свою деятельность на получение массовой поддержки избирателей на выборах. Они не ставят перед собой задачи постоянного увеличения численности членов партии. Куда важнее для руководства такого типа партий вовлечь в нее в качестве членов прежде всего тех, кто способен оказывать влияние

на выбор избирателей. Известные и влиятельные в округах или в национальном масштабе люди во Франции получили наименование **нотаблей**. Задачи нотаблей различны: одни оказывают поддержку кандидату партии своим именем, престижем; другие специализируются на «технике» и технологиях проведения выборов; третьи занимаются финансированием избирательной кампании партии из частных источников.

Корпус нотаблей формируется из представителей различных групп населения. Однако есть такие профессии, которые в силу их специфики облегчают доступ в эту престижную группу. На первых этапах становления демократии предпочтением пользовались врачи, адвокаты, нотариусы и другие представители профессий, имевших широкие контакты с населением. Подобную роль играли и играют священники и учителя. Однако в последние десятилетия в составе нотаблей увеличивается представительство руководителей предприятий, профессоров университетов, высших кадров — управленческого персонала. Кроме того, в последние годы кадровые партии широко используют возможности поддержки со стороны известных писателей, артистов, выдающихся спортсменов. Источник влияния представителей этих категорий лежит не в политике, а в их непосредственной сфере деятельности. Словом, **сила кадровых партий в их способности оказывать косвенное влияние на избирателей.**

Другая отличительная особенность этого типа партий состоит в **определенной организационной слабости**. Нотабли в своем большинстве не являются сторонниками строгой партийной дисциплины. Они видят в политике интересную деятельность, способ увеличения своей известности и влияния, возможность быть на виду. Если членство в партии для них становится обременительным, они могут порывать с ней. Не слишком большая численность членов партии позволяет иметь компактный, немногочисленный партийный аппарат. Для этого типа партий характерны высокая степень децентрализации, и как следствие этого — сильное влияние региональных организаций.

И еще. Во всех кадровых партиях **решающая роль принадлежит парламентариям**. Это находит свое выражение в их высоком авторитете на местном уровне, в низовых звеньях партии. Они могут занимать независимую позицию и по отношению к руководству партии.

Примером кадровых партий могут быть республиканская и демократическая партии в США, Радикальная партия во Франции.

Массовые партии порождены рабочим движением. Наиболее ярким примером этого типа партий считают Социал-демократическую партию Германии, основанную в 1875 г. В начале прошлого столетия она насчитывала в своих рядах более одного миллиона человек.

Массовые партии стали инструментом политической и экономической борьбы. Их организационной и идеологической матрицей являются профессиональные союзы и социалистические течения. Диапазон действий массовых партий весьма широк: от электоральной мобилизации масс до формирования пролетарской элиты на парламентской сцене.

Массовые партии отличает не только высокая численность. В отличие от кадровых партий они **имеют хорошо развитую структуру**. В недрах этого типа партий ведется широкая политическая подготовка и обучение рядовых членов. В рамках массовых партий ведется отбор наиболее способных кандидатов на выборные должности. Более того, массовые партии выполняют ряд задач, весьма сходных с задачами государства: обучение, судебные функции (разного рода контрольные органы и комиссии), выдвижение кадров и т. п. Для выполнения такого рода задач в массовых партиях создается довольно многочисленный постоянный аппарат, организующий внутреннюю жизнь партии.

Высшими органами партии являются собрания и съезды. На них избираются руководящие органы партии, утверждаются программные документы и устав.

Как свидетельствует история, массовые партии, будучи многочисленными, хорошо структурированными, дисциплинированными, являются весьма эффективным инструментом в политической борьбе.

Особое место среди массовых партий принадлежит **партиям авангардного типа**. К ним относят такие массовые партии, которые защищают интересы своего класса политическими средствами во всех сферах общественной жизни. Такая партия тоже нацелена на завоевание политической власти в государстве. Но она добивается этой власти не только с помощью борьбы за мандаты в выборных органах власти, но и разнообразными формами непарламентской деятельности.

Наиболее полно сущность и черты партии авангардного типа воплотила Российская партия рабочего класса, создание которой связано с именем В.И. Ленина. Последний считал, что пролетариат становится в полной мере социальным актером лишь тогда, когда обладает классовым сознанием. И партия коммунистов, как ее потом стали называть, в определенной мере и олицетворяла это классовое сознание. Авангардная партия на этом основании выполняла функции политического руководства обществом, а также осуществляла идеологическое обучение рабочего класса, да и всего населения.

Большинство массовых партий отличает **строго централизованный характер**. Основополагающим и связующим их элементом является идеология. Для таких партий (к ним М. Дюверже относит коммунистические и фашистские) характерно наличие множества иерархических звеньев, почти военная дисциплина, уважение и почитание вождей.

В послевоенные годы происходят глубокие изменения во всех странах. На основе быстрого экономического развития в условиях научно-технической и технологической революций размываются социальные границы, затухают классовые антагонизмы. В развитых странах четко обозначилась тенденция утверждения консенсуса в совокупности социальных отношений. Происходит деполитизация и в известной мере деидеологизация общественно-политической жизни. В деятельности партий на передний план выходит борьба за голоса избирателей в процессе завоевания и осуществления власти.

В этих условиях партии вынуждены, чем дальше, тем больше, искать поддержки избирателей не только среди тех сограждан, кто относится к их социальной опоре, на основе и от имени которых эти партии действуют, но и там, где в прежние годы они могли себе позволить не проводить активной деятельности.

В начале нового тысячелетия партии вынуждены все больше ориентироваться на самые широкие слои населения, стремясь получить от них хотя бы электоральную поддержку. На передний план все решительнее выходит так называемый «личностный фактор». Резко возрастает роль лидеров, способных привлекать на сторону своей партии людей самых разных идейных представлений и позиций. Это оборачивается тем, что идейные установки

партий становятся все более неопределенными, размытыми. Программы многих партий подчас очень похожи друг на друга. У них общая цель — привлечь на сторону партии максимально большое число голосов избирателей. И потому они получили название **«всеохватывающих» партий**, «партий-хватай-всех», «интерклассовых партий».

К такому типу партий относятся христианско-демократические партии Италии и Германии, голлистская и социалистическая партии во Франции.

Идеологическая типология политических партий

С давних пор политическая мысль сохраняет традиции определения политических партий как **«правых»** и **«левых»**. С помощью этой простой классификации бывает легко и удобно определять едва ли не все политические идеи и политические пристрастия. Практически все политические конфликты XX в. могут быть охарактеризованы как борьба левых и правых.

К числу левых относятся политические партии коллективистской, социалистической ориентации. Такие партии являются, как правило, решительными противниками частной собственности, выступают против эксплуатации трудящихся, требуют утверждения в обществе социальной справедливости. Словом, речь идет о социалистических и коммунистических партиях, которые в прошлом столетии оказали существенное влияние на характер и содержание мирового общественного развития.

Правые партии, наоборот, как правило, выступают с позиций защиты интересов крупной буржуазии, частной собственности, социального неравенства. Для этих партий характерной является приверженность либеральной идеологии.

Нужно учесть, что разделение на правых и левых меняется со временем. Так, в XVIII и в первой половине XIX в. левые объединялись под лозунгами борьбы за индивидуальные свободы. Правые же отстаивали интересы общества в целом как приоритетные. Ныне все наоборот. Правые выступают «певцами» индивидуальных свобод, левые же отстаивают государственные интересы. Другой пример. В период свершения революций, как правило, знаменем левых сил был патриотизм. Позднее патриотизмом прикрывались идеи и действия правых. Защита куль-

турных, религиозных особенностей и национальных языков в ряде стран было делом правых сил. Сегодня за это борются наиболее последовательно представители левых политических партий.

Деление партий на правые и левые охватывает не весь спектр политических партий. И потому выделяют еще и группу **центристских партий**.

Ясно, что рассмотренная нами типология политических партий носит укрупненный характер и нуждается в дополнительной детализации.

С этой целью в научной литературе используются и другие критерии типологии партий. Один из них — критерий **идеологической направленности**. В зависимости от исповедуемой идеологии партии подразделяются на коммунистические, социал-демократические, либеральные, религиозные (христианские, мусульманские, буддистские), националистические.

В зависимости от характера доктрин партии могут быть классифицированы как:

- **революционные** — стремящиеся к качественному изменению общественной жизни;
- **реформистские** — стремящиеся к важным изменениям жизни общества на основе постепенных преобразований;
- **консервативные** — стремящиеся к сохранению основных черт и традиций современного общества;
- **реакционные**, целью которых является частичное или полное возвращение (воссоздание) черт предыдущей формации или предшествующего этапа развития общества.

Классификация партий на основе социокультурных характеристик и внутренней организации партий

Для современной политической науки весьма характерно типологизировать партии в зависимости от **социальных** (аграрные партии), **этнических** (ультралевая баскская партия «Эрри батасуна»), **демографических** (женская объединенная партия Бельгии) и **культурологических** (партии любителей пива в Германии и России) оснований образования структурных элементов политической системы.

Довольно распространенной является типологизация партий с точки зрения их отношения к правящему режиму. Выделяют следующие типы партий: **правящие** и **оппо-**

зиционные, легальные и нелегальные, партии-лидеры и партии-аутсайдеры, партии, правящие монольно или правящие в составе коалиции, и т. д.

С точки зрения внутренней организации выделяют партии с сильной структурой. Если внутренняя дисциплина партии предписывает состоящим в данной партии парламентариям подчиняться директивам парламентской группы, значит, это партия с сильной структурой (например, консервативная партия Великобритании или российские партии «Единство» и Либерально-демократическая партия). При наличии полной свободы голосования парламентариев (например, демократическая и республиканская партии США) партии характеризуются как партии со слабой структурой.

Классификация с точки зрения внутренней организации партии выделяет партии организационно оформленные. Члены этих партий получают партийные билеты и платят членские взносы (наиболее типичный пример — коммунистические партии). Существуют и партии организационно неформенные. В таких партиях отсутствует официальное членство. Чтобы примкнуть к такой партии, достаточно публично заявления избирателя о приверженности к ней.

Есть партии с прямым членством. Кандидат принимается в партию в индивидуальном порядке. И партии с косвенным членством: человек становится членом партии в силу того, что он входит в какую-либо организацию, связанную с этой партией.

Необходимо отметить, что в целом типология политических партий достаточно условна. В конкретной политической действительности партия может иметь характерные черты разных типов партий.

План главы

I. Группы давления

- 20.1. Понятие «группы давления».
- 20.2. Типология групп давления.
- 20.3. Средства воздействия групп давления.
- 20.4. Функции групп давления.

II. Корпоративизм

- 20.5. Понятие и политическая роль корпоративизма.
- 20.6. Плюсы и минусы корпоративизма.

III. Общественные организации и движения

- 20.7. Понятия «общественные организации», «общественные движения» и их функции.

I. Группы давления

Как было показано выше, отличительной особенностью партий является их стремление завоевать и осуществлять политическую власть. И эту свою цель они открыто провозглашают, даже если вынуждены действовать в условиях подполья. Этого не скажешь о таких субъектах политики в лице групп интересов, которые в политической науке получили наименование групп давления (press groups). Они появились впервые на политической сцене США еще в 20-х гг. прошлого столетия, а первые исследования деятельности этих объединений относятся к 1928 — 1929 гг.

Изначально характеристика групп давления была связана со специфическими способами выполнения своих функций. Они рассматривались как организации, созданные для защиты интересов и оказания давления на власть с целью принятия ею таких решений, которые отвечают интересам данной группы. При этом сами эти группы остаются вне поля власти.

20.1. Понятие «группы давления»

Под группами давления понимаются добровольные организации самого разного типа (профсоюзные, предпринимательские, культурные, религиозные и т. д.), члены которых, не претендуя на завоевание власти, пытаются осуществлять влияние на нее для обеспечения своих специфических интересов.

В современном демократическом обществе существует множество таких добровольных объединений людей. Основанием для их формирования могут быть экологические, социальные, культурные, этнические, религиозные, идеологические и прочие потребности.

Концепция групп давления (в отечественной политической науке их чаще называют группами интересов или заинтересованными группами) разрабатывалась американскими учеными А. Бентли и Д. Труменом. Согласно А. Бентли, политика есть процесс взаимодействия и борьбы организованных в определенные группы людей за достижение своих целей и интересов, а политические решения властей — результат соотношения сил между соответствующими группами. Д. Трумен рассматривал стабильность взаимодействия различных групп как важнейший фактор обеспечения социального равновесия в обществе.

Значительная часть групповых интересов в демократическом обществе удовлетворяется по каналам гражданского общества, т. е. неполитическим путем. Но нередко удовлетворение коллективных потребностей требует властных решений. И если группа интересов добивается удовлетворения своих интересов путем целенаправленного воздействия на институты власти, она характеризуется как **группа давления**.

Понятие «группа давления» раскрывает динамику превращения социально-групповых интересов в полити-

ческий фактор. Эффективность деятельности групп давления во многом зависит от ресурсов, которыми они располагают (количественный состав, организация, собственность, информация, квалификация, опыт, связи и т. п.).

Нас интересует далеко не всякая группа, оказывающая давление. Так, если, например, дети одного из классов школы оказывают давление на родителей с тем, чтобы иметь возможность провести совместно летние каникулы на море, то это представляет собой, безусловно, группу давления. Но такая группа давления не является объектом политической науки.

Политическую науку интересует такая группа давления, которая имеет ряд отличительных признаков. Во-первых, группа должна обладать минимумом организации. Во-вторых, индивиды, оказывающие давление на власть, должны его осуществлять прежде всего в интересах своей группы. И наконец, группа давления должна быть неким автономным центром решения, т. е. не должна быть инструментом действия другой организации. К этому следует добавить: группа давления должна действительно оказывать давление, т. к. ее существование невозможно вне реального действия.

Как мы уже сказали, группу давления отличает хотя бы **минимум организации**. Иначе говоря, коллективные взаимодействия в группе должны иметь устойчивый и даже постоянный характер. Так, например, митинг или манифестация, объединяющие в конкретном действии определенное число индивидов, являются средством оказания воздействия на правительство. Но это не будут группы давления. И митинг, и манифестация выступают как средство действия. И это действие прекращается сразу же после завершения митинга или манифестации. Не относятся к группам давления и собрания, проводящиеся время от времени с целью, например, выработки некой общей стратегии. Так, встречи за обедом бизнесменов и политиков на регулярной основе не могут представлять собой группу давления. Это форма контактов для обмена новостями и размышлениями.

К группам давления в политической науке относят такие **добровольные и специализированные** организации, которые участвуют в процессе согласования интересов. Эти группы, обладая важными ресурсами, своей деятельностью приводят в соответствие формальные основания

власти с властью фактической. Не случайно Р. Даль говорил, что анализ их деятельности помогает вскрыть действительные центры власти в обществе. Так что деятельность данных групп — это не просто давление на власть сверху, сбоку или снизу, а механизм *иерархического согласования решений, распределения власти* путем заключения сделок между бюрократией и немногими привилегированными группами¹.

Защита интересов является важной характеристикой групп давления. Причем понятие «интерес» трактуется в широком смысле этого слова. Оно включает в себя и материальную, и моральную его стороны.

Нередко группы давления защищают одновременно материальные и моральные интересы. Это относится в первую очередь к профессиональным союзам. Вместе с тем в определенных ситуациях группы давления могут маскировать конкретные материальные требования под лозунгами морального содержания. Так выступают группы предпринимателей, выдвигающие обычно требования «свободы предпринимательства», за которыми нередко обнаруживаются материальные выгоды. Подобным образом объединения крестьян выдвигают требования упрочения «семейной собственности». Тактический замысел не сложен: под прикрытием, на первый взгляд, бескорыстных лозунгов (свобода, демократия, семья и т. п.) добиваются сохранения или расширения своих корпоративных интересов.

Еще один признак группы давления — **наличие материальных ресурсов**. В современном обществе для того, чтобы существовать и давать жизнь свои идеям и устремлениям, группа давления, даже самая бескорыстная по своим целям, должна располагать определенными материальными и финансовыми ресурсами.

Существенной характеристикой группы давления является **добровольный и заинтересованный характер участия в ней индивидов**. По этому признаку группа давления отличается от органа пропаганды и рекламы, которые также могут оказывать давление и внешне похожи на группу давления. Но они являются по своей сути коммерческими предприятиями и не имеют собственных политических целей. Последние определяются их владельцами, представляющими собой либо государство, либо партию, либо группу давления.

Подлинная группа давления, напротив, должна быть автономной и способной противостоять любому внешнему влиянию. А главное — группа должна обладать **способностью к действию**. Для этого необходимо основывать свои действия на интересе. Чаще всего группа давления возникает в ответ на невнимание властей или препятствия в деятельности группы. Не встречая понимания со стороны властей, группы начинают использовать собственные средства выражения недовольства, протеста и давления.

20.2. Типология групп давления

Группы давления — это весьма специфическая и неоднородная по своему составу категория. Они, как правило, существенно отличаются друг от друга, хотя и являются достаточно сплоченными, т. к. объединение осуществляется вокруг конкретных проблем, требующих политического давления во имя достижения определенных целей.

В политической науке различают группы по самому феномену давления. Так, группы, использующие его от случая к случаю для достижения той или иной конкретной цели, называются **частичными группами давления**. Наряду с ними есть и такие, смысл существования которых как раз и состоит в политическом давлении. Эти группы называют **исключительными группами давления**. К таким группам можно отнести объединение политиков: в одну структуру объединяются, например, парламентарии, представляющие различные политические организации, стремящиеся добиться решения какого-либо конкретного вопроса. Однако существование такого объединения вызвано к жизни теми группами давления, которые есть в обществе. И тогда данная группа — это лишь парламентское выражение групп давления. Это значит, что такое объединение, строго говоря, нельзя считать группой давления.

Казалось бы, к исключительным группам давления можно было бы отнести рекламные конторы, цель и содержание деятельности которых носит характер давления. Но это давление задается владельцами или заказчиками. И потому лишь с определенными оговорками их можно считать группами давления.

Более практичной является типология групп давления, основанная на содержании защищаемого интереса. Одним из основных, как известно, является **материальный интерес**, куда относятся вопросы заработной платы, социальных гарантий, сохранение, а если можно, и улучшения уровня благосостояния и т. п. Значительную роль в жизни людей имеют и **моральные интересы**, например защита духовных ценностей, национальной культуры и т. п.

Нужно сказать, что материальные и моральные интересы чаще всего тесно связаны друг с другом. Вряд ли можно встретить такие материальные интересы, которые полностью отделены от моральных интересов. Взять, скажем, забастовки учителей, проходившие чередой по всей нашей стране на исходе XX столетия. Формально требования учителей имели, безусловно, материальное содержание. Поддержанные профсоюзами, учителя добивались повышения заработной платы. Однако в конечном счете на переднем плане оказывался вопрос о судьбах и содержании образования, что, понятно, далеко выходит за рамки материального интереса.

Группы давления, защищающие материальные интересы

К числу групп давления, защищающих преимущественно материальный интерес, относятся профессиональные союзы. Они делятся на две большие группы: профсоюзы лиц наемного труда и профсоюзы собственников предприятий.

Профсоюзы лиц наемного труда являются детищем борьбы рабочего класса за свои права. Они возникли еще в XIX в. и стали важным фактором общественно-политической жизни.

Сила профсоюзов в разных странах различна, как различен и масштаб синдикализации, или охвата членством в профсоюзах трудящихся. Так, членами профсоюзов во Франции являются около 20 процентов занятого населения. В США этот показатель составляет 17 процентов, в Великобритании — 38, в Германии — около 40, а в Швеции — более 70 процентов. В нашей стране до начала глубоких изменений и преобразований профсоюзы охватывали практически 100 процентов трудящихся. Сейчас этот

показатель стал заметно ниже. Тем не менее он остается достаточно высоким.

Профсоюзное движение в большинстве стран не является единым. Оно представлено рядом профессиональных организаций, которые разделяют различные политические пристрастия. Это, вне всякого сомнения, ослабляет влияние профсоюзов.

Следует сказать и о том, что в настоящее время профсоюзы переживают не лучший период в своем развитии. Это связано с тем, что, с одной стороны, не растет и даже падает численность членов профсоюзов, а с другой — на Западе на предприятиях все большее распространение получает практика прямого диалога между предпринимателями и лицами наемного труда в обход профсоюзных организаций. Сказалось и то, что профсоюзы опоздали с выработкой «ответа» на технологическую революцию, развернувшуюся в последние десятилетия на Западе.

Профсоюзы и политика

Проблематика соотношения профсоюзной и политической деятельности поднимает прежде всего вопрос о сотрудничестве профсоюзов и политических партий. С момента зарождения профсоюзного движения его организации стремились действовать независимо от политических партий, даже как бы сторонились политики. Однако по мере роста профсоюзного движения и усложнения, а также усиления комплексности социально-политической ситуации профсоюзы были вынуждены все чаще включаться в политические процессы.

В настоящее время бывает подчас невозможно разделить профсоюзную деятельность и политику. Профсоюзы не смогут сохранять безразличие к политическому контексту профсоюзной деятельности. Они не могут не реагировать на экономическую и политическую деятельность правительства, не могут не участвовать в общественном выборе по крупным экономическим и социальным проблемам. По тем вопросам, которые не отвечают интересам лиц наемного труда, профсоюзы вынуждены оказывать давление на правительство. Словом, сама жизнь вынуждает профсоюзы занимать **политические позиции** по вопросам, относящимся к защите прав трудящихся.

Другой формой участия профсоюзов в политической жизни является участие в избирательных кампаниях. Как правило, на выборах профсоюзы поддерживают те или иные политические партии, как, впрочем, и их кандидатов в избранники.

Наконец, можно говорить о политической стратегии профсоюзов. Речь идет о выработке и осуществлении таких политических действий, которые вписываются в определенную политическую перспективу.

Существует ли предел в политических действиях профсоюзов? Политологи отвечают утвердительно на этот вопрос. Как показывает политическая практика многих стран, как правило, профсоюзы не принимают участия в осуществлении политических решений. Это дело партий и народных избранников. Такая позиция объясняется тем, что даже участие в принятии решений, а тем более в их осуществлении может ограничивать способность профсоюзов к акциям протеста.

Это очень важный момент. В нем проявляется нечто общее, что характерно для групп давления: **они хотят влиять на власть и даже, если возможно, диктовать ей свои условия, но они отказываются брать на себя ответственность за политический выбор, за политическое решение.** Недовольство принятыми решениями со стороны населения они, что называется, заранее адресуют правительству. Это с одной стороны. А с другой — учитывается, что прямое участие в политических решениях и их осуществлении отрицательно будет сказываться на единстве профсоюзного движения.

Объединения крестьян и коммерсантов — это еще один тип групп давления, ориентированных на защиту преимущественно материального интереса. Эта социальная группа является довольно влиятельной во многих странах. Периодическая печать полна сообщений о манифестациях, блокировке движения на автобанах, акциях протеста этих групп населения.

Действия крестьян и коммерсантов всегда вызывают сильный политический резонанс, оказывают значительное влияние как на власть, так и на значительные слои населения. Это влияние связано с той высокой ролью, которую эти группы населения играют в социальной и экономической жизни общества.

Организации предпринимателей возникли как своеобразный противовес профсоюзам лиц наемного труда.

Они являют собой корпоративные группы давления, объединяя предпринимателей, прежде всего мелких и средних предприятий. Эти организации оказывают значительное влияние на политический курс правительства в своих странах. Однако это влияние имеет чаще всего косвенный характер. Нередко организации предпринимателей действуют открыто. Так, они могут финансировать политические партии, поддерживая их кандидатов или выдвигая через них своих кандидатов в избранники. Они могут оказывать влияние на настроения и предпочтения избирателей с помощью своих средств массовой информации. К тому же в распоряжении предпринимателей и такие, быть может, крайние средства, как финансовая паника, бегство капиталов, обесценение денег и т. п.

Предприниматели как группа давления оказывают и прямое влияние на правительство в вопросах развития экономики. Однако правительство, в свою очередь, будучи крупным собственником и используя возможности государственного заказа, может оказывать влияние на предпринимателей. К тому же государство располагает рычагами правового регулирования.

Что касается влияния предпринимателей на решение общеполитических вопросов, то здесь они наталкиваются на ряд ограничений. Такими ограничениями являются общественное мнение, а также позиции других политических и общественных формирований, с которыми не могут не считаться группы давления предпринимателей.

Организации потребителей также являются группами давления. Они заявили о себе в последние три-четыре десятилетия. Родиной такого рода организаций являются США. Инициатором движения потребителей был молодой тогда адвокат Р. Надер, который осуществил серию разоблачений некачественного производства товаров, завышения цен на них, лживой рекламы и т. п. Итогом деятельности Р. Надера и его единомышленников стало принятие ряда законодательных и административных актов в защиту потребителей.

В настоящее время такие организации действуют во многих странах. Появились они и в нашей стране. Представляя интересы граждан, данные группы давления располагают немалыми возможностями для формирования общественного мнения, для влияния на частные и государственные компании в вопросах качества продукции, уровня цен, безопасности граждан и т. п.

Группы, защищающие моральные интересы

Рассмотренные выше группы давления достаточно однородны, если учитывать их конечные цели. Этого не скажешь в отношении групп давления, защищающих моральные интересы. Среди этой категории формирований есть группы, находящиеся в одних и тех же социодемографических или социальных условиях. К таким группам относятся **женские организации, а также организации ветеранов.**

Взять, скажем, женские организации. Они очень влиятельны, например, в США. В других же странах, к примеру в Западной Европе, их влияние заметно скромнее. Возрождается женское движение и в России. Однако оно находится в самом начале своего пути, в стадии становления.

Заметными группами давления являются **объединения молодежи.** В стабильных ситуациях их влияние, как правило, невысоко. Но в условиях кризиса молодежное движение, получая общественную поддержку, способно стать своеобразным детонатором общества. Пример тому — события конца 60-х гг. во Франции и в ряде других стран, которые до основания потрясли политическую систему этих стран. Студенты, молодежь сыграли решающую роль в победе «бархатной революции» в Чехословакии и в глубоких изменениях во многих странах бывшей мировой социалистической системы.

Многочисленные группы молодежи, женщин, ветеранов принимают активное участие в общественной жизни, в том числе и через свое членство в различных партиях. И потому влияние указанных групп давления усиливается влиянием партий, каждая из которых в поисках электоральной поддержки имеет специальные программы действий по защите интересов этих групп населения.

Группы, добивающиеся специальных целей, составляют неотъемлемую часть политического пейзажа многих стран в последние десятилетия. Речь идет о таких группах давления, как **общества или организации защиты прав человека, защиты окружающей среды, сторонников разоружения и ликвидации оружия массового уничтожения.** В некоторых случаях деятельность таких групп приобретает международный характер. Примером может быть организация «Международная амнистия».

В определенных условиях роль группы давления может играть **церковь,** которая способна выступать как инструмент мобилизации в политической борьбе. Наиболее яркий пример — приход к власти шиитского правительства в Иране на волне поистине всенародной поддержки.

Крупные политические акции в разные годы предпринимались католической церковью. Она была инициатором крупных кампаний против абортотворения во Франции, против разводов в Италии. В 80-е гг. прошлого столетия церковь сыграла важную роль в защите частного образования во Франции. Католические круги в Польше оказали сильное влияние на развитие политической ситуации в этой стране в 80-е гг. XX в. И это далеко не полный перечень.

Политические клубы

Политические клубы представляют собой особый тип политических формирований, появившихся еще в XVIII в. Это — элитные объединения индивидов. Во второй половине XX в. они получили довольно широкое распространение во многих странах.

Современные политические клубы зачастую являются выражением своеобразного протеста и неудовлетворенности части населения деятельностью партий, а в отдельных случаях и всей политической системой.

Различают две разновидности политических клубов. Одни из них возникают внутри политических партий из числа меньшинства ее членов, не согласных с проводимой руководством партии политикой. Другие — возникают за пределами партий. При этом они могут оказывать давление как на сами партии, так и на общественное мнение в стране.

Клубы, занимаясь интеллектуальной деятельностью, как правило, прямо не вмешиваются в политическую борьбу. Их задача — выработка новых политических идей, осмысление на теоретическом уровне тенденций общественного развития. Именно на основе новых политических идей клубы способны оказывать влияние и на политические партии, и на общество в целом.

Политические клубы имеют достаточно сложные отношения с политическими партиями. Последние обычно стремятся использовать клубы как инструмент политиче-

ского действия. В таком случае клуб может утратить свою автономность и перестать быть группой давления. С другой стороны, если клубы берут на себя политические обязательства, то они могут «раствориться» в политической партии.

Политологи справедливо отмечают, что успех политического клуба является следствием и симптомом кризиса системы участия граждан в политике. Так, политические клубы «левых» появляются во Франции в период глубокого кризиса социалистического движения в 50–60-е гг. XX в. Подобное происходило во Франции в начале 80-х гг. прошлого столетия, когда появились клубы правой политической ориентации как выражение сокрушительного поражения правых на выборах.

Группы давления публичного характера

Все рассмотренные выше группы отстаивают частный интерес. Могут ли быть группы давления публичного характера? Такой вопрос возникает потому, что, несмотря на единство государства, его отдельные составные части не только имеют свой корпоративный интерес, но и образуют собой группы давления, влияющие на правительство, парламент и общественное мнение в пользу проведения той или иной политики, принятия того или иного решения.

Различают гражданские и военные группы давления.

К **гражданским группам давления публичного характера** относятся органы местной власти, публичные учреждения (университеты, исследовательские центры и т. п.) и государственные (национализированные) предприятия. Обладая собственными интересами, эти группы в процессе их реализации превращаются в группы давления. Так, в России в 90-е гг. XX в. как влиятельная группа давления заявил о себе директорский корпус, объединивший руководителей многих предприятий страны. Большое влияние оказывают в обществе крупные естественные монополии — РАО ЕЭС, Газпром, Министерство путей сообщения, которые можно рассматривать как группы давления.

Влияние таких групп давления может осуществляться через конкретных политических деятелей. Есть немало примеров того, как государственные деятели, например министры, являются прямыми ставленниками групп дав-

ления публичного характера, политически обеспечивая их интересы.

Наконец, группы давления могут формироваться из числа чиновников, состоящих на службе. Они иногда формируются из числа выпускников элитных учебных заведений или представляют собой профессиональные объединения.

Военные группы давления связаны с армией, которая, как известно, может оказывать сильное влияние на власть. Это влияние усиливается и тем, что во многих странах сложился военно-промышленный комплекс, составляющий значительную часть экономики.

Командные круги армии при решении вопросов военной политики перед лицом государства выступают и как группа давления. Недавняя история ряда стран дает немало примеров превращения армии в политический фактор. Это подтверждают факты прихода к власти военных в Чили, Греции, Аргентине, где произошли правые перевороты. «Левые» перевороты произошли в Португалии, Эфиопии в 70-е гг. прошлого века. При этом следует сказать, что в случае военного переворота армия перестает быть группой давления.

20.3. Средства воздействия групп давления

Давление, которое оказывают рассматриваемые нами группы, можно характеризовать как совокупность средств, которые используются для достижения определенных целей. Цель давления состоит в том, чтобы, пользуясь терминологией Д. Истона, добиться «ответов», в которых группы заинтересованы. Для достижения своих целей группы давления используют обычно две стратегии. Первая из них — прямое обращение к властям. Вторая — использование косвенных средств давления, например мобилизации общественного мнения. Выбор той или иной стратегии зависит от ситуации и характера цели. Выбор зависит и от возможностей, которыми конкретная группа располагает.

Рассмотрим прежде всего средства влияния на политическое руководство страны. Наиболее распространенным средством давления является **информация**. Она способна не только воздействовать, но и изменять точки зрения тех, кто принимает решения. Правда, следует иметь в виду, что информация, распространяемая группами давления, как

правило, тенденциозна, т. к. нацелена на создание благоприятной для группы трактовки ее действий и интересов.

Согласование и участие в выработке решений тоже является средством давления. Как известно, публичная власть при подготовке ответственных решений создает консультативные группы, в рамках которых согласовываются позиции различных политических сил, в том числе и групп давления. Такого рода контакты могут быть в связи с определенными событиями (круглые столы, встреча с парламентариями, министрами и т. п.) или могут иметь институционализированный характер (плановая комиссия, социально-экономический совет региона и т. п.).

Учет мнения групп давления имеет глубокий политический смысл: власти не хотят вызывать неудовольствие или протест у лиц, с кем, рано или поздно, все равно придется вести переговоры. Если влияние группы давления является сильным, она может даже диктовать условия представителям государства. И тогда за общенациональный интерес выдается интерес частный, интерес отдельной группы. В случае, когда позиции властей сильны, а влияние группы давления является недостаточным, тогда согласование интересов напоминает манипуляцию. А потому к согласованию стремятся сильные группы давления. Это отвечает их интересам. Группы недостаточно сильного влияния, опасаясь манипуляций, нередко отказываются от переговоров.

Одно из сильных средств воздействия на политиков — **угроза**. Жертвами угроз чаще всего бывают парламентарии. Угроза может на определенном этапе превращаться в **шантаж**. И угроза, и шантаж имеют целью дискредитировать избранника в глазах избирателей. Эффективность такого давления невелика. К тому же такие действия могут обернуться и против их организаторов.

Вот почему группы давления нередко обращаются к **скрытым формам давления**. Они разнообразны, и их отличает высокая эффективность. Скрытое давление организовывается на основе личных отношений и контактов групп давления в правящих кругах. Для этого может использоваться персонал кабинета министров, администрация. Нужно учесть, что для такой формы давления используются дружеские контакты, являющиеся существенным моментом властвования.

Весьма грозным и «эффективным» средством давления является **коррупция**, получившая значительное рас-

пространение во многих странах. Она получила, по признанию нашего политического руководства, широкое распространение и в России. Но о подлинных масштабах коррупции судить трудно в силу ее чрезвычайной скрытности. Смысл ее в том, чтобы с помощью подарков и иных услуг добиться нужного решения от руководства.

Скрытым средством давления является **шантаж**. Он осуществляется под покровом тайны. Удавшийся шантаж — шантаж, о котором ничего не известно. И потому трактовать это явление с научной точки зрения пока не представляется возможным.

Косвенным средством влияния на власть и достижения группами давления желаемых целей является **воздействие на общественное мнение**.

Стремясь убедить общественное мнение в правомерности своих претензий, группы давления используют возможности средств пропаганды. Наиболее влиятельные группы, как правило, располагают собственными средствами информации и пропаганды. Иногда они скупают целые полосы популярных газет, откупают право на ведение пропаганды по каналам телевидения и радио.

Успешно группы давления используют и **скрытую пропаганду**. Как известно, судьбы многих газет и журналов прямо зависят от доходов от рекламы, что является условием их выживания. Давление рекламодателя — реальное явление во многих странах. Оно может осуществляться в разных формах. Прямое давление: рекламодатель заявляет, что в случае невыполнения его требований он заканчивает размещать рекламу в издании. Косвенное давление: редактор, зная политические пристрастия рекламодателей, определенным образом корректирует позицию журналистов. И наконец, общее правило размещения рекламы состоит в том, что она должна быть представлена в наиболее популярных изданиях. Потеря читателя означает и потери рекламодателя. Поэтому и редактор, и рекламодатель заинтересованы в увеличении читательской аудитории.

Что касается радио и телевидения, то здесь иная ситуация. Так, телевидение в России, будучи государственным, вынуждено строить свою пропаганду с учетом мнения оппозиции. Никакое средство массовой информации в современных условиях не является полностью независимым. Но даже относительная независимость является важным условием демократического развития.

Для достижения своих целей группы давления могут прибегать к **насильственным действиям**. Одним из таких действий является **забастовка**. Она нередко приобретает политический характер, особенно в тех случаях, когда проводится под политическими лозунгами.

Забастовка носит политический характер в случае ее проведения на государственном предприятии. Это же можно сказать о забастовке государственных служащих. Политический характер определяется тем, что одной из сторон конфликта является государство.

Политический характер может носить и забастовка на частном предприятии, особенно если она ведет к сокращению выпуска продукции, пользующейся спросом, или связана с опасностью большой безработицы.

Одной из форм насилия является **терроризм**. В последние годы терроризм получил достаточно широкое распространение в мире. Под терроризмом понимается систематическая практика применения физического насилия, включая и убийства в целях достижения определенных **политических целей**. К услугам террористов прибегают чаще всего тогда, когда соотношение сил не позволяет достичь победы иными средствами, в частности политическими. Однако, как считают многие политологи, терроризм, осуществляемый вне пределов правового поля, нельзя рассматривать как средство действия групп давления.

■ 20.4. Функции групп давления

Группы давления — это силы требований. Их задача состоит не в управлении государством, а в выдвижении требований. И потому группы давления свободны от задач выработки программ преобразования и развития страны. Тем не менее они выполняют ряд важных функций в демократическом обществе.

Большое значение в деятельности групп давления имеет **функция артикуляции интересов**. На основе этой функции происходит преобразование эмоций, ожиданий, неудовлетворенности в политические требования. Например, недовольство жизненным уровнем может трансформироваться в требование повысить зарплату, предоставить те или иные льготы, отправить в отставку того или иного политического деятеля или все правительство и т. п. Это такая функция,

при помощи которой осуществляется процесс формулирования требований группы к тем, кто принимает решения.

Как это происходит? Группы давления стремятся донести до общества и до правителей свои требования. Эти требования становятся известными и политическим партиям, которые, в свою очередь, стремятся отразить их в своих программных требованиях и установках. А далее эти требования могут быть учтены правительством.

Требования к властям могут быть открытыми, например, в виде конкретных вопросов со стороны профсоюзов или предпринимателей, а могут носить и скрытый характер — в виде глухого недовольства, снижения производительности труда и т. п. Они могут иметь самый общий характер («Так жить нельзя!») или конкретный — повысить минимум заработной платы например. Требования к властям могут выражаться в эмоциональных формах (гнев, утрата веры, разочарование) или инструментально, предметно (проведение переговоров). Понятно, чем конкретнее требования, тем более они результативны.

Французский социолог Ж. Мейно выделяет три главные функции групп давления.

Прежде всего он выделяет функцию **представления политическому руководству страны полной информации**. Отсутствие такой информации чревато ошибками властей в выработке и осуществлении политики.

Во-вторых, группы давления осуществляют **согласование интересов в намечаемых правительством мерах**. Эта функция, называемая «соглашение-участие», способствует утверждению консенсуса в обществе.

И наконец, функция канализации требований. Группы давления, по мнению Ж. Мейно, «оказывают обществу услугу канализации и "рационализации" ожиданий и движений, которые без них могли бы принять форму беспорядков и насилия»¹.

Политологи выделяют также и **скрытую функцию интеграции групп давления**. На первый взгляд может показаться, что, добиваясь реализации частного интереса, группы давления покушаются на единство общества. Однако на самом деле они являются фактором укрепления политической системы общества, отсекая возможные насильственные проявления в действиях групп. Более того, в процессе диалога с

¹ Meynaud J. Les groupes de pression. P., 1965. P. 116–118.

властями группы давления выступают своеобразными союзниками этих властей. Как справедливо отмечает Ж.-М. Данкен, группы давления укрепляют порядок, хотя своей деятельностью создают впечатление, что разрушают его¹.

И тем не менее деятельность групп давления может нести опасность для общества. На это, например, указывает Р.-Ж. Шварценберг. Во-первых, он считает, что в случае ведения прямых переговоров властей с группами давления как бы на второй план отодвигаются партии и выборные органы власти. Лидеры групп давления, по сути, занимают место избранников народа. А это значит, что на передний план могут выходить частные интересы. А это идет вразрез с принципами демократии.

Во-вторых, активность групп давления может вызывать и некоторые затруднения:

- социальный протекционизм, способствующий сохранению сложившейся ситуации и завоеванных ранее прав;
- правительственный иммобилизм, как следствие указанной только что позиции, когда действия правительства блокируются;
- отказ от коллективной дисциплины, когда каждая группа стремится переложить на других бремя национальных расходов;
- искажение соотношения сил, нарушение равновесия различных интересов.

И все-таки группы давления вносят свой вклад в политическое и социальное равновесие в обществе, способствуя устойчивости политической системы.

II. Корпоративизм

20.5. Понятие и политическая роль корпоративизма

Корпоративизм представляет собой закрепленную в законах устойчивую систему взаимоотношений между правительством и крупными союзами интересов, основанную на постоянном сотрудничестве его участников в решении определенного круга вопросов. Феномен корпоративизма характеризуется тем, что крупные союзы

интересов инкорпорированы (встроены) в механизм государственной власти, хотя при этом они сохраняют автономию по отношению к государству.

Наиболее типичным примером корпоративизма на Западе являются существующие в ряде стран (Австрия, Швеция и другие Скандинавские страны, отчасти в Германии) соглашения между государством, профсоюзами и союзом предпринимателей о совместном формировании политики в области трудовых отношений.

Понятия и идеи корпоративизма восходят к средневековому сословному государству, передавшему часть своих функций представителям традиционных, в том числе профессиональных, групп общества. Современный корпоративизм — *неокорпоративизм* — рассматривается в политической науке как дополнение к партийно-парламентским механизмам. Он выполняет посредническую роль между государством и заинтересованными гражданами, причем не только выражает интересы общественных групп в органах власти, но и является проводником правительственной политики в определенной сфере деятельности и среди соответствующей ей части населения.

Наиболее крупными и влиятельными корпорациями в советский период были военно-промышленный комплекс (ВПК), аграрно-промышленный комплекс (АПК), отраслевые ведомства тяжелой промышленности и капитального строительства.

Наряду с отраслевыми (союзными) существовал и региональный корпоративизм. Эффективнее других регионов добивались реализации своих целей Москва, Ленинград, Свердловск, Днепропетровск. Влияние областей определялось в первую очередь их удельным весом в экономике страны, структурой экономики.

В целях принятия наиболее выгодных для себя решений корпорации пользовались возможностями лоббирования при личных встречах, переговорах, участии в выработке решений и экономических планов. Объектами лоббирования были высшие партийные и государственные руководители, министерства, ведомства, ЦК КПСС и Совет Министров.

По мере ослабления советского режима корпорации обретали все большее влияние, оказывали возрастающее воздействие на развитие экономики и общества в целом, широко используя возможности лоббирования своих интересов. Это был бюрократический корпоративизм.

С началом глубоких преобразований российского общества в 90-е гг. получает развитие отраслевой и региональный лоббизм. На передний план во влиянии выходят так называемые финансово-промышленные группы (ФПГ), которые извлекали максимум выгоды из своего положения естественных монополистов.

Наиболее влиятельными лоббистами в настоящее время являются РАО «Газпром» и РАО «ЕЭС Россия», автомобильный, банковский, угольный и химический комплексы. Объекты лоббирования — Государственная Дума, Правительство РФ, Администрация Президента.

Среди региональных групп интересов наибольшим влиянием в настоящее время пользуются Санкт-Петербургская, Московская, Тюменская и некоторые другие группы. Свое влияние они стремятся осуществлять через Государственную Думу и Совет Федерации.

Формируется и внутренний лоббизм. Так, в составе Государственной Думы действуют весьма активно три лоббистские группировки — аграрная, финансовая и топливно-энергетическая. В правительстве интересы крупных ФПГ курируют некоторые министры и влиятельные чиновники. Кроме того, при правительстве функционирует ряд структур, являющихся по сути дела лоббистскими: Совет по развитию предпринимательства и промышленной политике при Правительстве РФ, Совет по внешнеэкономической деятельности при Министерстве внешнеэкономических связей РФ и др.

20.6. Плюсы и минусы корпоративизма

Корпоративная модель представительства групповых интересов имеет свои сильные и слабые стороны. К числу ее достоинств политологи относят:

- предотвращение, или мирное, путем переговоров, разрешение социальных конфликтов, и в первую очередь конфликтов между трудом и капиталом;
- высокая степень информированности всех сторон о требованиях и позициях друг друга;
- создание действенных механизмов принятия решений, учитывающих интересы всех сторон, углубление взаимопонимания и налаживание сотрудничества между ними;

— повышение предсказуемости государственной политики и снижение вероятности ошибочных решений и др.

Как показывает опыт ряда стран Запада, корпоративная система представительства общественных интересов способствует повышению управляемости общественными процессами, сбалансированности бюджета и эффективности финансовой системы, снижению уровня безработицы и забастовочной активности, а в конечном счете и стабилизации общественного строя.

В то же время корпоративизму присущ и ряд недостатков. Обладая монополией на представительство интересов определенной сферы жизнедеятельности общества, крупные организации могут стимулировать консерватизм, исключают подчас саму возможность появления конкурирующих организаций и могут ограничивать возможности альтернативных решений. Более того, в определенных ситуациях эти организации могут стремиться решать, в том числе в ущерб общественным интересам, свои собственные частные интересы, а также ограничивать возможности деятельности правительства. Не вызывает сомнения и тот факт, что корпоративизм способствует развитию тенденции олигархизации и самой организации, и неразрывно связанной с ней бюрократизации аппарата.

Противоречивая общественная значимость корпоративизма в России начала XXI в. особенно ясно выражена. Корпоративизм в России во многом унаследовал характерные для командно-административной системы руководства экономикой бюрократические традиции управления и скрытого ведомственного сговора правительственных чиновников и представителей промышленности и бизнеса вообще. Сказывается также отрицательное влияние массовидно выраженной коррупции, поразившей значительную часть государственного аппарата.

III. Общественные организации и движения

Заметную роль в деятельности политической системы общества играют общественные организации и движения. В определенных ситуациях они могут оказывать немалое воздействие на власть. И в этом смысле они представляют собой разновидность групп интересов и групп давления.

20.7. Понятия «общественные организации», «общественные движения» и их функции

Общественная организация — это добровольное объединение граждан на основе общности интересов, имеющее относительно устойчивую организационную структуру, фиксированное индивидуальное или коллективное членство. Для общественной организации характерны наличие устава, управленческого аппарата, относительная стабильность состава, материальное участие ее членов в создании имущественной основы (членские или целевые взносы).

Согласно этим признакам, к общественным организациям можно отнести профсоюзы, союзы предпринимателей, кооперативные, молодежные, женские, ветеранские организации, творческие союзы (писателей, художников, композиторов и т. п.), разнообразные добровольные общества (научные, технические, культурно-просветительские и др.).

Общественно-политические движения представляют собой солидарную активность граждан, направленную на достижение общей цели. Ядром таких движений являются инициативные группы, клубы, союзы. Движения не входят непосредственно в государственные или партийные структуры, но становятся в той или иной мере субъектами политической жизни, сочетая в разной степени функции сотрудничества, оппонирования или критики, оппозиции и борьбы по отношению к государственным институтам и политическим партиям.

Идейно-политическая ориентация движений гораздо шире и менее определена, а цели намного уже и конкретнее, чем у партий. Движения отличаются широкой социальной базой. В них могут участвовать люди, отличающиеся друг от друга, например, политическими взглядами, но имеющие согласие по конкретной политической цели, ради решения которой создается и действует движение. Поэтому движения зачастую приобретают массовый характер.

Общественные движения можно классифицировать по различным основаниям.

В зависимости от отношения к социальному строю, движения делятся на *консервативные* и *реформаторские*, *революционные* и *контрреволюционные*.

По идеологической основе движения подразделяются на *либерально-демократические*, *консервативные*, *социалистические*.

По национальному признаку выделяют *национально-освободительные*, *за самоопределение нации*, *культурно-национальную автономию* и др.

По демографическому признаку выделяют *молодежные*, *студенческие*, *крестьянские*, *мелких собственников* и др.

По степени организации движения могут делиться на *стихийные*, *разрозненные*, *слабоорганизованные*, *высокоорганизованные*.

По масштабам — *международные*, *региональные* (*страна, штат, республика, земля и т. п.*).

По методам и способам действия движения делятся на *легальные*, *нелегальные*, *формальные*, *ориентирующиеся на мирные или насильственные действия*.

К числу **основных функций** всех организаций и движений относятся следующие.

1. Выявление и удовлетворение интересов и потребностей членов объединения. Они в конечном счете преобразуются в четкие требования, программы, способствуют тем самым артикуляции интересов своих членов.

Наряду с политическими партиями общественные организации и движения в определенной степени решают и задачу агрегации интересов, т. е. согласования посредством дискуссий множества частных требований и установления между ними определенной иерархии и приоритетов. Особое значение эта функция организаций и движений приобретает в условиях неразвитой партийной системы.

2. Функция социальной интеграции и мобилизации. Она предполагает объединение и организацию членов группы и их сторонников вокруг целей данного формирования. Надо учесть, что своей деятельностью и требованиями общественные организации и движения могут привлечь внимание значительной части населения, а то и всего населения к острым проблемам общественного развития. А это, в свою очередь, способствует формированию жизненной позиции граждан, повышению их политической образованности и культуры.

3. Репрезентативная функция предполагает представительство и защиту интересов членов общественных объединений во взаимоотношениях с политическими институтами.

Воздействие общественных объединений на власть и ее структуры может осуществляться двумя путями: 1) по-

средством электорального представительства (через избирательные системы); 2) посредством прямого представительства организованных интересов.

Основными формами и методами давления общественных организаций и движений на органы власти являются следующие:

- непосредственное выдвижение своих кандидатов в состав представительных и исполнительных органов;
- поддержка на выборах близких политических партий и их кандидатов;
- участие в разработке законодательных и других нормативных актов;
- участие в работе парламентских комиссий, совещательных и консультативных органов, экспертных групп при различных государственных органах;
- организация пропагандистских кампаний в средствах массовой информации, сбор подписей под различными требованиями;
- забастовки, митинги, демонстрации и пр.

4. Функция моделирования новых общественных структур, поиск и испытание нетрадиционных форм социальных связей и стиля жизни.

Эта функция особенно отчетливо проявляется в деятельности так называемых альтернативных движений, стремящихся найти нестандартные решения глобальных проблем и многих конкретных проблем. Их активность направлена прежде всего на проблемы экологии, войны и мира, защиты прав человека, качества жизни и т. п.

Участники этих движений стремятся на собственном примере реализовать систему гуманистических, постматериальных ценностей. С этой целью на принципах равенства, справедливости, солидарности и самореализации создаются своеобразные типы кооперативов, сельскохозяйственных коммун, жилищных сообществ, производственных и культурных учреждений.

Социальную базу альтернативных движений составляют главным образом «новые средние слои» — интеллигенция, студенчество. Это объясняется во многом нестабильностью их положения при переходе к новому типу цивилизации — постиндустриальному.

Раздел VIII

ПРАВЛЕНИЕ

Глава 21

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ЛИДЕРЫ

План главы

- 21.1. Понятие «политическая элита».
- 21.2. Первооткрыватели теории элит.
- 21.3. Макиавеллизм и теоретические интерпретации элитизма.
- 21.4. Типология и структура элит.
- 21.5. Социальная представительность и рекрутирование элиты.
- 21.6. Политическая элита российского общества.

21.1. Понятие «политическая элита»

Еще в 430 г. до н. э. известный политический деятель Древней Греции Перикл утверждал: «Лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все». В ходе исторического развития практически во всех странах сложилось разделение общества на руководимое (управляемые) большинство и руководящее (управляющие) меньшинство. Это меньшинство, осуществляющее функции управления, обладает специфическими личностными особенностями и профессиональными качествами, помогающими ему находиться у власти. Этот особый слой называют правящей или политической элитой. И всякая социальная организация генерирует это разделение общества на управляющих и управляемых с момента возникновения дифференциации и специализации руководящих органов и административных функций.

В переводе с французского слово «элита» означает лучшее, отборное, избранное. Понятие «элита» широко применяется в самых разных словосочетаниях, выражаю-

щих нечто особое, выделяющееся, имеющее выдающиеся качества. Обычно элитой именуется люди, получившие наивысший индекс в области их деятельности, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством. Причисление кого-либо к элите предполагает наличие качеств, характеризующихся эпитетами «выдающийся», «авторитетный», «знаменитый» и т. п. Элитарный слой имеется в различных сферах общественной жизни — науке, производстве, искусстве, спорте и др. Политическая элита — та часть общества, которая имеет доступ к инструментам власти.

Длительное время правящее меньшинство изучалось по описаниям жизни государей, вождей и других выдающихся личностей. Однако в XX в. характеристика этого слоя стала концептуально связываться со строением и характером организации политической власти и государства. С этой целью стал использоваться и термин «элита».

В том случае, когда речь идет об элите, имеется в виду определенная стратификация, иерархия, т. е. неравенство. В понятии «политическая элита» органично заложено неравенство индивидов в их готовности к политической деятельности. И потому все существующие теории элит неизбежно делят общество на неравные группы: тех, кто в силу естественных, социальных, культурных отличий более способен к политике, и тех, кто менее к ней расположен. Более способную к политическому руководству часть общества называют политической элитой.

Таким образом, политическая элита представляет собой относительно немногочисленную общественную группу, занимающую привилегированное положение в социальной иерархии и обладающую определенными, прежде всего политическими и социальными качествами, что позволяет им принимать прямое участие в осуществлении политической (государственной) власти.

К политической элите можно отнести наиболее влиятельных и политически активных членов правящего класса, включая слой функционеров политических организаций, интеллектуалов, вырабатывающих политическую идеологию, людей, которые принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса.

Занимая центральное место в общественной жизни, политическая элита выполняет ряд функций. Во-первых, принятие решений и контроль за их реализацией.

Во-вторых, при помощи элиты происходит формирование и представление (презентация) групповых интересов различных слоев населения. В-третьих, важной функцией элиты является продуцирование ею политических ценностей, что способствует активному вовлечению населения в политические процессы.

21.2. Первооткрыватели теории элит

Теория элит — итог деятельности многих людей. Так, французский социолог и политический деятель Фредерик Ле Пле (1806 — 1882) был решительным сторонником социального неравенства, рассматривая в качестве естественного разделение общества на высший класс — руководителей и класс подчиненных — руководимых.

Руководители обеспечивают стабильность социального порядка, вырабатывают модели «хорошего» поведения и формируют институты, способные руководить людьми, природа которых остается дурной. Ф. Ле Пле считал, что руководимые, «неустойчивые и дезорганизованные» должны быть ведомыми теми, кто обладает четырьмя добродетелями (мужество, чувство справедливости, осторожность, воздержанность) и тремя теологическими (христианскими) добродетелями (милосердие, надежда, вера). Наделенные такими добродетелями люди обретают естественный авторитет. И благодаря таким людям общее благо и общий интерес оказываются защищенными.

Значительный вклад в становление теории элит внес итальянский социолог и экономист Вильфредо Парето (1848 — 1923). В своих основных трудах «Социальные системы» (1902) и «Трактат общей социологии» (1916) он сформулировал концепцию, согласно которой равновесие и динамика любой социальной системы детерминируется правящим меньшинством — элитой, проходящей определенные циклы в своем развитии. В. Парето стремился открыть законы, определяющие восхождение, поддержание и упадок правящих меньшинств.

Парето заложил основы так называемого аристократического направления в элитологии. Согласно Парето, элиты — это то лучшее, что создается в недрах общества. Решающее условие попадания в элиту — наличие способ-

ностей достигать самых высоких показателей в конкретных областях деятельности. Способности, как считает Парето, являются естественной диспозицией индивида, отличающей его от других. Превосходство в способностях проистекает из того, что индивид возвышается при помощи неких социальных норм. Не сами по себе способности определяют превосходство индивида. Оно в значительной мере определяется той оценкой, которую способностям дает социальная группа (и все общество в целом). Это означает, что под способностью Парето понимает определенное социальное обретение, которое обусловлено социальным происхождением, более или менее дифференцированным типом социализации. Значит, способность приобретает и реализуется под воздействием классовой позиции индивида.

Но не только способности определяют вхождение в элиту и принадлежность к ней. Сам В. Парето говорит о важности социального происхождения и специальной технике введения в элиту. Состав элиты не является неизменным. Он обладает способностью замещаться и продолжаться при условии постоянного обновления. При этом обновление осуществляется за счет вовлечения в состав элиты наиболее способных представителей низших слоев и классов общества. Это явление Парето назвал **циркуляцией элит**, которую он рассматривал как «универсальный закон истории». В «Трактате общей социологии» он, в частности, отмечает: «Аристократии не выживают. Каковы бы ни были причины, бесспорно, что через какое-то время они исчезают. История является кладбищем аристократий... И упадок аристократий связан не только с уменьшением их численности; упадок распространяется и на ее качество, в том смысле, что уменьшается ее энергия и модифицируются пропорции остатков, способствовавших захвату и удержанию власти... Правящий класс пополняется не только численно, но, что еще важнее, качественно семьями из низших классов, которые приносят с собой энергию и пропорции необходимых остатков для сохранения у власти. Он сохраняет свое доброе состояние утратой наиболее падших своих членов»¹.

Можно выделить три основные причины исчезновения элит:

- биологическое разрушение;
- изменение психологических позиций;
- упадок.

Биологическое разрушение поражает военную аристократию, погибающую на полях сражений. Изменение психологических позиций является следствием ослабления культурных моделей, что ставит элиты в зависимость от других культурных моделей. И тогда элита либо прибегает к использованию насилия, либо просто подчиняется чуждому культурному влиянию, сгибаясь как тростник на ветру. Понятно, что и в том, и в другом случае элита оказывается неспособной выработать, а тем более реализовать реальные проекты будущего. Наконец, упадок как следствие изменения статусов и ролей индивидов, входящих в элиту, связан с социальным происхождением: нет никаких гарантий того, что сыновья становятся обладателями таких же способностей, какими были наделены их отцы. И если элита формируется только на основе социального происхождения — это знак упадка элиты.

Понятие «элита» Парето дополняет понятием «контрэлиты». Элита осуществляет непосредственное управление политической жизнью общества, контрэлита состоит из людей, которые обладают необходимым потенциалом для вхождения в правящий класс, но в силу особенностей социальной структуры и прочих препятствий не имеет возможности сделать это.

Главным двигателем политического развития общества является постоянная смена двух типов элит: «лис» и «львов». Вслед за Макиавелли Парето «лисами» определяет политиков, отличающихся гибкостью в своих действиях, склонных к компромиссу и мирному разрешению противоречий. «Львы» — это решительные и опирающиеся на силовое решение политики. Первый тип руководителя наиболее эффективен в своих действиях в период стабильного и мирного общественного развития. Второй — вызывается к жизни, как правило, в моменты кризисов и крупных социальных потрясений.

Иной подход к пониманию элиты предложил другой великий итальянский политический мыслитель — **Гаэтано Моска** (1858–1941). В своих важнейших работах «Теория управления и парламентское правление» (1884) и «Элементы политической науки» (1896) Моска заложил основы **функционального** направления элитологии,

¹ Busino G. Elites et élitisme. P., 1992. P. 16–18.

определяя элиту как группу управляющих, выполняющих определенные социальные обязанности.

Правда, вместо понятия «элита» Моска больше оперировал категорией «правлящий класс». Это позволяло, используя все характеристики, присущие элите, указывать и на то, что главной причиной властного могущества данной социальной группы является ее высокая степень *внутренней организованности и сплоченности*. Именно это свойство и позволяет элите концентрировать в своих руках руководство обществом и государством, объединяя население в процессе перехода от одной исторической эпохи к другой.

Организованность правящего меньшинства непосредственно отражает так называемая «политическая формула», означающая совокупность юридических и моральных свойств и методов укрепления им своей власти и положения. Основной функцией государства по воплощению этой формулы является поддержание баланса как в отношениях управляющих и управляемых, так и внутри правящего класса.

Состав правящего политического класса постоянно меняется, т. к. далеко не все его члены способны удовлетворять высоким критериям и требованиям к ним. Развивая это положение, Моска уделял значительное внимание исследованию процессов изменения состава и преемственности в развитии правящего класса. Формирование управляющих, по его мнению, может идти двумя путями. В одном случае наблюдается стремление к замкнутости, наследованию власти, юридической или фактической, преемственности власти политического класса. Это неизбежно приводит к деградации правящего класса. На втором пути обновление политической элиты происходит на основе демократической замены части правящего класса на наиболее способных представителей управляющих, что предохраняет правящий класс от деградации и открывает возможность для его обновления.

С позиций элитизма Моска негативно относился к демократии. Он считал демократию утопией, миражом, в погоне за которым «некомпетентные» массы становятся объектом манипуляций со стороны «демагогов» и прокладывают путь «диктатуре». Выборы он трактовал как путь к обновлению элиты, а не как форму контроля масс над руководителями.

Таким образом, исходный пункт концепций Парето и Моски идентичен — деление общества на господствующее меньшинство и политически инертную массу. Однако наряду со сходством исходных положений имеются и различия. Если Парето делал упор на замену одного типа элиты другим, то Моска — на постепенном проникновении в элиту «лучших» представителей масс. Если Моска абсолютизирует действие политического фактора, то Парето объясняет динамику элит, скорее, психологически: элита властвует, насаждая политическую психологию, сама же она возвышается над обыденным сознанием. От Парето берет начало целостная интерпретация элиты, от Моски — «макиавеллиевская» школа элитаристов, т. е. поборников теории элит.

Теория элит получила развитие и в работах немецкого ученого Роберто Михельса (1876 — 1936), уделившего главное внимание описанию партийных элит, но сделавшего при этом важные обобщающие выводы.

В своей знаменитой книге «Социология политической партии в современной демократии» (1911) Р. Михельс показал, что организация сама уничтожает свои конечные цели и идеологию и преуспевает только в самосохранении. Выводы Михельса выражаются в следующих трех формулах.

1. Каждому органу коллектива, возникающего в результате разделения труда, с момента его консолидации и укрепления присущ собственный интерес, интерес в себе и для себя, а именно — олигархическая тенденция.

2. Некоторые социальные страты, различающиеся по выполняемым функциям, стремятся объединиться, рождая тем самым органы, выражающие их особые интересы, что является отклонением от первичной цели.

3. В организациях особый интерес становится целью в себе со своими особенными целями и интересами, а организация телеологически в силу этого отклоняется от класса, который она представляет. Это означает отказ от революционного проекта.

Первый из этих выводов характеризует структуру власти в партиях и профсоюзах; второй — функцию организаций и институтов в ее составе; третий — соотношение в организации рабочих триады «революция — реформы — сохранение». Между этими тремя формулами нет необходимой для их единства корреляции. И потому Р. Михельс их рассматривает отдельно, как независимые феномены.

Р. Михельсу принадлежит заслуга в открытии «железного закона олигархии», согласно которому создание крупных организаций и трудности управления ими приводят к выделению специфической группы людей, которые могут наиболее компетентно выполнять функции власти и управления. Только на этом пути возможно создание рациональной структуры деятельности крупных организаций. Однако выделившаяся элита постепенно приобретает черты корпоративности, закрытости и начинает стремиться к удовлетворению в первую очередь своих узких интересов и сохранению приобретенных привилегий. Постепенно создается олигархия. Ее индикатором, по Михельсу, является фактическая несменяемость руководителей. Об олигархической тенденции свидетельствует и то, что к мнению рядовых членов обращаются лишь один раз в год, что знание о положении дел в финансовых вопросах известно 3–4 лицам, что руководители партий кооптируются и что съезды утверждают все принятые руководством решения.

Показательным является следующее размышление Р. Михельса. «Организация является источником господства избранных над избирателями, тех, кто обладает мандатами, над теми, кто их дает, делегатов над теми, кто их делегирует. **Кто говорит организация, тот говорит олигархия** (выделено мной. — В. Ж.). Всякая партийная организация представляет собой олигархическую силу, опирающуюся на демократическое основание. Повсеместно встречаются избиратели и избранные. И также всюду присутствует безграничная власть избранных над массами, которые их избирают. Олигархическая структура здания душирует основополагающий демократический принцип. **То, что есть**, подчиняет **то, что должно быть**. Для масс эта существенная разница между реальностью и идеалом является еще тайной... Образование олигархий внутри множества форм демократии является органическим феноменом, а в итоге — тенденцией, в которую фатально встраивается всякая организация...»¹.

В силу этого Р. Михельс делает вывод о том, что любое общество управляется всегда достаточно узким слоем политической элиты, большинство же граждан отчуждены от власти.

Теории элит опираются на классическую доктрину естественного неравенства человечества. Очевидно, что

в человеческом обществе существуют естественные и социальные различия между людьми, обуславливающие их неодинаковые способности к управлению и влиянию на политические и общественные процессы. Совокупность индивидов, которые отличаются результативностью, действуют с высокими показателями в той или иной сфере деятельности и составляют элиту. Теория элит стремится исключить нивелировку, усредненность в оценке влияния на власть, отражает соревновательность, конкуренцию в области политической жизни, ее иерархичность и динамизм. Все это предполагает, что каждое политическое устройство «олигархично» в той или иной степени.

21.3. Макиавеллизм и теоретические интерпретации элитизма

Выводы Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса положили начало научным работам, направленным на раскрытие механизмов и закономерностей функционирования политических элит. Они заложили основы целого направления политической теории, получившего наименование «макиавеллизм».

Сторонники данного направления, соединяя политический реализм с «цинизмом» Н. Макиавелли, сходятся в своем весьма критическом отношении к демократии, занимая в этом вопросе позицию, близкую древнегреческим авторам, рассматривавшим демократию в виде некой мистической реалии, т. к. убеждены в том, что человеческое существование немисливо без неравенства. Во все времена, утверждают они, меньшинство правило большинством, массами. А история многократно свидетельствовала о том, что обладание властью всегда является итогом борьбы конкурирующих сил, в которой первостепенную роль играют элиты.

Основные элементы взглядов макиавеллистов могут быть представлены следующим образом.

1. Общество делится на управляющих и управляемых. Первые наделены определенными интеллектуальными, психологическими, организационными и т. п. качествами, позволяющими им быть во главе общества. Вторые же, в силу своей неорганизованности и некомпетентности в политике, обречены на подчинение тем, кто правит в обществе.

¹ Busino G. Op. cit. P. 24.

2. Элиту отличает соответствующая подготовка и воспитание, что облегчает ей овладение искусством управления обществом. К тому же, осознавая свое положение и роль, которую она играет в развитии государства и общества, политическая элита характеризуется высокой внутренней сплоченностью и организованностью.

3. Устойчивое развитие общества, как правило, сочетается с признанием большинством населения прав элиты на управление страной, что дарует ей легитимность в своем существовании и деятельности.

4. Элита обладает достаточно устойчивой внутренней структурой. И хотя ее состав может меняться, отношения господства — подчинения в обществе сохраняются. Радикальное обновление элиты происходит в переломные периоды общественного развития, когда в итоге политической борьбы к власти приходят представители нового элитного слоя.

В русле макиавеллизма можно выделить несколько теорий: ценностная теория, теории плюрализма элит и демократического элитизма, партократические теории элит и леволиберальные теории. Рассмотрим их несколько подробнее.

Макиавелистские теории элит подвергаются критике за преувеличение значения психологических факторов, антидемократизм и недооценку способностей и активности масс, недостаточный учет эволюции общества и современных реальностей в развитии государственности, циничное отношение к борьбе за власть. Справедливости ради надо сказать, что такая критика не лишена оснований.

Ценностные теории

Сторонники данной концепции считают, что к элите относятся все те, кто обладает особыми способностями к производству и распространению определенных политических **ценностей**. Для них характерно стремление сгладить различия между жесткими подходами традиционного макиавеллизма и теми демократическими реалиями, которые отличают политическую жизнь современных государств.

Подчеркивая особое значение деятельности элиты для общественного развития, приверженцы данной теории отмечают те специфические и значимые достоинств

ва данного слоя в обществе, которые им позволяют быть во главе государственного управления. Они признают, что формирование элиты происходит в итоге борьбы за власть. Однако в современных условиях, считают они, важнейшим средством овладения властью является электоральное противостояние и победа в нем.

В итоге формирование и обновление элиты происходит на основе изменений запросов и приоритетов развития общества, что с необходимостью отражается в программных установках партий и политических деятелей. Это означает, что формирование элиты приобретает **ценностно-рациональный** характер.

Формирование элиты — не столько результат ожесточенной борьбы за власть, сколько следствие естественного отбора обществом наиболее ценных представителей. Поэтому общество должно стремиться совершенствовать механизмы такой селекции, вести поиск наиболее одаренных представителей элиты во всех социальных слоях. Важно обеспечить примерно равные стартовые условия для всех людей. На финиш люди (в силу природных) различий придут в разное время и с разными результатами. неизбежно появятся социальные «чемпионы» и аутсайдеры.

К представителям ценностного подхода можно отнести испанского философа **Хосе Ортега-и-Гасета** (1883 — 1955), который противопоставлял духовную элиту, творящую культурные ценности, пассивной управляемой массе, бессознательно следующей стандартизированным обычаям и привычкам.

Главная цель человеческой деятельности во всех измерениях жизни, считал Х. Ортега-и-Гасет, — это творчество, открытие и воплощение в жизнь новых ценностей. Поэтому всякое общество и всякая эпоха — «это прежде всего система предрасположенностей, все остальные работают на них»¹. И если большинство людей обречено быть обыкновенными: просто врачами, просто художниками, просто людьми, то духовная элита наделена особой жизненной силой. Она не идет на поводу у собственных привычек и общепринятых обычаев. Напротив, повинувшись «внутреннему императиву», она старается быть лучше, требовательнее к себе, т. к. обладает подлинным «призванием к самосовершенствованию»².

¹ Ортега-и-Гасет Х. Веласкес. Гойя. М., 1997. С. 120.

² См. там же. С. 120.

Сторонником ценностного подхода был и русский религиозный философ Н.А. Бердяев, который пытался выявить качественные показатели элиты, определяющие ее влияние на социально-политическую и духовную жизнь общества.

Согласно Бердяеву, в истории действует некий «нравственный закон», дух которого всегда выражается через «качественный подбор личностей, через избранные личности»¹. Эти личности образуют «аристократию» — некую духовно и физически привилегированную группу, обладающую такими чертами, как духовное благородство, щедрость, жертвенность, сознание своего достоинства, умение «служить человеку и миру»².

Аристократия, по Бердяеву, может иметь несколько разных ступеней и каждая группа в обществе может выделять свою собственную аристократию. Однако существуют такие типы «истинной аристократии», которые выполняют особую роль. Это социально-историческая аристократия («экзотерическая»), «действующая во внешнем историческом плане», и высшая — духовная аристократия («эзотерическая»), которая образуется и действует «во внутреннем сокровенном плане», где начинается всякое творчество³.

Н.А. Бердяев, на основе анализа развития разных стран и народов, вывел «коэффициент элиты» как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Коэффициент элит, составляющий свыше 5 процентов, означает наличие в обществе высокого потенциала развития. Как только этот коэффициент опускается до примерно одного процента, империя прекращала существование, в обществе наблюдался застой и окостенение. Сама же элита превращалась в касту, жречество.

И потому перед каждым обществом, по мнению Бердяева, стоит задача подбора и укрепления «истинной демократии». Именно она может стать «руководящей аристократией», т. к. власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности.

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 101.

² См. там же. С. 128.

³ См. там же. С. 138.

Ценностные представления о роли элиты в обществе преобладают у современных неоконсерваторов, утверждающих, что элитарность необходима для демократии. При этом упор делается на приоритетность в политической деятельности принципов морали и нравственности. Элита должна служить примером нравственности для граждан и внушать тем самым к себе уважение, подтверждаемое на свободных выборах.

Данная концепция роли политической элиты, по мнению многих политологов, в целом соответствует демократическим принципам правления, хотя не раз подвергалась критике за абсолютизацию роли правящей элиты в обществе и ее жесткое противопоставление пассивному большинству.

Теория демократического элитизма

К ценностной трактовке роли политической элиты примыкают концепции, получившие наименование демократического элитизма. Крупными исследователями данного направления являются Р. Даль, С.М. Липсет, Л. Зиглер, Й. Шумпетер и др. Они понимают демократию как конкуренцию между потенциальными руководителями за доверие избирателей. Выборы — как важный элемент демократии — становятся новым способом рекрутирования элиты.

Сторонники данной теории рассматривают элитизм как элемент политики, полностью совместимый с механизмами представительной демократии. Политическая элита в новых исторических условиях представляет собой профессиональную группу управленцев, находящуюся под контролем общества. Элиты необходимы прежде всего как гарант высокого качественного состава руководителей, избранных населением. Сама социальная ценность демократии решающим образом зависит от качества элиты. Как утверждал видный политический мыслитель Й. Шумпетер, элиты могут сделать для утверждения демократии значительно больше, чем самые широкие, заинтересованные в демократических ценностях слои населения. Руководящий слой не только обладает необходимыми для управления свойствами, но и служит защитником демократических ценностей и способен сдерживать часто присущий массам политический и идеологический иррационализм, эмоциональную неуравновешенность и радикализм.

Теории плюрализма элит

Согласно этой теории, во власти действуют несколько элитарных группировок, и каждая из них обладает собственными механизмами и зоной властного влияния, выражает специфические интересы различных групп населения и обладает только ей присущим авторитетом. При этом каждая общественная группа контролирует свою элиту, для чего используются выборы, референдумы, группы интересов и т. п. механизмы. В итоге ставится под вопрос «железный закон олигархии» Р. Михельса.

К тому же конкурентная борьба между элитами за завоевание преобладающего влияния в политическом процессе, согласно рассматриваемой теории, препятствует образованию единой консолидированной элиты. Этому же способствует и тот факт, что в демократическом государстве власть оказывается распределенной между многообразными общественными объединениями, союзами и прочими группами.

И еще одно обстоятельство, подтверждающее правомерность постановки проблемы плюральности элит. В развитии демократического обществе граница между политической элитой и основной массой населения оказывается размытой. Для большинства граждан, при наличии у них необходимых качеств и активности, нет препятствий для попадания в состав элиты. Это значит, нет и искусственных препятствий для рекрутирования в элиту представителей самых разных социальных групп общества.

Концепции плюрализма элит широко используются для теоретического обоснования современных западных демократий. Однако эти теории во многом идеализируют действительность. Многочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о явной неравномерности воздействия различных социальных слоев на политику, о преобладании влияния экономического и культурного капиталов, представителей военно-промышленного комплекса и некоторых других групп.

Леволлиберальные теории

Леволлиберальные концепции во многом сходны с теориями макиавеллистского направления в том, что они настаивают

на единстве политической элиты, ее относительно постоянном составе, прочной внутренней структуре элиты, групповом самосознании. При этом упор делается на критической оценке указанного явления, на негативных его последствиях.

Ярким представителем указанного направления политической мысли был американский социолог **Чарльз Райт Миллс** (1916 — 1962). Он, в частности, утверждал, что правящая элита США объединена общими интересами. Ее существование определяется тем, что американское общество состоит из апатичных, склонных к развлечению индивидов, подверженных убеждениям и манипуляциям, неспособных осмыслить свою ситуацию и интересы с точки зрения коллективного подхода.

По Ч.Р. Миллсу, осуществление власти в США разветвляется на трех уровнях: **высший уровень**, где решаются вопросы национального и международного значения; **средний уровень**, где решаются вопросы секториального значения и местной жизни; **нижний уровень**, где исполняются решения двух вышестоящих инстанций.

Властвующая элита сконцентрирована на высшем уровне. Она представлена: **экономической стратой**, состоящей из руководителей 200 — 300 гигантских предприятий; **элитической стратой**, объединяющая членов политического руководства, возглавляющих государство; **военная страта**, объединяющая высший эшелон армейского руководства. Между этими стратами существует не только солидарность, но взаимообмен членами.

Властвующей элите подчиняются два других нижестоящих уровня руководства. Средний уровень является как бы заградением от масс. Он действует по правилам, определенным высшим руководством. То же самое относится и к нижнему уровню элиты.

Ключ к пониманию могущества американской элиты следует искать, по мнению Миллса, в «иерархических институтах — государстве, корпорации, армии, они образуют собой орудия власти»¹. Определяя элиту как «высшую социальную прослойку», как «центральное ядро» высших социальных классов, Миллс отмечал, что она представляет собой некое «компактное социальное и психологическое целое», члены которого связаны определенными деловыми и неформальными отношениями².

¹ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 26.

² См там же. С. 34.

Р. Миллс подробно останавливается на анализе такого признака элиты, как престиж. Он отмечает, что престиж членов элиты определяется в первую очередь престижем возглавляемых ими учреждений. При этом престиж представителей экономической элиты отличается от престижа политических руководителей. Если престиж бизнесмена определяется масштабами его предприятия или корпорации, престиж члена конгресса «измеряется количеством голосов, которыми он располагает, и комиссий, в которых он состоит»¹.

Заслуживает внимания тот факт, что он досконально изучил социальное происхождение властвующей элиты и выявил, что рекрутирование в нее осуществляется главным образом из высших слоев. Их портрет, по Миллсу, легко поддается описанию: они выходцы из семей, вписанных в *Social Register*, — англосаксонцы, пресвитерианцы, обладающие высокими доходами, прошедшие обучение в престижном университете, а до него закончившие одну из частных школ, где проходят социализацию дети представителей высшего класса.

Для Миллса соперничество, борьба, конфликты внутри высшего класса носят вторичный характер. В действительности же образование, престиж и совпадение интересов являются факторами солидарности и объединения элиты. Миллс утверждает: «Вершина современного американского общества все более и более едина и напоминает зачастую театр организованной координации: на вершине появилась властвующая элита. На средних уровнях имеется неорганизованная совокупность сил, которые уравниваются взаимными блокированиями. Середина не соединяет основание с вершиной. Основание этого общества политически фрагментарно, и даже если его рассматривать как пассивный элемент, его власть не прекращает уменьшаться; в основании появляется массовое общество». Единство элиты обеспечивается тем, что ни одна из трех крупных институциональных иерархий не может требовать одностороннего лидерства².

¹ Миллс Р. Указ. соч. С. 121.

² См.: *Busino G.* Op. cit. P. 52–58.

Партократические теории элит

Данное направление сформировалось в рамках марксистской традиции. К слову сказать, сторонники марксистского учения весьма негативно относились к теориям элит, разоблачая *угнетательский* характер властных отношений в капиталистическом обществе. Однако, обосновав авангардную роль партии рабочего класса, коммунистические теоретики практически сформулировали партократическую теорию элит. Она существенно отличается от всех иных версий теории элит.

Прежде всего, согласно марксизму, коммунистическая политическая элита отличается глобальным характером. Она являет собой интернациональное образование и решает задачи всемирного измерения: построение нового коммунистического общества на всей планете.

Во-вторых, коммунистическая политическая элита руководит буквально всеми сфера общественной жизни и берет на себя ответственность за утверждение нового общественного строя и за формирование нового человека.

В-третьих, в социалистическом обществе утверждается новый механизм рекрутирования элиты. Он выражается в том, что предпочтение отдается выходцам из низших слоев общества, из рабочих и крестьян. Кроме того, попадание в политическую элиту практически невозможно в обход активного членства в партии. И в этом смысле политическая элита оказывается в значительной мере закрытой, а значит, и несущей в себе опасность вырождения.

В-четвертых, для партократической элиты характерна ориентация на официальную партийную идеологию, которая является важнейшим условием едва ли не монолитной ее (элиты) сплоченности.

И наконец, политическая элита коммунистического общества отличается жесткой иерархией и строгой подчиненностью низших ее звеньев высшим.

21.4. Типология и структура элит

Рассмотренные выше теории отражают различные грани феномена элиты, ориентируются на определенные исторические эпохи и страны. Выявленные исследователями черты элит позволяют дать определение

политической элиты. Политическая элита — это относительно интегрированная группа (или совокупность групп), занимающая руководящие позиции в общественных институтах и влияющая на принятие властных решений. Это относительно привилегированная, политически господствующая группа, претендующая на представительство народа, и в демократическом обществе в той или иной мере подконтрольная массам. К тому же она относительно открыта для вхождения в ее состав лиц, обладающих необходимой квалификацией, политически активных.

Понятие **политическая элита** характеризует носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств, осуществляющих руководство обществом. Оно отражает **неравномерность влияния граждан на власть, соревновательность и конкуренцию в политической жизни, ее иерархичность и динамизм.**

Существование политической элиты обусловлено действием следующих основных факторов:

- неодинаковыми способностями, возможностями и желанием людей участвовать в политике;
- общественной потребностью в профессиональных управленцах;
- широкими возможностями для получения привилегий, открываемых управленческой деятельностью;
- политической пассивностью широких слоев населения, главные интересы которых обычно лежат вне политики.

Политическая элита внутренне неоднородна, дифференцирована и различается на разных исторических этапах и в разных странах. Это, а также специфика исследовательских подходов обуславливают сложность и многообразие ее классификации.

В зависимости от источников влияния элиты на **наследственные** (например, аристократия), **ценностные** (лица, занимающие высокопрестижные и влиятельные общественные и государственные позиции), **властные** (обладатели власти) и **функциональные** (профессионалы-управленцы).

Среди политических элит различают **правящую**, т. е. непосредственно обладающую государственной властью, **оппозиционную** (контрэлиту), **открытую**, рекрутирующуюся из всего общества, и **закрытую**, воспроизводящуюся из собственной среды (например, дворянство).

Структура элитарного слоя, осуществляющего в государстве и обществе функции власти и управления, неоднородна и сложна. Ее элементами являются:

— **экономическая элита** — крупные собственники, владеющие промышленными компаниями, банками, торговыми фирмами и т. п.;

— **политическая элита** — лица, занимающие высшие посты в гражданских или военных органах власти;

— **бюрократическая (административная) элита**;

— **идеологическая, «информационная» элита** — ведущие представители науки, культуры, религии, образования средств массовой информации.

На основе объема властных функций различаются высшая, средняя, административная политические элиты.

Сама элита делится на **высшую**, которая принимает значимые для общества решения; **среднюю**, участвующую в подготовке и реализации решений; **административную**, предназначенную для исполнительной деятельности, однако не обладающую большим влиянием на политику.

Высшая политическая элита включает в себя политическое руководство государства — монарха, президента, премьер-министра, спикера парламента, лидеров ведущих партий и фракций в парламенте, одним словом, всех тех, кто занимает высшие посты в органах законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти. В западных демократиях на каждый миллион жителей приходится примерно 50 представителей высшей элиты. В этой элитной группе можно выделить некое **ядро**, которое насчитывает всего несколько сот человек.

Средняя политическая элита формируется из выборных должностных лиц — парламентариев, сенаторов, депутатов, губернаторов, лидеров различных партий и общественных движений. Эта элитная группа составляет, по некоторым оценкам, около 5 процентов населения. Она выделяется по трем признакам: доходу, профессиональному статусу и образованию. Лица, обладающие высшими показателями лишь по одному или двум из этих критериев, относятся к **маргинальной** элите. Как отмечает К. Дойч, «в целом люди, чей образовательный уровень гораздо выше, чем их доход, обычно более критичны к следующим отношениям, в своих политических убеждениях тяготеют к централизму или левому радикализму. Лица, чей доход за-

метно превышает уровень образования, также зачастую не удовлетворены своим положением, престижем и, как правило, занимают правые политические позиции. Таким образом, взгляды 5 процентов взрослого населения страны, составляющего элиту общества, определяемые соотношением доходов, профессионального статуса и образовательного уровня, могут многое поведать о том, что политически приемлемо и что не приемлемо для данной страны»¹.

Многие политологи отмечают тенденцию возрастания роли средней элиты, особенно ее новых слоев, называемых «*субэлитой*», — высших служащих, менеджеров, ученых, инженеров и интеллектуалов — в подготовке, принятии и реализации политических решений. Эти слои обычно превосходят высшую элиту в информированности, организованности и способности к единым действиям.

Административная (бюрократическая) элита — это высший слой государственных служащих (чиновничества), занимающих руководящие должности в органах государственного управления и играющих значительную роль в управлении государством и обществом.

Исторически бюрократия формировалась как управленческий аппарат государства индустриального типа. Не случайно Г. Гегель и М. Вебер определяли бюрократию основным носителем **рациональных форм организации власти**. Бюрократия как аппарат управления отличается высокой профессиональной квалификацией, дисциплиной, ответственностью, следованием букве и духу законов и регламентов, уважением к чести мундира. И это, вне всякого сомнения, положительные моменты. Однако бюрократизм как одно из возможных практических проявлений деятельности бюрократии связан с неоправданным формализмом, волокитой, подчиненностью деятельности государственных структур узкогрупповым интересам, отступлением от требований законов и регламентов и т. п. И это, безусловно, расходится с коренными интересами государства и общества.

Возможно ли преодоление всего того негативного, что связано с бюрократизмом? Опыт многих стран показывает, что возможно. Но эта возможность становится реальностью только в случае эффективного общественного и административного контроля за деятельностью чиновников государственного аппарата.

Когда речь идет о бюрократии, нельзя не сказать и об опасности политизации ее деятельности. Бюрократия по определению должна быть политически нейтральной. Исполнение чиновничеством сугубо административных функций и невмешательство его в политическую борьбу — одна из предпосылок сохранения стабильности общественных порядков. Как справедливо отмечал М. Вебер, перерождение государственной бюрократии в политическую таит в себе угрозу человеческой свободе и независимости.

Оптимальной для общества является стабильная демократическая элита, сочетающая тесную связь с населением с высокой степенью групповой интеграции, способная понимать политических оппонентов и находить компромиссные решения.

Выражение элитой мнений населения в определенной степени зависит от социального происхождения ее представителей. Естественно, что выходцам из среды рабочих, крестьян, тех или иных этнических групп легче понять запросы соответствующих слоев. Из этого вовсе не следует, что интересы рабочих должны представлять рабочие, крестьян — крестьяне и т. д. Часто с этой задачей лучше справляются политики-профессионалы — выходцы из других групп общества.

21.5. Социальная представительность и рекрутирование элиты

Важным условием демократического характера политической элиты является ее **социальная представительность**. Данное понятие характеризует степень представления элитой различных социальных слоев и групп общества. Это означает, что социальная представительность с известной степенью полноты характеризует открытость элиты, возможность для представителей различных социальных групп общества стать полноправными ее членами.

Социальная представительность определяется рядом факторов. Прежде всего сказывается воздействие **социального происхождения**. Какой бы высокий пост ни занимал тот или иной политический деятель, на его решения и действия факт социального происхождения оказывает значительное влияние. Как правило, он стремится действовать

с учетом интересов слоя, давшего ему путевку в жизнь. Это подтверждает политическая практика многих стран.

В то же время социальное происхождение нельзя рассматривать в качестве абсолютного критерия. Сам факт вхождения в политическую элиту может существенно изменять идеологические и ценностные ориентации политического деятеля. И потому выходцы из среды рабочего класса далеко не всегда отстаивают интересы этого класса. И наоборот, идеологические пристрастия и убеждения могут вести политика к действиям, расходящимся с интересами социальной группы его изначальной принадлежности. И тем не менее социальную принадлежность представителей политической элиты нельзя недооценивать.

Политологи в качестве фактора, определяющего социальную представительность элиты, называют *организационную принадлежность* (вхождение в партию, профсоюз, общественное движение и т. п.). Организационная принадлежность может рассматриваться как своеобразная гарантия социальной представительности различных социальных слоев и групп общества в элите. К тому же она оказывается связанной и с обязательствами лиц, входящих в элиту, перед избирателями, например голосовавшими за ту или иную партию. Кроме того, политические организации имеют на вооружении некие программные установки и цели, игнорировать которые ее представители в элите просто не могут. И это тоже форма контроля за той или иной частью элиты.

И еще. Государственные и общественные институты (общественные движения, группы давления, система выборов, референдумов и опросов общественного мнения, средства массовой информации и т. д.) осуществляют контроль за деятельностью элиты и тем самым в значительной мере предотвращают развитие замкнутости и кастовости политической элиты.

Каждый из этих факторов действует не изолированно. Они взаимно дополняют друг друга в практическом осуществлении того, что мы назвали социальной представительностью элиты.

Социальная представительность, эффективность действий, авторитет политической элиты во многом зависят от системы ее рекрутирования (формирования). Эта система является специфическим механизмом отбора представителей элиты, который включает в себя необходимые критерии, порядок и состав лиц, которые осуществляют отбор.

В политологии выделяются две основные системы рекрутирования элиты: система гильдий и антрепренерская (предпринимательская) система. В чистом виде они встречаются довольно редко. Антрепренерская система преобладает в демократических государствах, система гильдий — в странах командно-административного социализма, хотя ее элементы широко распространены на Западе, особенно в экономике и государственно-административной сфере.

Отличительными чертами *системы гильдий* являются:

1) закрытость элиты. Отбор претендентов на более высокие посты осуществляется в основном из нижестоящих слоев самой элиты. Восхождение наверх осуществляется медленно и постепенно (от должности к должности);

2) высокая степень институционализации отбора претендентов. Для внутренней структуры политической элиты в этой системе характерно наличие множества институтов и организаций, которые контролируют продвижение претендентов на основе множества требований (возраст, пол, партийность и т. д.);

3) ограниченный круг лиц, участвующих в селекции претендентов. В состав селектората входят, как правило, высшие руководители организаций и государства;

4) тенденция к воспроизводству уже сложившегося типа лидера.

Наиболее типичным вариантом рассматриваемой системы рекрутирования политической элиты является *номенклатурная система*. Для нее характерно отсутствие конкурентной борьбы, излишняя идеологизация, политизация и непотизация¹ (доминирование родственных связей).

Антрепренерская система характеризуется:

1) открытостью, широкими возможностями для представителей различных социальных групп занять место в элите;

2) невысокой степенью институционализации отбора, или, говоря иначе, небольшим числом институциональных фильтров;

¹ Непотизм (лат. *peros* — внук, племянник) — 1) раздача римскими папами доходных должностей, высших званий, земель своим родственникам для укрепления собственной власти; непотизм был широко распространен в XV–XVI вв.; 2) служебное покровительство родственникам и своим людям; кумовство.

3) широким кругом селектората, т. е. широким кругом лиц, участвующих в процессе рекрутирования элиты;

4) высокой конкурентностью отбора и первостепенной значимостью индивидуальных качеств претендента.

У каждой системы отбора есть свои плюсы и минусы. Антрепренерская система в большей степени приспособлена к динамизму современной жизни. Она более открыта для различных социальных сил, более подвижна и пластична, восприимчива к новшествам в политике. В то же время она страдает высокой степенью непредсказуемости, подвержена опасности ловушки популизма.

Система гильдий, наоборот, отличается предсказуемостью не только состава элиты, но и политической линии руководства. В то же время она подвержена опасности излишней бюрократизации, консерватизма и неповоротливости.

21.6. Политическая элита российского общества

Вопрос о роли политической элиты в политической жизни российского общества является новым для отечественной политической мысли и практики.

Для обозначения элитарных групп советского общества с конца 20-х гг. использовался термин «номенклатура». Она воспроизводила себя через монопольное положение в системе власти, через свою собственность на государство. Югославский ученый М. Джилас в работе «Новый класс» отмечал, что после Октябрьской революции в России сформировался новый класс, ранее неизвестный в истории, — **партийная бюрократия**. Она обретает власть, привилегии, идеологию и обычаи благодаря одной специфической форме собственности — коллективной, которую этот новый класс вводит и распространяет от имени народа и общества.

Черты номенклатурной системы: личная преданность и политическая лояльность как главные критерии отбора; протекция и семейственность как главный его метод; фактическая неподсудность; наследственное право на вхождение в номенклатуру; неподотчетность высших перед низшими; внутрикорпоративное деление не по профессиональной специализации, а по уровням руковод-

ства; замкнутость этого слоя, принадлежность к которому стала пожизненной; средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС в 1985 г. составлял 68,5 года, а самому старшему было 86 лет¹.

Крушение системы государственного социализма сопровождалось сломом партийного государства, разложением его субъекта — номенклатуры. Одновременно происходили глубокие социальные сдвиги общества, его внутренняя дифференциация. Современное российское общество — это общество переходного типа, в котором формируется новая элита. И роль этой элиты в общественной жизни неуклонно возрастает. Она является едва ли не главным действующим лицом происходящих в обществе перемен.

Отметим некоторые отличительные черты новой политической элиты в России. Советская элита последних двух-трех десятилетий ее существования была технократической. Подавляющее большинство руководителей партии и государства в 1980-х гг. имело инженерное, военное или сельскохозяйственное образование. Причем две трети брежневской когорты заканчивали провинциальные политехнические вузы. При Горбачеве процент технократов снизился, но не за счет прироста гуманитариев, а за счет роста доли партократов, имевших высшее политехническое или партийное образование. При Ельцине в составе элиты удельный вес лиц, получивших техническое образование, снизился до 47 процентов, хотя сама образовательная система не претерпела радикальных изменений: в России по-прежнему 70 процентов вузов имеют технический профиль.

Современная элита стала значительно моложе. В ней резко возросло представительство московских политиков, экономистов, юристов. Доля выходцев из села в ней сократилась в 5 раз. К руководству страной стали шире привлекаться специалисты высшей категории. Президентская команда Ельцина на $\frac{2}{3}$ состояла из докторов наук. В правительстве ученую степень имели почти 70 процентов его членов. Власть стала более интеллектуальной. В руководящей элите возросло число гуманитариев².

¹ См.: Лапина Н.Ю. Формирование современной российской элиты. М., 1995. С. 10; Политология: Учеб. пособие / Под ред. проф. М.А. Василика. СПб., 2000. С. 116–117.

² См. подробнее: Желтов В.В., Клецевский Ю.Н. Указ. соч. С. 136–148.

В целом за последнее десятилетие российская элита претерпела существенные изменения. Место монолита номенклатурной пирамиды заняли многочисленные элитарные группировки, находящиеся между собой в отношениях конкуренции. Элита утратила большую часть рычагов власти, имевшихся у старого правящего класса. В этих условиях возросла роль экономических факторов в управлении обществом. Вместо стабильного правящего класса с сильными вертикальными связями между его этажами создано множество динамичных элитных групп, между которыми получили развитие горизонтальные и неформальные связи.

Группировки, составляющие нынешнюю элиту, рыхлы и аморфны, их раздирают острые противоречия. Имеет место ожесточенная конкуренция между самими группировками. Сложившийся внутри элиты расклад сил не позволяет ни одной из них занять господствующее положение.

Слабость российской элиты проявляется и в отсутствии у нее долговременной программы реформ, в попытках механически перенести на отечественную почву основные ценности либерализма. В отечественных условиях эти ценности нередко искажаются до неузнаваемости: индивидуализм трансформируется в безудержный эгоизм, свобода — в безответственность и произвол, конкуренция — в диктат сильного по отношению к соперникам и т. д.

Нынешнее состояние российской элиты позволяет утверждать, что процесс ее формирования еще не завершился. Она не обладает такими необходимыми правящей элите свойствами, как относительная сплоченность, целостность и единство. У большинства составляющих ее групп отсутствует сколько-нибудь широкая социальная база, усиливается тенденция к закрытости и замкнутости элиты.

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

План главы

- 22.1. Научное определение публичной политики.
- 22.2. Публичная политика как социальное и исследовательское создание.
- 22.3. Политика как нормативная рамка действия и выражения публичной силы.
- 22.4. Системное определение публичной политики.
- 22.5. Смысл и эффективность публичной политики.
- 22.6. Публичная политика и программный подход.

Еще два-три десятилетия назад понятие «публичная политика» по сути дела не употреблялось. Для характеристики того, что ныне принято понимать под публичной политикой, использовалось, как правило, понятие «правительственная политика». При всей близости указанных понятий между ними есть существенные различия.

Особенность анализа публичной политики определяется тем, что он предполагает разносторонний, скажем точнее, — комплексный взгляд на публичное действие во всей его совокупности.

Приведем два примера. Один из них, связанный с решением президента Французской Республики в 1995 г. о возобновлении испытаний ядерного оружия в Тихом океане, приводят французские исследователи публичной политики Пьер Мюлле и Ив Сюрель¹. Это решение, вне всякого сомнения, является политическим. И оно к тому же не может быть отнесено к категории просто президентского или правительственного решения. Оно но-

¹ Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. P., 1998. P. 13–14.

сит настолько комплексный характер, что не может не считаться проявлением публичной политики. Его анализ выходит далеко за пределы осмысления пружин и механизмов решения государства. Указанное решение президента Франции поднимает вопросы о функционировании демократии в стране и роли в ней населения при принятии политических решений.

Другим примером публичной политики является решение о введении моратория на смертную казнь в нашей стране. Это решение также является политическим. Оно вызывает далеко не однозначное отношение со стороны граждан нашей страны, в чем сказывается влияние относительно высокого уровня преступности, в том числе значительного числа преступлений особо тяжкого характера. О публичном характере указанной проблемы свидетельствует активная дискуссия по этому вопросу после зверского акта террористов в Беслане, состоявшегося в первых числах сентября 2004 г. И вновь мы можем сказать о том, что решение по мораторию (или отказу от него) на смертную казнь поднимает фундаментальную проблематику публичной политики, *принципов общественного развития страны*.

Следует сказать и о том, что изучение публичной политики может вестись в двух направлениях: во-первых, для того, чтобы развивать знания о ней, а во-вторых, для повышения эффективности ее действия. В первом случае в английском языке, например, используется формула «*knowledge of*», во втором — «*knowledge for*».

Это различие находит свое отражение в концепции публичной политики: для тех людей, кто связан с принятием политических решений (их иногда называют правительственными актерами), политика неразрывно связана со специфическим действием официального характера. Для ученых и исследователей публичная политика связана еще и с совокупностью действий, большая часть которых правительственными актерами не рассматриваются как политические. В глазах правительственных актеров публичная политика не столь множественная в своих проявлениях, чем в глазах ученых. В то время как правительственные актеры стремятся ввести ограничения на действия, рассматриваемые как политические, исследователи, наоборот, рассматривают в качестве публичных политик не только то, что делают или (как мы увидим ниже)

не делают правительства, но и многие иные вопросы публичного характера. Это — во-первых.

Во-вторых, когда правительство делает, например, политическое заявление, оно берет на себя обязательства, которые должны быть реализованы в последующем. Тем более что обычно обязательства находят свое отражение в публичных документах, в которых политика представляется с известной детализацией. Такого рода документы свидетельствуют о том, что проблемы выявлены, направления деятельности и цели сформулированы, а средства действия предложены. Это, как говорится, азбучная истина действий власти и публичной политики. Для ученого вовсе не обязательно, чтобы публичная политика была объявлена и тем самым была бы связана с правительственным вмешательством. Для ученого важен *общественный интерес к политике и последствия политики для населения*.

В-третьих, обязательства, объявленные в правительственных документах, в том числе цели и средства политики, являются обычно завершением процесса, в ходе которого специальные комитеты исполнительной и законодательной властей, групп интересов или давления, общественность в ее различных организационных формах излагали и согласовывали свои позиции. С точки зрения исследователей публичной политики, всего этого может и не понадобиться. В определенных ситуациях, например военного кризиса, власти вынуждены принимать решения в условиях дефицита времени, когда нет возможности проводить научные исследования и согласовывать позиции различных сторон, как это было, например, в случае ракетного кризиса на Кубе в 1962 г., в области внешней политики США и СССР. Политика обеих стран в указанной ситуации характеризовалась преимущественно импровизацией.

В-четвертых, любое правительство в своей деятельности вырабатывает политику в различных областях, выдвигая соответствующие программы и проекты. Политика, значит, может быть представлена некой совокупностью программ, а программы предполагают разработку проектов. Конкретные направления политики, программы и проекты, связанные с публичной политикой, упорядочивают правительственное действие. Подход исследователей публичной политики характеризуется стремлением

объяснить правительственное действие в той или иной области. К слову сказать, это тоже способствует наведению «порядка» в действиях правительства. Но для исследователя первостепенное значение имеет вопрос осмысления цели действия, нежели его практическое осуществление.

22.1. Научное определение публичной политики

Что же такое публичная политика? Это одновременно *социальное* и *исследовательское* создание, что само по себе существенно затрудняет научную идентификацию и интерпретацию публичной политики.

Воспользуемся примером политики сохранения окружающей среды, которая занимает важное место в политической жизни многих развитых стран. Остро проблема окружающей среды дает о себе знать и в России. При этом, например в Кузбассе, где большое развитие получила открытая добыча угля, не только разрушается природный ландшафт, но и создаются тяжелые последствия для среды проживания и деятельности людей. Добавим к этому отрицательное воздействие на окружающую среду металлургической и химической промышленности, получившей значительное развитие в Кемеровской области, что еще более осложняет экологическую ситуацию в Кузбассе. Неудивительно, что проблематика сохранения окружающей среды реально вписывается в то, что мы называем региональной публичной политикой.

Генезис публичной политики

Политическая практика ушедшего в историю XX столетия отмечена активным вмешательством государства в жизнедеятельность гражданского общества. Это вмешательство характеризуется не только расширением областей действия государственной администрации, но и умножением средств (техники) и возможностей этого вмешательства.

Показательно, что за последние десятилетия западные страны, что называется, научились преодолевать кризисные моменты в развитии экономики. В самом деле, в период Великой депрессии 1929–1933 гг. политические руководители и «капитаны» экономики напоми-

нали тех, кто вынужден *терпеть* все проявления кризиса, суть которых им была, мягко говоря, не очень-то понятна. Иное дело в наши дни. Политические элиты развитых капиталистических государств ныне оказываются в состоянии *контролировать* кризис. И это во многом является следствием того, что современные западные общества являются в значительной мере *регулируемыми обществами*.

Осмысление генезиса публичной политики по своей сути означает необходимость понимания двух взаимосвязанных вопросов: каким образом была осуществлена выработка новых *представлений о публичном действии* и в итоге развития каких процессов был сформирован *инструмент*, который получил наименование «публичная политика».

Новые представления о публичном действии

Интеллектуальными истоками теории публичной политики специалисты называют три течения мысли: научное объяснение бюрократии, теория организации и публичный менеджмент. Практическое осуществление этих трех течений мысли открыло реальную перспективу не только осмысления феномена публичной политики, но и регулирования современных обществ.

Бюрократия

Бюрократия берет начало в трансформациях, начало которым положила промышленная революция в западных странах. Росту влияния бюрократии в жизни общества способствовала Октябрьская революция 1917 г. в России, а также приход к власти фашистов, утвердивших господство тоталитарных бюрократий. Неудивительно, что историческое развитие первой половины прошлого столетия поставило по крайней мере два чрезвычайно важных (теоретически и политически) вопроса: *может ли общество обходиться без государства? И не заглушит ли государство демократическое общество?*

Как известно, согласно Г. Гегелю, бюрократическое государство является выразителем Разума в истории, тогда как гражданское общество является средоточием иррациональности, что является следствием постоянной кол-

лизии корпоративных интересов. И только государство, по Гегелю, способно быть выразителем общего интереса.

Такое понимание бюрократии подверг решительной критике К. Маркс. Государство не является выразителем вектора рациональности мира, а бюрократия не является средством осуществления Разума. Более того, государство, как будет показано ниже, является инструментом буржуазии в реализации ее во многом корыстных интересов.

На рубеже XIX – XX вв. эти вопросы привлекли внимание, как было отмечено выше, М. Вебера. Что же М. Вебер понимает под бюрократией? Для него бюрократия является **социальной формой, основанной на рациональной организации средств в зависимости от определенных целей**. Такое понимание означает своеобразную концептуальную революцию, которая позволяет объяснять эффективность индустриальных обществ по сравнению с обществами традиционными. Особенность бюрократии заключается в том, что она определяет задачи независимо от тех индивидов и групп, которые призваны их разрешать.

Встает вопрос: почему администрация, деятельность которой основана на таком принципе, является эффективной? Это определяется тем, что на базе такого принципа обеспечивается **вычисляемость** результата, ибо не берутся в расчет качества и недостатки исполнителей. Более того, указанный подход позволяет избегать ненужных переговоров в процессе выработки решений. Следует обратить внимание и на то, что такой подход, по сути, совпадает с тем, что исповедовал один из основателей теории управления (менеджмента) американец Фредерико Уинслоу Тейлор. И М. Вебер, и Ф. Тейлор руководствовались одной идеей: индустриальное и административное совершенствование основано на стремлении освободиться от неопределенности, присущей поведению людей. Именно обезличенный характер бюрократии объясняет ее социальную эффективность, а также выгоду как для управляющих, так и для предпринимателей¹.

Такое понимание оснований деятельности бюрократии имеет, несомненно, и обратный эффект. С одной стороны, это затрудняет контроль над деятельностью политиков, администрации, а с другой — в таком подходе

не остается места для переговоров как предпосылки для достижения оптимальных решений. Этот, как мы сказали бы, обратный эффект бюрократизации стремились исключить сторонники теории организаций.

Теория организаций как стратегическое измерение

Эта научная дисциплина очень близка к той области исследований, которая связана с публичной политикой. Как известно, теория организаций родилась в 20-е гг. прошлого столетия в США. Значительный вклад в эту теорию внесли Ф. Тейлор, А. Файоль, Л. Гьюлик, Дж. Муни, Л. Урвик, А. Рейли, М. Фоллет, Ч. Бернард, Г. Саймон и др.¹ Теория организаций изменила содержание научных исследований социологов. И это изменение было связано с тем, что научный анализ, прежде сосредоточенный на изучении малых групп, включает в поле своего зрения и разнообразные, в том числе и очень крупные, организации. За известным множеством конкретных исследований можно выделить в социологии организаций три фундаментальные концепции.

А. Концепция организованной системы. Организация представляет собой нечто большее, чем совокупность действий ее членов. Сама организация представляет собой актера, действия которого, а также его отношения с окружением можно подвергать научному анализу. Организация как таковая сама определяет для себя **правила функционирования**, которые навязываются различным актерам вне зависимости от их предпочтений.

Б. Концепция власти. В этой концепции находит выражение способность агентов (членов организации) использовать свои козыри (экспертиза, информация, господство над сопряженным пространством организации и ее окружения) в целях максимизации своих ресурсов и усиления своего влияния в организации².

В. Концепция стратегии. Действия людей в организации не основываются на простых критериях (интерес, любовь, ненависть и т. д.). Они основываются на более

¹ См. подробнее: *Кравченко А.И., Тюрина И.О.* Социология управления. М., 2004.

² См.: *Crozier M., Friedberg E.* L'acteur et le système. P., 1978; *Friedberg E.* Le pouvoir et la règle, dynamiques de l'action organisée. P., 1993.

¹ См.: *Bernoux Ph.* La sociologie des organisations. P., 1985.

или менее успешном использовании *формальных* и *неформальных* правил организации. Мобилизация актером своих ресурсов осуществляется на основе *стратегии*, которая ориентирована на реализацию определенных им самим целей.

Поведение организации определяется тем, что существует некоторое отступление от этих неписаных правил, что во многом определяет ее функционирование. Именно выявление этих правил представляет собой значительный вклад социологии организаций в теорию бюрократии. Социология организаций, исходя из признания комплексного характера современных обществ, во многом по-новому поставила вопрос *человеческого поведения* в комплексных обществах. И в этом пункте мы вплотную подходим к третьему интеллектуальному источнику анализа публичной политики: публичный менеджмент.

Публичный менеджмент как осмысление комплексности мира

Публичный менеджмент представляет собой совокупность рациональных методов, которая используется публичными лицами, принимающими решения. Как отмечает французский социолог Ф. Юссено, «речь идет о современных методах управления в публичном секторе. Модернизация публичного управления охватывает одновременно использование всех средств, которые помогают принимать решения, дают информацию о некоторых административных задачах или процедурах, или использование публичности для коммуникационного общения с публикой»¹.

Публичный менеджмент поднимает вопрос специфики публичных организаций по сравнению с частным сектором. Нужно подчеркнуть, что появление публичного менеджмента является свидетельством рациональности современного характера администрации. В то же время публичный менеджмент является синонимом новых представлений о роли государства в обществе².

В работах по *менеджменту административных комплексных систем* возникновение публичного менеджмен-

та иногда интерпретируют на основе исторического разделения публичного и частного. Так, Ромен Лофе на основе классической периодизации административного права выделяет три фазы в становлении указанного менеджмента:

- с 1800-х по 1880—1900-е гг. В этот период господствующим был критерий публичного могущества;
- с 1880—1900-х по 1945—1960-е гг. В этот период господствовал критерий публичной службы;
- третий период открывается в последующие годы, когда обнаруживается кризис публичной службы, а в более общем плане — осуществляется разрыв между публичным и частным.

Показательно, что для каждого из указанных Р. Лофе периодов существует свой, особенный *административный «язык»*. Так, в первом периоде административное действие определяется принципом иерархического подчинения политике и уважения юридического правила. И потому административным «языком» является *право*. Во втором периоде администрация (в интересах достижения публичных целей) начинает все более широко использовать знания специалистов. Это обогащает административный «язык»: к праву добавляется технический «язык», которым пользуются специалисты той или иной публичной службы. А потому любая организация может рассматриваться как структура, имеющая собственное правление. В третьем периоде в условиях кризиса границ между публичным и частным секторами «язык» «испытывает на себе влияние, с одной стороны, увеличения числа новых юридических сущностей, которые соответствуют административным системам, основания легитимности которых являются смешанными или неопределенными... а с другой — все более интенсивными дебатами по вопросам выгод в случае перевода той или иной административной системы как с той, так и с другой стороны к этой неопределенной границе»¹. Нужно сказать, что именно на этом, третьем периоде *возникает менеджерский «язык»*.

Прав П. Мюлле, когда пишет, что указанная эволюция самого языка отражает изменение содержания публичного действия. В самом деле, административный «язык»

¹ *Hussenot Ph. La gestion publique par objectifs. P., 1983. P. 24.*

² См.: *Muller P. Op. cit. P. 13.*

¹ *Laufer R. Gouvernabilité et management des systèmes administratifs complexes // Politiques et Management public. Vol. 3. 1985. № 1. Mars. P. 32–40.*

используется в период расцвета бюрократии. Язык экспертов используется в период зарождения крупных организаций. Наконец, менеджерский «язык» используется администрацией, превратившейся в место, откуда ведется управление комплексностью мира. Это, конечно же, не означает того, что в современных условиях не оказывают влияния ни юридическая логика, ни логика публичной службы. **Анализ системы**, как отмечает П. Мюлле, **является способом осмысления комплексного общества, а публичный менеджмент — «языком» государства в комплексном обществе**¹.

Территориальность и секториальность

Одной из особенностей общественного развития последних десятилетий стало развитие того, что получило наименование публичного регулирования. Остановим свое внимание на некоторых аспектах этого процесса.

Упадок территориальных обществ. Все традиционные общества являются обществами **территориальными**. В такого типа обществах именно территория определяет идентичность индивидов. Она же, территория, обеспечивает связь между этими индивидами. При этом территория является относительно закрытой системой, источник воспроизводства которой заложен в ней самой. Правда, не следует преувеличивать автаркический² характер территории. Любая территория, как правило, является одновременно и открытой в том смысле, что по мере исторического развития получали развитие экономические и торговые связи с внешним миром для данной территории. И тогда вступали в силу другие принципы идентификации, например религия, которая дополняла территориальную идентичность.

Однако во многих странах на протяжении длительного периода исторического развития господствующей логикой в организации социальных отношений оста-

¹ См.: Muller P. Op. cit. P. 15.

² Автаркия (от греч. autarkia — независимость, самоудовлетворенность, довольство собой) — политика экономического, социального и культурного обособления страны, изоляции ее от международных, культурных, политических и экономических связей, от мирового рынка, международной кооперации.

валась территориальность. Это объяснялось во многом тем, что традиционные общества развивались под постоянной угрозой распада. Об этом в свое время писал Э. Дюркгейм, когда говорил о развитии общества на основе «механической солидарности»¹. В политическом отношении влияние территориальности в традиционных обществах проявляется в диалектике отношений «центр — периферия». Влияние этого типа отношений в последующем, по мере развития торговых обменов и промышленной революции, не исчезло. Оно сохранилось и в наши дни, однако его внутренняя логика радикально изменилась. В наши дни она определяется отношениями **глобального и секториального**.

От территории к сектору. В итоге радикальных трансформаций, охвативших западные страны в XVIII — XIX вв., произошло глубокое социальное разделение труда. Это способствовало глубоким преобразованиям и самих обществ. Эволюция человеческих обществ сможет быть представлена совокупностью трех глубинных процессов.

Во-первых, это процесс разрушения традиционных структур, в частности семьи, как **места экономической деятельности**. Семья стала играть в итоге все меньшую роль в сфере производства, а вне трудового процесса она идентифицировалась все более с отдыхом и потреблением. Производственная деятельность все больше осуществлялась в профессиональной сфере.

Во-вторых, произошло разделение экономической деятельности в форме **профессиональных ролей**, все более многочисленных и специализированных. При этом доступ к ролям все больше определялся профессиональной подготовкой.

Наконец, возникли новые способы объединения профессиональных ролей в форме **новой логики соединения разделенного труда**. Эта логика не основывалась более на территориальной принадлежности. Она определялась профессиональными основаниями.

Что явилось следствием такой эволюции? Горизонтальная логика общественного развития (территориальная логика) уступила место логике вертикальной (секто-

¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 77–118.

риальной логике). В итоге утвердилось господство логики глобально-секториальной и, наоборот, ослабло влияние отношений «центр – периферия».

П. Мюлле приводит примеры таких изменений.

Первый из них связан с аграрным миром. В традиционном обществе агрокультура, по сути, не существует как профессиональная деятельность. Крестьянин работает для воспроизводства своей собственной семьи. Не существует в таком обществе и различия между трудом и деятельностью вне труда.

В процессе модернизации такая система отношений была разрушена. В частности, было разрушено отношение крестьянина с землей (территорией); сельский труд преобразуется в процесс, который осуществляется на основе собственных правил, а сфера производства отрывается от сферы воспроизводства. Внутри аграрного мира возникает *совокупность профессиональных ролей, определение и артикуляция которых не зависят более от отношения с территорией, они строятся на основе своих собственных правил: аграрный сектор отделяется от мира села*. И именно в этот момент возникает аграрная политика.

Второй пример связан с социальным сектором. Понятие «социальный сектор» не имеет смысла применительно к территориальному обществу. В такого рода обществах проблемы бедности и неимущих трактовались *локально* на основе милосердия или помощи. Однако с возникновением такой социальной формы, как наемный труд, а также в связи с ослаблением местной солидарности получает развитие новая форма солидарности или социальной связи: *государство всеобщего благоденствия*, которое пытается дать, что называется, «нетерриториальный» ответ в вопросах социальных гарантий для каждой социальной группы. На переднем плане оказывается не территория, а профессиональная основа того или иного сектора. С этого момента возникает специфический сектор, который становится объектом определенным образом адаптированной политики¹.

Таким образом, сектор является порождением вертикального структурирования социальных ролей (обычно ролей профессиональных). И это структурирование

определяет правила функционирования того или иного сектора, селекцию элит, выработку специфических норм и ценностей, определение его границ и т. п. Социологическим выражением понятия «сектор» является *корпорация*. Каждый сектор формирует собственную *корпоративную идентичность*, которая обеспечивает его единство и придает ему смысл. Каждый сектор определенным образом связан с территорией, но именно сектор является основным принципом структурирования социальных отношений, а не территория.

Какие это имеет политические последствия? Всякое секторизованное общество всегда сталкивается с проблемами социальной связанности. Такое общество неизбежно сталкивается с угрозами *дезинтеграции*. Однако это имеет место в том случае, когда оно оказывается неспособным преодолеть межсекториальные противоречия и антагонизмы. *Именно эти угрозы призвана преодолеть публичная политика*.

Встает вопрос: что порождает дезинтеграцию? Каждый сектор общества, развиваясь на основе своей собственной логики воспроизводства, руководствуется некими секториальными целями. Однако в отличие от территории, сектор не может отделиться от остальной части общества. Он является порождением общества и связан тысячами нитей с другими секторами этого общества.

Рост влияния историчности. Переход от территориальности к секториальности сопровождается утверждением нового видения мира, в основе которого оказывается *воздействие общества на самого себя*. В современных условиях развитые общества обладают такими научными и промышленными аппаратами, которые способны модифицировать свое окружение без связи с прошлым опытом. Развитые индустриальные общества в самих себе ищут и находят основания для придания смысла своим действиям.

Такой подход вписывается в концепцию *историчности* Алена Турена. Под историчностью А. Турен понимает действие, осуществляемое обществом на социальные и культурные практики на основе трех составляющих:

- способ знания, определяя образ общества и его природу, ориентирует социальное поведение;
- накопление, которое изымает часть наличного продукта, участвует в труде и, значит, в создании результатов труда;

¹ См.: Muller P. Op. cit. P. 18–19.

– культурная модель, которая оценивает и интерпретирует способность общества воздействовать на себя. В индустриальном обществе, которое А. Турен рассматривает как общество «сильно историчное», наука становится пружиной созидания и трансформации его природы¹.

Нужно сказать, что на основе такого подхода традиционные общества характеризуются как общества *слабо-историчные*. Это означает, что они в своем развитии сильно зависят от внешних по отношению к ним элементов, к которым относится климат и другие природные феномены. Индустриальные общества, как мы уже отмечали, способны контролировать свое естественное и социальное окружение. А это предполагает использование процедур политического регулирования. И это действительно так. Ибо процесс регулирования не может осуществляться в «автоматическом» режиме. Он связан с процедурой *выбора* определенного подхода, точнее, *решения*.

Усиление процессов секторизации общества и его историчности является аспектом одной и той же трансформации современных обществ, в ходе которой изменяются их отношения с миром на основе развития процесса собственного воспроизводства. Эта трансформация происходит в трех областях.

– *Генетические манипуляции* — открывают возможность изменения самого основания существования общества — генетического кода человека.

– *Окружающая среда* — впервые в истории сами общества способны радикально и необратимым образом изменить экосистему.

– *Ядерное оружие* — человечество ныне способно уничтожить жизнь на Земле.

Что это означает для понимания существа публичной политики? Публичная политика призвана управлять теми последствиями разрегулирования общества, которые порождаются секториальными политиками. Можно вполне соглашаться с утверждением о том, что секториальные общества находятся в состоянии неравновесия. Это само по себе порождает «проблемы», «дисфункции» или «обратные эффекты», которые, в свою очередь, становятся объектами публичной политики.

¹ См.: Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы. Кемерово, 2004. С. 594–601.

Изложенное нами определяет рамки осмысления феномена публичной политики.

22.2. Публичная политика как социальное и исследовательское создание

Обратимся вновь к политике сохранения окружающей среды. Контуры ее можно представить на основе изучения совокупности законодательных актов и регламентных документов, связанных с указанным направлением выработки и реализации политики. Для ее осуществления, как известно, во многих развитых странах функционируют специализированные министерства или иные правительственные ведомства. Однако их деятельность не ограничивается только разработкой и осуществлением правительственных решений. Бывает так, что заявление министра или президента страны в отношении тех или иных лиц или организаций, по вине которых загрязняется окружающая среда, вызывает более сильные политические и социальные последствия, чего подчас не могут вызвать никакие правительственные документы или решения.

Нужно сказать, что экологическая политика как одно из важных проявлений публичной политики может существовать сама по себе, без образования в составе правительства специализированного ведомства. И чаще всего бывает так, что та или иная публичная политика возникает еще до формирования соответствующих правительственных структур. Но и тогда, когда министерство существует, его действия не могут перекрыть всей области его ответственности. В деле сохранения и защиты окружающей среды, например, участвуют местные администрации, движимые потребностями региона. Публичная политика неразрывно связана с разного рода общественными движениями и инициативами. Неудивительно, что в последние два-три десятилетия некоторые из общественно значимых проблем в странах Евросоюза образовали особое направление общественного развития, которое вполне вписывается в публичную политику. Речь идет о «местном развитии», в соответствии с концепцией которого население, заинтересованные организации, местные

органы власти решают проблемы сохранения или восстановления чистоты рек и других водоемов, лесов и т. д. без прямого участия государства¹.

Контуры публичной политики не имеют жестко очерченных границ. Эти границы если и существуют, то имеют размытый и неопределенный во многом характер. Это добавляет сложности для научного осмысления феномена «публичная политика».

В политической науке используется немало определений политики, но в них всегда существует хотя бы один из следующих элементов: актеры и активность, проблемы и решения. При этом политика вообще, а публичная политика в частности неразрывно связаны со специфическими действиями. Нужно учитывать тот факт, что существование или несуществование политики представляет собой определенную ставку для участников той или иной конкретной политики. Это связано с позицией, которую они занимают, со способностью оценивать, а в случае необходимости — переоценивать свою деятельность, что может ставить под вопрос согласованность действий правительства, например, в осуществлении политики. Более того, актеры публичной политики в определенных ситуациях могут даже блокировать правительственные действия.

Один из первых американских специалистов публичной политики Томас Дай определяет ее как все то, что правительства делают или не делают². Определение Айра Шаркански почти такое же: публичная политика является действием, предпринятым правительством³.

Канадский автор Ричард Симеон утверждает, что публичные политики — это то, что правительства делают и почему они это делают⁴. Произведение двух француз-

ских авторов Ива Мени и Жан-Клода Тенига начинается с утверждения о том, что изучение публичной политики не что иное, как определение публичного авторитета внутри общества¹.

Такое понимание публичной политики позволяет достаточно конкретно определять объект исследования. Им могут быть аграрная политика, политика урбанизации или политика на транспорте, каждая из которых может быть представлена как правительственная программа в конкретной области (сельское хозяйство, городское развитие или развитие транспорта).

Канадский политолог Мишель Беллаванс дает схожее определение: правительственные политики определяются тем, что законно утвержденные политические и административные авторитеты решают делать или не делать, и тем, что они делают в реальности². Г. Хекло уточняет, что публичные политики получают выражение в последующих действиях или бездействии в большей мере, чем в особых действиях или решениях³.

Как видим, авторы указанных определений публичной политики настаивают на особой роли правительственных актеров, которых нередко называют публичными или политическими и административными авторитетами. С этим вполне можно было бы согласиться, если бы не тот факт, что в таком понимании публичной политики не остается места для других ее актеров, которые в той или иной форме всегда принимают участие в решениях или нерешениях тех или иных проблем, определяющих содержание публичной политики. Речь идет о политических партиях, заинтересованных группах, специалистах, избирателях или даже о населении страны (региона) в целом. Если сводить публичную политику только к действиям или недействиям правительственных авторитетов, то волюно или невольно разделяется точка зрения, согласно которой публичная политика рассматривается как результат деятельности административных авторитетов.

¹ См.: Местное развитие: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, 4 июня 2002 г., Кемерово / Отв. ред. Л.Л. Шпак. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003; Социальная политика и местное развитие: Тезисы Международной научно-практической конференции, 17 апреля, 2000 г., Кемерово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001.

² См.: Dye T.R. Understanding Public Policy. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1984.

³ См.: Sharkansky I. (dir.). Policy Analysis in Political Science. Chicago, 1970.

⁴ См.: Simeon R. Studying Public Policy // Canadian Journal of Political Science. Vol. 9. № 4. P. 548.

¹ См.: Meny Y., Thoenig J.-C. Politiques publiques. P., 1989. P. 9.

² См.: Bellavance M. Les politiques gouvernementales. Montreal, 1985. P. 30.

³ См.: Hecllo H. Policy Analysis // British Journal of Political Science. Vol. 2. № 1. P. 85.

Ограниченность такого рода определений заключается еще и в том, что в них не учитывается направление действий правительственных авторитетов. Если эти действия нацелены на решение только своих корпоративных интересов, то это уже никак не может называться публичной политикой.

Иной подход в определении публичной политики предлагает У. Дженкинс. Он утверждает, что публичные политики связаны с совокупностью взаимосвязанных решений, принятых публичным актером или группой политических актеров¹. Такое понимание публичной политики свидетельствует о стремлении автора учесть деятельность всех политических актеров, а не только правительственных.

В политической литературе встречается иногда и расширительное толкование публичной политики. Так, для французских авторов И. Мени и Ж.-К. Тенига публичная политика «представляет собой программу правительственного действия в одном из секторов общества или географического пространства: здравоохранение, безопасность, рабочие иммигранты, город Париж, Европейское сообщество, Тихий океан и т. д.»². В таком понимании выявляется *прагматическое* содержание анализа публичной политики: всякое политическое действие на любом уровне и в любой из областей включается в поле анализа публичной политики. Очевидно, что в таком понимании перекрывается, по сути, все публичное действие.

Акцент на проблемах

Другой подход к определению публичной политики связан обычно с проблемами, конфликтами, требованиями. Одни авторы³, например, определяют публичную политику как действия или бездействия в ответ на требования, идущие от общества (*demand*), в том смысле, как их понимает американский политолог Д. Истон⁴. Ф. Фроухок, характеризуя публичную политику, гово-

¹ См.: Jenkins W.I. Policy Analysis. Oxford, 1978. P. 15.

² Meny Y., Thoenig J.-C. Politique publique. P. 1989. P. 130–131.

³ См.: Rakoff S.H., Schaefer G.F. Politics, Policy and Political Sciences: theoretical Politics // Politics and Society. Vol. 1. № 1. P. 70.

⁴ См. раздел I данного пособия, а также: Желтов В.В. Политология. С. 197.

рит о действиях, которые соединяют цели в случае конфликта между ними¹, а Дж. Андерсон говорит о действиях, ориентированных на урегулирование проблемы². Для Л. Пола публичная политика является серией действий или бездействий публичных властей, которые выбирают публичные авторитеты в отношении той или иной проблемы или взаимосвязанной совокупности проблем³.

Понятия «проблема», «конфликт» или «требование» позволяют уточнять «стимулы», на которые стремятся ответить публичные политики. Стимулы исходят от внешнего или внутреннего окружения политической системы. При этом сама политическая система может быть объектом публичной политики (создание министерства, реформа регламента работы парламента и т. д.).

Однако понятия «проблемы», «конфликты» и «требования» являются очень общими. Далекое не все проблемы являются объектом публичной политики. Такими объектами *становятся только те проблемы, которые воспринимаются актерами политики, которые определяют политическую повестку дня как публичные проблемы.*

И потом, понятие «проблема» связано с ее решением и регламентированием, так же как с идеалами, которые ее порождают. И здесь мы сталкиваемся с третьим элементом, который встречается в некоторых определениях публичной политики.

Акцент на решениях

В своем определении публичной политики, приведенном выше, Р. Симеон поднимает вопрос причины правительственного действия. К причине правительственного действия в одном из первых определений публичной политики обращаются американские исследователи Г. Лассуэлл и А. Кэплан. Для них политика является своеобразным порядком проекта, в который включаются значимые цели (*goal values*) и связанные с ними практики⁴. Понятие «цель» содержится также в определении Дженкинса, для которого публичная политика связана не только с совокупностью взаимосвязанных решений, принятых полити-

¹ См.: Frohock F.M. Public Policy: Scope and Logic. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979. P. 11.

² См.: Anderson J.E. Public Policy-Making. N.Y., 1984. P. 3.

³ См.: Pal L.A. Public Policy Analysis. Scarborough: Nelson, 1992. P. 2.

⁴ См.: Lasswell H.D., Caplan A. Power and Society. New Haven, 1950. P. 71.

ческим актером или группой политических актеров, но и с селекцией целей и средств их достижения, а также с поиском решений¹.

Необходимые решения и цели являются центральным моментом в определении публичной политики Стефена Брукса. Для него публичная политика определяется границами идей и ценностей, опираясь на которые принимаются решения, осуществляются действия или, наоборот, не предпринимаются действия правительством в соответствии с политической ставкой или возникшей проблемой².

В таком подходе публичные политики представляют совокупность деятельности (или недеятельности) политических актеров, стремящихся найти решение проблем.

Некоторые авторы включают в свои определения более частные элементы, которые связаны с личной озабоченностью или с выбором теоретической рамки, которая придавала бы особое значение публичным политикам. Например, уже упоминавшийся нами П. Мюлле полагает, что публичная политика существует тогда, когда местный или национальный политический авторитет стремится при помощи скоординированной программы действия изменить культурное, социальное или экономическое окружение социальных актеров, связанных обычно с секториальной логикой³.

Указанные нами подходы не исчерпывают поиска научного определения публичной политики. Ряд авторов, раскрывая понятие «публичная политика», указывают на некоторые элементы ее характеристики, помогающие осмыслить специфику рассматриваемого нами феномена. Эти элементы можно объединить в три группы:

- публичная политика означает **нормативную рамку действия**;
- публичная политика комбинирует элементы **публичной силы** и элементы **экспертизы**;
- публичная политика стремится навести определенный **локальный порядок**.

¹ См.: Jenkins W. I. Op. cit. P. 15.

² См.: Brooks S. Public Policy in Canada. Toronto, 1989. P. 16.

³ См.: Muller P. Les politiques publiques. P., 1990. P. 25–26.

22.3. Публичная политика как нормативная рамка действия и выражение публичной силы

Публичная политика представляет собой совокупность конкретных мер, которые создают «видимую» субстанцию политики. Эта субстанция образуется из совокупности ресурсов:

- финансовых (кредиты министерств);
- интеллектуальных (экспертиза, которую политические актеры способны осуществить);
- регламентных (факт разработки и введения в практику нового регламента означает новый ресурс для тех, кто принимает политические решения);
- материальных.

Субстанция публичной политики включает в себя также и «продукты» проводимой на основе указанных ресурсов политики. Эти «продукты» дают о себе знать на выходе политической системы в виде регламентных (нормативных), финансовых или физических «продуктов». Взять, к примеру, многочисленные решения, меры и действия государства в деле обеспечения дорожной безопасности. Политика в этой области строится на основе многочисленных регламентных текстов в области дорожного движения (обязательность использования ремней безопасности, наличие прав, документов на транспортное средство и т. д.), а также действий милиции и ГИБДД по обеспечению соблюдения водителями правил дорожного движения. Добавим к этому программы борьбы с пьянством за рулем, обучение правилам дорожного движения в школах и т. д.

Все это свидетельствует о многообразии действий, связанных с осуществлением публичной политики, которая является результатом участия в ней многих актеров, принадлежащих к различным разноуровневым частным и публичным организациям. В этой связи при анализе публичной политики неизбежно встает вопрос о **связанности** всех этих различных разноуровневых частных и публичных организаций и иных элементов. Это тем более важно потому, что каждая из названных нами только что мер, предпринимаемых для обеспечения безопасности дорожного движения, не представляет собой публичной политики. **Публичная политика появляется как**

результат осуществления совокупности мер, тесно связанных между собой.

Указанное положение чрезвычайно важно потому, что из него вытекает совсем иной подход к публичной политике, нежели тот, что использовался в традиционном подходе. Последний строился на рассмотрении публичной политики в рамках определенной территории и/или ограничивался рамками некоего социально-экономического сектора. В итоге публичное действие изучалось в различных сферах — промышленной, социальной, культурной и т. д. Характеристика публичной политики в таком подходе приобретала преимущественно описательный характер, оставлявший вне внимания исследователей важные проблемы. К ним относится, например, изменчивая природа связей между публичными и частными актерами в процессе осуществления публичной политики.

Новые моменты в осмыслении феномена публичной политики появились в арсенале политической науки при изучении ее территориального аспекта. Речь идет о понятии «система действия», заимствованном из концептуального арсенала социологии организаций. Система действия основывается на идентификации пространства обмена между актерами на принципах властных отношений, когда обмен осуществляется в прямой зависимости от мобилизуемых ресурсов¹. Применительно к публичной политике такой подход использовал французский исследователь П. Сабатье. Он, в частности, различает подсистемы публичной политики, которые являют собой «группу лиц и/или организаций, взаимодействующих на регулярной основе в десятилетние или более широкие по времени периоды, с целью оказания влияния на формирование и осуществление публичной политики в определенной области»². Такое толкование выходит за пределы вопросов, связанных с детерминантами и принципами образования и изменения пространств обмена, где осуществляется деятельность государства.

Для понимания феномена политики необходимо определить, по крайней мере в тенденции, **общую рамку действия**. Ричард Роуз предложил использовать понятие «**программа правительственного действия**»¹, которую он определяет как «специфическую комбинацию законов, распределения кредитов, администрации и персонала, возникающую в процессе реализации совокупности целей, более или менее ясно определенных»².

Такое понимание программы правительственного действия ставит ряд вопросов. Если исходить из того, что политика представляет собой нечто большее, чем совокупность решений и действий, то оказывается возможной следующая констатация: многочисленные правительственные заявления о необходимости уменьшения масштабов безработицы, например, а также те решения, которые сопровождают эти заявления, могут быть напрямую не связанными с проведением политики занятости, адекватной реальной социально-экономической ситуации.

Сказанное означает, что для возникновения публичной политики необходимо, чтобы различные заявления и/или решения правительства были бы объединены общей рамкой действия. Эта рамка действия представляет собой своеобразную **смысловую структуру**, которая мобилизует элементы ценностей и знаний, так же как разнообразные инструменты особого действия в интересах реализации определенных целей на основе и при помощи обмена между публичными и частными актерами.

При всей привлекательности такого предположения исследователи публичной политики сталкиваются с рядом трудностей. Прежде всего, для понимания феномена публичной политики требуется знать **нормативный** характер всей программы публичного действия. Что это означает? Это означает, что проводимая правительственная политика должна характеризоваться как **совокупность определенных целей**, которых нужно достичь в ходе осуществления политики. Это могут быть, например, следующие цели: «повысить доходы крестьян», «уменьшить безработицу среди молодежи», «улучшить материальные условия жизни пенсионеров», «повысить эффективность

¹ См.: Crozier M., Friedberg E. L'acteur et le système. P., 1977; Zan S., Ferrante M. Le phénomène organisationnel. P., 1996.

² Sabatier P. The Advocacy Coalition Framework: Revisions and Relevance for Europe // EU/Centre Robert Schuman, Jean Monnet Chair Lecture. Florence, 1997. P. 15.

¹ См.: Rose R. The Program Approach to the Growth of Government // British Journal of Political Science. Vol. 15. 1985. № 1. P. 1–28.

² См.: Rose R., Davies P. Inheritance in Public Policy. New Haven, 1994. P. 54.

образования» и т. д. Эти цели могут быть с большей или меньшей ясностью изложены в правительственных текстах или решениях (преамбула закона, например), детализирующих цели конкретных правительственных действий применительно к конкретным областям жизнедеятельности общества. Иногда, наоборот, правительственные цели остаются неясными и даже двусмысленными. Это означает, что сами цели публичной политики нуждаются в идентификации, т. е. в научном осмыслении или в проработке на заседаниях межминистерской комиссии или в парламентских дебатах и т. п.

Вторая трудность при осмыслении публичной политики возникает в связи с вопросом, *кто* определяет нормы публичного действия? Это может быть правительство, политические партии, избиратели или исследователь, который, анализируя политику, более или менее осознанно переделывает нормативную структуру изучаемой правительственной программы. В любом случае ясно, что анализ действия государства выходит далеко за пределы изучения государства как политико-административного аппарата.

Наконец, третья трудность. Для того чтобы возникла и осуществлялась публичная политика, вовсе не обязательно, чтобы все действия, связанные с ней, были бы объединены некой нормативной и когнитивной рамкой. Такое условие, если бы оно существовало в реальной жизни, исключало бы по определению существование «подлинной» публичной политики. Осмысление феномена публичной политики предполагает понимание пружины публичного действия, осознание *противоречивого* характера любой политики. В самом деле, если, к примеру, проанализировать политику в области здравоохранения, то в ней присутствуют, с одной стороны, меры по поддержанию здоровья беременных женщин, детей, инвалидов и т. п., а с другой — решительные действия по экономии расходов на медицину.

Подобные противоречия можно показать на примерах любой публичной политики. Эти противоречия, конечно же, нужно учитывать. Однако их наличие не означает отказа от правительственных действий. Сам *смысл* правительственного действия не является *однозначным*, т. к. мир, в котором мы живем, является противоречивым. А это означает, что лица, которые обладают правом принятия реше-

ний, обречены на преследование противоречивых целей. Так, политика в области обороны предполагает, с одной стороны, всемерное развитие производства вооружений, а с другой — необходимость экономии расходов на оборонные нужды. Другой пример. Экономическая политика либерального демократического общества нацелена в конечном счете на получение максимально высокого экономического результата, в том числе и на пути уменьшения расходов на рабочую силу, а с другой — она призвана обеспечивать устойчивую социальную ситуацию в стране. Такая ситуация предполагает необходимость поддержания доходов граждан на определенном, достаточно высоком уровне (в рамках возможностей сложившихся производительных сил). Неудивительно, что в последнее время в нашей стране правящие круги заговорили о социальной ответственности бизнеса, что, строго говоря, противоречит принципам либеральной экономики. Столь же противоречивыми являются и задачи, стоящие перед любым правительством: бороться с инфляцией *и* увеличивать потребление граждан; совершенствовать государственное управление *и* экономить на расходах по содержанию государственного аппарата; обеспечивать дальнейшее развитие культуры *и* удерживать расходы на нее в определенных пределах, заложенных в бюджете страны, и т. д.

Говоря о публичной политике, необходимо учитывать, что правительственные действия и решения далеко не всегда оказываются взаимосвязанными и адекватными применительно к той или иной социальной или политической ситуации. Однако, несмотря на все противоречия публичного действия, нельзя отрицать рационального начала публичной политики. Если видеть только противоречия публичного действия, то публичная политика утрачивает право на свое существование. Указанная трудность легко преодолевается, если различать *логику действия* и *логику смысла* в процессе выработки и осуществления политики.

Публичная политика как выражение публичной силы

Такая интерпретация публичной политики позволяет выявить те ее элементы, которые определяют специфику действия государства. Общеизвестным в политической и социологической науке является факт того, что прави-

тельствующая политика, выражающаяся в принятии и осуществлении решений, предполагает использование естественных для власти, более или менее **авторитарных**, или принудительных ресурсов. Признавая это положение, мы оказываемся в поле действия веберовской концепции государства как обладателя монополии на легитимное физическое насилие.

Было бы крайне ошибочно в демократическом обществе соотносить государство только с авторитарным измерением публичной политики. Данное измерение не всегда находится на первом плане. В свободном демократическом обществе наряду с политикой, использующей физическое принуждение, проводится и политика регламентная, основанная на правовых актах, в которой принуждение является только потенциальным. Существует и более тонкая политика, когда использование разнообразных форм принуждения не предусматривается, как это, например, имеет место в случае проведения политики перераспределения доходов: правительство определяет статусный и персональный состав тех лиц, кто **имеет право** на получение социальной поддержки.

В то же время, несмотря на известное разнообразие видов правительственной политики, она в конечном счете устанавливает **асимметричные** отношения между государством и гражданами, которые или выигрывают, или являются «жертвами» правительственного регламентирования и действия.

Есть все основания полагать, что политические решения являются выражением публичной силы власти. При этом важно идентифицировать границу между публичным и частным пространством¹ и выяснить взаимодействия, в итоге которых получает выражение публичная сила.

Публичная политика обеспечивает местный порядок

Публичная политика не является только совокупностью решений, ибо она связана с индивидами и/или группами индивидов, которые в политике являются **актерами**. В эту же категорию входят профессиональные политики, чиновники всех уровней, группы интересов

и т. д. При этом необходимо подчеркнуть, что публичная политика представляет собой совокупность таких отношений, которые не ограничиваются чисто юридическими рамками. Французский социолог Е. Фридберг, например, небезосновательно утверждает, что публичная политика получает свое выражение в утверждении определенного «местного порядка». Она являет собой «относительно автономное политическое создание, которое осуществляет на своем уровне регулирование конфликтов между заинтересованными сторонами, а также обеспечивает артикуляцию и приводит в соответствие их индивидуальные и коллективные цели и интересы»¹.

Таким образом, публичная политика строится с учетом действий совокупности индивидов, социальных групп и организаций, позиция которых затрагивается действием государства в данном определенном пространстве. Это пространство Р. Кобб и К. Элдер назвали «публичным» в политике².

Обратимся вновь к примеру политики безопасности дорожного движения. Эта политика, очевидно, проводится в отношении многомиллионной армии автомобилистов, и определить ее статус не так-то просто. Проведение этой политики предполагает, например, взаимодействие с производителями автомобилей, а также со страховыми компаниями. К ним нужно добавить организации и структуры дорожного строительства и ремонта дорог. Наконец, непосредственным участником рассматриваемой публичной политики являются медицинские учреждения, одним из направлений деятельности которых является оказание медицинской помощи лицам, попавшим в автомобильную аварию. И значит, целый ряд медицинских учреждений непосредственно связан с последствиями ситуаций дорожной опасности. Неудивительно, что нередко именно врачи выступают с предложениями об усилении мер по обеспечению безопасности дорожного движения.

Ясно, что понятие «публичный» отсылает к реальности с ее очень разными ситуациями. В этих ситуациях отражаются особенности участия тех или иных индивидов, групп, организаций, которые связаны с той или иной по-

¹ Friedberg E. Le pouvoir et la règles. P., 1993.

² См.: Cobb R.W., Elder C.D. The Political Uses of Symbols. N.Y., 1983.

¹ См.: Habermas J. Théorie de l'agir communicationnel. P., 1987.

литикой. Они являют собой совокупность актеров, заинтересованных в выработке и осуществлении определенной публичной политики.

Участие заинтересованных социальных актеров в публичной политике не является одномерным и стабильным. Как способ, так и интенсивность участия каждого из социальных актеров меняются в зависимости от пространства и/или времени действия. В самом деле, влияние на политику безопасности дорожного движения конструкторов и создателей машин и автомобилистов различается и во времени, и в пространстве. Или другой пример: специалисты сельского хозяйства наделены большими средствами влияния на аграрную политику страны, чем жители села.

В связи с этим встает вопрос: какие факторы определяют способность влияния на публичную политику? Эти факторы могут быть структурными в том случае, когда они связаны с позицией того или иного социального актера в разделении труда в данном секторе. Они могут выступать как результат способности определенной социальной группы превращаться в коллективного актера и мобилизовать имеющиеся у нее ресурсы. Способность коллективного актера влиять на содержание или осуществление публичной политики может в действительности сильно изменяться в зависимости от степени мобилизации, которую он способен порождать, как показывают примеры координации и объединения людей, «живущих в плохих условиях» или «не имеющих документов»¹.

Какими же должны быть действия государства в процессе выработки и осуществления публичной политики? Государство призвано обеспечить непрерывность действий и взаимодействий социальных групп в рамках публичной политики. При этом социальные группы могут быть как неорганизованные, которые вмешиваются в поле политики эпизодически, иногда стихийно, так и устойчивые, стабильные группы, способные утверждать отношения с властями корпоративистского типа.

Показанные нами подходы при проведении анализа публичной политики являются оправданными и эффективными. Однако они не дают возможности проведения

¹ См.: *Fillieule O., Pechu C. Lutter ensemble / Les théories de l'action collective. P., 1993.*

системного анализа публичной политики. Между тем системный подход, как показал канадский исследователь Винсент Лемье, применим и к анализу публичной политики.

22.4. Системное определение публичной политики

В системном подходе публичная политика рассматривается как система действий по отношению к окружению, целям или проекту, к деятельности и структурам.

Эти действия осуществляются политическими и социальными актерами, чьи отношения структурированы и изменяются во времени.

В рамках системного подхода выделяют пять основных типов объяснения публичной политики. К ним относятся: объяснение окружением, распределением власти, господствующими идеями, институциональной рамкой и процессом принятия решений. Все эти пять типов объяснения неразрывно связаны с понятием системности.

В самом деле, невозможно представить систему без учета окружения ее ядра и взаимодействия последнего с этим окружением. Распределение власти напрямую связано со структурой системы, иначе говоря, со структурированными отношениями между актерами. В случае, когда речь идет о господствующих идеях, встают вопросы целей функционирования политической системы и необходимых решений для их достижения. Институциональная рамка системы дает характеристику правилам, определяющим порядок практической деятельности социальных актеров. И наконец, когда речь идет о «деятельности» в рамках системы, то эта деятельность строится на основе тех решений, которые принимаются для реализации целей системы.

Рассмотрим кратко пять указанных характеристик системного подхода к анализу публичной политики.

Объяснение окружением

Внешнее и внутреннее окружение публичной политики является источником публичного начала в тех проблемах, на решение которых нацелена публичная политика.

Такое понимание основывается на основных трудах Д. Истона¹ и Ж.-В. Лапьерра², посвященных политическим системам.

Общепризнанным в политической науке является факт, что политические решения берут свое начало в окружении системы, где коренятся детерминанты публичной политики. Мы это подчеркиваем потому, что объяснение публичной политики ее окружением предполагает анализ взаимосвязи и взаимозависимости характеристик окружения и характеристик публичной политики.

Впервые такой анализ осуществил американский ученый Т. Дай (1966), который выяснял влияние «выходов» (*output*) политической системы в лице публичной политики американских государств в различных секторах деятельности. Он использовал четыре экономические переменные (урбанизация, индустриализация, здравоохранение и образование) и четыре политические переменные (контроль государства демократами или республиканцами, степень соперничества между партиями, электоральное участие и неравенство в электоральной карте). В итоге он пришел к следующему выводу: экономические переменные в большей мере связаны с публичной политикой, чем политические переменные.

Такой вывод позднее был подвергнут серьезной критике, породив в 80-е гг. дискуссию среди аналитиков публичной политики. Критика была связана с тем, что в указанном подходе недостаточно учитывалось влияние политических факторов, например идеологии политических партий³. В последующем аналитики публичной политики, желая учесть влияние на нее окружения, стремились рассматривать публичную политику через воздействие исторических и географических условий, экономических факторов на поведение элит, масс и правительственных институтов.

Объяснение деятельностью

Объяснение публичной политики на основе рациональной деятельности получило в политической науке до-

¹ См.: Eastone D. A Systems Analysis of Political Life. N. Y., 1965.

² См.: Lapierre J. W. L'Analyse des systèmes politiques. P., 1973.

³ См.: Crête J. Les déterminants des politiques municipales // Landy R. (dir.). Introduction à l'analyse des politiques. Québec, 1980.

статочно широкое распространение. Для понимания такого подхода напомним этапы рационального действия:

- определение проблемы;
- выбор цели;
- выработка решений, которые могут разрешить проблему;
- воздействие на последствия каждого из решений;
- отбор наилучшего по своим последствиям решения по отношению к цели.

Эта модель является нормативной потому, что она предписывает то, что должно быть сделано. Она является нормативной еще и потому, что описывает то, что уже сделано. И тем не менее ее можно называть объяснительной, если исходить из того, что реализация публичной политики подчиняется этой модели.

Модель рационального действия имеет ограниченное поле для применения при объяснении конкретных политических решений. Это связано с тем, что для использования того, что мы называем рациональной моделью, чаще всего нет достаточной информации, не хватает времени для ее получения и использования. Более того, как показывает реальная политическая практика, те, кто принимает участие в выработке решений, имеют различное понимание как самой проблемы, так и цели решений.

Д. Марч и Д. Олсен использовали для анализа различий между публичной политикой в разных политических системах модель рационального выбора в рамках действующих институтов (*institutional rational choice*). Эта модель основывается на учете возможностей и принуждений рационального выбора на основе официальных правил игры.

По своей природе эта объяснительная модель, когда она применяется к публичной политике, обращает внимание на этапы формулировок решений для того, чтобы показать, каким образом индивидуальные или коалиционные актеры стремятся заставить власти выработать или принять выгодные для себя меры и решения при наименьшей цене. При этом оказывается, что возникновение той или иной публичной политики и ее осуществление в меньшей степени привлекали внимание теоретиков и исследователей рассматриваемой школы рационального выбора.

Иной подход предложил Д. Кингдон¹. Он сформулировал так называемую модель «мусорного ящика» (*garbage can model*). Суть ее заключается в том, что публичная политика не является только продуктом рационального действия актеров. Она является результатом столкновения трех течений: течения проблем, течения решения и течения политики, в каждом из которых социальные и политические актеры руководствуются различной рациональностью. Эта рациональность имеет ограниченный характер и сопряжена с разного рода двусмысленностями и неопределенностями. И нередко именно эти двусмысленности и неопределенности в большей мере, чем институциональные факторы, обуславливают действие социальных и политических актеров.

Объяснения отношения между актерами

Для сторонников школы *public choice* (общественного выбора) актерами публичной политики являются индивиды или коалиции индивидов, экономические цели которых являются обычно эгоистическими. Однако такой подход неприемлем для анализа публичной политики. В случае публичной политики актеры — это группы или организации, связанные между собой в «сообщества». Они действуют в рамках «сетей» публичной политики. Авторы этой школы в Великобритании и Канаде² показывают, что сообщества и сети строятся в основном правительственными бюрократиями и неправительственными заинтересованными группами. Это мы покажем позднее, когда будем рассматривать структурную модель публичной политики.

Объяснение при помощи эволюции политик

Объяснение публичной политики через рассмотрение фаз или этапов ее осуществления является в большей степени описательным, нежели объяснительным. Однако такое описание содержит некоторые элементы, которые

¹ См.: Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. N. Y., 1995.

² См.: Coleman W.D., Skogstad G. (dir.). *Policy Communities and Public Policy in Canada*. Mississauga, 1990; Le Gales P., Thatcher M. (dir.). *Les Réseaux de politiques publiques*. P., 1995.

помогают понять эволюцию той или иной публичной политики.

До конца 80-х гг. этапы публичной политики, определенные Лассуэлом¹, широко использовались в анализе. Он предложил 7 этапов решений, а вместе с ними и осуществления публичной политики. Однако большинство исследователей, действовавших в рамках схемы Лассуэла, предпочитали использовать меньшее их число. Они ограничивались 3 или 4 этапами: возникновение, формулирование, адаптация (иногда включается в формулирование) и осуществление, к которым добавляют иногда оценку и окончание.

Сторонники этой типологии показывают, что этапы, как и сама публичная политика, не развиваются линейно и однонаправленно. На любом этапе могут возникнуть попятные, точнее, возвратные движения. Так, скажем, формулирование публичной политики может в определенных ситуациях приводить к возникновению новой или обновленной политики, а осуществление политики нередко предполагает возвращение к этапу формулирования публичной политики и т. п.

Защищая этапный подход, его сторонники настаивают на «турбулентном» характере² развития публичной политики. При внимательном рассмотрении именно создание и использование информации порождает этот турбулентный характер. Получается так, что именно переход от этапа к этапу, в том числе и возвратное проявление перехода, объясняет изменение публичной политики.

Цели актеров

Объяснение публичной политики на основе учета целей актеров получило выражение в модели защитных коалиций (*advocacy coalitions*), в которых, согласно П. Сабатье и Г. Дженкинс-Смиту³, верования актеров в большей мере, чем их интересы, мотивируют действия.

¹ См.: Lasswell H.D. *The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis*. University of Maryland, 1956.

² См.: Monnier E. *Evaluation de l'action des pouvoirs publics*. P., 1992. P. 87.

³ См.: Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C., Sabatier P.A. (dir.). *Theories of the Policy Process*. Boulder, 1999.

«Коалиции», по Сабатье, являются, как мы уже отметили, многолетними союзами, в которых принимают участие обычно актеры более чем из одного эшелона правительства, групп интересов, а также специалисты и эксперты, которые оказывают значительное влияние на публичную политику¹.

Именно верования членов такой коалиции объясняют их действия. Верования располагаются на трех уровнях. Прежде всего — на уровне **фундаментальных верований**. Они связаны с человеческой природой, отношениями людей с природой, приоритетами фундаментальных ценностей и т. д. На основе этих верований выстраиваются действия актеров в конкретной публичной политике. Нужно иметь в виду, что в случае, когда коалиции противостоят друг другу на уровне фундаментальных верований, соглашение невозможно, когда же оппозиция находится на политическом или, назовем его, вторичном уровне, союзнические отношения возможны, а значит, возможным становится и образование коалиции.

Нужно сказать, что модель коалиций, как справедливо отмечает В. Лемье, стала едва ли не основным подходом к анализу публичной политики.

Основные концепции системности и изучения публичной политики

Концепции	Предварительное определение системности	Объяснительные принципы
Деятельность	Публичная политика осуществляется действием	Рациональное действие и его границы
Цель	Ориентация на решение	Верования и убеждения актеров
Окружение	Публичные проблемы в окружении	Детерминанты политики
Структура	Политические актеры, отношения между которыми структурированы	Сети политических актеров
Эволюция	Изменчивость во времени	Этапы политики

Источник: Lemieux V. L'étude des politiques publiques. Les acteurs et leur pouvoir. Les Presses de l'Université Laval, 2002. P. 13.

¹ См.: Bergeron H. et al. L'advocacy coalition framework // Politix. 1998. № 41. P. 195–223.

Пять фундаментальных концепций системности позволяют дать общее определение публичной политики и определить по отношению друг к другу и другие принципиальные объяснительные подходы политики.

Пять основных принципов (мы их вслед за В. Лемье назвали в таблице концепциями) системности представлены в первой колонке. Во второй колонке таблицы представлены дефиниции системности применительно к публичной политике. Наконец, в третьей колонке даны основные подходы в объяснении публичной политики.

Можно ли ограничиваться теми подходами в изучении публичной политики, которые мы изложили выше? Этот вопрос тем более актуален, что рассмотренные нами подходы отражают достаточно адекватно специфику и комплексность публичной политики. И тем не менее сложность, возникающая при обращении к анализу публичной политики, определяется тем, что эта политика ставит ряд вопросов, ответ на которые отыскать не так-то просто.

22.5. Смысл и эффективность публичной политики

При анализе публичной политики прежде всего встает проблема ее смысла. Исследователю публичной политики необходимо знать, раскрывается ли подлинный смысл публичной политики теми, кто правит, или этот смысл зависит от вмешательства в реализацию публичной политики других актеров. Такой вопрос возникает в связи с тем, что в реальной политической практике неизбежно существует **разрыв** между **целями политики**, как они определены теми, кто решает, и **результатами ее** в момент осуществления. Например, война в Персидском заливе, получившая наименование «Буря в пустыне», в качестве **официальной** (явной) цели объявляла стремление США, а также и мирового сообщества положить конец оккупации Кувейта Ираком. Но была ли эта цель **действительной**? С позиций сегодняшнего дня, очевидным является тот факт, что **результатом** войны стало ослабление Ирака. Не в этом ли состояла подлинная цель войны? Такой вопрос может возникнуть, если учесть, что позднее, в 2003 г., США и некоторые из союзников данной страны, вопреки мнению мирового сообщества, под предлогом якобы имевшегося в Ираке оружия массового поражения, вновь начали воен-

ные действия против этой страны, заведомо зная, что такого оружия в Ираке нет. Не потому ли в последнее время лидеры США и Великобритании настойчиво утверждают, что целью операции «Шок и трепет» и последующей оккупации Ирака является утверждение демократии в этой стране. Между тем немало аналитиков утверждают, что целью США в действиях против Ирака является получение доступа к нефтяным богатствам этой страны.

Можно со всей определенностью утверждать, что определение «неявных» целей, присущих всякой политике, является одной из трудноразрешимых проблем. Выяснение таких целей — сложнейшая проблема, ответ на которую нередко не могут найти в полной мере сами участники политики. А если они и дают такие ответы, то это происходит, как правило, задним числом. Почему так происходит? Прежде всего скажем, что сами участники публичной политики, как правило, не способны на начальной фазе предвидеть все последствия своих действий. К этому следует добавить и то, что сам смысл публичного действия и публичной политики модифицируется по мере осуществления политики. И все актеры публичной политики ретроспективно модифицируют свои цели в зависимости от результатов действия, которые они способны наблюдать и оценивать.

А потому при анализе публичной политики необходимо стремиться к тому, чтобы различать ее **явный** смысл, что находит выражение в объявлении властями целей той или иной конкретной политики, и **скрытый (латентный)** смысл, который выявляется в ходе ее осуществления.

Во-вторых, сложным моментом анализа публичной политики является вопрос принятия или непринятия решения, или, говоря иначе, решения или нерешения той или иной проблемы.

Этот вопрос можно отнести к разряду классики анализа публичной политики со времени опубликования работ П. Бахраха и М. Бараца в 60-е гг.¹ Именно эти авторы задались в числе первых вопросом: может ли политика заключаться в том, чтобы ничего не делать? Так, во многих странах Европы, например во Франции, долгие годы актуальной остается проблема подвыпивших граждан за

рулем автомобиля. И тем менее в течение длительного времени решительных мер по преодолению такого явления не предпринимается. Встает вопрос: можно ли это считать политической? Этот вопрос тем более актуален потому, что недействие правительства может приводить к вполне определенным политическим и социальным последствиям, которые могут быть вполне сопоставимы и с результатами действия. При этом заметим, что далеко не всегда мы сталкиваемся с публичной политикой, когда правительство ничего не делает по разрешению той или иной общественной проблемы.

Французские исследователи П. Мюлле и И. Сюрель смогли выделить три случая, когда понятие нерешения может оказаться полезным для понимания публичного действия.

Преднамеренное нерешение соответствует ситуации, когда можно показать, что было стремление политико-административных актеров не решать ту или иную конкретную проблему. Так, в 1983 г., отмечают упомянутые нами авторы, французское правительство приняло «решение» не выходить из европейской валютной системы. Таким образом, «нерешение» проблемы выхода из европейской валютной системы имело многочисленные политические и экономические последствия, что сказалось на экономической политике Франции в том смысле, что страна вынуждена была считаться с европейским измерением рынка, а также с необходимостью проведения политики «сильного франка».

Дискуссионное нерешение соответствует ситуации, когда та или иная конкретная общественная проблема становится объектом активного публичного обсуждения. Французский политолог М. Сетбон, например, указывает в этой связи на проблему борьбы во многих странах Европы против новоявленной в 80-е гг. прошлого столетия болезни иммунодефицита (СПИД). Сам факт возникновения такой борьбы свидетельствует о том, что она была вызвана к жизни в итоге нерешения властями данной проблемы. Значительное влияние в этой борьбе оказывали ученые-медики. В результате власти всех стран были вынуждены, признав опасность данной болезни, проводить необходимые меры по ее профилактике и лечению.

Неосуществление решения соответствует случаю, когда политические решения на одном уровне пред-

¹ См.: Bachrach P.S., Baratz M.S. Decisions et Non Decisions: an Analytical Framework // American Political Science Review, 57. 1963. P. 641–651.

полагают необходимость решений на других уровнях политико-административного управления. Примером может быть ситуация в штатах США: решения федерального правления во многом определяются решениями, принятыми (или не принятыми) на более низких уровнях. Такая практика получила распространение в проведении политики в странах Евросоюза. Решения наднационального уровня политического руководства предполагают одобрение национальных политических органов каждой из стран этого объединения государств.

Публичная политика и публичные расходы

Любая политика в своей реализации предполагает наличие определенных материальных средств, заложенных в бюджете того или иного конкретного государства. И чем больше на проведение той или иной политики выделяется средств, тем более эффективной она может быть. Однако далеко не всегда финансовые возможности становятся предпосылкой эффективности публичной политики.

Эффективность публичной политики не обязательно пропорциональна расходам, которые с ней связаны. Известно, например, что санитарное состояние того или иного общества не всегда прямо пропорционально определяется расходами государства на здравоохранение. Первостепенное значение в такого рода оценках приобретают критерии эффективности политики. Требуется оптимальная оценка соотношения средств и результатов публичной политики. Можно утверждать: чем выше результаты той или иной политики, тем больше есть гарантия того, что средства на ее реализацию будут отпускатся немалые.

Существует и расхожее убеждение в том, что слабофинансируемая политика обладает и слабым влиянием в обществе. Это не всегда так. Например, определение новой юридической формулы предприятия способно оказать значительное воздействие на результаты его деятельности, несмотря на незначительную стоимость. Подобное можно сказать о такой мере, как легализация контрацептивов. Последствия широкого их внедрения не идут ни в какое сравнение с ценой указанной легализации. Взять пример институциональной политики, которая фиксирует границы политической и административной деятель-

ности. Изменение таких границ не является дорогостоящим действием, а результаты могут быть значительными. Так, введение института федеральных округов и полномочных представителей президента в них было не очень дорогостоящим делом, а результаты достаточно высокими в вопросах эффективности политического управления. Это в полной мере относится к процессам децентрализации, воздействие которой бывает весьма значительным, а стоимостное выражение, наоборот, малозначительным.

Наконец, каковой бы ни была природа публичной политики, необходимо учитывать ее **символическое измерение**¹. Это вид измерения, воздействие которого осуществляется через построение образа мира, изменяющего представления актеров о своем окружении. Так, отдельное лицо не знает точно, какое воздействие на загрязнение окружающей среды оказала практика чередующегося пользования гражданами личным транспортом в Париже, введенная специальным решением в октябре 1997 г. Однако точно известно, хотя это трудно измерить, что это решение оказало эффективное воздействие на **восприятие** проблемы загрязнения воздуха парижанами.

22.6. Публичная политика и программный подход

Большинство исследований публичной политики долгое время основывались на **программных подходах**². Они связаны с тем, что политика подразделяется на серию программ действий, которые соответствуют одновременно **описанию реальности и созданию идеального типа** публичного действия. Эти программы позволяют следить за развитием политики через некоторое число этапов (**stagist approach**). Течение каждого из этих этапов происходит таким образом, как если бы актеры, участвующие в политическом процессе, должны были разрешать последовательные загадки, зная, что их разгадка определит постепенно контуры публичной политики.

1. Введение в повестку дня (**agenda setting**) поведения актеров, связанного с идентификацией, и/или опре-

¹ См.: Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1976.

² См.: Jones C O An Introduction to the Study of Public Policy. Belmont, 1970.

делением, и/или построением проблемы, которую нужно осветить. Это отражает условия генезиса публичного действия и регулирует его осуществление в соответствии с воздействием на *вход (input)* политической системы (катастрофа, восстание, раскрытие цифр безработицы и т. д.).

2. Производство решений или альтернатив обеспечивает поиск путей достижения желаемых целей и/или адаптацию к проблеме (*policy formulation*).

3. Затем следует решение в собственном смысле слова. Речь идет о программе наиболее видимой, но ее очень трудно точно изолировать в меру того, насколько она выходит за институционную рамку.

4. Осуществление (*implementation*) касается исполнения (или неисполнения) выработанных и формально адаптированных решений со времени осуществления предшествующей программы.

5. Оценка (*policy evaluation*) заключается в определении воздействия программы: «Каким был эффект определенных решениями и осуществленной политики?», «Соответствует ли эффект ожиданиям?», «Нужно ли изменять политику в ее концепции или реализации?». Такие вопросы должны сопровождать приведенную выше фразу.

6. Окончание (*program termination*) представляет очень спорную программу для сторонников самого программного подхода, скрывая двусмысленный вопрос «исчезновения политики» и/или реализации поставленных целей.

Программированный подход получил достаточно широкое распространение в политической практике, представляя возможность получения значительных выгод. Политологи указывают на бесспорные козыри, которые политики получают в итоге использования программированного подхода. В качестве первого козыря выступает способность определения на основе такого подхода рамки анализа публичного действия. Эта рамка вводит, хотя бы минимально, необходимый порядок в действиях и решениях властей, на основе которых формируется и осуществляется публичная политика. Это особенно важно отметить потому, что любая конкретная публичная политика отличается своим комплексным характером, что затрудняет действия как политиков, так и аналитиков. В виде программы политика как бы превращается в самостоятельный политический «объект», наделенный собствен-

ной *логикой*, которую можно идентифицировать и анализировать, а значит, имеется возможность оптимального воздействия на нее со стороны государства и общества.

Ученые, занимающиеся изучением публичной политики, отмечают и еще одно преимущество программного подхода. Оно заключается в том, что программированный подход выводит анализ публичной политики за рамки юридических представлений и аргументаций по поводу действий государства. Такой подход позволяет иметь более социологическое видение как действий государства, так и публичного действия. Это означает, что помимо юридических норм и правил учитывается воздействие на политику всех социальных актеров, участвующих в публичном действии.

Вместе с тем программированный подход может приводить к нежелательным последствиям. С чем это связано? Это связано с известной односторонностью видения публичного действия на основе рассматриваемого подхода. Эта односторонность может получать выражение в недооценке хаотического (неорганизованного) характера публичной политики. Так, нередко и аналитики, и политики акцентируют свое внимание на изучении всего того, что связано с процессом решения, как бы в обход фазы идентификации проблемы. Наглядный пример тому — политика льгот, которая долгие годы проводилась в нашей стране в отношении ветеранов войны и труда и других категорий населения, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства. И только в последнее время законодатели и государственные руководители обратили свое внимание на проблему адресной поддержки каждого (подчеркнем это — каждого!) ветерана войны и труда. И это в корне преобразует социальную политику государства.

Специалисты, изучающие проблематику публичной политики, обращают внимание и на такую проблему. В традиционном подходе к анализу политики, как правило, полагается, что ее объектом является разрешение проблемы. Так, скажем, сельскохозяйственная политика нацелена на разрешение проблем крестьянства, а социальная политика — на разрешение проблемы бедности.

Такое понимание проблемы имеет два главных следствия.

Первое — переоценивается функция решения в политике. Получается так, что проводить политику — значит

принимать и осуществлять решения. В таком случае, как отмечают П. Мюлле и И. Сюрель, нужно исходить, напротив, из идеи, согласно которой *публичная политика не служит делу «разрешения» проблем*. Это не означает, что проблемы неразрешимы. Это означает, что процесс «решения» является более комплексным по сравнению с представлениями программного подхода. В действительности проблемы «разрешаются» самими социальными актерами через осуществление своих стратегий, через разрешение своих конфликтов и особенно через *процесс обучения*, которым отмечен всякий процесс публичного действия. В этих рамках публичная политика характеризуется построением и преобразованием *смыслового пространства*, внутри которого актеры ставят и переопределяют свои «проблемы», «исследуют», а также принимают в конечном счете решения. Осуществлять публичную политику не означает «разрешать» проблемы. Это означает построение нового *представления*, которое определяется социально-политическими условиями его понимания обществом, а это, в свою очередь, и структурирует действия государства.

Второе последствие, идущее от переоценки функции разрешения проблемы (*problem solving*): публичная политика не является только пространством конфронтации между теми, кто принимает решения (*decision makers*). Оно представляет собой полноценное измерение политической функции в обществе. С одной стороны, как мы уже видели, публичная политика означает местный порядок, т. е. систему конкретного действия, внутри которого социальные актеры мобилизуют различные ресурсы (технические, организационные и т. п.), ставя их на службу комплексной стратегии власти, стремящейся реализовать более или менее определенные цели.

Но публичная политика означает также ее проведение в жизнь на основе и иных средств, выходящих за рамки программной интерпретации. Публичная политика строится также на основе комбинирования того, что мы называем в политической науке регулированием и легитимацией общественных отношений. Политика, как мы отмечали выше, — это процесс построения смысла. А это означает, что ее невозможно свести к совокупности организационных стратегий и усилий. Публичная политика

является элементом политического участия¹; она строится с учетом конкуренции и/или взаимодействия между традиционными способами участия (голосование или прямые социальные действия). Это позволяет связать политики (в смысле *policies*) с динамикой и актерами, которые характеризуют политику (*politics*), и с процессами и взаимодействиями, которые способствуют образованию и изменению *polity*.

¹ См.: Cobb R.W., Elder C.D. Op. cit.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1

Объект и предмет политической социологии	5
1.1. Объект политической социологии	5
1.2. Предмет политической социологии	10
1.3. Научный характер политической социологии	15

Глава 2

Политическое объяснение	32
2.1. Политическое объяснение на основе принципа социального принуждения	33
2.2. Интегрированное принуждение (П. Бурдьё)	39
А. Структурирование социального пространства	40
Б. Механизм символического принуждения	41
В. Клеймо абсолютного господства	43
2.3. «Методологический индивидуализм»	44
А. «Утилитаристский» индивидуализм	44
Б. «Ограниченная рациональность» актера (М. Крозье)	47
2.4. Системный анализ	48
2.5. Системный подход Д. Истона	61
2.6. Политическое объяснение и политическая философия	70

Раздел II. ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Глава 3

Место политики в общественной жизни	76
3.1. Что такое политика?	76
3.2. Предназначение политики	83
3.3. Локализация политики	89
А. Социальный контроль и единство политики	90
Б. Государство: дифференциация, специализация и автономизация политической власти	96

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 4

Основания политической власти	102
4.1. Дефиниция понятия «власть»	102
4.2. Лики власти	107
4.3. Власть и господство	110
4.4. Легитимность и политический порядок	119

Раздел III. ГОСУДАРСТВО КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 5

Становление государственности	131
5.1. Динамика государственного строительства	135
А. Феодалное общество	135
5.2. Возникновение автономного пространства политики	139
А. Депатримониализация политической монополии	146
Б. Автономизация политической власти по отношению к социальным силам	150
5.3. Бюрократическое государство	153

Глава 6

Государство и нация	181
6.1. Две концепции нации... на службе одного и того же политического проекта	162
А. Нации как культурные общности	162
Б. Нации как политические общности	165
6.2. Нация и национализм	172
А. Воображаемое сообщество	172
Б. Разновидности национализма	175
6.3. Национализм и государство	180
6.4. Государство и строительство нации	187

Глава 7

Траектории развития государств	194
7.1. «Сильное государство» и «слабое государство» как выражение характера отношений государства и общества	195
7.2. Религия и политика	201
7.3. Ресурсы и траектории государственно-национального строительства	210
7.4. США как идеальный тип «слабого государства»?	215
7.5. Универсализация государства: динамика и перспективы	220
А. Экономическое развитие и политическая модернизация	222
Б. Влияние зависимости	224

В. Экспортирование, импортирование, гибридизация.....	228
--	-----

Раздел IV. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Глава 8

Понятие «политический режим»	238
8.1. Политическая философия и поиск «наилучшего режима».....	241
8.2. Шарль Монтескье и современная юридическая типология политических режимов.....	254
8.3. Различия политических режимов	266
8.4. Марксизм и политический режим	274
8.5. Социологический подход к политическим режимам.....	275
А. Многопартийные и однопартийные политические режимы.....	276
Б. Процедурный подход к демократии.....	281

Глава 9

Авторитаризм	289
9.1. Понятие «авторитаризм».....	290
9.2. Основные признаки авторитаризма и его разновидности	295
9.3. Категории анализа авторитарных ситуаций.....	297
9.4. Популизм как категория политической социологии.....	309
9.5. Современный бюрократический авторитаризм.....	316

Глава 10

Тоталитаризм	322
10.1. Понятие «тоталитаризм»	322
10.2. Предпосылки возникновения тоталитарного политического режима.....	324
10.3. Признаки тоталитаризма	326
10.4. Разновидности тоталитаризма.....	330
10.5. Тоталитаризм и современность	332

Глава 11

Основы современной демократии	334
11.1. Либеральная демократия	335
А. Человеческие основания и неопределенность политики	335
Б. Свобода против абсолютизма	338
В. Институционализация политических свобод.....	343
11.2. Представительная демократия	346
А. Принцип представительства	346
Б. Принцип и формы представительного правления	349

В. Меняющийся режим.....	353
--------------------------	-----

Раздел V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Глава 12

Политическая культура	357
12.1. Сущность и понятие «политическая культура».....	357
12.2. Функции политической культуры.....	361
12.3. Структура политической культуры	363
12.4. Типология политической культуры	370
12.5. Общее и особенное в политической культуре.....	374

Глава 13

Политическая социализация	378
13.1. Процесс политической социализации	379
13.2. Этапы политической социализации	382
13.3. Политическая социализация в школе	387
13.4. Политическая социализация, осуществляемая с помощью телевидения	392
13.5. Функции политической социализации	393
13.6. Политические ориентации	394
13.7. Политические ориентации и система личности.....	396
13.8. Политические ориентации и символические системы.....	399

Раздел VI. УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Глава 14

Коллективное действие. Социальные движения	401
14.1. Понятие «социальные движения»	402
14.2. Формы коллективного действия.....	403
А. Репертуар коллективного действия	403
Б. Формы коллективного действия: стратегия под принуждением	406
14.3. Толпа и социальное действие	409
14.4. К. Маркс и коллективное действие.....	421
14.5. Модели «относительной фрустрации» и коллективное действие	424
14.6. Экономический взгляд на социальные движения.....	429
14.7. Теория «мобилизации ресурсов» и социальные движения.....	432
А. Организации и предприниматели социальных движений.....	433
Б. Обершалл Э. и переоценка социального.....	434
В. Переоценка политики.....	436
Г. Рост активистского обязательства	439
14.8. Новые социальные движения	440

Глава 15

Политическое участие	443
15.1. Понятие «политическое участие»	444
А. Политическое участие и священность	447
Б. Два типа политических действий	450
В. Интерес к политике — начало участия	450
15.2. Типология политического участия	453
А. Способы политического участия	456
15.3. Факторы политического участия	459
А. «Биосоциальные» факторы политического участия	460
Б. Падение масштабов политического участия	463
15.4. Факторы абсентеизма	465
А. Отказ от политической игры?	466
Б. Социальная позиция и электоральное участие	466
В. Влияние конъюнктуры голосования	469

Раздел VII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ**Глава 16**

Гражданство: понятие и сущность	472
16.1. Гражданство и формирование политического сообщества	473
А. Равенство граждан как необходимость	474
16.2. Измерения гражданства	483
А. Юридический статус как система прав и обязанностей граждан	483
Б. Система нормативных ценностей и представлений	486
В. «Обычные» представления граждан	490

Глава 17

Гражданство и голосование	495
17.1. Становление всеобщего голосования и его политические последствия (на примере Франции)	495
А. Тайное голосование	496
Б. «Конец нотаблей»	498
17.2. Профессиональные политики как политическая сила	500
17.3. Голосование и насилие в условиях демократии	509
А. Мирный характер и сакрализация акта голосования	510
Б. Изменение характера политического насилия	511
В. Демократия, голосование и насилие	512

Глава 18

Избиратель и его электоральное поведение	514
18.1. Экологический анализ голосования	515
А. Зигфрид как основоположник электоральной социологии	516
Б. Среда как историческое наследие	518
18.2. Социальная принадлежность и голосование	521
А. Первая версия социологической парадигмы	521
Б. Парадигма Мичигана	523
18.3. Избиратель как стратег	527
А. Избиратель, свободный от стороннической идентификации?	527
18.4. Является ли избиратель рациональным?	533
18.5. Информация и выбор избирателя	539
А. Влияние СМИ в ходе избирательной кампании	539
18.6. Влияние опросов общественного мнения на избирателя	547

Глава 19

Политические партии	549
19.1. Понятие «политическая партия»	549
19.2. Происхождение и структура политической партии	553
19.3. Функции политической партии	558
19.4. Типология партий	562

Глава 20

Политические сообщества	569
I. Группы давления	
20.1. Понятие «группы давления»	570
20.2. Типология групп давления	573
20.3. Средства воздействия групп давления	581
20.4. Функции групп давления	584
II. Корпоративизм	
20.5. Понятие и политическая роль корпоративизма	586
20.6. Плюсы и минусы корпоративизма	588
III. Общественные организации и движения	
20.7. Понятие «общественные организации», «общественные движения» и их функции	590

Раздел VIII. ПРАВЛЕНИЕ**Глава 21**

Политические элиты и лидеры	593
21.1. Понятие «политическая элита»	593
21.2. Первооткрыватели теории элит	595

21.3. Макиавеллизм и теоретические интерпретации элитизма	601
21.4. Типология и структура элит	609
21.5. Социальная представительность и рекрутирование элиты	613
21.6. Политическая элита российского общества	616

Глава 22

Публичная политика	619
22.1. Научное определение публичной политики	622
22.2. Публичная политика как социальное и исследовательское создание	633
22.3. Публичная политика как нормативная рамка действия и выражение публичной силы	639
22.4. Системное определение публичной политики	647
22.5. Смысл и эффективность публичной политики	653
22.6. Публичная политика и программный подход	657

Учебное издание

Желтов Виктор Васильевич
Желтов Максим Викторович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Компьютерная верстка

А. Болдин

Корректоры

Т. Андрианова, Т. Коновалова

ООО «Академический Проект»

Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.

111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
 Федеральной службы по надзору в сфере защиты
 прав потребителей и благополучия человека
 № 77.99.60.953.Д.003959.04.08 от 22.04.08.

*По вопросам приобретения книги просим обращаться
 в ООО «Трикта»:*

111399, Москва, ул. Мартеновская, 3
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aproject.ru
www.aproject.ru

Подписано в печать 23.03.09.

Формат 84×108/32. Гарнитура BalticaC.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28.

Тираж 2000 экз. Заказ № 2139.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
 предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
 610033, г. Киров, ул. Московская, 122
 Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80
<http://www.gipp.kirov.ru>
 e-mail: pto@gipp.kirov.ru

В.В. Желтов, М.В. Желтов

Политическая социология

Учебное пособие написано в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. На богатом отечественном и зарубежном материале в пособии последовательно рассматриваются основные блоки курса политической социологии: политическая власть, государство, политические режимы, политическое участие, политические силы и управление.

Рекомендуется студентам и преподавателям политологических, социологических, юридических, исторических факультетов, а также читателям, интересующимся политикой и историей политической мысли.

ISBN 978-5-8291-1070-3

9 785829 110703